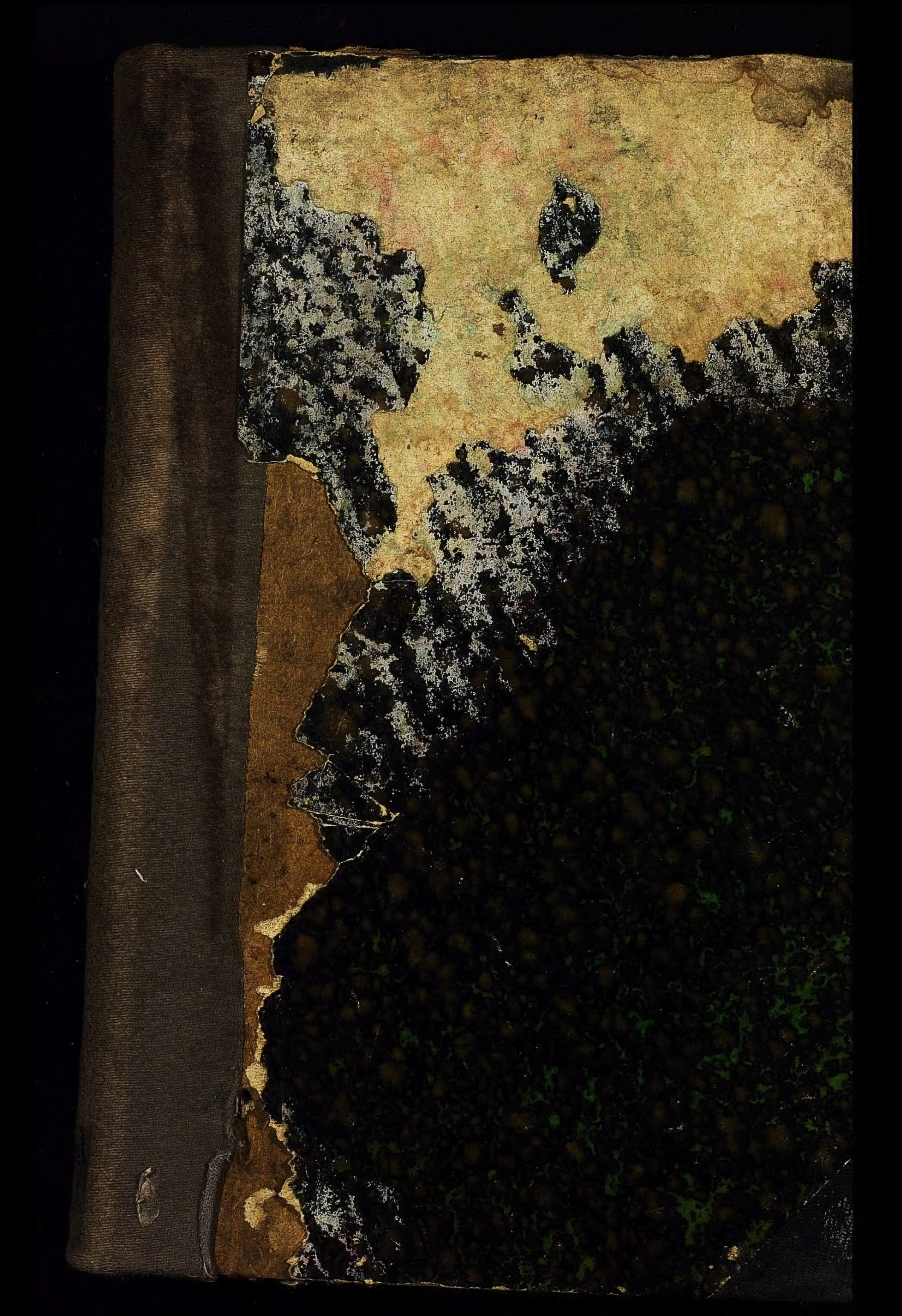
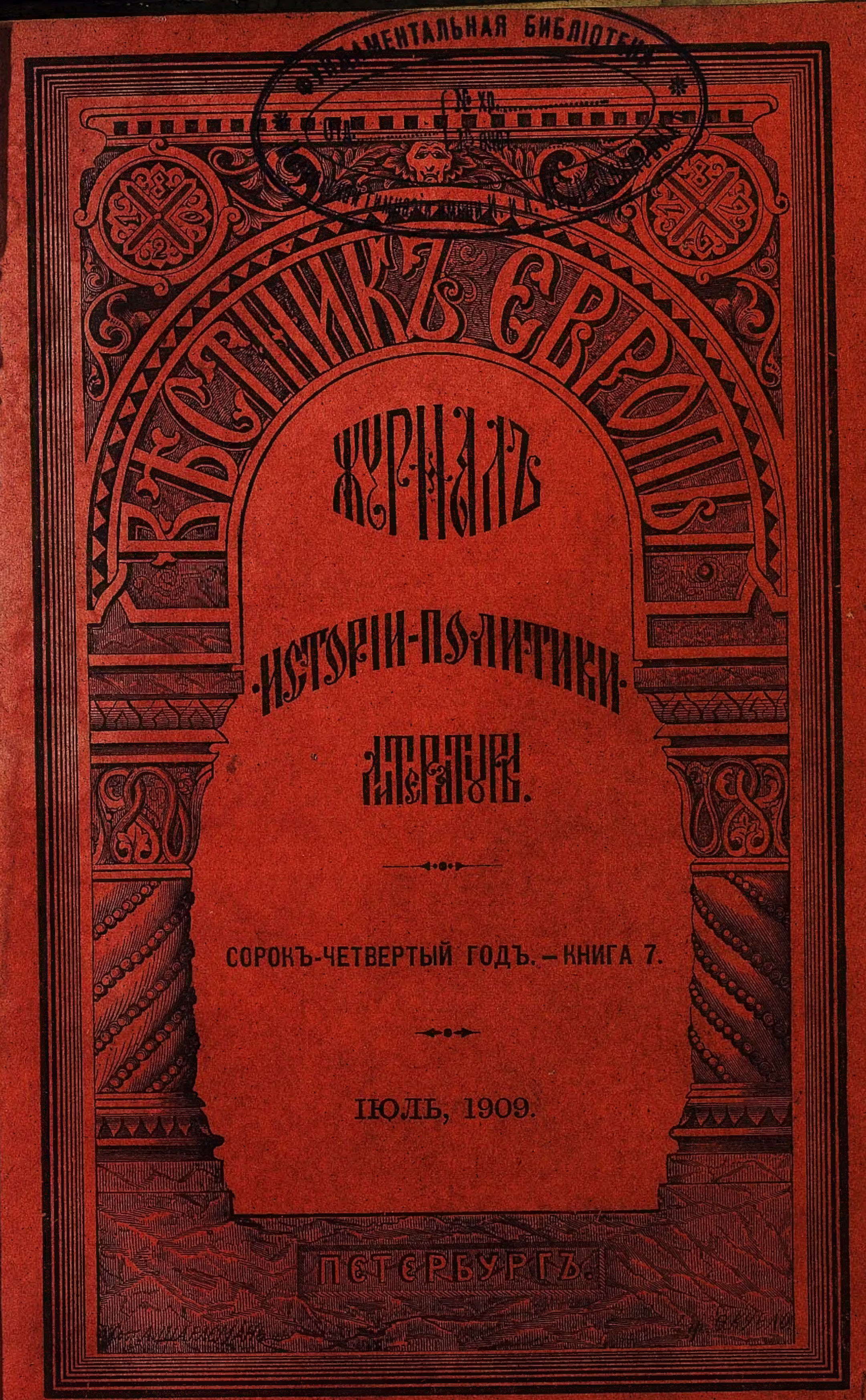

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1909.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXXIV. — ТОМЪ CDXXXII. — 1/14 ІЮЛЯ 1909.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ–ПОЛИТИКИ–ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1909

3902

ДВѢ ЖИЗНИ

VIII *).

От Спенсера вернемся къ Марксу.

Высланный изъ Парижа министерствомъ Гизо, Марксъ, проживъ нѣсколько времени въ Брюсселѣ, возвратился въ Германію послѣ мартовскихъ событій 1848-го года, издавалъ около года „Новую Рейнскую Газету“, два раза былъ преданъ суду, но оправданъ и, наконецъ, вынужденъ былъ покинуть Германію. Попытка устроиться въ Парижѣ не увѣнчалась успѣхомъ, и Марксъ избралъ Лондонъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Такимъ образомъ жизнь его стала протекать рядомъ съ жизнью Спенсера. Но какъ различны были пути, по которымъ оба властителя думъ второй половины протекшаго столѣтія одинаково шли къ храму славы! Спенсеръ положилъ начало своей литературной извѣстности, какъ мы видѣли, „Трактатомъ о соціальной статикѣ“, гдѣ, отступая отъ принциповъ индивидуализма и государственнаго невмѣшательства, проповѣдывалъ, между прочимъ, мысль о выкупѣ правительствомъ земельной собственности частныхъ лицъ, съ цѣлью упраздненія латифундій; Марксъ же отъ критики прудоновскаго принципа взаимности — въ сочиненіи, озаглавленномъ „Нищета философіи“; отвѣтъ на „Философію бѣдности“,—критики, въ которой впервые высказывается имъ доктрина историческаго матеріализма, почти одновременно развиваемая и Лоренцемъ Штейномъ въ его „Исторіи французскаго соціализма“ [1]), перешелъ къ открытой проповѣди коммунизма въ

*) См. іюнь, стр. 495.

[1]) Оно вышло впослѣдствіи подъ заглавіемъ: „Понятіе объ обществѣ и соціальная исторія французской революціи“.

знаменитомъ „Манифестѣ“, написанномъ имъ въ концѣ 1847 г. „Манифестъ“ этотъ долженъ былъ служить программой дѣятельности для того „Союза справедливыхъ“, который вызвалъ Маркса въ Лондонъ на конгрессъ, самъ превратился лѣтомъ 1848 г. въ „Союзъ коммунистовъ“ и поручилъ Марксу изложеніе своихъ основныхъ принциповъ въ печатномъ обращеніи, въ свое время мало замѣченномъ, но сдѣлавшемся въ наши дни знаменемъ соціалъ-демократіи всего міра. Въ этомъ „Манифестѣ“ проводится идея классовой борьбы, какъ долженствующей окончиться торжествомъ пролетаріата. Массовыя выступленія рабочихъ разсматриваются въ немъ какъ послѣдствіе привлеченія ихъ буржуазіей къ поддержкѣ ея политическихъ задачъ. Рабочіе борются не со своими врагами, а съ врагами своихъ враговъ, съ пережитками абсолютной монархіи, съ земельными собственниками, съ непромышленной буржуазіей и мелкимъ мѣщанствомъ. Но разъ вовлеченный въ борьбу пролетаріатъ, послѣ того какъ достигнута будетъ побѣда надъ абсолютизмомъ и феодализмомъ, вступитъ въ единоборство съ буржуазіей и обезпечитъ окончательное торжество соціальнаго равенства. Можно сказать, что изданіемъ этого „Манифеста“, какъ и редактированіемъ „Новой Рейнской Газеты“, ограничилось дѣятельное участіе Маркса въ освободительномъ движеніи конца сороковыхъ годовъ. Марксъ, послѣ пережитыхъ имъ событій, постепенно приходитъ къ заключенію, что революціонный подъемъ исчерпалъ всѣ свои силы. Въ рецензіи на книгу Шеню: „О заговорщикахъ“ онъ очень опредѣленно высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ ускорить ходъ событій путемъ конспираціи. Такихъ людей онъ называетъ алхимиками революціи. Они изощряются въ изобрѣтеніяхъ, призванныхъ, въ ихъ глазахъ, совершить чудеса, и не желаютъ считаться съ тѣми предпосылками, безъ которыхъ никакое движеніе не можетъ найти почвы. Марксъ ждалъ конца революціоннаго періода между прочимъ потому, что промышленный кризисъ, поддерживавшій броженіе, по его оцѣнкѣ долженъ былъ прекратиться. Промышленный подъемъ охватилъ всю Европу—а въ тотъ моментъ, когда промышленныя силы буржуазнаго общества широко развиваются, нельзя было, по мнѣнію Маркса, разсчитывать на успѣхъ соціальнаго переворота. Нечего и говорить, что такая проповѣдь не удовлетворяла идеологовъ революціи въ родѣ Бакунина. Онъ писалъ о ней Анненкову, извѣстному издателю Пушкина и другу Тургенева, что Марксъ „портитъ въ Брюсселѣ рабочихъ, обращая ихъ въ резонеровъ“. И въ союзѣ, отъ имени котораго изданъ былъ „Мани-

фестъ", нашлись рѣшительные противники его реализма. Они рѣзко обвиняли Маркса въ томъ, что онъ измѣнилъ революціи и сталъ постепеновцемъ. Виллихъ былъ во главѣ недовольныхъ. На засѣданіи „Союза коммунистовъ" 15 сентября 1850 г. Марксъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ оба непримиримыя теченія въ средѣ своей партіи. „На мѣсто критическаго міровоззрѣнія—говорилъ Марксъ—большинство ставитъ догматическое, на мѣсто матеріалистическаго—идеалистическое, на мѣсто реальныхъ отношеній двигателемъ революціи признается имъ одна воля революціонеровъ". Столкновеніе кончилось исключеніемъ Маркса, Энгельса и ихъ единомышленниковъ изъ „Союза коммунистовъ". Продолжавшіеся дрязги и расколъ въ средѣ нѣмецкой эмиграціи въ Лондонѣ настолько стали докучать Марксу, что онъ рѣшилъ отгородиться отъ сторонниковъ искусственно вызываемой соціальной революціи и сосредоточилъ свою дѣятельность на долгіе годы на научныхъ занятіяхъ. Онъ не отказывался въ то же время давать по временамъ свое вѣское сужденіе о событіяхъ текущей политики, поскольку она затрогивала судьбы рабочихъ, и переписывался съ этой цѣлью съ тѣми людьми, кого, какъ Лассаля, событія постепенно выдвигали на первый планъ. Поселившись въ Лондонѣ, Марксъ принужденъ былъ обезпечить себѣ средства къ жизни сотрудничествомъ въ американскихъ газетахъ. Въ декабрѣ его жена пишетъ своимъ знакомымъ: „Днемъ Карлъ работаетъ ради насущнаго хлѣба, отправляя корреспонденціи въ нью-іоркскую „Tribune". По ночамъ же онъ сидитъ за книгами, чтобы закончить свою „Политическую экономію", т.-е. готовитъ первый томъ „Капитала". Г-жа Марксъ высказываетъ надежду, что найдется же какой-либо издатель для этой книги. Пятью годами ранѣе Марксъ не раздѣлялъ этой надежды. Въ 1852 г. въ одномъ изъ его писемъ мы читаемъ: „Въ Германіи теперь ни одно книгоиздательство не рѣшится печатать написанное мною. Остается только издавать на свой счетъ, что̀ для меня, при моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, невозможно". Хотя, повидимому, и въ 1857 г. не было увѣренности, что издатель найдется, Марксъ тѣмъ не менѣе посвящалъ большую часть своего времени и подготовительнымъ работамъ въ Британскомъ музеѣ, и редакціи перваго тома, такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что послужитъ интересамъ рабочей партіи всего болѣе построеніемъ того, что̀ онъ называлъ „научнымъ соціализмомъ". Въ одномъ изъ его писемъ къ Кугельману мы читаемъ: „Популярными научныя попытки революціонированія науки никогда

быть не могутъ. Но какъ только научныя основы положены, популяризація ихъ—дѣло легкое".

Хотя Марксъ и желалъ, одно время, уйти всецѣло въ научную работу, но обстоятельства сложились такъ, что ему временно пришлось если не пріостановить, то восполнить ее дѣятельной агитаціей въ пользу созданія „интернаціонала". По случаю открывшейся второй всемірной выставки въ Лондонѣ (1862) отправлена была императоромъ французовъ, вмѣстѣ съ экспонатами, и цѣлая группа рабочихъ. Она встрѣтила въ Англіи радушный пріемъ столько же со стороны туземныхъ тружениковъ, сколько со стороны нѣмецкихъ и польскихъ. Когда, два года спустя, въ Лондонъ вновь прибыла делегація французскихъ рабочихъ, стоявшій въ ея главѣ Толенъ, въ отвѣтъ на привѣтственныя слова англичанъ, на собраніи 27 сентября 1864 г. заявилъ, что капитализмъ представляетъ собою международное бѣдствіе, почему для борьбы съ нимъ необходима и международная организація рабочихъ. Собравшіеся 28 сентября приняли слѣдующую резолюцію: „выслушавъ отвѣтъ нашихъ французскихъ братьевъ на представленный имъ адресъ, мы вторично привѣтствуемъ ихъ, и такъ какъ ихъ программа должна способствовать единенію рабочихъ, то мы принимаемъ ее какъ основу международнаго объединенія". Въ томъ же засѣданіи избранъ былъ комитетъ, которому поручено было выработать статуты вновь возникавшаго общества. Въ число членовъ комитета выбранъ былъ и Марксъ. На одномъ изъ засѣданій приняты были выработанные имъ письменное обращеніе и временные статуты. Въ нихъ значилось, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ ихъ собственныхъ рукъ, что всѣ ихъ движенія терпѣли неудачу отъ недостатка духа солидарности и братскаго единенія, что освобожденіе труда представляетъ собою не мѣстную, національную, а международную задачу, что необходимо установить непосредственную связь между доселѣ обособленными стремленіями тружениковъ разныхъ странъ и что всему этому отвѣчаетъ созданіе международнаго союза рабочихъ. Обращеніе къ рабочимъ всѣхъ странъ — такъ называемый „general adress" — написано Марксомъ болѣе сдержанно, чѣмъ „коммунистическій манифестъ", но весьма выпукло проводитъ ту мысль, что главной задачей должно быть завоеваніе политической власти. Поддержка государствомъ кооперативныхъ союзовъ рабочихъ немыслима, пока власть въ рукахъ однихъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ. Марксъ открыто высказывается за государственное вмѣшательство въ отношенія труда и капитала и привѣтствуетъ

билль о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ, какъ побѣду, не только практическую, но и принципіальную. „Впервые—пишетъ онъ—политическая экономія буржуазіи была побѣждена политической экономіей рабочихъ классовъ“. Первый конгрессъ „Международнаго общества рабочихъ“ созванъ былъ въ Женевѣ 3 сентября 1866 г. Марксъ, занятый приготовленіемъ перваго тома „Капитала“, не могъ отлучиться изъ Лондона. Въ письмѣ къ Кугельману, объясняя причину своего отсутствія, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Я считаю, что подготовляемый мною трудъ важнѣе для рабочаго класса, чѣмъ все, что я могъ бы сдѣлать на какомъ бы то ни было конгрессѣ“.

Отсутствіе Маркса было использовано его принципіальными противниками. Делегаты отъ романскихъ странъ разошлись съ нѣмецкими по вопросу о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, который послѣдніе желали регулировать, тогда какъ первые не допускали и упоминанія о возможности для женщинъ и дѣтей покидать семейные очаги. На дальнѣйшихъ конгрессахъ еще болѣе сказалась та же рознь. Бакунину удалось собрать вокругъ себя группу делегатовъ, открыто ставившихъ себѣ задачей походъ противъ самаго существованія государства и государственной власти. Расколъ выступилъ съ полною силою на конгрессѣ въ Гагѣ. Нападки бакунистовъ на генеральный совѣтъ „интернаціонала“ имѣли въ виду главнымъ образомъ Маркса. Эти нападки были отбиты. Конгрессомъ принята была слѣдующая резолюція: въ своей борьбѣ за освобожденіе рабочіе должны объединиться въ политическую партію и отмежеваться отъ всѣхъ старыхъ партій. Концентрація силъ проявлена была до тѣхъ поръ лишь въ экономической борьбѣ. Необходимо обнаружить ее и въ борьбѣ съ политическимъ вліяніемъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Столкновеніе кончилось исключеніемъ бакунистовъ изъ „интернаціонала“, созданіемъ ими особаго союза „alliance de la démocratie socialiste“ и перенесеніемъ центральнаго управленія „интернаціоналомъ“ въ Нью-Іоркъ. Марксъ поддерживалъ это предложеніе, храня однако надежду, что скоро настанутъ лучшія времена, и „интернаціоналу“ снова придется занять руководящую роль въ дѣлахъ рабочихъ Стараго Свѣта.

Можно сказать, что съ этого момента Марксъ отошелъ отъ международнаго руководительства рабочимъ движеніемъ. Онъ не прекратилъ однако своихъ сношеній съ вожаками нѣмецкаго пролетаріата, съ Лассалемъ, а позднѣе Бебелемъ и Либкнехтомъ, и продолжалъ горячо полемизировать съ политическими и идейными противниками. Воспользовавшись матеріаломъ, доставленнымъ ему

Николаемъ Утинымъ, онъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ напечаталъ чрезвычайно рѣзкій обвинительный актъ противъ той организаціи анархической молодежи романскихъ странъ въ особый „союзъ соціалистической демократіи", къ которой обратился Бакунинъ съ момента исключенія его самого со сторонниками изъ „интернаціонала". Хотя въ партіи Бакунина и было нѣсколько выдающихся людей, въ томъ числѣ Элизè Реклю, французскій эмигрантъ Гильомъ и нашъ соотечественникъ П. Кропоткинъ, но преобладающее значеніе имѣла въ ней революціонно настроенная литературная молодежь Апеннинскаго и Иберійскаго полуостровов̆ъ, болѣе идейно, чѣмъ матеріально связанная съ успѣхами рабочаго движенія. Марксъ не оставлялъ также безъ возраженія выпадовъ, дѣлаемыхъ на него изъ лагеря соціалистовъ такими, напримѣръ, писателями, какъ Дюрингъ. Извѣстная брошюра Энгельса „О мнимомъ переворотѣ, произведенномъ въ наукѣ" берлинскимъ привагъ-доцентомъ, была несомнѣнно внушена Марксомъ и отразила на себѣ его взгляды.

Мнѣ пришлось познакомиться съ авторомъ „Капитала" въ самый разгаръ этой полемики съ бакунистами и Дюрингомъ. При первомъ же знакомствѣ Марксъ подарилъ мнѣ обѣ брошюры. Изъ моихъ рукъ онѣ перешли къ профессору Зиберу и использованы были имъ въ рядѣ статей частью въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" и издававшемся мною впослѣдствіи въ Москвѣ „Критическомъ Обозрѣніи", частью въ „Отечественныхъ Запискахъ". Моимъ знакомствомъ съ Марксомъ я обязанъ былъ человѣку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену парижской коммуны. Рекомендовавшій меня былъ однимъ изъ двухъ авторовъ дневника, веденнаго во все продолженіе возстанія и озаглавленнаго: „Революція 18 марта". Несмотря на такую рекомендацію, Марксъ отнесся ко мнѣ на первыхъ порахъ съ большой подозрительностью— такъ сильно онъ былъ предубѣжденъ противъ русскихъ со времени, какъ онъ выражался, измѣны Бакунина. Первые наши разговоры касались по преимуществу поведенія его бывшаго пріятеля, котораго онъ самъ ввелъ въ круги международной эмиграціи Лондона и который одно время собирался быть переводчикомъ перваго тома „Капитала" на русскій языкъ. Эта задача, какъ извѣстно, была выполнена впослѣдствіи Николаемъ —ономъ, при участіи Германа Лопатина. Въ Лондонѣ въ первую зиму мнѣ пришлось быть у Маркса всего нѣсколько разъ. Онъ жилъ неподалеку отъ Regent-Park или, точнѣе, его продолженія, извѣстнаго подъ названіемъ: Maitland Park, въ полукругломъ скверѣ (Crescent). Я помню еще номеръ его жи-

лица—41. Марксъ занималъ весь домъ. Въ первомъ этажѣ помѣщалась его библіотека и гостиная. Здѣсь обыкновенно онъ и принималъ своихъ знакомыхъ. Въ это время двѣ его старшія дочери были уже замужемъ. Одна вышла за члена парижской коммуны Лонге, другая—за извѣстнаго теперь писателя, Поля Лафарга; младшая — Элеонора, которую дома звали Дюси,—увлекалась въ это время театромъ, игрою Эрвинга въ шекспировскихъ пьесахъ и одно время думала посвятить себя сценѣ.

Я особенно сблизился съ Марксомъ лѣтомъ на водахъ въ Карлсбадѣ. Мы почти ежедневно дѣлали совмѣстныя прогулки по горамъ и настолько сошлись, что въ письмахъ того времени, недавно обнародованныхъ въ журналѣ „Былое", онъ относитъ меня къ числу своихъ „научныхъ друзей" (scientific friends). Марксъ работалъ въ это время надъ вторымъ томомъ своего трактата, намѣревался отвести въ немъ значительное мѣсто порядку накопленія капиталовъ въ двухъ сравнительно новыхъ странахъ—Америкѣ и Россіи, получалъ, поэтому, немало книгъ изъ Нью-Іорка и Москвы. Его можно было считать полиглотомъ. Онъ не только свободно говорилъ по-нѣмецки, по-англійски, по-французски, но могъ читать на русскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и румынскомъ языкахъ. Читалъ онъ массу и нерѣдко бралъ у меня книги, въ томъ числѣ двухтомный трактатъ по исторіи земельной собственности въ Испаніи и извѣстное сочиненіе Моргана „Древнее общество", привезенное мною изъ моего перваго путешествія въ Америку. Оно доставило матеріалъ для надѣлавшей шумъ брошюры Энгельса „О происхожденіи семьи".

Знать Маркса—значило быть также приглашаемымъ на воскресные вечера у Энгельса, нажившаго значительное состояніе въ Манчестерѣ, гдѣ у него была фабрика, и охотно принимавшаго у себя и членовъ семьи Маркса, и постороннихъ посѣтителей, по преимуществу нѣмцевъ. Самъ Марксъ допускалъ къ себѣ постороннихъ людей съ разборомъ. Многіе изъ извѣстныхъ европейскихъ писателей, въ томъ числѣ Лавелэ, тщетно выражали ему желаніе вступить съ нимъ въ личное знакомство. Онъ сторонился отъ нихъ, жалуясь на нескромность газетныхъ и журнальныхъ интервьюеровъ, разъ они являлись его идейными противниками. Изъ англичанъ онъ былъ въ хорошихъ, но все же далекихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами кружка позитивистовъ, въ особенности съ проф. Бислэ, принимавшимъ въ то время участіе въ изданіи демократической газеты „Bee-hive" (пчелиный улей). Я встрѣчалъ у Маркса также не разъ извѣстнаго англійскаго соціалиста Гайдмана, въ то время еще быв-

шаго въ лагерѣ торіевъ и весьма сочувственно относившагося къ Дизраэли. Нельзя сказать, чтобы Марксъ въ это время хорошо былъ извѣстенъ въ англійскихъ литературныхъ кругахъ. Его „Капиталъ" не былъ еще переведенъ на англійскій языкъ, и успѣхъ его ограничивался пока двумя странами — Германіей и Россіей. Появленіе первой части „Капитала" подало поводъ теперешнему профессору Петербургскаго университета Илларіону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и въ общемъ сочувственный этюдъ въ „Вѣстникѣ Европы". Впослѣдствіи о „Капиталѣ" Маркса писалъ немало и русскій экономистъ Зиберъ, авторъ сочиненія „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ". Но изъ всего написаннаго о „Капиталѣ" въ Россіи Марксъ всего болѣе цѣнилъ статью Кауфмана. Русская экономическая и историческая литература интересовала его. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются ссылки на „Желѣзнодорожное хозяйство" А. И. Чупрова. Одно изъ его писемъ ко мнѣ посвящено оцѣнкѣ книги Карѣева „Крестьянскій вопросъ во Франціи XVIII в.", а послѣ кончины Маркса Энгельсъ показывалъ мнѣ обширную тетрадь выписокъ изъ моей книги „Объ общинномъ землевладѣніи". Марксъ, долго работавшій въ библіотекѣ Британскаго музея и до нѣкоторой степени надорвавшій этой работой свое здоровье, привыкъ къ чтенію оффиціальныхъ отчетовъ, подобныхъ англійскимъ „Blue books", и поэтому не прочь былъ получать изъ Россіи казенныя изданія, касавшіяся желѣзнодорожнаго хозяйства, хода кредитныхъ операцій и т. д. Николай—онъ и я посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорѣйшимъ окончаніемъ всего сочиненія, шутя грозила мнѣ, что перестанетъ давать мнѣ баранью котлетку (chop), если я своими присылками буду мѣшать ея мужу поставить давно ожидаемую точку. Марксъ нѣсколько разъ передѣлывалъ второй и третій томы „Капитала". Онъ собирался закончить все сочиненіе „критической исторіей экономическихъ доктринъ", но эта часть его намѣреній такъ и осталась невыполненной.

Будничные дни Маркса уходили на работу. Онъ отводилъ сравнительно небольшое число часовъ на корреспонденціи въ нью-іоркскую газету „Tribune". Остальное время онъ сидѣлъ дома за пересмотромъ и исправленіемъ уже написанныхъ частей своего сочиненія. Его библіотека, помѣщавшаяся въ комнатѣ въ три окна, была составлена исключительно изъ рабочихъ книгъ, которыя нерѣдко въ большомъ безпорядкѣ разбросаны были на письменномъ столѣ и креслахъ. Иногда мнѣ приходилось заставать его за работой, и Марксъ до такой степени былъ погруженъ въ нее,

что ему не сразу удавалось перейти на разговоръ о чемъ другомъ отъ предмета, непосредственно овладѣвшаго его вниманіемъ. Въ воскресенье онъ любилъ гулять въ паркѣ съ семьею, но и во время этихъ прогулокъ темой для разговоровъ служили нерѣдко вопросы, весьма отдаленные отъ дѣйствительности. Это не значитъ, однако, чтобы онъ не увлекался политикой. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ за чтеніемъ газетъ, и не только англійскихъ, но всего міра. Я однажды засталъ его за чтеніемъ „Romanul" и имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что онъ вполнѣ свободно справляется съ мало кому доступнымъ румынскимъ языкомъ. За все время моего знакомства съ нимъ онъ только однажды отлучился изъ Лондона и уѣхалъ на нѣсколько недѣль въ Карлсбадъ. Его пропустили черезъ Германію только подъ условіемъ не оставаться въ ней болѣе нужнаго для проѣзда числа дней. Въѣздъ въ Парижъ оставался для Маркса запретнымъ со времени министерства Гизо. Тьеръ и Макъ-Магонъ едва-ли охотно открыли бы ему доступъ во Францію послѣ выхода въ свѣтъ его „Гражданской войны"—попытки защитить коммуну, только что подавленную въ крови версальскимъ правительствомъ.

Что всего болѣе поражало въ Марксѣ—это его страстное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ политики. Оно мало мирилось съ тѣмъ спокойнымъ объективнымъ методомъ, который онъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ и который для всѣхъ явленій долженъ былъ отыскивать экономическія предпосылки. Если мы возьмемъ такіе вопросы, какъ вопросъ польской независимости, то не удивительнымъ ли покажется найти въ Марксѣ ея энергическаго поборника, совершенно не считавшагося съ обычными заявленіями, что польскій вопросъ, будто бы, вопросъ о поддержаніи соціальной розни пановъ и шляхты, съ одной стороны, и разноплеменнаго съ ними простонародья—съ другой. Отношеніе Маркса къ Россіи, несмотря на увлеченіе русской молодежи его сочиненіемъ и на то обстоятельство, что, за исключеніемъ Германіи, онъ нигдѣ при жизни не пользовался такимъ успѣхомъ, какъ въ нашей средѣ, ничѣмъ существенно не отличалось отъ тѣхъ предубѣжденій, какія питали къ ней революціонеры 48 г., видѣвшіе въ Россіи оплотъ всякой реакціи и гасителя демократическихъ и либеральныхъ вспышекъ. Марксъ самъ не прочь былъ сознаться, что его до нѣкоторой степени поражаетъ то признаніе, какое онъ встрѣчаетъ въ средѣ моихъ соотечественниковъ. Г. Берлинъ приводитъ слѣдующій интересный отрывокъ изъ его переписки съ Кугельманомъ. Въ октябрѣ 1868 г. Марксъ пи-

шетъ своему другу: „Иронія судьбы такова, что русскіе, противъ которыхъ я уже двадцать пять лѣтъ выступалъ не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ и англійскомъ языкахъ, всегда были моими доброжелателями. Въ 1843 — 44 гг. въ Парижѣ русскіе аристократы носили меня на рукахъ. Мое сочиненіе противъ Прудона, т.-е. „Нищета философіи", вышедшее въ 47 г., какъ и изданная Дункеромъ „Критика политической экономіи", отъ 59 г., не нашли нигдѣ бо̀льшаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. Первая иностранная нація, переведшая „Капиталъ"—русская. Все это впрочемъ нельзя цѣнить слишкомъ высоко", продолжаетъ Марксъ и объясняетъ затѣмъ свой успѣхъ въ Россіи слѣдующимъ соображеніемъ. „Русская аристократія въ юности воспитывается въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда гонится за тѣмъ, что̀ Западъ представляетъ самаго крайняго. Это для нея простая гастрономія, та самая гастрономія, какой занималась часть французской аристократіи въ XVIII вѣкѣ". Новый біографъ Маркса справедливо замѣчаетъ, что авторъ „Капитала" имѣлъ, однако, возможность убѣдиться въ томъ, что его мысли встрѣчали сочувствіе и серьезный интересъ далеко не въ одныхъ высшихъ слояхъ русскаго общества. Въ 1867 г. Марксъ получилъ изъ Петербурга отъ нѣкоего Іосифа Дицгена, мастера Владимірской фабрики кожевенныхъ издѣлій, письмо слѣдующаго содержанія: „Вашу первую книгу, „Критику политической экономіи", я въ свое время проштудировалъ весьма прилежно и признаюсь, что ни одно сочиненіе не дало мнѣ такъ много новыхъ положительныхъ знаній и такого яснаго пониманія предмета". Первый томъ „Капитала" возбудилъ въ Дицгенѣ совершенный энтузіазмъ. „Вы помогли намъ—пишетъ онъ—проникнуться сознаніемъ, что производство носитъ стихійный характеръ. Предпосылку вашей глубоко обоснованной политической экономіи составляетъ глубоко обоснованная философія". Изъ писемъ Николая—она и изъ статей Кауфмана и Зибера Марксъ могъ убѣдиться, что молодые экономисты въ Россіи съ увлеченіемъ относятся къ его взглядамъ и готовы слѣдовать ему въ критикѣ господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатлѣніе, получаемое имъ изъ Россіи, должно было еще усилиться отъ сопоставленія съ тѣмъ систематическимъ игнорированіемъ его работы, въ какомъ повинны были до послѣдняго времени англійскіе экономисты. Въ моемъ присутствіи Гайдманъ сообщилъ Марксу слѣдующій фактъ. Вслѣдъ за популярной лекціей извѣстнаго англійскаго экономиста Леви о „гармовіи интересовъ", назначено было собесѣдованіе; на немъ Гайдманъ рѣшился высказать сомнѣніе, чтобы интересы всѣхъ

классовъ общества были согласованы между собою, находились въ гармоніи. Въ подтвержденіе своего скептицизма онъ сослался на „Капиталъ“ Маркса. „Я не знаю такого сочиненія“, послѣдовалъ отвѣтъ Леви... „Капиталъ“ Маркса переведенъ былъ на англійскій языкъ только послѣ смерти автора и лишь въ слабой степени проникъ въ среду англійскихъ экономистовъ. Я не встрѣтилъ ссылокъ на него въ сочиненіи наиболѣе авторитетнаго изъ нихъ, Маршалла, тогда какъ, наоборотъ, съ Марксомъ считается такой, напр., выдающійся писатель-экономистъ, какъ Адольфъ Вагнеръ, постоянно выступающій съ критикой отдѣльныхъ взглядовъ „Капитала“.

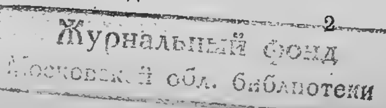
Въ тѣ годы, когда я посѣщалъ воскресныя собранія въ № 41 Maitland Park Crescent или встрѣчался съ Марксомъ у Энгельса, авторъ „Капитала“ велъ, въ общемъ, замкнутую жизнь. Она всецѣло уходила на научную работу, задачи которой Марксъ понималъ весьма широко. Ему сплошь и рядомъ приходилось посвящать недѣли и мѣсяцы чтенію сочиненій по экономической исторіи, въ частности по исторіи землевладѣнія, которыя имѣли лишь косвенное отношеніе къ его главной темѣ. Онъ возобновилъ также занятія математикой, дифференціальными и интегральными вычисленіями, для того, чтобы сознательно отнестись къ только-что возникавшему тогда математическому направленію въ политической экономіи, во главѣ котораго мы находимъ нынѣ такихъ ученыхъ, какъ Эджворсъ, и какимъ во времена Маркса являлся уже Джевонсъ. Начитанность автора „Капитала“ въ экономической литературѣ, въ частности—въ англійской, была громадна; но ее нельзя сравнить съ той „Belesenheit“, какой блещутъ нѣмецкіе профессора и въ числѣ ихъ Рошеръ, эта „bête noire“ автора „Капитала“, не разъ снабжавшаго свое сочиненіе примѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: „Г. Рошеръ поспѣшилъ поддержать своимъ авторитетомъ приведенную банальность“. Въ своихъ отдаленныхъ предшественникахъ Марксъ умѣлъ найти жизненныя, допускающія дальнѣйшее развитіе начала. Если за послѣднее время экономисты заинтересовались „Политической ариѳметикой“ и другими сочиненіями Вильяма Петти, современника Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собраніе его сочиненій, но и рядъ мемуаровъ о Петти и при томъ почти на всѣхъ языкахъ образованнаго міра, то этимъ мы въ значительной степени обязаны Марксу. Знакомство съ исторіей экономическихъ доктринъ позволяло автору „Капитала“ сразу опредѣлять степень оригинальности писателей, умѣвшихъ привлечь къ себѣ общественное вниманіе бьющей въ глаза формой своихъ произведеній. Говоря

это, я имѣю въ частности въ виду Джорджа, увлеченіе которымъ одно время приняло въ Англіи размѣры, довольно близкіе къ тѣмъ, въ какихъ сказалось въ XVIII в. увлеченіе личностью и доктринами Руссо. Марксъ едва ли не первый замѣтилъ, что въ ученіи автора „Прогрессъ и бѣдность“ повторяются воззрѣнія физіократовъ на земледѣліе, какъ на единственный источникъ чистаго дохода, и на единый земельный налогъ, какъ долженствующій поглотить въ пользу государства бо́льшую часть ренты. Въ бумагахъ Маркса найдена была критическая статья, направленная противъ Джорджа и доказывающая односторонность и непріемлемость его выводовъ. Она появилась въ печати уже послѣ смерти Маркса.

Большинство имѣетъ невѣрное представленіе о психологіи человѣка, который проповѣдывалъ классовую борьбу, какъ единственное средство для рабочихъ достигнуть общественной справедливости—той „social justice“, о которой напоминалъ англичанамъ XVIII-го в. пользовавшійся сочувствіемъ Маркса Годвинъ.

Обыкновенно рисуютъ себѣ Маркса мрачнымъ и высокомѣрнымъ отрицателемъ буржуазной науки и буржуазной культуры. На самомъ же дѣлѣ это былъ въ высшей степени воспитанный англо-нѣмецкій джентльмэнъ, вынесшій изъ тѣснаго общенія съ Гейне веселость, связанную съ способностью къ остроумной сатирѣ, человѣкъ жизнерадостный, благодаря тому, что личныя его условія сложились какъ нельзя болѣе благопріятно. Марксъ въ большей степени, чѣмъ кто-либо изъ людей, съ какими мнѣ приходилось встрѣчаться въ моей жизни, не исключая даже Тургенева, имѣлъ право говорить о себѣ, какъ объ однолюбѣ. Въ ранней молодости онъ встрѣтился съ дѣвушкой изъ высшаго круга, Fräulein von Westphalen, и влюбился въ нее, какъ можно только влюбляться въ студенческие годы. Семья Westphalen была шотландскаго происхожденія и въ родствѣ съ герцогами Аргайль. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. Въ минуту безденежья въ Парижѣ онъ рѣшился заложить въ мѣстномъ ломбардѣ фамильное серебро, полученное имъ въ приданое за женою. На этомъ серебрѣ нашли гербъ Аргайлей и задержали Маркса, какъ присвоившаго себѣ чужое достояніе. Я слышалъ этотъ разсказъ отъ самого Маркса, который сопровождалъ его громкимъ и добродушнымъ смѣхомъ. Дженни Вестфаленъ была въ дѣтствѣ товарищемъ по играмъ мальчика Карла. На четыре года она была старше его. Здоровая, веселая, красивая. „Самая красивая изъ дѣвушекъ Трира“, какъ ее называли, она уже подросткомъ сдѣлалась царицей баловъ. Марксъ не успѣлъ еще окончить гимназіи, какъ влюбился въ подругу

своихъ дѣтскихъ игръ. Уѣзжая въ университетъ, онъ тайно обручился со своей невѣстой. Старикъ Вестфаленъ, какъ разсказывалъ мнѣ Марксъ, принадлежалъ къ числу людей, увлеченныхъ доктриною Сенъ-Симона, и одинъ изъ первыхъ заговорилъ о ней съ будущимъ авторомъ „Капитала". Судьба разметала его дѣтей въ разныя стороны: одного сдѣлала членомъ прусскаго реакціоннаго министерства, другого—борцомъ за свободу негровъ въ междоусобной войнѣ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Америки. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ младшая дочь Маркса—та, которую мы по-просту звали „Дюси",—сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ теченіе всей своей жизни Марксъ, который изъ Берлина прислалъ три толстыхъ тетради своихъ стихотвореній любимой имъ дѣвушкѣ, былъ буквально влюбленъ въ свою жену". „Передо мной лежитъ — пишетъ Элеонора Марксъ въ статьѣ, напечатанной въ „Neue Zeit" 1897 г.,—любовное письмо отца. По страстному юношескому огню, съ которымъ оно написано, можно было бы думать, что авторъ его восемнадцати-лѣтній юноша. Но оно отправлено было Марксомъ не ранѣе, какъ въ 1856 г., когда любимая имъ Дженни подарила его уже шестью дѣтьми". Ближайшій въ то время другъ Маркса, Бруно Бауэръ, говоря о его невѣстѣ, пишетъ ему: „Она способна перенесть съ тобою все, что только можетъ случиться". Эти слова были пророческими. Марксъ, никогда не располагавшій значительнымъ достаткомъ, нерѣдко испытывалъ нужду, но Дженни съ философскимъ и въ то же время веселымъ равнодушіемъ относилась къ этимъ превратностямъ судьбы, озабоченная только однимъ, чтобы ея „дорогой Карлъ" не удѣлялъ слишкомъ много времени на пріобрѣтеніе средствъ къ жизни. Рѣдко кто принималъ такъ радушно въ своей скромной обстановкѣ, какъ жена Маркса, и рѣдко кто умѣлъ болѣе сохранить въ своей простотѣ пріемы поведенія и внѣшній обликъ того, что французы называютъ „une grande dame". Марксъ и съ сѣдой бородою любилъ начинать новый годъ танцемъ съ своей женою или съ пріятельницей Энгельса. Я самъ однажды присутствовалъ при томъ, какъ онъ весьма ловко прошелся съ своими дамами подъ музыку въ торжественномъ маршѣ. Когда эти воспоминанія возстаютъ въ моей памяти, я рѣшительно отказываюсь примирить съ ними то, что говорилъ мнѣ о Марксѣ извѣстный географъ Элизэ Реклю, другъ и ученикъ Бакунина и Кропоткина, а потому лишенный необходимой объективности при оцѣнкѣ принципіальнаго противника. По словамъ Реклю, Марксъ, принимая членовъ международнаго общества рабочихъ, въ томъ числѣ и самого Реклю, не выходилъ изъ задней части своей го-

стиной и держался по близости къ бюсту Зевса Олимпійскаго, которымъ эта гостиная была украшена, какъ бы подчеркивая тѣмъ свою принадлежность къ числу великихъ типовъ человѣчества. Такая ходульность совершенно несогласна съ представленіемъ о человѣкѣ, который настолько зналъ себѣ цѣну, что не видѣлъ надобности подчеркивать свое значеніе внѣшними пріемами. Приходитъ мнѣ на умъ еще одинъ семейный обѣдъ у Марксовъ. Они принимали прибывшую изъ Капской земли сестру Карла, съ двумя ея сыновьями. Сестра никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что ея братъ—вожакъ соціалистовъ, и настаивала передо мною на той мысли, что оба они принадлежатъ къ уважаемой въ Трирѣ семьѣ пользовавшагося всеобщимъ сочувствіемъ адвоката. Марксъ дурачился и заливался юношескимъ смѣхомъ. Съ мнимымъ величіемъ Маркса не связывалась также его готовность придти запросто пообѣдать, нерѣдко подъ условіемъ, чтобы одновременно съ нимъ не былъ приглашенъ его слишкомъ болтливый зять. Не прочь былъ Марксъ пойти со знакомыми въ театръ, послушать Сальвини въ роли Гамлета или несравненно болѣе цѣнимаго имъ Эрвинга. Помню я также, какъ мы засѣдали съ Марксомъ вмѣстѣ въ Aegyptian Hall, задѣтые оба за живое точнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ фокусовъ спиритовъ человѣкомъ, заявлявшимъ, что онъ былъ въ ихъ средѣ, повторяетъ то, чему научился, но не настолько простъ, чтобы объяснить публикѣ, какъ онъ это дѣлаетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ перестанутъ бывать на его представленіяхъ.

Дѣля свои привязанности между семьями своихъ двухъ замужнихъ дочерей и старымъ другомъ Энгельсомъ, платившимъ ему болѣе, чѣмъ взаимностью, Марксъ посвящалъ имъ весь свой досугъ. Круглый день онъ занятъ былъ серьезнымъ, всецѣло захватившимъ его научнымъ трудомъ, и все же находилъ время съ жаромъ отзываться на всѣ вопросы, такъ или иначе задѣвавшіе интересы рабочей партіи вообще и нѣмецкой соціалъ-демократіи въ частности. Изъ ея вожаковъ онъ болѣе другихъ цѣнилъ Бебеля; въ меньшей степени—Либкнехта. Онъ не разъ жаловался на то, что послѣдній испорченъ Лассалемъ, и прибавлялъ, шутя и сердясь: трудно ввести свѣжую мысль въ голову нѣмецкаго привать-доцента (такимъ именно приватъ-доцентомъ, по словамъ Маркса, и былъ Либкнехтъ). Съ какою страстностью Марксъ относился и въ пожиломъ возрастѣ ко всякимъ попыткамъ остановить нормальные успѣхи рабочей партіи въ связи съ общимъ развитіемъ страны, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Я случайно находился въ его би-

бліотекѣ въ ту самую минуту, когда до Маркса дошло извѣстіе о неудавшемся покушеніи Нобелинга на престарѣлаго императора Вильгельма. Марксъ отозвался на это извѣстіе словами проклятія по адресу неудачнаго террориста и тутъ же объяснилъ, что отъ его преступной попытки ускорить ходъ событій можно ждать только одного — новыхъ преслѣдованій противъ соціалистовъ. Къ сожалѣнію, исполненіе пророчества не заставило себя ждать: Бисмаркомъ изданы были извѣстные законы, значительно затормазившіе успѣшное развитіе нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Поступленіе мое профессоромъ въ Московскій университетъ положило конецъ моему двухгодовому, почти еженедѣльному обмѣну мыслями съ авторомъ „Капитала". Мы первое время изрѣдка продолжали писать другъ другу. При посѣщеніи лѣтомъ Лондона я возобновлялъ мои визиты, обыкновенно по воскресеньямъ, вынося каждый разъ изъ нашихъ свиданій новый стимулъ къ научнымъ работамъ въ области исторіи экономическаго и общественнаго развитія европейскаго Запада. Очень вѣроятно, что безъ знакомства съ Марксомъ я бы не занялся ни исторіей землевладѣнія, ни экономическимъ ростомъ Европы, и сосредоточилъ бы свое вниманіе въ большей степени на ходѣ развитія политическихъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что такія темы прямо отвѣчали преподаваемому мною предмету. Марксъ знакомился съ моими работами и откровенно высказывалъ о нихъ свое сужденіе. Если я пріостановилъ печатаніе моего перваго большого сочиненія объ административной юстиціи во Франціи и въ частности о юрисдикціи налоговъ въ ней, то отчасти подъ вліяніемъ отрицательнаго отзыва, какой данъ былъ мнѣ о моемъ трудѣ Марксомъ. Онъ болѣе одобрительно относился къ попыткѣ раскрыть прошлое земельной общины или изложить ходъ развитія семейныхъ порядковъ съ древнѣйшихъ временъ, на основаніи данныхъ сравнительной этнографіи и сравнительной исторіи права. Научная критика также весьма интересовала его; онъ былъ въ числѣ внимательныхъ чтецовъ издаваемаго мною одно время „Критическаго Обозрѣнія", быть можетъ единственнымъ въ Англіи. Годы, проведенные мною въ Италіи, Испаніи, а затѣмъ въ Америкѣ — послѣдніе годы жизни Маркса. По возвращеніи въ Европу, я узналъ о двойномъ его горѣ: о смерти жены и старшей дочери. Я слышалъ также, что по причинѣ разстроеннаго здоровья Марксъ принужденъ былъ провесть цѣлую зиму въ Алжирѣ. Еще въ тѣ годы, когда я почти еженедѣльно бывалъ у него, онъ жаловался на боль въ груди. Но такъ какъ его тѣлосложеніе не отвѣчало представленію о человѣкѣ, стра-

дающемъ чахоткой, всѣ его близкіе объясняли эти жалобы его мнимой мнительностью. Оказалось, однако, что Марксъ надорвалъ свое здоровье неумѣренной работой въ библіотекѣ Британскаго музея. Зима, проведенная имъ на югѣ, была ненастной. Марксъ простудился и вернулся въ Лондонъ еще болѣе больнымъ, чѣмъ прежде. Энгельсъ разсказывалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ его жизни. И этотъ разсказъ довольно близокъ къ тому описанію, какое мы находимъ у его русскаго біографа, такъ какъ оно въ концѣ концовъ заимствовано изъ писемъ того же Энгельса къ его другу Зорге. Жена Маркса скончалась въ декабрѣ 1881 г. Годъ спустя умерла старшая дочь Маркса, госпожа Лонге. Марксъ тщетно искалъ забвенія въ усиленной работѣ надъ окончаніемъ своего „Капитала". Здоровье его все болѣе и болѣе ухудшалось. Въ промежутокъ между двумя смертями онъ принужденъ былъ уѣхать на югъ. Вернувшись больной, онъ вскорѣ пораженъ былъ извѣстіемъ о кончинѣ дочери. Этого новаго удара онъ не въ состояніи былъ вынести. 14 марта 1883 г., на 67-мъ году жизни, Марксъ умеръ за своимъ рабочимъ столомъ. „Быть можетъ докторское искусство—пишетъ Энгельсъ—и могло бы обезпечить Марксу еще нѣсколько лѣтъ растительной жизни, но такого существованія Марксъ не вынесъ бы. Жить при сознаніи невозможности закончить работы—несравненно тяжелѣе, чѣмъ безъ особыхъ мученій переселиться въ вѣчность".

Мои воспоминанія о Марксѣ относятся къ эпохѣ, слѣдовавшей уже за выходомъ его наиболѣе полнаго и законченнаго труда: первой части „Капитала". Марксъ вступилъ уже въ это время въ седьмой десятокъ, но сохранялъ еще всю свою бодрость и жизнерадостность. Анненковъ зналъ его за годъ до революціи 1848 г., слѣдовательно молодымъ человѣкомъ, на 31-мъ году жизни. Интересно сравнить съ моими впечатлѣніями тѣ, какія нашъ извѣстный писатель вынесъ изъ своей встрѣчи съ Марксомъ въ Брюсселѣ. По словамъ Анненкова, будущій авторъ „Капитала" представлялъ изъ себя человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимыхъ убѣжденій. „Онъ былъ замѣчателенъ и по внѣшности. Съ густой черной шапкой волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ наискось, онъ имѣлъ видъ человѣка, требующаго признанія и имѣющаго право на него. Всѣ его движенія были смѣлы и самонадѣянны, всѣ пріемы обращенія горды и презрительны. Рѣзкій голосъ, звучащій какъ металлъ, удивительно шелъ къ радикальнымъ приговорамъ, имъ произносимымъ. Надъ его безаппеляціонными сужденіями царила рѣзкая до боли нота увѣренности въ своемъ

призваніи управлять людьми, вести ихъ за собою. Передо мной стояла—заканчиваетъ Анненковъ — олицетворенная фигура демократическаго диктатора. Контрастъ съ недавно покинутыми мною на Руси типами былъ самый рѣшительный".

Въ моемъ воображеніи Марксъ выступаетъ съ менѣе рѣзкими чертами. Демагогъ примирился въ его лицѣ съ общественнымъ философомъ, съ однимъ изъ тѣхъ мудрецовъ, которые думаютъ, что они нашли ключъ къ пониманію столько же прошлаго, сколько и настоящаго. Этимъ ключемъ для Маркса было въ мое время ученіе о прибавочной стоимости труда — стоимости, поступающей въ руки капиталиста-предпринимателя. Послѣ выхода уже второго и третьяго томовъ „Капитала", изъ которыхъ оказывается, что Марксъ примирялъ свою теорію прибавочной стоимости съ теоріей рыночной цѣны, опредѣляемой спросомъ и предложеніемъ, его послѣдователи стали въ большей мѣрѣ подчеркивать его историческій матеріализмъ, освѣщеніе имъ всѣхъ событій прошлаго и настоящаго измѣненіями въ техникѣ производства и обусловленными ими перемѣнами въ экономическомъ укладѣ и политической надстройкѣ общества. Изъ бесѣдъ съ Марксомъ нетрудно было вынести убѣжденіе, что фундаментомъ его экономическихъ и историческихъ доктринъ была философія Гегеля. Онъ однажды сказалъ мнѣ въ упоръ, что логически можно мыслить только по діалектическому методу, ну а не-логически—хотя бы и по позитивному. Дидактическій тонъ, какой нерѣдко принималъ Марксъ и который свидѣтельствовалъ о его самоувѣренности, вытекалъ, по-моему, изъ убѣжденія въ неоспоримости того пріема мышленія, какой былъ данъ ему гегелевской философіей въ толкованіи ея радикальныхъ послѣдователей, въ ихъ числѣ—знаменитаго Фейербаха. То, что многимъ казалось въ Марксѣ отталкивающей несдержанностью и угловатостью, имѣло источникомъ эту увѣренность. Первая встрѣча Маркса съ Энгельсомъ едва не повела къ разрыву. Марксъ былъ такимъ же упорнымъ гегеліанцемъ, какимъ Энгельсъ въ то время — ортодоксальнымъ послѣдователемъ Шеллинга. Обѣ системы были непримиримы, и будущіе друзья, сошедшіеся въ концѣ концовъ въ культѣ Гегеля, одно время разошлись какъ враги. То, что французы называютъ cassant, выступало въ обращеніи Маркса даже въ меньшей степени, чѣмъ у другого послѣдователя гегелевской философіи—русскаго мыслителя Чичерина. Презрительное отношеніе обоихъ другъ къ другу обусловливалось тѣмъ, что каждый обвинялъ противника въ неправильномъ пониманіи діалектическаго метода и связывалъ съ этимъ не-

прочность полученныхъ имъ результатовъ, тогда какъ въ дѣйствительности источникомъ разномыслія были субъективныя пристрастія, одного — къ коммунистическому строю (я разумѣю Карла Маркса), а другого—къ индивидуалистическому, сильно окрашенному, впрочемъ, государственностью. Нетерпимые въ основныхъ вопросахъ жизни и духа, оба—и Марксъ въ большей степени, чѣмъ Чичеринъ—были покладисты въ своихъ личныхъ сношеніяхъ. За два года моего довольно близкаго общенія съ авторомъ „Капитала" я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающаго то третированіе старшимъ младшаго, какое я въ равной степени испыталъ въ моихъ случайныхъ встрѣчахъ и съ Чичеринымъ, и съ Львомъ Толстымъ. Карлъ Марксъ въ большей степени былъ европейцемъ и хотя, можетъ быть, не высоко цѣнилъ своихъ „друзей только по наукѣ" (scientific friends), предпочитая имъ товарищей въ классовой борьбѣ пролетаріата, но въ то же время былъ настолько благовоспитанъ, чтобы не проявлять этихъ личныхъ пристрастій въ своемъ поведеніи. На разстояніи двадцати пяти лѣтъ я продолжаю сохранять о немъ благодарную память, какъ о дорогомъ учителѣ, общеніе съ которымъ опредѣлило до нѣкоторой степени направленіе моей научной дѣятельности. Съ этимъ представленіемъ связано и другое, а именно то, что въ его лицѣ я имѣлъ счастіе встрѣтиться съ однимъ изъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ вождей человѣчества, которые по праву могутъ считаться его великими типами, такъ какъ въ свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивныхъ теченій общественности.

Спенсеръ и Марксъ до нѣкоторой степени могутъ считаться по отношенію другъ къ другу антиподами. Одинъ стоялъ на стражѣ индивидуальности, другой поднималъ голосъ въ защиту правъ трудящихся массъ. Оба были наиболѣе послѣдовательными и рѣзкими выразителями тѣхъ двухъ направленій, гармоническое сочетаніе которыхъ одно можетъ обезпечить, въ моихъ глазахъ, счастливое развитіе человѣчества. Индивидъ не можетъ быть принесенъ въ жертву государству и даже международному союзу, какъ не могъ и не можетъ онъ стушеваться передъ семьею, родомъ, сословіемъ или классомъ. Но его дѣятельность, въ то же время, должна быть координирована съ дѣятельностью другихъ равныхъ ему единицъ, и ихъ совокупныя усилія должны быть направлены къ обезпеченію общаго благополучія. Ни о Спенсерѣ, ни о Марксѣ нельзя сказать, чтобы они относились равнодушно къ этой послѣдней цѣли, но каждый думалъ служить ей по-своему: одинъ—настаивая, быть можетъ чрезмѣрно, на авто-

номіи личности, другой—доводя общественную солидарность до тѣхъ предѣловъ, при которыхъ индивидъ становится безсознательнымъ орудіемъ процесса производства, дѣйствующаго съ какой-то стихійной силой. Оба видѣли истину, но, можетъ быть, не всю. Оба сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы передать, что знали, своимъ современникамъ. А тотъ, кто жилъ для лучшихъ людей своего времени, тотъ, по словамъ Гёте, жилъ для всѣхъ временъ. Спенсеръ и Марксъ, такъ сильно расходившіеся другъ съ другомъ при жизни, послѣ смерти стали, по указанной причинѣ, предметомъ общаго культа со стороны прогрессирующаго человѣчества, во многомъ обязаннаго имъ своимъ поступательнымъ ходомъ.

Максимъ Ковалевскій.

ЦѢНА КРОВИ

(Продолженіе „Расплаты“ и „Боя при Цусимѣ“.)

Окончаніе *).

X.

На „Воронежѣ“.—Первые признаки броженія въ эшелонѣ.—Вмѣсто Владивостока—въ Нагасаки. — Пропаганда среди военно-плѣнныхъ. — Безпорядки на пароходѣ.—Быстрое успокоеніе.—На „Якутѣ“.—Въ виду родныхъ береговъ.

„3 ноября.—Въ походъ собирались еще вчера вечеромъ, но задержались изъ-за перепутавшихся якорныхъ канатовъ. Ждалъ, ждалъ—не дождался, когда распутаютъ, и пошелъ спать. Плохая примѣта. Въ 2 ч. 15 м. пополуночи проснулся отъ шума винтовъ, выглянулъ въ иллюминаторъ: разворачиваемся. Въ 2 ч. 20 м. дали ходъ впередъ, легли на курсъ. Дай Богъ, въ добрый часъ! Погода—тихо; яркая луна; слабая облачность.

„Вечеромъ.—Идемъ хорошо. Днемъ дулъ довольно свѣжій NO. Было холодновато. Теперь стихло и потеплѣло. Ѣдимъ и спимъ, какъ давно уже не приходилось.

„Во время ужина, среди эшелона — шумъ по поводу недоброкачественной пищи. Кто-то, взобравшись на крышку форълюка, держалъ зажигательную рѣчь. Тема: „господа“ только и дѣлаютъ, что обворовываютъ мужика, потъ и кровь котораго цѣнятся дешевле... (опускаю выраженія неудобныя въ печати). Съ истиннымъ удовлетвореніемъ считаю долгомъ отмѣтить, что капитанъ „Воронежа“ оказался на высотѣ положенія. Прямо по-

*) См. іюнь, стр. 548.

шелъ въ толпу, просилъ не кричать всѣхъ разомъ, а сказать толкомъ, въ чемъ дѣло. Говорятъ:—Каша затхлая!—Но, вѣдь, принимали ее ваши же, выборные артельщики? Чего-жъ они не смотрѣли?—Пока несварена, сырую-то не унюхаешь!—Ну, если ужъ артельщики не могли унюхать, такъ я-то какъ же бы догадался? Вареную пробовалъ и вижу, что затхлая, не годится. Сваримъ новый ужинъ. А зачѣмъ же скандалъ устраивать? На мнѣ еще меньше отвѣта, чѣмъ на артельщикахъ!—Дальше слѣдовали поясненія, глубоко убѣдительныя для нижнихъ чиновъ, но малопонятныя для читателей, незнакомыхъ съ морскимъ жаргономъ.

— „Такъ! Правильно! Вотъ такъ загнулъ!“—слышались кругомъ одобрительныя восклицанія.

„На первый разъ — сорвалось. Спокойствіе возстановилось. На долго ли?..

„Вожаки не считаютъ своего дѣла проиграннымъ. Унтеръ-офицеръ какого-то желѣзнодорожнаго батальона, пришедшій на мостикъ, въ качествѣ уполномоченнаго, поговорить съ капитаномъ отъ лица „всѣхъ“ не только о событіяхъ текущаго момента, но и „вообще“, среди разныхъ вопросовъ поставилъ такой: „На содержаніе солдата въ годъ полагается 600 рублей, а тратятъ на него всего 50. Кто же крадетъ остальные 550?“—Видимо повторяетъ что-то хорошо заученное, самъ не давая себѣ отчета въ томъ, что говоритъ, принявъ на вѣру. Я не утерпѣлъ и вмѣшался. Спросилъ: знаетъ ли онъ ариѳметику?—Даже обидѣлся.—Ну, такъ вотъ: мирный составъ арміи у насъ больше милліона, а значитъ если на одно содержаніе солдата положено 600 рублей въ годъ, то ужъ это составитъ 600 милліоновъ. А крѣпости? казармы? лошади? боевые припасы? Не меньше этого. Всего выйдетъ милліарда полтора! Развѣ же столько расходуетъ военное министерство? Знаешь бюджетъ его?—Унтеръ-офицеръ нѣсколько смутился, поспѣшилъ кончить разговоръ и уйти, но не сдался. Я слышалъ, какъ, спускаясь по трапу къ ожидавшей его группѣ товарищей, онъ громко ворчалъ: „Знаемъ мы эти цифры! ими какъ хочешь играть можно!..“

„Въ 9 ч. 5 м. вечера стали на якорь при входѣ въ Симоносекскій проливъ. Лоцманъ не брался вести ночью.

„Полночь.—По внѣшности все тихо. Говорятъ, что въ трюмахъ происходятъ митинги, выносятся резолюціи. У капитанской каюты (гдѣ поселился адмиралъ) устроили вахту изъ нашихъ, „суворовскихъ“ матросовъ. Къ сожалѣнію—безоружные. На пароходѣ — 56 офицеровъ, но на всѣхъ только 5 револьверовъ. Немногіе (въ томъ числѣ я) воспользовались правомъ пріобрѣсти

ихъ въ моментъ оффиціальнаго освобожденія изъ плѣна. Такъ пріятно нащупывать въ карманѣ, хоть плохонькій, „Смитъ и Вессонъ" и сознавать, что въ случаѣ чего... ни палкой не пришибутъ, ни за бортъ не выбросятъ за шиворотъ...

„Въ пароходную каютъ-компанію подкинуто письмо: „Дайте выйти въ море — все начальство будетъ за бортомъ" и т. д... Конечно, глупо. Такими вещами не грозятъ, а прямо ихъ дѣлаютъ. Однако—не слишкомъ пріятно въ смыслѣ характеристики настроенія".

„4 ноября.—Около 3 ч. ночи (вахтенный не доглядѣлъ или, просто, заснулъ) въ каюту къ адмиралу ворвался пьяный солдатъ, требовавшій, чтобы немедленно было приказано выдать имъ водки. „Мы кровь проливали (такъ-васъ-растакъ). Должны чувствовать и уважать! Опять же свобода!.." Адмиралъ лежалъ передъ нимъ въ койкѣ, совершенно беззащитный. По счастью, вахтенный услышалъ шумъ; прибѣжали люди, нахала вывели, но... арестовать его не могли: онъ немедленно скрылся въ полупьяной толпѣ, поджидавшей его на бакѣ.

„Утромъ, только начали сниматься съ якоря, подошелъ японскій военный катеръ и передалъ капитану секретное распоряженіе:—задержать пароходъ, такъ какъ во Владивостокѣ военный бунтъ... Въ 10 ч. утра перешли въ Модзи и здѣсь стали, поднявъ карантинный флагъ. Оффиціальной причиной задержки объявлена „неблагополучность по чумѣ порта нашего отбытія". Дѣйствительно, въ Осака было два, а въ Кобэ—одинъ случай чумы, занесенной изъ Гонгъ-Конга. Однакоже, благодаря сношеніямъ съ берегомъ (черезъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ на шлюпкахъ) массы очень быстро освѣдомились объ истинѣ. Броженіе увеличивается.

„Въ 1 ч. дня. „Ярославль" (вышедшій изъ Кобэ немного раньше насъ и здѣсь же задержанный) ушелъ въ Нагасаки.

„Около 4 ч. „Воронежъ" пошелъ туда же".

Вынужденъ сказать нѣсколько словъ по поводу отдѣльныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ моемъ дневникѣ. Дѣло касается всячески покровительствовавшейся японцами революціонной пропаганды въ средѣ военно-плѣнныхъ нижнихъ чиновъ. Насколько была затруднена и обставлена массой формальностей частная ихъ корреспонденція и вообще всякія непосредственныя сношенія съ родиной, съ ближайшими начальниками (находившимися часто въ томъ же городѣ) и даже съ нижними чинами, содер-

жавшимися въ сосѣднемъ лагерѣ, настолько широко открыты были двери бараковъ для ввоза брошюръ и книгъ, издававшихся разными „комитетами“ въ Америкѣ и въ самой Японіи, а проповѣдники революціонныхъ (правильнѣе было бы сказать — анархическихъ) идей не нуждались ни въ содѣйствіи французской миссіи, ни въ особыхъ разрѣшеніяхъ военнаго министерства для свободнаго входа въ лагери военно-плѣнныхъ. И литература, и сами проповѣдники были для японцевъ желанными гостями. Кое-какія изъ этихъ книгъ и брошюръ мнѣ пришлось держать въ рукахъ: „Организація массъ при народныхъ возстаніяхъ“, „Бой на улицахъ“, „Типы баррикадъ противъ наступленія пѣхоты и кавалеріи“, „Какъ дѣйствовать, если тираны имѣютъ въ своемъ распоряженіи артиллерію“, и т. д. Позже (во Владивостокѣ) мы увидѣли на живомъ примѣрѣ, какъ толковались сѣрымъ массамъ принципы, изложенные въ манифестѣ 17 октября.

Дѣятельность японцевъ въ этомъ направленіи (вѣрнѣе—ихъ открытое покровительство проповѣдникамъ анархіи) сказывалось такъ ярко, что даже французскій посланникъ, не смотря на всю нелюбовь дипломатовъ къ „исторіямъ“, счелъ себя вынужденнымъ „войти съ извѣстными представленіями“... Отвѣтъ, имъ полученный (напечатанный въ японскихъ газетахъ), былъ неподражаемъ по своей откровенности, чтобы не сказать—цинизму: „Наше правило—вреди врагу, чѣмъ можешь“. Такъ выразился военный министръ Японіи...

„Въ составѣ эшелона оказалось нѣсколько музыкантовъ, сорганизовавшихся въ оркестръ (конечно, не Богъ вѣсть какой). Этотъ оркестръ, въ первые дни, принялъ за обычай разыгрывать свои марши, польки, вальсы и галопы подъ окнами капитанской рубки въ то время, какъ тамъ завтракали. Адмиралъ благодарилъ ихъ за доброхотный трудъ и приказывалъ (за свой личный счетъ) выставлять угощеніе. Артисты принимали не безъ гордости, какъ должное. Неожиданно возникла агитація: музыкантовъ упрекали, что они „рады подачкѣ“, что ихъ „холопское“ прислужничество — измѣна „свободному пролетаріату“ и т. п. Въ результатѣ сегодня музыки за завтракомъ не было, а по окончаніи его оркестръ собрался на носу парохода и въ теченіи двухъ часовъ игралъ „Марсельезу“ и „Карманьолу“.

„Что-то будетъ дальше?..

„Невольно вспомнилось, какъ я спорилъ съ нашимъ (суво-

ровскимъ) іеромонахомъ, о. Назаріемъ, доказывая, что на военномъ кораблѣ нельзя возглашать прошенія о „христіанской кончинѣ живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной", что для людей, идущихъ на смерть, изъ всѣхъ трехъ словъ надо оставить только одно — „непостыдной..." А вотъ теперь — чего ужъ постыднѣе?.. если отъ своихъ же!.."

„5 ноября.—Судовая команда (надежный народъ) стоитъ повахтенно (на двѣ смѣны). Въ помощь имъ организовали свою вахту: два офицера и одинъ матросъ (суворовскій; остальные— кто имъ въ душу влѣзетъ?) держатъ караулъ около рубки, занимаемой адмираломъ. Еще четыре офицера—распредѣлены по верхней палубѣ... Револьверы передаютъ изъ рукъ въ руки. На пароходѣ имѣются упакованныя въ ящикъ 13 винтовокъ и патроны къ нимъ, да, на бѣду, хранятся они въ помѣщеніи, куда ходъ черезъ жилой трюмъ. Попытка достать ихъ можетъ вызвать взрывъ. Въ 3 часа ночи вступилъ, въ свою очередь, на вахту. Хорошо знакомыя мѣста. Капитанъ держитъ почти вплотную къ островамъ и скаламъ, чтобы, въ случаѣ открытаго бунта, тотчасъ выброситься на берегъ. Правильно. Чтобы показать себя „на высотѣ", японцы преступниковъ не помилуютъ, хотя бы и сами были провокаторами. Вступивъ на вахту, узналъ, что около 2 ч. ночи въ первомъ кормовомъ трюмѣ состоялся митингъ. Около 3 ч. ночи начали расходиться. Отдѣльныя кучки бродили на палубѣ. Видимо замѣтили, что на полуютѣ, спардекѣ и полубакѣ — нѣчто въ родѣ караула. Какъ будто смутились, стали прятаться. (Очевидно, не подозрѣваютъ, что мы почти безоружны).

„Около 6 ч. утра пришли въ Нагасаки.—Пріѣхалъ командиръ „Богатыря". Разсказалъ мало хорошаго. Во Владивостокѣ— безсмысленный, пьяный бунтъ. Тутъ же, на рейдѣ—„Монголія" и какой-то норвежскій пароходъ, доставившіе бѣглецовъ, спасающихся отъ пугачевщины...

„Судовая команда сообщаетъ, что на пароходѣ бережно хранится красное знамя, которому сбитые съ толку люди присягали въ Хамадерѣ...

„5 ч. вечера.—Положеніе все обостряется. Утромъ старшій механикъ, пользуясь стоянкой, хотѣлъ послать на заводъ для исправленія поршень такъ называемой „санитарной" помпы (помпа для прокачиванія резервуаровъ необходимыхъ удобствъ). Ему этого не позволили раньше, чѣмъ не осмотритъ и не дастъ своего заключенія „распорядительный комитетъ". Опасались, не отсылаетъ ли онъ на заводъ такую часть машины, безъ ко-

торой нельзя будетъ выйти въ море. Посмотрѣли и разрѣшили. Въ составѣ эшелона имѣется 30 казаковъ (кажется, Забайкальскаго войска), взятыхъ вмѣстѣ съ ихъ офицеромъ С. М. Отъ нихъ онъ получилъ предупрежденіе, что сегодня на сходкѣ (въ 12 ч. дня) рѣшено: если завтра, до вечера, не выйдемъ изъ Нагасаки, то выбросить за бортъ обоихъ адмираловъ и всѣхъ, кто за-одно съ ними, овладѣть пароходомъ, а дальше—видно будетъ...

„Только что предъявлено и прямое требованіе, черезъ „исполнительный комитетъ": „Завтра же идти во Владивостокъ! Не то—пойдутъ сами!"

„Казаки не рѣшаются выступать съ открытымъ протестомъ. Говорятъ, что ихъ слишкомъ мало. Курьезное предложеніе со стороны шести осетинъ (изъ дагестанской бригады): просятъ купить имъ японскіе кинжалы и обѣщаютъ „много народу башка рѣзйть и кишки пускать, раньше чѣмъ адмиралъ кончàлъ".— Стоитъ ли?—Велико ли подкрѣпленіе—шесть человѣкъ—противъ толпы въ $2^1/_2$ тысячи, изъ которой (по свѣдѣніямъ тѣхъ же казаковъ) около сотни съ револьверами, а добрая половина вооружена охотничьими ножами?

„9 ч. вечера.—Послѣ ужина, не смотря на темноту и ненастную погоду (сыплетъ мелкій дождь), верхняя палуба полна народу. На бакѣ оркестръ безъ перерыва играетъ марсельезу; ораторы держатъ рѣчи. На шканцахъ довольно стройный, большой хоръ поетъ: „Вставай, подымайся, рабочій народъ..." Въ нашемъ владѣніи спардекъ и полуютъ, соединеные продольнымъ мостикомъ (полубакъ пришлось очистить, чтобы не разбрасывать силъ). Судовая команда съ нами. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они показали себя „холопами тирановъ", и грозятъ одинаковой съ нами участью.—У меня (отъ ненастья что ли?) жестоко разболѣлась нога. Впрочемъ гулять много не приходится. — Чего они ждутъ, если рѣшились?—Между тѣмъ капитанъ далъ знать на берегъ о происходящемъ на пароходѣ.—Только что прибылъ полицеймейстеръ. Сообщилъ, что въ Нагасаки войскъ нѣтъ. Губернаторъ спѣшно вызвалъ ихъ изъ лагеря. Прибудутъ завтра къ 10 ч. утра. Въ Сасебо телеграфировано о присылкѣ военнаго судна. Пока-что, мобилизована вся полиція, скоро прибудетъ двумя эшелонами.—„Много ли?" освѣдомился адмиралъ.— „Около 70 человѣкъ, которые займутъ спардекъ, и въ рубку (къ мѣсту, гдѣ сосредоточено все управленіе пароходомъ) мятежники пройдутъ только черезъ ихъ трупы!"—категорически заявилъ японецъ. Въ 11-мъ часу вечера полицейскіе прибыли и, какъ

то незамѣтно, безъ шума, не привлекая ничьего вниманія, оказались хозяевами спардека. Повидимому, наши, понаслушавшись всякаго вздора въ Хамадерѣ, полагали, что японскія власти не только не примутъ мѣръ противъ нихъ, но даже готовы будутъ оказать имъ содѣйствіе, и вдругъ—такой неожиданный оборотъ... Эффектъ получился чрезвычайный. Музыка, пѣсни — мгновенно прекратились; верхняя палуба опустѣла; судовая команда не встрѣчала ни малѣйшаго препятствія въ исполненіи своихъ обязанностей. (До того—машинисты были выгнаны изъ машины, и даже на станціи электрическаго освѣщенія были поставлены „свои"). Передавали однако же, что въ трюмахъ, куда японцы при своей малочисленности проникнуть не рѣшались, идутъ горячіе дебаты и призывъ къ оружію, но... безуспѣшно".

„6 ноября.—Около 1 ч. 30 м. пополуночи пришелъ флагъ-капитанъ, сильно взволнованный, и приглашалъ пройти на полуютъ, обѣщая показать нѣчто весьма интересное. Дѣйствительно любопытно. Съ кормы спущены въ воду три конца, а неподалеку держатся японскія шлюпки (яличники). Флагъ-капитанъ утверждаетъ, что видѣлъ, какъ спускали концы и подзывали шлюпки наши офицеры... Какой вздоръ! Теперь, когда „бунтовщики" попрятались въ трюмы при видѣ нѣсколькихъ десятковъ вооруженныхъ полицейскихъ, когда можно спать вполнѣ спокойно!.. Неужели?... Но нѣтъ, этому я не хочу вѣрить.

„Ночь прошла въ полномъ спокойствіи, а утромъ—пятерыхъ не досчитались... Досадно записывать, но „изъ пѣсни слова не выкинешь". Въ $11^1/_2$ ч. утра пришли изъ Сасебо четыре японскіе миноносца и съ откинутыми крышками минныхъ аппаратовъ начали крейсировать кругомъ парохода. Эшелонъ совсѣмъ присмирѣлъ. Стали появляться уполномоченные, завѣрявшіе капитана, что все это „по глупости", изъ-за кучки „отчаянныхъ, которые чего-чего не болтали"... Вообще пошла гадость, отъ участія въ которой я, благодаря Бога, былъ избавленъ".

„7 ноября. — Хоть и записано довольно много, но вспоминать не стоитъ".

„8 ноября.—Въ $10^1/_2$ ч. утра прибылъ на пароходъ генералъ Д. и чуть было не испортилъ всей обѣдни. Вызвалъ по одному человѣку отъ каждой части, входившей въ составъ эшелона, уединялся съ ними на полуютѣ, увѣщевалъ ихъ въ теченіе четырехъ часовъ и подъ конецъ предложилъ поклясться, что они больше бунтовать не будутъ. Предложилъ также выдать зачинщиковъ, но получилъ стереотипный отвѣтъ: „Зачинщиковъ нѣтъ. Сообща дѣйствовали".—Рѣшивъ, что своей четырехъ-часовой бе-

сѣдой вполнѣ переубѣдилъ людей, которые въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ находились подъ вліяніемъ опытныхъ агитаторовъ, генералъ объявилъ, что теперь все благополучно, и можно идти во Владивостокъ, но наткнулся на протестъ судового состава. Капитанъ парохода почтительнѣйше доложилъ ему, что не только онъ и его офицеры, но и команда отказываются идти въ море съ эшелономъ, грозившимъ выбросить ихъ за бортъ, такъ какъ помѣшать осуществленію такого намѣренія они средствъ не имѣютъ.—Громъ и молнія!—И подъ судъ, и отрѣшить отъ командованія, и телеграмма въ Петербургъ, и еще что-то!.. Насилу-то командиру „Богатыря" удалось ему разъяснить, что на „Воронежѣ" личный составъ служитъ по вольному найму, а бунтъ эшелона, при отсутствіи средствъ къ его подавленію—это force majeure, дающая право нарушить всякій контрактъ.—Въ результатѣ рѣшили этотъ эшелонъ раскассировать на „Тамбовъ" и на „Кіевъ", а „Воронежу" дать другой. Тутъ генеральская мысль дала новый оборотъ. Выходило (и это было высказано достаточно недвусмысленно), что всѣ безпорядки произошли отъ присутствія на пароходѣ двухъ адмираловъ, почему имъ и было предложено, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, идти на транспортѣ „Якутъ", который послѣ завтра уходитъ во Владивостокъ. (Это былъ первый случай, когда со стороны представителей оффиціальной Россіи мы встрѣтили почти враждебное отношеніе. Должно быть здѣсь были хорошо освѣдомлены, какой вѣтеръ дуетъ въ Петербургѣ)".

„9 ноября.—Заканчивали пересадку эшелона на „Кіевъ" и на „Тамбовъ".

„10 ноября. — Перебрались на „Якутъ" — оба адмирала, штабъ и непокидающій насъ генералъ С. Про этого можно сказать, что свою боевую карьеру онъ закончилъ быстро. Прибылъ въ армію передъ самымъ Мукденомъ, назначенный командиромъ бригады, но, не успѣвъ вступить въ командованіе ею и даже не видавъ ея, попалъ въ плѣнъ.

„Въ полдень снялись съ якоря.

„Вышли изъ Нагасаки при великолѣпной погодѣ, но къ вечеру задулъ N; „Якутъ" (всего 730 тоннъ) началъ изрядно поклевывать".

„11 ноября.—Къ утру засвѣжѣло. Изъ-за перебоя пришлось убавить число оборотовъ. Весь день ползли по пяти узловъ. Качка отвратительная. Удары въ подзоръ, словно пушечные выстрѣлы. Въ каютъ-компаніи сидѣть невозможно: сбрасываетъ съ дивана. Къ ночи—легче".

„12 ноября.—Погода поправилась. Прибавили ходу. Даже генералъ, лежавшій пластомъ, воскресъ, бодръ, веселъ, острить... Странное дѣло: вѣдь вотъ онъ нисколько не угнетенъ тѣмъ, что возвращается изъ плѣна, и всецѣло занятъ догадками—найдется ли для него вакантная бригада, или придется ждать очереди? Почему же меня такъ мучитъ неотвязная мысль...

„Къ вечеру вовсе стихло. Даже зыбь улеглась. Д. сѣлъ за піанино. Старый, разстроенный и совсѣмъ разбитый инструментъ, но какъ отрадно звучатъ эти давно неслышанные мотивы любимыхъ оперъ... Словно ледъ таетъ на сердцѣ... А хорошо было бы умереть подъ такую тихую, нѣжную музыку... заснуть и не проснуться больше...“

„13 ноября. — Чуть разсвѣло—увидѣли вершину Туманной горы. Пасмурно. Временами моросить дождь.

„Сегодня воскресенье. Была обѣдница. Должно-быть всѣ молились отъ сердца—такъ выглядѣли послѣ... И радостно, и какъ-то жутко... Слѣва и по носу русскій берегъ... Еще нѣсколько десятковъ миль—русскій портъ...

„12 ч. 20 м. дня.—Все знакомыя мѣста: налѣво чернѣетъ мысъ Брюса, направо—острова Дурново, Гильдебрандта... Привѣтъ тебѣ, Родина! Привѣтъ тебѣ, Россія!..“

XI.

Во Владивостокѣ.—Разсказы очевидцевъ о безпорядкахъ.—Настроеніе при встрѣчѣ.—Отъѣздъ.—У Линевича и Куропаткина.—Манифестація со стороны эвакуируемыхъ раненыхъ.—Забайкальская дорога наканунѣ забастовки.—Чита.—Кругомъ Байкала.—Иркутскія впечатлѣнія.

„14 ноября.—Вчера, въ 4 ч. дня, стали на якорь въ бухтѣ Золотой Рогъ. На рейдѣ — „Жемчугъ“, „Алеутъ“, „Терекъ“, нѣсколько миноносцевъ и нѣсколько какихъ-то незнакомыхъ пароходовъ подъ военнымъ флагомъ... все, что осталось отъ русскаго флота... На берегу—обгорѣлыя зданія офицерскихъ флигелей, закопченныя колонны печныхъ трубъ на мѣстѣ морского собранія (а какая тамъ была библіотека!)—развалины, пожарища...

„На транспортѣ „Алеутъ“ держитъ свой флагъ контръ-адмиралъ Греве (командиръ порта). Оттуда, поздравить съ благополучнымъ приходомъ, пріѣхалъ капитанъ 2-го ранга А.—„Командиръ флагманскаго корабля—c'est moi!“—попробовалъ сострить онъ, суетливо здороваясь и торопясь пройти къ адмиралу. Но шутка не вышла, и всѣмъ (да и ему, кажется) стало какъ-то

жутко... Потомъ пріѣхалъ Греве, наскоро выполнилъ церемоніалъ и обоихъ адмираловъ увезъ къ себѣ, на берегъ.

„Сегодня, съ утра—туманъ, какъ молоко. Кое-кто заѣзжалъ на транспортъ. Разсказывали о недавнихъ событіяхъ. Старательно оцѣнивая и сравнивая между собою эти повѣствованія, я пришелъ къ заключенію, что собственно „бунта“ въ первые дни погрома и пожаровъ не было, а былъ лишь пьяный разгулъ, который растерявшееся и плохо-освѣдомленное начальство не съумѣло прекратить во-время, дало ему разростись до лозунговъ: „Море по колѣна“ и „Пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса!..“ Чего-то ждали, чего-то опасались. Выслали войска для охраны казенныхъ зданій и учрежденій, но со строгимъ наказомъ: „только охранять“. Вотъ картинка съ натуры. Стоитъ полурота и охраняетъ домъ военнаго губернатора. На улицѣ—толпа такъ называемаго „портового сброда“. Напротивъ—двухъэтажный домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго—гастрономическій магазинъ и винный погребъ, а въ верхнемъ—ресторанъ и кондитерская. Толпа бурлитъ, но, видимо, не рѣшается предпринять что-либо. Всякое движеніе въ сторону губернаторскаго дома само собой падаетъ, даже не добѣгаетъ до сѣрой стѣны людей, у которыхъ въ сумкахъ боевые патроны. А въ другую сторону—какъ будто вовсе свободно... Впрочемъ, можетъ быть... Чего имъ? они сами казенные! А если попробовать?—Тяжелый булыжникъ летитъ въ зеркальное окно магазина, и въ тотъ же моментъ вся толпа кидается въ разсыпную... но сѣрая стѣна стоитъ, не шелохнется, только смущенно переговариваются между собой офицеры, и куда-то (вѣрно, къ телефону) бѣгаютъ разсыльные... Разсѣявшаяся толпа вновь собирается. Она еще не вѣритъ, что „можно“. Второе окно разбито—тоже никакой помѣхи. Еще и еще... „Вали, ребята!“—Восторгъ разрушенія овладѣваетъ массой. Бьютъ стекла, рѣжутся объ нихъ, ломясь въ окна, хотя давно уже выломаны двери и входы открыты... грабятъ... не столько грабятъ, сколько уничтожаютъ... Откуда-то повалилъ дымъ, блеснули языки пламени... Еще неудержимѣе становится напоръ „снаружи“ тѣхъ, кто еще не успѣлъ „дорваться“ и боится, какъ бы не опоздать... Два теченія сталкиваются; происходитъ свалка; есть уже изувѣченные, обгорѣвшіе... А сѣрая стѣна все стоитъ, не шелохнется... Пьяные (не столько отъ вина, сколько отъ атмосферы безудержнаго грабежа) плотнѣе и плотнѣе придвигаются къ этой стѣнѣ... Бутылки, вытащенныя изъ погребовъ, дорогія закуски—дружелюбно суются въ молчаливые ряды, и правильность ихъ нарушается... Вотъ одинъ, вотъ другой, словно

нечаянно, увлекаются бушующей толпой... Грозная сила таетъ, колеблется... Но тщетно офицеръ проситъ (по телефону) разрѣшенія: либо прекратить безобразіе, либо увести своихъ людей, отъ которыхъ скоро останется ничтожная горсть. Ему приказываютъ... „въ точности слѣдовать полученнымъ инструкціямъ"... Такъ мнѣ разсказывали. Самъ я этого не видѣлъ. Разсказывали даже, что на Алеутской улицѣ одинъ подпоручикъ со взводомъ солдатъ не допустилъ грабежа, превысивъ полномочія, и его тотчасъ же убрали съ поста, чуть ли не подъ арестъ... Къ вечеру городъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ, а пьяная толпа, съ которой смѣшалась масса солдатъ и матросовъ, жгла и громила чисто стихійно, потому что „разошлась рука"... Мѣстные жители (изъ числа неподдавшихся паникѣ) категорически утверждали, что, конечно, не какія-то нѣсколько сотъ казаковъ, вступивъ въ городъ на третій день безпорядковъ, водворили спокойствіе, а просто—сами опомнились: первый день—перепились, на второй—опохмѣлялись остатками, а потомъ—проспались. Настоящее „броженіе" въ гарнизонѣ проявилось позже, именно при воспоминаніи о томъ, какъ можно „погулять", какъ можно „прижать начальство". Именно на этой почвѣ и могли затѣять свой нелѣпый, но „настоящій" бунтъ артурцы, вернувшіеся изъ плѣна достаточно распропагандированными. Если первая вспышка во Владивостокѣ была неслучайной, но возникла подъ чьимъ-нибудь руководствомъ, то руководителямъ нельзя отказать въ патентѣ на... несообразительность. Имъ слѣдовало бы обождать прибытія изъ Японіи „Ярославля", „Воронежа", „Кіева" и „Тамбова" съ нѣсколькими тысячами людей, искренно вѣровавшихъ въ возможность созданія Уссурійской республики".

„15 ноября.—Ѣздилъ на берегъ: необходимо закупить что-нибудь теплое на дорогу. Странное зрѣлище: пожарища, разгромленные магазины, но городъ полонъ жизни. Общее впечатлѣніе такое, словно не хотятъ замѣчать слѣдовъ недавняго... дебоша. И впрямь—очень ужъ было глупо: есть чего стыдиться".

„16 ноября.—Дуетъ холодный NW (по здѣшнему—Суйфунъ) а на сердцѣ—потеплѣло. Здѣсь, во Владивостокѣ, много артурцевъ, которые избѣжали плѣна, прорвавшись (передъ сдачей крѣпости) въ Чифу. Здѣшніе—сами себѣ ждали артурской участи, если война затянется. Отношеніе къ намъ совсѣмъ не то, что со стороны Д. и его свиты. Прямо не говорятъ (неловко было бы), но чувствуется, по ихъ радушію, по сдержанному участію, съ которымъ разспрашиваютъ о пережитомъ... Особенно я понялъ и оцѣнилъ это настроеніе, когда одинъ старый пріятель,

товарищъ по выпуску, едва не сокрушивъ меня въ своихъ объятіяхъ (ему еще въ морскомъ училищѣ говорили: „Серега! не доказывай своихъ чувствъ!“), заявилъ: „Что, братъ, нарвался?.. Занесло въ Сайгонъ — и сидѣлъ бы! Поперъ-таки! Да, что говорить, я бы, можетъ, такимъ же дуракомъ оказался, какъ ты!..“

„И всѣ съ одинаковымъ интересомъ, почти назойливо допрашивали: „Что адмиралъ? Какъ адмиралъ?“ — Скажу безъ преувеличенія—всѣ были полны надеждой, что „онъ“, единственный изъ всего списка адмираловъ, во всей полнотѣ видѣвшій и пережившій крестный путь нашей эскадры отъ Либавы до Цусимы, чудомъ спасенъ съ погибшаго „Суворова“ для того лишь, чтобы смѣлой рукою человѣка, все переиспытавшаго, возродить нашъ флотъ. Не бутафорію, которую мы считали флотомъ, но флотъ, настоящій флотъ... И не только „наши“ такъ думали, но и сухопутные...„

„17 ноября.—Въ 10 ч. 45 м. утра выѣхали изъ Владивостока. Не смотря на полное отсутствіе какой-либо оффиціальности, была толпа провожающихъ. Пришли, не заботясь о формѣ одежды; просто — узнали, что „онъ уѣзжаетъ“, и заторопились. Вышло очень сердечно. Моряки, сухопутные, штатскіе... Чувствовалось „настроеніе“.“

„18 ноября.—Сегодня удалось пообѣдать въ Хайчендзы. Бутылка прескверн аго кахетинскаго—4 р. 50 к.! Похвалили, что дрянь, ибо вчетверомъ одной не допили, а то можно бы разориться.

„Ночью—морозъ до 10°, но въ вагонѣ тепло“.

„19-го ноября.—Въ 7 ч. 30 м. утра пришли въ Харбинъ. Съ нами ѣдетъ возвращающійся съ войны морской врачъ Лисицынъ. Во Владивостокѣ его приспособили къ адмиралу.—Онъ при адмиралѣ скорѣе доѣдетъ до дому—и адмиралу есть къ кому обратиться (рана на головѣ требуетъ ежедневной перевязки). Конечно, и я воспользовался случаемъ. Получилъ совѣтъ тотъ же, что на „Воронежѣ“—везти палецъ въ согрѣвающемъ компрессѣ до Петербурга, а тамъ видно будетъ. Ковыляю, но бодръ духомъ. Адмиралъ еще изъ Владивостока снесся съ Линевичемъ. Рѣшили повидаться. Въ Харбинѣ насъ отцѣпили отъ поѣзда. За время стоянки наши бродили по станціи и ея окрестностямъ. Я смотрѣлъ изъ окна. Сплошная толпа. Много пьяныхъ. Одѣянія самыя фантастическія—солдата отъ рабочаго не отличишь. Кое-гдѣ слѣды пожаровъ. (И тутъ былъ „пьяный“ бунтъ). Мало похоже на военную организацію. Тѣ же впечатлѣнія у тѣхъ, что ходили „побродить“.

„Въ 8 ч. 10 м. утра насъ повезли на югъ. Рѣзко замѣтно, что чѣмъ ближе къ передовымъ позиціямъ, тѣмъ больше порядка. Идутъ войсковыя части, а не бредутъ какія-то толпы. Даже обозы, и тѣ движутся въ порядкѣ. Нѣтъ того развала, той орды, что можно было видѣть въ тылу (въ Харбинѣ и близъ него)".

„20 ноября.—Вчера, около полдня, пришли на станцію Лоушагоу, гдѣ стоитъ Линевичъ. У него завтракали и обѣдали. Почти все время между завтракомъ и обѣдомъ адмиралъ просидѣлъ наединѣ съ нимъ. О чемъ говорили—неизвѣстно. Вечеромъ (послѣ обѣда) меня полонили штабные, требуя разсказовъ о разныхъ подробностяхъ плаванія и боя. Изрядно засидѣлись. Сегодня въ 7 ч. 30 м. утра пошли на сѣверъ.

„Не утерпѣлъ—спросилъ адмирала:—Что-жъ телеграмма Линевича? Почему не воспользовался тѣмъ, что перемирія не было? Почему не перешелъ въ наступленіе? Теперь вѣдь кричатъ, что миръ позорный, что у него былъ милліонъ войскъ, а у японцевъ много меньше...—Адмиралъ сначала отмалчивался, а потомъ рѣзко отвѣтилъ: — „Какой тамъ милліонъ? Отъ Самары до Лоушагоу! А здѣсь у него, самъ онъ сказалъ, едва 370 тысячъ!.."

„Ну, тогда—дѣйствительно...

„Въ 10 ч. утра пришли на станцію (ни отъ кого не могъ добиться настоящаго названія — всѣ говорятъ по разному), гдѣ стоитъ поѣздъ Куропаткина. Здѣсь завтракали. Адмиралъ съ Куропаткинымъ отдѣльно (очевидно для интимной бесѣды), а мы со штабомъ. Этотъ штабъ мнѣ больше понравился. Какъ-то проще и серьезнѣе. „Тамъ" очень ужъ висѣли въ воздухѣ разговоры о наградахъ и знакахъ отличія... Адмиралъ (я его знаю) былъ сильно взволнованъ бесѣдой съ Куропаткинымъ. „Тамъ" этого я не замѣтилъ. Куропаткинъ проводилъ на станцію и (видно, еще не наговорился) просидѣлъ съ адмираломъ въ его купэ, запершись, добрую четверть часа. Мое купэ — рядомъ, и когда дверь открылась, я невольно слышалъ послѣднія фразы, которыя онъ говорилъ, прощаясь: „...на васъ только и была наша надежда... Да вотъ и теперь, хоть бы въ будущемъ, чтобы не такъ... И опять на васъ вся надежда — въ томъ, что пріѣдете, скажете правду, всю правду... если послушаютъ..."

„Въ Харбинѣ простояли больше двухъ часовъ. Не понимали, въ чемъ дѣло. Адмиралъ сердился, вызывалъ къ себѣ и начальника движенія, и коменданта станціи, но тѣ не рѣшались сказать ему правды (которую мы узнали позже) и приводили какія-то отговорки. По существу же дѣло шло о возможности (фактиче-

ской) пропустить экстренный поѣздъ, „приказанный“ Линевичемъ, но еще не получившій разрѣшенія отъ забастовочнаго комитета“.

„21 ноября.—Въ 12 ч. 45 м. дня прошли Хинганскій туннель. Къ сѣверу (вѣрнѣе къ NW) отъ Хингана—совсѣмъ зима. Снѣгъ. Сани.

„Въ 2 ч. 30 м. дня на станціи (?) — манифестація. Толпа рабочихъ и солдатъ собралась у вагона. Начальство попряталось. Прибѣжалъ кондукторъ — блѣдный, какъ полотно — говоритъ: „Ломятся!“... Оказалось — ничего страшнаго: депутація изъ трехъ человѣкъ. Справляются о здоровьѣ адмирала. Говорю:— Ничего себѣ, слава Богу, хотя еще не совсѣмъ оправился; раны были тяжелыя. — Удовлетворились. Просятъ однако же, если можно, не подойдетъ ли „самъ“ къ окну, потому что „народъ, прослышавши, собрался“. Доложилъ адмиралу, и онъ, какъ былъ—въ тужуркѣ, вышелъ на площадку вагона. Старшій изъ депутатовъ (артиллеристъ, унтеръ-офицеръ) сталъ было говорить рѣчь, что „въ такихъ годахъ, себя не пожалѣвъ, кровь свою проливалъ, а потому они... всякое пожеланіе... и дай Богъ“... но тутъ окончательно спутался, а кругомъ закричали: „ура!“—и всѣ полѣзли впередъ. Воспользовавшись мгновеньемъ затишья, адмиралъ крикнулъ: „Спасибо вамъ на добромъ словѣ! Это—вашъ выборный?“ и, наклонившись къ солдату, стоявшему на подножкѣ, обнялъ его и поцѣловалъ... Ревъ поднялся въ толпѣ... Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на депутата и на слезы, сбѣгавшія по его широкой черной бородѣ... самъ словно не чувствовалъ, что и у меня что-то подступаетъ къ горлу... такъ вышло... неожиданно...—„Это все больше раненые, которые эвакуируются“—пояснилъ мнѣ кондукторъ, уже оправившійся отъ перепуга.—Да... Теперь стало понятно... — „Эти“, конечно, знали „цѣну крови“!... — Поѣздъ медленно тронулся, а они бѣжали рядомъ съ нимъ; гремѣло „ура“; летѣли вверхъ картузы и папахи...“

„22 ноября. — Въ полночь пришли на станцію Манджурія и — застряли. Дорога — наканунѣ забастовки. „Комитетъ“ уже проявляетъ свою дѣятельность. Экстренные поѣзда не признаются. Адмиралъ телеграфировалъ Линевичу, но, кажется, телеграммы не шли дальше ближайшей станціи.

„Въ $2^1/_2$ ч. ночи и въ $6^1/_2$ ч. утра просыпались отъ толчковъ со счастливой мыслью, что поѣхали. Грустное разочарованіе — переводятъ съ одного запасного пути на другой...

„9 ч. утра.—Ничего новаго. Морозное, ясное утро—15° R. По слухамъ, будутъ пропускаться только воинскіе поѣзда съ запасными, увольняемыми на родину. Около 11 ч. утра получи-

лась разрѣшительная телеграмма. Отъ кого?—отъ Линевича или отъ „комитета“? — не могъ узнать толкомъ. Въ полдень тронулись дальше.

„Что-то лишнее, позабытое докторами въ ранѣ на лѣвой ногѣ, повидимому, не выдерживаетъ согрѣвающаго компресса и собирается вылѣзать, но не черезъ главную дыру, а сбоку сверлитъ свой собственный ходъ. Все равно, только бы вылѣзло и не задержало въ пути. Жестоко простуженъ. Бронхитъ во всю. Глотаю хининъ, фенацетинъ, согрѣваюсь горячимъ чаемъ съ краснымъ виномъ, кутаюсь во что могу. Очень тяжело ногамъ — мерзнутъ. Сегодня добрые люди нашли въ лавочкѣ при станціи теплыя калоши, купили для меня. Полегчало.

„6 ч. вечера. — Неожиданное открытіе: къ нашему поѣзду прицѣпленъ еще одинъ вагонъ, въ которомъ два путейца. Одинъ изъ нихъ — помощникъ начальника движенія. Адмиралу онъ сообщилъ, что „прицѣпился“ съ цѣлью улаживать недоразумѣнія въ пути и содѣйствовать безпрепятственному слѣдованію; намъ же, въ дружеской бесѣдѣ, давалъ нѣсколько иныя объясненія, а именно—что воспользовался „разрѣшеніемъ“ на пропускъ экстреннаго поѣзда (адмирала „приказано“ не задерживать и никакихъ непріятностей ему не чинить) для осмотра линіи. Собранныя свѣдѣнія весьма неутѣшительны: $^2/_3$ паровозовъ умышленно поломаны; работаетъ не болѣе 30% всего подвижного состава; сейчасъ второй перегонъ (120 верстъ) идемъ съ тѣмъ же паровозомъ и съ тѣмъ же машинистомъ, такъ какъ въ депо смѣны не оказалось.

„Какой безотрадный пейзажъ! Пологіе холмы, обширныя низины (путейцы говорятъ — солончаковыя) и на сотни верстъ ни кустика, ни деревца, ни признака человѣческаго жилья... Чахлая травка, на которой и овцѣ не прокормиться, чуть торчитъ изъ-подъ тонкаго слоя снѣга жесткими, растрепанными кустиками.—Пустыня“.

„23 ноября. — Ночью. — Холмы стали выше и сгрудились. Мы то ныряемъ въ глубокія выемки, то бѣжимъ по высокимъ насыпямъ. И все то же безлюдье. Да, въ сравненіи съ этой частью Забайкалья даже сѣверная Манджурія — чистый рай...

„На станціи Оловянной застряли. Впереди, верстахъ въ двадцати, воинскій поѣздъ потерпѣлъ крушеніе. Разбито три „теплушки“. Около двадцати человѣкъ раненыхъ и обожженныхъ. Адмиралъ немедленно командировалъ туда нашего доктора съ добровольцами на нашемъ же паровозѣ. Пользуясь долгой стоянкой, я набрался храбрости и проковылялъ въ буфетъ, гдѣ съѣлъ жа-

ренаго рябчика и семь штукъ забралъ въ запасъ (очень ужъ надоѣли ветчина и консервы—наше обычное питаніе).

„Въ 6-мъ часу утра тронулись дальше. Вернувшійся докторъ сообщилъ, что крушеніе обошлось сравнительно благополучно— нѣтъ не только убитыхъ, но даже и раненыхъ болѣе или менѣе серьезно.

„Появился кустарникъ, стада коровъ и табуны лошадей. Мѣстами видны бурятскіе поселки.

„Начиная со станціи Бурятской (послѣ 8 ч. утра) пошелъ лѣсъ, правда, еще жиденькій. Чаще и чаще видны деревни.

„Изумительно красивъ перевалъ черезъ водораздѣлъ между Агой и Ингодой. Прошлый разъ (по пути въ Артуръ) проѣзжалъ это мѣсто ночью и не могъ полюбоваться. Ясно, тихо, морозъ—18°R.

„На станціи Чита-городъ — задержка. Помощникъ начальника движенія объяснилъ, что по полотну движется толпа манифестантовъ, тысячъ около трехъ, направляясь къ городу.— Опасно дать ходъ, пойти навстрѣчу. Могутъ принять за противодѣйствіе и устроить крушеніе. Лучше — пропустить. Въ 1 ч. 50 м. дня процессія прошла мимо насъ. Два красныхъ знамени и за ними, въ полномъ порядкѣ, два военныхъ оркестра: одинъ казачій (желтые погоны), а другой—не знаю какой (красные погоны). Издалека слышна была марсельеза, но когда шли мимо поѣзда, оркестры не играли, а пѣлъ большой, довольно стройный хоръ, которому подтягивала вся толпа. Что-то въ родѣ— „Пора рабочему народу добыть себѣ свободу“... Въ толпѣ много на видъ интеллигентной публики (мужчинъ и женщинъ), чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ (въ формѣ), даже офицеровъ, и масса солдатъ...

„Въ 2 ч. 5 м. дня путь очистился. Дали ходъ. Курьезная подробность: на станціи, у поѣзда задержалось, отставъ отъ процессіи, изрядное количество сѣрыхъ папахъ, которыя столпились на платформѣ у адмиральскаго вагона. Увидѣвъ адмирала въ окнѣ, кричали „ура!“, устроили овацію. Вотъ тутъ и пойми что-нибудь!..

„На слѣдующей станціи отъ путейцевъ, справившихся по телеграфу, узнали, что въ Читѣ все обошлось благополучно.— Губернаторъ (ген. Холщевниковъ) принялъ манифестантовъ и съ балкона держалъ имъ рѣчь. Уступая просьбамъ, освободилъ съ гауптвахты офицеровъ, арестованныхъ за участіе въ митингахъ, и согласился на учрежденіе совѣта выборныхъ отъ всѣхъ сословій, въ которомъ самъ былъ предсѣдателемъ. Шутя, го-

ворили: „Президентъ Читинской республики". — Умно поступилъ. Еслибы его ухлопали, и власть перешла бы въ руки какого-нибудь „комитета" — армія Линевича была бы отрѣзана отъ Россіи".

„24 ноября.—Идемъ безъ особыхъ приключеній и довольно бойко (въ среднемъ сорокъ верстъ въ часъ). Около 1 ч. дня пришли на станцію Мысовая, гдѣ имѣли случай пообѣдать „въ настоящую"—великолѣпныя щи и гусь. Въ разгаръ пиршества явился ѣдущій съ нами помощникъ начальника движенія и сообщилъ, что съ 2 ч. дня начинается забастовка. Пойдутъ только поѣзда съ запасными. — „Хотя адмирала, кажется, разрѣшено пропустить",—добавилъ онъ конфиденціальнымъ тономъ;— „скоро убѣдимся: подадутъ паровозъ—значитъ поѣдемъ".

„Свѣдѣнія его оказались вѣрными. Въ 2 ч. 20 м. дня намъ подали паровозъ.—Далеко ли уѣдемъ? Какъ долго будемъ пользоваться этимъ любезнымъ отношеніемъ? Забастовка — всероссійская. Требованіе—помилованіе инженера Соколова, приговореннаго, въ Кушкѣ, къ смертной казни.

„7 ч. вечера.—Помощникъ начальника движенія говоритъ, что не застряли единственно благодаря присутствію адмирала. Нашъ поѣздъ объявленъ воинскимъ. Всѣ прочіе задержаны. Богъ дастъ, подъ той же фирмой пойдемъ и дальше.

„9 ч. вечера.—На Кругобайкальской дорогѣ. Небо разъяснило. Чудная лунная ночь. Дорога не просто красива, а прямо пугаетъ своей красотой. Порою, когда слѣва—стѣна горъ, а справа—невидимый изъ окна обрывъ, и, скренившись на закругленіи, словно заглядывая въ бездну, поѣздъ мчится надъ зеркальной поверхностью озера—жутко...

„На станціи (?) у южной оконечности Байкала достали петербургскія газеты отъ 10-го и 11-го ноября. Давно ихъ не видѣли. Читаешь — и глазамъ не вѣришь... Что тамъ поѣздъ! Кажется, сама Россія мчится куда-то, скренившись надъ бездной... Лопни ось, подломись шпала—и все рухнетъ...

„На той же станціи мѣняли паровозъ и бригаду. Къ намъ сѣлъ (застрявшій здѣсь) ревизоръ движенія. Довелось быть свидѣтелемъ любопытной сценки:

Ревизоръ движенія (направляясь къ вагону и обращаясь къ группѣ служащихъ и рабочихъ). Ну что? доѣду до мѣста? живъ буду?

Голоса (дружественно и ободрительно). Поѣзжайте, Александръ Александровичъ! Пока что, будьте спокойны! „Такого" распоряженія еще не получено...

„Въ 11 ч. 25 м. пришли на станцію Байкалъ. Послѣдніе три часа, не отрываясь простоялъ у окна, любуясь дорогой“.

„25 ноября.—Вчера, на станціи Байкалъ, вполнѣ оцѣнили то обстоятельство, что желѣзнодорожная забастовка не распространяется на буфеты... Правда, вмѣсто зала перваго класса—какой-то грязный сарай, но какія закуски! Два года не видѣлъ ничего подобнаго [1]).

„Придя въ вагонъ, заснулъ, какъ удавъ. Не слышалъ ни прихода въ Иркутскъ, ни свистковъ и толчковъ при переводѣ нашего вагона съ однихъ путей на другіе.

„Съ забастовкой ничего не разберешь. Не то есть, не то нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, правильное движеніе прекратилось, хотя обѣщаютъ, что завтра пойдетъ послѣдній (?) экспрессъ и нашъ вагонъ прицѣпятъ къ нему.

„Публика разбѣжалась—посмотрѣть городъ, узнать новости, а главное (такъ я думаю)—хорошо позавтракать и пообѣдать. Въ вагонѣ остались только увѣчные. Попытка добыть пищу изъ станціоннаго буфета черезъ проводника—успѣхомъ не увѣнчалась. Вокзалъ, буквально, набитъ пассажирами и ихъ багажемъ. Порядокъ долженъ былъ бы поддерживаться воинскимъ карауломъ, но большинство часовыхъ—сильно „поддавши“; начальства не видно вовсе. Посланному сказали: „Не до тебя тутъ! Пусть сами приходятъ!“—Пришлось двинуться въ походъ (неблизкій и нелегкій). Видъ у меня былъ самый „товарищескій“—мерлушковая шапка, купленная во Владивостокѣ, изумительнаго покроя пальто-сакъ, сшитое японцемъ въ Сасебо, а на ногахъ—теплыя калоши, похожія на водолазные башмаки; къ тому же—болѣе мѣсяца не стриженъ; бреду съ трудомъ, опираясь на палку. Удачно проникъ не только въ залъ, но даже за стойку буфета. Хозяинъ, видимо, принялъ меня за услужающаго. Быстро сговорились, даже совмѣстно составили меню, а когда я (въ ожиданіи будущаго) выпилъ рюмку водки, закусилъ балыкомъ и хотѣлъ заплатить, то онъ дружески хлопнулъ меня по плечу и сказалъ: „Что за счеты!“—Не сталъ спорить.

„Подъ вечеръ (уже стемнѣло) пріѣзжала жена губернатора (ген.-маіора Кайгородова) и долго что-то разсказывала адмиралу. Видимо, сильно взволнована. О чемъ говорили—не знаю“.

„26 ноября.—Наши разсказываютъ какіе-то анекдоты о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ. Въ городѣ никто не знаетъ, что будетъ

---

[1]) Возможно, что этотъ восторгъ объясняется именно двумя годами на пищѣ, преимущественно, консервированной.

завтра, и даже нельзя дать себѣ отчета, гдѣ находишься—въ Россійской имперіи или въ штатѣ Всероссійской федераціи, или въ совершенно самостоятельной Иркутской республикѣ?

„Адмиралу (опять-таки, когда стемнѣло) прислали экипажъ (вѣроятно, результатъ вчерашняго визита), и онъ поѣхалъ къ Кутайсову (генералъ-губернатору) и къ Кайгородову (губернатору). Вернувшись, разсказалъ кое-что. Оба совершенно лишены всякой власти. Единственная ихъ опора—батальонъ (не знаю, какого полка—синіе погоны и цифры 36), присланный Линевичемъ,—волнуется. Офицеры принимаютъ участіе въ митингахъ. Нижніе чины неохотно несутъ охранную службу. Заявили, что если 30-го ихъ не отправятъ дальше, на родину, то они за порядокъ не ручаются. О мѣстныхъ войскахъ—и говорить нечего. Телеграммы идутъ черезъ цензуру забастовочнаго комитета. Власти совершенно отрѣзаны и отъ Петербурга, и отъ Линевича. Веселенькое положеніе...

„Сегодня—праздникъ св. Иннокентія, патрона Иркутска. Еще вчера вся водка была раскуплена. Предстоитъ великое пьянство. Опасаются, не разыгрался бы на этой почвѣ всеобщій погромъ.

„Въ 8 ч. 32 м. вечера благополучно поѣхали дальше".

XII.

Воинскіе поѣзда съ запасными. — По сю сторону Урала. — Неожиданный оборотъ дѣлъ.—Подъ флагомъ адмирала.—Петербургъ.—Съ больной головы на здоровую.— Попытка бороться.—На отдыхѣ.—Письмо пріятеля.—Цѣна крови.

„27 ноября.—Въ 2 ч. дня, на станціи Тулунъ, опять собралась около поѣзда толпа солдатъ и рабочихъ. Прислали депутатовъ просить, чтобы адмиралъ, хоть въ окнѣ, имъ показался. Онъ (не смотря на морозъ—18°) вышелъ на площадку. Спрашивали его: правда ли, что изъ Россіи не хотѣли посылать ему подкрѣпленій? правда ли, что Небогатовскій отрядъ въ бою вовсе не участвовалъ, а держался далеко сзади? Адмиралъ отвѣчалъ коротко и опредѣленно. „Измѣны не было?"—выкрикнулъ вдругъ чей-то пронзительный голосъ, и чувствовалось, что для всей толпы этотъ вопросъ—самый мучительный... „Не было измѣны! Сила не взяла, да Богъ счастья не далъ!"—рѣшительно отозвался адмиралъ и, поклонившись, пошелъ къ себѣ. Вслѣдъ ему неслись сочувственные крики: „Дай Богъ здоровья! Вѣкъ прожить! Старикъ, а кровь проливалъ! Не то, что наши! У нихъ иначе—

самъ въ первую голову!“—Поѣздъ тронулся, сопровождаемый громовымъ „ура“.

„28 ноября.—Въ первомъ часу дня пришли въ Каинскъ. Ясно. Морозъ—22°.

„Около 5 ч. вечера на разъѣздѣ Уярскъ догнали буйствующій эшелонъ запасныхъ, которые не пустили насъ впередъ, объявивъ, что имъ „нужнѣе“. Станціонное начальство терроризовано. Разсказывали, что вчера было еще хуже. У эшелона повредился паровозъ. Потребовали: отобрать паровозъ отъ нагнавшаго ихъ почтоваго поѣзда, потому что „насъ тутъ больше тысячи—все разнесемъ“.

„Въ 6 ч. 45 м. вечера пошли дальше“.

„29 ноября.—Плетемся въ хвостѣ поѣздовъ съ запасными со скоростью 18-ти верстъ въ часъ“.

„30 ноября.—За ночь, обманнымъ образомъ, на глухихъ разъѣздахъ, обогнали нѣсколько эшелоновъ; зато, удирая такимъ способомъ, едва не засѣли въ открытой степи изъ-за недостатка воды. Занятное путешествіе!

„Въ 12 ч. 30 м. дня прошли мостъ черезъ Обь. На правомъ берегу рѣки, близъ станціи выросъ цѣлый городъ—соборъ, правильно разбитыя улицы, извозчики съ номерами—а помню, какъ я проѣзжалъ тутъ десять лѣтъ тому назадъ на почтовыхъ: была пустыня“.

„1 декабря.—Въ Омскѣ (въ 9 ч. утра) добыли кое-какія газеты. Только и читаешь про военные бунты. Впрочемъ, свѣдущіе люди предупредили, что всѣ телеграммы идутъ черезъ цензуру „комитетовъ“, искажаются, а часто и просто фабрикуются. Утѣшительная поправка, безъ которой можно было бы подумать, что на Руси живого мѣста не осталось, а между тѣмъ мы ѣдемъ и, кромѣ буйства запасныхъ, ничего еще на себѣ не испытали“.

„2 декабря.—Увлекшись газетными извѣстіями и толками по поводу нихъ, забылъ перемѣнить компрессъ. Ночью онъ высохъ. Проснулся, подъ утро, отъ боли. Пришлось отмачивать, отдирать... Сегодня едва брожу. Главное—довезти бы до Петербурга, не слечь въ дорогѣ.

„11 ч. утра—Челябинскъ.—По внѣшности—все спокойно“.

„3 декабря.—9 ч. утра—Уфа.

„7 ч. вечера.—Уже около ста верстъ плетемся позади воинскаго поѣзда съ запасными. Не пускаютъ впередъ. Такихъ „боевыхъ“ эшелоновъ впереди—цѣлая серія. Одинъ удалось обогнать, благодаря хитрости дежурнаго по станціи, но бѣдняга

за это жестоко поплатился (сообщили вдогонку по телеграфу)—былъ избитъ почти на смерть. Становится все занимательнѣе".

„4 декабря.—Ночью долго стояли на станціи Кинель. Станціонное начальство получило по телеграфу угрозу, что будетъ сожжено живьемъ, если не пропуститъ впередъ насъ три эшелона (тѣ самые, что мы обогнали съ такими ухищреніями).

„Въ 12-мъ часу дня прибыли въ Самару. Положеніе—безнадежное. Путь—въ полной власти запасныхъ. Путейцы на вопросъ: „Когда же, приблизительно, доберемся до Москвы?"—только рукой машутъ. Полная анархія. Комендантъ станціи чуть не плакалъ, разсказывая о своемъ полномъ безсиліи... Вдругъ—чудо. Узнали откуда-то, что въ поѣздѣ адмиралъ Рожественскій (нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ „послѣднему" экспрессу). Собрались толпы, устроили овацію. Адмиралу трижды пришлось выходить на площадку и раскланиваться. Путь открытъ. Въ 12 ч. 30 м. дали полный ходъ.

„Около двухъ часовъ дня подходили къ какому-то полустанку, имѣя предупрежденіе, что здѣсь стоятъ цѣлыхъ два „боевыхъ" эшелона. Уменьшили ходъ, опасаясь—не задержатъ ли (переводомъ стрѣлки на запасный путь). Прибѣжалъ начальникъ поѣзда, блѣдный, взволнованный... говоритъ, что у станціи по обѣ стороны—сплошная толпа, и лучше остановиться добромъ... Чуть движемся... Но стрѣлки стоятъ правильно—дорога свободна... Неожиданно справа и слѣва несется „ура!"... Болѣе 2.000 человѣкъ громоздятся по насыпи, спотыкаясь, бѣгутъ за поѣздомъ, кричатъ, бросаютъ кверху папахи... Оказывается—самарскіе эшелоны телеграфировали товарищамъ, что съ экспрессомъ ѣдетъ адмиралъ, а потому впереди намъ ужъ нечего опасаться задержекъ... Трогательно и лестно, но странно..."

„5 декабря.—Бойко бѣжимъ, какъ полагается экспрессу.—6 ч. вечера—Тула. 11 ч. 15 м.—Москва".

„6 декабря.—Нашъ вагонъ прицѣпили къ пассажирскому поѣзду, и въ 12 ч. 15 м. ночи мы тронулись въ послѣдній перегонъ.

„Въ 5 ч. 30 м. дня прошли Любань.—Подходимъ къ Петербургу... Эхъ! не такъ думалось возвращаться... Тяжело на душѣ..."

Въ дальнѣйшемъ мои замѣтки не представляютъ такого общественнаго интереса, чтобы стоило приводить ихъ дословно, изо дня въ день; но для полноты грустной повѣсти, здѣсь разсказанной, мнѣ кажется необходимымъ, въ краткихъ, общихъ чер-

тахъ, передать содержаніе моего дневника и за послѣдующіе шесть мѣсяцевъ.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ стало очевиднымъ, что истинными выразителями настроенія, господствовавшаго въ „пріемныхъ", были генералъ Д. и его спутники, а отнюдь не представители владивостокскаго гарнизона и дѣйствующей арміи (не говоря уже о сѣрой массѣ запасныхъ), знавшіе „цѣну крови" и встрѣчавшіе насъ такъ сочувственно.

Въ Петербургѣ насъ встрѣтили враги тѣмъ болѣе опасные, что большинство первоначально разыгрывало роль самыхъ преданныхъ друзей... А когда выяснилось, что адмиралъ не только хочетъ, но и въ силахъ работать, при чемъ повтореніе прошлаго считаетъ за „сознательное преступленіе" и собирается камня на камнѣ не оставить — тогда создалась противъ него могучая коалиція изъ членовъ того сословія, которое издревле считало морское вѣдомство своей „жалованной вотчиной, данной на кормленіе".

Въ ближайшіе же дни по прибытіи въ Петербургъ адмиралъ представилъ свое послѣднее донесеніе—о плаваніи эскадры Китайскимъ моремъ въ Корейскій проливъ, о первомъ соприкосновеніи съ непріятелемъ, объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ бою при Цусимѣ, и развитіи послѣдняго до того момента, когда онъ (Рожественскій) выбылъ изъ строя и потерялъ способность давать себѣ отчетъ въ совершавшихся событіяхъ. Въ непродолжительномъ времени было представлено имъ и дополнительное донесеніе, являвшееся сводкой взаимно-провѣренныхъ рапортовъ командировъ и офицеровъ, уцѣлѣвшихъ въ разгромѣ, и планъ маневрированія нашихъ и непріятельскихъ силъ. Ни одинъ изъ этихъ документовъ (равно какъ и всѣ донесенія адм. Рожественскаго съ пути) не были опубликованы [1]). Зато газеты были переполнены апокрифическими разсказами о различныхъ моментахъ и эпизодахъ боя, записанныхъ, якобы, со словъ очевидцевъ.

Говоря: „якобы", не хочу быть голословнымъ: въ моихъ рукахъ имѣется документъ, свидѣтельствующій, что газета „Новое Время", получивъ для оглашенія въ печати нѣсколько писемъ погибшаго на „Суворовѣ" лейтенанта Вырубова, не только не напечатала всѣ полученныя письма, но и въ напечатанныхъ позволила себѣ дѣлать пропуски, „редактировать" ихъ такъ, чтобы они служили опредѣленнымъ цѣлямъ. Глубоко убѣжденъ,

---

[1]) Ни тогда, ни донынѣ.

что и письма корабельнаго инженера Политовскаго, котораго я лично зналъ и всегда считалъ за человѣка высоко-порядочнаго, изданныя отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: „Отъ Либавы до Цусимы" — были тоже „редактированы" въ этомъ же смыслѣ.

Да не подумаютъ читатели, что я хочу выставить людей, руководившихъ клеветнической газетной кампаніей противъ адмирала Рожественскаго, какими-то мелодраматическими злодѣями. Вовсе нѣтъ! — Это были господа, отнюдь не исповѣдывавшіе идеи: „зло для зла", какъ „искусство для искусства". Цѣли ихъ были чисто практическія, „шкурныя". Надо было, во что бы то ни стало, сохранить въ общественномъ сознаніи ту картину боя, которая была, на-спѣхъ, въ первые же дни, создана патентованными стратегами, опиравшимися въ своихъ сужденіяхъ на завѣдомо незаслуживающія довѣрія телеграммы американскихъ корреспондентовъ.

Вѣдь еслибы тогда, въ концѣ 1905-го года (вспомните это время!) были опубликованы донесенія адмирала, въ которыхъ онъ съ солдатской прямотой говорилъ, что ни съ тѣми силами, какими онъ сейчасъ располагаетъ, ни съ „обузой", которую ему собираются навязать (небогатовскій отрядъ), онъ „не имѣетъ надежды на успѣхъ"?... Еслибы выяснилось, что не отсутствіе таланта и, тѣмъ болѣе, мужества и самоотверженія, а полная негодность оружія, съ которымъ люди, вѣрные долгу, были посланы не въ бой, но на бойню,—были причиной неслыханнаго разгрома? Еслибы каждому до очевидности ясно стало, что виноваты не тѣ, что „не всѣ погибли", а пославшіе ихъ на безславную гибель?—Что̀ бы случилось? Что̀ могло бы случиться? Какими послѣдствіями могло бы грозить такое просвѣтлѣніе общественнаго сознанія для господъ, мирно проживающихъ подъ шпицемъ адмиралтейства и даже внѣ его?..

Для меня, съ моими еще незакрывшимися ранами, полубольного, полнаго горечи вынужденнаго безмолвія, невозможности гласно отвѣтить клеветникамъ, орудовавшимъ въ печати, дальнѣйшее молчаніе являлось непереносимымъ. Я выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей, въ которыхъ цифрами, документально, доказывалъ (и, смѣю думать, доказалъ), что творцы третьей (Небогатовской) эскадры, задерживая Рожественскаго на Мадагаскарѣ, обманывая общество подсчетомъ миѳическихъ „боевыхъ коэффиціентовъ" судовъ, которыя могутъ быть посланы для увеличенія силъ второй эскадры — совершали преступленіе передъ Россіей!.. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, я обѣщалъ читателямъ въ слѣдующихъ статьяхъ дать правдивое описаніе самаго боя

и обстоятельствъ, ему предшествовавшихъ, но тутъ... былъ вызванъ къ морскому министру, адмиралу Бирилеву, который отдалъ мнѣ категорическое приказаніе: безъ цензуры начальства не писать ничего о минувшей войнѣ. При этомъ мнѣ было указано, что такое запрещеніе, конечно, легко обойти, найдя подставного автора, который писалъ бы съ моихъ словъ, но министръ вполнѣ довѣряется моему слову (конечно, если я согласенъ дать таковое). Въ качествѣ мотива указывалось, что для разслѣдованія всѣхъ подробностей постигшаго насъ несчастія уже назначена особая коммиссія [1]), и преждевременныя выступленія отдѣльныхъ лицъ имѣли бы неблаговидный характеръ попытокъ повліять на общественное мнѣніе, что недопустимо съ точки зрѣнія служебной корректности и т. д. Тогда я еще былъ на службѣ, а потому, получивъ приказаніе, въ точности его исполнилъ и (ужъ конечно) не нарушилъ довѣрія, оказаннаго моему слову.

Надо ли пояснять, что этимъ способомъ воздѣйствія ротъ былъ заткнутъ только мнѣ, а „нововременскіе" рыцари „безъ страха и упрека" заголосили еще пуще...

Какъ разъ въ это время доктора рѣшительно заявили, что если я не уѣду куда-нибудь въ теплыя страны для климатическаго леченья, а въ особенности для отдыха, внѣ омута раздражающихъ и волнующихъ меня сплетенъ, то, по всей вѣроятности, дожить до торжества правды мнѣ не придется. Составили и требуемое закономъ медицинское свидѣтельство. (Забылъ упомянуть, что изъ большого пальца лѣвой ноги былъ безъ труда извлеченъ, почти самъ вышелъ, осколокъ кости, и рана начала быстро заживать).

По дѣлу о сдачѣ миноносца „Бѣдовый" была уже назначена особая слѣдственная коммиссія. (Почему-то—отдѣльно отъ коммиссіи по сдачѣ судовъ вообще). Я явился къ ея предсѣдателю и просилъ допросить меня поскорѣе, такъ какъ я могу показать немного, да и это немногое не заслуживаетъ особаго довѣрія въ качествѣ показанія тяжело раненаго, у котораго бредъ и дѣйствительность, видѣнное лично и слышанное впослѣдствіи легко могли перепутаться въ воображеніи. Цѣну такимъ „воспоминаніямъ" я хорошо зналъ изъ личнаго опыта, когда убѣждался, что собственноручно и тогда же сдѣланныя и затѣмъ поза-

---

[1]) Коммиссія эта трудилась два слишкомъ года. Результаты трудовъ ея еще и донынѣ неопубликованы, но, судя по тому, что членами ея состояли исключительно люди, не принимавшіе фактическаго участія въ минувшей войнѣ (а были и такіе, что никогда не только не командовали, но даже и не плавали на судахъ линейнаго флота)—заключеніе легко можетъ быть предсказано.

бытыя замѣтки оказываются въ противорѣчіи съ яркой картиной, создавшейся, очевидно, много позже, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ окружающихъ.

Меня допросили и отпустили на всѣ четыре стороны.

Еще нѣсколько дней — и я, поселившись въ отелѣ „Cap Martin“ (между Ментоной и Монте-Карло), на берегу лазурнаго моря, въ рощѣ альпійскихъ сосенъ, отрѣшился отъ міра.

Русскихъ газетъ и журналовъ здѣсь не получалось вовсе. „Figaro“ и „Gaulois“ давали о нашихъ дѣлахъ два—три десятка строчекъ, да и на тѣ я старался не обращать вниманія.

Единственная работа, за которую я взялся и рѣшилъ, хоть черезъ силу, закончить, была „Бой при Цусимѣ“.

Согласно данному слову — не печатать ничего помимо цензуры начальства, я всячески устранялся въ своемъ повѣствованіи отъ малѣйшихъ сужденій по вопросамъ стратегическимъ и тактическимъ, отъ всякаго „разбора“ операціи, но съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ отдавался фотографически-точному воспроизведенію деталей, безпощадно отбрасывая все, что могло бы во мнѣ самомъ возбудить хоть тѣнь сомнѣнія, какъ неотмѣченное въ записной книжкѣ или неподтверждаемое живыми свидѣтелями. Странно, какой утомительной оказывалась такая работа! — Два-три часа, результатомъ которыхъ были двѣ-три странички почтовой бумаги, укладывали меня на диванъ, и я засыпалъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ... Отчасти понятно — вѣдь я принуждалъ себя заново переживать все пережитое... И такъ — больше мѣсяца...

Слава Богу! — кончилъ и сдалъ на почту, адресовавъ (для вѣрности, чтобы не задержали толстаго пакета на границѣ) самому Рожественскому, съ просьбой передать моему брату, который озаботится и цензурой, и печатаніемъ.

„Исполнивъ долгъ, завѣщанный отъ Бога“, я собирался предаться чисто растительной жизни, какъ вдругъ получилъ письмо отъ стараго пріятеля, который, вообще, не проявлялъ склонности выражать нѣжныя чувства, а въ корреспонденціи со мною не состоялъ вовсе, но въ данномъ случаѣ поступилъ истинно по-дружески.

Позволю себѣ привести изъ этого письма дословныя выдержки: „...господа, которыхъ ты собирался изобличать, а частью уже и вывелъ на свѣжую воду, орудуютъ во-всю. Увѣренно говорятъ, что ты „бѣжалъ“ за границу и въ Россію не вернешься, потому что ты—главный виновникъ сдачи „Бѣдоваго“, и тебѣ грозитъ разстрѣлъ. Это—для примѣра, чтобы показать, до чего доходятъ

Слѣдствіе — оффиціально — тайна. Но это лишь способствуетъ успѣху клеветниковъ, которые намекаютъ, что для нихъ завѣса надъ тайной приподнята. Вполнѣ возможно (по ихъ положенію) и тѣмъ легче имъ повѣрить, а между тѣмъ они врутъ безстыдно. Убѣдился лично. Съ общественнымъ мнѣніемъ теперь считаются, а потому и здѣсь идетъ подготовка. На верхахъ тебя расписываютъ ярко-краснымъ, потрясателемъ основъ, а въ противоположномъ лагерѣ (есть и на то вѣрные люди) изображаютъ бѣшенымъ черносотенцемъ, способнымъ на все, до предательства включительно. Говорятъ, что Рожественскій для поддержанія дисциплины вѣшалъ людей десятками, а ты въ этомъ дѣлѣ былъ его правой рукой, но объ этихъ казняхъ „приказано“ молчать [1]). Словомъ—ничѣмъ не брезгаютъ. Приготовься, что хамить будутъ съ обѣихъ сторонъ. Цѣль—опорочить тебя лично по суду, или вопреки суда, чтобы дискредитировать всякое твое свидѣтельство. Пишу, чтобы ты не былъ въ невѣдѣніи. Это — глупѣе всего. Пожалуй, пріѣзжай поскорѣе (хоть легенда о бѣгствѣ разрушится). Можешь и побрыкаться, но, думаю, ничего не выйдетъ. Предрѣшено посадить тебя на скамью подсудимыхъ. Однако, попробуй —чѣмъ чортъ не шутитъ“...

Черезъ четыре дня послѣ полученія этого письма, я былъ уже въ Петербургѣ.

Характеристика положенія оказалась и мѣткой, и глубоко правдивой.

Попробовалъ „брыкаться“, но дѣйствительно ничего не вышло. Отчасти самъ виноватъ: не могъ допустить мысли, чтобы почтенный предсѣдатель коммиссіи въ вопросахъ жизни и чести могъ подчиняться какимъ бы то ни было внушеніямъ. Но не буду говорить о немъ: судьба достаточно жестоко его покарала... и всего черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ онъ сдался на роль неправеднаго судьи... Чтò бы ни толковали вольтерьянцы—не могу видѣть здѣсь простого случая, совпаденія обстоятельствъ...

Попытка сослаться на Высочайшій приказъ по военному министерству, согласно которому „офицеры, взятые въ плѣнъ ранеными“, прямо возвращались въ свои части—была безуспѣшной. Хуже того—я встрѣтилъ явное недовѣріе, когда говорилъ о моихъ ранахъ, и встрѣтилъ его со стороны коммиссіи, которая ни у одного изъ вызванныхъ ею лицъ не нашла нужнымъ освѣдомиться о томъ, въ какомъ положеніи я находился. Фельдшеръ,

[1]) Надо ли говорить, что за все время существованія второй эскадры на ней не было ни одной смертной казни, а самъ адмиралъ былъ принципіальнымъ ея противникомъ. (См. „Расплата“, стр. 333).

подававшій мнѣ первую помощь, и докторъ, перевязывавшій меня на „Бѣдовомъ“, вовсе еще не были опрошены, а рѣшеніе—уже принято... Всего этого я въ то время не зналъ, такъ какъ слѣдствіе —тайна (отъ лицъ въ немъ заинтересованныхъ), и былъ полонъ недоумѣніемъ и мучился вопросами: „Неужели они забыли? Неужели ничего не могли сказать?“ — А ихъ, просто, не спрашивали...

Я указывалъ на примѣръ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о сдачѣ отряда Небогатова, гдѣ, не смотря на состоявшійся уже Высочайшій приказъ о преданіи суду всѣхъ офицеровъ, предсѣдатель настоялъ на выдѣленіи изъ числа обвиняемыхъ не только тяжело, а хотя бы серьезно раненыхъ. — Но... то былъ другой предсѣдатель.

Я просилъ медицинской экспертизы, основанной на показаніяхъ фельдшера, доктора и другихъ лицъ. Экспертиза была дана. Былъ вызванъ лейбъ-хирургъ Муриновъ, но въ рукахъ его не оказалось никакихъ данныхъ, кромѣ непосредственнаго освидѣтельствованія шрамовъ, оставшихся на моемъ тѣлѣ, и онъ далъ... весьма уклончивое заключеніе, умолчавъ о томъ, что даетъ его безъ всякихъ основаній. Вѣдь я-то и мысли не могъ допустить, чтобы, при назначеніи экспертизы, коммиссія не исполнила моего основного требованія—опроса свидѣтелей (повторяю, что слѣдственное дѣло было *для меня* тайной); но какъ онъ, докторъ медицины, призванный для рѣшенія вопроса, затрагивающаго больше, чѣмъ жизнь, могъ пренебречь этимъ обстоятельствомъ?.. Послѣ этой, съ позволенія сказать, экспертизы мнѣ стало очевидно, что въ первой стадіи дѣло мое предрѣшено, и „брыкаться“ — безполезно. Къ тому же „друзья“ изъ-подъ „шпица“ (а какъ было разобрать, кто изъ нихъ предатель, кто нѣтъ?) усиленно внушали, что „гласный судъ—наилучшая реабилитація“, что недаромъ самъ Рожественскій требуетъ, чтобъ и его тоже судили...

Для руководства слѣдствіемъ и составленія обвинительнаго акта по этому дѣлу наличныхъ силъ прокуратуры морского вѣдомства оказалось недостаточно. 9-го января 1906 года ихъ пополнили переводомъ (изъ министерства юстиціи) А. И. Вогака, съ переименованіемъ его въ генералъ-маіоры. Онъ-то и выступилъ въ роли обвинителя.

8 апрѣля 1906 года состоялось засѣданіе коммиссіи для рѣшенія „предрѣшеннаго“ вопроса, а затѣмъ вскорѣ послѣдовалъ приказъ по морскому вѣдомству, согласно которому всѣ мы, отъ командира, который, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, нераненный и неконтуженный, сдалъ свой вполнѣ исправ-

ный миноносецъ непріятелю, не сдѣлавъ никакой попытки къ сопротивленію, и до адмирала Рожественскаго, лежавшаго въ тотъ моментъ безъ сознанія, въ борьбѣ между жизнью и смертью— должны были занять мѣста на скамьѣ подсудимыхъ...

Относительно приговора я былъ совершенно спокоенъ. Никакой судъ не могъ вынести рѣшенія, явно противорѣчащаго очевидности. Никакія уловки и хитрости не могли ни создать фактовъ, которыхъ не было, ни опровергнуть свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой, ни сгладить на моемъ тѣлѣ почетныхъ шрамовъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою...

Самый фактъ „преданія суду" казался мнѣ чудовищнымъ! Вспоминались первые дни, проведенные въ госпиталѣ, ожиданіе, что, вотъ-вотъ, японцы потащатъ въ судъ... Это было бы жестоко, но вѣдь японцы были бы въ правѣ... Вспоминались мои сомнѣнія— прилично ли будетъ просить побѣдителей о милости—о замѣнѣ веревки пулей?.. Представлялась въ воображеніи и такая картина. Судъ, *русскій судъ*, уже состоялся, но годъ тому назадъ, и на окровавленныхъ носилкахъ насъ вносятъ въ залъ засѣданія и укладываютъ на скамью подсудимыхъ... Хватитъ ли духу у дежурнаго офицера сказать, обращаясь къ намъ: „Судъ идетъ! Прошу встать!"—или, наоборотъ, предсѣдатель смущенно заявитъ: „Господа судьи! Почтите ихъ вставаніемъ!.."—Много странныхъ, много несвязныхъ мыслей... вплоть до упрека доктору, который „тогда" помѣшалъ...

И вдругъ—одна, яркая... не мысль, а крикъ:

„Это ли—цѣна крови? За это мы ее проливали?"

И сразу все остальное погасло, показалось такимъ мелкимъ, ничтожнымъ, безсильнымъ проникнуть въ сердце...

„Сердце захлопнулось"—вспомнилась гдѣ-то и когда-то вычитанная фраза...

Со спокойствіемъ, самого меня поразившимъ (до того момента я весь кипѣлъ негодованіемъ), досталъ я свой дневникъ, поискалъ и нашелъ нужную страницу:—„30 октября.—Послѣдній день въ плѣну... Дорогая родина! Тебѣ — привѣтъ!.. Судьба сберегла... Для чего?—Для службы Тебѣ!.. Клятву, страшную клятву даю: Тебѣ весь остатокъ моей жизни, всѣ силы, всю кровь!.. Тебѣ— все!.."—Прочелъ, усмѣхнулся наивности изложенія, хотѣлъ вырвать, смять и бросить въ корзину, но... раздумалъ.—Только зачеркнулъ и написалъ поперекъ:—„Родинѣ—да. А съ вами—въ разсчетѣ".

Вл. Семеновъ.

ПИСЬМА
ИЗЪ
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ *).

25 іюня 1904 г.

Вотъ уже прошло нѣсколько дней, милая моя мама, какъ я получилъ ваши письма и снова увидѣлъ ваше дорогое лицо. Сколько морщинокъ провело на немъ неумолимое время съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!.. Но все же я съ отрадой замѣчаю, что за послѣдніе годы вы измѣнились очень мало и на послѣдней фотографіи (увы! — единственной изъ трехъ, посланныхъ въ этотъ разъ Вѣрочкой, и переданной мнѣ) вы вышли даже нѣсколько моложе и здоровѣе, чѣмъ были на нѣкоторыхъ изъ прежнихъ снимковъ. И въ этотъ разъ, какъ прошлой весной, мнѣ приходится отвѣчать вамъ въ день своего рожденія, и когда я сталъ по этому поводу припоминать для васъ что-нибудь изъ нашей прошлой жизни, то мнѣ вспомнилось прежде всего, какъ въ одинъ изъ этихъ самыхъ дней я засталъ васъ разъ во флигелѣ, гдѣ вы перебирали въ маленькой шкатулкѣ, съ нѣсколькими выдвижными ящичками въ родѣ коммода, какія-то крошечныя нарядныя рубашечки и золотые крестики на цвѣтныхъ лентахъ... На мой вопросъ, что это такое?—вы отвѣтили, что это наши крестильныя рубашечки, которыя вы сохраняете у себя для воспоминаній. Вы мнѣ также показали тогда между ними три такія же нарядныя рубашечки, принадлежавшія моимъ сестричкамъ, умершимъ въ дѣтствѣ, изъ которыхъ я помню только одну послѣднюю,

*) См. іюнь, стр. 583.

и даже помню, какъ я горько плакалъ послѣ ея смерти и никакъ не могъ себѣ простить, что иногда дрался съ нею и разъ отнялъ у нея куклу...

Гдѣ-то теперь, дорогая моя, всѣ эти ваши сувениры?

Всѣ ваши птенцы давно обзавелись своими гнѣздами, и нѣкоторые уже вывели своихъ птенцовъ, а у другихъ развалились и самыя гнѣзда. Такъ проходитъ время, и одно за другимъ выходятъ на жизненную сцену все новыя поколѣнія. Только для меня одного, какъ будто заколдованнаго, не существуетъ давно никакого времени. То кажется, что я лишь года три какъ разстался съ вами; то кажется наоборотъ, что все, что я видѣлъ *за стѣнами своей крѣпости* [1]), я видѣлъ только во снѣ. Вотъ и это самое письмо я вдругъ нечаянно помѣтилъ въ черновомъ наброскѣ 395-мъ годомъ по Р. Х. только потому, что какъ разъ передъ полученіемъ вашихъ писемъ я думалъ о событіяхъ того времени, а затѣмъ и самъ сейчасъ же разсмѣялся, увидѣвъ такое время въ заголовкѣ своего письма. Вотъ было бы хорошо, еслибъ я и отправилъ его подъ такимъ годомъ. Вы, пожалуй, подумали бы, что я сошелъ съ ума, или шучу, а между тѣмъ это было только по разсѣянности и по отвычкѣ считать года, которые для меня ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого.

Этотъ 395-й годъ я написалъ потому, что продолжалъ въ послѣдніе дни тѣ астрономическія вычисленія о времени возникновенія Апокалипсиса, о которыхъ писалъ вамъ еще въ прошломъ письмѣ. Пришлось этой весной исписать числами цѣлую тетрадь, чтобъ опредѣлить съ надлежащей точностью видимое съ земли положеніе на небѣ солнца, луны и пяти извѣстныхъ древнимъ планетъ на 30-е сентября 395 года, и въ результатѣ оказалось не только полное подтвержденіе моихъ прежнихъ выводовъ, что Апокалипсисъ написанъ въ это время, но и обнаружился еще новый удостовѣряющій ихъ фактъ: оказалось, что въ тотъ день было также и солнечное затмѣніе, описанное въ этой заинтересовавшей меня въ старые годы древней греческой книгѣ. Я убѣжденъ теперь, что она принадлежитъ перу Іоанна Златоуста, и что вся его трагическая судьба послѣ 395-го года находится въ неразрывной связи съ этимъ древнимъ астрологическимъ сочиненіемъ.

Такимъ образомъ и вышло совершенно неожиданно, что за-

[1]) Слова „за стѣнами крѣпости“ были почему-то вымараны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Каждое письмо, по словамъ коменданта, докладывалось министру. Вѣроятно хотѣли скрыть, что я все еще въ Шлиссельбургской крѣпости.

Позднѣйшее примѣчаніе.

нятія теоретической астрономіей вдругъ завлекли меня въ такую область науки, по которой я никогда и не собирался путешествовать: въ исторію первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Въ библіотекѣ же нашей, къ счастью для меня, оказалось достаточно матеріаловъ по этому предмету. Вотъ я и началъ все пересматривать, стараясь выяснить себѣ какъ общій строй мысли, такъ и воззрѣнія на природу у образованныхъ людей того времени. И все это старался, по своему обыкновенью, дѣлать не по чужому изложенію, а на основаніи имѣвшихся у меня, хотя бы и одностороннихъ, старинныхъ документовъ... Пересмотрѣлъ, между прочимъ, значительную часть Четьи-Миней на славянскомъ языкѣ, и вычиталъ въ нихъ такія вещи, какихъ даже и не подозрѣвалъ. Многія изъ приводимыхъ тамъ Макаріемъ Кіевскимъ и Дмитріемъ Ростовскимъ старинныхъ легендъ положительно не лишены остроумія. Особенно оригинально, напримѣръ, сказаніе о томъ, какъ святой Макарій (Египетскій) возвратилъ человѣческій образъ женѣ одного египтянина, нечаянно превратившейся въ кобылицу. Совершенно какъ изъ тысячи и одной ночи, а я-то сначала думалъ, что эти толстые 12 томовъ, напечатанныхъ древнимъ славянскимъ шрифтомъ на позеленѣлой отъ времени бумагѣ, очень скучная и сухая матерія!..

Минувшая зима прошла для меня такъ же монотонно, и какъ будто даже больше лишена была какихъ-либо впечатлѣній изъ жизни окружающаго міра, чѣмъ всѣ остальныя со времени нашей переписки... Оглядываясь назадъ на этотъ промежутокъ времени въ поискахъ за какимъ-нибудь событіемъ, о которомъ было бы можно поговорить съ вами, я не могу замѣтить ни одной выдающейся точки, заслуживающей того, чтобы остановиться на ней въ моемъ письмѣ. Каждый день былъ похожъ на предыдущій и на всѣ остальные и проходилъ мимо меня, не оставляя по себѣ никакихъ опредѣленныхъ, отличительныхъ воспоминаній... Какъ будто несетъ тебя теченіе по безбрежному океану времени, гдѣ не видно вокругъ рѣшительно ничего, кромѣ безконечнаго ряда однообразныхъ волнъ! Каждый новый день, какъ вершина волны, поднимаетъ тебя къ сознательной жизни и обычнымъ занятіямъ, и каждая ночь, какъ промежутокъ между двумя волнами, повергаетъ во временное забвеніе, которое нарушается лишь смутными сновидѣніями, исчезающими изъ памяти такъ же легко, какъ и мысли и мечты во время бодрствованія...

Вотъ только въ самое послѣднее время, въ тотъ день, когда я получилъ ваши письма, это монотонное однообразіе нарушилось чѣмъ-то въ родѣ инфлюэнцы, съ кашлемъ, тошнотой и го-

ловной болью, которая и заставила меня на нѣсколько дней отложить свой отвѣтъ, чтобъ не обезпокоить васъ, дорогая мамаша, извѣстіемъ о неокончившемся нездоровьѣ. Теперь все это совсѣмъ прошло, и вотъ, какъ только отправлю вамъ это письмо, сейчасъ же примусь за переплетъ нѣсколькихъ книгъ, который займетъ дней десять, а послѣ этого снова войду въ обычную колею и займусь разработкой нѣкоторыхъ интересующихъ меня физико-математическихъ вопросовъ, такъ какъ темъ для разработки и желанія заниматься ими у меня всегда несравненно больше, чѣмъ средствъ и времени...

Получила ли ты, Ниночка, свое ожидаемое штатное мѣсто [1])? Оказывается изъ писемъ, что тебя берутъ на расхватъ въ различныя учебныя заведенія и что ты, вообще, пользуешься симпатіей и взрослыхъ, и дѣтей. Послѣднее для тебя особенно важно, такъ какъ дѣти почти всегда лишь постольку симпатизируютъ наукамъ, поскольку имъ нравится самъ преподаватель. Вотъ, напримѣръ, моя первая гувернантка Глафира Ивановна (наша няня называла ее, по простотѣ, не иначе, какъ Графиня Ивановна) любила больше всего лишь громко хохотать, а къ намъ, дѣтямъ, относилась чисто формально и равнодушно, нисколько не стараясь пріобрѣсти нашего сочувствія, вслѣдствіе чего и я, и сестра Катя, тоже учившаяся сначала у нея, относились ко всѣмъ преподаваемымъ ею предметамъ съ непреодолимой зѣвотой и старались лишь о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ. А такъ какъ я былъ тогда довольно предпріимчивый мальчикъ, то вскорѣ придумалъ средство сокращать этотъ непріятный для насъ промежутокъ дня. Какъ только она за чѣмъ-нибудь уходила изъ нашей классной, находившейся тогда направо отъ параднаго подъѣзда, со стороны флигеля, какъ я сейчасъ же бралъ кочергу и переводилъ ею стрѣлку висѣвшихъ тамъ, подъ самымъ потолкомъ, стѣнныхъ часовъ на полчаса или двадцать минутъ впередъ. Возвратившись назадъ, минутъ черезъ пять она сейчасъ же взглядывала на часы и восклицала:

— Ахъ, просто удивительно, какъ быстро летитъ время! Кажется, уходила всего на минутку, а прошло уже полчаса.

Затѣмъ уроки кончались раньше положеннаго времени, и мы съ сестрой убѣгали шалить и бѣгать по парку, а потомъ, когда всѣ приглашались обѣдать, я нарочно забывалъ въ классной свой носовой платокъ, или что-нибудь другое, чтобъ побѣжать за нимъ во время общаго передвиженія въ столовую и

---

[1]) Въ Петербургѣ, въ Городскомъ Училищѣ.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

снова перевести кочергой стрѣлку обратно, сколько слѣдовало. Такъ это и продолжалось цѣлую зиму и часть лѣта, но, по пословицѣ: „повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить“, наступило, наконецъ, и крушенье моей выдумки. Пошла разъ наша „Графиня Ивановна“ поставить утюгъ въ кухню на плиту, для своихъ воротничковъ, а окна въ классную были растворены. Когда она миновала ихъ и скрылась за выступомъ параднаго подъѣзда, я схватилъ кочергу и началъ переводить стрѣлку, а она, забывъ что-то, внезапно повернула назадъ и видитъ съ дорожки въ окно подъ самымъ потолкомъ противоположной стѣны часы и поднимающійся къ нимъ конецъ кочерги, а меня не видитъ подъ часами.

— Что такое тамъ!—кричитъ она въ окно.—Развѣ можно кочергу вѣшать на часы?

Я, конечно, сейчасъ же отдернулъ свой инструментъ и поставилъ на мѣсто, говоря, что снималъ паука, но она догадалась и говоритъ:—Теперь я понимаю, почему эти часы то идутъ впередъ, то отстаютъ каждый день.

Такъ и пришлось прекратить мои упражненія въ часовомъ искусствѣ.

Но за то когда, наконецъ, взяли ко мнѣ гувернера (Мореля), все сразу пошло совершенно иначе. Онъ былъ молодъ и умѣлъ внушить къ себѣ симпатію, а потому и все, что онъ преподавалъ, начало поглощаться мною съ жадностью, а время занятій стало казаться даже слишкомъ короткимъ. Онъ любилъ естественныя науки, и эта склонность сейчасъ же передалась и мнѣ, и притомъ въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ была у него. Именно съ этого времени я и началъ заниматься естествознаніемъ и составлять всевозможныя коллекціи. Но еще болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на меня одинъ извѣстный петербургскій педагогъ Федоръ Федоровичъ Резенеръ, умершій лѣтъ десять тому назадъ. Онъ пріѣхалъ разъ на лѣто въ семейство нашихъ знакомыхъ помѣщицъ, Глѣбовыхъ, заниматься съ ихъ старшей дочкой, и они всей компаніей пріѣхали къ намъ. Онъ могъ бы прямо сказать обо мнѣ: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, и все это только потому, что съ первой же встрѣчи сразу отнесся къ моимъ занятіямъ и коллекціямъ какъ къ серьезному дѣлу и толковалъ со мной о нихъ и обо всемъ другомъ безъ внѣшнихъ признаковъ снисхожденія, какъ будто съ товарищемъ. Потомъ, когда онъ, уѣзжая въ Петербургъ, прислалъ мнѣ на память одинъ изъ своихъ переводовъ: „Микроскопическій Міръ“ Густава Іегера, съ надписью: „отъ переводчика“, то я готовъ былъ за него въ

огонь и въ воду, и какъ только встрѣчалъ въ каталогахъ какую-нибудь книгу, на которой написано: „переводъ Ф. Ф. Резенера“, старался при первой же возможности раздобыть ее и прочесть. А онъ былъ однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ естественно-научныхъ книгъ и этимъ принесъ мнѣ большую пользу...

Въ такомъ же точно положеніи находитесь теперь и ты, Ниночка, и ты, Маня, и нѣтъ пользы, мои дорогія, больше той, какую вы можете принести, стараясь внушить этой мелюзгѣ любовь къ знанію и умственному труду!

Да, вотъ и ты, дорогая моя Маня, стала на самостоятельную дорогу! Желаю тебѣ отъ души полнаго успѣха, и вполнѣ понимаю описанное тобою состояніе души, когда ты въ первый разъ появилась передъ своей аудиторіей и увидѣла, какъ на тебя съ любопытствомъ смотрятъ нѣсколько десятковъ паръ глазъ, замѣчая каждое твое движеніе. Почти то же разъ было и со мной, когда мнѣ пришлось читать въ московской Пробирной Палатѣ для небольшого кружка товарищей и друзей лекцію о происхожденіи міровъ, а въ залу, гдѣ я долженъ былъ читать, вдругъ попросилъ позволенія явиться послушать одинъ инженерный генералъ, начальникъ этой Палаты и отецъ одного изъ товарищей, а съ нимъ и цѣлая куча его гостей обоего пола, среди которыхъ былъ десятокъ полузнакомыхъ мнѣ расфранченныхъ дамъ, и всѣ они, разсѣвшись на почетныхъ мѣстахъ, съ любопытствомъ уставились на меня. Въ первый моментъ было очень неловко, и замирало сердце, и приходилось слѣдить за своимъ собственнымъ голосомъ, чтобы говорить ровно и не выдавать своего волненія, но къ срединѣ рѣчи, видя, что все идетъ благополучно, я и самъ увлекся предметомъ, и даже увлекъ за собой и эту неожиданную публику, потому что по окончаніи рѣчи произошли всеобщіе оживленные разговоры о затронутомъ мною предметѣ.

Вообще говоря, мнѣ не разъ приходилось здѣсь въ разное время преподавать въ болѣе или менѣе популярной формѣ различныя физико-математическія науки, но большею частью взрослымъ, а это, по моему, несравненно утомительнѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ дѣтьми или съ большой публикой. Взрослые менѣе внимательны къ тому, что говорятъ, а нѣкоторымъ даже совсѣмъ невозможно ничего втолковать: они часто требуютъ, чтобъ имъ объясняли не такъ, какъ представляется наиболѣе удобнымъ самому лектору, а такъ, какъ этого хотятъ они, еще не знающіе предмета... Они постоянно прерываютъ изложеніе различными вопросами и преждевременными недоумѣніями, которыя и безъ

этихъ вопросовъ объяснились бы черезъ одну или двѣ минуты, а въ данный моментъ только отвлекаютъ вниманіе отъ сущности дѣла и дѣлаютъ изложеніе чѣмъ-то въ родѣ тряской поѣздки на крестьянской телѣгѣ по мостовой изъ булыжника. Но если кому-нибудь бываетъ особенная польза отъ преподаванія, то это, несомнѣнно, самому преподавателю. Вотъ, напримѣръ, тебѣ, моя дорогая, какъ ты говоришь, пришлось въ эту зиму подъучивать курсъ средней исторіи, но я увѣренъ, что теперь, по окончаніи, ты стала знать его такъ хорошо, какъ никогда не знала бы ранѣе, хотя бы и читала различныя книги по этому предмету цѣлую жизнь. Нѣчто подобное было и со мной, когда мнѣ разъ пришлось преподать полный курсъ теоретической кристаллографіи одному человѣку, почти совсѣмъ лишенному пространственнаго воображенія, абсолютно необходимаго при изученіи этой науки, хотя бы (какъ это было въ моемъ случаѣ) и при помощи многочисленныхъ моделей. Онъ пріобрѣлъ не особенно много и не надолго, но, за то, отъ постоянной возни съ нимъ мнѣ самому все вдругъ сдѣлалось ослѣпительно ясно! Такъ вотъ и ты, навѣрно, достигнешь года черезъ два по своему предмету такой ослѣпительной ясности ума, что еслибъ кто-нибудь разбудилъ тебя среди ночи и вдругъ спросилъ, напримѣръ: „въ какой странѣ и въ какомъ году женщины вынесли на спинахъ своихъ мужей изъ осажденнаго города?“—то ты, раньше чѣмъ проснулась окончательно, успѣла бы уже отвѣтить на оба вопроса. А я такъ вотъ уже и забылъ, въ которомъ году это было! Помню только, что это произошло въ Вейнсбергѣ, во время борьбы города съ германскими королями. Одинъ изъ королей осадилъ городъ, и когда увидѣлъ, что жителямъ приходится сдаваться, объявилъ, что истребитъ въ немъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, которымъ предоставилъ право безпрепятственно выйти изъ города со всѣмъ имуществомъ, которое онѣ могутъ унести на своихъ спинахъ. А вейнсбергскія дамы взяли да и вынесли оттуда всю тяжелую мужскую половину!

Если у тебя будетъ время и охота, то прочти, между прочимъ, Стасюлевича „Исторію среднихъ вѣковъ въ историческихъ памятникахъ“. Благодаря оригинальности изложенія прямо цитатами изъ древнихъ документовъ, это—очень интересная работа.

Вотъ у меня пропала охота заниматься и цвѣтоводствомъ, и чѣмъ-либо другимъ, кромѣ научныхъ вопросовъ! Какъ-то чаще и яснѣе начинаетъ чувствоваться и сознаваться, что жизнь не безконечно длинна и что ни одного потеряннаго даромъ дня уже не вернешь обратно. И хочется поскорѣе разработать и закон-

чить тѣ научные труды, многіе изъ которыхъ были намѣчены мною, когда я былъ еще на волѣ, хотя и не могу себѣ представить, что съ ними будетъ, если не надѣяться на какую-либо счастливую случайность. Когда-то я читалъ въ давно окончившемъ свое существованіе журналѣ „Слово“ одно стихотвореніе, которое не разъ приходило мнѣ на память въ моемъ уединеніи:

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣтъ!
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ,
Пока длится мерцающій свѣтъ!
Пусть отъ дрёмы, усталости, скуки
Ни на мигъ не потускнетъ мой взглядъ,
Пусть мой умъ, мое сердце и руки
Сдѣлать все, что возможно, спѣшатъ.
Чтобъ во снѣ меня мысль утѣшала,
Что послѣдняя вспышка огня,
Что послѣдняя искра застала
За работой полезной меня!
Чтобъ, уйдя по неволѣ къ покою,
Могъ сказать я въ тотъ горестный часъ,
Что умножилъ хоть каплей одною
Добрыхъ дѣлъ моихъ скудный запасъ!

Какъ бы ни старался я выразить словами то настроеніе, которое охватываетъ меня, когда минуетъ періодъ усталости или тоски и я принимаюсь за какую-нибудь новую научную работу и начинаю ее обдумывать и писать день за днемъ цѣлыми мѣсяцами, пользуясь тѣми небогатыми матеріалами, какіе есть въ моемъ распоряженіи, я никогда не могъ бы выразить это лучше, чѣмъ въ только-что приведенномъ стихотвореніи о догорающей свѣчѣ. Такъ иногда чувства одного человѣка находятъ себѣ отголосокъ въ душѣ другого, совсѣмъ ему неизвѣстнаго и далекаго!..

Мнѣ очень было грустно, мой милый Петя, когда я узналъ, что нельзя было передать вамъ моихъ научныхъ сочиненій, но будемъ надѣяться на будущее. „Времена мѣняются“, говоритъ латинская пословица, и иногда то, чего нельзя было сдѣлать въ этомъ году, оказывается возможнымъ въ будущемъ, или наоборотъ. Недавно мнѣ сказали, что три мои работы, о которыхъ я писалъ вамъ прошлый разъ, т.-е. первый томъ „Строенія вещества“, „Основы качественнаго физико-математическаго анализа“ и „Законы сопротивленія упругой среды движущимся въ ней тѣламъ“, отданы теперь на разсмотрѣніе компетентному лицу, но я не знаю его имени,—Менделѣеву же и Бекетову, о которыхъ я про-

силъ, оказалось, было неудобно, по причинѣ „преклоннаго возраста обоихъ“ [1]). Очень мнѣ хотѣлось бы, чтобъ и тебѣ удалось познакомиться когда-нибудь съ моими работами, и при случаѣ я буду еще объ этомъ просить, да и вы помогите мнѣ, если увидите, что обстоятельства будутъ благопріятны... Я же на этотъ счетъ живу теперь въ совершенныхъ потемкахъ.

А какъ мнѣ хотѣлось увидѣть васъ всѣхъ, въ какіе наряды вы ни облеклись бы, и родныя мѣста, гдѣ каждый кустъ и каждый пригорокъ такъ много говорятъ сердцу! Лучше ужъ и не огорчать себя воспоминаніями объ этомъ! Сейчасъ, за неимѣніемъ новыхъ, пересматривалъ ваши прежнія фотографіи въ своемъ альбомѣ. Вотъ и нашъ домъ, гдѣ всѣ мы жили вмѣстѣ, и флигель, и каменныя ворота вдали, куда мы ходили иногда гулять, и подъемъ на горку въ паркѣ, поросшій березами, и широкое, ровное поле подъ горой, и большой прудъ съ островкомъ по срединѣ... Какъ онъ весь заросъ водяными кувшинками! Ихъ бѣлые цвѣтки такъ и торчатъ изъ воды повсюду вокругъ лодки, гдѣ наклонилась ты, Вѣрочка, съ веслами въ рукахъ...

Сижу сейчасъ и думаю: что-то творится теперь на бѣломъ свѣтѣ? Когда-то въ Швейцаріи пришлось мнѣ посѣтить Ронское ущелье. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ него еще никогда не вступала нога человѣка, потому что рѣка прорѣзала въ этомъ мѣстѣ цѣлый горный хребетъ отъ самаго верха до низу и текла не менѣе двухъ верстъ въ узкой расщелинѣ, дна которой никто никогда не видалъ со склоновъ горы. Но человѣческая предпріимчивость воспользовалась и этой таинственной пропастью, которую народное воображеніе считало испоконъ вѣковъ жилищемъ горныхъ фей и горныхъ духовъ и гномовъ. Съ обоихъ концовъ ущелья стали пробивать одну за другою дыры въ отвѣсной каменной стѣнѣ, начали вставлять туда толстые желѣзные стержни и крючья и привѣшивать на нихъ въ мрачной глубинѣ расщелины, по одному изъ ея боковъ, висячіе деревянные мостки, въ родѣ длиннаго балкона, въ нѣсколькихъ саженяхъ надъ мутными, мечущимися волнами потока. И вотъ все то, что было, казалось,

---

[1]) Такъ мнѣ сказали изъ департамента, послѣ того какъ отвѣтили, что о посылкѣ въ Академію наукъ „нечего и думать“. Ужасная мука была съ этими рукописями, результатами многихъ лѣтъ труда, послѣ того какъ ихъ взяли у меня для передачи Бекетову или Менделѣеву, а затѣмъ два года обманывали меня, говоря противорѣчивыя вещи и не возвращая мнѣ рукописей. Я былъ увѣренъ, что ихъ просто уничтожили и что весь мой трудъ пропалъ даромъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

тайнаго отъ вѣка, стало вдругъ доступно человѣческому глазу за какихъ-нибудь два франка...

И я проходилъ вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими и англійскими спутниками по этимъ висячимъ и гнущимся подъ ногами, хрупкимъ по внѣшности мосткамъ, съ большими щелями между досками, нарочно оставленными для эффекта. Отъ шума и грохота потока не слышно было человѣческаго голоса; внизу, въ полутьмѣ, метались волны и крутились водовороты, а вверху, на громадной, недосягаемой высотѣ, синѣла лишь узкая полоска голубого неба. Весь міръ, казалось, былъ сжатъ въ этой узкой щели, и такимъ же представляется мнѣ онъ часто и теперь. Когда я гляжу въ промежутокъ между бастіонами на несущіяся вверху облака и на летающихъ подъ ними ласточекъ и стрижей, я часто вспоминаю объ этомъ Ронскомъ ущельѣ. Все, что дѣлается въ мірѣ, представляется отсюда такъ же далекимъ, какъ оно казалось и тогда... И что же удивительнаго въ томъ, что я чуть не помѣтилъ, по разсѣянности, этого самаго письма 395-мъ годомъ?..

Я живу всѣ эти годы главнымъ образомъ своимъ внутреннимъ міромъ, и если сохранилъ еще въ себѣ живую душу и воспріимчивость не только къ печальному, но и къ смѣшному, то это только потому, что раньше, чѣмъ я исчезъ со свѣта, у меня въ головѣ уже много было научныхъ вопросовъ, которые хотѣлось разработывать, и предметовъ, которые хотѣлось изучать. Вотъ окончу сейчасъ это письмо и снова примусь за нихъ, и снова на полгода войду въ обычную колею. Въ это полугодіе я успѣлъ закончить статью о радіоактивныхъ веществахъ и книгу по древней астрологіи конца четвертаго вѣка, для которой нашлись случайно достаточные матеріалы, какъ я уже писалъ въ началѣ этого письма. Вышло довольно живо, и я назвалъ свою книгу: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ; исторія возникновенія Апокалипсиса“. Теперь примусь опять за теоретическую физику, и буду разработывать одинъ новый математическій методъ изслѣдованія физическихъ вопросовъ. Если позволитъ здоровье — окончу къ новому году и напишу вамъ тогда объ этомъ новомъ произведеніи.

Прощайте всѣ, мои дорогіе! Будьте здоровы и счастливы!

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ [1]).

Январь 1905 г.

Дорогая, милая мамаша!

Вотъ и снова тихо пришелъ въ мое жилище Новый годъ и снова принесъ за собою обычныя извѣстія изъ родныхъ краевъ. Все у васъ осталось, говорятъ ваши письма, безъ особенныхъ перемѣнъ, не случилось ничего особеннаго: ни дурного, ни хорошаго... И когда подумаешь объ этомъ спокойно, то кажется, что такое отсутствіе событій не даетъ ровно никакихъ поводовъ ни для радости, ни для печали... А между тѣмъ, дорогая, у меня все-таки сразу стало легче на душѣ, какъ только я получилъ вашу обычную посылку и узналъ, что все у васъ идетъ по старому... Это, вѣроятно, потому, что въ моей тусклой личной жизни какъ-то привыкаешь больше ждать печальныхъ, чѣмъ радостныхъ событій.

О себѣ я тоже не могу сказать ничего особеннаго. По прежнему живу какъ въ заколдованномъ замкѣ, и каждый новый годъ проносится надъ его крышей какъ тѣнь чего-то далекаго, невидимаго и недоступнаго, совершающагося гдѣ-то во внѣшнемъ мірѣ... Здоровье мое ни хуже, ни лучше, занятія тѣ же самыя. Пишу томъ за томомъ новыя работы по физико-математическимъ наукамъ. Вотъ только въ концѣ прошлаго лѣта совершилось одно событіе, которое неожиданно нарушило однообразіе моей жизни, а затѣмъ пронеслось или пронесется въ будущемъ куда-нибудь мимо, оставивъ по себѣ лишь одно воспоминаніе. Какая-то волна поднялась за предѣлами моего кругозора и принесла къ намъ необычную посѣтительницу. Въ одинъ іюльскій день вдругъ отворяется моя дверь и комендантъ спрашиваетъ меня:

— Не желаете ли видѣть княжну Дондукову-Корсакову?

— Очень радъ,—отвѣчаю я, стараясь ничѣмъ не обнаружить своего смущенія отъ такой неожиданности. Но признаюсь, что я до того одичалъ, проживъ въ одиночествѣ болѣе половины своей жизни, что сердце у меня такъ и застучало въ груди. Я ожидалъ, что ко мнѣ войдетъ какая-нибудь изъ тѣхъ дамъ-патронессъ, о которыхъ я читалъ гдѣ-то въ романахъ, и начнетъ мнѣ задавать различные оффиціальные вопросы, въ родѣ „всѣмъ ли

[1]) Затеряно. Возстановлено по сохранившемуся въ моихъ тетрадяхъ черновику.

Позднѣйшее примѣчаніе.

довольны", „хорошо ли съ вами обращаются", и тому подобныя слова и фразы, на которыя я не могъ бы даже отвѣтить ей искренно, такъ какъ наиболѣе жалкимъ дѣломъ считаю жаловаться кому бы то ни было на свою участь. Но можете же представить себѣ, какъ удесятерилось мое изумленіе, когда вмѣсто ожидаемой величавой фигуры, съ цѣлой свитой такихъ же величавыхъ спутниковъ, ко мнѣ вошла одна и безъ всякаго страха замѣчательно милая и ласковая старушка и, протягивая мнѣ руку, произнесла съ улыбкой:

— Здравствуйте, Николай Александровичъ. А я много слышала о васъ отъ Ивана Павловича. Помните его?

Отъ всего этого сразу повѣяло на меня чѣмъ-то давно забытымъ. Все мое смущеніе мгновенно прошло и я почувствовалъ себя съ ней почти такъ же, какъ еслибъ кто-нибудь изъ васъ, родныхъ, неожиданно явился ко мнѣ. Я усадилъ ее въ кресло, сдѣланное для меня однимъ изъ товарищей, а самъ помѣстился напротивъ на табуреткѣ...

Она сейчасъ же разсказала мнѣ, что зовутъ ее Марія Михайловна, что ей семьдесятъ-семь лѣтъ и что съ самаго ранняго дѣтства завѣтъ Христа о „посѣщеніи больныхъ, страждущихъ, плѣненныхъ и заключенныхъ въ темницы" произвелъ на нее чрезвычайно сильное впечатлѣніе, такъ что она еще дѣвочкой рѣшила посвятить исполненію этой заповѣди всю свою жизнь и съ тѣхъ поръ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи все, что можетъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на мою личную, главнымъ образомъ внутреннюю жизнь и на семейныя обстоятельства, при чемъ мы разсуждали съ ней обо всемъ, кромѣ политики, о которой ей, очевидно, было запрещено говорить съ нами... Въ религіозномъ отношеніи она поразила меня своей терпимостью, и много разъ говорила, что не считаетъ себя вправѣ обращать въ христіанство иновѣрцевъ или невѣрующихъ, такъ какъ если они существуютъ, то очевидно настолько же нужны Богу, какъ и христіане.

Я почувствовалъ къ ней за это время большую симпатію, которой, конечно, и заслуживаетъ человѣкъ, пожертвовавшій всю свою жизнь на служеніе ближнему или на осуществленіе какой-либо великой и безкорыстной идеи. Въ молодости своей она была знатна и богата, и вдобавокъ еще несомнѣнно красавица, потому что и до сихъ поръ у нея чудные большіе глаза, которые въ молодости навѣрное были ослѣпительны. Передъ ней была блестящая будущность и личное счастье, къ которому стоило только протянуть руку, но она всѣмъ пожертвовала для того, чтобы отдать свою жизнь на служеніе евангельской заповѣди о

любви къ ближнему. И она съ тѣхъ поръ дѣйствительно исполняетъ эту свою миссію съ необычайнымъ самоотверженіемъ. Подумать только, что на семьдесятъ-седьмомъ году своей жизни она нарочно для насъ жила здѣсь по близости отъ насъ цѣлую осень, ходила къ намъ въ дождь и непогоду, питаясь однимъ молокомъ и яйцами, такъ какъ никакой другой пищи ей не могли приготовить здѣсь въ городѣ. А сколько труда и хлопотъ, вѣроятно, стоило ей разрѣшеніе посѣщать насъ! Ничего этого она не разсказывала, да и о молокѣ и яйцахъ проговорилась лишь случайно, но вѣдь вы можете себѣ и сами все это представить! Повидимому она же уговорила и петербургскаго митрополита Антонія выхлопотать себѣ разрѣшеніе посѣтить насъ во время объѣзда имъ своей епархіи. Какъ бы то ни было, въ одинъ прекрасный день, послѣ первыхъ же посѣщеній Маріи Михайловны, и онъ вдругъ побывалъ у насъ и между прочимъ „бесѣдовалъ“ и со мной съ четверть часа (объ условіяхъ нашей жизни въ заключеніи), такъ какъ спѣшилъ побывать у другихъ. Конечно, за такой короткій промежутокъ времени трудно познакомиться, но на меня онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, повидимому, съ болѣе широкими взглядами на сущность и значеніе религіи, чѣмъ мнѣ приходилось встрѣчать ранѣе въ духовной средѣ или составить себѣ понятіе по проповѣдямъ, печатаемымъ въ духовныхъ журналахъ... Затѣмъ и тотъ, и другая исчезли съ нашего горизонта, и наша жизнь потекла по прежнему...

Сейчасъ, дорогой мой Петя, я только-что снова пересмотрѣлъ твои философскія размышленія въ послѣднемъ письмѣ. Написаны они тобою, очевидно, въ минуту утомленія рутиной обыденной жизни, съ ея однообразными интересами, когда человѣку хочется на время уйти въ глубину своей собственной души и опредѣлить свое отношеніе къ окружающей насъ безпредѣльности, въ вѣчной жизни которой теряется каждое наше единичное существованіе, хотя и составляетъ въ ней неотъемлемую часть. Ты говоришь, между прочимъ, что „природа устроила очень разумно, не сдѣлавъ насъ безсмертными въ томъ смыслѣ, какъ мы это привыкли понимать“—т. е. въ смыслѣ сохраненія памяти о бывшемъ до нашего рожденія,—что „каждый изъ насъ, быть можетъ, пережилъ милліоны видовъ существованія и каждый разъ, начиная снова жизнь, радуется ей какъ чему-то новому и интересному. Можешь себѣ представить, что это самое, притомъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, приходило и

мнѣ въ голову, и я даже написалъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, небольшой разсказъ: „Эры жизни“ [1]) (научная полуфантазія), гдѣ всѣ эти мысли, въ связи съ соотвѣтствующими фактами естествознанія, вложены въ голову одинокаго мечтателя, размышляющаго о прошломъ и будущемъ земли въ своей одинокой комнатѣ, подъ шумъ зимней вьюги, осыпающей снѣгомъ его окно... Какъ жаль, что я теперь не могу послать тебѣ этого разсказа въ видѣ отголосковъ твоихъ собственныхъ мыслей!

Тѣ немногіе, кому приходилось его читать, говорили мнѣ потомъ, что онъ произвелъ на нихъ въ чисто литературномъ отношеніи очень яркое впечатлѣніе, но по отношенію къ его философскому смыслу мнѣнія разошлись въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, въ зависимости отъ міровоззрѣнія читателей. Одни объявили его „вкладомъ въ поэзію науки“ [2]), а другіе [3]) говорили мнѣ, наоборотъ, что это—настоящая галлюцинація сумасшедшаго, написанная до того реально, что у нихъ явилось даже сомнѣніе въ нормальности моихъ умственныхъ способностей въ то время, когда я писалъ этотъ разсказъ. А между тѣмъ въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего болѣе необыкновеннаго, чѣмъ твои собственныя мечтанія, съ которыми притомъ же находятся въ полномъ согласіи философія и религія всего азіатскаго юго-востока. Только одно я сюда прибавилъ отъ себя въ видѣ „новаго вклада“ не то въ науку, не то въ поэзію: на основаніи давно извѣстнаго въ химіи закона „изоморфныхъ замѣщеній“ однихъ веществъ другими я старался доказать возможность существованія сознательной жизни, совершенно аналогичной нашей, даже на такихъ раскаленныхъ свѣтилахъ, гдѣ вмѣсто воднаго океана бушуетъ еще океанъ расплавленнаго кварца, а на континентахъ, состоящихъ изъ веществъ еще болѣе тугоплавкихъ, текутъ стеклянные ручьи и рѣки и носятся кварцевыя облака.

Конечно, всѣ тѣла и кости современныхъ живыхъ существъ сгорѣли бы въ одно мгновеніе, если бы они перенеслись туда безъ измѣненія. Но если ихъ углеродистыя вещества замѣнить соотвѣтствующими химическими аналогами, плавящимися при очень высокихъ температурахъ, то можно доказать совершенно научно, что этого рода аналоги бѣлковъ оказались бы способными къ химическому обмѣну веществъ, а слѣдовательно и къ физіо-

[1]) Былъ напечатанъ въ журналѣ „Современный Міръ“ въ 1907 г. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Лаговскій.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[3]) В. Н. Фигнеръ.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

логической дѣятельности даже и при такихъ необычныхъ условіяхъ.

Вся суть моего разсказа и заключается въ томъ, что изображенный въ немъ одинокій узникъ мечтаетъ подъ шумъ ночной вьюги, будто и онъ когда-то жилъ въ другой тѣлесной формѣ и при другихъ условіяхъ. Я думаю, что разсказъ тебѣ понравился бы, хотя онъ и сильно разочаровалъ мою гостью Марію Михайловну. Во время одного изъ ея недавнихъ посѣщеній я сообщилъ ей, что вмѣстѣ со многими изъ современныхъ астрономовъ считаю если не всѣ, то многія изъ окружающихъ насъ свѣтилъ обитаемыми,—но тутъ на лицѣ ея выразилось такое глубокое огорченіе, что даже и у меня самого стало больно на душѣ: ужъ очень тяжело мнѣ было огорчить чѣмъ-нибудь эту милую, добрую посѣтительницу. Но мы потомъ помирились съ нею на томъ, что послѣ нашей смерти узнаемъ многое такое, о чемъ теперь и не подозрѣваемъ. Она—не врагъ современной науки и включаетъ въ кругъ своихъ заботъ всякую живую душу, въ которой есть стремленіе къ добру, а тѣхъ, у которыхъ этого нѣтъ, считаетъ просто „больными". „Эры жизни" и твои современныя мечтанія она отнесла бы просто къ блужданью человѣческаго ума, все еще гдѣ-то ищущаго истины, въ то время какъ она находится „близко, подъ рукой".

Я радъ, дорогой мой Петя, что ты написалъ мнѣ всѣ эти твои размышленія и ввелъ меня не только въ окружающую тебя внѣшнюю обстановку, но показалъ также и уголокъ твоей собственной души. Какъ жаль, что у меня нѣтъ мѣста поговорить съ тобою болѣе подробно объ этихъ интересующихъ и меня предметахъ, вотъ хотя бы и о затронутомъ тобою вопросѣ о существованіи или несуществованіи въ природѣ абсолютной пустоты. Твое мнѣніе, что пустоты быть не можетъ, высказано еще знаменитымъ математикомъ Декартомъ, который даже утверждалъ, что еслибъ то, что наполняетъ какой-нибудь сосудъ, было вынуто изъ него безъ замѣщенія чѣмъ-нибудь другимъ (напримѣръ, воздухомъ или всенаполняющимъ міровымъ эѳиромъ), то стѣнки этого сосуда, не имѣя ничего между собой, оказались бы *въ соприкосновеніи*. Мнѣ кажется, что этотъ философскій или скорѣе метафизическій парадоксъ основанъ исключительно на злоупотребленіи словомъ *ничего*, потому что сейчасъ же является вопросъ: а можно ли сказать, что пустое пространство есть *ничто*, только потому, что въ немъ нѣтъ *ничего* другого, за исключеніемъ *самого пространства*? Вѣдь пустое пространство, какъ оно представляется нашему уму—безпредѣльное и непре-

рывное—это только отсутствіе чего-либо матеріальнаго. Я лично, вмѣстѣ съ Фарадэемъ, Максвелемъ и другими естествоиспытателями новѣйшей школы, отвергаю только передачу дѣйствій черезъ *пустое*, т.-е. лишенное вещества, пространство и признаю возможность передачи вліяній отъ предметовъ къ предметамъ лишь въ моментъ соприкосновенія нѣкоторыхъ изъ ихъ атомовъ или черезъ окружающую среду, состоящую, подобно газовой, изъ сталкивающихся и отскакивающихъ другъ отъ друга упругихъ молекулъ, тоже передающихъ другъ другу свои воздѣйствія механическимъ путемъ въ моменты своихъ соприкосновеній. Но для движенія самыхъ атомовъ и его вѣчнаго продолженія безъ замедленій естественно должны, повидимому, существовать между первичными частицами веществъ промежутки, въ которыхъ ничто не мѣшаетъ имъ ни сближаться, ни расходиться, хотя и здѣсь является вопросъ о природѣ самаго соприкосновенія, потому что разъ между *соприкасающимися* недѣлимыми частичками нѣтъ никакого промежуточнаго пространства, то должно бы произойти ихъ сліяніе воедино, хотя и въ одной лишь точкѣ соприкосновенія и на одинъ моментъ. Здѣсь, дорогой мой Петя, мы подходимъ уже къ такимъ основнымъ вопросамъ знанія, которые выходятъ изъ предѣловъ нашего современнаго пониманія. Сколько ни ломай себѣ голову, тутъ ничего не узнаешь новаго, кромѣ самаго факта.

Мои научныя работы, милая Вѣрочка, въ послѣдніе полгода нѣсколько пріостановились. Больше всего я писалъ и приводилъ въ порядокъ за это время черновые наброски для второго тома „Основъ качественнаго физико-математическаго анализа“, первый томъ которыхъ, вмѣстѣ съ двумя другими: о „Строеніи Вещества“ и „Законами сопротивленія упругой среды движущимся въ ней тѣламъ“, былъ, какъ ты знаешь [1]), посланъ департаментомъ на разсмотрѣніе кому-то изъ спеціалистовъ. Но объ ихъ окончательной судьбѣ я до сихъ поръ не имѣю никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній, хотя и прошло уже болѣе полутора

---

[1]) Слова: „какъ ты знаешь“ употреблены съ хитростью. Въ прошлыхъ двухъ письмахъ я ей ничего не писалъ о томъ, что у меня взяли для передачи Д. И. Менделѣеву или Н. Н. Бекетову всѣ эти сочиненія, такъ какъ зналъ по опыту, что тогда ихъ нарочно не пошлютъ, чтобы не привести этихъ ученыхъ въ соприкосновеніе съ моими родными. Но потомъ оказалось, что и безъ того ни одна изъ этихъ книгъ не была послана, а всѣ почти до моего освобожденія черезъ девять мѣсяцевъ послѣ этого письма лежали въ канцеляріи у коменданта Яковлева и только передъ освобожденіемъ были отосланы Д. П. Коновалову, у котораго и лежали. Теперь онѣ всѣ уже напечатаны.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

года съ тѣхъ поръ какъ я получилъ разрѣшеніе послать ихъ и передалъ мѣстному начальству. Не знаю, не слишкомъ ли я предаюсь оптимизму, думая, что еслибъ ваша просьба министру о позволеніи передать брату эти мои работы была написана не въ позапрошломъ году, а въ этомъ, то она, можетъ быть, имѣла бы болѣе успѣха. Такихъ тяжелыхъ для меня лѣтъ, какими были два прошлые года (до самаго лѣта 1904) я уже давно не зналъ, да ты и сама вѣрно замѣтила это по тону моихъ послѣднихъ писемъ. Посмотримъ, что-то принесетъ намъ этотъ годъ! Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ, конечно, получить какой-нибудь отзывъ о посланныхъ мною работахъ, а затѣмъ хотѣлось бы особенно, чтобъ, вмѣсто обратнаго возвращенія ко мнѣ, ихъ передали брату. Если представится случай, то непремѣнно буду просить объ этомъ министра, а также и о передачѣ брату другихъ моихъ работъ, которыя безполезно лежатъ у меня теперь уже много лѣтъ. Присланную тобою фотографію мамы съ Александромъ Николаевичемъ я получилъ въ этотъ разъ безъ всякихъ затрудненій и даже вообразилъ себѣ, не знаю почему, а какъ-то такъ, по общему неуловимому впечатлѣнію, что, можетъ быть, теперь тебѣ не возвратили бы назадъ и фотографію Ниночки только изъ-за того, что она снялась для меня въ нарядѣ Сандрильоны-судомойки, съ мочалкою въ рукѣ... Впрочемъ ты вѣдь и сама недавно была въ Петербургѣ и, конечно, знаешь лучше меня, что теперь можно и чего нельзя...

Я по прежнему каждый день хожу, закутавшись, по своей тропинкѣ въ садикѣ и мечтаю среди сугробовъ снѣга, но по временамъ вдругъ взгляну и увижу: цѣлые десятки воробьиныхъ глазъ смотрятъ на меня съ голыхъ вѣтвей кустовъ и слѣдятъ за каждымъ моимъ движеньемъ, ожидая крошекъ хлѣба. И невольно приходитъ тогда въ голову: то, что для тебя представляетъ лишь случайный интересъ, для другихъ существъ является очень важнымъ фактомъ въ жизни, и ты самъ являешься для нихъ очень важной особой, за каждымъ движеніемъ которой необходимо очень внимательно слѣдить.

Не безпокойся такъ сильно о моемъ здоровьѣ, дорогая Варя. Хуже всего для меня не оно, а моя разсѣянность и забывчивость. Читаешь иногда свои старыя замѣтки и думаешь: да неужели это я написалъ? Если не въ чемъ другомъ, то въ этомъ я сталъ теперь похожъ на знаменитаго физика Ампера, который разъ, отправляясь изъ своей квартиры къ знакомому, начертилъ на своей двери: „*ушелъ и не вернусь до десяти часовъ*". Не заставъ знакомаго дома, онъ вернулся назадъ и вдругъ видитъ на две-

рахъ свою собственную надпись. „Экая досада,—говоритъ онъ,— и этотъ тоже ушелъ и не вернется до десяти часовъ! Что же мнѣ теперь дѣлать? Пойду и погуляю по улицѣ"! И ушелъ...

Вотъ то же самое часто бываетъ теперь и со мной... Прощайте же, мои дорогіе! Будьте здоровы и счастливы. Цѣлую всѣхъ племянниковъ и племянницъ. Мой привѣтъ всѣмъ, кто меня не забылъ.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

6 августа 1905 г.

Дорогая моя, милая мама, вотъ снова увидался я съ вами на фотографической карточкѣ, и мысленно цѣлую васъ множество разъ. Я думаю, что человѣкъ, живущій въ обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ, даже и представить себѣ не можетъ, какая это отрада видѣть родныя физіономіи и родныя мѣста, хотя бы только на картинкахъ... Это совсѣмъ не то, что одни простыя письма безо всякихъ иллюстрацій! Изъ писемъ узнаешь, что̀ пережито и передумано человѣкомъ, но онъ самъ, какъ живое существо, остается въ тѣни и рисуется въ воображеніи какъ-то смутно, какъ будто встрѣтился съ нимъ ночью. А потомъ обыкновенно оказывается, что его внѣшность совсѣмъ не такая, какою ее представлялъ себѣ... Это со мной нерѣдко случалось, когда я знакомился съ людьми на свободѣ сначала по перепискѣ, а потомъ уже лично, или въ давніе годы черезъ стѣну... Но другое дѣло, когда сразу получаешь и письма, и фотографіи ихъ авторовъ. Тогда все освѣщается, и кажется, что если когда-нибудь пришлось бы увидѣть этого человѣка, то сейчасъ же узналъ бы его въ цѣлой толпѣ... Такъ я знаю теперь и представляю себѣ очень живо всѣхъ своихъ племянниковъ и племянницъ, которыхъ карточки мнѣ были присланы, хотя они и появились на свѣтъ и выросли уже послѣ моего заключенія. Знаю и Ниночку, и Маню, и Ниночкину тетю Нину, и всѣхъ тѣхъ, кто окружаетъ васъ теперь въ родныхъ краяхъ, а за вами самими, дорогая мама, могу слѣдить, открывъ свой альбомъ, годъ за годомъ безъ перерывовъ. Вотъ и теперь пересмотрѣлъ все, собираясь вамъ писать.

Сижу сейчасъ въ уголкѣ крошечнаго, какъ клѣтка, садика и пишу вамъ это письмо посреди травы, подъ тѣнью лопуха и необыкновенно высокаго зонтичнаго растенія (Archangelica officinalis), которое нарочно не пололъ, потому что оно мнѣ ка-

жется очень живописнымъ. Вечеръ теплый и ясный, солнце склоняется къ закату, а высоко надъ головой летаютъ послѣднія перелетныя ласточки и щебечутъ между собою о чемъ-то неизвѣстномъ. И вотъ, переношусь своими мыслями къ вамъ и думаю, что и у васъ теперь такой же ясный и тихій вечеръ, и всѣ у васъ, можетъ быть, уже сидятъ за большимъ столомъ на террасѣ, или въ саду подъ тѣнью большихъ березъ, и пьютъ вмѣстѣ съ вами вечерній чай, или, можетъ быть, только что выкупались и возвращаются домой по тропинкѣ, между деревьями парка.

Мое здоровье, дорогая, тоже, что и прежде. Княжна Марія Михайловна снова посѣтила меня нѣсколько разъ и, добрая душа, уѣзжая прошлый разъ, даже перекрестила меня нѣсколько разъ и прошептала надо мной при этомъ какую-то молитву, совершенно такъ же, какъ это дѣлали вы, въ былыя времена, отпуская меня на каникулы. Еще въ прежній пріѣздъ она просила меня перевести для нея съ англійскаго небольшую статейку пастора Вильямса объ Ааронѣ (которую ей очень хотѣлось имѣть по-русски), и я, конечно, охотно сдѣлалъ это для нея. Но, какъ и слѣдовало ожидать, по выраженію дѣдушки-Крылова: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ“, сдѣлалъ въ этомъ переводѣ не одну ошибку, не смотря на то, что читаю по-англійски почти какъ по-русски, и свѣтскія вещи, т.-е. беллетристику, или статьи по знакомымъ мнѣ физико-математическимъ наукамъ, перевожу обыкновенно безошибочно. Но дѣло въ томъ, что для вполнѣ хорошаго перевода нужно знать не только языкъ, но и самый предметъ, и соприкасающіяся съ нимъ науки—иначе всегда легко дать промахъ, какъ это случилось и со мной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ слово „priesthood“, которое по-англійски одновременно означаетъ и священство, и духовенство, я перевелъ словомъ духовенство, а оказалось, что здѣсь именно нужно было сказать священство. Точно также перемудрилъ при переводѣ слова „gentiles“, которое значитъ: язычники, а я, желая отличиться передъ Маріей Михайловной, перевелъ его словомъ эллины, какъ это сдѣлано въ русскомъ переводѣ Библіи... А оказалось, что тутъ совсѣмъ и не нужно было мудрить, а перевести это слово, какъ оно есть. Но Марія Михайловна все же осталась очень довольна моимъ подаркомъ, такъ какъ увидѣла въ немъ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ) доказательство моей готовности сдѣлать для нея всякую услугу, не выходящую изъ предѣловъ моихъ силъ, или вообще того, что я имѣю право для нея сдѣлать.

Я уже писалъ вамъ, дорогая, какъ высоко ставлю я ее по

ея душевнымъ качествамъ, и чѣмъ болѣе ее узнаю, тѣмъ болѣе утверждаюсь въ своемъ прежнемъ, уже высказанномъ вамъ мнѣніи, что въ древнія времена она была бы христіанской мученицей и святой, а въ болѣе позднія, чѣмъ мы живемъ, она была бы тѣмъ же, чѣмъ и теперь, т.-е. героиней самоотверженія и воплощеніемъ безкорыстной любви къ ближнему, проявляется ли эта любовь подъ знаменемъ религіи, или какимъ-нибудь другимъ, чисто гуманитарнымъ знаменемъ. Ея религіозность (которая, замѣчу, не заключаетъ въ себѣ ничего узкаго или ханжескаго, а наоборотъ, отличается терпимостью) и извѣстная доля экзальтаціи придаютъ только особенную цѣлость ея характеру, и я не могу не сознаться, что она мнѣ очень нравится такой, какъ она есть. Повидимому она и сама хорошо замѣтила это, и потому относится ко мнѣ съ большой нѣжностью, не требуя отъ меня религіозности, которой я ей не въ силахъ дать.

Съ ея другомъ, митрополитомъ Антоніемъ, у меня вышла прошлой зимой маленькая переписка. Оказалось, что онъ просилъ начальство разрѣшить намъ написать ему въ Петербургъ, если кто-нибудь будетъ имѣть въ немъ какую-либо нужду, и я изложилъ ему тѣ самыя мои мысли объ Апокалипсисѣ, о которыхъ я писалъ вамъ года два тому назадъ, т.-е. что апокалиптическіе звѣри: Телецъ, Левъ, Драконъ, Змій и такъ далѣе, если смотрѣть на нихъ съ чисто астрономической точки зрѣнія, суть не что иное, какъ сохранившіяся и до сихъ поръ на звѣздныхъ картахъ созвѣздія Тельца, Льва, Дракона и т. д., описанныя настолько отчетливо, что даютъ полную картину звѣзднаго неба для времени, когда была написана эта книга. Затѣмъ я указалъ ему, что, вычисливъ астрономическими способами, когда эти созвѣздія и указанныя въ нихъ (аллегорически) планеты имѣли данный видъ надъ островомъ Патмосомъ, вычисленія неожиданно привели меня къ 30 му сентября 395 года, т.-е. ко времени проповѣднической дѣятельности Іоанна Златоуста. Въ заключеніе же я просилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ указать какія-либо изслѣдованія по этому поводу въ современной историко-теологической литературѣ, такъ какъ астрономическая часть древнихъ книгъ меня всегда чрезвычайно интересовала... Митрополитъ Антоній былъ настолько любезенъ, что передалъ мое посланіе на разсмотрѣніе одному изъ профессоровъ исторической теологіи, а потомъ, 30-го мая, прислалъ мнѣ его отвѣтъ, отпечатанный на машинѣ Ремингтона, съ маленькой припиской, гдѣ выражаетъ удовольствіе, что могъ исполнить мою просьбу. Такъ какъ васъ

всѣхъ, безъ сомнѣнія, интересуетъ этотъ отзывъ, то я и приведу вамъ его начало и конецъ.

„Мысль объ астрономическомъ значеніи нѣкоторыхъ символовъ Апокалипсиса (пишетъ профессоръ теологіи митрополиту) раскрывается въ интересномъ письмѣ г. Николая Морозова (это, конечно, простой комплиментъ) нѣсколько оригинально, но въ наукѣ она ненова и во многихъ частностяхъ не можетъ быть оспариваема. Въ послѣднее время эта идея особенно разработывается представителями такъ называемой „религіозно-исторической школы", разсматривающей христіанство какъ одну изъ стадій и формъ раскрытія религіознаго сознанія. Въ отношеніи къ Апокалипсису этими учеными предполагается, что данная книга собственно не христіанскаго происхожденія и во всякомъ случаѣ составлена изъ вавилонскихъ матеріаловъ, а для Вавилоніи астральное значеніе такихъ апокалиптическихъ символовъ несомнѣнно, и именно въ примѣненіи къ религіи. Такъ утверждаетъ въ особенности берлинскій профессоръ Hermann Gunkel, потомъ сходно высказываются и многіе другіе.

„Здѣсь, какъ и у г. Морозова, рѣшеніе наклоняется къ подрыву апостольскаго происхожденія Апокалипсиса, но по чисто научнымъ основаніямъ я не считаю этого вывода неизбѣжнымъ. Всѣми признается, что священный апокалиптикъ говоритъ о таинственныхъ вещахъ, какихъ онъ ожидалъ въ будущемъ, и уже потому самому не могъ описать прямыми терминами современнаго ему языка, ибо и самая мысль человѣческая не проникла еще въ сферу этихъ отдаленныхъ судебъ міра. При такихъ условіяхъ апокалиптику для выраженія своихъ созерцаній не оставалось ничего иного, какъ воспользоваться выработанною вѣками символикой, которая была освящена и библейскимъ употребленіемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ онъ и дѣлаетъ, находясь здѣсь въ полномъ согласіи съ пріемами тогдашней литературной изобразительности, о чемъ мы основательно можемъ судить по многочисленнымъ памятникамъ апокрифически-апокалиптической письменности эпохи около времени Рождества Христова до и послѣ этого событія. Достаточно назвать хотя бы книгу Еноха, гдѣ подобныхъ апокалиптическихъ образовъ чрезвычайно много".

Затѣмъ онъ сообщаетъ нѣсколько другихъ мало интересныхъ для васъ соображеній о древнихъ воззрѣніяхъ на Апокалипсисъ и о томъ, что чисто астрономическія разысканія не могутъ имѣть безусловнаго значенія при опредѣленіи времени этой книги, и заключаетъ свою замѣтку такъ:

„Да благословитъ Господь милости, щедротъ и всякой утѣхи

всѣ честные труды ради истины, гдѣ нѣтъ ни узъ, ни заключеній, ибо Божественный Свободитель міра отъ вѣкового рабства сказалъ:—и уразумѣете истину и истина освободитъ вы... (Іоанн. 8. 32)".

Вотъ видишь, дорогая моя Вѣрочка, въ какія теологическія глубины я погрузился въ этомъ году! Но если ты сдѣлаешь изъ всего вышесказаннаго выводъ, что я занимался въ это время главнымъ образомъ исторіей теологіи, то ты жестоко ошибешься. Все, что я писалъ вамъ до сихъ поръ, были только мимолетныя тѣни въ моемъ существованіи, а наполняли его по прежнему физико-математическія науки. Я радъ сообщить тебѣ, что уже не разъ упомянутыя въ этихъ письмахъ мои работы: „Строеніе вещества", „Основы качественнаго физико-математическаго анализа" и „Законы Сопротивленія упругой среды движущимся въ ней тѣламъ" переданы этой весной, послѣ двухлѣтнихъ затрудненій, тому же самому профессору [1]), который разсматривалъ четыре года тому назадъ мою прежнюю работу: „Періодическія системы". Въ слѣдующемъ письмѣ, зимой, вы, можетъ быть, получите отъ меня и сообщеніе о результатахъ этого событія. Въ этомъ же году я написалъ новую книгу по высшей математикѣ, гдѣ дается дальнѣйшее развитіе вопросамъ, поднятымъ еще въ первую половину XIX-го столѣтія геніальнымъ англійскимъ математикомъ Гамильтономъ, основателемъ такъ называемой „векторіальной алгебры" и метода „кватерніоновъ". Вотъ этому-то самому предмету и посвящена только что законченная мною теперь работа: „Аллотропическія состоянія и метаморфозы алгебраическихъ величинъ" [2]), гдѣ аллотропическими состояніями величинъ называются такіе случаи, когда онѣ принимаютъ видъ комплексныхъ и имъ подобныхъ выраженій, считавшихся въ старыя времена „мнимыми", но реальность которыхъ была указана еще Гамильтономъ... Знаю, дорогая моя Вѣрочка, что отъ этого опредѣленія у тебя останется только звонъ въ ушахъ, но ужъ прости меня: никакого другого тутъ дать невозможно. Таковъ предметъ: все это сочиненіе (составляющее 26-й томъ моихъ работъ и черновыхъ набросковъ) переполнилось матема-

---

[1]) Д. П. Коновалову, отъ котораго я и получилъ ихъ обратно въ нераспечатанномъ видѣ, послѣ моего освобожденія, совершившагося черезъ три мѣсяца послѣ отправки этого моего письма.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Она издана въ концѣ 1908 г. товариществомъ „Общественная Польза", подъ названіемъ: „Начала векторіальной алгебры въ ихъ генезисѣ изъ чистой математики", такъ какъ первоначальное названіе показалось мало понятнымъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

тическими формулами, графиками и вычисленіями. Въ немъ только четыреста съ небольшимъ страницъ, но для того чтобъ написать ихъ въ этомъ окончательномъ видѣ, пришлось исписать различными подготовительными вычисленіями по крайней мѣрѣ вчетверо больше бумаги, а потомъ лишь резюмировать ихъ окончательные результаты. Нѣкоторыя вычисленія приходилось дѣлать подъ рядъ нѣсколько дней и исписать цифрами и преобразованіями страницъ по двадцати бумаги, а потомъ свести все на одну страницу, и голова у меня подъ конецъ подобныхъ утомительныхъ операцій готова была лопнуть—а бросить посрединѣ и отдохнуть было нельзя, чтобъ не потерять связи начала вычисленія съ ихъ концомъ. Разъ дошелъ даже до такого отупѣнія, что сталъ, наконецъ, путать таблицу умноженія, и, получивъ нелѣпый результатъ, нашелъ при провѣркѣ, что въ одномъ мѣстѣ я сосчиталъ: „пятью пять—сорокъ пять“, вслѣдствіе чего написалъ и посылаю теперь для моихъ маленькихъ племянниковъ и племянницъ слѣдующее стихотвореніе:

Жилъ поэтъ
До ста лѣтъ;
Онъ игралъ на лирѣ:
Пятью пять—
Двадцать пять,
Дважды два—четыре.
Такъ поэтъ
Жилъ сто лѣтъ
И почилъ онъ въ мирѣ...
Пятью пять—
Двадцать пять,
Дважды два—четыре.

Всѣ ваши письма и фотографіи получилъ въ исправности еще въ началѣ іюля, но замедлилъ на этотъ разъ отвѣтомъ по причинѣ болѣзни глазъ. Цѣлую тебя и маму за всѣ ваши заботы обо мнѣ, такъ какъ вижу въ нихъ лишь доказательство вашей любви.

Изъ нѣсколькихъ строкъ, милый Петя, въ которыхъ ты сообщилъ мнѣ твои мысли о причинахъ тяготѣнія, я не могъ вполнѣ отчетливо выяснить себѣ твою идею. Повидимому ты сводишь всемірное тяготѣніе на дѣйствіе остаточныхъ электромагнитныхъ силъ, къ которымъ по новѣйшимъ представленіямъ сводится химическое сродство атомовъ вещества, такъ какъ эти мельчайшія частички въ природѣ дѣйствительно притягиваютъ другъ друга, какъ ты и говоришь, подобно тому, какъ сѣвер-

ный полюсъ одного магнита притягиваетъ южный полюсъ другого, и наоборотъ. Отсюда, конечно, возможно предположить, что остаточныя силы этихъ химическихъ воздѣйствій, при большихъ скопленіяхъ вещества, могутъ простираться и на огромныя разстоянія, если притягательныя магнитныя силы противоположныхъ полюсовъ у небесныхъ свѣтилъ не уравновѣшиваются отталкивательными силами ихъ однородныхъ полюсовъ. Но будетъ ли это въ сущности объясненіемъ тяготѣнія? — Одно неизвѣстное здѣсь только замѣняется другимъ, а самый механизмъ явленія по прежнему остается въ туманѣ. Вотъ почему тѣ взгляды, которые уже высказывались нѣкоторыми астрономами, въ родѣ Секки и другихъ, являются для меня болѣе понятными, такъ какъ сводятъ дѣло къ простымъ толчкамъ частицъ окружающей среды, упругость которой возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра небесныхъ свѣтилъ, хотя бы по причинѣ излученія ими въ окружающее пространство свѣта и теплоты. Замѣчательно, что и самъ Ньютонъ, какъ видно изъ одной его замѣтки, относящейся къ 1675-му году, старался найти механическія причины тяготѣнія въ дѣйствіяхъ все наполняющаго міроваго эѳира и говоритъ, между прочимъ, что солнце „для своего постояннаго горѣнія“ должно поглощать изъ окружающихъ міровыхъ пространствъ находящіяся въ нихъ газообразныя вещества, и ихъ постоянное теченіе къ солнцу могло бы увлекать за собой и планеты, вызывая такимъ образомъ какъ будто притяженіе между ними. Конечно, съ точки зрѣнія современной астрономіи этотъ взглядъ давно сдѣлался анахроничнымъ, но заключающаяся въ немъ идея чисто механическаго объясненія является единственной, которую приходится разрабатывать въ настоящее время, даже и по отношенію къ дѣйствіямъ магнитовъ другъ на друга, изъ которыхъ ты исходишь. Несомнѣнно, что сѣверный магнитный полюсъ одного небеснаго свѣтила долженъ (какъ ты и допускаешь) въ нѣкоторой, хотя и чрезвычайно малой степени притягивать южный магнитный полюсъ другого и отталкивать его сѣверный полюсъ, но сейчасъ же является вопросъ: почему же вообще магниты дѣйствуютъ другъ на друга? Въ этомъ-то послѣднемъ объясненіи и заключается весь вопросъ. А такъ какъ мы съ тобой теперь не можемъ рѣшить его окончательно, то лучше перейдемъ къ твоимъ домашнимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что устраиваемые у тебя любительскіе спектакли меня очень удивили. Я никакъ не могъ представить себѣ, что въ нашей глуши могутъ найтись актеры-любители, способные сыграть „Грозу“ Островскаго, „Предложеніе“ Чехова и другія пьесы, которыя

ты назвалъ. И все это—въ нашей большой залѣ, въ которой мы когда-то играли въ жмурки! Просто удивительно, какъ цивилизовалась наша провинція... Повидимому у васъ есть не только актеры, но даже и зрители, такъ какъ Вѣрочка мнѣ пишетъ, что гости иногда тщетно раскланиваются передъ мамашей, пока ей кто-нибудь не скажетъ объ этомъ. Обычные знакомые не стали бы дѣлать этого молча, зная, что она ихъ не можетъ ясно видѣть.

На присланной мнѣ коллективной фотографіи сидишь ты, милая Груша, такая худенькая, что первое мое пожеланіе тебѣ—это немного растолстѣть! Недавно я тебя видѣлъ во снѣ и очень страннымъ образомъ. Казалось, что какъ будто мамашины мечты сбылись, и я дѣйствительно живу въ Боркѣ во флигелѣ. Заспавшись утромъ, вскакиваю съ постели и вижу, что уже десять часовъ. Вотъ, думаю, опоздалъ къ чаю и смотрю изъ восточнаго окна флигеля, не видно ли васъ на балконѣ большого дома, за чаемъ. Но вижу только тебя одну, да и то спиной ко мнѣ. Я бросился одѣваться и вдругъ съ ужасомъ вспомнилъ, что всѣ двадцать шесть томовъ моихъ записокъ по физико-математическимъ наукамъ, все, надъ чѣмъ трудился ежедневно пятнадцать лѣтъ, пропало гдѣ-то въ дорогѣ!.. Меня охватило такое отчаяніе, что и сказать нельзя: всѣ мои мечты принести какую-либо пользу наукѣ пропали даромъ!.. Но сейчасъ же мнѣ пришло въ голову: да вѣдь это только сонъ! Не могъ я никакъ попасть въ этотъ флигель! И вотъ начинаю ломать себѣ голову, какъ бы мнѣ отличить этотъ сонъ отъ дѣйствительности: всѣ предметы кажутся такъ ясны, какъ въ дѣйствительности, и нѣтъ никакихъ средствъ убѣдиться, что я сплю. Наконецъ, просыпаюсь отъ волненія и вдругъ вижу, что всѣ мои сочиненія стоятъ въ цѣлости у изголовья моей кровати... У меня отлегло на душѣ!

Вообще я очень часто вижу себя во снѣ во всевозможныхъ самыхъ опасныхъ положеніяхъ, но большею частью нисколько не боюсь, такъ какъ отлично сознаю, что это—сонъ. Разъ, напримѣръ, попалъ въ камышахъ въ лапы къ огромному тигру, но въ тотъ самый моментъ, когда онъ уже хотѣлъ перекусить мнѣ горло, я вдругъ успокоился и сказалъ себѣ: „не можетъ онъ этого сдѣлать, вѣдь это только во снѣ!“ А тигръ зарычалъ отъ ярости и ушелъ...

Ты какъ-то спрашивала меня, что̀ я теперь читаю? Да все, какъ и прежде. Кромѣ научныхъ сочиненій по своей спеціальности, больше всего—иностранные романы. Давно перечиталъ всѣ англійскіе, какіе были, нѣкоторые по два раза и болѣе.

Недавно прочелъ очень недурной фантастическій романъ Уэллса: „Морская Дама“, и началъ читать Дюма-Отца: „Le Vicomte de Bragelonne“, но, прочитавъ шесть съ половиной томовъ, бросилъ съ досадой, не окончивъ полутора остальныхъ. Во всякомъ романѣ для меня нужно кому-нибудь сочувствовать, а тутъ рѣшительно некому: всѣ дѣйствующія лица—не люди, а куклы, и на самыхъ патетическихъ мѣстахъ вдругъ начинаешь смѣяться! Взялъ вмѣсто него Жоржъ-Зандъ, и немного успокоился, какъ будто изъ-за грубо намалеванныхъ кулисъ попалъ на просторъ луговъ и полей. Теперь читаю по-нѣмецки „Сузи“ Шпильгагена, конечно только въ промежуткахъ между своими физико-математическими работами и размышленіями, такъ какъ романы мнѣ служатъ только отдыхомъ отъ нихъ.

Вотъ уже кончается и лѣто. Въ мое окошко снова начала заглядывать съ высоты желтая звѣзда Арктуръ, обычная для меня вѣстница близкой осени, и я каждый вечеръ обмѣниваюсь съ ней привѣтомъ, въ ожиданіи другихъ звѣздъ, поочередно посѣщающихъ меня въ продолженіе зимы, такъ какъ лѣтомъ ничего не видно: заря во всю ночь. Скоро въ уголкѣ, гдѣ я вамъ пишу, будутъ лежать сугробы снѣга, и отъ зеленыхъ растеній, среди которыхъ я теперь сижу, будутъ выглядывать изъ нихъ только сухіе поблекшіе стебли...

Прощайте же, мои дорогіе! Цѣлую васъ всѣхъ множество разъ! [1])

Николай Морозовъ.

---

[1]) Это было послѣднее письмо. Черезъ три мѣсяца, 28 сентября 1905 года, меня съ товарищами увезли изъ Шлиссельбургской крѣпости.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

ЦАРИЦА-ПРИСЛУЖНИЦА

(Новонайденная трагедія Еврипида.)

I.

Египетская сказка пока еще продолжается. Чистые пески бездождной страны выдали намъ еще одно твореніе античной музы, ввѣренное ихъ охранѣ безъ малаго двадцать вѣковъ назадъ — крупные отрывки трагедіи Еврипида. Подобно пэанамъ Пиндара и нѣкоторымъ другимъ находкамъ, и эта послѣдняя принадлежитъ къ ряду важныхъ литературныхъ текстовъ, найденныхъ въ 1906-мъ году неутомимыми англійскими изслѣдователями, Гренфеллемъ и Гентомъ, въ свалочномъ мѣстѣ древняго Оксиринха. Въ свалочномъ мѣстѣ... Уже это одно наводитъ на мысль, что самая рукопись для своего древняго владѣльца особой цѣнности не представляла. Дѣйствительно, текстъ трагедіи написанъ не очень заботливой рукой на оборотной сторонѣ папируса, лицевая сторона котораго содержала какой-то счетъ. Это значитъ, что папирусъ былъ купленъ именно для этого счета, какъ видно изъ формы письменъ, еще въ I вѣкѣ по Р. Х. Неизмѣнная судьба такихъ счетовъ та, что они имѣютъ громадную важность въ ближайшее по своемъ возникновеніи время, а по истеченіи этого времени ихъ интересъ сводится къ нулю. Такъ и нашъ папирусъ, съ записаннымъ на лицевой сторонѣ счетомъ, по минованіи надобности былъ проданъ или отданъ, какъ малоцѣнный писчій матеріалъ, невзыскательному человѣку, которому могла пригодиться его неиспользованная оборотная сторона. Это былъ скорѣе

всего какой-нибудь школьный учитель, человѣкъ небогатый, не имѣвшій возможности пользоваться для своихъ записей совершенно чистыми папирусами. Для нуждъ преподаванія онъ и записалъ на оборотной сторонѣ своего счета ту трагедію Еврипида, которую онъ проходилъ со своими учениками, отмѣчая на поляхъ, кромѣ чередованія дѣйствующихъ лицъ, также и число стиховъ по сотнямъ. Затѣмъ онъ пересталъ нуждаться въ своемъ свиткѣ или умеръ; свитокъ съ другимъ хламомъ былъ брошенъ въ свалочное мѣсто, гдѣ и пролежалъ вплоть до нашихъ дней. Онъ не истлѣлъ, но искрошился, и его счастливымъ находчикамъ стоило немалаго труда составить тѣ триста болѣе или менѣе цѣльныхъ стиховъ, которые мы теперь читаемъ въ только-что (1908 г.) появившемся VI-мъ томѣ ихъ капитальнаго изданія.

Да, египетская сказка еще продолжается, мертвые еще воскресаютъ. Только надолго ли ея хватитъ? Говорятъ, тѣ оригинальные пріиски, которымъ мы обязаны находками послѣднихъ лѣтъ, въ скоромъ времени будутъ истощены. Это бы еще не обезкуражило филологовъ, оптимизмъ которыхъ, приподнятый чудесными воскресеніями ближайшаго прошлаго, не такъ скоро откажется отъ своихъ надеждъ: ну что же, эти пріиски изсякнутъ, за то будутъ обнаружены новые. Нѣтъ, говорятъ о болѣе грозной опасности; предполагается съ помощью плотинъ поднять уровень Нила. Тогда вода зальетъ невѣдомые тайники, гдѣ еще покоится, быть можетъ, столько необнаруженныхъ памятниковъ старины; въ нѣсколько дней размякнетъ и разрушится то, что столько вѣковъ оставалось нетлѣннымъ. Вотъ это дѣйствительно мысль, при которой болѣзненно сжимается сердце филолога—и не одного только филолога. Подумать, что тамъ, подъ легкой оболочкой земли, покоятся Саффо, Эпихармъ, Каллимахъ, Менандръ, что одинъ счастливый ударъ заступа можетъ раскрыть имъ уста, что ихъ воскресеніе близко, такъ близко—и что вдругъ ихъ затопитъ безжалостная стихія, что они будутъ уничтожены навсегда... Конечно, поднятіе производительныхъ силъ страны—великое дѣло; но неужели его нельзя отложить, пока она не выдастъ намъ покоящихся въ ней памятниковъ? Столько одинаково важныхъ меліоративныхъ задачъ ждутъ своего разрѣшенія въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ разрѣшеніе не грозитъ никакой опасностью сокровищницѣ нашей умственной культуры; неужели нельзя съ нихъ начать, оставляя пока неприкосновеннымъ Египетъ и давая возможность этой чудесной странѣ могилъ исполнить до конца свою роль, какъ чудесной страны воскресеній?

II.

Я назвалъ новонайденную трагедію Еврипида „Царица-прислужница“, чтобы дать читателю представленіе о ея содержаніи. Въ древности, благодаря знакомству всего народа со сказаніями родной миѳологіи, для этого достаточно было озаглавить драму именемъ ея героя или героини. Такъ и поступилъ Еврипидъ въ данномъ случаѣ. Его трагедія называлась „Ипсипила“ (Hypsipyle). Это — женское имя, очень благозвучное для греческаго уха: его значеніе — „высоковратная“. Какъ будто не совсѣмъ подходящее для женщины; но объ этомъ рѣчь впереди. Кто такая эта Ипсипила?

Былевая поэзія древней Греціи дважды имѣла поводъ заниматься ею въ связи съ двумя центральными событіями сказочной старины: походомъ Аргонавтовъ въ Колхиду и походомъ Семи вождей противъ Ѳивъ. Тамъ мы имѣемъ дѣло съ Ипсипилой-царицей, здѣсь — съ Ипсипилой-прислужницей. Трагедія Еврипида имѣетъ героиней прислужницу; но такъ какъ прежняя участь царицы и у него является яркимъ фономъ воспоминаній для жалкой доли прислужницы, то и мы должны сначала заняться ею. Итакъ, передъ нами Ипсипила-царица; гдѣ же ея царство?

Ея царство — суровый островъ Лемносъ, въ сѣверной части греческаго архипелага, недалеко отъ ѳракійскихъ береговъ. Здѣсь еще въ историческую эпоху горѣли какіе-то таинственные подземные огни, свидѣтельствовавшіе о дѣятельности вулканическихъ силъ — знаменитые на всю Грецію „лемносскіе огни“. Гефестъ былъ, поэтому, однимъ изъ главныхъ боговъ страны; въ честь его былъ названъ одинъ изъ ея двухъ городовъ, Гефестія. Ея старинныхъ жителей Гомеръ называетъ „Синтіями“, т.-е. разбойниками; дѣйствительно, положеніе острова на пути въ Мраморное и Черное моря дѣлало морской разбой очень соблазнительнымъ для его населенія. То же положеніе недалеко отъ ѳракійскихъ береговъ позволяетъ думать, что и эти синтіи принадлежали къ обширному ѳракійскому племени; и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ у нихъ въ качествѣ второго главнаго, уже не мѣстнаго, а племенного бога — главнаго бога ѳракійцевъ, Діониса. Отъ него вела свое происхожденіе царствовавшая въ доисторическую эпоху династія: царя Ѳоанта считали сыномъ Діониса и Аріадны, а дочерью Ѳоанта была Ипсипила.

Тамъ же, однако, на томъ же суровомъ и загадочномъ островѣ

завоеватели-греки (о нихъ вскорѣ) встрѣтились еще съ однимъ, сильно заинтересовавшимъ ихъ явленіемъ — съ женскимъ царствомъ амазонокъ. Ихъ существованіе было общеизвѣстно: второй городъ лемносцевъ, Мирина, былъ названъ такъ въ честь славной царицы амазонокъ и хранилъ память о ней въ теченіе всей исторической эпохи древней Греціи; Мириной же была названа жена царя Θоанта, мать нашей Ипсипилы. Все это заставляетъ отнести древнѣйшія лемносскія сказанія къ обширному и увлекательному циклу миθовъ объ амазонкахъ.

Ютились эти миθы повсюду вдоль черноморскаго побережья — и во Θракіи, и въ Малой Азіи, и у подножія Кавказа. Греки охотно представляли себѣ своихъ любимыхъ героевъ въ бою съ отважными поляницами сѣвера, при чемъ то эти герои—какъ это сдѣлалъ Гераклъ — отправлялись на подвиги въ ихъ сказочную страну; то сами амазонки — какъ повѣствуетъ сага о Θесеѣ — совершали смѣлые набѣги на греческую землю; то, наконецъ, ихъ великодушная и необузданная рать являлась внезапно къ какому-нибудь царю Пріаму, тѣснимому врагами послѣ смерти героя-сына Гектора, и ихъ царица Пенθесилея гибла въ поединкѣ съ Ахилломъ, влюбляя его въ себя въ минуту смерти. Все это были прекрасныя, поэтическія сказанія; счастьемъ тѣхъ амазонокъ было то, что ихъ предполагаемая родина находилась далеко, внѣ кругозора греческихъ интересовъ, и поэзія могла гулять по ней вволю, не встрѣчая препятствій со стороны политики.

Лемносъ—не то. Онъ на порогѣ историческаго времени былъ завоеванъ греками; это завоеваніе должно было быть нравственно оправдано. Вѣщее слово Данте —

La colpa seguirà la parte offesa —

подтвердилось и здѣсь: „вина послѣдовала за обиженной стороной", пострадавшіе были признаны преступниками. Пострадали синтіи, жители Гефестіи—на то они были синтіи, т.-е. разбойники. Пострадали амазонки Мирины — онѣ совершили еще гораздо болѣе страшное преступленіе, знаменитый на всю Грецію „лемносскій грѣхъ". Этотъ лемносскій грѣхъ долженъ былъ объяснить также и происхожденіе женскаго царства на Лемносѣ; разсказъ о немъ гласилъ такъ.

Было это тогда, когда Θоантъ, сынъ Діониса, былъ царемъ Мирины; лемніяне вели тогда постоянныя войны съ жителями Θракійскаго материка. Во время одной изъ этихъ войнъ лемніянокъ постигъ гнѣвъ Афродиты — объясняемый, какъ обыкно-

венно, упущеніемъ установленныхъ для богини почестей,—вслѣдствіе котораго мужья ихъ возненавидѣли и стали жить со своими ѳракійскими плѣнницами. Лемніянки нѣкоторое время терпѣли, но затѣмъ, не будучи въ силахъ выносить оскорбленіе, сговорились въ одну ночь перебить и своихъ разлучницъ, и невѣрныхъ мужей, и заодно — изъ опасенія мести—все мужское населеніе. Это и былъ „лемносскій грѣхъ, первенствующій среди грѣховъ", какъ его называетъ Эсхилъ.

Юная Ипсипила къ нему причастна не была: не имѣя мужа и вѣрно любя своего отца, Ѳоанта, она пожелала его спасти. Пользуясь мракомъ ночи, она уложила своего отца въ ларецъ и, полагаясь на милость его божественнаго родителя, Діониса, довѣрила морскимъ волнамъ, которыми его и прибило къ острову Сикину. Какъ видно отсюда, греческій миѳъ, клеймя лемносскихъ амазонокъ, въ то же время выгораживалъ Ипсипилу; эта симпатія должна была имѣть свои причины, въ которыхъ мы и постараемся разобраться впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, лемносскія женщины, оставшись однѣ, должны были собственными силами устроить свое государство. Царицей надъ собой онѣ естественно поставили Ипсипилу, полевыя работы подѣлили между собой, а враговъ стали ждать, полагаясь на кованные доспѣхи своихъ мужей. Враги, однако, объявились не сразу; зима прошла благополучно, наступило лѣто...

Лѣто же принесло имъ аргонавтовъ.

III.

Аргонавты своимъ сплетеніемъ съ лемносскими амазонками были обязаны двумъ соображеніямъ: одно было политическаго, другое—религіозно-миѳологическаго характера. Политика миѳовъ не создаетъ: она лишь группируетъ миѳологическіе элементы, измѣняя имена и отношенія, переиначивая тѣ или другія частности, перенося и подтасовывая факты. То же случилось и здѣсь.

Къ особенностямъ политической миѳологіи принадлежитъ такъ называемая „миѳологическая проекція", т.-е. перенесеніе политическихъ отношеній или ихъ правовой подкладки въ отдаленную эпоху сказочной старины; ее-то и имѣемъ мы здѣсь. На зарѣ греческой исторіи дикій, варварскій островъ Лемносъ былъ завоеванъ греческимъ племенемъ миніевъ (Minyae)—племенемъ, погибшимъ въ этнографическомъ водоворотѣ, положившемъ предѣлъ ахейской эпохѣ греческой исторіи, но славнымъ въ ея да-

лекомъ прошломъ. А между тѣмъ это племя и было носителемъ миѳа объ аргонавтахъ. И вотъ, чтобы узаконить захватъ острова, они рѣшили, что еще аргонавты и ихъ вождь Ясонъ на пути въ далекую Колхиду заѣхали на Лемносъ и получили его въ законное владѣніе отъ тамошнихъ амазонокъ, съ которыми они сочетались бракомъ... Конечно, можно было спросить: хватило ли кучки смѣлыхъ пловцовъ, наполнившихъ чудесную „Арго̀", на всѣхъ молодыхъ вдовъ и невѣстъ Мирины? Но не будемъ слишкомъ требовательны; для понятій той ранней, аристократической Греціи было вполнѣ достаточно, если удалось хоть горсть 30—40 знатнѣйшихъ женщинъ связать съ аргонавтами и черезъ нихъ съ минійскими завоевателями—и прежде всего, разумѣется, царицу женскаго царства Ипсипилу, которой пришлось выйти за вождя своихъ гостей, за Ясона.

Таково было политическое соображеніе; но, какъ я замѣтилъ выше, политика не создаетъ, а только соединяетъ. Она могла перенести на Лемносъ бракъ Ясона и Ипсипилы; его самого она не создала, а воспользовалась готовымъ уже элементомъ саги. Къ его разбору мы и переходимъ теперь — и этотъ разборъ выяснитъ намъ, между прочимъ, и загадочное имя „высоковратной" царицы, необъяснимое на почвѣ чисто лемносскихъ преданій. Заведетъ же онъ насъ въ самую сердцевину греческой миѳологіи—въ миѳъ о спасителѣ царства боговъ.

Его мы однако во всемъ его объемѣ развивать не можемъ; для нашихъ цѣлей будетъ вполнѣ достаточно сообщить и пояснить его краткую формулу. Эта формула, добытая методами исторической миѳологіи на греческой почвѣ и провѣренная методами сравнительной миѳологіи на индоевропейской почвѣ, гласитъ такъ. Царству боговъ грозитъ гибель отъ сыновъ Земли—гигантовъ. Чтобы отвратить эту гибель, Зевсъ создаетъ, въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ рока, человѣка божественнаго сѣмени. Угадывая его намѣренія, его дочь, жертвуя своей божественностью, спускается на землю, чтобы стать подругой его сына и руководить имъ на его земномъ пути. Но и сыны Земли принимаютъ свои мѣры: желая погубить намѣченнаго рокомъ спасителя, они приводятъ къ нему прекрасную дѣву земного или подземнаго происхожденія, въ объятіяхъ которой онъ забываетъ о своей небесной покровительницѣ и, измѣнивъ ей, падаетъ жертвой ея ревности. Какъ видитъ читатель, это—тотъ же миѳъ, который является центральнымъ и въ германской миѳологіи—миѳъ о Сигурдѣ-Зигфридѣ. Въ Греціи, въ силу ея племенного дробленія, и спаситель расщепился на нѣсколько миѳологическихъ

образовъ: его называютъ то Геракломъ, то Ахилломъ, то Мелеагромъ, то Ясономъ. Вслѣдствіе странствованій и скитаній племенъ, а также и вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ съ исконной религіей Зевса, и миѳы объ этихъ спасителяхъ видоизмѣнились: первая дѣва (германская Брунгильда) утратила свой характеръ небесной валькиріи, вторая (германская Гутруна или Кримгильда)—свое родство съ подземнымъ царствомъ. Остались, однако, слѣды и примѣты того и другого; остался, затѣмъ, коренной мотивъ—сплетеніе героя съ двумя женщинами и его гибель, какъ послѣдствіе этой измѣны. Такъ Гераклъ, супругъ Деяниры, увлекается Іолой; такъ Ахилла, намѣченнаго спасителя Елены, соблазняетъ Поликсена; такъ Мелеагръ колеблется между Аталантой и Клеопатрой; такъ, наконецъ, Ясонъ измѣняетъ своей великодушной спасительницѣ Медеѣ, ради Ипсипилы... Это еще не совсѣмъ то, что̀ намъ даетъ лемносская сага, но вооружимся терпѣніемъ; а пока отмѣтимъ попутно, что Ипсипила дѣйствительно носитъ въ своемъ имени примѣту своего родства съ подземнымъ царствомъ: „Высоковратнымъ“ было именно оно, какъ видно изъ многихъ именъ и эпитетовъ греческой миѳологіи, да не только ея—ворота ада извѣстны и изъ христіанской эсхатологіи, до Данте включительно. Такъ и роковая невѣста Ахилла носитъ совсѣмъ неподходящее для дѣвушки имя Поликсены—„принимающей многихъ гостей“: „многопріемлющей“ была обитель Аида. Такъ и Гераклова Іола названа царицей Эхаліи, т.-е. „страны исчезновенія“: все это—родственныя, взаимо подтверждающія другъ друга примѣты.

Но мы увлеклись частностями; пора представить читателю въ его главныхъ чертахъ миѳъ о Ясонѣ, на мрачномъ фонѣ котораго возникъ поэтическій образъ Ипсипилы.

Онъ построенъ на мотивѣ, встрѣчающемся также въ другихъ родственныхъ греческихъ миѳахъ и, что̀ особенно важно, въ параллельномъ германскомъ миѳѣ о спасителѣ — на мотивѣ „проклятаго золота“, приносящаго гибель своему владѣльцу. Это золото — знаменитое „золотое руно“. Оно находится на краю свѣта, въ Колхидѣ, подъ охраной неусыпнаго змѣя; туда отправляется молодой герой Ясонъ со своими товарищами на кораблѣ Арго̀. Зачѣмъ? Его посылаетъ злой царь Пелій, захватившій престолъ его отца Эсона въ ѳессалійскомъ Іолкѣ... Все это—образы очеловѣченнаго миѳа. Но имя Эсона явно происходитъ отъ слова, означающаго по-гречески „рокъ“ (Aisôn отъ Aisa) и напоминаетъ намъ этимъ о „роковомъ“ спасителѣ. Дѣло было бы еще яснѣе, если бы мы могли признать правильной этимологію,

очень распространенную между учеными, имени Ясона отъ глагола, означающаго по-гречески „исцѣлять“ (Iasôn отъ iâsthai). Все же эта этимологія сомнительна (ей противорѣчитъ количество звука *i*, долгаго въ одномъ, краткаго—въ другомъ словѣ), и какъ будто естественнѣе связывать имя героя съ именемъ его родины (древняя форма Iaôlkos, „іонійскій волокъ“) и тѣхъ іонійцевъ (древняя форма Iaones), которые за нимъ двинулись черезъ Босфоръ по суровымъ волнамъ Евксина. Тогда пришлось бы признать Ясона просто племеннымъ героемъ іонійцевъ, какъ Ахилла—ахейцевъ; мы имѣли бы въ обоихъ случаяхъ племенной аттрибутъ героя-спасителя, результатъ племенного дробленія греческаго народа.

Со своими аргонавтами Ясонъ благополучно достигаетъ Колхиды, является къ царю Ээту, излагаетъ свое порученіе. Царь ставитъ условіемъ исполненіе трехъ гибельныхъ подвиговъ—другими словами, отправляетъ юношу на вѣрную смерть. Но ему помогаетъ любовь—любовь царской дочери, царевны Медеи (это имя значитъ „мудрая“; наша Василиса Премудрая, выступающая въ такой же роли—прямой переводъ греческаго basilissa, собственно „царевна“—Mêdeia). Съ помощью Медеи онъ похищаетъ золотое руно, спасается на свой вѣрный корабль, ѣдетъ на родину. Царь мчится за нимъ; чтобы замедлить погоню, Медея убиваетъ своего малолѣтняго брата, котораго она захватила съ собою... страшное дѣйствіе золотого руна начинаетъ сказываться. Разсчетъ оказывается вѣрнымъ: пока царь хоронитъ сына, бѣглецы спасаются на родину. Золотое руно вручается Пелію; но онъ отказывается уступить царство и гибнетъ отъ коварнаго замысла Медеи... роковое золото потребовало новой жертвы. Возмущеніе народа изгоняетъ изъ Іолка волшебницу и ея мужа; они—бездомные скитальцы при дворѣ коринѳскаго царя: Ясонъ, Медея и тѣ двое дѣтей, которыхъ она успѣла ему родить. У царя дочь, которую онъ не прочь бы выдать за смѣлаго и прекраснаго гостя, если бы не Медея. Разыгрывается трагедія — недаромъ Медея захватила проклятое золото съ собою. Жертвою ея ревности падаютъ и соперница съ отцомъ, и ея собственныя дѣти, которыхъ она родила мужу,—и тогда она добровольно его покидаетъ, разрушивъ и его прежній, и его будущій домъ.

IV.

Во всемъ этомъ пока Ипсипилы нѣтъ. Да, но зато нѣтъ и имени у той коринѳской царевны, которая вызвала измѣну и

гибель Ясона. Въ миѳахъ ея отецъ называется Креонтомъ, она сама—Креусой, но это не имена, а нарицательныя—„царь“ и „царица“—часто встрѣчающіяся какъ имена-затычки для безъименныхъ личностей миѳа. Мнѣ думается, именно ее и звали первоначально Ипсипилой: она вѣдь открыла Ясонову дому „высокія врата“ подземнаго царства. Потеряла же она это имя тогда, когда миѳъ объ аргонавтахъ, по вышеизложеннымъ политическимъ разсчетамъ, былъ связанъ съ Лемносомъ. Ипсипила стала царицей лемносскихъ амазонокъ; этимъ самымъ мотивъ Ясоновой измѣны былъ удвоенъ. Можно заключить и наоборотъ: удвоеніе мотива измѣны доказываетъ позднѣйшую формацію того миѳа, который его допускаетъ. Но кромѣ удвоенія получилась еще другая неловкость: такъ какъ приключеніе на Лемносѣ пришлось помѣстить передъ приключеніемъ въ Колхидѣ, то вышло, что Ясонъ не Медеѣ измѣнилъ ради Ипсипилы, а наоборотъ, Ипсипилѣ ради Медеи. Это — полнѣйшая несообразность: вся трагедія Медеи теряетъ смыслъ, если Ясонъ уже раньше имѣлъ жену, которой онъ ради нея измѣнилъ. Вотъ почему Еврипидъ въ своей знаменитой „Медеѣ“ совершенно оставляетъ въ сторонѣ лемносскую Ипсипилу.

Итакъ, благодаря совершившейся перестановкѣ, весь миѳъ объ Ясонѣ расщепился на два варіанта: варіантъ, предполагающій лемносское приключеніе, и варіантъ, не предполагающій его. Мы здѣсь, разумѣется, должны прослѣдить первый варіантъ. Перенесемъ же Ипсипилу на Лемносъ, хотя здѣсь ея имя уже не имѣетъ болѣе никакого смысла, и будемъ продолжать нашъ разсказъ съ того мѣста, гдѣ мы прервали его въ концѣ второй главы.

Лѣто того года, которое послѣдовало за „лемносскимъ грѣхомъ“, принесло лемніянкамъ аргонавтовъ. При видѣ смѣлой дружины, приближавшейся къ ихъ острову, лемніянки собрались на совѣщаніе ко дворцу царицы. Ипсипила предложила послать гостямъ подарки и упросить ихъ уѣхать; ее тяготила мысль о совершенномъ грѣхѣ. Но ея старая совѣтница Поликсо взглянула на дѣло глубже: какая участь предстоитъ имъ? Ее, старуху, похоронятъ молодыя; но кто похоронитъ молодыхъ, когда онѣ, состарившись, умрутъ? И вотъ, боги посылаютъ имъ аргонавтовъ; здѣсь — женщины безъ мужей, тамъ — мужчины безъ женъ... Не ясно ли, какъ слѣдуетъ поступить? Сказано—сдѣлано; къ аргонавтамъ отправляется посланница съ „душерадостной“ вѣстью: „поживите съ нами, а затѣмъ,—счастливаго пути“. Рисуется картина безпечнаго амазонскаго веселья; аргонавты не

были бы тѣми смѣлыми юношами, какими ихъ изображаетъ преданіе, если бы эта картина имъ не понравилась. Заключаются легкіе, краткосрочные, амазонскіе браки; два года остаются аргонавты на Лемносѣ.

Это пока—идиллія: трагедіи еще нѣтъ. Не было бы и зародыша таковой, если бы Ипсипила была настоящей амазонкой, подобно другимъ. Но она ею не была тогда, когда, вопреки всеобщему рѣшенію, спасла своего отца Ѳоанта; не стала она ею и теперь. Ясона она полюбила какъ мужа, не на время, а навсегда; въ немъ она видѣла царя своего острова, прекратителя ненавистнаго ей женскаго царства. Она отпустила его на подвигъ въ Колхиду, но съ тѣмъ, чтобы послѣ этого подвига онъ вмѣстѣ съ золотымъ руномъ вернулся съ аргонавтами на Лемносъ. И вотъ аргонавты уплыли... Ипсипила осталась, но не одна, а со сладкой материнской надеждой подъ сердцемъ. Въ отсутствіе мужа она родила близнецовъ—мальчиковъ: одного она назвала Евнеемъ („о прекрасномъ кораблѣ"), въ честь владѣльца чудесной „Аргò", другого—на память о своемъ отцѣ—Ѳоантомъ. Съ этимъ двойнымъ драгоцѣннымъ даромъ счастливая мать стала ожидать своего мужа.

Стоитъ ли досказывать? Ясонъ въ Колхидѣ, подвиги, Медея... Везя Медею, „Аргò" уже не могла заѣхать на Лемносъ. Остальное пусть разскажетъ поэтъ, собравшій въ одну цѣльную картину всѣ части преданія о царицѣ Ипсипилѣ—Овидій. Послѣ сказаннаго, мой переводъ будетъ понятенъ самъ собою; прибавлю только, что римскій поэтъ изобразилъ миѳъ о лемносской царицѣ въ видѣ посланія, которое она пишетъ своему мужу въ Іолкъ, узнавъ объ его невѣрности.

Слышу, добылъ ты златое руно и на суднѣ спасенномъ
  Вновь ѳессалійскихъ бреговъ благополучно достигъ.
Что жъ, какъ могу, поздравляю тебя. Объ одномъ лишь жалѣю—
  Что не своимъ ты письмомъ подалъ мнѣ вѣсть о себѣ.
Что не заѣхалъ ты самъ въ мой Лемносъ, что тебѣ былъ обѣщанъ,
  Въ этомъ тебя не виню: вѣтеръ причиной могъ быть.
Письмамъ же мысли свои и при встрѣчномъ мы вѣтрѣ ввѣряемъ;
  Даже привѣтомъ почтить ты Ипсипилу не могъ!
Да, не письмо, а молва мнѣ дѣянья твои разсказала:
  Какъ подъ ярмо ты повелъ Марса священныхъ быковъ,
Какъ изъ чудесныхъ сѣмянъ урожай ты взростилъ исполиновъ,
  Какъ безъ десницы твоей смертью они полегли,
Какъ сторожила руно неусыпнаго змѣя зѣница,
  И какъ его добыла мужа безстрашнаго длань.
Если бъ могла я сказать, недовѣрье людей побѣждая,
  „Такъ мнѣ онъ самъ написалъ!"—какъ бы горда я была!

Мнѣ ли скорбѣть, что со мной неучтивъ былъ забывчивый мужъ мой?
Честью великой сочту, если останусь твоей!
Слышу: съ чужой ты земли чародѣйку привезъ — и на ложе
Принялъ, что только со мною вѣчно дѣлить обѣщалъ.
Ахъ, легковѣрна любовь. Я бъ охотно упрекъ заслужила,
Что я облыжной молвой вѣрнаго друга корю.
Гость-чужестранецъ недавно приплылъ изъ земли ѳессалійской
Въ Лемносъ; едва онъ успѣлъ черезъ порогъ преступить,
„Что мой Ясонъ?“ говорю. Мой гость умолкаетъ смущенно,
Долго стоитъ предо мной, долу глаза опустивъ...
Я разрываю хитонъ. „Онъ живъ?“ восклицаю въ испугѣ,
„Иль и меня ужъ на смерть рокъ безпощадный зоветъ?“
„Нѣтъ“, отвѣчаетъ, „онъ живъ“. Съ оробѣвшаго клятву взяла я;
Именемъ бога едва вѣру снискалъ онъ мою.
Съ духомъ собравшись, его о дѣяньяхъ твоихъ вопрошаю;
Онъ мнѣ про пахотный трудъ мѣднокопытыхъ быковъ,
Онъ про змѣиный посѣвъ излагаетъ чудесную повѣсть,
И какъ взошедшій народъ въ битву внезапно вступилъ;
Быстро исполнилась участь мужей земнородныхъ лихая:
Братоубійственный бой въ день ихъ одинъ уложилъ.
Далѣ — надъ змѣемъ побѣда. И все вопрошаю я: живъ онъ?
Попеременно царятъ страхъ и надежда во мнѣ.
Все по порядку онъ повѣсть ведетъ — и разсказомъ искуснымъ
Исподволь рану души онъ обнажаетъ моей.

Вотъ она, вѣрность твоя! вотъ брачныя клятвы и свѣточъ...
Ахъ, погребальнымъ кострамъ былъ онъ достоинъ служить!
Ты не любовницей тайной имѣлъ меня: брачная Гера,
Съ нею вѣнчанный Гименъ нашъ освятили союзъ.
Но не Гименъ и не Гера держали мой свадебный свѣточъ —
Нѣтъ: Евменида его въ длани кровавой несла.
Что мнѣ дружина твоя, что мнѣ твое вѣщее судно?
И для чего его къ намъ кормчій направилъ Тифисъ?
Здѣсь ли овенъ златорунный сверкалъ своей шерстью чудесной?
Здѣсь ли высокій дворецъ старца Ээта стоялъ?
Первымъ движеніемъ было—но въ гибель влекли меня боги!—
Съ женскою ратью моей въ море вогнать пришлецовъ.
А ужъ умѣютъ—и очень!—мужей побѣждать лемніянки;
Было бъ защитой отъ бѣдъ племя столь храброе мнѣ.
Я приняла тебя въ городъ... въ свой домъ приняла... въ свое сердце;
Дважды намъ лѣто съ тобой, дважды зима протекла.

Третій взошелъ урожай, когда ты, уѣзжая съ дружиной,
Мнѣ со слезами въ очахъ слово такое сказалъ:
„Долгъ насъ зоветъ, Ипсипила; но если возвратъ мнѣ дарованъ—
„Мужемъ твоимъ ухожу, мужемъ вернуся твоимъ.
„О, береги ты надежду, что въ лонѣ твоемъ созрѣваетъ!
„Будешь ты матерью ей, буду и я ей отцомъ“.
Такъ ты сказалъ и умолкъ. О, я помню: не могъ продолжать ты:
Слезы на лживый твой ликъ градомъ лились изъ очей.

Вотъ изъ друзей ты послѣднимъ взошелъ на священную Арго,
Та понеслася; Зефиръ парусъ висячій надулъ.
Изъ-подъ скользящей ладьи убѣгаютъ лазурныя волны,
Взоръ твой недвижно на брегъ, на море мой обращенъ.
Башня съ высокаго мыса царитъ надъ синѣющей гладью;
Къ ней я лечу, свою грудь слезъ увлажняя росой.
Хоть затуманены очи — души угождая желанью,
Дальше обычныхъ границъ рѣжетъ пространство мой взоръ.
Путь твой мольбой провожаю, обѣты творю... Ахъ, обѣты!
Ты вѣдь спасенъ, и богамъ я ихъ исполнить должна!
Я ль ихъ исполнить должна, чтобъ плоды ихъ Медея вкусила?
Сердце обида щемитъ, гнѣвъ отравляетъ любовь.
Я ли дары понесу, что живого Ясона теряю?
Я ль за утрату мою жертву богамъ заколю?

Правда: въ тревогѣ жила я и раньше, всегда опасалась,
Чтобъ изъ Аргоса снохи не предпочелъ твой отецъ.
Я аргивянокъ боялась—разлучницей варварка стала;
Жданную рану нанесъ врагъ неожиданный мнѣ.
Ни красотой не пригожа, ни нравомъ; но чары ей служатъ,
Заговореннымъ ножемъ зелье срѣзаетъ она.
Часто съ косой расплетенной средь свѣжихъ могилъ она бродитъ,
Чтобы изъ теплой золы вѣрныя кости добыть:
Губитъ заочно людей, восковое подобье терзая,
Печень больную бѣднягъ тонкой иглою сверлитъ.
Можетъ съ небесныхъ путей непокорной Луны колесницу
Сдвинуть и Солнца коней мракомъ внезапнымъ покрыть.
Можетъ и рѣкъ устремленныхъ обратно направить теченье,
Можетъ и скалы и лѣсъ въ путь за собою увлечь.
Можетъ и то, что невѣдомо мнѣ. Не позорно ли, зельемъ,—
Вмѣсто красы и ума,—ласкъ добиваться любви?
И ты способенъ ее обнимать? Среди ночи молчанья,
Съ нею вдвоемъ въ терему сонъ безмятежный вкушать?
Вижу я, какъ на быковъ — ярмо на тебя наложила,
Какъ того змѣя, — тебя заворожила она.
Ей вѣдь пріятно самой пожинать твоихъ подвиговъ славу;
Мужа великаго блескъ меркнетъ предъ силой жены.
И Пеліады не прочь волшебству приписать твою доблесть;
Такъ онѣ шепчутъ, и имъ вѣритъ безумная чернь:
„Тщетно кичится Ясонъ, что руно онъ добылъ золотое,
Тщетно: Ээтова дочь славу стяжала ему“.
Мать ты спроси Алкимеду, отца ты спроси дорогого,
Рады ль они, что сноху сѣверъ имъ дальній прислалъ?
Тамъ, гдѣ волнуется Донъ, тамъ, гдѣ Скиѳіи влажной трясины,
Тамъ, гдѣ Ріона истокъ, мужа бъ искала она!

О, вѣроломный Ясонъ — вѣтерковъ ненадежнѣй весеннихъ,
Какъ невеликъ твоего былъ обѣщанія вѣсъ!
Мужемъ моимъ ты ушелъ, но не мужемъ моимъ возвратился;
Я же, чѣмъ раньше была, тѣмъ и остаться хочу.

Если именъ тебя блескъ или знатность породы плѣняетъ,
То вѣдь Миноса слыветъ внукомъ отецъ мой Ѳоантъ;
Вакха я дѣдомъ зову, а вѣнчанная Вакха супруга
Яркимъ сіяньемъ лучей сонмъ побѣждаетъ свѣтилъ.
Лемносъ приданымъ бы былъ, благодатный трудящимся островъ.
Да и сама я дарамъ не уступаю своимъ.
Нынѣ жъ я матерью стала. Поздравь, мой Ясонъ, насъ обоихъ:
Ношу свою о тебѣ я услаждала мечтой.
Счастлива я и числомъ: улыбнулась мнѣ дважды Луцина,
Два я залога любви, двухъ близнецовъ родила.
Спросишь, въ кого наши дѣтки? Отца мы по нимъ вспоминали;
Лгать не умѣютъ они, все остальное — твое.
Я ужъ послать ихъ хотѣла, за мать чтобъ отца упросили, —
Мачихи образъ лихой начатый путь преградилъ.
Какъ я Медеи боюсь! Она больше чѣмъ мачиха, вѣрь мнѣ;
Всѣ преступленья свершить руки способны ея.
Та, что родимаго брата въ пустынной полянѣ рѣшилась
Кости разсѣять, — дѣтей не пощадила бъ моихъ!

И на нее — о, безумецъ! о, жертва колхидской отравы! —
И на нее промѣнялъ ты Ипсипилу свою?
Дѣвою мужа познала въ прелюбодѣяніи гнусномъ
Колхянка; намъ же съ тобой свадебный свѣточъ сіялъ.
Та измѣнила отцу; я спасла отъ убійства Ѳоанта;
Та лишь бѣглянка; меня Лемносъ родной бережетъ...
Впрочемъ, что пользы мнѣ въ томъ, коль невинность нечестьемъ побита?
Вмѣсто приданаго грѣхъ мужа помогъ ей добыть!
Мнѣ лемніянокъ вина... не похвальна, Ясонъ, но понятна;
Быстро берется за мечъ длань оскорбленной жены.
Что, если бъ гнѣвные вѣтры, обиду мою вымещая,
Вмѣстѣ съ подругой тебя въ гавань загнали мою?
Если бъ на встрѣчу тебѣ со своею я парочкой вышла —
Землю ты сталъ бы молить, чтобъ поглотила тебя!
Какъ на дѣтей бы взглянуть, какъ могъ бы меня ты привѣтить?
Казнь бы какая могла смыть вѣроломства пятно?

Все же ты въ царствѣ моемъ сохранилъ бы и жизнь и свободу —
Не по заслугамъ твоимъ, а по моей добротѣ.
Нѣтъ; но обидчицы кровь какъ мои бы обрызгала очи,
Такъ и того, чью любовь приворожила она.
Я бы Медеей Медеи была. Если съ выси небесной
Всесправедливый Зевесъ слышитъ молитву мою,
Плачъ Ипсипилы зачтется безстыдной преемницѣ ложа,
И испытаетъ она горечь законовъ своихъ.
И какъ покинута я — и супруга, и мать малолѣтокъ —
Столькихъ же быть ей дѣтей, быть ей лишенной тебя!
Быть ей недолго царицей добытаго кривдою царства:
Вскорѣ по міру всему будетъ пріюта искать;
И какъ сестрой она доброй была, и какъ дочерью вѣрной,
Будетъ и къ дѣтямъ своимъ, будетъ и къ мужу нѣжна.

Суша и море отвергнутъ ее; обрѣтетъ она воздухъ,
Силъ лишена и надеждъ въ мести безумной своей.

Вотъ оскорбленной супруги мольба! На такую судьбину,
Мужъ и жена, да хранитъ ложе проклятое васъ!

V.

Ипсипила не коснулась золотого руна: оно пронеслось мимо ея береговъ на боязливо ускользающей отъ нея „Аргò“. Но она была подругой его похитителя, Ясона, и несчастье обреченнаго мужа не могло не задѣть и ее. Послѣ вѣроломства Ясона царству Ипсипилы наступаетъ конецъ.

Здѣсь—шовъ нашей трагедіи, самое трудное для ея разсказчика мѣсто. Очень красиво и эффектно бываетъ, сосредоточась мыслями на одной ея половинѣ, посылать взоры на другую, оттѣняя настоящее либо прошлымъ, либо будущимъ. Такъ Овидій въ послѣдней части своего посланія представляетъ намъ Ипсипилу предвкушающей трагическій исходъ счастья своей соперницы, гибель послѣднихъ жертвъ золотого руна. Это можно сдѣлать въ быстромъ и смутномъ видѣніи; но поэтъ очень затруднился бы связать трагедію Ипсипилы и Медеи въ одно гармоническое цѣлое. Вѣдь весь смыслъ Медеиной мести—въ томъ, что, убивая и невѣсту Ясона, и своихъ отъ него дѣтей, она разрушаетъ и настоящій, и будущій „домъ“ своего мужа, между тѣмъ какъ этотъ мужъ только о томъ и думаетъ, чтобы создать и укрѣпить свой домъ. Представимъ себѣ теперь, что у него есть на Лемносѣ и жена, и дѣти, и царство: все значеніе мести пропадаетъ. Ужъ конечно не Ипсипила отвергнетъ разбитаго жизнью мужа—не даромъ она гречанка. Это прекрасно понималъ и самъ Овидій: въ другомъ своемъ посланіи, написанномъ отъ имени Медеи, онъ объ Ипсипилѣ умалчиваетъ; тамъ лемносское приключеніе даже не упоминается.

Такъ равно и у Еврипида, какъ мы увидимъ, передъ глазами Ипсипилы-прислужницы только и носится время ея царскаго величія; ея любовнаго счастья—„Аргò“ и ея герои, и бѣлѣющія волны, убѣгающія изъ-подъ киля чудеснаго корабля; эту картину она видитъ еще въ минуту близкой смерти. Но какъ связалъ поэтъ обѣ половины трагической жизни своей героини?

Я только что сказалъ, что здѣсь „шовъ“ нашей трагедіи. Въ настоящихъ разсказахъ, составляющихъ умственную собственность ихъ творцовъ, такіе швы свидѣтельствуютъ о неловкости

послѣднихъ и поэтому справедливо вмѣняются имъ въ вину. Но въ миѳахъ дѣло обстоитъ иначе: здѣсь швы естественно возникаютъ при всякой попыткѣ соединить въ одно цѣлое самобытно происшедшія разнородныя части. Будучи досадными въ эстетическомъ отношеніи, они для изслѣдователя происхожденія миѳа служатъ драгоцѣнной уликой, значительно облегчая ему его задачу. Отсюда слѣдуетъ спеціально для нашего миѳа выводъ: обѣ половины миѳа объ Ипсипилѣ возникли самостоятельно. Или другими словами: *лемносскій* миѳъ объ Ипсипилѣ-царицѣ первоначально не имѣлъ ничего общаго съ *немейскимъ* миѳомъ объ Ипсипилѣ-прислужницѣ. Выводъ этотъ подтвердится въ дальнѣйшемъ, когда мы будемъ разбирать спеціально немейскій миѳъ; но уже теперь полезно будетъ имѣть его въ виду.

Итакъ: необходимость соединить въ одно цѣлое обѣихъ Ипсипилъ—первая и главная причина образованія упомянутаго шва. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы Овидіевскую Ипсипилу: гдѣ тутъ будущая прислужница? Она обманута Ясономъ, да; но точно также ея подданныя-амазонки обмануты прочими аргонавтами. Главная цѣль все-таки достигнута: онѣ—матери, будущность маленькаго народца обезпечена. Можно допустить, что, ставъ матерями, онѣ откажутся отъ своего мужененавистничества; тогда старшій изъ сыновей Ипсипилы, Евней, унаслѣдуетъ царство матери и будетъ въ мирѣ управлять островомъ Діониса. Такой исходъ имѣетъ повидимому въ виду Гомеръ (Иліада, VII, 467 ст., переводъ Гнѣдича):

Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многіе къ брегу пристали; Евней Ясонидъ прислалъ ихъ,
Сынъ Ипсипилы, рожденный съ Ясономъ, владыкой народа.

Здѣсь онъ, какъ разсчетливый царь-коммерсантъ, доставляетъ осаждающимъ Трою ахейцамъ главный продуктъ своего острова—вино. Еще лучше свидѣтельствуетъ о династической непрерывности Діонисова рода на Лемносѣ другое мѣсто изъ того же Гомера—описаніе чаши, которую Ахиллъ предложилъ какъ призъ ристателямъ на Патрокловой тризнѣ (XXIII, 744 ст.):

Мужи ее финикійцы, по мглистому плавая Понту,
Въ Лемносъ продать привезли, но какъ даръ предложили Ѳоанту.
Царь же Евней Ясонидъ, выкупая Пріамова сына,
Падшаго въ плѣнъ Ликаона, отдалъ Менетиду Патроклу.

Итакъ, искусная финикійская чаша, полученная въ даръ Ѳоантомъ, по наслѣдству переходитъ отъ него къ его дочери Ипсипилѣ, отъ Ипсипилы—къ ея сыну Евнею.

И ничто не доказываетъ намъ, что Эсхилъ, въ трагедіяхъ о *царицѣ* Ипсипилѣ, и Софоклъ понимали свою тему иначе. Отъ Эсхила древность знала три относящіяся сюда трагедіи, образовавшія, повидимому, трилогію — „Арго“, „Ипсипилу“ и „Кабировъ“. Дошли отъ нихъ только жалкіе отрывки; все же кое-что можно извлечь и изъ нихъ. А именно намъ говорятъ, что въ послѣдней изъ перечисленныхъ трагедій Кабиры (таинственныя божества сосѣдней и родственной Лемносу Самоѳракіи) благословляли Лемносъ, предвѣщая ему его будущее обиліе виномъ. Такъ точно и въ „Евменидахъ“ того же Эсхила, заканчивающихъ кровавую трилогію „Орестею“, Евмениды благословляютъ аттическую почву. Аналогія позволяетъ намъ догадываться, что и религіозная идея въ лемносской трилогіи была выражена одинаково. Какъ въ „Орестеѣ“ учрежденіе культа Евменидамъ исцѣляетъ родъ Атридовъ отъ послѣдствій мужеубійства Клитемнестры, такъ и въ лемносской трилогіи учрежденіе культа Кабирамъ было искупленіемъ „лемносскаго грѣха“. Не даромъ Эсхилъ во второй драмѣ „Орестеи“ сравниваетъ преступленіе Агамемноновой жены съ „лемносскимъ грѣхомъ“. Итакъ — счастливый, благоговѣйный конецъ; а этимъ, повидимому, исключается всякая мысль о дальнѣйшихъ несчастьяхъ благочестивой Ипсипилы. Держался ли той же традиціи и Софоклъ въ своихъ „Лемніянкахъ“ — этого мы, за отсутствіемъ свидѣтельствъ, сказать не можемъ; но во всякомъ случаѣ ничто не доказываетъ противоположнаго.

Кто же впервые отожествилъ лемносскую Ипсипилу съ немейской и сталъ такимъ образомъ творцомъ миѳа о царицѣ-прислужницѣ? Конечно, рискованно давать опредѣленные отвѣты на такого рода вопросы, тѣмъ болѣе, когда мы знаемъ, что Ипсипилѣ-прислужницѣ была посвящена потерянная трагедія Эсхила „Немея“; судить мы можемъ только о фабулѣ *Еврипида*. Каковъ былъ у него переходъ отъ одного миѳа къ другому — объ этомъ раньше возможны были только догадки. Теперь отвѣтъ намъ данъ самой новонайденной трагедіей, и притомъ отвѣтъ такой смѣлый и сложный, что никакая догадка не могла бы его предвосхитить.

Прежде всего и главнымъ образомъ Еврипидъ имѣлъ рѣшимость совершенно оставить въ сторонѣ Ясона, какъ супруга Медеи. Дѣйствительно, идиллія Ипсипилы съ трагедіей Медеи не уживалась — мы видѣли выше, почему. Это такъ, но все же не вѣрилось, что Еврипидъ, творецъ „Медеи“, черезъ двадцать лѣтъ послѣ постановки этой самой сильной своей трагедіи, могъ бы

совершенно отъ нея отречься, могъ бы обречь на забвеніе знаменитый типъ „вѣроломнаго“ Ясона и, въ угоду роману Ипсипилы, представить намъ своего героя вѣрнымъ супругомъ лемносской амазонки.

Продолжаемъ еще разъ разсказъ съ того мѣста въ нашей IV-ой главѣ, гдѣ онъ уклонился въ сторону Медеи и картины Овидія. Мы—на Лемносѣ съ Ипсипилой, счастливой матерью обоихъ младенцевъ-близнецовъ, Евнея и Ѳоанта; Ясонъ съ аргонавтами далеко, въ сказочной Колхидѣ. Вдругъ среди лемніянокъ распространяется вѣсть, что ихъ царица не участвовала въ общемъ грѣхѣ, что она спасла жизнь своему отцу Ѳоанту. Всѣ возмущены; жизни ослушницы грозитъ опасность. Спасаясь отъ убійцъ, она бѣжитъ на пустынный морской берегъ. Ей удается скрыть свой побѣгъ отъ лемніянокъ, но зато она становится добычей морскихъ разбойниковъ, которые увозятъ ее на своемъ кораблѣ въ аргосскую гавань Навплію и продаютъ ее въ рабство немейскому царю Ликургу. Переходъ совершенъ: передъ нами Ипсипила-прислужница.

Тѣмъ временемъ Ясонъ, совершивъ свой подвигъ, плыветъ со своими аргонавтами обратно. По уговору онъ заѣзжаетъ въ лемносскую Мирину, но жены не находитъ; не находитъ и того, кто могъ бы ему сказать, гдѣ она. Онъ находитъ только обоихъ дѣтей, сыновей своей Ипсипилы и правнуковъ Діониса, носящихъ неизгладимую печать своего происхожденія отъ бога—золотое изображеніе виноградной лозы на плечѣ. Съ грустью въ душѣ онъ забираетъ обоихъ дѣтей съ собой на родину, въ Іолкъ; тамъ онъ вскорѣ умираетъ. Дѣтей тогда беретъ его товарищъ, одинъ изъ аргонавтовъ, Орфей, и отвозитъ ихъ къ себѣ во Ѳракію. Онъ старательно занимается ихъ воспитаніемъ и обучаетъ одного, Евнея, искусству музъ, а другого, Ѳоанта, всякаго рода физической ловкости.

Но какова же была за все это время судьба Лемноса? На этотъ вопросъ и новонайденная трагедія намъ отвѣта не даетъ: быть можетъ, отвѣтъ былъ данъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя намъ не сохранились, а быть-можетъ Еврипидъ оставилъ этотъ пунктъ, какъ побочный, въ сторонѣ. Трудно допустить, чтобы Ясонъ, вернувшись на Лемносъ, оставилъ его во власти тѣхъ амазонокъ, отъ которыхъ погибла Ипсипила. Что старый Ѳоантъ былъ спасенъ Ипсипилой—это онъ могъ узнать теперь, если не зналъ раньше отъ самой спасительницы. Было естественно послать людей искать его, а тѣмъ временемъ учредить на Лемносѣ нѣчто въ родѣ регентства... Какъ бы то ни было, одно трагедія говоритъ

ясно: въ концѣ концовъ старый Ѳоантъ, спасенный промысломъ Діониса, вновь занялъ свой старый престолъ въ Миринѣ. Узнавъ, гдѣ его внуки, онъ пожелалъ имѣть ихъ при себѣ. Ясониды вернулись на Лемносъ, но не надолго; при первой возможности они отправились на поиски своей матери.

Теперь всѣ элементы романа на лицо—романа поисковъ и приключеній, съ преднамѣченной счастливой развязкой, какихъ намъ немало завѣщала позднѣйшая античность. Прежде, однако, чѣмъ прослѣдить его частности въ новонайденной трагедіи Еврипида, бросимъ еще одинъ взглядъ на самый переходъ. Нужна ли была эта сложность? Къ чему было удалять обоихъ мальчиковъ изъ Лемноса, если имъ все равно черезъ Іолкъ и Ѳракію предстояло вернуться на Лемносъ?

Къ счастью, мы можемъ выяснить эти вопросы вполнѣ удовлетворительно и при этомъ представить еще одинъ образчикъ органическаго выростанія греческихъ миѳовъ изъ элементовъ традиціи и обязательности этой традиціи даже для творческаго ума поэтовъ.

Дѣло въ томъ, что въ Аѳинахъ исторической эпохи существовалъ родъ, называвшій себя Евнидами и считавшій своимъ родоначальникомъ Евнея, сына Ипсипилы. Въ этомъ родѣ была наслѣдственна игра на киѳарѣ и пляска; онъ привлекался къ культовой музыкѣ и чтилъ своего божественнаго родоначальника Діониса подъ именемъ Діониса Мельпомена („Поющаго"). Теперь намъ понятна фикція, что Орфей обучилъ Евнея мусическому искусству: онъ вѣдь самъ былъ великимъ киѳаристомъ сказочной древности, и Евнидамъ было лестно именно отъ него производить свои занятія. Итакъ, одного изъ обоихъ братьевъ Орфей обучилъ музыкѣ; но почему же онъ обучилъ другого физической ловкости? Имѣетъ ли и эта черта генеалогическую основу? Намъ о родѣ Ѳоантидовъ ничего неизвѣстно. Можно предположить, что Еврипидъ просто повторилъ на Ясонидахъ извѣстный педагогическій контрастъ: такъ точно вѣдь и ѳиванскіе Діоскуры, Амфіонъ и Зетъ, отличались первый—мусическимъ дарованіемъ (своей игрой на лирѣ онъ создалъ ѳиванскія стѣны), а второй—склонностью къ тѣлеснымъ упражненіямъ, и Еврипидъ въ очень эффектной и знаменитой сценѣ своей „Антіопы" изобразилъ этотъ контрастъ. А впрочемъ мы къ этому вопросу еще вернемся по поводу развязки „Ипсипилы". — Какъ бы то ни было, отдать Евнея на воспитаніе Орфею было необходимо, а получить его Орфей могъ только отъ Ясона, своего товарища по плаванію. Этимъ обходъ вполнѣ объясненъ.

Мы теперь—у самаго преддверія трагедіи Еврипида. Всѣ препятствія устранены и ничто не мѣшаетъ войти въ храмъ.

VI.

Трагедія начиналась съ появленія „прологиста“; это — спеціально Еврипидовскій обычай, не очень цѣнный съ эстетической точки зрѣнія, но практически удобный въ ту эпоху, когда опредѣленность и четкость миѳологической трагедіи была затемнена множествомъ варіантовъ, введенныхъ трагическими поэтами за сто слишкомъ лѣтъ существованія трагедіи. Прологистомъ выступаетъ, повидимому, сама Ипсипила. Первые стихи ея пролога были извѣстны и раньше:

Тотъ Діонисъ, что съ тирсомъ и въ небридѣ
Средь свѣточей въ ущеліи Парнасса
Вплетаетъ въ хороводъ дельфійскихъ дѣвъ,
Родилъ Ѳоанта“ [1])...

Начало суховатой родословной, какъ это бываетъ часто у Еврипида: Діонисъ — Ѳоантъ—Ипсипила, ея бракъ съ Ясономъ, ея дѣти, ея несчастье. Бывшая лемносская царица, проданная въ рабство, служитъ немейскому царю Ликургу и его женѣ Евридикѣ, и они приставили ее теперь, въ награду за ея долголѣтнюю вѣрную службу, няней къ ихъ младенцу-сыну Офельту. И она привязалась къ этому малюткѣ и въ немъ нашла утѣшеніе взамѣнъ отнятыхъ отъ нея собственныхъ ея дѣтей. Гдѣ-то они теперь?.. Досказавъ свою грустную думку, она входитъ обратно во дворецъ: ребенокъ требуетъ ухода.

Являются два странника; по ихъ разговору зрители узнаютъ, что это—оба сына Ипсипилы, Евней и Ѳоантъ, отправившіеся отыскивать свою мать и забредшіе случайно въ Немею. Какъ царевичи, они рѣшаютъ просить гостепріимства у самого царя; одинъ изъ нихъ стучится въ дверь.

Остановимся здѣсь на минуту. Читатель видитъ, что предстоитъ *узнаніе* матери сыновьями. Этотъ мотивъ узнанія (anagnôrismos, какъ его называютъ технически) принадлежитъ къ излюбленнымъ мотивамъ и въ Еврипидовской трагедіи, и въ потекшей отъ нея эротической комедіи Менандра и его сообщниковъ; но для его эффектности требуется, чтобы онъ былъ обста-

[1]) Курсивомъ печатаются дополненія—и мои, и чужія.

вленъ посложнѣе. Здѣсь же постановка грѣшитъ, на первый взглядъ, чрезмѣрной простотой. Ипсипила знаетъ, что у нея есть двое сыновей, и не можетъ не знать ихъ именъ—если не обоихъ, то хоть Ѳоанта, унаслѣдовавшаго имя ея отца. Сама она извѣстна въ Немеѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ, и даже ея прошлое извѣстно всѣмъ, какъ показываетъ сцена съ хоромъ. Наконецъ, и сыновья должны были узнать отъ своего дѣда, если не отъ Орфея, и имя, и прежнюю судьбу своей матери. Итакъ, никакихъ затрудненій нѣтъ: стоитъ юношамъ въ разговорѣ назвать другъ друга по имени, или кому-нибудь изъ домочадцевъ произнести имя Ипсипилы—и трагедія кончена. Между тѣмъ поэту ничего не стоило осложнить интригу и затруднить развязку, допустивъ, напр., что Ипсипила — а это было бы такъ естественно—скрываетъ отъ окружающихъ свое царское имя. Онъ этого не сдѣлалъ; значитъ, для него суть была не въ „узнаніи", а въ другомъ.

На стукъ изъ дворца выходитъ Ипсипила съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ вскрикиваетъ при видѣ чужихъ людей; вѣрная няня прежде всего его успокаиваетъ. Здѣсь начинаются нововнайденные отрывки:

Не плачь, Офельтъ родимый, успокойся.
Вотъ, вотъ отецъ пріѣдетъ, онъ игрушекъ
Намъ привезетъ и личико твое
Отъ этихъ слезокъ живо прояснится.

(*Юношамъ, невольно любуясь на нихъ.*)
Вы ль это, юноши, къ намъ постучались?
Счастлива та, что родила васъ! Все жъ
Скажите, чѣмъ нашъ домъ служить вамъ можетъ?

ѲОАНТЪ.

Пріюта просимъ мы на ночь одну.
Припасы всѣ у насъ съ собою; не будемъ
Мы въ тягость дому вашему, не будемъ
Тебя отъ дѣла отвлекать, жена.

ИПСИПИЛА.

Въ отсутствіи хозяинъ дома, гости,
Ликургъ; *но ждемъ его мы съ каждымъ часомъ,*
Пока же всѣмъ царица *управляетъ.*

ѲОАНТЪ.

Итакъ, *гостямъ* чертогъ *вашъ недоступенъ,*
И намъ къ другимъ *умѣстнѣй обратиться?*

Ипсипила.

О, нѣтъ. *Не въ нравахъ нашего царя*
Гостямъ *отказывать. Насъ не боятся,*
Всегда *подъ кровомъ нашимъ кто-нибудь;*
Войдите-жъ *смѣло и найдете все вы,*
Что услаждаетъ странниковъ, друзья!

Өоантъ.

Ну что-жъ, войдемъ. Тебѣ же благодарность
За указанье и привѣтъ, жена.

Съ этими словами оба юноши удаляются во дворецъ, въ мужскую половину. Быстро промелькнуло первое свиданіе матери съ обоими сыновьями; они не узнали другъ друга. Все-таки что-то кольнуло Ипсипилу при видѣ стройныхъ и прекрасныхъ Ясонидовъ и вырвало у нея невольный возгласъ: „Счастлива та, что родила васъ!“ Послѣ ихъ ухода ея мысли съ удвоенной силой возвращаются къ своему излюбленному предмету—далекой лемносской родинѣ. Она осталась одна на сценѣ съ ребенкомъ на рукахъ; она садится на ступеньку подъ колонной, беретъ погремушку и поетъ про себя, тѣша малютку ея игрой...

Нѣсколько словъ объ этой погремушкѣ. Нравы древней трагедіи были строгіе, каждое смягченіе традиціи Фриниха и Эсхила возбуждало неудовольствіе людей староаѳинскаго закала. Что Еврипиду его погремушка не сошла безнаказанно, это намъ доказываетъ одно любопытное мѣсто изъ „Лягушекъ“ Аристофана—знаменитаго посмертнаго суда Эсхила и Еврипида. Суровый Эсхилъ намѣренъ жестоко пародировать лирическую технику своего противника; онъ говоритъ (ст. 1304 сл.).

Давайте лиру! Впрочемъ, что нужды
Мнѣ въ ней? Эй, ты, что погремушкой тѣшишь,
Сюда пожалуй, муза Еврипида!
Для этихъ пѣсенъ ты одна пригодна.

Но мы, конечно, не раздѣлимъ этой суровости и будемъ благодарны судьбѣ, что она возвратила намъ хоть отчасти эту „арію погремушки“, которая такъ возмущала Аристофана и его единомышленниковъ. Это—красивая и трогательная картина, и „Муза Еврипида“ поступила, думается намъ, вполнѣ правильно, найдя ее достойной трагедіи.

. . . .

Греми, погремушка, греми...

Какъ въ зеркалѣ ясномъ, *въ ребенка очахъ*
Былую я жизнь воскрешаю.
Расти же въ сіяніи бѣлой зари,
Расти, мой малютка; я дѣтство твое
Заботой и пѣсней взлелѣю.
Греми, погремушка, греми.

Когда-то въ Лемносѣ за ткацкимъ станкомъ
Иныя я пѣсни пѣвала.
Прости меня, Муза: малюткѣ теперь
Твой ласковый даръ посвящаю, его
Баюкать и холить должна я.
Греми, погремушка, греми.

Тутъ, по неукоснительному обычаю трагедіи, къ замечтавшейся Ипсипилѣ долженъ выйти *хоръ*. Этотъ нѣкогда центральный и преобладающій элементъ трагедіи, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе терялъ свое значеніе, по мѣрѣ того, какъ въ ущербъ лиризму развивался драматическій ея характеръ; поэты одно время старались связать его съ дѣйствіемъ, мотивируя его появленіе и удѣляя ему нѣкоторую роль въ происшедшихъ событіяхъ, но затѣмъ отказались отъ этихъ попытокъ и примирились съ представленіемъ о хорѣ, какъ о чемъ-то отвлеченномъ, ненужномъ для дѣйствія, но и не мѣшающемъ ему. Наша трагедія — одна изъ послѣднихъ Еврипида; ко времени ея возникновенія эта точка зрѣнія на хоръ уже успѣла установиться.

Изъ кого состоитъ хоръ „Ипсипилы“? Изъ немейскихъ женщинъ. Что связываетъ свободныхъ гражданокъ Немеи съ рабой царскаго дома? Ничто; но обычай требуетъ, чтобы хоръ сочувствовалъ героинѣ, утѣшалъ ее въ горѣ и давалъ ей совѣты. Зачѣмъ онѣ появляются именно теперь? Сообщить ей о надвигающейся рати аргивянъ, ведомой Адрастомъ и остальными изъ „семи вождей“. Какое до этого дѣло Офельтовой нянѣ? Никакого; но было полезно напомнить объ этомъ зрителямъ и, вообще, принято, чтобы послѣ пролога являлся хоръ. Вотъ и вся мотивировка.

Хоръ.

Ты у входа, дорогая?
Домъ мела, иль полъ водою
Окропляла, покорясь
Рабской участи своей?
Иль, какъ прежде, неустанно
Стругъ чудесный воспѣваешь,
Стовесельную Арго?

Иль сверкаетъ предъ очами,
Дубъ старинный обвивая,
Подъ стальной зѣницей змѣя
Неприступное руно?
Иль о Лемносѣ мечтаешь,
Гдѣ Эгейскими волнами
Гулкій берегъ оглашенъ?
И не знаешь, что безстрашно
По полямъ святой Немеи,
Миновавъ предѣлъ аргосскій,
Къ Амфіонову творенью
Рать свою Адрастъ могучій
Мѣднобронную ведетъ?
Онъ созвалъ всю мощь *Эллады*,
Нѣтъ числа щитамъ блестящимъ,
Нѣтъ числа звенящимъ лукамъ;
Рвутся въ бой лихіе кони,
И гудитъ земля сырая
Подъ ударами копытъ.

Ипсипила.

Вы правы, подруги. Стоитъ предо мной
Недвижно Аргд дорогая.
Готовится прыгнуть чрезъ синюю гладь
Съ причаломъ въ рукахъ легконогій Пелей,
Рожденный Эгиною витязь.

А дальше—подъ мачтой стоитъ на мосту
Владѣлецъ киѳары чудесной,
Орфей-сладкопѣвецъ, любимецъ боговъ;
Подъ дивными пальцами струны звучатъ
И льется волшебная пѣсня.

Ее онъ игралъ средь колышущихъ волнъ,
Усилья гребцовъ умѣряя.
Мнѣ въ душу запалъ незабвенный напѣвъ;
Труды же Данайцевъ и грозный походъ
Другимъ прославлять предоставлю.

Хоръ.

Отъ пѣвцовъ я вѣсть слыхала,
Какъ однажды въ дни былые
Финикіянка Европа
Уплыла въ далекій край;
Отчій домъ и градъ покинувъ,
Зевсовъ Критъ она отчизной
Богоданной обрѣла.
Тамъ, въ странѣ Куретовъ древнихъ,
Своей родинѣ исконной,
Ей престолъ и власть царицы
Олимпіецъ даровалъ,

И счастливую державу
Она мирно завѣщала
Тремъ могучимъ сыновьямъ.
И еще я вѣсть слыхала,
Какъ аргивянка-царевна
Въ изступленіи умчалась
Изъ отчизны—и проклятье
Облегченная сложила
Многославная Іо.
Взвѣсь ты рѣчь мою, подруга:
За несчастьемъ счастью мѣсто.
Не покинетъ *униженной*
Твоего отца родитель,
Прекратитъ твои страданья
Благодатный Діонисъ.

Ипсипила.

Слыхала и я многослезную вѣсть
Про участь лихую Прокриды.
Съ ней мужъ примирился, повелъ ее въ лѣсъ
И тамъ безразсудно стрѣлой умертвилъ
И горько оплакалъ подругу.
И мнѣ лишь страданья отъ Бога даны,
И мнѣ лишь въ могилѣ отрада;
Но гдѣ тотъ пѣвецъ, тотъ питомецъ богинь,
Чью чуткую душу слеза вдохновитъ,
Чья пѣснь мое горе взлелѣетъ?

Здѣсь кончается вступленіе, первое лирическое интермеццо трагедіи. Грусть нашла себѣ облегченіе въ пѣснѣ; волны страданія улеглись, дѣйствіе можетъ начаться.

Ѳ. Зѣлинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

ПО

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМЪ ЗАКОНОПРОЕКТАМЪ

Четыре года тому назадъ, когда показались первые признаки надвигающейся бури, въ числѣ другихъ реформъ, которыми правительство мечтало предотвратить опасность, было выдвинуто страхованіе рабочихъ. Съ тѣхъ поръ мы пережили всеобщую политическую стачку, фантасмагорію призрачной свободы, вакханалію контръ-революціи, двѣ Государственныя Думы и вступили въ полосу разгула реакціи. И вотъ теперь страхованію рабочихъ суждено было увидѣть свѣтъ: въ Государственную Думу правительствомъ внесены два законопроекта—о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни и отъ несчастныхъ случаевъ на работахъ. Обстановка, при которой вырабатывались проекты, не предвѣщала ничего хорошаго. Но едва ли можно сомнѣваться, что—хороши ли они или плохи—они во всякомъ случаѣ станутъ законами, если только правительству угодно будетъ поставить ихъ на очередь въ близкомъ будущемъ. Думское большинство едва ли пойдетъ въ разрѣзъ съ „видами правительства", а последнее, въ свою очередь, не станетъ противиться поправкамъ, которыя пожелаетъ сдѣлать центръ. Правые съ истиннымъ восторгомъ встрѣтятъ ту всеобъемлющую административную опеку, которою опутаны проектируемыя рабочія организаціи (больничныя кассы). Оппозиція, при данномъ соотношеніи силъ, представляетъ une quantité négligeable. Можно, поэтому, быть увѣреннымъ, что законопроекты пройдутъ или безъ всякихъ поправокъ, или съ измѣненіями къ худшему. При такихъ условіяхъ, предлагая кри-

тическую оцѣнку основныхъ началъ проектируемаго страхованія съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, мы едва ли забѣгаемъ впередъ: наши выводы, сдѣланные на основаніи теперешняго текста, a fortiori будутъ имѣть примѣненіе къ той окончательной редакціи, въ которой проекты могутъ выйти изъ чистилища Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Общій духъ и концепція законопроектовъ настолько любопытны для характеристики переживаемаго нами момента, что небезполезно остановить на нихъ вниманіе читателей.

I.

Та часть соціальнаго законодательства, которая насъ въ данную минуту интересуетъ, находилась до сихъ поръ въ Россіи въ зачаточномъ состояніи.

Преслѣдуя общіе интересы народнаго здравія, правительство еще сорокъ-два года тому назадъ сдѣлало слабую попытку возложить на предпринимателей обязанность оказанія рабочимъ врачебной помощи. Въ 1866 году московскій губернаторъ, въ виду надвигавшейся холеры, вошелъ съ ходатайствомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ объ изданіи соотвѣтственнаго закона. Послѣдствіемъ этого ходатайства явилось Высочайше утвержденное 26 августа 1866 года мнѣніе комитета министровъ, обязывающее содержателей фабрикъ и заводовъ устраивать у себя больничныя помѣщенія для рабочихъ. Законъ этотъ былъ изданъ „въ видѣ временной мѣры“ и относился только къ Московской губерніи. Хотя впослѣдствіи была сдѣлана попытка придать закону 1866 г. распространительное толкованіе, тѣмъ не менѣе фактически врачебная помощь на фабрикахъ и заводахъ по сію пору остается въ жалкомъ положеніи. Изъ общаго числа 19.292 промышленныхъ заведеній съ числомъ рабочихъ 1,4 милл. человѣкъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, только на 1.028 фабрикахъ (5%), съ 580 тыс. рабочихъ (39%), послѣдніе пользовались въ 1899 году полной врачебной помощью въ томъ смыслѣ, какъ она обычно понимается, т.-е. получали помощь не только первоначальную или амбулаторную, но и больничную въ случаяхъ тяжкихъ заболѣваній. Однако, не всѣ больницы вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Иногда въ нихъ вовсе не принимаютъ страдающихъ заразными болѣзнями, часто не принимаютъ больныхъ, требующихъ хирургическаго леченія, иногда принимаютъ только легко заболѣвшихъ; наконецъ, нерѣдко на-

блюдались случаи, когда въ больницѣ рабочимъ подавалась только амбулаторная помощь, коечнаго же леченія вовсе не производилось. По соглашенію съ общественными и частными учрежденіями врачебная помощь оказывалась за счетъ предпринимателей только на 318 фабрикахъ, съ 65 тыс. рабочихъ [1]). Нѣсколько болѣе удовлетворительно поставлено дѣло въ горной и горнозаводской промышленности; но и здѣсь, по свѣдѣніямъ 1904 года, около 40% всего числа предпріятій съ 5% всего числа рабочихъ вовсе лишены какой бы то ни было организованной предпріятіями врачебной помощи.

При всей мизерности результатовъ закона 1866 г., въ настоящее время предприниматели освобождены и отъ этой обязанности: сенатъ недавно разъяснилъ, что съ введеніемъ земскаго и городского самоуправленія и съ изданіемъ ихъ органами, въ силу предоставленныхъ имъ полномочій, обязательныхъ постановленій о мѣрахъ къ охраненію народного здравія, положеніе 1866 г. должно почитаться утратившимъ силу [2]).

Во время болѣзни рабочій нуждается не только въ леченіи, но и въ пособіи, восполняющемъ потерю заработка. Дѣйствующіе у насъ законы не вмѣняютъ предпринимателямъ въ обязанность поддерживать заболѣвшихъ рабочихъ какими-либо пособіями. Для этой цѣли существуютъ при фабрикахъ и заводахъ особые штрафные капиталы, которые составляются изъ взысканій, налагаемыхъ администраціей предпріятія на рабочихъ за нарушеніе порядка, за прогулы и за неисправную работу. Въ 1904 году средній размѣръ взысканія съ одного рабочаго составлялъ 42,5 коп., а выдано пособій на одного человѣка 42,4 коп. Какъ по размѣру, такъ и по происхожденію эти пособія едва ли заслуживаютъ такого названія: это просто возвратъ рабочему въ случаѣ болѣзни того, что берутъ у него, когда онъ здоровъ. Изъ взысканій, налагаемыхъ на предпринимателей, образуется общеимперскій капиталъ, который тоже предназначенъ для выдачи пособій рабочимъ. Въ 1905 году изъ этого капитала выданы пособія всего 1.282 лицамъ, при чемъ средній размѣръ пособія составлялъ 30 руб. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ объяснительной записки, что „пособія изъ общеимперскаго капитала также не имѣютъ существеннаго значенія для нуждъ общей массы рабочихъ“, и что вообще „всѣ виды помощи рабочимъ поставлены у насъ—болѣе, чѣмъ неудовлетворительно“.

---

[1]) *Дементьевъ*, „Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ“, Спб., 1899. Стр. 89.
[2]) „Торгово-Промышл. Газета“, 1908 г., № 233 (17 окт.).

Кромѣ обязательныхъ пособій, выдаваемыхъ изъ штрафныхъ капиталовъ, въ послѣднее время рабочіе стали получать вспомоществованіе во время болѣзни изъ собственныхъ средствъ предпринимателей. Первоначально помощь эта имѣла благотворительный характеръ и всецѣло зависѣла отъ личнаго расположенія фабричной или заводской администраціи къ заболѣвшему. Начиная съ 1905 года, предприниматели, подъ вліяніемъ забастовочнаго движенія, стали, уступая требованіямъ рабочихъ, вводить въ условія договора найма выдачу пособій заболѣвшимъ рабочимъ. Въ настоящее время выдача такихъ пособій практикуется въ 51 губерніи изъ 64, на которыя распространяется надзоръ фабричной инспекціи. Но и въ этихъ губерніяхъ пособія выдаются не во всѣхъ предпріятіяхъ, а только въ 15,2%, въ которыхъ занято 37,6% всего числа рабочихъ. Размѣръ пособія чаще всего (48,5% общаго числа предпріятій) равенъ половинѣ заработка; полный заработокъ выдается въ 37,4% заведеній. Такимъ образомъ, значительная масса рабочихъ остается безъ всякой поддержки во время болѣзни; меньшинство получаетъ помощь, но крайне недостаточную, да и та ничѣмъ не обезпечена: по словамъ объяснительной записки, „нѣтъ никакихъ гарантій, что съ измѣненіемъ условій нашей промышленной (и—прибавимъ отъ себя—политической) жизни въ этомъ отношеніи не послѣдуетъ обратнаго теченія не въ пользу рабочихъ“.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находится вопросъ о вознагражденіи рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Если въ отношеніи общихъ болѣзней рабочихъ можно съ легкимъ сердцемъ утверждать, что онѣ не стоятъ ни въ какой причинной связи съ условіями производства, то этого ужъ никакъ нельзя сказать относительно несчастныхъ случаевъ при работѣ. Здѣсь внутренняя зависимость явленій вскрывается безъ особаго напряженія мысли. „При настоящемъ состояніи промышленныхъ производствъ рабочій не можетъ почитаться хозяиномъ употребляемыхъ имъ орудій производства; напротивъ того, онъ скорѣе подчиняется имъ... Чѣмъ производство совершеннѣе, тѣмъ грознѣе становится обстановка его, тѣмъ оно опаснѣе для рабочихъ... Благодаря тому, что проявленія силъ энергичны, а движенія предметовъ быстры, рабочіе становятся въ опасное къ нимъ соотношеніе; имъ причиняется насильственно вредъ и притомъ чаще всего настолько внезапно, что они лишены возможности уберечься отъ него“. Виновникомъ такой организаціи производства является предприниматель, котораго „экономическія побу-

жденія заставляютъ прибѣгать къ пользованію силами болѣе энергичными, болѣе высокаго напряженія". Отсюда вытекаетъ тотъ простой выводъ, что всѣ послѣдствія отъ опасностей, скрывающихся въ производствѣ, должны падать на предпринимателя. На этомъ принципѣ и построенъ законъ 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Однако, система индивидуальной отвѣтственности, положенная въ основаніе закона 2 іюня, служитъ причиною, что онъ не даетъ рабочимъ вѣрнаго обезпеченія и въ этой узкой сферѣ. Отвѣтственными передъ рабочими и остальными лицами, за которыми признано право на вознагражденіе, являются владѣльцы предпріятій. Каждый отдѣльный предприниматель несетъ всѣ издержки, вызванныя приключившимся въ его предпріятіи несчастнымъ случаемъ; онъ одинъ отвѣчаетъ за исправность уплаты вознагражденія, причитающагося рабочимъ, которые пострадали вслѣдствіе несчастнаго случая въ его предпріятіи, или членамъ ихъ семействъ. При такой системѣ права пенсіонеровъ находятся въ полной зависимости отъ финансовой устойчивости отдѣльнаго предпринимателя. Въ случаѣ его несостоятельности рабочіе лишаются возможности получить причитающіеся имъ платежи. Права пенсіонеровъ могутъ быть нарушены также при прекращеніи дѣятельности предпріятія и при переходѣ его къ другому лицу. Установленныя закономъ правила, имѣющія цѣлью оградить въ этихъ случаяхъ интересы пенсіонеровъ, не достигаютъ цѣли. При нежеланіи владѣльца исполнить предусмотрѣнныя закономъ мѣры заинтересованнымъ лицамъ остается лишь одно средство — обратиться къ судебной защитѣ. Но для лицъ, прекращающихъ свои связи съ предпріятіемъ, такое обращеніе во многихъ случаяхъ не имѣетъ практическаго значенія. При переѣздѣ ихъ въ другую мѣстность самое возбужденіе судебнаго преслѣдованія часто является неосуществимымъ. Къ тому же для рабочихъ возбужденіе и веденіе судебнаго процесса связано съ чрезвычайными трудностями и непосильными матеріальными жертвами.

Неудовлетворительность постановки врачебной помощи и индивидуальной отвѣтственности предпринимателя привела къ мысли организовать дѣло обезпеченія рабочаго въ случаѣ его нетрудоспособности на началахъ государственнаго страхованія. Законопроекты, внесенные до настоящаго момента въ Государственную Думу, касаются только двухъ категорій причинъ необезпеченности рабочаго: болѣзни и несчастныхъ случаевъ при работахъ. Къ оцѣнкѣ этихъ законопроектовъ мы и переходимъ.

II.

При разсмотрѣніи всякаго проекта страхованія рабочихъ прежде всего возникаетъ вопросъ, на какую часть трудящейся массы предполагается распространить дѣйствіе будущаго закона. Естественно, что объективная норма тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе она охватываетъ соотвѣтственный кругъ интересовъ. Съ этой точки зрѣнія наши законопроекты въ весьма малой степени удовлетворяютъ назрѣвшей потребности. Обязательное страхованіе распространяется не на всѣ отрасли промышленности, а лишь на предпріятія фабрично-заводскія, горныя и горнозаводскія, судоходныя по внутреннимъ водамъ, трамвайныя и желѣзныя дороги частнаго пользованія. Но и въ этихъ предѣлахъ не всѣ предпріятія подчиняются дѣйствію проектируемыхъ законовъ, а только тѣ, въ которыхъ число постоянно занятыхъ рабочихъ не менѣе 20-ти, если въ производствѣ примѣняются паровые котлы или машины, приводимыя въ движеніе силами природы, и не менѣе 30-ти—въ остальныхъ случаяхъ. При соблюденіи извѣстныхъ условій страхованіе можетъ быть введено и въ предпріятіяхъ, гдѣ число постоянныхъ рабочихъ менѣе 20-ти, но во всякомъ случаѣ не менѣе пяти. Затѣмъ страхованіе распространяется только на Европейскую Россію и на губерніи Бакинскую и Тифлисскую. Стало быть, законопроекты вовсе оставляютъ въ сторонѣ сельское хозяйство всѣхъ видовъ, ремесленное производство, строительное дѣло, торговлю, прислугу, желѣзныя дороги казенныя и общаго пользованія. Изъ предпріятій, относящихся къ другимъ отраслямъ промышленности, исключены имѣющія меньше 20-ти или 30-ти постоянныхъ рабочихъ, а при затруднительности присоединенія отдѣльныхъ, уединенно расположенныхъ заведеній къ страховому учрежденію могутъ быть изъяты отъ страхованія и предпріятія съ числомъ рабочихъ больше указаннаго. Не распространяется страхованіе также на предпріятія, принадлежащія казеннымъ управленіямъ, земствамъ и городамъ. Затѣмъ освобождены отъ страхованія на случай болѣзни временные рабочіе и временныя предпріятія. Наконецъ, внѣ дѣйствія новыхъ законовъ остаются вся Азіатская Россія и большая часть Кавказа. Въ общемъ, по подсчету объяснительной записки, число подлежащихъ обезпеченію рабочихъ достигнетъ примѣрно $2^1/_2$ милл. чел. Сколько же имѣется у насъ всего рабочихъ? По даннымъ первой всероссійской переписи насчитывается:

занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ всѣхъ видовъ	2,7	милл.,
поденщиковъ и чернорабочихъ	1,2	„
прислуги, кромѣ домашней	0,6	„
занятыхъ во всѣхъ остальныхъ производствахъ, со включеніемъ путей и средствъ сообщенія, торговли, извоза и т. п.	3,2	„

а всего 7,7 милл., изъ которыхъ внѣ сферы страхованія останется 5,2 милл. чел., т.-е. страхованіе обниметъ 32% всего числа рабочихъ. Но и эта цифра должна быть уменьшена. Данныя переписи относятся къ 1897-му году, а съ тѣхъ поръ число рабочаго населенія, конечно, возросло; подсчетъ же числа страхуемыхъ сдѣланъ по свѣдѣніямъ послѣднихъ лѣтъ. Затѣмъ, въ это послѣднее число вошли и предпріятія, изъятыя отъ страхованія, если они принадлежатъ къ тѣмъ отраслямъ промышленности, на которыя дѣйствіе законопроектовъ распространяется. Руководствуясь данными фабричной инспекціи, г. Погожева [1]) и всероссійской переписи, слѣдуетъ заключить, что въ предпріятіяхъ, имѣющихъ менѣе 20-ти рабочихъ, а также принадлежащихъ казеннымъ и частнымъ желѣзнымъ дорогамъ общаго пользованія, насчитывается никакъ не менѣе 100 тыс. чел. Во всякомъ случаѣ, при самыхъ щедрыхъ разсчетахъ, не подлежитъ сомнѣнію, что благами страхованія воспользуется у насъ менѣе $1/3$ общаго числа рабочихъ, тогда какъ въ Германіи, напр., изъ общаго количества наемныхъ рабочихъ (безъ батраковъ) было застраховано въ 1904 году на случай болѣзни 76% (11 милл.), а отъ несчастныхъ случаевъ—130% (18 милл.) [2]).

Какія же соображенія заставили министерство ограничить кругъ страхуемыхъ лицъ такой ничтожной цифрой? Оно понимаетъ, что „наиболѣе совершенной системой обезпеченія рабочихъ представляется такая, которая находитъ наемныхъ рабочихъ всюду, куда бы они ни пришли и какимъ бы наемнымъ трудомъ они ни занимались". Но, по мнѣнію министерства, это невозможно: страхованіе должно быть построено на началахъ самоуправленія, а у насъ еще такъ „слабо развита самодѣятельность предпринимателей и рабочихъ". Почему бы министру торговли и промышленности, скорбящему по поводу слабаго

---

[1]) *Погожевъ*, „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи", Спб. 1906.

[2]) „Statistik der Arbeiterversicherung des Deutschen Reichs für die Jahre 1885—1904", bearbeitet von *G. Klein*, Берлинъ, 1906. Стр. 8. Число страхуемыхъ отъ несчастныхъ случаевъ превзошло общее количество наемныхъ рабочихъ, такъ какъ страхованію подлежатъ и батраки, и мелкіе предприниматели.

развитія у насъ рабочихъ союзовъ, не справиться у своего коллеги, сколько профессіональныхъ организацій было закрыто въ послѣдніе годы присутствіями объ обществахъ и союзахъ, сколько было уничтожено на основаніи всякихъ охранъ, сколько было доведено до гибели репрессіями по отношенію къ ихъ руководителямъ? Онъ убѣдился бы, что слабое развитіе союзовъ свидѣтельствуетъ не о неспособности рабочихъ къ самодѣятельности, а о способности правительства къ ея подавленію [1]. „Среди нашихъ работодателей корпоративныя организаціи являются довольно рѣдкимъ исключеніемъ". Это вѣрно, но для чего имъ „корпоративное" объединеніе, когда ихъ интересы въ борьбѣ съ рабочими вполнѣ обезпечиваются администраціей, которая, напр., не стѣсняется высылать мирныхъ забастовщиковъ „за предѣлы губерніи"? Тамъ, гдѣ нужно, предприниматели умѣютъ и синдикаты устраивать, и съѣзды организовывать, и объединяться для борьбы съ рабочими (какъ это было въ 1905 году), при чемъ мелкіе хозяева въ этомъ отношеніи нисколько не отстаютъ отъ крупныхъ (вспомнимъ хотя бы типографовъ!). Странная въ устахъ правительства ссылка на „слабое развитіе самодѣятельности" не можетъ, конечно, служить аргументомъ въ пользу ограниченія страхованія. Истинныя его причины раскрываются нѣсколько ниже, въ мотивахъ къ отдѣльнымъ статьямъ. Изъ различныхъ формъ организаціи страхованія на случай болѣзни проектъ остановился на одной изъ худшихъ — такъ называемыхъ фабричныхъ или промысловыхъ кассахъ; минимальной нормой, необходимой для учрежденія самостоятельной кассы, принята довольно высокая цифра — 400 постоянныхъ рабочихъ. При каждомъ пред-

[1] „Дѣятельность и развитіе уже разрѣшенныхъ профессіональныхъ обществъ — говорится въ запросѣ, внесенномъ въ Государственную Думу крайними лѣвыми, — оказываются почти невозможными благодаря мѣропріятіямъ мѣстной администраціи, выражающимся въ систематическихъ единоличныхъ и массовыхъ высылкахъ ихъ дѣятельныхъ членовъ, въ неразрѣшеніи и стѣсненіи собраній, въ пріостановленіи и закрытіи самихъ обществъ". Особенно усилились всѣ указанныя преслѣдованія вслѣдъ за изданіемъ циркуляра департамента полиціи, въ которомъ рекомендовалось мѣстнымъ властямъ „обратить на составъ и дѣятельность профессіональныхъ союзовъ самое пристальное и серьезное вниманіе, допускать ихъ легализацію лишь при наличности несомнѣнныхъ данныхъ объ отсутствіи у нихъ связей съ с.-д. группами, а при первыхъ попыткахъ къ отступленію отъ установленныхъ предѣловъ ихъ дѣятельности закрывать ихъ въ порядкѣ закона". Циркуляръ этотъ появился лѣтомъ 1907 г., когда, по даннымъ организаціонной коммиссіи по созыву предполагавшагося всероссійскаго съѣзда профессіональныхъ союзовъ, въ Россіи считалось 652 союза съ 246.272 членами. Къ апрѣлю 1908 г. оказалось закрытыми мѣстными присутствіями около 80 союзовъ, а съ тѣхъ поръ упразднительная дѣятельность администраціи шла crescendo.

пріятіи, имѣющемъ не менѣе 400 рабочихъ, устраивается больничная касса, а предпріятія, въ которыхъ число рабочихъ не достигаетъ этой цифры, соединяются съ другими для учрежденія общихъ кассъ или приписываются къ существующимъ кассамъ. Разъ принята такая организація, то исключеніе цѣлаго ряда предпріятій напрашивалось уже само собой. „Наиболѣе выгоднымъ для фабричныхъ кассъ является такое положеніе, при которомъ участники распредѣляются на возможно меньшее число предпріятій"; а такъ какъ при установленномъ для этихъ кассъ минимумѣ въ 400 чел. пришлось бы объединять большое число мелкихъ (до 20 рабочихъ) заведеній, то проектъ, ничтоже сумняшеся, исключаетъ ихъ изъ страхованія. Далѣе. Предпріятія, хотя и довольно крупныя, но съ числомъ рабочихъ меньше 400, разбросанныя на большомъ пространствѣ другъ отъ друга или отъ болѣе крупныхъ заведеній, тоже неудобно объединять въ фабричныя кассы; ergo—и ихъ нужно оставить въ сторонѣ. Но почему именно взята норма 400, когда въ Германіи принято 50, а въ Австріи 100? Вѣдь стоило только понизить требуемое минимальное число участниковъ хотя бы до 100 (а въ запискѣ признается, что чѣмъ меньше касса, тѣмъ лучше она достигаетъ цѣли) — и тогда не пришлось бы выбрасывать за бортъ десятки тысячъ рабочихъ. Стоило только, по примѣру Германіи, возложить страхованіе рабочихъ въ уединенно расположенныхъ заведеніяхъ на органы мѣстнаго самоуправленія—и задача была бы разрѣшена даже при томъ поселковомъ и волостномъ управленіи, проектъ котораго внесенъ недавно въ Государственную Думу. Но, очевидно, соображенія, побудившія министерство, вопреки опыту Германіи и Австріи, организовать страхованіе на началахъ наименѣе раціональныхъ [1]), взяли верхъ надъ интересами многихъ тысячъ трудящагося люда.

Нельзя также признать правильнымъ исключеніе изъ страхованія предпріятій, принадлежащихъ земскимъ и городскимъ общественнымъ управленіямъ, казнѣ и желѣзнымъ дорогамъ общаго пользованія. Страхованіе на случай болѣзни не распространяется на нихъ потому, что рабочіе „многихъ" изъ этихъ предпріятій получаютъ въ настоящее время пособія и врачебную помощь не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ предположено предоставить проектируемымъ закономъ рабочимъ частныхъ предпріятій. Но вѣдь „многихъ" не значитъ всѣхъ; цѣль обязательнаго страхованія къ тому и сводится, чтобы обезпеченіе рабочихъ сдѣлать независи-

[1]) Каковы были эти соображенія, увидимъ ниже.

мымъ отъ благоусмотрѣнія предпринимателя. „Многіе“ частные работодатели тоже оказываютъ рабочимъ врачебную помощь и выдаютъ пособія во время болѣзни; однако, объяснительная записка, констатируя этотъ фактъ, считаетъ такое положеніе вещей неудовлетворительнымъ вслѣдствіе отсутствія гарантій. Другой аргументъ заключается въ томъ, что во „многихъ“ изъ перечисленныхъ предпріятій заболѣвшіе рабочіе обезпечиваются въ настоящее время исключительно за счетъ этихъ предпріятій, и распространеніе на нихъ проектируемаго закона „могло бы даже повести къ нарушенію въ *отдѣльныхъ* случаяхъ интересовъ рабочихъ, такъ какъ страхованіе будетъ связано съ обязательными взносами, которыхъ они теперь не производятъ“. Странное пониманіе справедливости! Чтобы не посягать на интересы рабочихъ въ „отдѣльныхъ“ случаяхъ, допускается нарушеніе ихъ во многихъ случаяхъ. Авторы проекта забыли, что обязательное страхованіе основано на взаимности: нельзя считать несправедливымъ, если одинъ участникъ платитъ кассѣ больше другого, хотя, быть можетъ, возьметъ изъ нея меньше или даже вовсе не воспользуется ея услугами. Тѣ немногіе рабочіе, которые теперь ничего не платятъ за получаемую ими помощь, будучи привлечены къ обязательному страхованію, отдадутъ только дань принципу взаимности и пріобрѣтутъ за это гарантированное *право* на помощь, взамѣнъ невѣрной милости предпринимателя. Наконецъ, затрудненіе могло бы быть устранено особымъ постановленіемъ о томъ, что рабочіе, которые до введенія закона о страхованіи пользовались врачебной помощью и пособіями исключительно за счетъ предпринимателей, освобождаются отъ взносовъ и причитающіяся на ихъ долю суммы уплачиваются хозяевами. Такой порядокъ вовсе не былъ бы новинкой въ практикѣ общественныхъ учрежденій: многія земства и теперь уплачиваютъ въ пенсіонныя кассы обязательные взносы за своихъ низшихъ служащихъ.

Шедевромъ канцелярской логики является аргументація, касающаяся освобожденія той же категоріи предпріятій отъ страхованія на случай увѣчій. Дѣло, видите ли, въ томъ, что казенное имущество обыкновенно не страхуется отъ огня: при достаточно большомъ количествѣ рисковъ, раздѣленныхъ по пространству, ежегодные пожарные убытки должны быть значительно ниже годичной страховой преміи, которую страховыя учрежденія взимали бы не только для покрытія пожарныхъ убытковъ, но также на расходы по управленію страхованіемъ, на составленіе запаснаго капитала, а въ акціонерныхъ страховыхъ обществахъ—и на выдачу дивиденда акціонерамъ. „*По аналогич-*

нымъ соображеніямъ нельзя не признать убыточнымъ для казны страхованіе рабочихъ въ казенныхъ предпріятіяхъ". Тѣ же соображенія „не могутъ не имѣть примѣненія" и къ предпріятіямъ, принадлежащимъ земствамъ и городамъ, и къ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. „Во вниманіе къ сему" всѣ эти предпріятія освобождаются отъ обязательнаго страхованія. А такъ какъ нельзя же частныя дороги ставить въ отличныя условія отъ казенныхъ, то приходится и ихъ освободить отъ этой непріятной обязанности. Но какая же можетъ быть аналогія, съ интересующей насъ точки зрѣнія, между страхованіемъ имущества и страхованіемъ рабочихъ? Въ первомъ случаѣ собственникъ предпріятія страхуетъ имущество въ *свою* пользу; естественно, что онъ можетъ при этомъ руководствоваться исключительно коммерческими соображеніями: весь рискъ падаетъ на него одного. При страхованіи же рабочихъ рѣчь идетъ объ обезпеченіи третьихъ лицъ, не участвующихъ ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ предпріятія; выгодно или убыточно страхованіе въ общемъ балансѣ хозяйства—этотъ вопросъ не имѣетъ отношенія къ дѣлу: рабочіе должны быть застрахованы во всякомъ случаѣ. Разъ признано, что всякій предприниматель отвѣчаетъ за несчастные случаи съ рабочими, то центръ тяжести лежитъ не въ выгодѣ работодателя, а въ наибольшихъ *гарантіяхъ* для рабочаго, которыя, конечно, не могутъ быть достигнуты добровольнымъ самострахованіемъ предпринимателей. Но и съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ нельзя считать доказаннымъ, что самострахованіе въ данномъ случаѣ выгоднѣе участія въ страховыхъ товариществахъ. При страхованіи имущества въ частныхъ обществахъ высота преміи обусловливается въ значительной мѣрѣ дивидендами акціонеровъ; въ страховыхъ же товариществахъ ни о какихъ дивидендахъ нѣтъ рѣчи. Наконецъ, если и можно съ большими оговорками допустить, что казна и мѣстное самоуправленіе, какъ органы публичнаго интереса, сами позаботятся объ обезпеченіи правъ рабочихъ (хотя дѣйствительность не оправдываетъ такого оптимизма), то нельзя того же сказать о частныхъ желѣзныхъ дорогахъ: имъ не мѣсто въ этой компаніи.

Ну, а сельско-хозяйственные рабочіе, приказчики, рабочіе строительнаго дѣла,—спроситъ читатель,—они почему же оказались въ опалѣ?—Увы, обѣ объяснительныя записки, не смотря на ихъ почтенные размѣры, на этотъ счетъ хранятъ упорное молчаніе и только относительно строительныхъ рабочихъ находимъ глухую ссылку на трудность надзора и регистраціи [1].

[1] „Об. зап. страх. несч. сл.", стр. 62.

Необходимо отмѣтить, что законъ 2 іюня 1903 года распространяетъ отвѣтственность за несчастные случаи съ рабочими на предпріятія, принадлежащія земствамъ и городамъ, а изъ сельско-хозяйственныхъ исключаетъ только заведенія, находящіяся внѣ городскихъ поселеній, въ предѣлахъ собственныхъ или арендуемыхъ имѣній и земель, и служащія для переработки собственнаго и частью мѣстнаго сельскаго или собственнаго лѣсного хозяйства (мелкія лѣсопильни и мельницы) [1]. Всѣ прочія предпріятія сельско-хозяйственной промышленности подлежатъ дѣйствію закона 2 іюня. Разсматриваемый законопроектъ нашелъ нужнымъ сдѣлать въ этомъ отношеніи шагъ назадъ, не позаботившись даже о сколько-нибудь приличной аргументаціи. Не есть ли это просто подарокъ аграріямъ, обрѣтающимся нынѣ въ большомъ почетѣ?

III.

Посмотримъ теперь, въ какой степени обезпечены на случай болѣзни и увѣчья тѣ 32%, которые воспользуются благами страхованія. По проекту заболѣвшіе рабочіе получаютъ врачебную помощь и, кромѣ того, пособія. Оказаніе медицинской помощи лежитъ всецѣло на обязанности отдѣльнаго предпринимателя, и исключительно отъ его усмотрѣнія зависитъ, какъ ее организовать: онъ можетъ устроить собственную больницу съ амбулаторіей, можетъ войти въ соглашеніе съ учрежденіями земскаго и городского самоуправленія, съ частными лечебными заведеніями, или, наконецъ, съ больничными кассами. Обязанности предпринимателя въ этомъ отношеніи не поставлены ни въ какія рамки: онъ свободенъ, какъ вѣтеръ. Закономъ 1866 г. установлены были нормы, опредѣлявшія, какое число коекъ долженъ содержать работодатель. Теперь найдена стѣснительной какая бы то ни было регламентація въ этомъ дѣлѣ; законопроектъ просто говоритъ, что при заболѣваніяхъ рабочіе пользуются леченіемъ за счетъ владѣльцевъ предпріятій. Нельзя не опасаться, что отсутствіе въ законѣ ближайшихъ указаній относительно организаціи врачебной помощи обратитъ ее въ фикцію. Предприниматель будетъ стремиться исключительно къ дешевизнѣ, очень мало задумываясь надъ интересами рабочихъ. Если онъ найдетъ

[1] См. *Литвиновъ-Фалинскій*, „Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ", Спб., 1904. Стр. 149 и 169.

удобнымъ для себя содержать собственную больницу или амбулаторію, то, какъ показалъ опытъ, будутъ приложены всѣ старанія къ уменьшенію расходовъ: вмѣсто врачей будутъ приглашаться фельдшера, медикаменты будутъ отпускаться въ обрѣзъ, на больничныя койки будутъ приниматься только тяжелые больные. Предприниматели, которые почему-либо не найдутъ возможнымъ организовать врачебную помощь при самой фабрикѣ, охотнѣе всего будутъ входить въ соглашеніе съ частными лечебными заведеніями; преслѣдуя исключительно коммерческія выгоды, эти послѣднія пойдутъ на льготныя условія, лишь бы привлечь побольше кліентовъ, но больные отъ такого леченья едва ли что выиграютъ. Помѣщеніе заболѣвшихъ рабочихъ въ земскія и городскія больницы обойдется, несомнѣнно, дороже: эти учрежденія не станутъ прибѣгать къ пріемамъ частныхъ лечебныхъ заведеній. Нельзя признать удачной и мысль предоставить присутствіямъ по дѣламъ страхованія опредѣленіе стоимости содержанія и леченія больныхъ въ общественныхъ лечебныхъ заведеніяхъ: вторженіе посторонней власти въ сферу компетенціи земскихъ и городскихъ учрежденій затруднитъ только соглашеніе ихъ съ предпринимателями. Если найдено необходимымъ допустить въ этой области свободу опредѣленія, то нужно было довести ее до конца; проектъ же освобождаетъ отъ регламентаціи только работодателей, а общественныя учрежденія, которыя во всякомъ случаѣ больше фабрикантовъ и заводчиковъ заботятся объ общемъ благѣ, поставлены подъ контроль присутствій. Цѣль, конечно, ясна: проектъ боится, что земства и города установятъ слишкомъ высокую плату за леченіе рабочихъ. Весь отдѣлъ о врачебной помощи проникнутъ сугубымъ вниманіемъ къ интересамъ предпринимателей; обязанности ихъ въ этой области лишены конкретнаго содержанія; „произволъ“ общественныхъ учрежденій устраняется регламентаціей присутствій. Но особенно характерно полное устраненіе рабочихъ отъ всего дѣла организаціи медицинской помощи. Невольно возникаетъ вопросъ: не изъята ли врачебная помощь изъ числа функцій больничныхъ кассъ потому именно, что въ управленіи этими кассами большую роль будутъ играть рабочіе? Установить заранѣе съ математической точностью, въ какомъ размѣрѣ должно производиться леченіе заболѣвшихъ, нѣтъ возможности; никакой уставъ не можетъ предусмотрѣть, сколько въ томъ или другомъ случаѣ должно быть израсходовано на медицинскую помощь. Очевидно, проектъ опасался, что больничныя кассы, радѣя объ интересахъ рабочихъ, окажутся слишкомъ щедрыми въ дѣлѣ леченія, и это

потребуетъ отъ предпринимателей большихъ „жертвъ“. Вотъ почему больничнымъ кассамъ предоставлена только выдача пособій, размѣръ которыхъ точно опредѣляется самымъ закономъ. Въ этомъ отношеніи проектъ отступаетъ отъ практики Германіи и Австріи, гдѣ врачебная помощь всецѣло сосредоточена въ рукахъ самоуправляющихся больничныхъ кассъ. Нѣтъ сомнѣнія, что неудовлетворительная постановка этого дѣла имѣетъ серьезное значеніе для рабочихъ: плохое леченіе нерѣдко ведетъ къ усложненію болѣзни и можетъ окончиться потерей работоспособности.

Чрезвычайно опаснымъ представляется намъ и другое постановленіе проекта: если заболѣваніе не сопровождается потерей трудоспособности, то рабочій пользуется леченіемъ до тѣхъ поръ, пока онъ связанъ договоромъ найма. При крайней растяжимости нашихъ узаконеній о рабочемъ договорѣ, при неопредѣленности условій, могущихъ служить законной причиной расторженія договора—гдѣ гарантія, что затянувшаяся болѣзнь, требующая значительныхъ расходовъ, не поведетъ къ увольненію рабочаго до срока найма? Вѣдь для этого достаточно вызвать рабочаго на „дерзость“ или приписать ему „дурное поведеніе“ (ст. 105 уст. пром.). Заболѣвшій рабочій находится всецѣло въ рукахъ предпринимателя, а корпоративная организація страхуемыхъ остается въ сторонѣ.

Если заболѣваніе или несчастный случай имѣютъ своимъ послѣдствіемъ потерю трудоспособности, то рабочему выдается въ первомъ случаѣ пособіе, во второмъ—пенсія, въ размѣрѣ не свыше $^2/_3$ заработка. По даннымъ фабричной инспекціи средняя заработная плата въ 1905 году составляла 213 рублей въ годъ или 18 рублей въ мѣсяцъ. Слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ средній рабочій, потерявшій трудоспособность, получитъ 12 рублей въ мѣсяцъ. Мы знаемъ, что и полнаго заработка не хватаетъ для сведенія концовъ съ концами; сокращеніе его на $^1/_3$ ухудшитъ и безъ того жалкое существованіе рабочаго. Конечно, если смотрѣть на пособіе и пенсію, какъ на милость, то—всякое даяніе благо. Но такая точка зрѣнія не выдерживаетъ критики, если даже стоять на почвѣ неприкосновенности капиталистическаго строя. Обезпеченіе рабочаго во время болѣзни—это его *право*; тѣ „мертвыя издержки“, которыя должны были бы входить въ составъ его заработной платы, возвращаются ему путемъ страхованія, но измѣненіе формы не мѣняетъ существа дѣла: сколько рабочій получалъ за свой трудъ, когда онъ работалъ, столько ему слѣдуетъ и при потерѣ работо-

способности. Если оставить почву права, то нельзя понять, почему законопроектъ установилъ такія именно нормы, а не другія. Въ Германіи выдается $^1/_2$ заработка, въ Австріи — 60%; у насъ—минимумъ $^1/_4$ и $^1/_2$, максимумъ—$^1/_2$ и $^2/_3$. Но гдѣ же критерій для установленія той, а не иной цифры? Такого критерія нѣтъ и все зависитъ отъ доброй воли законодателя. Не нужно быть большимъ радикаломъ, чтобы, напримѣръ, предоставить больничнымъ кассамъ право повышать размѣръ пособія до суммы полнаго заработка. Опасности въ этомъ не было бы никакой: сами рабочіе заинтересованы въ томъ, чтобы не поднимать расходовъ кассъ до необычайной высоты; бо̀льшая часть бюджета кассъ покрывается ихъ же взносами. Напротивъ, при несчастныхъ случаяхъ нельзя предоставить назначеніе и опредѣленіе пособія или пенсіи усмотрѣнію страховыхъ товариществъ, такъ какъ въ ихъ управленіи участвуютъ представители только одной изъ заинтересованныхъ сторонъ—предпринимателей. Но отвѣтственность въ этомъ случаѣ построена на презумпціи виновности работодателя. Обыкновенная болѣзнь можетъ быть вызвана причинами, не имѣющими ничего общаго съ работой; несчастный же случай произошелъ „при работахъ или вслѣдствіе работъ". Естественно, что отвѣтственность предпринимателя должна здѣсь опредѣляться болѣе строгими нормами и право рабочаго на полное возмѣщеніе понесенныхъ имъ потерь должно быть установлено самимъ закономъ.

Нашъ проектъ не дѣлаетъ исключенія даже для больныхъ или увѣчныхъ, нуждающихся въ постороннемъ уходѣ, несмотря на то, что они не только не могутъ зарабатывать на пропитаніе, но требуютъ расходовъ, которые не были имъ извѣстны въ періодъ трудоспособности. Урѣзывать бюджетъ у такихъ больныхъ слишкомъ жестоко... Пенсія въ размѣрѣ полнаго заработка предоставляется по проекту только въ случаѣ сумасшествія, полной слѣпоты, потери обѣихъ рукъ или ногъ. Но эти виды увѣчья не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ, когда требуется посторонній уходъ. Притомъ пособіе, выдаваемое въ случаѣ болѣзни или увѣчья до наступленія права на пенсію, не достигаетъ полнаго заработка и при сумасшествіи, полной слѣпотѣ и пр. Особенно сурово отнесся проектъ къ работницамъ. Роженицы пользуются пособіемъ въ теченіе извѣстнаго срока послѣ родовъ, но для беременныхъ женщинъ не полагается никакихъ пособій. А между тѣмъ работа въ послѣдніе дни беременности представляетъ нерѣдко опасность не только для матери, но и для будущаго ребенка, и въ интересахъ здоровья подростаю-

щаго поколѣнія слѣдовало бы, по примѣру Германіи, предоставить беременнымъ женщинамъ возможность прекратить работу за нѣкоторое время до родовъ. Затѣмъ, въ Германіи роженицы пользуются пособіями въ теченіе шести недѣль; у насъ срокъ сокращенъ до четырехъ недѣль, и при этомъ требуется, чтобы роженица состояла участницей кассы не менѣе трехъ мѣсяцевъ, предшествующихъ родамъ. Чѣмъ вызвано это жестокое правило? А вотъ чѣмъ: „Выдача пособій можетъ служить *иногда* [1]) поводомъ къ искусственному приливу беременныхъ женщинъ въ тѣ предпріятія, при коихъ учреждены больничныя кассы". Чтобы *иногда* не могло быть злоупотребленій, рѣшено *никогда* не выдавать пособій извѣстной категоріи роженицъ. Разсужденіе въ чисто современномъ духѣ: лучше наказать десять невинныхъ, чѣмъ дать уклониться отъ кары одному виновному...

Огромнымъ упущеніемъ обоихъ проектовъ является отсутствіе опредѣленія термина „трудоспособность". Что слѣдуетъ имѣть здѣсь въ виду: способность потерпѣвшаго къ какому бы то ни было труду или пригодность его къ той профессіи, которою онъ занимался до наступленія болѣзни или несчастнаго случая? Различіе этихъ двухъ видовъ трудоспособности представляется дѣломъ первостепенной важности. Слесарь, потерявшій правую руку, неспособенъ продолжать прежнее занятіе, но онъ можетъ служить, напр., привратникомъ. Если считать, что онъ не потерялъ въ данномъ случаѣ трудоспособности, то онъ не можетъ разсчитывать на пенсію, хотя заработокъ его уменьшился, быть можетъ, въ десять разъ. Въ Германіи судебная практика совершенно правильно толкуетъ законъ въ томъ смыслѣ, что лишеніе трудоспособности состоитъ не только въ физической невозможности производить какую-нибудь работу, но и въ невозможности безъ вреда для здоровья продолжать ту же работу и такимъ же образомъ, какъ это было до болѣзни. Нашъ проектъ, замалчивая этотъ вопросъ, подражаетъ закону 2-го іюня 1903 года. Неясность этого послѣдняго пытались устранить правила, утвержденныя министромъ внутр. дѣлъ 5-го іюня 1904 года, и инструкція присутствіямъ по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ. Но крайне неудачная редакція какъ правилъ, такъ и инструкціи внесла въ дѣло еще больше тумана, и въ концѣ концовъ судьба рабочихъ оказалась въ зависимости отъ судебной практики, которая, какъ извѣстно, часто даетъ противорѣчивыя толкованія закона. Казалось бы, что неудобства, возникшія на

---

[1]) Курсивъ нашъ.

практикѣ отъ недостаточной ясности закона, должны были побудить составителей нашихъ проектовъ исправить ошибку, допущенную закономъ 2-го іюня, и точнѣе опредѣлить, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ трудоспособностью. Едва ли можно сомнѣваться, что страховыя товарищества, состоящія исключительно изъ предпринимателей, склонны будутъ толковать этотъ терминъ въ наиболѣе для нихъ благопріятномъ смыслѣ. Потерпѣвшимъ придется въ такихъ случаяхъ искать свое право судебнымъ порядкомъ, что̀ сопряжено для нихъ съ огромными затрудненіями.

Въ нашу задачу входитъ оцѣнка лишь основныхъ началъ, на которыхъ построено предполагаемое страхованіе; на деталяхъ мы не останавливаемся. Не можемъ, однако, пройти молчаніемъ одну характерную подробность. По закону 2-го іюня 1903 года выдача пенсій производится со дня прекращенія пособій; въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ пенсіи больше размѣра пособія, потерпѣвшіе, сверхъ пенсіи, получаютъ единовременно разницу между пенсіей и пособіемъ за время со дня несчастнаго случая до дня прекращенія пособій. Въ проектѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ мы не находимъ такого постановленія. Повторяя, въ общемъ, правила 2-го іюня, проектъ въ данномъ случаѣ отступаетъ отъ своего образца—въ ущербъ интересамъ рабочихъ. Еще одна подробность: оговорка о томъ, что утрата менѣе 5% трудоспособности не даетъ права на пенсію, неизвѣстна закону 2-го іюня. Повидимому, составителямъ проекта не приходила въ голову мысль, что поставить рабочаго при страхованіи въ худшія условія, сравнительно съ тѣми, въ какихъ онъ находился при законѣ 2-го іюня, по меньшей мѣрѣ неудобно...

IV.

Логическимъ развитіемъ основной ошибки, легшей въ основаніе проектируемаго страхованія, является конструкція доходнаго бюджета больничныхъ кассъ. Пособія и пенсіи, выдаваемыя пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, покрываются полностью за счетъ предпринимателей. На ихъ средства отнесены цѣликомъ и расходы по оказанію врачебной помощи заболѣвшимъ. Выдача же временныхъ пособій больнымъ, лишившимся трудоспособности не вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ при работахъ, отнесена частью на счетъ рабочихъ, частью на счетъ предпринимателей: первые уплачиваютъ 3/5, послѣдніе—2/5. Здѣсь опять-таки все произвольно: почему расходы больничныхъ кассъ дѣлятся между обѣими

сторонами—представителями труда и капитала—въ такой, а не иной пропорціи (въ Германіи и Австріи принято отношеніе 2:1), почему расходы на врачебную помощь падаютъ всецѣло на предпринимателей, а расходы по выдачѣ пособій въ случаѣ болѣзни должны покрываться отчасти и рабочими—эти вопросы остаются безъ отвѣта. Съ одинаковымъ основаніемъ можно было бы все построеніе перевернуть: пособія отнести цѣликомъ на счетъ работодателей, а медицинскую помощь возложить на больничныя кассы, обязавъ рабочихъ уплачивать $^2/_5$, а работодателей $^3/_5$. Какую бы комбинацію мы ни придумали, она не была бы менѣе основательной, чѣмъ та, на которой остановились составители проекта. Вся суть въ томъ, что зданіе построено безъ опредѣленной руководящей идеи, безъ твердо установленнаго критерія. А между тѣмъ критерій этотъ найти нетрудно. Затраты рабочаго во время болѣзни, лишившей его работоспособности, составляютъ тѣ „мертвыя издержки", которыя должны входить въ общую сумму расходовъ по производству, какъ и всякія мертвыя издержки. Приступая къ дѣлу, предприниматель знаетъ, что извѣстное количество средствъ производства не возмѣститъ ему расходовъ; онъ знаетъ также, что рабочая сила, по своимъ естественнымъ свойствамъ, можетъ на время пріостановить воспроизведеніе своей стоимости. То и другое неизбѣжно въ производствѣ; это—рискъ, безъ котораго ни одно предпріятіе не можетъ существовать. Но предприниматель ведетъ все дѣло на собственный страхъ: онъ одинъ получаетъ всю прибыль, даваемую предпріятіемъ, одинъ несетъ всѣ убытки. Рабочій не участвуетъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Разъ весь рискъ производства несетъ предприниматель, то нѣтъ никакихъ основаній освобождать его и отъ той доли риска, которая связана съ перерывами въ функціонированіи рабочей силы. Это—убытокъ предпріятія, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ убытковъ. Разница только въ томъ, что по условіямъ рынка предпринимателю легче переносить этотъ убытокъ на рабочаго, чѣмъ на потребителя, и, слѣдуя по линіи наименьшаго сопротивленія, онъ такъ и поступаетъ. Но когда государство сознаетъ свою обязанность придти въ этомъ дѣлѣ на помощь слабѣйшей сторонѣ, ему остается только заставить предпринимателя и этотъ убытокъ включить въ общую сумму издержекъ производства, освободивъ рабочаго отъ навязанной ему роли носителя риска предпріятія. Если государственная власть не считаетъ возможнымъ сдѣлать это посредствомъ прямой нормировки заработной платы, то она прибѣгаетъ къ окольному пути—государственному страхованію; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ всѣ потери

рабочаго должны падать на предпріятіе. Отсюда неизбѣженъ логическій выводъ, что расходы по страхованію, въ томъ числѣ и расходы больничныхъ кассъ, должны полностью покрываться взносами работодателей. Ставъ на эту почву, мы пріобрѣтаемъ опредѣленный критерій и избѣгаемъ всякихъ произвольностей. Ни одно государство, практикующее обязательное государственное страхованіе рабочихъ, не слѣдуетъ этому принципу, но это нисколько не нарушаетъ его правильности, а свидѣтельствуетъ только о преобладаніи въ современномъ гражданскомъ обществѣ интересовъ имущихъ классовъ.

Признавъ неправильность и безпочвенность общей конструкціи доходнаго бюджета больничныхъ кассъ, мы не будемъ останавливаться на деталяхъ и прямо перейдемъ къ устройству органовъ, завѣдывающихъ дѣломъ страхованія.

V.

Наши проекты устанавливаютъ организаціи двухъ родовъ: во-первыхъ, больничныя кассы, на которыя возложена выдача пособій въ случаѣ болѣзни, связанной съ потерей трудоспособности, и, во-вторыхъ, страховыя товарищества, выдающія пособія и пенсіи „въ случаѣ утраты трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ при работахъ предпріятія или вслѣдствіе таковыхъ работъ“.

Оба типа организацій будутъ дѣйствовать раздѣльно, безъ всякой связи между собою. Въ разсматриваемыхъ проектахъ мы не находимъ объясненія, почему министерство не нашло возможнымъ объединить все страхованіе рабочихъ въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ. Неудобство разъединенія органовъ, вѣдающихъ отдѣльные виды страхованія, въ достаточной степени выяснилось на практикѣ. Въ Австріи, напр., предполагается сосредоточить управленіе дѣлами всѣхъ видовъ страхованія въ особыхъ уѣздныхъ бюро. Объединеніе, прежде всего, сократило бы расходы по управленію: одни и тѣ же органы завѣдывали бы всѣми дѣлами, между тѣмъ какъ по проекту будутъ существовать одни органы въ больничныхъ кассахъ, другіе—въ страховыхъ товариществахъ. Затѣмъ, для правильнаго устройства обоихъ видовъ страхованія органы управленія должны стоять въ достаточной близости къ страхуемымъ. Только при этомъ условіи можетъ быть устранена всякая волокита въ сношеніяхъ съ заболѣвшими пострадавшими—а тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оказаніи помощи больнымъ, о кон-

статированіи характера и причинъ несчастныхъ случаевъ и пр., личныя сношенія застрахованныхъ съ органами управленія являются безусловно необходимыми. Взаимная близость обѣихъ сторонъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствіе страхового учрежденія распространяется на небольшую территорію. Съ другой стороны, финансовая устойчивость учрежденій по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ тѣмъ выше, чѣмъ больше число застрахованныхъ: при значительномъ количествѣ объединенныхъ общей отвѣтственностью заведеній крупные риски однихъ предпріятій нейтрализуются меньшими рисками другихъ. Правильность организаціи требуетъ, такимъ образомъ, сочетанія двухъ моментовъ: 1) малой величины учрежденій, завѣдующихъ дѣлами страхованія и 2) соединенія этихъ учрежденій въ болѣе крупныя единицы, для распредѣленія рисковъ на значительное число предпріятій. Очевидно, эта цѣль могла бы легко быть достигнута примѣненіемъ территоріальнаго принципа: мельчайшими ячейками могли бы служить кассы, охватывающія тотъ или другой небольшой раіонъ (городъ, волость, уѣздъ), а для перестрахованія рисковъ эти ячейки объединялись бы въ союзы. Такая конструкція съ успѣхомъ удовлетворяла бы и требованіямъ близости кассъ къ застрахованнымъ, и требованіямъ финансовой устойчивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ и расходы по управленію были бы сокращены до возможнаго минимума. При раздѣльномъ существованіи больничныхъ кассъ и страховыхъ товариществъ послѣднимъ придется держать особыхъ мѣстныхъ агентовъ для личныхъ сношеній съ пострадавшими, для разслѣдованія обстоятельствъ несчастныхъ случаевъ и т. п., такъ какъ товарищества охватываютъ сравнительно крупные раіоны. При объединеніи же всего страховаго дѣла на территоріальныхъ началахъ въ такихъ агентахъ не было бы надобности: кассы, достаточно близкія къ своимъ участникамъ, служили бы одинаково для цѣлей обоихъ видовъ страхованія. Если Германія не пошла по этому пути, то это объясняется историческими причинами. Будучи піонеромъ въ дѣлѣ страхованія рабочихъ, она, естественно, нашла болѣе осторожнымъ опереться на уже существующія рабочія организаціи. Мы находимся въ иномъ положеніи: обществъ взаимопомощи рабочихъ у насъ, „слава Богу", нѣтъ (кромѣ горнозаводскихъ), — а опытъ Германіи и Австріи даетъ много поучительнаго матеріала, которымъ мы можемъ воспользоваться. Почему же составители нашихъ законопроектовъ не остановились на идеѣ объединенія всѣхъ видовъ страхованія, назрѣвшей уже и въ Западной Европѣ? Не потому ли, что тогда пришлось бы допустить участіе рабочихъ и въ управленіи страхованіемъ отъ

несчастныхъ случаевъ, тогда какъ теперь они допущены лишь къ завѣдыванію страхованіемъ на случай болѣзни, представляющимъ незначительный рискъ и сопряженнымъ съ меньшими затратами для предпринимателей? Не отдано ли предпочтеніе болѣе дорогой и менѣе раціональной системѣ съ той цѣлью, чтобы страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, имѣющее болѣе серьезное значеніе, чѣмъ страхованіе на случай болѣзни, оставить исключительно въ рукахъ предпринимателей, подъ тѣмъ предлогомъ, что осуществляется оно всецѣло на ихъ счетъ?

Допустимъ однако, что министерство имѣло достаточныя основанія для введенія двухъ самостоятельныхъ организацій. Какъ же онѣ устроены?

Общія основанія, на которыхъ построены страховыя товарищества, намъ представляются правильными. Вмѣсто крупныхъ товариществъ германскаго типа, охватывающихъ предпріятія однородныхъ производствъ всей страны, нашъ проектъ вводитъ болѣе мелкія, объединяющія разнообразныя производства одного и того же округа. Этимъ достигается бо́льшая близость центральныхъ органовъ товариществъ къ страхуемымъ, облегчаются личныя сношенія съ ними и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращаются расходы по управленію. Въ предѣлахъ округа предпріятія могутъ дѣлиться на классы по степени опасности производства для рабочихъ—главнаго момента, вліяющаго на хозяйственную дѣятельность товариществъ.

Напротивъ, организація больничныхъ кассъ, принятая проектомъ, вызываетъ серьезныя возраженія. Начать съ того, что изъ различныхъ типовъ кассъ, извѣстныхъ европейской практикѣ, нашъ проектъ остановился на фабричныхъ кассахъ: при каждомъ предпріятіи, насчитывающемъ извѣстное число рабочихъ, устраивается больничная касса. Предпріятія съ меньшимъ количествомъ рабочихъ соединяются вмѣстѣ, а если дальность разстоянія и другія мѣстныя условія не позволяютъ этого, то такія предпріятія остаются внѣ сферы страхованія. Законопроектъ объясняетъ свой выборъ „соображеніями цѣлесообразности привлеченія къ участію въ управленіи дѣлами этихъ кассъ самихъ застрахованныхъ лицъ и большею приспособляемостью подобныхъ кассъ къ разнообразнымъ мѣстнымъ особенностямъ промышленныхъ предпріятій". Но въ Германіи „мѣстныя" кассы, объединяющія рабочихъ разныхъ предпріятій одного и того же раіона, повидимому, оказались болѣе удовлетворяющими требованіямъ жизни. Статистика констатируетъ, что число застрахованныхъ въ 1904 году увеличилось сравнительно съ 1885 годомъ въ мѣстныхъ кассахъ въ

$3^1/_2$ раза, а въ фабричныхъ—только въ 2 раза. Абсолютное число застрахованныхъ въ 1885 году было почти одинаково въ кассахъ обоихъ типовъ: 1,5 милл. и 1,3 милл.; черезъ двадцать лѣтъ въ мѣстныхъ кассахъ находимъ уже 5,3 милл., а въ фабричныхъ—только 2,7 милл. Въ кассахъ перваго рода сосредоточивается все большая часть застрахованнаго пролетаріата, увеличившись съ 39% въ 1891 году до 47% въ 1904-мъ, тогда какъ въ кассахъ второго рода процентъ этотъ за разсматриваемый періодъ стоитъ на одномъ уровнѣ — 23% [1]). То же явленіе наблюдается въ Австріи: въ 1904 году было застраховано въ окружныхъ кассахъ больше 1 милл. человѣкъ или половина всего числа застрахованныхъ, а въ промышленныхъ — немного болѣе $^1/_2$ милл.; число первыхъ кассъ съ 1890 года по 1904 года увеличилось на 18, а число вторыхъ *уменьшилось* на 186, и соотвѣтственно съ этимъ процентное отношеніе къ общему количеству застрахованныхъ въ окружныхъ кассахъ поднялось съ 35 до 41, а въ промышленныхъ *упало* съ 32% до 25% [2]). Ясно, что система территоріальная обладаетъ какими-то преимуществами передъ промысловой, и эти преимущества заставляютъ предпочитать мѣстныя кассы фабричнымъ. Въ чемъ кроется причина этого любопытнаго явленія, мы узнаемъ изъ отчетовъ рабочихъ секретаріатовъ. Оказывается, что больше всего нареканій вызываютъ именно фабричныя кассы. Здѣсь случается, что владѣльцы предпріятія попросту увольняютъ рабочихъ, которые имѣютъ болѣзненный видъ и грозятъ скоро слечь; точно такъ же они поступаютъ съ беременными работницами. Помощь, оказываемая фабричными кассами, ограничивается очень часто минимальными размѣрами [3]). Неудивительно, что рабочіе секретари признаютъ желательнымъ устраненіе фабричныхъ кассъ и введеніе единообразной организаціи по типу мѣстныхъ кассъ [4]). Введеніе раіонной системы находитъ необходимымъ и четвертый конгрессъ больничныхъ кассъ [5]). И вотъ, типъ кассъ, который рабочіе признаютъ наименѣе удобнымъ, вводится у насъ...

Перечисляя „удобства" фабричныхъ кассъ, проектъ, между

---

[1]) „Statistik der Arbeiterversicherung", стр. 9.

[2]) Данныя взяты у *Дементьева*, „Страхованіе рабочихъ" (Спб., 1906) и изъ „Oesterreichisches statistisches Handbuch" за 1906 годъ.

[3]) *А. Мюллеръ*, „Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи", М. 1907, стр. 190 и 194.

[4]) Ibid., стр. 226.

[5]) „Bulletin des internationalen Arbeitsamtes" за 1908 г. Bd. VII, № 4 — 5, стр. 188—189.

прочимъ, ссылается на простоту ихъ устройства и непосредственную близость ихъ къ рабочимъ, что дастъ имъ возможность оказывать помощь застрахованнымъ, сообразуясь съ ихъ дѣйствительной нуждой; указаннымъ условіямъ „всего болѣе отвѣчали бы именно небольшія по своимъ размѣрамъ кассы". Казалось бы, что, исходя изъ этихъ соображеній, слѣдовало исполнить два условія: 1) ввести типъ фабричныхъ кассъ и 2) установить для нихъ низкую норму участниковъ. На самомъ дѣлѣ вышло вотъ что: первое условіе соблюдено во всей строгости, а минимумомъ, дозволяющимъ открыть самостоятельную кассу, принято 400 рабочихъ—цифра, превышающая германскую норму въ 8 разъ и австрійскую въ 4 раза. Даже для мѣстныхъ кассъ въ Германіи принятъ минимумъ въ 100 человѣкъ. Спрашивается: какія же кассы могутъ лучше знать „дѣйствительную" нужду рабочихъ — мѣстныя въ Германіи или фабричныя въ Россіи? Правда, министерство торговли и промышленности первоначально хотѣло установить низкую норму участниковъ, но затѣмъ повысило ее до 400, уступая настояніямъ „многихъ изъ представителей промышленности", опасавшихся, что система малыхъ кассъ окажется слишкомъ дорогой и неустойчивой въ финансовомъ отношеніи. Хотя эти возраженія, какъ доказываютъ сами составители проекта, лишены основанія, однако заявленіе промышленниковъ было принято къ руководству. Такимъ образомъ, принявъ типъ фабричныхъ кассъ, какъ простѣйшихъ, проектъ въ то же время лишаетъ ихъ этого свойства, допустивъ, въ угоду промышленникамъ, слишкомъ высокую норму участниковъ. Ясное дѣло, что чѣмъ эта норма выше, тѣмъ бòльшее количество мелкихъ предпріятій, не имѣющихъ возможности по дальности разстоянія и другимъ причинамъ соединяться между собою въ общую кассу, останется внѣ круга дѣйствія проектируемаго закона.

VI.

Тенденція сугубаго вниманія къ интересамъ предпринимателей особенно рѣзко выступаетъ въ конструкціи управленія дѣлами страхованія.

Въ Зап. Европѣ управленіе больничными кассами и страховыми товариществами основано на одномъ и томъ же началѣ: участіе рабочихъ и предпринимателей въ веденіи дѣлъ прямо пропорціонально ихъ взносамъ. Поэтому въ Германіи, напри-

мѣръ, предпринимателямъ принадлежитъ въ общихъ собраніяхъ больничныхъ кассъ вдвое меньшее число голосовъ, чѣмъ рабочимъ (ихъ взносы относятся другъ къ другу, какъ 1:2); то же приблизительно имѣетъ мѣсто и въ правленіяхъ кассъ. Страховыя товарищества находятся всецѣло въ рукахъ предпринимателей, такъ какъ и средства доставляются только ими. Наши проекты, послѣдовавъ примѣру Зап. Европы въ отношеніи страховыхъ товариществъ, конструируютъ управленіе больничныхъ кассъ на совершенно иныхъ началахъ. Общія собранія состоятъ только изъ рабочихъ, но предсѣдательствуетъ въ нихъ предприниматель. Каковъ смыслъ этого постановленія? Такъ какъ взносы предпринимателей меньше взносовъ рабочихъ, то при соблюденіи принципа пропорціональности они оставались бы въ меньшинствѣ. Нарушить этотъ принципъ, искусственно увеличивъ представительство отъ работодателей, авторы законопроекта, очевидно, не рѣшались, опасаясь развитія на этой почвѣ враждебныхъ отношеній между участниками кассъ и ихъ хозяевами. Но „чтобы не устранять промышленниковъ вовсе отъ участія въ общихъ собраніяхъ кассъ", предсѣдательствованіе въ нихъ возлагается непремѣнно на уполномоченное работодателемъ лицо. Совершенно понятно, что „черезъ это лицо промышленники могутъ оказывать значительное вліяніе на то или иное рѣшеніе вопроса", тѣмъ болѣе, что ему предоставляются права, предусмотрѣнныя временными правилами о собраніяхъ. Ясное дѣло, что комбинація, придуманная нашимъ законопроектомъ, предоставляетъ предпринимателямъ на общихъ собраніяхъ кассъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ Зап. Европѣ. Тамъ они составляютъ меньшинство—и только; здѣсь они имѣютъ возможность черезъ своего предсѣдателя, облеченнаго большими полномочіями въ смыслѣ лишенія права голоса, постановки вопросовъ, формулировки резолюцій, закрытія собранія, оказывать сильное давленіе на участниковъ. Та же цѣль—усиленіе значенія работодателей—преслѣдуется постановленіемъ, опредѣляющимъ составъ правленія кассы. Члены правленія распредѣляются между рабочими и хозяевами не пропорціонально ихъ взносамъ, а такъ, что на долю первыхъ приходится только *однимъ* голосомъ больше, чѣмъ на долю послѣднихъ. Законопроектъ счелъ необходимымъ обезпечить предпринимателямъ участіе въ управленіи кассами, несоразмѣрное съ участіемъ ихъ въ расходахъ кассъ, тогда какъ въ страховыхъ товариществахъ эта соразмѣрность выдержана съ полной послѣдовательностью и рабочіе устранены отъ всякаго участія въ нихъ. И это сдѣлано не смотря на при-

знаніе авторовъ законопроекта страхованія на случай болѣзни, что „соотношеніе взносовъ сторонъ, равно какъ и предѣлы обложенія промышленниковъ этими взносами, въ законѣ точно установлены, а потому опасенія относительно возможности чрезмѣрнаго обложенія промышленниковъ по постановленіямъ общихъ собраній больничныхъ кассъ представляются несущественными“, тѣмъ болѣе, что „всякое обложеніе промышленниковъ взносами въ больничныя кассы сопряжено съ еще болѣе значительнымъ обремененіемъ самихъ участниковъ кассы“. Съ другой стороны, въ страховыхъ товариществахъ назначеніе пенсій и размѣръ ихъ зависятъ отъ множества спорныхъ обстоятельствъ: предоставить здѣсь голосъ только предпринимателямъ, заинтересованнымъ въ возможно меньшихъ выдачахъ, значитъ поступать явно въ ущербъ рабочимъ. Въ Германіи рабочіе тоже не участвуютъ въ управленіи страховыми товариществами, но тамъ споры, вытекающіе изъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, разбираются особыми третейскими судами, въ составъ которыхъ входятъ въ равномъ числѣ выборные представители отъ предпринимателей и рабочихъ. Нашъ законопроектъ предоставляетъ рѣшеніе подобныхъ споровъ обыкновенному суду, забывъ собственныя слова о непосильности судебныхъ процессовъ для рабочаго люда [1]). Проявивъ особую заботу объ интересахъ работодателей даже тамъ, гдѣ они не могутъ пострадать, законопроекты съ пренебреженіемъ отнеслись къ интересамъ рабочихъ, передавъ назначеніе и опредѣленіе пенсій одной изъ заинтересованныхъ сторонъ безъ участія другой. Германскій законъ послѣдовательно проводитъ принципъ соразмѣрности участія въ управленіи съ участіемъ въ расходахъ; нашъ же законопроектъ, отступивъ отъ этого принципа въ одномъ случаѣ—ради интересовъ предпринимателей, не дѣлаетъ отступленія отъ него въ другомъ случаѣ—ради интересовъ рабочихъ. Мы думаемъ, что для больничныхъ кассъ слѣдовало оставить по крайней мѣрѣ германскій порядокъ; назначеніе же и опредѣленіе пенсій должно быть предоставлено какому-либо *нейтральному* общественному учрежденію, организованному на демократическихъ началахъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія высказался и четвертый конгрессъ германскихъ больничныхъ кассъ [2]), хотя въ Германіи, какъ мы видѣли, существуютъ особые третейскіе суды, до нѣкоторой степени ограждающіе интересы рабочихъ.

---

[1]) „Об. зап. страх. несч. сл.“, стр. 38.

[2]) „Bulletin“, ibid.

VII.

Въ объяснительныхъ запискахъ къ разсматриваемымъ законопроектамъ очень много и очень красиво говорится о необходимости самоуправленія для страховыхъ учрежденій: въ этомъ—залогъ ихъ успѣха. Однако отъ слова до дѣла—дистанція огромнаго размѣра. Участники страховыхъ товариществъ и больничныхъ кассъ дѣйствительно сами управляютъ дѣлами, но всѣ ихъ дѣйствія окружены всеобъемлющей регламентаціей какъ общихъ административныхъ властей, такъ и спеціальныхъ органовъ надзора по страховымъ дѣламъ. Достойно вниманія, что болѣе всего эта регламентація развита по отношенію къ больничнымъ кассамъ, т.-е. къ тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ завѣдываніе дѣлами предоставлено рабочимъ. Губернаторъ можетъ опротестовать выборы членовъ правленія кассы, если они произведены, по его мнѣнію, съ нарушеніемъ закона; онъ можетъ устранить выборныхъ членовъ правленія не только въ случаѣ противозаконныхъ дѣйствій ихъ, но и если ихъ дѣятельность угрожаетъ общественному спокойствію и безопасности. Послѣднее условіе предоставляетъ мѣстной администраціи широкое право вмѣшательства въ дѣла больничныхъ кассъ: устраненіе всякаго неугоднаго лица нетрудно мотивировать требованіями общественнаго спокойствія и безопасности. Правда, о принятыхъ мѣрахъ губернаторъ долженъ представить въ присутствіе по страховымъ дѣламъ, но, какъ увидимъ ниже, составъ присутствій таковъ, что роль ихъ — служить послушнымъ орудіемъ въ рукахъ губернатора — вполнѣ обезпечена. Право протеста противъ дѣятельности правленія предоставлено и работодателю. Въ случаѣ устраненія должностныхъ лицъ присутствіе, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ поручить управленіе дѣлами владѣльцу предпріятія. Наконецъ, самое существованіе кассы зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго присутствія, которое можетъ распорядиться о ея закрытіи (съ разрѣшенія совѣта) не только въ случаѣ безпорядковъ въ веденіи дѣлъ, но и если дѣйствія ея представляютъ опасность для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Подобныхъ постановленій мы, однако, не находимъ для страховыхъ товариществъ. Повидимому, составители законопроектовъ исходили въ этомъ случаѣ изъ двухъ противоположныхъ началъ: рабочія организаціи a priori предполагаются вмѣстилищемъ всяческихъ противозаконныхъ, неправиль-

ныхъ и опасныхъ для государства возможностей, а организаціи предпринимательскія—средоточіемъ законности и благонамѣренности. Противъ первыхъ нужна узда; послѣднія не нуждаются въ мѣрахъ укрощенія.

Эфемерность „самоуправленія" еще рельефнѣе вскрывается въ организаціи и сферѣ компетенціи органовъ надзора за страховыми учрежденіями. Первой инстанціей являются губернскія присутствія по страховымъ дѣламъ. Они состоятъ изъ восьми членовъ по назначенію [1]) и шести по избранію [2]). Къ первымъ принадлежатъ разные чиновники, подчиненные въ общемъ порядкѣ управленія хозяину губерніи — губернатору, на котораго возлагается и предсѣдательствованіе. Опытъ существующихъ губернскихъ присутствій всякаго рода показываетъ, что изъ членовъ по назначенію рѣдко кто осмѣливается не соглашаться съ мнѣніемъ губернатора. Административнымъ элементамъ во всякомъ случаѣ предоставлено большинство голосовъ, и для вящаго усиленія ихъ вліянія принято четное число членовъ присутствій: при раздѣленіи мнѣній губернатору, какъ предсѣдателю, принадлежатъ два голоса. На тѣхъ же началахъ организуется и высшая инстанція — совѣтъ по дѣламъ страхованія рабочихъ: онъ состоитъ изъ 24-хъ членовъ—16 по назначенію [3]) и 8 по избранію [4]). Составители проектовъ понимаютъ, что „своеобразное и крупное дѣло страхованія рабочихъ можетъ разсчитывать на дѣйствительный успѣхъ лишь при условіи живого и сочувственнаго отношенія къ нему всѣхъ соприкасающихся къ этому слоевъ общества. Для этого необходимо... привлечь заинтересованные круги къ непосредственному участію въ работѣ, направленной къ его преуспѣянію". Святая истина! Но сомнительно, чтобы нарочитое оставленіе выборныхъ членовъ въ меньшинствѣ, завѣдомое лишеніе ихъ сколько-нибудь дѣйствитель-

---

[1]) Губернаторъ, вице-губернаторъ, начальникъ жандармскаго управленія, прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ, управляющій казенной палатой, врачебный инспекторъ, старшій фабричный инспекторъ, фабричный инспекторъ.

[2]) По одному отъ губернскаго земства и мѣстной городской думы, по два отъ предпринимателей и рабочихъ.

[3]) Министръ торговли и промышленности, его товарищи, два непремѣнныхъ члена, директоръ горнаго департамента, управляющій отдѣльными промыслами и его помощникъ, управляющій отдѣленіемъ торговли, два члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по одному отъ министерства финансовъ, юстиціи и путей сообщенія и отъ главнаго управленія земледѣліемъ, членъ медицинскаго совѣта или управленія главнаго врачебнаго инспектора.

[4]) По одному отъ с.-петербургской городской думы и с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и по три отъ предпринимателей и рабочихъ.

наго вліянія на рѣшеніе вопросовъ способствовало „живому“ отношенію къ дѣлу со стороны общества. Получится хорошо знакомое русскому обывателю положеніе вещей: чиновники будутъ вершить дѣла, а общественные представители будутъ подписывать журналы и, въ лучшемъ случаѣ, подавать особыя мнѣнія. Впрочемъ, выборные члены нужны не для постановленія рѣшеній: „въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не объ учрежденіи классоваго или сословнаго представительства... а лишь о включеніи въ составъ совѣта членовъ, вносящихъ въ сужденія его соотвѣтственный жизненный опытъ“. „Жизненный опытъ“ можетъ дать, конечно, и меньшинство... Не довольствуясь сведеніемъ роли выборныхъ членовъ къ нулю, проекты принимаютъ еще особую мѣру для полученія болѣе податливыхъ элементовъ. Представители отъ земствъ и городовъ избираются распорядительными органами — земскими собраніями и городскими думами; представители же отъ рабочихъ и предпринимателей назначаются исполнительными органами — правленіями больничныхъ кассъ и страховыхъ товариществъ. Почему отъ избранія уполномоченныхъ въ присутствія и совѣтъ устранены общія собранія? Объяснительныя записки хранятъ на этотъ счетъ полное молчаніе. Мы думаемъ, что политическія соображенія и здѣсь играли не послѣднюю роль, по крайней мѣрѣ по отношенію къ рабочимъ. Составъ правленій больничныхъ кассъ въ той или другой степени проходитъ черезъ административный фильтръ: въ ихъ составъ не допускаются не только подвергшіеся суду за тяжкія политическія преступленія, но и состоящіе подъ судомъ и слѣдствіемъ за такія преступныя дѣянія, привлеченные къ дознанію жандармскими властями по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ и, наконецъ, состоящіе подъ гласнымъ надзоромъ полиціи; кромѣ того, выборы могутъ быть опротестованы губернаторомъ и отмѣнены присутствіемъ. При такихъ условіяхъ можно полагать, что въ правленія трудно будетъ проникнуть неблагонадежнымъ элементамъ, а слѣдовательно и въ уполномоченные попадутъ люди умѣренные и аккуратные. Иное дѣло—общія собранія: въ нихъ будетъ участвовать всякій сбродъ и нельзя быть увѣреннымъ въ избраніи подходящихъ лицъ... Еще любопытнѣе способъ приглашенія представителей отъ рабочихъ въ первую сессію присутствій и совѣта, когда больничныхъ кассъ еще не будетъ: они просто назначаются предсѣдателемъ по своему усмотрѣнію, такъ какъ, дескать, нѣтъ такихъ организацій, которымъ можно было бы предоставить избраніе этихъ лицъ...

И такимъ durch und durch бюрократическимъ учрежденіямъ

ввѣрена судьба совершенно новаго у насъ дѣла страхованія рабочихъ! Губернскіе чиновники должны быть прямо-таки энциклопедистами: они и законодатели, и судьи, и контролеры, и ревизоры, и „творческіе руководители“ [1])! О петербургскихъ „представителяхъ вѣдомствъ“ и говорить нечего: это ужъ завзятые спеціалисты... Количество и объемъ возлагаемыхъ на нихъ функцій поражаютъ своей необъятностью. Перечень предметовъ вѣдомства губернскихъ присутствій состоитъ изъ 17 пунктовъ, а совѣта— изъ 59! Чего-чего здѣсь нѣтъ: и изданіе правилъ, инструкцій, уставовъ, таксъ, и наблюденіе за исполненіемъ законовъ, и разрѣшеніе юридическихъ споровъ и пререканій, и разборъ жалобъ, и разсмотрѣніе дѣятельности страховыхъ учрежденій съ точки зрѣнія цѣлесообразности, и ревизія денежныхъ средствъ, и охраненіе государственнаго спокойствія и общественной безопасности, и организація страховой статистики, и разрѣшеніе вопросовъ о выдачѣ ссудъ на постройку жилищъ, школъ и пр. для рабочихъ, и обсужденіе законодательныхъ предположеній... Страховыя учрежденія не могутъ шагу сдѣлать, чтобы не вступить въ кругъ дѣйствій присутствій и совѣта; страховыя товарищества и въ особенности больничныя кассы, взятыя подъ подозрѣніе еще во чревѣ матери, всегда и вездѣ имѣютъ надъ собою бдительное око начальства и ни одно дѣйствіе ихъ не можетъ пройти безъ того, чтобы не сдѣлаться объектомъ для наблюденія, надзора, контроля, разбора, ревизіи, разсмотрѣнія, обсужденія, разрѣшенія, и пр., и пр. И это называется громкимъ именемъ: „самоуправленіе“! Нужно обладать необузданной фантазіей петербургскаго чиновника, чтобы сплести такую тонкую, причудливую паутину регламентаціи и опеки.

Таковъ новѣйшій продуктъ бюрократическаго творчества. Зародившись при грозномъ натискѣ рабочаго движенія, идея страхованія выплываетъ на свѣтъ Божій въ мрачную эпоху реакціи. Что удивительнаго, если вмѣсто живого организма получилась мертвая канцелярія, вмѣсто самоуправленія — всеобъемлющая опека, вмѣсто дѣйствительнаго обезпеченія трудящихся—слабая тѣнь его, вмѣсто простоты и ясности — сложность и запутанность? Такъ оправдывается контовскій законъ солидарности общественныхъ явленій...

Л. Закъ.

---

[1]) „Объяснительная записка о присутствіяхъ по страховымъ дѣламъ“, стр. 15.

РАЗДѢЛЪ ОБЩИННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ ГЕРМАНІИ XVIII-го ВѢКА

I.

Въ длинномъ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ съ высоты трибуны третьей Государственной Думы въ защиту тѣхъ законопроектовъ, которые въ своей совокупности представляютъ собою то, что можно назвать аграрнымъ вопросомъ Думы третьяго созыва, весьма часто дѣлались сопоставленія между земледѣльческой культурой въ Россіи и въ Западной Европѣ. Немало говорилось, и въ очень живописныхъ и картинныхъ выраженіяхъ, о пользѣ и необходимости для Россіи, при нынѣшнемъ состояніи культуры, увеличить хотя бы на одно зерно наши урожаи. Указывались, попутно, и условія, задерживающія ростъ культуры у насъ, и причины, вызвавшія крупные успѣхи этой культуры въ государствахъ Западной Европы. И условія эти для большинства были ясны до очевидности. Главнѣйшая, чуть не первенствующая причина всего существующаго у насъ зла— зла общественности и зла культуры—община, общинные порядки, общинныя земли. Уничтожьте и разрушьте общину, раздѣлите между хозяевами всѣ общинныя земли, обратите ихъ въ личную, свободную и неограниченную собственность—и вы сдѣлаете тотъ первый, безусловно необходимый шагъ, безъ осуществленія котораго немыслима никакая культура въ странѣ, никакое увеличеніе хотя бы на одно зерно нашихъ урожаевъ. Этотъ шагъ уже со-

вершенъ закономъ 9 ноября, но онъ требуетъ существенныхъ поправокъ, необходимыхъ для того, чтобы дѣло разрушенія главной причины, задерживающей культуру, было вполнѣ довершено и не только сразу получилось бы добавочное зерно, но и расцвѣла бы пышнымъ цвѣтомъ земледѣльческая культура. Затѣмъ уже и только затѣмъ, т.-е. за осуществленіемъ раздѣла общинныхъ земель, могутъ послѣдовать другіе дополнительные шаги, т.-е. сведеніе къ одному мѣсту, созданіе отрубовъ, наконецъ хуторовъ, этого высшаго идеала культуры, единственнаго необходимаго для всей страны отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада.

Таковъ планъ, такова программа рѣшенія аграрнаго вопроса. И это—видимо реальная политика, съ точки зрѣнія большинства Государственной Думы третьяго созыва политика единственно разумная и, несомнѣнно, долженствующая сразу переродить страну, каковы бы ни были всѣ другія существующія въ ней условія.

Ссылки на примѣръ Зап. Европы были спорадическія, попутныя; дѣлались онѣ въ видѣ намековъ на нѣчто хорошо извѣстное, но предполагалось, что онѣ—необходимый аргументъ въ пользу политики большинства.

И вотъ, спрашивается: вѣрны ли эти ссылки, доказывали ли онѣ то, что̀ утверждало большинство ораторовъ? Дѣйствительно ли ростъ земледѣльческой культуры былъ результатомъ той политики раздѣловъ, на которую ссылалось большинство?

Два раза Зап. Европа продѣлывала опытъ раздѣловъ: одинъ разъ въ XVIII вѣкѣ, другой разъ—въ XIX-мъ. Спрашивается, достигнута ли была цѣль этой политики, явился ли ея непосредственнымъ результатомъ тотъ ростъ культуры, который столь соблазнителенъ для большинства третьей Думы?

Исторія — нелицепріятный свидѣтель того, что̀ и какъ происходитъ съ опытами, которые производятъ надъ жизнью въ надеждѣ достиженія задуманныхъ крупныхъ результатовъ. Отвѣтъ ея на то, что̀ было сдѣлано въ качествѣ опыта по отношенію къ общиннымъ порядкамъ, и есть главный предметъ настоящей статьи, вѣрнѣе—исторической справки.

Я останавливаюсь только на XVIII-мъ в., на одномъ изъ опытовъ, произведенныхъ въ то время, такъ какъ тогда были еще на лицо многія условія, которыя постепенно исчезли въ XIX в. Дѣйствіе такого опыта и его результаты особенно характерны, разъ въ какой-либо странѣ задумываютъ совершить его при аналогическихъ — вполнѣ или частично — условіяхъ.

Когда я выслушивалъ пренія по законопроекту земельной комиссіи, представившей Думѣ свою передѣлку указа 9 ноября, мнѣ припоминались бесѣды и пренія салоновъ и кружковъ XVIII в., откуда вышелъ рядъ статей знаменитой энциклопедіи, посвященныхъ вопросамъ о земледѣліи и общинныхъ земляхъ, а также рядъ трактатовъ, экономическихъ и агрономическихъ, рядъ рѣчей въ многочисленныхъ и возникавшихъ все въ большемъ количествѣ, какъ грибы послѣ дождя, сельско-хозяйственныхъ обществахъ и Ренна, и Парижа, и Ліона, и Берна, и Берлина и др.; припоминались доклады и проекты, обсуждавшіеся какъ въ правительственныхъ канцеляріяхъ и спеціальныхъ коммиссіяхъ, такъ и въ мѣстныхъ собраніяхъ и сеймахъ; припоминались университетскія лекціи, создавшія громкую извѣстность корифеевъ науки XVIII в., такъ назыв. Polizeistaatsrecht'а, въ родѣ Юсти, Берга, Франка и др.; припоминались дебаты французскаго учредительнаго собранія, легислативы и конвента, дебаты, завершившіе собою работы просвѣщеннаго абсолютизма XVIII в. въ томъ, что касалось поднятія земледѣльческой культуры. Тогда и тамъ, какъ у насъ теперь, общинныя земли являлись въ глазахъ громаднаго большинства дѣятелей и писателей главнѣйшей причиной экономической отсталости, низкаго уровня земледѣльческой культуры, нищеты, голодовокъ и т. п. Съ не меньшимъ, если даже не гораздо большимъ рвеніемъ и полной искренностью доказывали тогда, что накопленіе богатства, повышеніе урожаевъ—главная цѣль, и что ея можно достигнуть только разрушеніемъ общины, раздѣломъ общинной земли, передачей ея въ качествѣ полной, неограниченной собственности въ руки земледѣльца. И это было настолько сильнымъ убѣжденіемъ, что волна его докатилась и до начала XIX в. (1835 г.) и въ лицѣ Бюлау, профессора геттингенскаго университета, нашла одно изъ послѣднихъ и яркихъ своихъ выраженій, своего эпигона на Западѣ. Въ своихъ лекціяхъ по государственному праву онъ не переставалъ доказывать зловредность существованія и сохраненія общинныхъ земель и настаивалъ на безусловной необходимости изданія закона, которымъ на вѣчныя времена воспрещалось бы возстановленіе общинныхъ порядковъ. Требованіе это находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ § 34 датскаго закона 1776 г., воспрещавшаго, подъ угрозой королевской немилости и штрафа, возстановленіе общины и общинныхъ порядковъ пользованія. И это вполнѣ отвѣчало духу и характеру воззрѣній и идей, получившихъ господство въ XVIII вѣкѣ, отвѣчало и тѣмъ ученіямъ о государствѣ и его правахъ и компетенціи, о государственномъ правѣ, которыя воз-

вели въ теорію практику просвѣщеннаго абсолютизма, считавшаго возможнымъ создавать богатство и благосостояніе страны путемъ мандатовъ, указовъ, законовъ, не останавливаясь ни передъ прямымъ и открытымъ вмѣшательствомъ въ жизнь, ни передъ принужденіемъ.

Ученіе объ эвдемонистическомъ характерѣ государства, о томъ, что salus populi suprema lex esto — любимая тема юристовъ XVII в.,—получаетъ въ XVIII в. бо̀льшую опредѣленность, становится болѣе выработаннымъ. На государство возлагаются заботы о благѣ и счастьѣ подданныхъ; оно, и оно одно, считается не только имѣющимъ право, но и обязаннымъ принимать всякаго рода мѣры, издавать законы и распоряженія, съ цѣлью созданія наибольшей суммы богатствъ въ данной странѣ. Юристы XVIII в. стараются точно и со всею полнотою опредѣлить способы такой дѣятельности государства во всѣхъ сферахъ жизни, какъ экономической, такъ и всякой иной, путемъ безграничнаго государственнаго вмѣшательства. Правящая власть—доказывали въ униссонъ и Юсти, и Зонненфельдъ, и Рунде, и Бергъ, и цѣлый рядъ другихъ юристовъ, — имѣетъ право, въ видахъ достиженія высшихъ государственныхъ цѣлей и поднятія богатства и экономическихъ силъ страны, требовать отъ подданныхъ всякаго рода жертвъ. Если дѣло касается, напр., земледѣлія, земельныхъ отношеній и если въ данное время и въ данной мѣстности существуютъ препятствія для того, что̀ она, эта правящая власть, признаетъ правильнымъ и необходимымъ въ видахъ успѣшнаго развитія земледѣльческаго труда, то она, по ученію одного изъ представителей юридической науки XVIII в., Берга [1]), обязана рядомъ законодательныхъ мѣръ и административныхъ распоряженій устранить вредно дѣйствующія условія. И разъ существуетъ у нея сознаніе „eines wahren Nothstandes", она должна прибѣгнуть и къ принужденію, заставить исполнить приказъ даже силой и вопреки большинству населенія, либо возражающему, либо неподготовленному къ воспріятію „мѣры". И это потому, что богатство каждой страны можетъ считаться вполнѣ обезпеченнымъ и прочнымъ лишь въ томъ случаѣ, если ея почвою будутъ пользоваться наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ. А забота объ этомъ цѣликомъ входитъ въ задачи и цѣли государства, равно какъ и опредѣленіе того, что̀ цѣлесообразно или нецѣлесообразно. Вѣдѣнію государства и его высшему контролю и распоряже-

[1]) *Berg*, „Handbuch des deutschen Policeyrechtes", 2-е изд., Ганноверъ, III ч., стр. 243 и сл.

нію подлежатъ, поэтому, всѣ вопросы, касающіеся способовъ обработки земли, порядковъ и способовъ владѣнія и пользованія ею и т. п. Это право государства — говоритъ Бергъ — „тѣмъ менѣе можетъ быть подвергнуто хотя бы малѣйшему сомнѣнію, что земледѣліе—одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для осуществленія государственныхъ цѣлей, и его вліяніе на всѣ отрасли государственной политики совершенно очевидно“. Убѣжденіе въ спасительности и необходимости правительственныхъ мѣръ, способныхъ сразу осуществить въ жизни то, къ чему онѣ направлены — характерная черта склада мысли XVIII в., обрисованная чрезвычайно удачно Шмоллеромъ. „Представленіе объ историческомъ развитіи особенностей и человѣческихъ качествъ и человѣческихъ учрежденій“—говоритъ онъ—„было чуждо людямъ XVIII в. И тѣмъ съ большею вѣрою относились они къ возможности изъ абстрактной человѣческой природы, ея стремленій и качествъ вывести заключеніе объ абсолютно вѣрномъ и истинномъ идеалѣ строя жизни, какъ индивидуальной, такъ и общественной,—къ возможности конструировать этотъ идеалъ на началахъ разума и изъ разума“.

Вѣра въ могущество „мѣръ“ была тѣмъ сильнѣе, что въ нихъ отражались выработанныя въ XVIII в. воззрѣнія и теоріи, пытавшіяся выяснить экономическую структуру общества. Въ основѣ этихъ теорій, не смотря на ихъ разнообразіе, на противоположность двухъ школъ — апологетовъ крупной и защитниковъ мелкой культуры,—лежало одно общее убѣжденіе, созданное на почвѣ абстрактно построенной человѣческой личности, характеризуемой выдающеюся чертою: личнымъ интересомъ—убѣжденіе, что только одна личная собственность, какъ полное выраженіе и осуществленіе личнаго интереса, можетъ создать, создавала и создаетъ возможность правильной и разумной земледѣльческой культуры. Это—жезлъ Моисея, источившій воду изъ камня въ пустынѣ и долженствующій превратить, по выраженію Монтескьё, скалистую почву въ роскошную ниву. „Призовите на помощь частную собственность“,—писалъ гораздо позже одинъ изъ многочисленныхъ поклонниковъ идей Монтескьё, Клико-Блерватъ, практически знакомый съ англійскими аграрными порядками, — „и затѣмъ предайтесь на минуту утѣшительному зрѣлищу счастливой революціи, какую она произведетъ. Вмѣсто голыхъ и пустыхъ полей, представляющихъ собою отвратительную картину безплодія, предъ вами предстанутъ нивы и луга, играющіе всѣми цвѣтами клевера, люцерны и эспарцета. Вмѣсто смрадныхъ болотъ, испускающихъ міазмы, болѣзни и смерть, съ

пасущимся на нихъ тощимъ и голоднымъ скотомъ, предъ вами здоровые и дюжіе рабочіе, прокладывающіе глубокія борозды съ помощью крѣпкихъ и сильныхъ лошадей; вмѣсто стоячихъ заразныхъ водъ предъ вами бѣгутъ массами канавки и каналы, и ихъ воды несутъ на мельницы хлѣбъ, произрастанію котораго стоячая вода мѣшала; вмѣсто бѣдности и несчастья, блуждающихъ вокругъ замковъ, съ просьбою о милостынѣ и помощи, предъ вами счастливые вассалы везутъ съ радостными и веселыми лицами въ свое жилье новые, взлелѣянные ими плоды". И то, что̀ писалъ Клико-Блервашъ, было и до, и долго послѣ него глубокимъ убѣжденіемъ и всѣхъ почти экономистовъ, и всѣхъ безъ исключенія авторовъ агрономическихъ изслѣдованій. Они не останавливались на одномъ лишь провозглашеніи принципа, а всѣми мѣрами старались распространить вѣру, какую они питали и въ принципъ, и въ выводы, необходимо вытекавшіе изъ него. De la Salle de l'Etang, Pattulo и цѣлый рядъ другихъ агрономовъ, исходя изъ принципа, проповѣдуемаго Клико-Блервашемъ, создали цѣлую систему мѣръ, примѣненіе которыхъ, и примѣненіе обязательное, было, съ ихъ точки зрѣнія, безусловно необходимо для созданія богатства государства и благосостоянія жителей, для поднятія культуры. Раздѣлъ общинныхъ земель стоитъ на первомъ планѣ; за нимъ слѣдуютъ отмѣна принудительнаго сѣвооборота, уничтоженіе чрезполосицы, сведеніе къ одному мѣсту всѣхъ разбросанныхъ полей частной личной собственности, свободное и ничѣмъ нестѣсняемое право огораживанія, а отсюда и полная свобода обработки земли. Разъ эти и подобныя имъ мѣры будутъ приняты, результаты будутъ тѣ, какіе создавала фантазія Клико-Блерваша. Одно ихъ провозглашеніе — величайшее благо, а примѣненіе — прямой шагъ къ поднятію культуры и созданію богатства. „Любезные мои друзья", — писалъ въ 1770 г. авторъ одной брошюры, выпущенной въ Силезіи и предназначенной для крестьянъ [1], — „раздѣлъ общинныхъ земель — величайшее счастье для земледѣльцевъ, и каждый изъ нихъ долженъ на колѣняхъ благодарить за него своего властелина; приказъ о раздѣлѣ заслуживаетъ того, чтобы быть напечатаннымъ золотыми буквами, ибо нѣтъ ничего выше и лучше на свѣтѣ, какъ та помощь, какую оказываетъ онъ земледѣльцу. Нѣтъ ничего болѣе необходимаго, какъ разрушеніе общины и созданіе порядка, при которомъ каждый безъ всякаго препятствія

[1]) „Schreiben eines Landwirths an die Bauern", цит. у Jacobs, „Ländliche Zustände Schlesiens", Бреславль 1884, стр. 39.

пользовался бы своей собственностью по своему желанію и разумѣнію". Это—повтореніе принципа, провозглашеннаго Кене: принципа свободы обработки почвы, какъ одного изъ главнѣйшихъ условій для возможно бо́льшаго увеличенія количества продуктовъ съ даннаго поля [1]). Такое увеличеніе продуктовъ—другими словами, увеличеніе богатства данной страны,—вотъ главная цѣль, которую имѣли въ виду и экономисты, и агрономы, и тѣ, изъ кабинетовъ которыхъ исходили проекты, основанные на принципахъ современной имъ экономіи и агрономіи. Въ цѣломъ рядѣ мемуаровъ, которые составлялись въ теченіе XVIII в. разными лицами и предлагались вниманію власть имущихъ, принципъ накопленія богатствъ ставился во главу угла и отодвигалъ на второй планъ вопросъ о распредѣленіи. Французскіе архивы полны такого рода мемуарами. Вотъ что̀, напр., провозглашалъ одинъ изъ нихъ, относящійся къ семидесятымъ годамъ XVIII в. [2]): „Главный интересъ каждаго правительства заключается въ увеличеніи количества хлѣба, сѣна и всякаго иного рода продуктовъ. Гораздо меньшее значеніе имѣетъ для государства, чтобы богатства и продукты были правильно и хорошо распредѣлены; важнѣе всего для него увеличивать ихъ массу. Государство представляетъ собою какъ бы верховнаго собственника всѣхъ продуктовъ, которые производитъ страна. Безразлично, принадлежатъ ли они тому или иному, пусть распредѣляются они и крайне неравномѣрно; вѣдь, все равно, государство получитъ все, что̀ ему нужно. Достаточно, чтобы произошло дѣйствительное увеличеніе количества продуктовъ; изобиліе и богатство являются неизбѣжнымъ его слѣдствіемъ". И съ еще большей опредѣленностью настаивалъ на томъ же извѣстный комментаторъ обычнаго права Оверни, Шаброль. „Пусть пострадаютъ нѣкоторыя отдѣльныя лица отъ раздѣла общинныхъ земель: взоръ государственнаго человѣка долженъ видѣть все въ широкомъ объемѣ, охватывать цѣлое. Для государства не имѣетъ значенія, принадлежатъ ли тѣ или иныя имущества тому или иному изъ его подданныхъ; необходимо для него стремиться къ тому, чтобы дѣйствительно увеличивалась масса богатствъ" [3]).

Вырабатывавшіяся такимъ образомъ воззрѣнія на способы и мѣры созданія и накопленія богатства путемъ интенсивной куль-

---

[1]) *Quesnay*, „Oeuvres", стр. 333—4.

[2]) Archives nationales H. 1495, biens communaux: mémoire sur l'utilité et les inconvéniens du partage.

[3]) Chabrol, „Coutumes générales et locales de la province d'Auvergne", Pioмъ, 1784, III, 555.

туры получали тѣмъ большее значеніе и вліяніе, что за ними стоялъ опытъ, уже произведенный раньше и давшій, казалось, блестящіе результаты. Опытъ этотъ дала Англія. Предъ континентальными государствами XVIII в., гдѣ сельское хозяйство и земледѣльческая культура находились на самомъ низкомъ уровнѣ,—совершенно такъ же, какъ передъ нами стоитъ высококультурная Западная Европа,—стояла Англія, которая еще въ XVI в. должна была ввозить изъ-за границы разныя огородныя растенія, за неимѣніемъ ихъ у себя, а въ концѣ XVII в. сразу выдвинулась впередъ, какъ самая культурная страна въ смыслѣ земледѣлія. Съ одной стороны агрономическая литература Англіи, о которой составилось въ XVIII в. на континентѣ мнѣніе, что она первая въ Европѣ послѣ римской, съ другой—несомнѣнные успѣхи, сдѣланные въ Англіи, подъ вліяніемъ ея агрономовъ, земледѣльческой культурой, производили неотразимое впечатлѣніе. Англійская агрономія сдѣлалась модой, агрономическія сочиненія англичанъ переводились на всѣ языки. Новые порядки интенсивной культуры, созданные въ Норфолькскомъ графствѣ, излагались въ рядѣ трактатовъ и служили предметомъ бесѣдъ и опытовъ въ различныхъ агрономическихъ обществахъ. А въ Англіи уже въ XVI в. старая система хозяйства, съ ея общиннымъ характеромъ и общинными землями, подверглась рѣзкой критикѣ и безповоротному и суровому осужденію. Огораживаніе полей и уничтоженіе чрезполосности не только были признаны настоятельно необходимыми, но разсматривались какъ единственное средство поднятія цѣнности земли и ея доходности. На всемъ этомъ настаивалъ агрономъ XVI в. Фицгербертъ, въ своемъ трактатѣ, носившемъ типичное заглавіе: „Какъ сдѣлать, чтобы земля, стоющая 20 марокъ въ годъ, дошла до 20 фунтовъ въ годъ“. Менѣе чѣмъ столѣтіе спустя эти воззрѣнія дѣлаются господствующими въ Англіи. Въ „Surveyor's Dialogue“ Нордона (1602) мы читаемъ, что „одинъ огороженный акръ дороже въ полтора раза, чѣмъ неогороженный“, и что еслибы всѣ пустоши и бездоходныя общинныя пастбища были огорожены... „они прокормили бы массу населенія, бо́льшую чѣмъ современное населеніе Англіи“. Еще столѣтіемъ позже взгляды на этотъ предметъ установились во всей полнотѣ, и интересы земледѣльческой культуры поставлены были выше интересовъ земледѣльческаго населенія. „Новая система земледѣлія“—книга, изданная Джономъ Лауренсомъ и сдѣлавшаяся настольной у сельскихъ хозяевъ Англіи,—рѣшительно высказывается за огораживаніе и раздѣлъ общинныхъ земель во что бы то ни стало. Огораживаніе—вотъ един-

ственное средство увеличить урожаи, единственный путь къ удесятеренію ренты. Ссылаясь на то, что, „къ несчастью“, еще около половины земли состоитъ въ Англіи въ общинномъ пользованіи и что двѣ трети общинныхъ земель все еще обрабатываются по старому способу, Лауренсъ приходитъ „въ изумленіе отъ отсталости Англіи“, которая могла бы путемъ огораживанія всей общинной земли превратиться въ страну болѣе богатую, чѣмъ если бы она обладала всѣми американскими копями испанскаго короля. Возраженіе, что огораживанія вредно отразятся на бѣдныхъ классахъ сельскаго населенія, онъ уничтожаетъ аргументомъ, вошедшимъ въ общее употребленіе: „Пустоши и неогороженныя мѣста привлекаютъ къ себѣ массу бѣдняковъ и нуждающихся потому, что это—удобныя мѣста для воровства“; между тѣмъ именно огораживанія и даютъ этому классу вѣрный и хорошій заработокъ. Если лордъ и двѣ трети населенія согласны на огораживаніе,—добавляетъ авторъ „An old Almanack“ (1710),—этого достаточно, чтобы „зажать ротъ протестующему меньшинству... Что̀ такое это меньшинство, на что можетъ оно жаловаться, если у него отнимутъ пастбище? Въ сущности ему и жаловаться не на что, ибо у него нѣтъ скота, а вознагражденіе, какое ему даютъ за огораживаніе, болѣе чѣмъ втрое превышаетъ его потерю“.

Теоретически вопросъ объ огораживаніи и раздѣлахъ общинныхъ земель былъ окончательно рѣшенъ, и это совпало съ тѣмъ новымъ движеніемъ, которое начало проявляться въ Англіи съ XVII в. Повышеніе земельной ренты, въ концѣ XVII-го вѣка почти въ восемь разъ превосходившей размѣры ея въ прежнее время, открытіе новыхъ рынковъ, законъ о торговлѣ хлѣбомъ (вызвавшій въ 50-хъ годахъ XVIII в. во Франціи массу восторженныхъ подражателей и апологетовъ), приливъ капитала къ землѣ—все это постепенно ослабило дѣйствіе земледѣльческаго кризиса XV—XVI в. и повело къ переходу отъ пастбищнаго къ чисто земледѣльческому хозяйству. Введеніе новыхъ растеній, новыхъ методовъ обработки земли, при несомнѣнныхъ выгодахъ отъ земледѣлія, спросъ на продукты котораго возрасталъ съ ростомъ колоніальнаго могущества Англіи, создали полную перемѣну въ средѣ англійскаго общества. Въ концѣ XVII и главнымъ образомъ въ XVIII в. „англичанинъ всецѣло предался дѣлу земледѣлія...... Это сдѣлалось господствующимъ вкусомъ и модой вѣка. Рѣдко можно было встрѣтить дворянина или сельскаго домохозяина, который бы не занимался обработкой земли“ (Роджерсъ). Расширеніе культуры и ея площади, въ видахъ,

между прочимъ, конкурренціи съ богатѣвшими промышленными и торговыми классами, стремленіе увеличить сумму продуктовъ и размѣры сбыта хлѣба, при все большемъ и большемъ пониженіи цѣнъ на рабочія руки, оторванныя отъ земли,—послужили сильнѣйшимъ стимуломъ къ тому, чтобы съ помощью статутовъ объ огораживаніи сдѣлать опытъ превращенія большей части англійской почвы въ собственность крупныхъ владѣльцевъ и въ обработанную почву. Въ значительной мѣрѣ это было достигнуто еще до 1750 г. и, несомнѣнно, создало въ области земледѣльческой культуры цѣлую пропасть между Англіей и большею частью континентальныхъ странъ. Заполнить эту пропасть сдѣлалось мечтой и ученыхъ, и практиковъ, и государственныхъ людей. Почему и какъ, въ силу какихъ соціальныхъ и экономическихъ причинъ могла создаться интенсивная культура, какой тяжелой цѣной она была куплена—на этомъ европейская мысль XVIII в. совершенно не останавливалась, да врядъ ли при тогдашнемъ умственномъ складѣ и могла остановиться. На континентѣ Европы видѣли, что интенсивная культура увеличила богатство страны, что она шла рука объ руку съ раздѣлами земли и огораживаніями общинныхъ земель—и логически пришли къ выводу, что слѣдуетъ идти тѣмъ же путемъ, принимать тѣ же мѣры, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ. Почти каждый указъ, почти каждая правительственная мѣра заключали въ себѣ ссылку на Англію. Фридрихъ II-й подъ вліяніемъ примѣра Англіи—какъ онъ самъ заявлялъ въ своихъ „Denkwürdigkeiten"—началъ всю свою „диктаторскую" (по выраженію Foville'я) „земельно-культурную" политику. То же можно сказать почти о всѣхъ государственныхъ дѣятеляхъ XVIII в. Подражаніе Англіи и англійскимъ пріемамъ было полное. „Англичане"—писалъ, напр., агрономъ Duhamel [1])—„поняли всѣ неудобства и вредъ черезполосицы и не останавливались предъ мѣрой принудительнаго обмѣна земель". Какъ и аббатъ Ратье, Дюгамель требуетъ примѣненія той же мѣры и во Франціи, настаиваетъ на неотложной необходимости изданія особаго закона, воспрещающаго раздробленіе земли, а Fresne [2]) предлагаетъ обложить особымъ налогомъ тѣ куски земли, которые не будутъ обмѣнены для цѣлей округленія, что „заставитъ мелкихъ владѣльцевъ округляться".

При тѣхъ воззрѣніяхъ на цѣли и задачи государства, какія

---

[1]) Duhamel, „Elements de l'agriculture", II, 376.

[2]) Fresne, „Traité d'agriculture", III, 161.

царили въ XVIII в., при тѣхъ экономическихъ и агрономическихъ задачахъ, которыя ставились громаднымъ большинствомъ, понятной становится и та диктаторская энергія, съ какою выступила правительственная власть на арену сельско-хозяйственной промышленности. Уже почти съ первыхъ годовъ XVIII в., но главнымъ образомъ съ половины столѣтія и почти вплоть до его окончанія, идетъ непрерывная работа надъ примѣненіемъ мѣръ, исходящихъ изъ принциповъ, санкціонированныхъ опытомъ Англіи.

Въ одной Баваріи, напримѣръ, между 1745-мъ и 1788-мъ гг. было издано болѣе двухъ тысячъ указовъ и циркуляровъ въ видахъ поднятія культуры, увеличенія количества продуктовъ, получаемыхъ съ земли, увеличенія и накопленія богатствъ.

Небольшая страничка изъ исторіи одного изъ самыхъ мелкихъ германскихъ владѣній во второй половинѣ XVIII вѣка лучше всякихъ разсужденій выясняетъ основныя тенденціи законодателей того времени, ихъ методы и цѣли. Это—страничка изъ исторіи Цвейбрюкена [1]), въ правленіе герцога Христіана IV. Дѣло происходило въ 1750-мъ году, какъ разъ въ то время, когда вѣдать аграрныя дѣла и руководить ими по англійскому образцу взялись Бернсторфъ въ Даніи, Гиршъ въ Ансбахѣ, Рейнгардъ въ Дурлахѣ, Вальцъ въ Гессенѣ, и когда Фридрихъ II уже явно задался цѣлью проводить въ Пруссіи англійскую систему земледѣлія. Большинство этихъ дѣятелей вышло изъ университетовъ Геттингенскаго и Тюбингенскаго, гдѣ новыя воззрѣнія на государство и агрономію пустили уже корни. На долю Цвейбрюкена въ качествѣ распорядителя аграрными дѣлами достался нѣкій Тимперъ, каммеръ-директоръ и руководитель особой коммиссіи (Landesökonomiekommission), на которую возложена была обязанность, въ виду тяжелаго финансоваго и экономическаго положенія герцогства, выработать мѣры для поднятія благосостоянія страны. Вѣдѣнію коммиссіи было ввѣрено все касавшееся земледѣлія и связанныхъ съ нимъ занятій; ей же предоставлено было право назначать чиновниковъ для проведенія мѣропріятій на мѣстахъ. Спеціальная агрономическая и экономическая библіотека была организована въ столицѣ, и герцогъ открылъ широкій кредитъ для выполненія задачъ коммиссіи. Съ перваго же момента Тимперъ приступилъ къ дѣлу путемъ „практической“ мѣры. „Крестьянинъ“—заявилъ онъ—„обязанъ большую часть лѣта держать свой скотъ въ стойлахъ (Stallfütterung), увеличивая этимъ количество навоза“. Отсюда необхо-

[1]) См. Schinan, „Gesch. des Herzogthums Zweibrücken“, 1867.

димость доставить крестьянину необходимый кормъ для скота; отсюда же и мѣропріятія для улучшенія луговодства. Съ этой цѣлью издается строжайшій циркуляръ: косить луга до Иванова дня воспрещается, предписывается рыть канавы для спуска водъ и для орошенія. Вслѣдъ затѣмъ выписываются за счетъ казны спеціальные французскіе плуги для обработки луговъ худшаго качества и крестьянамъ предписывается произвести опыты вспашки этихъ луговъ. Для бо́льшаго успѣха дѣла выписываютъ фрисландцевъ. Горе крестьянамъ, скрывавшимъ свои участки такихъ луговъ отъ агентовъ-инструкторовъ. Тимперъ объявилъ, что всякій, кто донесетъ на отдѣльнаго крестьянина или цѣлую общину, виновныхъ въ сокрытіи, получитъ скрываемый и подлежащій обработкѣ участокъ. Цѣлыя общины стали доносить другъ на друга; всѣ плохого качества луга были заявлены, подвергнуты обработкѣ. Въ 1764 г. все успокоилось и умиротворилось, всѣ глухія жалобы, молчаливые протесты затихли. Всѣ луга были разбиты на участки въ 1/4 моргена и переданы крестьянамъ. Той же участи подверглись и альменды. Этого было мало. Урожаи сѣна, которые давали мѣстные сорта травъ, показались Тимперу недостаточными, по сравненію съ англійскими. Новымъ циркуляромъ предписывается выписать райграсъ изъ Ліона, клеверъ изъ Голландіи, Испаніи и Швейцаріи, эспарцетъ, люцерну и сѣмена кормовой рѣпы изъ Бургундіи и изъ примозельскихъ мѣстностей. Рядомъ съ реформой въ дѣлѣ луговодства шли мѣропріятія на пользу производства зерновыхъ хлѣбовъ. Земледѣліе въ Цвейбрюкенѣ, какъ и вообще на континентѣ, требовало, по мысли Тимпера, особой заботы, „крѣпкой руководящей руки". Прежде всего изданъ былъ рядъ строгихъ карательныхъ законовъ: за кражу въ садахъ—два года арестантскихъ работъ или наказаніе плетьми (1761), за кражу или грабежъ на посѣвахъ—смертная казнь (1764). Въ дальнѣйшемъ вся энергія была направлена на созданіе и огородной, и садовой, и земледѣльческой культуры. Для поднятія, по примѣру Фридриха II, садоводства и въ частности для разведенія яблонь былъ выработанъ цѣлый планъ насажденія ихъ крестьянами. Было предписано, и какіе сорта сажать, и въ какомъ количествѣ, и какъ дѣлать прививки и т. п. Въ 1774 г. повелѣно было выдавать дички изъ герцогскихъ лѣсовъ, и каждому бракоспособному человѣку ставилось въ обязанность посадить не менѣе шести яблонь, подъ угрозой лишенія свидѣтельства на заключеніе брака. Обращено было вниманіе и на общинныя земли (альменды), и на царившую „вредную" чрезполосицу. Альменды, къ которымъ присоединены были и собственныя

земли герцога, было приказано разбить на участки, затѣмъ составить кондуитные списки крестьянъ, съ указаніемъ степени трудолюбія, успѣшности и зажиточности каждаго. Земли раздавались сообразно этому списку, въ томъ или иномъ размѣрѣ, тѣмъ, кто представлялъ собою достаточную моральную гарантію, кто могъ и умѣлъ обработать бо̀льшее количество земли. Все, что оставалось отъ альменды, раздѣлялось поголовно между всѣми остальными, не попавшими въ привилегированный списокъ. Той же участи подвергались, по предложенію Тимпера, и всѣ пустоши, всѣ отдаленныя отъ селеній земли. Земельная коммиссія, съ Тимперомъ во главѣ, отнеслась къ этому дѣлу съ особеннымъ вниманіемъ. Всѣ такія земли были подробно описаны, изучены и затѣмъ для использованія ихъ выработанъ былъ планъ. Установлено было количество лицъ, нуждающихся въ землѣ, степень возможной урожайности того или иного участка; затѣмъ вся земля была разбита на отдѣльные отрубные участки, и крестьяне обязаны были садиться на нихъ, заводить хуторское хозяйство. Поселенцамъ выдавали нѣкоторую сумму денегъ на обзаведеніе и изъ государственныхъ лѣсовъ необходимое для постройки. Предпочтеніе оказывалось природнымъ цвейбрюкенцамъ. Ихъ освобождали на нѣсколько лѣтъ отъ платежа налоговъ и отъ барщины, но обязывали посадить яблони и засѣять не менѣе пяти моргеновъ. Всѣ эти мѣры казались крестьянамъ болѣе чѣмъ странными. Опасаясь — и не безъ основанія — насильственнаго распространенія хуторской формы землевладѣнія, они стали распахивать отдаленныя отъ деревни поля. Но это мало помогло: Тимперъ занялся насажденіемъ и устройствомъ хуторовъ на средства казны, и за время съ 1761 по 1766 годъ образовалось около 20-ти образцовыхъ хуторовъ. Тимперу вѣроятно удалось бы превратить все герцогство въ сплошные хутора; но въ 1775 г. умеръ Христіанъ IV, и съ его смертью прекратились реформы, не оставивъ сколько-нибудь глубокихъ слѣдовъ. Населеніе вернулось къ старымъ пріемамъ и порядкамъ землепользованія...

Что̀ попытался выполнить Тимперъ на незначительномъ клочкѣ нѣмецкой земли въ 16 кв. миль, то производилось въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ и на всемъ почти континентѣ, начиная съ Швеціи и кончая Франціей. Опыты аграрной реформы въ духѣ XVIII-го вѣка и въ англійскомъ стилѣ начаты были Ганноверомъ еще въ 1718 г. и затѣмъ, главнымъ образомъ въ 50-хъ годахъ, охватили всѣ германскія государства, Швейцарію, Голландію, Италію и Францію.

II.

„Далеко не безразлично и для страны, и для государства, будетъ ли у нихъ однимъ зерномъ меньше при плохой культурѣ или однимъ зерномъ больше при хорошей культурѣ“—такъ писалъ Фридрихъ Великій въ одномъ изъ многочисленныхъ предписаній, касавшихся вопросовъ земледѣлія и землевладѣнія. Господствующая въ XVIII вѣкѣ точка зрѣнія на задачи и цѣли государства сказалась здѣсь съ полной ясностью. Какъ истинный выразитель въ практической сферѣ господствовавшихъ теорій полицейскаго государства, Фридрихъ всю свою энергію посвятилъ осуществленію высказаннаго имъ принципа. Достигнуть цѣли онъ считалъ возможнымъ путемъ примѣненія новыхъ пріемовъ культуры, неустаннаго вмѣшательства въ порядки пользованія землею, строгаго регулированія всей дѣятельности въ этой области. Ему хорошо были извѣстны и крупные успѣхи англійской земледѣльческой культуры, и внѣшнія причины, оказавшія рѣшительное вліяніе на земледѣліе въ Англіи. Въ своихъ запискахъ онъ прямо говоритъ объ этомъ, когда оправдываетъ свои диктаторскіе пріемы примѣромъ Англіи. Онъ посылаетъ въ Англію сыновей своихъ чиновниковъ изучать ея земледѣльческую культуру (1766), запрашиваетъ, вернулись ли они, и менѣе чѣмъ мѣсяцъ спустя грозно, по своему обыкновенію, предписываетъ производить въ Нейгаузѣ опыты насажденія англійскаго земледѣлія [1]). Пять лѣтъ спустя онъ выражаетъ удовольствіе, что его чиновники производятъ въ двухъ удѣльныхъ имѣніяхъ опыты по англійскому образцу, ассигнуетъ сто тысячъ талеровъ на оплату инструкторовъ, и объявляетъ свое благоволеніе одному изъ помѣщиковъ, послѣдовавшихъ примѣру англійскихъ лордовъ. Въ 1767 г. онъ лично принимаетъ дѣятельное участіе въ выдѣленіи и округленіи одного участка удѣльной земли, предписываетъ образовать изъ него хуторъ (Vorwerck) и поручаетъ веденіе хозяйства агроному, англичанину Вальсону. Все дѣло округленія произведено было съ поразительной быстротой; чиновники донесли королю, что земли выдѣленныя сданы „эконому Вальсону“, необходимыя дороги проведены „къ общему удовольствію“ и крестьяне весьма остались довольны раздѣлами луговъ и пастбища.

---

[1]) Stadelmann, „Publikationen aus den preussischen Staatsarchiven“, т. XI: „Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für Landescultur“, ч. 2, „Urkunden“.

Безконечная серія мѣръ для поднятія земледѣльческой культуры исполнялась цѣлымъ штатомъ чиновниковъ. Словесные приказы, повелѣнія, циркуляры какъ изъ колесницы Триптолема (по выраженію самого Фридриха II) сыпались на страну. На чиновниковъ возлагалась обязанность постояннаго, неуклоннаго—подъ строгой угрозой немилости, удаленія, увольненія—вмѣшательства во всѣ отрасли земледѣльческой жизни и дѣятельности, въ еще болѣе широкой формѣ, чѣмъ та, которую практиковалъ Тимперъ. „Если—постоянно напоминалъ Фридрихъ своимъ подчиненнымъ—желаете conserviren in meinem Dienste, то обязаны послушно слѣдовать приказамъ со всяческой и всемѣрной внимательностью". А приказы эти обнимали собою наблюденіе и за посадкой яблонь, и за разведеніемъ хмѣля, и за тѣмъ, чтобы въ Силезіи дикіе каштаны были замѣнены съѣдобными (хотя по условіямъ климата послѣднимъ расти было нельзя) или на мѣсто ихъ разводились тутовыя деревья. Отъ чиновниковъ строго требовалось также, чтобы они блюли неукоснительно за разведеніемъ домашней птицы въ возможно большемъ количествѣ, и за тѣмъ, чтобы производилась правильная случка для улучшенія породъ лошадей, съ правомъ наказывать неисправныхъ и „небрежныхъ" крестьянъ штрафомъ и заключеніемъ подъ стражу, но подъ угрозою штрафа за неаккуратность съ самихъ исполнителей указа. Чиновники со всей энергіей должны были наблюдать и за правильнымъ унавоживаніемъ земель, и за тѣмъ, чтобы всѣ поля были засѣяны, подъ угрозой конфискаціи земли, чтобы не было пустыхъ полей, оставшихся безъ обработки, чтобы не былъ допускаемъ посѣвъ полей изъ половины урожая, чтобы посѣвы вездѣ производились въ одно и то же время и способами, предписанными въ спеціальныхъ циркулярахъ, чтобы употреблялись впредь не серпы, а косы, ибо жатва серпомъ идетъ медленнѣе, и т. п. „Немало—говоритъ по этому поводу историкъ сельскаго хозяйства въ Силезіи—пролито чернилъ, и не для иного чего, какъ для умноженія бумагъ и обремененія низшихъ чиновъ безполезной работой". Почти современникъ событій, извѣстный Кругъ, по поводу какъ всей культурно-земледѣльческой дѣятельности того времени, такъ и, въ частности, регламента 1782 г., представляющаго сводку всѣхъ распоряженій относительно надзора за крестьянскимъ и инымъ хозяйствомъ, писалъ, что сноснымъ хозяиномъ можно было бы считать чиновника, на котораго возлагается надзоръ за сотней невѣдомыхъ ему хозяйствъ, если бы онъ зналъ одно изъ нихъ и самъ бы занимался имъ; но на дѣлѣ этого, разумѣется, не было.

Главное, однако, заключалось не во всемъ указанномъ выше. Мѣры, касавшіяся правильнаго унавоживанія, сѣвооборота, улучшеннаго луговодства и скотоводства, требовали для своего успѣха, согласно тогдашней агрономіи, выполненія тѣхъ предварительныхъ условій, какія, по тогдашнему общему убѣжденію, создали прогрессъ англійскаго сельскаго хозяйства. Раздѣлъ безплодныхъ и „вреднѣйшихъ" (schädlichste) общинныхъ земель, уничтоженіе общинныхъ порядковъ и чрезполосицы, округленіе земель—таково было важнѣйшее средство для добыванія лишнихъ зеренъ хлѣба. На эту сторону дѣла и было обращено главное вниманіе прусскаго короля. Въ этой сферѣ, не смотря на свои диктаторскія замашки, рѣзко проявляемыя въ другихъ областяхъ народнаго хозяйства, Фридрихъ не сразу и не однимъ ударомъ рѣшился покончить съ „вредными Communionen", не счелъ возможнымъ однимъ законодательнымъ актомъ отмѣнить и разрушить ненавистные ему старые порядки. Съ другой стороны, хотя въ своихъ запискахъ онъ и приписываетъ себѣ и силѣ своей власти честь борьбы съ общинными порядками, не ему одному принадлежала иниціатива дѣла. Онъ былъ вызванъ къ этому рядомъ жалобъ и заявленій, съ которыми обращались къ нему крупные землевладѣльцы. Дѣло въ томъ, что земли, входившія въ составъ прусскаго королевства, какъ и вообще земли сѣверо-восточной Германіи и прилегавшія къ нимъ, уже съ конца XV-го, особенно съ XVI-го вѣка, стали играть все бо̀льшую и бо̀льшую роль въ торговлѣ хлѣбомъ и скотомъ [1]). Дворянство въ Даніи, Мекленбургѣ, Помераніи все болѣе и болѣе превращалось въ землепашцевъ-хозяевъ, болѣе и болѣе втягивалось въ торговлю хлѣбомъ и даже, вопреки французскому понятію о дворянской чести—скотомъ. Отсюда проявившаяся еще въ XVI-мъ вѣкѣ тенденція расширять помѣщичьи владѣнія, увеличивать запашки, образовывать хутора (Vorwercke) посредствомъ какъ сноса, такъ и переноса (Legen und Translocirung) крестьянскихъ дворовъ. Это расширеніе земель помѣстья не выдѣляло его изъ совмѣстнаго пользованія съ крестьянами: пахатныя поля помѣстья лежали въ перемежку съ крестьянскими, подчиняясь общему сѣвообороту трехпольнаго хозяйства. То же было и съ луговой землей. До начала XVIII вѣка въ большей части данной мѣстности серьезныхъ попытокъ завести интенсивное хозяйство почти не было, и стремленіе округлить (arrondiren) землепользованіе обнаруживалось очень слабо. Но съ

[1]) См. мои статьи въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1891 и 1892 гг.: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ Даніи и въ прибалтійскомъ краѣ".

конца XVII и особенно въ первой половинѣ XVIII вѣка система хозяйства, не имѣвшая ничего общаго съ трехпольной и выработанная въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ—такъ называемая выгонная (Koppelwirtschaft),—начала распространяться въ Мекленбургѣ и сосѣднихъ областяхъ, вытѣсняя трехполье и подвергаясь измѣненіямъ соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ (напр., въ семипольную мекленбургскую [1]). Попытки ввести болѣе интенсивную культуру и среди прусскихъ землевладѣльцевъ естественно встрѣтились съ затрудненіями, создаваемыми чрезполосностью ихъ земель съ крестьянскими. И вотъ, въ обращеніи своемъ къ королю они заявили то, что̀ заявляется всегда и повсюду, разъ рѣчь заходитъ объ интенсификаціи—а именно, что они охотно стали бы вести интенсивную культуру на тѣхъ или иныхъ своихъ участкахъ, но изъ-за того, что участки эти перемѣшаны съ участками другихъ лицъ, сдѣлать этого не могутъ и просятъ короля помочь имъ. Отвѣтомъ уже въ 1750-мъ году послужилъ рядъ приказовъ по отдѣльнымъ случаямъ, и затѣмъ предписаніе канцлеру Кокцеи назначить особую коммиссію изъ членовъ юстицъ-коллегіи, на которую возлагалась обязанность „быстро и пристойно“ разрѣшать на мѣстахъ всѣ споры объ общинныхъ земляхъ. То былъ еще неопредѣленный приступъ къ дѣлу о разверстаніи. Указомъ 13 марта того же года вопросъ былъ нѣсколько болѣе разъясненъ. Генеральной директоріи предписано было заняться ближайшимъ и основательнымъ изслѣдованіемъ дѣлъ, касающихся общинныхъ пастбищъ и луговъ, выясненіемъ вопроса о томъ, не лучше ли всего было бы отмѣнить существующіе общинные порядки и предоставить каждому, сообразно съ наличнымъ количествомъ принадлежащаго ему скота, отрѣзной участокъ. Правительство какъ бы колебалось въ рѣшеніи вопроса, нащупывало почву. Но это продолжалось недолго. Уже въ 1752 г. рѣшено было дѣйствовать болѣе рѣшительно, не ограничиваться рѣшеніемъ единичныхъ случаевъ. 1 мая 1752 года изданъ былъ первый общій регламентъ для герцогства Помераніи. Имъ предписывалось произвести въ удѣльныхъ земляхъ выдѣлъ изъ совмѣстнаго съ крестьянами пользованія и соединить участки въ отруба. Король не рѣшался еще наложить руку и на дворянскія земли; но, вслѣдствіе заявленій нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ объ отдѣленіи ихъ земель отъ крестьянскихъ, онъ приказываетъ въ томъ же году производить и такого рода выдѣлы не-

[1]) См. H. Dade, „Die Entstehung der Meklenburgischen Schlagwirtschaft“, Геттингенъ, 1891.

укоснительно. 7-го декабря того же года сдѣланъ еще новый шагъ. Въ приказѣ на имя министра Бисмарка, данномъ по одному частному случаю, король предписываетъ послать двухъ опытныхъ и безпристрастныхъ чиновъ каммеръ-герихта, предоставивъ имъ право немедленно произвести на мѣстѣ просимый раздѣлъ, составить протоколъ и прислать его королю на утвержденіе.

Семилѣтняя война прервала на время дѣятельность правительства въ сферѣ аграрныхъ отношеній; но съ заключеніемъ мира она была возобновлена съ гораздо большей энергіей и широтой. Инструкція отъ 23 мая 1763 года провозглашаетъ необходимость „покончить всецѣло" (gänzlich cessiren) съ общинными пастбищами, и мѣстнымъ чинамъ предписываетъ заботиться о томъ, чтобы вызывать раздѣлы. Еще рѣшительнѣе мѣры, принятыя на спеціальной конференціи, созванной Фридрихомъ II въ Потсдамѣ. Циркуляръ, явившійся результатомъ работъ конференціи и датированный 11 іюля 1765 г., настаиваетъ на принятіи общихъ и энергичныхъ мѣръ къ уничтоженію общинныхъ земель и пастбищъ. Министрамъ предписано, по соглашенію съ департаментомъ юстиціи и съ президентами удѣльнаго вѣдомства, тотчасъ же приступить къ разверстанію въ цѣломъ рядѣ деревень [1]. Но король не удовольствовался этимъ, и 16 сентября 1765 года издалъ новый циркулярный приказъ еще болѣе общаго характера. „Для пользы страны, для развитія земледѣлія и увеличенія количества скота" онъ повелѣваетъ взяться со всей энергіей за повсемѣстное уничтоженіе общинныхъ земель, путемъ увѣщаній и „основательныхъ представленій" (gütliche und gründliche Vorstellungen) понуждая приступать къ раздѣламъ. „Еслибы— гласитъ циркуляръ — кто-либо изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ оказался упорствующимъ и сопротивлялся бы безъ основаній раздѣлу, то предписываю о таковыхъ извѣщать судъ, въ вѣдѣніи котораго находится данный раздѣлъ,... чтобы произвести раздѣлъ судебнымъ порядкомъ". Тѣмъ же циркуляромъ приказано было производить раздѣлъ между общинами и всячески отдѣлять земли бюргеровъ отъ земель крестьянъ, пропорціонально размѣрамъ существующаго пользованія, съ тѣмъ, чтобы дать каждому возможность огородиться и тѣмъ самымъ улучшить обработку своего участка. Принимая эти мѣры, Фридрихъ выражаетъ полную увѣренность, что „врядъ ли найдется кто-либо до такой степени не

[1]) См. рядъ циркуляровъ у Lette u. Rönne, „Die Landeskulturgesetzgebung des preussisischen Staates", II.

понимающій своего личнаго интереса, чтобы изъ-за жалкаго и слѣпого упорства быть противникомъ новизны и изъ заслуживающаго наказанія упорства рѣшиться препятствовать ея осуществленію". Въ этой увѣренности данъ рядъ правилъ для руководства при совершеніи раздѣловъ. Словеснымъ приказомъ король требуетъ, во-первыхъ, чтобы были подвергнуты измѣренію, при посредствѣ инженеровъ и землемѣровъ, всѣ подлежащія раздѣлу земли; во-вторыхъ, чтобы была произведена оцѣнка всѣхъ земель, съ раздѣленіемъ ихъ на три класса—хорошей земли, средней и плохой; въ-третьихъ, чтобы при посредствѣ чиновъ судебнаго вѣдомства провѣрены были всѣ документы и затѣмъ уже произведенъ раздѣлъ лицами честными, знатоками дѣла, изъ экономовъ или камералистовъ. Такимъ путемъ король надѣялся доставить каждой семьѣ на ея отрубномъ участкѣ возможность свободно использовать и пахоть, и лугъ, и пастбище, и лѣсъ.

Но увѣренность короля, основанная на логическомъ выводѣ изъ качествъ человѣческой природы и врожденнаго каждому личнаго интереса,—далеко не оправдалась. Его сельско-хозяйственныя мѣропріятія не всегда находили одобреніе. Нашлись смѣльчаки, въ родѣ ландрата Чирскаго изъ Брига, дерзнувшаго почтительно донести, что приказы о порядкѣ и времени посѣва, предписаніе сѣять ячмень и проч., врядъ ли исполнимы и едва ли приведутъ къ цѣли. „Почва въ Силезіи столь рѣзко разнообразна, что врядъ ли хозяинъ, хорошо знающій свою землю, можетъ быть принужденъ общими правилами (General-Regula) продѣлывать то, что̀ принесетъ ему одинъ вредъ. Не слѣдовало бы издавать Generalia раньше, чѣмъ содержаніе ихъ могло бы быть подвергнуто испытанію мѣстными хозяевами. Я думаю, что невозможно для всѣхъ почвъ примѣнить одни и тѣ же правила, а слѣдовательно было бы лучше всего, еслибы эти хозяйственныя regula издавались лишь consilii gratia, а не какъ poenalia, ибо при poenalia создастся абсолютный вредъ для дѣла". То же говорили и другіе, о другихъ сторонахъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій. Возбуждались сомнѣнія и шли возраженія и по поводу раздѣла общинныхъ земель, по поводу спасительности и полезности англійскихъ методовъ поддержки культуры путемъ огораживаній. Почтительно признавая, что мѣры вообще хороши, даже чиновники нѣкоторыхъ вѣдомствъ возбуждали вопросъ о цѣлесообразности ихъ примѣненія. Многіе изъ нихъ указывали на опасность, грозившую странѣ при полномъ проведеніи раздѣловъ: раздѣлы, утверждали они, приведутъ лишь къ раззоренію крестьянъ, къ превращенію даже зажиточныхъ деревень въ пу-

стыню; прямымъ слѣдствіемъ уничтоженія общинныхъ пастбищъ явится уменьшеніе количества скота, тѣмъ болѣе, что населеніе врядъ ли сразу въ состояніи выдержать внезапный переходъ безъ сильнаго ущерба для хозяйства. Другіе заявляли, что вся тяжесть раздѣла падаетъ на бѣднѣйшую часть населенія, которая пользовалась правомъ выпаса и собираніемъ на сжатыхъ поляхъ колосьевъ, а теперь, лишенная всего этого, вынуждена будетъ продать скотъ, лишиться средствъ къ жизни. Чины Новой Марки (Neumark), ссылаясь на недостатокъ людей и отсутствіе капиталовъ, доказывали, что область раззорится, такъ какъ при существующихъ порядкахъ возможно было бо̀льшее количество земли обработать меньшимъ числомъ людей, а при новыхъ требованіяхъ это будетъ невозможно. Судебные чины изъ Уккермарка, описывая трудности правильно произвести раздѣлы, выражали опасенія, что рѣшенія коммиссій на мѣстахъ вызовутъ споры и взаимное раздраженіе и породятъ безконечную внутреннюю смуту въ деревняхъ, вражду однихъ къ другимъ. Изъ Остфрисландіи прислана была просьба, непосредственно обращенная къ королю, воздержаться отъ проведенія въ жизнь раздѣла общинныхъ земель. Земскіе чины области умоляли производить раздѣлы лишь въ тѣхъ общинахъ, которыя того пожелаютъ или гдѣ, по крайней мѣрѣ, раздѣлы не встрѣтятъ сопротивленія съ какой-либо стороны.

Всѣ эти возраженія, всѣ эти просьбы и ходатайства были тщетны. Правительство оказалось непоколебимымъ въ своихъ предначертаніяхъ; просители и оппоненты получали отъ короля рѣзкіе отвѣты, и въ одномъ изъ позднѣйшихъ циркуляровъ имъ всѣмъ дана была нелестная квалификація глупцовъ (dumme Leute). Если люди, писалъ король, „столь глупы, что не въ силахъ и не хотятъ понять своей собственной пользы и выгоды,—и это послѣ того, какъ въ теченіе пяти лѣтъ издано было столько серьезныхъ и настойчивыхъ приказаній,—то хоть бы они кричали до второго пришествія, дѣло не будетъ оставлено и будетъ выполняться“.

И оно выполнялось неукоснительно и со все бо̀льшей и бо̀льшей опредѣленностью. Въ 1764 и 1768 гг. издаются новые регламенты и приказы относительно раздѣловъ и выдѣловъ; чиновникамъ даются новыя указанія и объявляются строжайшіе выговоры. „Генералъ-директорія и юстиція — такъ гласитъ повелѣніе короля,—не смотря на всѣ предписанія, плохо помогаютъ“ (schlecht secundirt). Король приказываетъ, чтобы его министръ занялся вопросомъ о раздѣлахъ вплотную, какъ наиважнѣйшимъ дѣломъ, и чтобы къ веснѣ дѣло могло быть сдѣлано какъ слѣдуетъ. Какъ

одно изъ средствъ возбудить (animiren) энергію подчиненныхъ чиновъ, предписывается подавать королю подробные рапорты о ходѣ дѣла каждые три мѣсяца. Для того же, чтобы просвѣтить „глупыхъ людей, не понимающихъ своихъ пользъ и выгодъ", по повелѣнію короля издается „маленькая книжечка въ формѣ календаря, которую за нѣсколько пфениговъ могъ бы купить и крестьянинъ и получить понятіе о пользѣ раздѣловъ".

Работа, повидимому, закипѣла. Тотъ принципъ, который еще допускали раньше — принципъ иниціативы раздѣла со стороны заинтересованныхъ лицъ и при согласіи по крайней мѣрѣ половиннаго числа ихъ — рѣшено было отклонить, ибо починъ, вслѣдствіе „плохого надзора", встрѣчался рѣдко и дѣло шло черепашьимъ шагомъ. Теперь, „для общаго блага" устанавливается новый принципъ, характерный для полицейскаго государства XVIII вѣка. Государство вправѣ, во всемъ, что касается его подданныхъ, распоряжаться ихъ землями, руководясь мѣрой государственной пользы — такъ заявилъ своимъ министрамъ король. Поэтому, „разъ дѣло (раздѣла) ведется правильно и подъ надзоромъ юстиціи, на всѣ Chicanen, на всѣ неосновательныя возраженія со стороны заинтересованныхъ лицъ, не стоитъ обращать вниманія" (nicht zu reflektiren).

Менѣе чѣмъ годъ спустя, въ соотвѣтствіи со всѣми этими повелѣніями, издается новый указъ отъ 21 октября 1769 года, примѣненный и къ собственно Пруссіи, и къ прусской Помераніи, и къ Магдебургу, и къ Гальберштадту. Указомъ предписано назначать въ каждомъ округѣ спеціалистовъ, хорошихъ хозяевъ, въ качествѣ коммиссаровъ для ликвидаціи общинныхъ порядковъ. На нихъ возложена обязанность оповѣщать о приступѣ къ раздѣлу, изслѣдовать законность правъ заинтересованныхъ лицъ и привлекать землемѣровъ для выполненія размежеванія. Въ случаѣ споровъ и несогласій они должны передавать дѣло въ юстицъ-коллегію, для окончательнаго и быстраго рѣшенія. Особенно благопріятенъ указъ для крупныхъ владѣльцевъ. Имъ предоставлено полное право провокаціи, т.-е. возбужденія производства о раздѣлѣ. Это какъ бы награда за ихъ усердіе. Въ словесномъ приказѣ отъ 24 декабря 1769 года король выразилъ свое особенное удовольствіе, когда ему сообщено было о пятнадцати случаяхъ раздѣловъ, вызванныхъ со стороны дворянства. Оповѣщая объ устномъ приказѣ короля, министръ Гагенъ передаетъ и слова, которыя были сказаны королемъ по поводу его доклада о ходѣ раздѣловъ: „очень радъ, что дворянство приводитъ все вмѣстѣ съ своими подданными къ хорошему окончанію,

но я желалъ бы видѣть тоже, чтобы данъ былъ лишній примѣръ и со стороны чиновниковъ". Въ 1770-мъ году издается новый циркуляръ, представляющій собою скорѣе увѣщаніе, чѣмъ приказъ. Въ составъ ликвидаціонныхъ коммиссій вводится нѣсколько новыхъ членовъ—спеціальный Oeconomiecommissar, а также и Justiz-Commissar, на обязанности котораго слѣдить за легальностью дѣйствій коммиссій. Ко всѣмъ членамъ этихъ коммиссій, какъ и ко всѣмъ управленіямъ, ландратамъ, городскимъ магистратамъ, король обращается съ горячей просьбой не щадить силъ для успѣха дѣла. „Счастье подданныхъ — пишетъ онъ — близко моему сердцу, и потому все мое вниманіе я направилъ къ тому, чтобы упразднить зловредные общинные порядки и создать для хозяина и хлѣбопашца всевозможную свободу въ распоряженіи какъ ихъ временемъ, такъ и ихъ землей". И онъ выражаетъ надежду, что коммиссары, изъ повиновенія его приказамъ и изъ патріотическаго рвенія къ пользѣ и благосостоянію ихъ согражданъ, поведутъ дѣло раздѣловъ со всевозможною добросовѣстностью, а всѣ остальные чины окажутъ имъ помощь и „сдѣлаютъ все необходимое для истребленія и искорененія вредныхъ Communia". За усердіе всѣмъ обѣщана награда.

И король теперь могъ быть доволенъ ревностью своихъ подчиненныхъ. До конца 1769-го года, до изданія то угрожавшихъ, то увѣщательныхъ циркуляровъ, ликвидація шла туго; число раздѣловъ было незначительно. Въ 1770-мъ году дѣло видимо пошло на ладъ. До конца марта королю было донесено, что раздѣлы имѣли мѣсто въ девяти случаяхъ въ Кенигсбергскомъ округѣ, въ 4—въ Литвѣ, въ 24—въ Помераніи, въ 50—въ Курмаркѣ, въ 36 — въ Неймаркѣ, въ 2 — въ герцогствѣ Магдебургскомъ, въ 5—въ княжествѣ Гальберштадтъ [1]). Король предписалъ выразить свое удовольствіе и благодарность и потребовалъ проявленія еще большей энергіи, болѣе быстраго совершенія раздѣловъ „подъ угрозой его высочайшей немилости". Въ концѣ 1771-го года былъ представленъ новый отчетъ, обнимавшій время съ декабря 1770 по ноябрь 1771 г. и отмѣтившій уже 382 ликвидаціи [2]). Правда, короля засыпали жалобами, представленіями, просьбами по дѣламъ о раздѣлахъ. Жаловались и на коммиссаровъ, причинявшихъ убытки и несправедливости при проведеніи дѣла, и на допускавшихъ ошибки и незакономѣрности всякаго рода, и на дороговизну процедуры. Король могъ разслѣдовать лишь немногія изъ

[1]) Krug, „Gesch. der staatswirthschaftlichen Gesetzgebung", I, 293.

[2]) Насколько точны эти цифры—сказать трудно.

этихъ жалобъ; все, что̀ было имъ въ этомъ отношеніи предпринято, заключалось лишь въ изданіи новыхъ увѣщевательныхъ циркуляровъ и въ угрозахъ въ родѣ той, которую онъ послалъ магдебургскому предсѣдателю коммиссіи: „Онъ лѣнивъ и небреженъ, пусть поостережется“.

Какъ и заявленія пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, частныя жалобы не остановили начатаго дѣла, успѣшность котораго подтверждалась увеличивающимся количествомъ разверстаній. Увѣренный въ успѣхѣ дѣла во многихъ областяхъ, гдѣ, по его словамъ: „mit dem besten Effekt“ и къ явной пользѣ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ было проведено дѣло разверстанія и раздѣла общинныхъ земель, король не только распространяетъ дѣйствіе изданныхъ имъ предписаній на Силезію, но и издаетъ ясный, окончательный и все исчерпывающій законъ о раздѣлахъ. Объявляя, что на его обязанности лежитъ забота о процвѣтаніи страны и что его волю не могутъ и не должны связывать и дѣлать безплодной невѣжество и упрямство отдѣльныхъ лицъ, онъ провозглашаетъ и утверждаетъ слѣдующее: „отнынѣ всѣ общинныя земли и пользованія, равно какъ и чрезполосица, стѣсняющія и ограничивающія земледѣліе и свободное пользованіе полями и лугами, объявляются отмѣненными и подлежащими разверстанію, и никто впредь не долженъ имѣть права возбуждать дѣла о сохраненіи нынѣ существующихъ общинныхъ земель, либо сервитутовъ, либо совмѣстнаго и завѣдомо полюбовнаго соглашенія, либо, однимъ словомъ, всего, какое бы названіе оно ни носило, что могло бы служить fundamentum contradictionis, ибо настоящимъ закономъ всѣ inter privatos возникающія права и обязанности, опредѣляемыя существовавшимъ порядкомъ, должны считаться всецѣло отмѣненными и не имѣющими болѣе никакой силы“ [1]).

Новымъ закономъ порядокъ и методы проведенія раздѣловъ опредѣлялись съ гораздо большей опредѣленностью и точностью, чѣмъ раньше. Всѣ общинныя права раздѣлены были на два класса: права на общинную землю и права сервитутныя. Общинныя земли всякаго рода должны быть немедленно, „безъ потери времени“, раздѣлены между всѣми участниками, въ соотвѣтствіи съ ихъ фактическимъ владѣніемъ, безъ всякаго вниманія къ неосновательнымъ возраженіямъ. Что же касается сервитутовъ, права прогона (droit de parcours), выпаса на снятыхъ поляхъ (vaine pâture), то они подлежатъ полной отмѣнѣ, какъ еще бо-

---

[1]) Законъ 14 апрѣля 1771 г.

лѣе вредные для земледѣлія и луговодства. Законъ идетъ еще далѣе. „Примѣръ другихъ государствъ—гласитъ онъ — показываетъ, что процвѣтаніе земледѣлія и увеличеніе доходовъ становятся возможными, если каждому землевладѣльцу отводятся всѣ его земли къ одному мѣсту, если онъ можетъ огородить ихъ или живой изгородью, или канавами, если онъ избавленъ на своей землѣ отъ прогона и выпаса, если ему дана всѣмъ этимъ возможность установить правильное соотношеніе между земледѣліемъ и скотоводствомъ, отводить попеременно подъ сѣнокосъ опредѣленное количество земли и тѣмъ самымъ увеличивать количество своего скота, держать скотъ въ стойлахъ, получать даромъ драгоцѣнный навозъ, пропадавшій прежде напрасно, предохранять скотъ отъ заразъ и всякихъ случайностей и т. п.". Отсюда предписаніе сводить земли къ одному мѣсту— и это въ странѣ, гдѣ зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ существовала во всей еще силѣ, гдѣ невѣжество и безправіе крестьянства были полныя, гдѣ самъ Фридрихъ отзывался въ своихъ циркулярахъ о крестьянахъ какъ о лѣнтяяхъ, неспособныхъ понять своей же пользы, гдѣ бѣдность царила въ деревняхъ, а культура на сведенныхъ къ одному мѣсту земляхъ требовала большихъ затратъ и прилива капиталовъ, которыхъ не было на лицо, гдѣ если и существовали города, то съ ничтожнымъ численно населеніемъ, гдѣ промышленность была мелкой или кустарной... Производить раздѣлы и сведеніе къ одному мѣсту повелѣвалось по требованію или помѣщика, или общины, или вообще владѣльца земли, немедленно, не обращая вниманія на „неосновательныя возраженія" со стороны другихъ заинтересованныхъ лицъ.

Установлена была и новая организація коммиссій, дѣйствовавшихъ на мѣстахъ. Въ каждомъ округѣ мѣстные земскіе чины (Landstände) изъ числа дворянъ должны были избрать двухъ членовъ, въ качествѣ коммиссаровъ по дѣламъ о раздѣлахъ. Къ нимъ присоединяли одного юриста, знакомаго съ сельскимъ хозяйствомъ, въ качествѣ секретаря, одного землемѣра и, сверхъ того, двухъ пожилыхъ, зажиточныхъ и смышленыхъ крестьянъ. На эту коммиссію возлагались всѣ работы по раздѣлу, оцѣнкѣ, размежеванію подлежащихъ раздѣлу земель. На нее же возлагалась по закону обязанность при раздѣлѣ каждому заинтересованному лицу отводить землю по возможности къ одному мѣсту и прекращать всѣ сервитуты, регулируя ихъ путемъ отведенія соотвѣтствующаго количества земли за деньги. Установленъ былъ и порядокъ обжалованія чрезъ три инстанціи: двѣ мѣстныя, одну и послѣднюю—

въ сосѣдней области, гдѣ вопросъ разсматривался въ plenum'ѣ коллегіи, вѣдавшей земельныя дѣла. Предполагалось, что у чиновъ этой коллегіи имѣется знаніе дѣла и хозяйства, и они, какъ посторонніе, будутъ судить дѣло безпристрастно. Вознагражденіе коммиссаровъ и землемѣровъ возлагалось всецѣло на средства заинтересованныхъ лицъ.

Въ этомъ указѣ, данномъ Силезіи, энергія Фридриха Великаго достигла своего апогея. Указъ былъ внесенъ въ кодексъ Фридриха (Corpus juris Fridericianum) въ 1781 г., затѣмъ въ Allgemeine Gerichtsordnung въ 1793 г. и въ Allgemeines Landrecht въ 1794 г. До изданія закона 1821-го г. о раздѣлѣ общинныхъ земель, онъ былъ общимъ закономъ, дѣйствовавшимъ на всемъ почти пространствѣ прусскаго королевства. Послѣ изданія его прежняя кипучая дѣятельность короля какъ бы падаетъ. Издается немного циркуляровъ, которые приводили бы въ трепетъ подчиненныхъ, и въ 1781-мъ году мы уже не находимъ въ массѣ Cabinets-Ordres упоминаній о раздѣлахъ общинныхъ земель, не находимъ и отчетовъ о дѣятельности землеустроительныхъ коммиссій. Повидимому бюрократическая машина начала ржавѣть за отсутствіемъ той энергіи, которую вливала въ нее воля Фридриха Великаго. При преемникѣ его, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ, дѣло, повидимому, было оставлено, и только въ 1799-мъ году новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, пытается вновь двинуть застывшую бюрократическую машину. Онъ выразилъ въ присутствіи своихъ министровъ изумленіе, почему, „не смотря на то, что предписаніе о раздѣлахъ общинныхъ земель послѣдовало уже такъ давно, оно все еще не приведено въ исполненіе и все еще остается очень много сдѣлать для этого". Совѣтъ министровъ, обсудивъ вопросъ, возбужденный королемъ, пришелъ къ заключенію, что цѣль законовъ о раздѣлахъ не была достигнута, такъ какъ прежній законодатель надѣялся добиться необходимыхъ и полезныхъ улучшеній слишкомъ общими предписаніями (allgemeine Vorschriften). Всѣ эти предписанія нужно было издавать постепенно и послѣдовательно; нужно было добиться того, чтобы для простого человѣка сдѣлалась ясна выгода и польза предпринятаго правительствомъ шага; необходимо было сообразоваться съ мѣстными условіями и устранять мѣстныя затрудненія. Это было бы возможно лишь при цѣлесообразномъ выясненіи и полюбовномъ разрѣшеніи существующихъ отношеній на мѣстахъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Критикуя, такимъ образомъ, всю прошлую дѣятельность правительства временъ Фридриха Великаго, министры новаго

короля, тѣмъ не менѣе, находили, что дѣло можетъ успѣшно идти впередъ, если коммиссары раздѣловъ и разверстокъ окажутся и достаточно искусными, и достаточно обходительными. Въ этомъ усматривали они надежнѣйшее средство двинуть дѣло раздѣла общинныхъ земель. То было pium desiderium правительства конца восемнадцатаго вѣка — но только pium desiderium, ибо до реформъ 1807-го и послѣдующихъ годовъ дѣло раздѣла не шло впередъ.

Забывая, что Фридрихъ Великій всячески старался и циркулярами, и спеціально издаваемыми ad hoc многочисленными брошюрами „сдѣлать ясной для простого обывателя пользу раздѣловъ", министры Фридриха-Вильгельма III-го не сказали своему королю, гдѣ, въ какой сферѣ законы и циркуляры Фридриха II потерпѣли крушеніе, гдѣ оказались они безцѣльными и безуспѣшными и гдѣ, наоборотъ, оказались удачными. Не были указаны и тѣ соціальныя послѣдствія, какія уже сказывались въ странѣ подъ вліяніемъ, въ значительной мѣрѣ, проведенія въ жизнь этихъ законовъ и циркуляровъ великаго короля.

Несомнѣнно было одно: полная неудача попытокъ Фридриха II создать культуру на крестьянскихъ земляхъ, облагодѣтельствовать крестьянъ съ помощью отрубныхъ и иныхъ формъ распредѣленія между ними общинныхъ земель. Не смотря на полную зависимость крестьянъ, на ихъ угнетенное положеніе, пассивное сопротивленіе ихъ королевскимъ мѣрамъ даже въ удѣльныхъ имѣніяхъ, не говоря уже о помѣстьяхъ дворянъ, было настолько сильно, что проведеніе раздѣла общинныхъ земель между крестьянами и отводъ ихъ къ одному мѣсту оказались невозможными. Необходимо было прибѣгать къ насилію для достиженія цѣли. Къ нему, видимо, и прибѣгали мѣстные чиновники, исполняя волю короля; но введеніе простымъ насиліемъ новыхъ порядковъ не входило въ программу Фридриха II, и онъ не разъ воспрещалъ коммиссарамъ дѣйствовать насильственнымъ путемъ. Такъ, когда королю было доложено, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ крестьянъ отказываются брать отведенныя имъ по раздѣлу земли и что для цѣлей разверстанія ихъ необходимо принудить силой взять указанные имъ участки, онъ отвѣтилъ: „Не въ моемъ духѣ (meine Manier) прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Вы должны путемъ суда побуждать къ тому людей, чтобы всѣ и каждый видѣли, что никому не причиняютъ вреда раздѣломъ". А министру Рекку, требовавшему строгихъ мѣръ принужденія по отношенію къ крестьянамъ, сопротивлявшимся раздѣлу, Фридрихъ писалъ: „Плохо очень вы дебютируете. Вы вѣдь не были на мѣстѣ и не

знаете, дѣйствительно ли неправы крестьяне. Какъ же вы можете требовать сразу, ничего не зная, тяжелыхъ каръ? Отмѣните распоряженіе и примите во вниманіе, что при повтореніи подобныхъ казусовъ мы врядъ ли долго останемся друзьями". Понятно, что при такихъ условіяхъ энергія исполнителей слабѣла, и пассивное сопротивленіе оказывалось въ концѣ концовъ побѣдоноснымъ. Даже тамъ, гдѣ удавалось проводить раздѣлы, они, съ теченіемъ времени, теряли силу и практическое значеніе: крестьяне возвращались къ старымъ порядкамъ. Спеціальное размежеваніе, т.-е. раздѣлы только между крестьянами, въ одной ихъ средѣ и на отведенныхъ имъ земляхъ, не было проведено на удѣльныхъ земляхъ. Еще менѣе можно было ожидать успѣха этого дѣла на земляхъ крестьянскихъ, въ деревняхъ, принадлежащихъ дворянамъ. Какого-либо интереса въ средѣ крестьянъ къ спеціальному размежеванію здѣсь не было.

Но если вся культурная работа Фридриха II въ данной области потерпѣла фіаско, то не такъ было въ другомъ отношеніи. Королевскими указами предписывалось производить, какъ мы видѣли, не только раздѣлы крестьянскихъ земель, но и такъ называемыя генеральныя размежеванія: отдѣленіе дворянскихъ и бюргерскихъ земель отъ земель крестьянъ. И здѣсь-то, въ этой части процедуры раздѣла общинныхъ земель, циркулярныя распоряженія короля увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ. Вѣдь эти его циркуляры не были кабинетнымъ капризомъ, бюрократической фантазіей, а являлись запросомъ, можно сказать требованіемъ со стороны заинтересованныхъ лицъ, дворянства, крупныхъ землевладѣльцевъ.

При той роли, какую, какъ мы указали выше, играли въ дѣлѣ хлѣбной торговли мѣстности, прилегающія къ Балтійскому морю, при возникавшихъ попыткахъ завести новые порядки обработки земли, выдѣлъ изъ совмѣстнаго пользованія землей съ крестьянами былъ чрезвычайно выгоденъ для крупныхъ владѣльцевъ. Теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, у нихъ былъ и добавочный стимулъ стремиться къ выдѣлу и, попутно, къ расширенію площади запашки. Вслѣдъ за сильнымъ подъемомъ земледѣлія въ Англіи, возбудившимъ ту „англоманію", о которой мы говорили выше, послѣдовалъ сильный подъемъ промышленной дѣятельности новаго, капиталистическаго типа, вызвавшій усиленный спросъ на пищевые продукты и на сырье. Изъ данныхъ, приводимыхъ Тукомъ и Ньюмаргомъ, видно, что ежегодный ввозъ въ Англію одной пшеницы возрасталъ все болѣе и болѣе и въ періодъ времени съ 1760 по 1800 г. увеличился почти въ 6 разъ,

поднявшись съ 94 тыс. квартеровъ въ 1760—1770 гг. до 555 тыс. кв. въ 1800—1810 гг. Часть, и весьма значительная, этого ввоза приходилась на долю собственно Пруссіи и другихъ сѣверныхъ приморскихъ мѣстностей Германіи. По даннымъ Круга [1]), вывозъ пшеницы собственно изъ Пруссіи равнялся въ 1800 г. 120 т. бушелей, при общемъ среднемъ урожаѣ въ 370 тысячъ бушелей. Если мы прибавимъ къ этому, что подъ вліяніемъ, въ значительной мѣрѣ, англійскаго спроса, цѣны на пшеницу и другіе сорта хлѣба сильно поднялись, что, напримѣръ, въ Берлинѣ, по даннымъ Конрада, тонна пшеницы, продававшаяся въ 1701—1730 гг. по 84 марки, стоила съ 1751 по 1800 г., въ среднемъ, 125 марокъ, то станутъ вполнѣ ясными нѣкоторыя изъ тѣхъ экономическихъ причинъ, которыя содѣйствовали успѣху раздѣловъ, къ выгодѣ одной части населенія и къ ущербу для громаднаго большинства крестьянскаго класса. По той же причинѣ раздѣлъ общинныхъ земель получалъ характеръ лишь генеральнаго, а не спеціальнаго размежеванія.

Правительственные агенты, проводившіе политику Фридриха на казенныхъ и удѣльныхъ земляхъ, указывали пути и пріемы дѣйствій, которыми съ еще бо̀льшимъ успѣхомъ пользовались крупные владѣльцы. Эти агенты не стѣснялись, руководясь приказами короля, производить нерѣдко принудительно или, въ крайнемъ случаѣ, съ помощью суда перемѣщеніе (Translocirung) крестьянскихъ полей на новыя, худшія мѣста, къ выгодѣ казны, которой отмежевывались лучшія земли. Пытались они производить и спеціальное размежеваніе на крестьянскихъ земляхъ. Дворяне усвоили первый изъ пріемовъ, но оставляли безъ вниманія второй. „Помѣщикъ — говоритъ извѣстный историкъ крестьянъ Пруссіи—старался выяснить тѣ выгоды, которыя доставитъ ему отдѣленіе его полей отъ крестьянскихъ, прибавляя, въ утѣшеніе имъ, что никто изъ крестьянъ не получитъ менѣе земли, чѣмъ имѣлъ раньше, и крестьяне, буде того пожелаютъ, могутъ сохранить чрезполосность владѣній. Все дѣло лишь въ томъ, что полевая земля, на которой помѣщичьи владѣнія лежали въ перемежку съ крестьянскими, теперь раздѣляется на двѣ части: на одной находится земля помѣщика, на другой—земля крестьянъ, которые могутъ устраиваться какъ имъ угодно... Происходитъ лишь генеральное размежеваніе черезполосицы, но послѣдуютъ ли крестьяне примѣру помѣщика — вопросъ этотъ остается откры-

---

[1]) Krug, „Abriss der neuesten Statistik des preussischen Staates", Галле, 1805, стр. 98—99, 62—63.

тымъ" [1]). За малыми исключеніями, дворянство бросилось на путь выполненія политики Фридриха съ все большей и большей энергіей. Къ концу XVIII вѣка выдѣленіе дворянскихъ земель сдѣлалось общимъ явленіемъ въ Помераніи и было произведено въ значительномъ количествѣ дворянскихъ имѣній въ другихъ областяхъ. Всѣ выгоды этого обособленія оказались на сторонѣ однихъ землевладѣльцевъ. Скотоводство, не смотря на отсутствіе или слабое развитіе и на земляхъ большинства крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ системы держанія скота въ стойлахъ, могло быть поддержано и даже развиваться, такъ какъ при распространенности системы лугового хозяйства (Feldgraswirthschaft), за обособленіемъ луговъ помѣщика отъ земель крестьянъ и изъятіемъ ихъ изъ общаго выпаса, у помѣщика оказывалось болѣе чѣмъ достаточное количество земли для большого количества скота, и на остальной землѣ онъ могъ вести свободно болѣе правильное хозяйство. Иное у крестьянъ. Обособленіе, переселеніе на новыя земли, лишеніе права выпаса на земляхъ помѣщика, отъ сервитутныхъ правъ на которыя они вынуждены были, за неимѣніемъ у нихъ, какъ у крѣпостныхъ, доказательствъ, отказаться—все это лишало ихъ возможности держать значительное количество скота и вынуждало ихъ сохранять старые порядки и старую систему обработки своихъ земель, чтобы обезпечить достаточное количество пастбищной земли. О вознагражденіи ихъ за потерю сервитутныхъ правъ не было, конечно, и рѣчи. Понятно, какіе отсюда происходили результаты. „Положеніе крестьянъ, извлекающихъ свои доходы не только изъ наемнаго труда, но и изъ принадлежащаго имъ участка земли—пишетъ Падбергъ о Помераніи,—существенно измѣнилось, потому что весь ихъ скотъ былъ обездоленъ исчезновеніемъ общественныхъ пастбищъ" [2]). И такъ говорили въ теченіе первой половины XIX вѣка и позже всѣ, кто касался положенія крестьянъ въ Пруссіи и вообще въ Германіи.

Что же удивительнаго, при такихъ условіяхъ, если громадное большинство крестьянскаго класса, полуголодное и нищее въ теченіе XVIII вѣка, осталось такимъ и послѣ всѣхъ реформъ Фридриха II, послѣ всей его неугомонной и энергичной дѣятельности, направленной къ перенесенію путемъ раздѣловъ на поля прусскаго государства англійской культуры. Одинъ путешественникъ, проѣхавшій Силезію въ 1787-мъ году, въ такихъ словахъ передалъ

---

[1]) G. Knapp, „Die Bauernbefreiung in den älteren Theilen Preussens", I, стр. 59—60.

[2]) Padberg, „Ländliche Verfassung Pommerns", 138

впечатлѣніе, полученное имъ отъ деревень и крестьянскихъ избъ: „отвратительныя дороги; отсутствіе яблонь и фруктовыхъ деревьевъ и на дорогѣ, и въ деревняхъ. Земледѣлецъ? но какъ онъ одѣтъ, какъ онъ живетъ? глиняныя хаты съ отверстіями въ 6 дюймовъ вмѣсто оконъ. Повсюду грязь". Проходитъ 13 лѣтъ— и вотъ что читаемъ мы въ описаніи путешествія по тѣмъ же мѣстамъ американскаго посла, Адамса (1800 г.): „всѣ деревни имѣютъ жалкій видъ—даже стѣны изъ глины смѣшанной съ соломой—и служатъ жилищемъ ободранному, истомленному и совершенно обнищалому населенію". Что сообщаютъ оба эти писателя о Силезіи, то почти о всемъ прусскомъ государствѣ говоритъ статистикъ Кругъ, выпустившій свою книгу о національномъ богатствѣ прусскаго государства въ 1805-мъ году: „даже въ областяхъ, гдѣ природа далеко не скупа на свои дары, крестьянство находится въ состояніи бѣдности и убожества; его жилища—жалки, его скотъ имѣетъ несчастный видъ, его земледѣльческія орудія—плохи и недостаточны". Объясняютъ это—замѣчаетъ онъ—лѣностью, невѣжествомъ крестьянской масссы. Но по мнѣнію Круга такое объясненіе совершенно невѣрно. „Вѣдь во многихъ мѣстностяхъ государства крестьянскія земли не даютъ вовсе чистаго дохода, негодны для отдачи въ аренду и нерѣдко захватываются насильно владѣльцами. Несомнѣннымъ мѣриломъ степени благосостоянія служитъ покупная цѣна крестьянскихъ земель и дворовъ. Спрашивается, какова она? Даже при продажѣ двора, свободнаго отъ барщины, она очень низка, ниже цѣны соотвѣтственнаго количества земли дворянской или бюргерской. При продажѣ двора, обремененнаго барщиной, она доходитъ до нуля". И Кругъ приводитъ рядъ примѣровъ. Крестьянскій дворъ въ 3 гуфы, съ принадлежностями, далъ при оцѣнкѣ въ 1803-мъ году слѣдующее: валовой доходъ 129 тал. 20 гр., ежегодные расходы и повинности—115 тал. 4 гр., чистый доходъ 14 тал. 16 гр., что изъ 5% соотвѣтствуетъ капитальной суммѣ въ 290 тал. 20 гр. Если присчитать постройки, стоимостью въ 433 тал. 5 гр., то вся покупная цѣна сравнительно немалаго участка полно-тяглаго крестьянина окажется равной 723 тал. 25 гр. И это при свободѣ отъ натуральныхъ повинностей. Вотъ другой дворъ въ Силезіи. Его купили за 6 тал. 16 гр. Онъ состоитъ изъ 8 моргеновъ. Съ него приходится болѣе 8 талеровъ разныхъ налоговъ. Присяжные таксаторы, по даннымъ которыхъ Кругъ описываетъ дворъ, нашли, что доходъ съ пахоти и другихъ угодій даетъ не только нуль, но минусъ, такъ что, по ихъ словамъ, „владѣлецъ, для уплаты налоговъ и

для удовлетворенія своихъ насущныхъ жизненныхъ потребностей, долженъ еще искать заработковъ" [1]).

Въ то же время создавались и иныя послѣдствія раздѣла общинныхъ земель. Самый фактъ раздѣла усиливалъ и обострялъ то, что возникло и развивалось раньше. Я разумѣю процессъ послѣдовательнаго обезземеленія крестьянской массы путемъ сноса крестьянскихъ дворовъ, присоединенія ихъ къ полямъ помѣстья и увеличенія размѣровъ крупныхъ владѣній. Процессъ обезземеленія этимъ путемъ начался въ Пруссіи давно, еще въ XVI вѣкѣ. Уже тогда происходило, путемъ то присоединенія лежащихъ втунѣ крестьянскихъ дворовъ, то скупки ихъ, то простого захвата, образованіе крупныхъ помѣстій и помѣщичьихъ хуторовъ. И чѣмъ сильнѣе росло число этихъ новообразованій, тѣмъ болѣе съуживались права и свобода крестьянъ, тѣмъ въ большую зависимость попадали они отъ власти помѣщиковъ, пользовавшихся ими, какъ даровой силой, и тѣмъ менѣе становились обезпеченными права крестьянъ на ихъ земли. Тотъ же процессъ продолжался и въ XVII, и въ XVIII вв. Не смотря на всѣ усилія власти остановить движеніе, возстановить уничтоженные крестьянскіе дворы, сносъ дворовъ и присоединеніе къ помѣстьямъ крестьянскихъ земель продолжались, то ослабѣвая, то усиливаясь. Масса запустѣлыхъ дворовъ, раззоренныхъ тридцатилѣтней войной, въ теченіе времени до 1740 г. была приписана къ помѣстьямъ. Сносы продолжались и позже, какъ о томъ свидѣтельствуютъ донесенія мѣстныхъ управленій изъ разныхъ областей въ началѣ царствованія Фридриха II-го [2]).

Только при Фридрихѣ II начата была серьезная и энергическая борьба съ сносомъ крестьянскихъ дворовъ и сдѣланы были попытки возстановить всѣ тѣ дворы, которые были присоединены къ помѣстьямъ за прежнее время, различное для разныхъ областей. Рядъ указовъ былъ изданъ въ 1748 г., затѣмъ появился общій указъ 1749-го года, но дѣлу это помогло очень мало. Сносы продолжались. Самый строгій и исполнительный изъ чиновниковъ Фридриха, Шлабрендорфъ, вынужденъ былъ доносить королю чуть не ежедневно о томъ, что „различныя dominia присоединяютъ къ себѣ пустыя крестьянскія земли и, не заселяя ихъ вновь крестьянами, приписываютъ къ своимъ фольваркамъ (хуторамъ) или образуютъ изъ нихъ новые". Какъ доноситъ тотъ же Шлабрендорфъ, одинъ владѣлецъ снесъ 15 дворовъ

---

[1]) Krug, „Nationalreichthum", I, 463, 465, 468—71 и др.

[2]) См. таблицы захватовъ у Knapp'a, II, кн. 1-ая, гл. 2-ая.

полно-тяглыхъ и на мѣсто крестьянъ посадилъ огородниковъ. Королю пришлось издать новый, еще болѣе грозный указъ въ 1764-мъ году. Всегда усиленно поддерживавшій дворянство, онъ открыто жалуется, что „дворянство не слѣдуетъ его примѣру, а, наоборотъ, пользуется войной и раззореніемъ, чтобы, какъ и прежде, воспользоваться (profitiren) лежащими втунѣ крестьянскими дворами и таковые, большей выгоды ради, присоединить для господской обработки“. И онъ не только требуетъ прекращенія сносовъ, но и настаиваетъ на возстановленіи всѣхъ дворовъ, захваченныхъ съ 1724 года. Эта мѣра оказалась трудно выполнимою. То графъ Рейхенбахъ, то баронъ Крайссе, то другіе попадались въ томъ, что продолжали, по выраженію правительственнаго донесенія, „вновь создавать нищихъ“, уже тогда пользуясь приглашеніемъ короля начать раздѣлъ общинныхъ земель, съ тою цѣлью, чтобы возстановленіе старыхъ дворовъ стало невозможно. Противодѣйствіе со стороны дворянства проявлялось съ такой силой, что новымъ разъясненіемъ король установилъ новые сроки: все захваченное до 1740-го года было прощено, предписано возстановлять только такіе дворы, которые присоединены къ помѣстью изъ лежавшихъ втунѣ послѣ 1740-го года и особенно со времени начала семилѣтней войны. Благодаря этому удалось изъ 193 опустѣвшихъ и захваченныхъ дворовъ возстановить въ Силезіи 129. Въ Помераніи изъ 674 оказавшихся втунѣ съ 1756 г., къ 1765 году удалось возстановить 380. Но въ общемъ успѣхъ данной мѣры былъ весьма ограниченный. Процентъ возстановленныхъ дворовъ составлялъ всего 3,5% для полно- и полутяглыхъ, 1,8% — для огородниковъ, 1% — для всѣхъ остальныхъ. А между тѣмъ процедура сноса, въ связи съ раздѣленіемъ общинныхъ земель, продолжалась, ослабляя и безъ того уже малый успѣхъ правительственныхъ мѣропріятій. Все-таки эти мѣры въ той или иной степени сдерживали въ извѣстныхъ предѣлахъ жадность крупныхъ владѣльцевъ. Между Пруссіей и сосѣднимъ Мекленбургомъ существовала въ этомъ отношеніи довольно сильная разница. Въ Пруссіи политическое значеніе и роль дворянства были почти совершенно уничтожены абсолютной властью; въ Мекленбургѣ земскіе чины были всесильны и власть герцога ничтожна. Поэтому въ Мекленбургѣ процессъ сноса крестьянскихъ дворовъ при раздѣлѣ общинныхъ земель привелъ къ полному обезземеленію крестьянской массы, тогда какъ въ Пруссіи онъ хотя и существовалъ, но былъ поставленъ въ извѣстныя рамки и тѣмъ самымъ сохранена была нѣкоторая часть стараго крестьянства.

Колебанія были лишь изъ провинціи къ провинціи. Сносы оказались болѣе значительными въ восточной и западной Пруссіи и въ Помераніи. Въ первыхъ двухъ они явились, впрочемъ, результатомъ обычныхъ бюрократическихъ порядковъ. При проведеніи закона о возстановленіи крестьянскихъ дворовъ, захваченныхъ съ 1756-го года, въ силу обычнаго недосмотра, про прусскія провинціи забыли и спохватились лишь въ 1806-мъ году. Потребовались данныя о количествѣ захваченныхъ дворовъ съ 1756-го года. Добыть и доставить ихъ оказалось невозможнымъ; пришлось примириться съ тѣмъ, что есть. Всѣ сносы, произведенные до 1772-го года, было признано необходимымъ узаконить. А то были сносы, произведенные въ разгаръ наибольшей дѣятельности по части генеральнаго размежеванія въ восточной Пруссіи.

Таковы нѣкоторыя изъ тѣхъ соціальныхъ послѣдствій, къ которымъ привела попытка создать путемъ закона и распоряженія высшую земледѣльческую культуру по англійскому образцу, въ странѣ, гдѣ, по словамъ самого короля, крестьяне были прикрѣплены къ почвѣ, гдѣ они—сервы своихъ господъ, гдѣ земледѣліе велось въ соотвѣтствіи съ услугами и службами крестьянъ,—и, прибавимъ, гдѣ личность крестьянина была придавлена, гдѣ для его энергіи и дѣятельности не было поприща, гдѣ создавать интенсивную культуру, при отсутствіи внутренняго рынка, при ничтожномъ значеніи городовъ, населенныхъ бо́льшею частью земледѣльцами и получавшихъ доходъ преимущественно отъ земледѣлія, было дѣломъ болѣзненной фантазіи или преступной политической игры. Фридрихъ II не рѣшился, прежде чѣмъ начать дѣло раздѣла, покончить сразу съ „возмутительнымъ способомъ веденія земледѣлія". Онъ опасался, что этимъ „будетъ всецѣло разрушена экономія земель, да кромѣ того пришлось бы вознаградить дворянство за потери и убытки, которое оно понесло бы въ своихъ доходахъ" [1]). И тѣмъ не менѣе, съ легкимъ сердцемъ, въ силу вѣры въ спасительность примѣненія къ жизни абстрактной идеи, онъ однимъ ударомъ попытался разрушить то, что, при экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ того времени, разрушить можно было только цѣною тяжелыхъ послѣдствій, всецѣло падавшихъ на наименѣе обезпеченную и наиболѣе безправную часть населенія.

[1]) „En voulant abolir tout d'un coup cette abominable question, on bouleverserait entièrement l'économie des terres et il faudrait indemniser en partie la noblesse des pertes qu'elle souffrirait en ses revenus" („Essai sur les formes de gouvernement").

Подъема культуры въ средѣ крестьянъ попытка Фридриха II не создала. Не создала она сразу англійскихъ порядковъ земледѣльческой культуры и на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ, успѣвшихъ свести къ одному мѣсту всѣ свои земли, сдѣлаться независимыми отъ третьихъ лицъ въ владѣніи и пользованіи своею землею. Достаточно раскрыть книгу Fraas'а, „Landbauwissenschaft", или Goltz'а, „Geschichte des deutschen Landwirthschaft", и рядъ тѣхъ работъ по агрономіи и сельскому хозяйству, которыя вышли въ первой половинѣ XIX-го вѣка, чтобы убѣдиться, что до сороковыхъ годовъ въ Германіи, и въ особенности въ сѣверо-восточной ея части, все еще продолжало существовать трехполье, только кое-гдѣ улучшенное или замѣненное голштинской системой. Въ своемъ описаніи сельскаго хозяйства въ собственно прусскихъ провинціяхъ Гакстгаузенъ вскрываетъ предъ нами яркую картину сельско-хозяйственныхъ порядковъ, какіе существовали въ концѣ тридцатыхъ годовъ [1]). Переходя изъ одного округа въ другой, онъ съ утомительнымъ однообразіемъ повторяетъ, что въ такомъ-то округѣ царитъ въ большинствѣ имѣній рутинное трехполье. Только кое-гдѣ, на обособленныхъ помѣщичьихъ земляхъ, замѣчаются слабые зачатки лучшей культуры. Горячій поклонникъ англійской системы, онъ тѣмъ не менѣе указываетъ на невозможность проведенія ея въ прусскихъ областяхъ, при мѣстныхъ условіяхъ, на которыя, по его словамъ, такъ мало обращалъ вниманія знаменитый прусскій агрономъ Тэеръ, и столь же мало, раньше его, Фридрихъ II. А то, что говоритъ Гакстгаузенъ о старо-прусскихъ областяхъ, другіе говорили о Помераніи (напр. Падбергъ, книга котораго появилась въ 1861 г.), о Силезіи и т. д. Успѣхи земледѣльческой культуры въ Пруссіи сказались позже, и были вызваны болѣе глубокими причинами, чѣмъ законодательные акты Фридриха II и, позднѣе, законъ 1821 года, изданный подъ вліяніемъ ученія Тэера.

Въ Пруссіи конца XVIII и начала XIX вѣка внѣшнія причины, въ видѣ спроса на хлѣбъ, повели къ расширенію запашки путемъ обособленія и увеличенія полей, обращенія прежде неудобной земли въ пахоть, для полученія добавочнаго зерна. Это, и только это, и было достигнуто реформой Фридриха, но къ безусловному вреду для большинства крестьянскаго населенія.

---

[1]) Haxthausen, „Die ländliche Verfassung in den einzelnen Provinzen der preussischen Monarchie", 1839.

Сама по себѣ, безъ необходимыхъ предварительныхъ условій, предварительной подготовки, она оказалась, какъ и многія послѣдующія попытки въ томъ же родѣ, совершенно безплодною въ смыслѣ немедленнаго подъема культуры.

И. Лучицкій.

СТАРЫЙ МОНАСТЫРЬ

Зубцами бѣлая ограда,
Прорѣзы узкіе бойницъ,
У стѣнъ зеленая прохлада,
Кресты и мраморы гробницъ.

Широкоствольная аллея,
Корней извилистый узоръ.
Въ закатномъ золотѣ алѣя,
Сомкнулся лиственный шатеръ.

Гудѣнье пчелъ отягощенныхъ,
Медвяный вздохъ цвѣтущихъ липъ.
Изъ келій, къ саду обращенныхъ,
Оконницъ ветхихъ робкій скрипъ.

Здѣсь жизни горести и страхи
Заключены. Безъ жалъ, безъ словъ.
И дни проходятъ, какъ монахи,
Подъ мѣрный гулъ колоколовъ.

П. Соловьева.

ВЪ ПОСЕЛКѢ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Жара сморила весь поселокъ. Пыльные проулки его были пустынны. Лѣниво ползли по желѣзнодорожной насыпи товарные поѣзда. Длинная вереница вагоновъ, перемежающаяся сѣрыми и красными керосиновыми цистернами, войдя подъ желѣзный навѣсъ станціи, медленно останавливалась. Цѣпи скрѣпленій позвякивали, буфера вагоновъ глухо стучали другъ о друга, паровозъ устало свистѣлъ и весь поѣздъ на нѣсколько минутъ замиралъ.

Оберъ-кондукторъ торопливо скрывался въ помѣщеніи конторы, передавалъ тамъ документы, расписывался, снова раздавался недовольный свистъ локомотива, и поѣздъ такъ же медленно продолжалъ свой путь.

Жителей поселка мало это интересовало. Жаркій августовскій полдень засадилъ ихъ по домамъ, даже ставни у нѣкоторыхъ были закрыты: въ темнотѣ мухи становились не такъ назойливы.

Далеко и широко растянулся поселокъ по степи.

Много лѣтъ назадъ, когда только начала строиться эта линія, тутъ былъ незатѣйливый степной хуторокъ помѣщика Шварца. Станцію хотѣли построить тремя верстами дальше, у небольшого села, но крестьяне составили приговоръ, что „негоже развратъ въ село впускать", и отказались уступить желѣзной дорогѣ землю.

Не такъ поступилъ помѣщикъ: онъ не только согласился на

постройку станціи на своей землѣ, но даже отдалъ ее для этой цѣли „чугункѣ" даромъ, выговоривъ условіемъ, что никакая торговля, никакое промышленное заведеніе не могутъ быть разрѣшены у станціи безъ его согласія.

Уменъ оказался помѣщикъ Шварцъ.

Не прошло и года по проведеніи рельсоваго пути, какъ около станціи начали появляться все больше и больше новыя постройки, завелись ларьки, лавочки, закипѣла бойкая торговля.

Помѣщикъ уступалъ всѣмъ желающимъ землю, но только въ аренду и не болѣе какъ на десять лѣтъ, по очень дешевой арендной платѣ. Желающихъ строиться на этихъ условіяхъ все прибывало. Небольшая, но глубокая рѣчка Сорока, пробѣгавшая около станціи, способствовала тому, что здѣсь рѣшено было устроить скрещеніе съ другимъ рельсовымъ путемъ, а немного спустя и съ третьимъ. Станція сдѣлалась узловою, важнымъ центромъ сообщенія. Поселокъ сталъ расти еще сильнѣе, еще быстрѣе.

— Съ любымъ уѣзднымъ городомъ поспоритъ!—не разъ говорилъ самъ себѣ Шварцъ, окидывая взглядомъ съ бельведера своего хутора, который онъ отстроилъ заново и очень роскошно, тянувшіеся длинными рядами домики и амбары поселка.

Новые поселяне не удовольствовались одною степью: на другомъ берегу рѣки, по зеленому отвѣсному скату, гнѣздились хибарки и строенія. Прошло десять лѣтъ, срокъ аренды кончился. Шварцъ не зѣвалъ: цѣна арендной платы сразу повысилась.

— Дорого, говорите? Что-жъ, насильно держать васъ, господа, я не могу, не подходятъ мои условія, ищите, гдѣ вамъ лучше,— спокойно сообщилъ онъ своимъ ошеломленнымъ арендаторамъ, не забывая въ то же самое время ихъ предупредить, что согласно условію все, что построено на его землѣ, принадлежитъ ему.

Повздыхали, поохали съемщики, видятъ, что дѣлать нечего,— десять лѣтъ строились, обживались, а теперь все сразу въ чужія руки перейдетъ,—и согласились на условія.

Больше тридцати лѣтъ прошло, а наслѣдники умнаго помѣщика до сихъ поръ съ поселка сотни тысячъ дохода ежегодно получаютъ. Степной хуторъ превратился для нихъ въ дойную корову. Поселокъ продолжалъ расти, въ немъ появились и каменные дома, заводы и скотобойня, онъ уже переросъ границы помѣщичьей земли и выбрался на крестьянскую.

Ни зимой, ни лѣтомъ не сокращалась его кипучая дѣятельность. Онъ былъ теперь на „узлѣ" четырехъ самыхъ бойкихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

II.

На базарѣ, около лавокъ, на накиданной по землѣ соломѣ, лежали цѣлыя груды арбузовъ, дубовокъ-дынь, яблочной бѣли и скороспѣлки. Никто не сторожилъ ихъ, некому на нихъ было зариться, цѣна имъ была здѣсь грошъ.

Во многихъ лавочкахъ торговцы отсутствовали; на порогѣ, по мѣстному обыкновенію, стоялъ спинкою къ выходу стулъ: это означало, что лавка закрыта. У одной изъ лавокъ, именно той, около которой груда арбузовъ и прочихъ фруктовъ была очень велика, прислонясь о косякъ двери, стоялъ молодой мѣстный мѣщанинъ Семенъ Косоглазовъ. Тутъ же, примостившись на связкѣ рогожъ, съ посошкомъ въ рукѣ, сидѣлъ худенькій, невысокій старичокъ съ вихрястою сѣдою бородкой и рѣдкими усами.

При разговорѣ усы его топорщились и тонкія старческія губы обнаруживали единственный оставшійся во рту желтый длинный зубъ, какъ-то смѣшно выглядывавшій оттуда.

Заспанное лицо Семена долго оставалось безучастнымъ, хотя старикъ не разъ пробовалъ разсмѣшить своего собесѣдника.

— И скажу я тебѣ, Семенъ Прохоровичъ, сколь смѣху апосля было! — продолжалъ разсказывать старикъ.—Только подумай: этакая туша, какъ Кузьма-то, нако-ся, полазай подъ бильярдомъ! И не разъ, не два, а всѣ двадцать разовъ пролѣзалъ...

— А Вильямъ Самуиловичъ такъ его и не помиловалъ?— спросилъ рыжеватый торговецъ.

Разсказчикъ усмѣхнулся.

— Помиловалъ! Ты что-ль Кузьму не знаешь? Гордыня-то какая! „Признавайся, говоритъ ему англичанинъ, что хуже меня играешь, и лазанью твоему—капутъ"...

— Что-жъ Кузьма-то?

— Куды тутъ! хрипитъ: „Врешь, я лучше!"

— И лѣзетъ?

— Ползетъ; теперь ужъ не въ моготу вѣдь при его комплекціи!

Оба собесѣдника громко засмѣялись.

— Знаешь чтò, Сеня,—перешелъ старикъ на дружескій тонъ, ободренный его смѣхомъ:—пойдемъ сейчасъ въ ресторацію. Они вѣдь на новую играть сбирались...

— На деньги?

— Нѣтъ, по прежнему: Вильямка на деньги не играетъ; пойдемъ, что-ли?

Мѣщанинъ колебался.

— Торговлишку свою оставить, что-ли, боишься? Кто въ такую печень покупать придетъ? Развѣ свинья забредетъ, да ихъ сосѣдскіе ребята отсюда выгонятъ! — засмѣялся снова старикъ.

Торговецъ молча вошелъ въ лавку, вынесъ оттуда столъ, загородилъ имъ порогъ и вмѣстѣ со старикомъ побрелъ по дорогѣ, поднимая сапогами пыль.

— Зачѣмъ Кузьма-то опять сюда явился?—спросилъ торговецъ.—Сказывали, что на дальній хуторъ въ степь уѣхалъ; а, Лукьянычъ?

Лукьянычъ сдвинулъ на лобъ картузъ, провелъ ладонью по затылку и, пристально взглянувъ въ лицо товарища, хитро прищурился.

— Два основанія на этотъ случай имѣются: перво-на-перво онъ англичану сорокъ штукъ свиней продалъ на рѣзку... Что за свинья, скажу я тебѣ, другъ любезный,—чистый быкъ! Пудовъ по шестнадцати въ каждой будетъ! Вильямъ не гляля купилъ: знаетъ, съ кѣмъ дѣло-то имѣетъ... А второе дѣло...—и Лукьянычъ опять хихикнулъ:—Зойка у насъ снова объявилась.

Повидимому это послѣднее извѣстіе произвело большое впечатлѣніе на мѣщанина; онъ сразу остановился, распахнулъ полы своего длиннаго казинетоваго сюртука, заложилъ руки за спину, широко открылъ глаза и уставилъ ихъ на старика.

— Вотъ такъ новость ты мнѣ преподнесъ; гдѣ же она остановилась?

— Не знаю; даве утромъ видали ее на вокзалѣ съ Иванъ Васильевичемъ, парикмахеромъ; чай, сказываютъ, пила...

— Коли такъ, Кузьма долго здѣсь пропутается! А жаль, Зойку и мнѣ хотѣлось бы повидать,—задумчиво проговорилъ торговецъ. — Наладь это дѣло, Лукьянычъ, будь другъ, трешницу тебѣ пропожертвую.

— А супруга ваша, господинъ Косоглазовъ, думаете, что меня за этакія дѣйствія по головкѣ погладитъ?

Семенъ махнулъ недовольно рукой.

— Чего ее-то тутъ путать!

— Что-жъ, померекаемъ,—отозвался Лукьянычъ.

Двухъ-этажное деревянное зданіе ресторацiи, со стеклянной галлереей, закрытой мелкими, точно парниковыми рамами, было уже видно. Солнце свѣтило прямо въ окна, стекла ярко блестѣли и слѣпили глаза. Косоглазовъ съ Лукьянычемъ вошли въ заведеніе.

III.

Стеклянная дверь на блокѣ жалобно взвизгнула и громко захлопнулась за вошедшими.

Внизу помѣщалась „черная половина“. Изъ закоптѣлой грязной комнаты несся смрадный запахъ человѣческаго пота, чего-то жаренаго на постномъ маслѣ, кислой капусты, сивухи и махорки. Громкая перебранка возчиковъ, нагрузчиковъ, рабочихъ долетала оттуда.

Мѣщанинъ со старикомъ поднялись по узенькой лѣстницѣ кверху. Стучали шарами.

— Слышь!—толкнулъ локтемъ Семена Лукьянычъ: — снова зачали, стражаются!

Въ небольшой бильярдной комнатѣ англичанина уже не было. Партнеръ его въ одной рубашкѣ сидѣлъ на стулѣ у открытаго окна и тяжело дышалъ, отирая потное лицо полотенцемъ, не переставая пить стаканъ за стаканомъ сельтерскую воду.

Большого роста, полный брюнетъ, посѣвщикъ Кузьма Макуринъ отдыхалъ. Густые волосы мелкими кудерьками вились у него на головѣ. Небольшая клинышкомъ бородка, черные живые глаза, изящно изогнувшіяся брови на высокомъ лбу, рѣзко очерченный ротъ дѣлали лицо его красивымъ.

Видимо чѣмъ-то разстроенный, онъ нервно барабанилъ пальцами по подоконнику и глядѣлъ въ окно на улицу, недовольно покачивая головой.

— Жалко,—процѣдилъ сквозь зубы Лукьянычъ:—кончили ужъ!

Косоглазовъ подошелъ къ сидящему и почтительно проговорилъ:

— Кузьмѣ Андреевичу наше почтеніе-съ!

Брюнетъ небрежно повернулъ голову, протянулъ руку мѣщанину и снова началъ смотрѣть въ окно.

Макуринъ былъ однимъ изъ крупныхъ посѣвщиковъ. Немало засѣивалъ онъ собственной земли, еще бралъ и въ аренду. Нагуливалъ скотъ въ степи; на одномъ изъ хуторовъ у него былъ небольшой винокуренный заводъ; здѣсь-то, на бардѣ, откармливалъ онъ своихъ чудовищныхъ свиней.

Кузьма Андреевичъ родился подъ счастливою звѣздою; ему все удавалось. Работать онъ умѣлъ и любилъ. Его не останавливали ни разстоянія, ни погода, ни время.

Откуда явился Макуринъ — никто не зналъ. Извѣстно было

только, что денегъ у него сначала почти не было и за первыя сто десятинъ посѣва онъ съ трудомъ уплатилъ задатокъ. Удача преслѣдовала Кузьму Андреевича: въ восемь лѣтъ онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

Недолго сидѣлъ онъ у окна. Замѣтивъ кого-то на улицѣ, Макуринъ поспѣшно надѣлъ чечунчовую поддевку, надвинулъ на голову такой же картузъ и бѣгомъ спустился по лѣстницѣ.

Играющій на бильярдѣ парикмахеръ насмѣшливо замѣтилъ:

— Ишь его носитъ; бѣлены что-ли объѣлся?

Косоглазовъ вспомнилъ о Зойкѣ и рѣшился спросить о ней у парикмахера.

— Какъ-же-съ, видать изволили сію принцессу, чаи китайскіе съ ней распивали; а вамъ ея мѣстопребываніе знать желательно, Семенъ Прохоровичъ? — нагло блестя бѣлками глазъ, отвѣтилъ тотъ и перегнулся спиною черезъ бортъ бильярда, чтобы ловчѣе ударить шаръ:—недалеко прошедшаго, близко будущаго!

Парикмахеръ самъ засмѣялся своей шуткѣ.

— Оставь его!—тихо проговорилъ Лукьянычъ:—видишь, надъ тобой издѣвается; пойдемъ отсель.

Но мѣщанинъ досадливо оттолкнулъ старика.

— Ты иди, а у меня тутъ есть дѣльце одно!

Лукьянычъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на пріятеля и вышелъ изъ бильярдной.

— Ну, будетъ; побаловался и довольно,—сказалъ Иванъ Васильичъ маркеру и положилъ кій на край бильярда.—А у меня и впрямь дѣльце настоящее до васъ имѣется, Семенъ Прохоровичъ,—обратился онъ къ мѣщанину.

Косоглазовъ вздрогнулъ.

— У моего тестя хуторокъ тутъ недалеко существуетъ, такъ велѣлъ онъ мнѣ васъ спросить, не возьмете ли вы у него лѣтній яблокъ и почемъ?

Неудовольствіе мѣщанина на брадобрея, при разговорѣ о дѣлѣ, пропало, и они стали оживленно торговаться. Маркеръ собиралъ въ угольникъ шары.

IV.

Лукьянычъ, выйдя изъ бильярдной, перешелъ въ сосѣднюю комнату.

Не смотря на томительно жаркую погоду, всюду за столиками сидѣли посѣтители, громкій разговоръ не прекращался. Вездѣ

на столахъ виднѣлись въ холщевыхъ мѣшечкахъ пробы зернового хлѣба; немало было просыпано его и на полу.

— Максимъ Ѳедотычъ, скажу тебѣ, какъ честный человѣкъ, бери эту партійку!—навязчиво говорилъ молодой худощавый блондинъ полному пожилому купцу.

Толстякъ не разъ съ досадой отмахивался отъ него рукою, но продавецъ не отходилъ.

— Ну, вотъ хочешь послѣднее мое слово слышать,—не унимался молодой:—плати по двадцати-семи копѣекъ и бери зерно, твое счастье!

Продавецъ протянулъ открытую ладонь, ожидая, что старикъ хлопнетъ по ней и сдѣлка состоится.

— Подождать маненько нужно. Богъ вѣсть какая еще цѣна въ портахъ на хлѣба установится.

— Несуразный ты человѣкъ, Максимъ Ѳедотычъ!—недовольно сказалъ продавецъ и отошелъ отъ него.

Въ другомъ углу комнаты торговались на скотъ. Нѣсколько разъ били по рукамъ, опять оспаривали, расходились, снова сходились...

— Тебѣ толкую же я, паря, что меньше тридцати-пяти пудовъ ни въ одной скотинѣ нѣтъ,—горячился прасолъ съ ярко-рыжей бородой,—экій невѣрный! Бери хоша каждаго быка подъ пахъ!

— Тебя тоже послушаешь, до завтраго не доживешь,—улыбался скупщикъ, круглый какъ шаръ, весь заплывшій жиромъ невысокій брюнетъ.

Снова захлопали ладони.

Въ третьемъ углу разговоръ шелъ о нынѣшнемъ урожаѣ зелени и арбузовъ въ особенности.

— Не мнѣ ужъ очки-то втирать,—внушительно говорилъ солидный городской мѣщанинъ, въ большихъ серебряныхъ очкахъ на горбатомъ носу и съ густыми сѣдыми бровями.—Когда ты еще тятьку съ мамкой называть не могъ, ужъ я баштаномъ руководствовалъ! Все доподлинно знаю и опять тебѣ, несмышленку, говорю: нынѣ арбузомъ весь рынокъ завалятъ и все еще его дѣвать будетъ некуда!

— А про яблокъ что скажешь, Миронъ Косценкинычъ?—робко спросилъ вихрястый мужиченко, мелкій скупщикъ по деревнямъ.

— То особь статья,—увѣренно произнесъ мѣщанинъ въ очкахъ;—рано таково объ этомъ судить, завтра только второй

Спасъ еще! Что будетъ къ Успенью: може утренничики холодкомъ пахнутъ...

— А наливъ-то каковъ нынѣ, ровно арбузъ, а не яблоко на деревѣ виситъ!—хвастливо вмѣшался кто-то изъ собесѣдниковъ.

— Про наливъ говорить нечего, благодать...

Приходъ Лукьяныча прервалъ разговоръ.

— Нижайшее почтеніе, Миронъ Константинычъ! — низко поклонившись, промолвилъ вошедшій.

— Э, кого я вижу, другъ любезный, душа на костыляхъ, Лукьянычъ! Помолодѣлъ ты, братъ, я вижу; ужъ не жениться ли опять надумалъ?—шутливо замѣтилъ городской мѣщанинъ.

— Куда тутъ, милостивецъ, старъ сталъ! Было времячко, цѣловали и насъ въ темячко, а теперь въ уста, да и то ради Христа.

Торговцы весело загоготали. Къ фруктовщикамъ подошли кое-кто изъ посѣвщиковъ, разговоръ сдѣлался общимъ. Въ комнатѣ трудно было дышать.

Парикмахеръ и Косоглазовъ вошли въ общую комнату.

— Нынче и я не промахъ,—вмѣшался въ разговоръ брадобрей:—десятинъ съ сорокъ засѣялъ около полустанка подсолнухомъ, хорошъ выходитъ, только помохъ не повредилъ бы.

— Побьетъ помохомъ, тебѣ ужъ не такое большое горе, живо бритвой да ножницами весь убытокъ наверстаешь, одинъ вѣдь ты на весь поселокъ!—пошутилъ кто-то.

Изъ открытаго окна донесся слабый свистъ еще далекаго поѣзда.

Парикмахеръ спохватился.

— Ишь время-то какъ идетъ, трехчасовой ужъ прибываетъ, нужно бѣжать на станцію.

Онъ стремительно бросился къ выходу.

— Ухо какому-нибудь пассажиру при поспѣшности не отхвати нечаянно, какъ стричь-то будешь!

— Тоже въ посѣвщики записался!

— Ну, братцы, и намъ чего тутъ толочься, — послышался голосъ;—поди, письма съ поѣздомъ придутъ, идемъ на станцію.

Комната замѣтно опустѣла. У столика противъ двери остался сидѣть Миронъ Константиновичъ съ Лукьянычемъ, сватавшимъ ему три вагона арбузовъ и дынь-дубовокъ.

Допивалъ свой чай и хлѣбникъ; навязчивый посѣвщикъ ушелъ на станцію.

V.

Такъ внезапно убѣжавшій изъ бильярдной Макуринъ быстрыми шагами направился по главной улицѣ поселка, ведущей прямо къ рѣкѣ. Впереди него, довольно далеко, шла молодая женщина въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ и розовомъ платочкѣ на русыхъ волосахъ. Зоркіе глаза посѣвщика замѣтили ее еще изъ рестораціи, онъ старался ее догнать.

Точно чувствуя, что ее догоняютъ, женщина обернулась назадъ и, замѣтивъ крупную фигуру Макурина, потупилась.

— Здравствуй, Зоинька, здравствуй, милая!—ласково сказалъ брюнетъ, запыхавшійся отъ скорой ходьбы;—что-жъ ты и здороваться со мной не желаешь?

— Здравствуйте, Кузьма Андреичъ, — мелодично протянула Зоя, и ея миловидное, съ крупными чертами, лицо все сразу залилось румянцемъ.

Одно мгновенье оба они стояли молча; встрѣча была неожиданная для Зои; да и посѣвщикъ растерялся.

— Спасибо, Зоюшка, добромъ отплатила ты мнѣ за всю мою къ тебѣ любовь, за ласку... убѣжала тихонько, точно воръ!—глухо проговорилъ Кузьма.—Неужто я заслужилъ это?

— Ой, милый, ой, голубчикъ, знаю, что виновата, въ ногахъ у тебя за мою продерзость валяться буду,—быстро отвѣчала Зоя, слова точно торопясь срывались съ ея губъ:—Вини, казни! Что-жъ я могу съ собой подѣлать? Кровь моя бродячая сказывается, тоскую, томлюся, мѣста не могу найти, точно птица рвусь на свободу...

— Плохо тебѣ развѣ у меня на хуторѣ было? Все, что твоя душенька ни пожелала, все бы я тебѣ доставилъ, все бы принесъ! Эхъ, Зоя, Зоинька, если знала бы ты да вѣдала, что̀ у меня тутъ-то дѣлается!

Посѣвщикъ тяжело ударилъ рукою себя по груди; въ голосѣ его звучала затаенная тоска, томленіе одиночества. Онъ прикрылъ широкой ладонью лицо и отвернулся отъ собесѣдницы.

— Кузьма Андреичъ, Кузя, милый мой!—участливо прошептала Зоя:—да ты никакъ и впрямь плачешь?

Она пыталась заглянуть ему въ глаза.

— Не плачь, голубчикъ, люди здѣсь увидятъ, тебя же осудятъ; пойдемъ къ рѣчкѣ...

Кузьма послушно пошелъ за нею.

Сирота Зоя съ малыхъ лѣтъ жила то въ одной, то въ другой семьѣ въ поселкѣ, работая и за няньку, и за стряпку, и за прачку. Денегъ никто за работу не платилъ дѣвочкѣ, но кормили, давали уголъ, кое-какое платьишко; такъ и жила Зоя до шестнадцати лѣтъ.

Лукьянычъ, приходившійся дѣвушкѣ двоюроднымъ дядей, просваталъ ее за молодого парня, подручнаго въ одной изъ базарныхъ лавокъ. Недолго побыла Зоя замужемъ; не прошло и года, ея Петруньку, какъ бобыля, взяли въ солдаты, а спустя еще два года пришло извѣстіе изъ полка, что Петръ отъ какой-то болѣзни померъ.

Осталась Зоя на девятнадцатомъ году вдовой солдаткой.

Вдовье дѣло, всякъ ее обидѣть можетъ. Пробовала она кое-какой торговлей заняться; куда тутъ—и пискнуть не дали, живо проторговала послѣдніе гроши. Снова пришлось за старую работу браться; тяжело, отвыкла служить... Легкое житье поманило, да и старикъ Лукьянычъ на это самъ ее натолкнулъ. Такъ бы и пропала совсѣмъ баба, но случай помогъ ей выпутаться изъ грязи.

Пріѣхалъ какъ-то въ поселокъ Макуринъ, увидѣлъ Зою, пожалѣлъ ее, взялъ къ себѣ на хуторъ и мало-по-малу такъ сильно привязался къ молодой женщинѣ, что обсоюзиться по закону ей даже предлагалъ. Наотрѣзъ отказалась отъ брака съ нимъ Зоя.

— Что ты тоже, Кузьма Андреичъ, надумалъ?—да никогда въ жизнь! Развѣ я тебѣ ровня, развѣ такую жену тебѣ нужно?!

Больше трехъ лѣтъ жила она у него на хуторѣ и неожиданно по веснѣ сбѣжала; никто и не зналъ, куда и почему... Долго убивался по ней посѣвщикъ, повсюду искать посылалъ, деньги обѣщалъ тому, кто скажетъ, гдѣ Зоя проживаетъ.

Какъ въ воду канула! Нигдѣ не могли ее найти.

Въ половинѣ іюля объявилась она въ поселкѣ. Немедленно оповѣстили объ этомъ Кузьму, но его не было въ ту пору на хуторѣ—уѣзжалъ въ Ростовъ по дѣламъ.

Вернувшись домой, онъ, не отдохнувъ даже, перемѣнилъ только лошадей, да на той же бричкѣ и примчался въ поселокъ. Два дня здѣсь все искалъ Зою, и вотъ случайно состоялась давно желанная для него встрѣча.

Молча спустились они къ рѣчкѣ и сѣли рядомъ на травяномъ скатѣ. Макуринъ больше не плакалъ. Онъ растерянно смотрѣлъ на молодую женщину, ожидая, что̀ она ему скажетъ.

VI.

Зоя, уставивъ глаза на другой берегъ рѣчки, задумалась и нервно теребила концы головного платка.

— Вотъ, пришли мы сюда съ вами, Кузьма Андреичъ, а говорить другъ съ другомъ недоумѣемъ о чемъ; словъ такихъ нѣтъ...

Макуринъ точно сразу проснулся отъ какой-то спячки. Рѣзкимъ движеніемъ вскочилъ онъ на ноги.

— О чемъ намъ съ тобой говорить, Зоинька? Много словъ у насъ съ тобой не досказано, много не договорено!

— Все у насъ давно сказано, все обмолвлено! — тихо, но рѣшительно отозвалась Зоя.

— Вернись ко мнѣ, милая, хорошая! — упавшимъ голосомъ проговорилъ Кузьма, точно сознавая, что она отвѣтитъ ему отказомъ.

Онъ не ошибся: Зоя отрицательно покачала головой. Макуринъ съ отчаяніемъ кинулся ничкомъ въ густую траву; картузъ свалился съ его головы, прыгая покатился по скату и упалъ въ воду.

Зоя опустилась къ рѣкѣ, достала его и, бережно стряхнувъ, положила рядомъ съ посѣвщикомъ. Повидимому и она крѣпилась, чтобъ не заплакать.

Зоя снова была около Кузьмы и стала гладить рукою его кудрявые волосы.

— Полно, Кузинька, не тоскуй! Не стою я того, чтобы такъ по мнѣ убиваться! — нѣжно проговорила она своимъ пѣвучимъ голосомъ.

Только женщины могутъ найти въ себѣ этотъ утѣшительный тонъ, эту затрагивающую сердце струну; даже у самой грубой, самой злой, и у той онъ отыщется въ нужную минуту.

Посѣвщикъ приподнялся и сѣлъ; лицо его было мокро отъ слезъ.

— Что ты со мной дѣлаешь, Зоя? Сердце все выворачиваешь у меня! — тоскливо прошепталъ Кузьма. — Кажется, вотъ взялъ бы прямо въ воду и кинулся, да еще выбралъ бы омутъ почернѣе, поглубже, чтобы всю тоску на самое дно избыть!

Молодая женщина видѣла, что ей нужно утѣшить Макурина, хотя бы подавъ ему ложную надежду, что когда-нибудь она все-таки къ нему вернется.

— Слушай меня, Кузьма Андреичъ, брось всю эту тоску, подожди—вернусь я къ тебѣ, дай только мнѣ свободу на время, дай мнѣ пожить такъ, какъ мнѣ хочется!

Лицо Зои, отъ сознанія сказанной ею лжи, все покрылось густою краскою; она знала, что никогда не вернется къ Макурину.

Посѣвщикъ вздрогнулъ, выпрямился, схватилъ собесѣдницу за обѣ руки и взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Правда, ты вернешься ко мнѣ, придешь, не обманешь, когда? — порывисто дыша, закидывалъ онъ вопросами женщину.

Зоѣ было стыдно смотрѣть на него, невольный обманъ тяготилъ ее; она старалась избѣжать взгляда Кузьмы и опустила глаза.

— Приду, сказала, что приду, — нерѣшительно шептали ея губы.

Платокъ отъ рѣзкаго движенія брюнета свалился съ ея головы; плохо закрѣпленные русые волосы пышными прядями разсыпались вокругъ лица.

— Когда?

— Когда? не знаю...—виновато отозвалась женщина.

— Эхъ! Коса-то твоя, Зоинька, косынька! — тяжело вздохнувъ, промолвилъ Кузьма и, схвативъ въ горсть широкую прядь волосъ, впился въ нее губами.

— Ну, полно, голубчикъ, побереги себя! — пыталась успокоить его Зоя, отнимая изъ его руки волосы.—Ты теперь своими дѣлами позаймись, мало ли ихъ у тебя; знаю я, какъ ты по уѣзду-то летаешь; чай, насмотрѣлась за три года...

И она снова замолчала, не желая вызывать его на воспоминанія.

— Хорошо тогда мнѣ жилось! — точно въ забытьи сказалъ Кузьма.

— Поработаешь, горе-то свое избудешь, меня вспоминать поменьше станешь,—дѣланно улыбнулась Зоя.

Посѣвщикъ снова не выдержалъ.

— Тебя-то забыть! ни въ вѣкъ, никогда!—прервалъ онъ ее громкимъ крикомъ.

— Вѣрю, знаю, что не позабудешь, ну... ну, тогда я къ тебѣ и приду!

Лицо Макурина озарилось радостной улыбкой; онъ по-дѣтски, беззавѣтно вѣрилъ этому существу, съ которымъ его такъ случайно столкнула судьба.

— Милая ты моя, хорошая, порхай вольной пташкой, коли

удержу тебѣ нѣтъ, но помни свое слово, вернись ко мнѣ, когда кровь твоя мятежная угомонится, когда тебя снова потянетъ туда, на нашъ тихій хуторъ; день и ночь буду тебя дожидаться.

Все красное отъ волненія лицо Зои дѣлалось блѣднѣе и блѣднѣе. Каждое слово посѣвщика точно ножемъ кололо ее въ сердце; ей было больно, совѣстно, тяжело обманывать человѣка, отдавшаго ей всецѣло свою душу.

Одно мгновеніе, подъ впечатлѣніемъ его словъ, она готова была сказать ему правду, что никогда, никогда не увидитъ онъ ее у себя въ домѣ! Но эта мысль такъ же быстро исчезла у молодой женщины, какъ и явилась. „Сказать ему правду—значитъ погубить его",—мелькнуло у нея въ мысляхъ; она удержалась и промолчала.

— Что-жъ, на прощанье обнимемся, Зоинька, поцѣлуй да покрѣпче...—неувѣренно сказалъ Макуринъ.

Вмѣсто отвѣта, Зоя бросилась къ нему на шею, горячо поцѣловала въ губы; затѣмъ, ласково оттолкнувъ, низко поклонилась ему и медленно пошла по вьющейся въ травѣ тропинкѣ къ вокзалу.

Растерянно смотрѣлъ ей вслѣдъ посѣвщикъ; какое-то непонятное чувство пустоты, тоски и жалости охватило его всего. Ему было въ эту минуту тяжелѣе, чѣмъ тогда, когда Зоя тихонько скрылась изъ его дома.

VII.

Къ станціи медленно подходилъ почтовый поѣздъ; началось обычное оживленіе. Изъ вагоновъ на платформу станціи высыпала масса пассажировъ.

Загорѣлся синій огонекъ газа подъ нѣсколько разъ въ день разогрѣваемыми кушаньями. Двое поваровъ, въ бѣлыхъ колпакахъ, едва успѣвали разливать и раскладывать по тарелкамъ, а суетливо бѣгавшіе лакеи — разносить проголодавшимся пассажирамъ.

Изъ открытой двери парикмахерской комнаты доносился металлическій лязгъ ножницъ.

За деревяннымъ барьеромъ въ одномъ углу залы телеграфистъ принималъ депеши; сидѣвшій сзади его товарищъ быстро выстукивалъ ихъ на клавишѣ. Гдѣ-то дальше громыхали тяжелыя телѣжки съ багажемъ. Около почтоваго отдѣленія выстроился длинный хвостъ обывателей поселка, явившихся за письмами.

Рѣзко прозвонилъ внутри вокзала небольшой колокольчикъ въ рукахъ сторожа; ему отозвался однимъ звонкимъ ударомъ колоколъ на платформѣ. Зашаркали стульями, заспѣшили обѣдавшіе пассажиры. Среди публики закраснѣла фуражка начальника станціи. Третій, нетерпѣливый призывъ колокола, рѣзкій свистъ машиниста, уханье паровоза — и поѣздъ плавно отправился дальше. На дебаркадерѣ остались только служащіе да мѣстные обыватели.

— Ну, теперь до шестичасового свободно, — замѣтилъ парикмахеръ, вышедшій тоже проводить поѣздъ;—чай что-ли или пиво пить будемъ?

— Что воду-то въ животѣ разводить, — отозвался Косоглазовъ, не отстававшій ни на минуту отъ брадобрея;—лучше пиво!

Пріятели усѣлись за одинъ изъ опустѣвшихъ столиковъ. Скоро къ нимъ подошли и другіе торговцы и посѣвщики.

Городской мѣщанинъ въ очкахъ, только-что получившій откуда-то телеграмму, заставившую его весело улыбнуться, съ невиннымъ видомъ началъ торговать у Семена Прохоровича два вагона дынь.

— Ты думаешь, что мнѣ въ нихъ нужда особо большая? Вотъ ни эстолько!—И онъ показалъ на полногтя.—А если покупаю, такъ просто хочу тебя выручить: чѣмъ у тебя валяться зря будутъ, да, чего Боже сохрани, еще загніютъ, думаю, какъ-нибудь въ городѣ разбазарю. Бери цѣну-то, вотъ и деньги сейчасъ на столъ; я не таковскій, какъ другіе, деньги всегда на лицо!

Немного поломавшись, скорѣе для прилика, Косоглазовъ продалъ дыни. Старикъ въ очкахъ еле могъ скрыть свое удовольствіе; не выходя изъ-за стола, написалъ условіе и отдалъ продавцу деньги.

— Только, дорогой, попрошу тебя, сегодня и погрузи; вагоновъ пока пустыхъ немало,—просилъ онъ торговца.

— Ладно, сейчасъ вагоны достану и ребятамъ вывозить велю,—довольный продажей, согласился Косоглазовъ.

— Обошелъ, поди, пріятеля,—подмигнувъ, замѣтилъ парикмахеръ.

Старикъ перемѣнился въ лицѣ.

— Пустая польза-то останется; може, только свою отыграю,— пробормоталъ онъ.

Въ залъ вошла Зоя. Появленіе ея заставило обернуться всю пирующую компанію; всѣ ее знали. Молодая женщина издали поманила къ себѣ парикмахера; онъ важно поднялся съ дивана и точно нехотя подошелъ къ ней.

— Какимъ бариномъ себя держитъ, точно не вѣсть кто!— сказалъ Миронъ Константиновичъ, недовольный на брадобрея за его замѣчаніе.

— Зазнался, какъ посѣвщикомъ сталъ! — усмѣхнулся худощавый посѣвщикъ, пристававшій въ ресторации къ купцу.

— Должно, сѣялъ онъ по болоту лебеду!

Присутствующіе засмѣялись.

VIII.

— Тебѣ что, Зойка?—небрежно спросилъ Иванъ Васильевичъ, засунувъ руки въ карманы чечунчоваго пиджака.

Зоя съ недоумѣніемъ посмотрѣла на парикмахера.

— Да ты... вы сами давеча сказывали мнѣ: „приходи послѣ поѣзда“...—нерѣшительно проговорила она.

— Сказывалъ, что-жъ изъ этого? Развѣ не видишь, что у насъ дѣло, люди со мной сидятъ почтенные, а ты меня отзываешь!

— Почтенные! Знаю я ихъ всѣхъ! Нашли тоже почтенныхъ!

— Все же лучше тебя! — съ злорадной усмѣшкой кинулъ женщинѣ парикмахеръ.

Зоя виновато опустила глаза; ей стало больно отъ словъ человѣка, котораго она считала самымъ близкимъ къ себѣ и любила.

— Когда же мнѣ къ вамъ придти?—еле слышно спросила она снова.

Парикмахеръ презрительно посвистѣлъ, поглаживая бѣлокурые усики.

— Какъ-нибудь забѣги въ концѣ недѣли, теперь мнѣ некогда съ тобой толковать,—процѣдилъ онъ сквозь зубы и пошелъ къ ожидавшимъ его пріятелямъ.

— Ну, что, перетолковалъ съ красоткой?—спросилъ мѣщанинъ.

— Пристала ко мнѣ эта баба, надоѣла страшно!—сказалъ парикмахеръ, и на блѣдномъ нахальномъ лицѣ его проскользнула довольная улыбка побѣдителя.

— Что-то больно скоро: кажись, и недѣли нѣтъ, какъ она здѣсь объявилась?—замѣтилъ посѣвщикъ.

Миронъ Константиновичъ посмотрѣлъ на брадобрея поверхъ очковъ и пошутилъ:

— Теперь ему все ни почемъ, одно слово—капиталистъ...

Разговоръ перешелъ на другое; о Зоѣ забыли.

Молодая женщина немного постояла на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставилъ парикмахеръ, точно ожидая, что онъ ее позоветъ, и пошла обратно къ выходу на платформу.

Тяжело опустившись на скамейку, она тихо заплакала; ей было больно, что любимый человѣкъ такъ грубо съ нею обошелся. Никогда за все время своего пребыванія на хуторѣ у Макурина она не видѣла подобнаго обращенія съ нею.

На опустѣвшемъ дебаркадерѣ никого не было видно. Солнце горячими лучами заливало асфальтовый полъ, превращая его въ мягкую массу. Двѣ ровныя полоски рельсъ бѣжали въ даль, пропадая на крутомъ поворотѣ.

Зоя разсѣянно взглянула на нихъ и вздрогнула: въ головѣ у нея промелькнула мысль о самоубійствѣ. Обида, нанесенная ей парикмахеромъ, была еще очень свѣжа; оскорбленное чувство искало выхода. Молодая женщина поднялась со скамейки и пошла вдоль перрона. Торговавшій въ будочкѣ фруктами армянинъ пытливо посмотрѣлъ на нее, блеснулъ глазами и прищелкнулъ пальцами.

Зоя не спѣша спустилась на рельсы и оглядѣлась. Нигдѣ не видно было ни паровоза, ни поѣзда; только у депо, на поворотномъ кругу стоялъ дежурный локомотивъ, еле слышно попыхивая пароотводной трубкою. Около него суетился замазанный кочегаръ, смазывая изъ маленькой лейки съ длиннымъ носкомъ подшипники. Чисто вытертыя мѣдныя части паровоза еще издалека блестѣли на солнцѣ.

Зоя направилась къ паровозу.

— Скоро поѣдете, Максимъ Фирсычъ?—спросила она старика машиниста, сидѣвшаго на полѣнѣ около топки.

Она служила у него когда-то въ нянькахъ.

— А, это ты, непосѣда? — ласково отозвался старикъ: — ѣхать куда что-ль надумала? Не, не скоро еще, съ седьмымъ номеромъ только пойдемъ, въ шесть часовъ.

Зоя печально потупилась; замыселъ ея о самоубійствѣ приходилось отложить.

— Да ты чего носъ-то повѣсила?—снова спросилъ ее машинистъ; аль неможется, что-ли?

Она отрицательно мотнула головой и пошла по линіи дальше. Желѣзнодорожныя строенія длинными рядами тянулись вдоль пути. Зоя рвалась поскорѣе выбраться въ открытую степь, но, пройдя водокачалку, встрѣтилась съ Лукьянычемъ.

— Ты это куда, Зоя? — спросилъ изумленный старикъ: — Чего ревѣла-то, глаза даже вспухли; сказывай, въ чемъ дѣло-то?

Точно обрадованная возможностью подѣлиться съ кѣмъ-нибудь горемъ, молодая женщина порывистымъ отъ волненія голосомъ, не переставая плакать, разсказала Лукьянычу, какъ поступилъ съ ней парикмахеръ.

— Ишь, глупая, чего ревѣть-то! Невидаль какая брадобрей-то твой; пренебреги, вотъ и вся недолга! Слушай теперь, что я тебѣ-то скажу.

И старикъ, понизивъ голосъ, началъ говорить.

IX.

Лукьянычъ отправился на товарную станцію. Грузки сегодня было мало; новые хлѣба еще только начали убирать съ поля, старыхъ не отправляли, выжидая выясненія портовыхъ цѣнъ. На сортировочномъ пунктѣ стояли длинные ряды груженныхъ вагоновъ; сортировщики, осматривая сдѣланныя на нихъ мѣломъ помѣтки, быстро отцѣпляли ихъ, приготовляя въ составъ другихъ поѣздовъ. Недолго постоялъ тутъ, опершись на свой посошокъ, старикъ и пошелъ дальше.

На выходѣ въ степь расположилось обширное, но довольно низкое зданіе скотобойни, устроенной здѣсь иностранной компаніей для рѣзки скота, согласно требованіямъ и условіямъ заграничныхъ рынковъ.

Около широко открытой двери стоялъ, прислонясь къ косяку, сухощавый, высокаго роста блондинъ, скорѣе свѣтло-рыжій, лѣтъ тридцати-пяти, съ чисто англо-саксонскимъ типомъ лица. Корректно одѣтый въ костюмъ изъ бѣлой съ синими полосками фланели, въ такой же спортивной фуражкѣ, съ василькомъ въ петлицѣ, мистеръ Ашвилль казался гораздо моложе своихъ лѣтъ: ему въ дѣйствительности было около пятидесяти. Онъ былъ спеціалистъ по убою скота и знатокъ рѣзки тушъ по способу, принятому въ Англіи. Правленіе компаніи выписало его изъ Лондона и, назначивъ крупное содержаніе, поручило ему завѣдывать этой скотобойней.

Мистеръ Ашвилль убивалъ почти весь купленный скотъ самъ лично; только мелочь, въ родѣ барановъ, молодыхъ свиней, поручалъ помощникамъ. Онъ же самъ завѣдывалъ и всей закупкой скота.

Въ настоящую минуту англичанинъ наблюдалъ за выгрузкою изъ вагона свиней, купленныхъ имъ у Макурина.

Вагонъ стоялъ на особой вѣткѣ у самаго зданія бойни; откормленныя животныя, радуясь свободѣ, спускались изъ вагона по широкимъ, огороженнымъ по сторонамъ досками, сходнямъ. Сходни гнулись подъ ихъ тяжестью и подозрительно трещали, что вызвало довольную улыбку на лицѣ знатока англичанина.

— Послѣдняя! — крикнулъ изъ вагона рабочій, выгоняя оттуда грузное животное.

Сходни сняли; вагонная дверь, поскрипывая колесиками, тяжело захлопнулась; закрылись и двери бойни.

Англичанинъ замѣтилъ любовавшагося на свиней Лукьяныча и подозвалъ его къ себѣ.

— Хорошъ свинъ?—улыбаясь, спросилъ онъ старика.

— Лучше и быть не могутъ; не свиньи, а прямо быки маломѣрки.

— Пойдемъ, Лукьянычъ, я буду сейчасъ убить ихъ! — спокойно замѣтилъ Ашвилль и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ зданіе бойни.

Свиньи безпорядочной кучей столпились въ особомъ загонѣ и сердито похрюкивали, замѣчая, что вмѣсто ожидаемой свободы онѣ снова заперты.

Ашвилль подошелъ къ шкафу, отперъ его патентованнымъ ключемъ, снялъ съ себя пиджакъ, жилетъ, воротничокъ и рукавчики, вмѣсто которыхъ надѣлъ на себя длинный фартукъ изъ толстаго брезента, закрывшаго его съ ногъ до горла, застегнулъ длинные по локоть нарукавники и перемѣнилъ фуражку на круглую полотняную шапочку. Оттуда же, изъ шкафа онъ досталъ продолговатый кожаный футляръ; внутри его на зеленомъ плюшѣ блеснуло стальное лезвее длиннаго стилета. Англичанинъ попробовалъ о палецъ самое остріе и махнулъ головой помощникамъ.

Двое дюжихъ крѣпышей выволокли за ногу черезъ отверстіе загона одну изъ свиней и, втащивъ въ слѣдующее отдѣленіе, привязали ее за шею къ кольцу, ввинченному въ каменный полъ.

— Готово, Вильямъ Самуйловичъ! — крикнулъ одинъ изъ нихъ Ашвиллю.

Со спокойной улыбкой подошелъ рѣзакъ къ рвавшемуся животному и далъ знакъ помощникамъ. Они схватили свинью за уши, а англичанинъ мѣткимъ ударомъ погрузилъ свой убійственный инструментъ въ ея затылокъ и быстро вытянулъ обратно. Глухо хлюпнуло, точно упалъ камень въ грязь, что-то булькнуло.

Животное свалилось на полъ, словно сраженное молніей, кровь фонтаномъ брызнула изъ раны; Ашвилль отскочилъ въ сторону, чтобы не запачкаться.

Двое другихъ работниковъ перерѣзали горло убитому животному и подняли за заднія ноги на крюкъ. Кровь лилась изъ разрѣза рѣкою, стекая по асфальту прямо въ особый резервуаръ.

Въ слѣдующемъ отдѣленіи рѣзакъ за это время прикончилъ другую.

Меньше чѣмъ въ часъ вся партія висѣла въ бойнѣ въ видѣ освѣжеванныхъ тушъ. Работники подметали загоны; пахло свѣжей кровью...

Лукьянычъ, не привыкшій къ подобному зрѣлищу, стоялъ блѣдный, какъ полотно; у него тряслись ноги. Ашвилль аккуратно вытеръ тряпкою стилетъ, положилъ его обратно въ футляръ, вымылъ лицо и руки и спокойно началъ переодѣваться. Минуту спустя никто не призналъ бы въ этомъ изящномъ джентльменѣ съ большими голубыми глазами, съ холеными мягкими бакенбардами, человѣка, такъ хладнокровно лишившаго жизни двадцать животныхъ.

— Карошъ работъ, Лукьянычъ, чисто рѣзалъ?—увѣреннымъ тономъ спросилъ онъ старика, снова вдѣвая цвѣтокъ въ петлицу.

— Ловко дѣйствуешь, Вильямъ Самуйлычъ, ни одна не пискнула.

— Весь партій можно было кончить, но половинъ на другой вагонъ, придетъ потомъ.

— И этотъ подали, Вильямъ Самуйлычъ, — сказалъ одинъ изъ работниковъ.

Англичанинъ сдѣлалъ недовольное движеніе головой.

— Зачѣмъ такъ поздно? Я сегодня не хочу больше работать, до завтра...

— Завтра большой праздникъ, третій Спасъ, негоже скотину бить...—замѣтилъ Лукьянычъ.

— Ну, такъ послѣ завтра,—рѣшилъ рѣзакъ;—загони ихъ въ загонъ, отвори наверхъ окно, чтобъ не жарко было.

Боковыя стѣны бойни были гораздо ниже ея и касались крышею земли; окна были большія и хорошо вентилировали загоны.

— Борововъ штукъ восемь между ними имѣется, — снова замѣтилъ тотъ же работникъ.

Англичанинъ не обратилъ на его слова вниманія и сказалъ старику:

— Пойдемъ ко мнѣ домъ, Лукьянычъ, пивъ пить будемъ... хорошъ англиски пивъ.

— Расчудесное дѣло задумалъ ты, Вильямъ Самуйлычъ, изволь, съ пребольшимъ удовольствіемъ.

Они вышли изъ бойни. На вѣткѣ стоялъ уже новый вагонъ со свиньями; рабочіе устраивали сходни.

X.

Ашвилль жилъ въ небольшомъ домикѣ, недалеко отъ бойни.

— Завтра праздникъ, Вильямъ Самуйлычъ, — робко замѣтилъ кто-то изъ рабочихъ,—погулять хотѣлось бы...

Англичанинъ снисходительно улыбнулся.

— У русской все праздникъ! Ступай, гуляй, на другой день будь здоровъ, головъ не болитъ, работать иди надо!

Рабочіе весело заволновались—на завтра ихъ освободили отъ работы.

Рѣзакъ былъ вдовецъ; на родинѣ, въ Англіи, у него остались двѣ замужнія дочери и сынъ, служившій во флотѣ. Здѣсь Ашвилль жилъ одинъ; обѣдъ готовила ему старуха-прислуга. Около шести лѣтъ управлялъ онъ бойнею, и за это время перезнакомился чуть ли не со всѣми въ поселкѣ; онъ частенько посѣщалъ ресторацію, гдѣ любилъ играть на бильярдѣ. Не осталась ему неизвѣстною и исторія Зои. Молодая женщина нравилась старому вдовцу; онъ съ удовольствіемъ узналъ объ ея уходѣ отъ Макурина. Ашвилль усадилъ гостя въ небольшой столовой, принесъ двѣ бутылки портера, который доставляли ему прямо изъ Англіи, налилъ два стакана и закурилъ свою неизбѣжную ріре.

— Пей, Лукьянычъ, это не русскій; карошъ.

Старикъ быстро высосалъ цѣлый стаканъ.

— Горьковатъ больно, а хорошъ, густъ и крѣпокъ, — одобрилъ онъ портеръ.

— Пей еще,—угощалъ англичанинъ, осушая свой стаканъ.

— Ой, не будетъ ли, что-то въ голову ударило...

Но хозяинъ принесъ еще двѣ бутылки. Лукьянычъ скоро охмѣлѣлъ.

Ашвилль искоса на него поглядывалъ, не зная, какъ начать разговоръ, и гладилъ рукою длинныя, мягкія бакенбарды...

— Лукьянычъ, сдѣлай мнѣ одно дѣло... денегъ дамъ...

Старикъ, услышавъ про деньги, насторожился.

— Я больше не молодой, но я здоровъ, много здоровъ, — и, наклонившись къ самому уху собесѣдника, точно совѣстясь своихъ словъ, рѣзакъ что-то тихо сказалъ ему.

Лукавое выраженіе появилось на лицѣ Лукьяныча, маленькіе глазки его еще больше съузились, губы скривились въ улыбку, и желтый клыкъ выглянулъ наружу.

— Изволь, Вильямъ Самуйлычъ, оборудую для тебя это дѣльце; для милаго дружка и сережка изъ ушка, похлопочу.

Англичанинъ весело подмигнулъ собесѣднику, досталъ изъ бумажника пятирублевую бумажку и отдалъ ее ему.

— Вотъ за это спасибо, умѣешь людей цѣнить. Жди, я все слажу, приведу. А теперь пока прощенія просимъ.

Лукьянычъ, пошатываясь, ушелъ, а Ашвилль остался допивать портеръ и мечтать.

Возвращаясь съ бойни въ поселокъ, старикъ встрѣтилъ Зою у водокачалки.

При первыхъ словахъ дяди, молодая женщина сдѣлалась пунцовою и сердито сдвинула брови. Лукьянычъ гаденько хихикнулъ.

— Ишь какая королевна-недотрога выискалась! Диви бы впервые.

Онъ началъ уговаривать Зою, не обращая вниманія на ея сердитые взгляды и рѣзкія слова.

— Слушай, глупая, я побольше тебя на свѣтѣ-то прожилъ: не сама ли ты мнѣ сейчасъ, вотъ на этомъ мѣстѣ, разсказала, какъ тебя разобидѣлъ Ванюшка цирульникъ. Жизни лишиться изъ-за этого даже хотѣла. Пойми, съ англичаниномъ заживешь барыней; онъ человѣкъ богатый, тебя любитъ, все по тебѣ сдѣлаетъ—насмѣешься тогда ты надъ Ванькой-то. Вотъ какъ вздохнетъ онъ только, да не разъ пожалѣетъ, каку красу отъ себя оттолкнулъ!

Хитрыя рѣчи старикашки возымѣли свое дѣйствіе. Молодая женщина не прочь была хоть чѣмъ-нибудь отмстить брадобрею.

— Ну, такъ что же, — продолжалъ Лукьянычъ, замѣчая ея колебанія:—рѣшайся, чего тутъ думать, лучше ничего не выдумаешь.

Зоя нервно потянулась, неестественно засмѣялась и протянула старику руку.

— Давно бы такъ!—чуть не вскрикнулъ отъ радости Лукьянычъ. — Спасибо потомъ не разъ мнѣ скажешь!

XI.

Прошелъ шестичасовой поѣздъ; кончилась всенощная въ большомъ залѣ станціи; уѣхалъ старичокъ священникъ въ ближнее

село, откуда онъ пріѣзжалъ; разошлись молящіеся. Вокзалъ опустѣлъ до девятичасового поѣзда, чтобы затѣмъ вплоть до четырехъ часовъ утра встрѣчать другіе поѣзда. Группа торговцевъ и прасоловъ снова покружилась по вокзалу и разошлась; кое-кто пошелъ домой, кто — въ ресторацію. Въ станціонномъ буфетѣ остался сидѣть только Макуринъ, явившійся сюда до шести часовъ и не перестававшій пить вино и пиво. Онъ пытался заглушить алкоголемъ свою тоску, разсѣяться, но это ему не удавалось; сердце по прежнему ныло, онъ не зналъ, куда ему дѣться. Вслѣдъ за свѣтиломъ, ушедшимъ на покой, сразу наступила темнота: сумерекъ почти незамѣтно на югѣ.

Въ вокзалѣ зажгли газовые фонари, отчего снаружи стало еще темнѣе. Тьма окутала густою пеленою всѣ окрестности; съ нею вмѣстѣ воцарилась чуткая тишина, прерываемая нестройнымъ гуломъ, несущимся изъ ярко освѣщенной ресторацiи. Въ поселкѣ кое-гдѣ затеплились огоньки; еле-еле виднѣлись, скорѣе чувствовались проемы улицъ. Базаръ дышалъ ароматомъ спѣлыхъ дынь, совсѣмъ заглушавшимъ слабый запахъ яблокъ.

Сердито тявкала гдѣ-то собака, и лай ея звонко отзывался въ высокихъ берегахъ рѣчки.

Далеко за полночь просидѣлъ въ буфетѣ посѣвщикъ. Мимо его промелькнуло немало различныхъ лицъ; поѣзда приходили, останавливались и снова мчались дальше, толпа прибывала и снова исчезала изъ залы; надъ ухомъ посѣвщика надоѣдливо звенѣли звонки, свисталъ паровозъ, а онъ по прежнему сидѣлъ на диванѣ у столика, безсмысленно глядя на пеструю толпу и продолжая пить.

— Кузьма Андреичъ, не пора ли и вамъ на покой?—участливо замѣтилъ Макурину буфетчикъ:—время позднее.

Посѣвщикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, плохо понимая, что ему говорятъ. Буфетчикъ повторилъ вопросъ; на этотъ разъ Макуринъ его понялъ.

— Правда, мнѣ пора, — заплетающимся языкомъ произнесъ онъ и съ трудомъ поднялся съ дивана; его шатало изъ стороны въ сторону.

— Сейчасъ васъ проводятъ, Кузьма Андреичъ.

Но посѣвщикъ, со свойственнымъ всѣмъ пьянымъ упрямствомъ, отказался отъ проводника и, грузно шлепая сапогами по асфальтовому полу, пошелъ вдоль платформы.

Буфетчикъ махнулъ рукой.

— Какъ бы подъ поѣздъ не попалъ еще!

Но пьяный благополучно прошелъ по линіи до водокачки и

выбрался въ степь. Небо было закрыто тучами. Ночь не принесла прохлады; было томительно душно, точно передъ грозой. Стрекотанье кузнечиковъ неслось отовсюду. Степь темнымъ безформеннымъ ковромъ лежала передъ Макуринымъ; изъ темноты яркимъ зловѣщимъ краснымъ глазомъ глядѣлъ фонарь семафора.

Посѣвщику было и хорошо, и жутко. Пройдя еще немного дальше, онъ наконецъ свалился въ высокую мягкую траву и сейчасъ же заснулъ....

Онъ проспалъ бы спокойно до утра, если бы свѣтъ, ударившій прямо въ глаза, не разбудилъ его. Макуринъ проснулся и недовольно открылъ глаза. Противъ него была отворенная дверь; свѣтъ шелъ отъ лампы, которую держалъ въ рукахъ его пріятель Ашвилль.

Макуринъ хотѣлъ было подняться, какъ вдругъ, чѣмъ-то пораженный, быстро откинулся назадъ.

Онъ замѣтилъ знакомое ему зеленое платье и розовый платокъ... Передъ нимъ стояла Зоя, которую нѣжно обнималъ англичанинъ.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Вотъ актеровъ странныхъ таборъ.
На подмосткахъ Danse macabre
Начала подъ ксилофонъ
Смерть, танцуя, танецъ чадный.
И вертепъ до зрѣлищъ жадный
Вмигъ толпою окруженъ.

„Я пришла, худая гостья лихолѣтья,
Въ городъ праздновать безумья перемѣнъ.
Я пришла. И буду танцовать и пѣть я:
Не спасетесь, не спасетесь
Въ толщахъ стѣнъ!

„Встану возлѣ трехъ дорогъ, на перекресткѣ,
И теченье отравлю воздушныхъ струй.
Встрѣтитъ каждый: конный, пѣшій и въ повозкѣ,
Встрѣтитъ каждый мой зловѣщій
Поцѣлуй.

„Недовѣрьемъ, смѣхомъ радости иль гнѣва
Станутъ люди провожать мой каждый шагъ.
Монотонный, похоронный звукъ напѣва
Звонъ печальный распугаетъ
Всѣхъ гулякъ.

„Въ узкихъ улицахъ, на площадяхъ, въ предмѣстьяхъ
Буду черный обнимать бездомный людъ.
Вдругъ надъ городомъ безумной встану местью,
Появляясь, появляясь,
Гдѣ не ждутъ.

„Загорится блескъ костровъ на алебардахъ,
Не помогутъ заклинанья и огонь!
Мертвецы въ домахъ, на улицахъ, въ мансардахъ...
Я устала, я устала
От погонь.

„Но расту, ношусь, ношусь въ звенящей пляскѣ.
Въ домъ стучусь. Вхожу. Цѣлую чрезъ порогъ.
Хрипы, стоны, тѣлъ извивы, муки-ласки...
Веселюсь я — городъ мертвыхъ
Мой чертогъ!"

Влад. Княжнинъ.

ПЕРВАЯ СМѢНА

I.

Раннее утро. Грязная извозчичья пролетка мучительно трясетъ Виктора Павловича Плавцева по жесткимъ волнамъ булыжной мостовой. Плавцевъ—студентъ-медикъ; онъ ѣдетъ на лѣтнюю практику въ больницу Н—ской мануфактуры. Спящая улица захолустнаго губернскаго города осталась позади. Подъ золотыми стрѣлами яркаго солнца, переливая всѣмъ богатствомъ перламутра, ползла отравленная зловонными красками фабрики узенькая лента запруженной рѣчки. За дряблымъ мостомъ начиналась фабричная слободка. Участились разноцвѣтныя вывѣски: „Пиво и медъ", „Чайное и закусочное заведеніе". Противно ноетъ гармоника, слышится замысловато-пьяная брань. Истомленные люди съ заспанными сѣрыми лицами куда-то озабоченно торопятся. У Плавцева нервно-боязливо захолодало сердце, когда пролетка остановилась передъ приземистыми, въ русскомъ стилѣ, воротами. „Товарищество Н—ской мануфактуры"—изгибалась надъ ними вывѣска, горящая золотомъ буквъ и громаднаго государственнаго герба. По воздуху плылъ мягкій неумолчный шумъ. Ворота беззвучно отворились, и передъ Плавцевымъ надменно выступило громадное, пятиэтажное зданіе, внимательно глянувшее на пришельца сотнями полуоткрытыхъ оконъ. Тамъ внутри что-то жило, какой-то звѣрь, укрощенный злыми тенетами, съ неудержимой силой рвался на свободу.

— Это нашъ главный корпусъ, огромадный, первый на всю Россію, въ Англіи такого нѣтъ,—сказалъ самодовольно извозчикъ.

Но вотъ и больница: длинное, сѣрое зданіе. Въ окнахъ любопытно шевелятся опущенныя занавѣски.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда. Здравствуйте, дорогой вы мой!—слышитъ Плавцевъ веселый голосъ своего милѣйшаго знакомаго, Евгенія Константиновича Коломина, старшаго фабричнаго врача. Крѣпкія дружескія рукопожатія и невольно внимательные быстрые взгляды. Забравъ свой багажъ—тощій чемоданъ и увѣсистую связку съ лекціями,—Плавцевъ послѣдовалъ за Коломинымъ. Они прошли тѣнистымъ садомъ. Уютный двухъ-этажный особнякъ. Коломинъ рѣзко позвонилъ. Дверь отворила коренастая баба съ непривѣтливымъ лицомъ.

— Викторъ Павловичъ, займитесь туалетомъ, а ты, старая, живо на столъ что̀ есть тащи!—скомандовалъ Коломинъ.

Плавцевъ съ наслажденіемъ умылся, провелъ гребешкомъ по упрямымъ волнамъ густыхъ волосъ и раза три невольно глянулъ въ зеркало на свое молодое, красивое лицо. Въ столовой привѣтливо кипѣлъ самоваръ.

— Какъ жаль, что я не могу предложить вамъ у себя поселиться! Знаете, семейный человѣкъ себѣ не принадлежитъ; завтра возвращается моя жена: она—въ послѣднемъ градусѣ интереснаго положенія. Вы, однако, голубчикъ, не смущайтесь, я васъ устрою у доктора Бердягина, а то еще лучше—въ граверной спальнѣ,—сказалъ Коломинъ, и въ тонѣ его голоса прозвучало что-то недоговоренное. Онъ смотрѣлъ куда-то въ сторону, точно боялся, что правдивый взглядъ его добрыхъ глазъ выдастъ неоткровенность сказаннаго. Плавцевъ внимательно уставился на него.—„Тутъ есть что-то серьезное, разъ онъ меня выпроваживаетъ“, — подумалъ Плавцевъ, дружелюбно глядя на измученное, нервное лицо Коломина. Разговоръ завязался. Коломинъ распрашивалъ Плавцева о Москвѣ, о послѣднихъ университетскихъ событіяхъ.

— Баринъ, Евгеній Константиновичъ, пожалуйте въ больницу. Тамъ слесаря безъ руки привезли, — послышался подъ окномъ голосъ сидѣлки.

— Ну-съ, я пошелъ. Отдохните здѣсь хорошенько. Въ кабинетѣ у меня новые журналы, книги кое-какія интересныя найдутся,—заторопился Коломинъ.

Плавцевъ прошелъ въ кабинетъ и съ наслажденіемъ вытянулся на диванѣ. Холодная кожа дивана пріятно освѣжила его разбитое долгой дорогой тѣло. Онъ взялъ послѣдній номеръ „Русскаго Богатства“ и усталымъ взоромъ сталъ пробѣгать одно изъ обозрѣній. Въ открытое окно тепло дышалъ легкій вѣтерокъ; деревья, шумя ропщущими листьями, шептали что-то непонятное, но ласковое и хорошее. Усталые глаза слипались и

мысль упорно бѣжала отъ темныхъ строчекъ. Плавцевъ отложилъ книгу въ сторону. Когда онъ проснулся, вечернее солнце красноватыми пятнами скользило по комнатѣ. На креслѣ, углубившись въ газету, сидѣлъ Коломинъ.

— Выспались? — спросилъ онъ съ доброй улыбкой, смотря на заспанное лицо Плавцева.—Сонъ у васъ завидный: у меня пять человѣкъ было, галдѣли, спорили, чортъ знаетъ какъ себя вели, а на вашъ ангельскій сонъ это не произвело никакого впечатлѣнія. Ну, идемте обѣдать, или, вѣрнѣе, ужинать, заглавіе не важно. Потомъ пойдемъ въ гости къ коллегѣ Пріютину. Вотъ увидите человѣка сильнаго духомъ.

Когда они вышли, уже надвинулся мечтательный вечеръ.

— „Спальня мужская № 14", „Дѣвичья спальня № 7",— прочиталъ Плавцевъ на бѣлыхъ вывѣскахъ, надъ подъѣздами громадныхъ четырехъ-этажныхъ зданій. Плавцеву казалось, что эти каменные гиганты, такіе симметричные, такіе холодные, давятъ сердце и не даютъ мысли быть счастливой и вольной. Изъ открытыхъ оконъ дѣвичьей спальни слышалось веселое хоровое пѣніе. „Скажи Петькѣ Барану, что я ему бока разглажу!" —гнѣвно выкрикивалъ передъ открытымъ окномъ какой-то парень, очевидно не особенно счастливый фабричный ловеласъ. У спаленъ играли въ городки, въ чехарду; кто-то на гармоникѣ съ вдохновеніемъ наигрывалъ веселую польку. Миновавъ длинный корридоръ угрюмыхъ каменныхъ зданій, они вышли на большую круглую площадь.

— Вонъ тамъ нашъ властелинъ обитаетъ, — сказалъ Коломинъ, показывая Плавцеву на прелестный домикъ, кокетливо выглядывавшій на фонѣ сочной зелени сада. Нѣжные отблески вечерняго неба, проникая своими красками между листьями деревьевъ, сверкали мимолетными бликами въ оконныхъ стеклахъ дома. Вотъ у самой почти фабричной стѣны нѣсколько сѣрыхъ, уютныхъ домиковъ. Коломинъ и Плавцевъ подошли къ одному изъ нихъ и по скрипучей лѣстницѣ поднялись во второй этажъ. Дверь была отворена. Въ большой комнатѣ въ сизыхъ лѣтнихъ потемкахъ слышались голоса. Удушливо пахло геранью. Оживленный разговоръ на минуту опасливо-быстро замолкъ.

— Родной братъ покойнаго Бориса Плавцева,—представилъ Коломинъ Виктора Павловича.

По дружескимъ рукопожатіямъ Плавцевъ понялъ, что имя брата—хорошая для него рекомендація. Новыхъ знакомыхъ было пятеро: высокій, мощный блондинъ съ твердымъ взглядомъ смѣлыхъ глазъ, два невзрачныхъ господина въ очкахъ и въ синихъ

рабочихъ блузахъ, маленькій, застѣнчивый студентъ-техникъ и красивая, видная дѣвушка съ ясными сѣрыми глазами. Высокій блондинъ былъ докторъ Пріютинъ, безцвѣтные Аяксы — братья Бердягины, фабричный санитарный врачъ и инженеръ; скромнаго студента фабрика звала Коленька Пай. Волоокая красавица Вѣра Дмитріевна Редутова была учительницей въ фабричной школѣ.

— О чемъ шелъ жаркій споръ?—спросилъ Коломинъ.

— Вѣчный споръ моего брата съ Михаиломъ Андреевичемъ,—недовольно пожалъ плечами инженеръ Бердягинъ.

Коломинъ засмѣялся.

— Надо вамъ сказать, Викторъ Павловичъ, что Пріютинъ, который вотъ тамъ въ уголку прячется,—Коломинъ кивнулъ въ сторону виднаго блондина—пишетъ сочиненіе неизвѣстно только изъ какой научной области, гдѣ не безъ талантливости доказываетъ, что все зло въ Россіи заключается въ томъ, что испанки съ кастаньетами не выходятъ замужъ за россійскихъ мужичковъ.

По лицу Пріютина пробѣжала легкая тѣнь досады.

— Не балагань, Евгеній. Я знаю, что ты боишься за свои неподвижно-сѣренькія надежды,—спокойно строго замѣтилъ Пріютинъ.

Дверь тихонько отворилась, и босоногая дѣвчонка внесла весело кипящій самоваръ. Въ комнатѣ сразу стало уютнѣе и тѣснѣе.

— Вѣра Дмитріевна, распорядитесь по хозяйству, — обратился къ учительницѣ Пріютинъ. Редутова неумѣло загремѣла стаканами.

Нéхотя, повинуясь сердцу, которое вѣчно понукаетъ человѣка думать и говорить о близкомъ и дорогомъ, Пріютинъ заговорилъ про свой научный трудъ. Сухія фигуры медицинско-уголовныхъ статистическихъ данныхъ серьезно и убѣдительно говорили о томъ, во что обращается великій, живой организмъ, которому имя—Россія. Съ Лазаря смердящаго, ждущаго чуда Господня, смѣлая рука снимала гробовые покровы. Ужасъ жестокой правды жилъ въ словахъ Пріютина. Всѣ молчали, очарованные нѣжной пѣвучестью молодого, звучнаго голоса. Редутова глядѣла на Пріютина неподвижно-внимательнымъ взоромъ; въ ея нѣжныхъ глазахъ виднѣлось большое чувство вѣрящей любви. Дѣвушка замѣтила восторженный взглядъ Плавцева, и темныя брови ея досадливо дрогнули. Пріютинъ круто оборвалъ рѣчь, словно ему наскучило объяснять простыя истины тупымъ ученикамъ. Тишину вдумчиваго молчанія нарушила Редутова.

— Спойте намъ, Михаилъ Андреевичъ... Спойте про „Пер-

сидскую царевну",—обратилась она къ Пріютину, и на ея нѣжное лицо набѣжала волна краски.

— Ну, какой я пѣвецъ! Да и пѣть не хочу и не стану. Слушайте лучше новую музыку, пѣсню оживающихъ машинъ.— Пріютинъ подошелъ къ окну и распахнулъ его. Струя тихаго ночного вѣтерка принесла съ собой тучу назойливой мошкары. По воздуху плылъ похожій на морской прибой глухой шумъ, но скоро воздушныя волны, дробясь, исчезали и внимательному слуху начинало чудиться, что какіе-то невидимые могучіе желѣзные кузнечики поютъ прекрасную загадочную пѣсню.

Коломинъ подошелъ къ окну.

— Сколько людей еще погибнетъ!—безотчетно вырвалось у него. Въ голосѣ Коломина послышался тотъ навязчивый страхъ, какой бываетъ у суевѣрныхъ людей отъ знаменій Божьихъ и разныхъ недобрыхъ примѣтъ. Въ темнотѣ ночи громадный фабричный корпусъ сверкалъ сотнями искрящихся, живыхъ и зоркихъ огней. Кирпичъ и желѣзо тяжеловѣснаго казарменнаго зданія теперь во тьмѣ ночи исчезли; виднѣлось золото огней какого-то чуднаго, заколдованнаго замка. Инженеръ Бердягинъ разговаривалъ въ полголоса съ Редутовой; она и студентъ о чемъ-то таинственно-тихо его упрашивали. Плавцевъ невольно уловилъ обрывки разговора.

— Не огорчайте Евгенія Константиновича, — онъ сегодня такой жалкій!—просила дѣвушка.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь, необходимо сказать, — замѣтилъ Бердягинъ и, точно желая покончить съ невольными сомнѣніями, громко окликнулъ: — Евгеній Константиновичъ, вы знаете—Копьевъ арестованъ.

Коломинъ мигомъ подскочилъ къ инженеру; въ каждой чертѣ его худого, блѣднаго лица разлилось вдругъ выраженіе безнадежнаго отчаянія.

— Копьевъ арестованъ? Когда? Гдѣ? — нервнымъ, сдавленнымъ голосомъ спросилъ Коломинъ.

— У себя на квартирѣ, нынче въ семь вечера.

— Чего ждали? Берегли про запасъ хорошую вѣсточку? Нашли что! А печать,—гдѣ печать комитетская, гдѣ отчеты послѣдняго порайоннаго съѣзда?—невольнымъ стономъ вырвалось у Коломина.

Пріютинъ, насвистывая, шагалъ по комнатѣ.

— Небось, страшно на казенные хлѣба въ тюремный фаланстеръ перебираться. Полно трусить, не такъ глупъ Копьевъ, какъ ты его себѣ малюешь,—замѣтилъ онъ насмѣшливо.

Послѣднія слова Пріютина ободрили Коломина; на лицѣ его, печальномъ и худомъ, появилось вдругъ выраженіе дѣтски-довѣрчивой, молящей надежды, какая бываетъ у нашалившихъ ребятишекъ. Разговоръ сдѣлался общимъ. Коломинъ съ мучительнымъ любопытствомъ распрашивалъ о подробностяхъ обыска. Братья Бердягины передавали, насколько знали, несложные факты ареста фабричнаго механика Копьева. Коломинъ быстро перелеталъ отъ унынія къ бодрой надеждѣ. Редутова разговаривала съ застѣнчивымъ студентомъ.

— Министерство не разрѣшило въ фабричномъ университетѣ чтеніе по соціальнымъ вопросамъ, но у насъ на лекціяхъ по коммерческой географіи читается подробный курсъ политической экономіи.

— Это на лекціи Маріи Андреевны Джона Милля выругали?—спросилъ студентъ.

— Не выругали,—недовольно пожала плечами дѣвушка,— просто слушатель Смирновъ замѣтилъ, что Милль—изъ господъ, и до рабочихъ нуждъ ему дѣла, видно, мало. Аудиторія присоединилась къ мнѣнію Смирнова и просила Марію Андреевну не читать больше про ученыхъ, которые на сторонѣ хозяевъ.

— Но почему же Милль на сторонѣ хозяевъ, вѣдь это неправда?—замѣтилъ студентъ.

Редутова сдвинула широкія темныя брови.

— Конечно, правда: либеральные палліативы въ экономической программѣ не могутъ имѣть ни малѣйшаго значенія: они вредны или, въ лучшемъ случаѣ, безполезны.

Плавцевъ не безъ изумленія прислушивался къ разговору.

— А Копьевъ—молодецъ. Проведетъ за носъ и полицію, и юстицію,—оживленно говорилъ Коломинъ. Пріютинъ добродушно-весело смотрѣлъ на него и подавалъ утѣшительныя реплики.

Въ сосѣдней комнатѣ часы отчетливо-бойко пробили двѣнадцать. Пріютинъ сочно зѣвнулъ.

— Милые гости посидятъ, посидятъ, да и по домамъ пойдутъ, а хозяинъ любезный еще часика два дѣломъ займется,—весело сказалъ онъ.

Всѣ, точно по командѣ, встали и стали прощаться.

— Вы на меня не сердитесь, у насъ вообще церемоніи не въ обычаѣ, заглядывайте почаще; надѣюсь, подружимся,—сказалъ Виктору Павловичу на прощанье Пріютинъ.

Всѣ, компаніей, отправились провожать Редутову. Шли медленно, молчаливо, чего-то боялись, тайнаго и злого.

Ткацкій корпусъ сіялъ и шумѣлъ. Громадныя фабричныя

трубы стояли сказочными великанами на богатырской стражѣ и посылали лучисто-темному небу длинныя тучи грязнаго, лѣниво ползущаго дыма. Гдѣ-то далеко сторожъ билъ въ трещотку. Изъ-за фабричной ограды, въ грохотѣ быстро несущагося поѣзда, вдругъ встало бѣлое облачко и расплылось сѣрыми призраками по чернымъ верхушкамъ высокихъ сосенъ. Плавцевъ и Коломинъ долго бродили по фабрикѣ. Было уже два часа ночи, когда они вернулись домой.

Плавцеву не спалось; онъ думалъ о томъ, какіе красивые глаза у Редутовой, какой жалкій, несчастный Евгеній Константиновичъ и какой интересный, сильный мужчина Пріютинъ. Среди этихъ нестройныхъ, быстро бѣгущихъ думъ въ головѣ Плавцева мелькала бодрая мысль о томъ, что здѣсь—новая жизнь, новые люди. „Счастливецъ, право, этотъ Пріютинъ: она его любитъ... Какіе у нея красивые глаза, добрые, глубокіе!“ — убаюкивала Плавцева нѣжная дума.

II.

Было воскресенье. Поздняя обѣдня подходила къ концу. Басистые грудные голоса монастырскаго благовѣста радостно сливались съ нѣжно-серебристымъ перезвономъ фабричной церкви. Въ жиденькомъ, грязномъ скверѣ прогуливались расфранченные фабричные со своими „сударками“; примитивный флиртъ шелъ во всю; было весело и шумно, но въ этой веселости слышались какія-то нервныя нотки, чувствовалось, что одинъ интересъ захватилъ всѣ эти галдящія кучки народа. Дѣйствительно, день былъ исключительный: нынче долженъ былъ рѣшиться для самолюбія фабрики очень важный вопросъ: стать на „стѣнку“ или нѣтъ. Заводскіе отъ „бельгійца“ хвастались, что побьютъ на „стѣнкѣ“ фабричныхъ. Былая слава фабричныхъ, какъ первыхъ драчуновъ во всей губерніи, была унижена и требовала немедленной реабилитаціи. На вчерашнемъ совѣщаніи особенно сильно настаивали на неотложной необходимости принять „стѣнку“ слесаря—народъ сильный, молодецъ къ молодцу, словно на подборъ. Среди нихъ еще сохранились былыя традиціи, подъ вліяніемъ „политики“ быстро отходящія въ область преданій. Ткачи и красильщики слабо поддерживали воинственный пылъ слесарей, но не отказывались, соглашаясь на „стѣнку“, какъ на неизбѣжное зло. Граверы, рисовальщики, конторскіе отказались наотрѣзъ. Теперь на шумныхъ узенькихъ фабричныхъ переулкахъ горячо обсу-

ждался вопросъ, кого выставить на „стѣнку“, чтобы не оконфузиться передъ бельгійцемъ. У граверной собралась большая толпа; это была депутація отъ слесарей къ граверу Дмитрію Андрееву, онъ же—Митька-Баринъ.

— Сдѣлай одолженіе, Дмитрій Петровичъ, пойдемъ на стѣнку. Одно слово, что безъ тебя расчешутъ насъ, это ужъ безъ сомнѣнія. Потому, нѣтъ у насъ насупротивъ Ваньки Мѣднаго соотвѣтственнаго человѣка,—говорилъ высокій, коренастый слесарь.

— Вотъ, намедни, столкнулись они съ Касьяномъ Садовникомъ, ужъ на что тотъ орелъ, а Ванька какъ далъ ему банку, такъ тотъ и съ катушекъ долой,—озабоченно добавилъ молодой ткачъ съ испитымъ, блѣднымъ лицомъ, по прозванію Колька Заворуй.

— Дмитрій Петровичъ, окажи честь! А то, черти, конфузъ на фабрику наведутъ,—слышался умоляющій голосъ.

Митька-Баринъ сидѣлъ на скамейкѣ и подбиралъ на большой трехрядной гармоникѣ какой-то сентиментальный мотивъ. Высокаго роста, стройный, худощавый блондинъ съ мечтательными сѣрыми глазами, онъ обладалъ громадной, какой-то непостижимой физической силой.

— Тсс... тсс... тсс...—фыркалъ сквозь острые, рѣдкіе зубы Баринъ, подбирая на гармоникѣ колѣно романса, упорно не поддававшееся его музыкальнымъ способностямъ.—Что я вамъ за акробатъ выискался?! Пошли на Конную, изъ цирка борца взяли, вотъ и дѣло. Онъ на чистую душу бельгійцамъ наложитъ. Что это, право, за грубости такія—драться! Мы, гравера, особливую линію гнемъ, свой фасонъ держимъ.

Мотивъ романса, наконецъ, былъ пойманъ, и Баринъ, упиваясь серебряными ладами вѣнской гармоники, весь ушелъ въ звуки. Депутація въ раздумьѣ молча топталась на мѣстѣ. Вдругъ изъ-за угла спальни, точно стая вспугнутыхъ воробьевъ, выбѣжала шумная свора босоногихъ ребятишекъ.

— Идутъ, идутъ! Истинный Христосъ, идутъ! Ужасти, сколько ихъ, огромада! И еще, сказываютъ, придутъ! Они уже у хлопковыхъ воротъ съ хожалыми разсуждаютъ! —въ перебивку рапортовала босая команда.

— Эхъ, братцы, идемъ одни! Не уступать же бельгійцу!—съ досадой въ голосѣ проговорилъ смуглый, коренастый слесарь Потаповъ.—А тебѣ, Баринъ, одно скажу: конфузъ будетъ тебѣ, если мы на стѣнкѣ не сладимъ.

Вся компанія, озабоченная, угрюмая, двинулась. Митька за-

думчиво поглядѣлъ вслѣдъ удаляющейся толпѣ и вдругъ крикнулъ металлически-звонкимъ голосомъ:

— Братцы, и я съ вами! Если Мѣдный начешетъ, получитъ отъ меня добрую тютю!

— Вотъ орелъ! Одно слово—огарокъ. Ужъ наковыряемъ мы имъ вшей!—послышались радостныя замѣчанія. Шумная ватага направилась къ хлопковымъ воротамъ. Туда же валомъ валилъ любопытный праздный народъ, всегда и вездѣ жадный до зрѣлищъ. Фабричные щеголи съ „тальянками" въ рукахъ, разодѣвшіяся ткачихи, конторскіе и съ коннаго двора — всѣ спѣшили полюбоваться „стѣнкой". Вотъ толпа у воротъ; тутъ полиція, фабричные хожалые съ толстыми, сучковатыми палками въ рукахъ. Власти настроены въ унисонъ толпѣ, дружелюбно-поощрительно, благо „политическаго" нѣтъ ничего, да и больница близко, все лучше, чѣмъ за рѣкой. Въ полѣ уже большая толпа — это рабочіе отъ „бельгійца".

— Господи Христе!—воскликнулъ кто-то изъ фабричныхъ.— Наши-то, наши-то! Ровно ангелы передъ чортомъ!—Хотя сравненіе фабричныхъ съ ангелами было черезчуръ смѣло, но заводскіе, дѣйствительно, имѣли видъ на рѣдкость мрачный и звѣрскій, до котораго фабричнымъ щеголямъ было далеко. Навѣкъ закоптѣлые, мрачные, одѣтые въ однообразныя синія блузы, съ надвинутыми на затылокъ клеенчатыми кепками, заводскіе представляли изъ себя величину болѣе импонирующую, чѣмъ фабричное сборное ополченіе.

„Стѣнка" имѣла свои многочисленные обычаи и правила. Въ былыя времена бились грудь съ грудью; чья сторона первая отступала черезъ извѣстную черту, та и считалась побѣжденною. Это правило больше не соблюдалось: теперь глазѣющая публика, въ качествѣ эксперта, съ большой точностью подсчитывала число синяковъ, разбитыхъ въ кровь носовъ, позорно бѣжавшихъ съ поля битвы, и послѣ жаркаго боя, наконецъ, опредѣляла—чья сторона взяла верхъ. Но другіе обычаи „стѣнки" свято исполнялись: должно было биться съ обѣихъ сторонъ по равному числу, подъ ножку не давать, сидячаго и лежачаго не трогать, накладокъ, кистеней, ножей въ дѣло не пускать.

Сѣденькій старичокъ Евстигней Митрофановъ, сорокъ лѣтъ проведшій на станкахъ, былъ верховнымъ судьей и полководцемъ предстоящаго боя.

— Ты, милый человѣкъ, шелъ бы съ Богомъ. Посмотри на себя: развѣ годишься ты на стѣнку? Одинъ конфузъ изъ-за тебя

произойти можетъ. Штыка дадутъ тебѣ подъ жабры хорошаго—такъ запоешь пѣсню. Хоть милки своей посовѣстись,—укоризненно браковалъ старичокъ молоденькаго, худенькаго, франтоватаго ткача въ шелковой малиновой рубахѣ. Тотъ, конфузливо почесавъ голову, послушно вышелъ изъ толпы фабричныхъ воиновъ.—Ты, Мишка-Бондарь, штыкомъ банку ставь, это завсегда хорошо бываетъ. — Забраковавъ человѣкъ двадцать и замѣнивъ ихъ другими, наговоривъ кучу всевозможныхъ совѣтовъ каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ, ткачъ Митрофановъ снялъ шапку, истово перекрестился и отошелъ въ ряды глазѣющей публики. Теперь начиналась „стѣнка". Первыми подняли драку мальчуганы. Они дѣлали глупыя, непонятныя движенія, точно смахивали что-то съ головы, пугливо пятились и, наконецъ, вцѣплялись другъ въ друга. Взрослые фабричные и заводскіе подходили другъ къ другу медленно, осторожно, группируясь по росту, болѣе или менѣе извѣстной силѣ противника, но драка еще не начиналась; мысль о томъ, какая гадость—эта безцѣльная драка, невольно зародила робость и смущеніе.

— Что смотришь? Хлебало цѣло, — наступалъ на высокаго, рябого ткача коренастый заводскій атлетъ.

— А ну, дай! А ну, дай!

— Что, думаешь, поцеремонюсь?.. Вотъ и дамъ.

Бельгіецъ наотмашь ударилъ ткача, тотъ схватилъ его за плечи, но заводскій ловко вырвался, разбѣжался и ткнулъ ткача головою въ грудь... Ткачъ растянулся. Драка началась, недавнія сомнѣнія мгновенно исчезли. Сначала трудно было что-нибудь разобрать въ начавшейся свалкѣ; слышатся стоны и хриплый вой, раздаются ожесточенныя ругательства, виртуозныя по своей замысловатости. На корточкахъ, съ лицомъ сѣровато-синимъ отъ мучительнаго удара въ животъ, отползаетъ въ сторону здоровенный фабричный, теперь такой слабый и безпомощный. Вотъ характерная пара: заводскій уткнулъ фабричнаго лицомъ въ землю и словно старается, чтобы тотъ захлебнулся въ грязной, проплеванной пыли; фабричный судорожно вцѣпился въ густые, длинные волосы „бельгійца", который стонетъ отъ нестерпимой боли. Митька-Баринъ шутя отбивается отъ десятка насѣвшихъ на него заводскихъ, а на другой сторонѣ „стѣнки" заводскій чемпіонъ Ванька Мѣдный „чешетъ" фабричныхъ. Въ глазѣющей толпѣ проснулся звѣрь, вѣрнѣе—скотъ, радующійся виду крови, боли и страданія. Толпа одобрительно-радостно мычитъ, вся обратясь въ зрѣніе и слухъ.

— Баринъ! Уважь Мѣднаго!.. Уважь!..—кричитъ кто-то изъ толпы.

— Разукрась партретъ!

Баринъ и Мѣдный, вдохновляемые этими криками, награждая громадными синяками неосторожно подвернувшихся подъ руку, точно какіе-то полусказочные русскіе богатыри, бой которыхъ рѣшалъ участь битвы, пробираются другъ къ другу. Мѣдный—саженнаго роста мужчина, жгучій брюнетъ съ непріятнымъ блескомъ быстро бѣгающихъ глазъ, казался великаномъ по сравненію съ Бариномъ. Казалось, заводская знаменитость была поражена дерзостью этого худощаваго, стройнаго блондина, который съ такою спокойной самоувѣренностью сталъ передъ нимъ.

— Ты что?—Мѣдный замахнулся громаднымъ кулачищемъ. Митька ловко увернулся и сзади обхватилъ заводскаго Голіаѳа. Борьба завязалась. Ни Баринъ, ни Мѣдный не хотѣли драться, драка оставалась напослѣдокъ; почетнѣй считалось повалить противника на землю, чѣмъ его просто „разукрасить". Борцы стонали, ругались, гнѣвная страсть разъяренной силы блистала въ ихъ глазахъ. Блѣдное лицо Барина раскраснѣлось, на высокомъ, чистомъ лбу налились широкія синія жилы. Видъ Мѣднаго былъ ужасенъ: лицо почернѣло, глаза потеряли человѣческую осмысленность и горѣли яростью звѣря; сиплые звуки вырывались изъ богатырской, порывисто дышавшей груди. Толпа застыла въ своемъ звѣриномъ экстазѣ. Видно было, что фабричный Давидъ сильнѣе и увертливѣе заводскаго Голіаѳа; какъ послѣдній ни краснѣлъ, съ какой злобной яростью ни обхватывалъ цѣпкими ручищами своего противника, онъ не могъ справиться съ Бариномъ. Но вотъ, наконецъ, Митька какъ-то неуловимо ловко вырвался изъ желѣзныхъ объятій Мѣднаго и со всей силой рванулъ его за руку. Мѣдный описалъ въ воздухѣ правильный полукругъ и грузно ткнулся ничкомъ о землю. Глазѣющая толпа радостно вздохнула.

Мѣдный, охая и прихрамывая, поднялся, упрямо тряхнулъ головой и снова пошелъ на Митьку.

— Ножъ у него! Ребята, развѣ такъ можно?—послышался въ толпѣ чей-то испуганный голосъ. Толпа мигомъ трусливо примолкла и отодвинулась; она поняла, что не можетъ вмѣшаться въ предстоящій поединокъ, не смѣетъ помѣшать этой мести укрощеннаго было на минуту звѣря. „Бельгійцы первые ножевщики и за своего брата постоятъ, и крови будетъ, Боже упаси!"—читалось на лицѣ каждаго.

— Санька,—тихо говорилъ ткачъ Митрофановъ бѣлобры-

сому мальчишкѣ,—бѣги во всю на конный, скажи, чтобъ безпремѣнно кишку пожарную прислали, заливать придется: стѣнка, кажись, въ ножи пойдетъ.

Мальчишка стремительно побѣжалъ...

Мѣдный подошелъ къ Барину и остановился передъ нимъ, злобный, опьяненный бѣшеной ненавистью къ своему побѣдителю. Митька, блѣдный, спокойный, внимательно слѣдилъ за Мѣднымъ; въ его сѣрыхъ, большихъ глазахъ свѣтилось что-то стальное, безконечно жестокое и насмѣшливое. Они стояли другъ передъ другомъ, чувствуя, что стоятъ передъ чѣмъ-то ужаснымъ, жестокимъ и неизбѣжнымъ. Мѣдный замахнулся лѣвой, невооруженной рукой, желая отвлечь зоркое вниманіе противника. Сверкнула короткая молнія ножа. Но ударъ не засталъ Барина врасплохъ: нервные стальные клещи вцѣпились въ руку Мѣднаго и съ неумолимой постепенностью и жестокостью стали сжиматься... Хрустнули кости. Ножъ выпалъ изъ ослабѣвшей, посинѣвшей руки; глаза Мѣднаго виновато-робко забѣгали. Холодный взоръ Барина разгорался быстро вспыхивающими огоньками кипящей злобы.

— Будешь?.. будешь на стѣнку съ ножемъ выходить?.. Будешь?—спрашивалъ Баринъ, улыбаясь недоброю, кривою улыбкою, и вдругъ со всего размаха ударилъ Мѣднаго по лицу.

Голова Мѣднаго безпомощно мотнулась назадъ. Тяжелый ударъ повторился разъ-другой. Лицо Мѣднаго мгновенно сдѣлалось живою маскою: распухшій, булькающій быстрой кровью носъ, вздувшіяся открытыя губы, затекшій глазъ, съ огромною, въ куриное яйцо опухолью—были полны ужаса и жестокаго смѣха... Глазѣющая толпа испуганно-сконфуженно присмирѣла. Митька оставилъ своего изувѣченнаго противника. Мѣдный истово, медленно крестился; глаза его были полны тупого недоумѣнія и безумія боли. Съ жалкой гримасой страданія на лицѣ онъ осторожно выплевывалъ выбитые зубы, сочно-красные отъ горячей крови.

— Вотъ банку далъ! Ай да, ловко!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

И всѣ, точно очнувшись отъ кратковременнаго гипноза, заговорили, заволновались.

— Умыли хлебала!

— Вотъ саданулъ-то чисто!

— Смотри, зубовъ наплевалъ-то сколько!

— Поди, теперь по-господски вставлять пойдетъ!

Вдругъ послышались чьи-то завывающія рыданія: плакала сударка Мѣднаго, фабричная ткачиха Дашка Блоха...

— Паскуда, стерва!.. Креста на тебѣ нѣтъ, побойся Бога, проклятый!—захлебываясь въ слезахъ, наступала на Митьку некрасивая, уже немолодая женщина.

— Оно что и говорить, Дмитрій Петровичъ, за дѣло ты ему тютю далъ, а все же полегче отпустилъ бы ему порцію. Самъ вѣдь знаешь, что рука у тебя тяжелая. Зачѣмъ человѣка испортилъ на жизнь?—замѣтилъ ткачъ Митрофановъ.

— Ничего, до свадьбы заживетъ. Женихъ туда же!—сказалъ Баринъ и, поглядывая на окружающихъ быстрыми, недобрыми глазами, засмѣялся своимъ короткимъ, фыркающимъ смѣхомъ.

„Стѣнка" кончилась. Не смотря на то, что фабричные сражались безъ особаго мужества, рѣшительное пораженіе заводскаго силача доставило фабрикѣ побѣдные лавры. Комбатанты разставались врагами.

— Лучше къ намъ за рѣку глазъ не кажите, ногъ не унесете!

— Живьемъ не отпустимъ!

— Попомнимъ вамъ!—выкрикивали заводскіе, направляясь густою толпою къ желѣзнодорожному переѣзду.

— Небось, еще не придете!

— Носы свои курносые не кажите!

— Понюхали турецкаго табаку!

— Иди! Иди, покамѣсть цѣлы, а то еще начешемъ...— отвѣчали фабричные.

Озабоченно звеня колокольчиками, спѣшили пожарныя бочки. Запоздалыхъ усмирительницъ толпа встрѣтила радостнымъ смѣхомъ.

Вереницы говорливаго люда быстро расползлись. Всѣ торопились куда кто: одни спѣшили въ слободку, на свиданіе съ избранницами сердца; другіе шли въ новый городской трактиръ „Русское Приволье", гдѣ органъ былъ очень задушевный; большинство же возвращалось въ свои мрачныя спальни, чтобы успѣть торопливо отобѣдать, чайкомъ побаловаться, да часокъ-другой заснуть до вечера, когда нужно идти въ маленькую рощу на гулянье. Митька-Баринъ, окруженный почтительной свитой раклистовъ и граверовъ, торопливо шагалъ домой въ спальню. Время обѣда давно прошло, а стряпуха, старая Домна, которой нѣтъ рѣшительно никакого дѣла ни до стѣнки, ни до побѣдныхъ лавръ Митьки, будетъ браниться и накормитъ холоднымъ, сальнымъ обѣдомъ. Къ пріятному изумленію всѣхъ, старуха не бранилась, а похлебка была горяча и даже какъ будто вкуснѣе, чѣмъ обыкновенно.

Говорили о предстоящей забастовкѣ, о томъ, пойдутъ ли хозяева на уступки, будутъ на фабрикѣ „непорядки" или нѣтъ.

— Знаю я одно теперь,—съ жаромъ въ голосѣ говорилъ граверъ Вася Москвичъ,—что все это наше. И безъ студента сами знаемъ. Теперь самый необразованный изъ слесарей—и тотъ всю политику очень прекрасно понимаетъ.

— А если хозяйская сила возьметъ верхъ?—задумчиво замѣтилъ граверъ Андрюшка Налетъ.

Подобное предположеніе показалось невѣроятнымъ.

— Ни въ жизнь этого быть не можетъ!

— Испугаются!..

— Ткачи станки расшвыряютъ,—тоже вѣдь орлы.

Неприхотливый обѣдъ скоро кончился. Васька Рябчикъ скороговоркой прочиталъ два раза „Отче нашъ".

— Спасибо, бабушка Домна! Спасибо, бабушка Домна!—стереотипно повторялъ каждый, кланяясь стряпухѣ, появившейся въ комнатѣ подъ конецъ обѣда.

На улицѣ было весело отъ яркихъ лѣтнихъ красокъ. Митька прихватилъ въ каморкѣ свою любимицу—гармонику.

— Здорово придуманы колокольчики въ басу, дзинь... дзинь... а лады серебристые, ровно Танька поетъ,—сказалъ Митька, удобно усаживаясь на лавочкѣ у крыльца спальни.

— Что ты, мама, безпрестанно,
О сестрицѣ все твердишь,
Въ лучшемъ мірѣ наша Лиза,
Ты сама намъ говоришь...

—фальшивымъ теноромъ, подыгрывая на гармоникѣ, напѣвалъ Митька.

— Задушевная пѣсня, одно слово,—задумчиво сказалъ кто-то изъ слушателей.

— Смотри, Митя, милка твоя на тебя милуется.

— Мнѣ даже это очень безразлично,— съ плохо скрытымъ самодовольствомъ замѣтилъ Баринъ и перешелъ на „Дунайскія Волны"...

Вмѣстѣ съ подругами-ткачихами, балуясь орѣхами и сѣмечками, напротивъ спальни прогуливалась „милка" Барина—Лелька Заноза. Полненькая блондинка, съ ясными, безмятежными голубыми глазками и ямочками на розовыхъ щекахъ, она была миловидна и симпатична. Хотя Лелькѣ не было полныхъ четырнадцати лѣтъ, она уже давно была женщиной. „Кажись, и родилась такою", — не безъ гордости отвѣчала она, на обычные упреки въ томъ, что черезчуръ рано вкусила запретнаго плода.

— Ишь, какой павой выступаетъ! Подумаешь, неравно она Мѣдному всыпала!—засмѣялся Васька Рябчикъ, бывшій неудачный претендентъ на любовь Лельки. Митька самодовольно посмѣивался.

— Братцы, смотри, нашъ студентъ домой идетъ,—замѣтилъ Москвичъ.

Студентомъ оказался Плавцевъ.

— Здравствуйте, Викторъ Павловичъ! — точно по командѣ поздоровались съ нимъ граверы.

— Сердечный человѣкъ, образованный,—сочувственно произнесъ ему вслѣдъ Баринъ.

— Образованный, да и за нашего брата рабочаго стоитъ. Какъ это онъ мнѣ хорошо разъяснилъ, почему фабрика по-настоящему наша, а хозяева только, значитъ, временно... Я и самъ раньше зналъ, да только проще, а теперь знаю по-ученому, — радостнымъ голосомъ сказалъ рисовальщикъ Санька Задора.

— Скажу одно вамъ, ребята, хоть и нашъ онъ, а по рощѣ съ нимъ гулять не слѣдуетъ. Подъ подозрѣніе человѣка подвести можемъ. Мнѣ и то хожалый говоритъ: дружить, молъ, дружите, только не на людяхъ,—сказалъ Рябчикъ.

— И правильно разсудилъ. Преображенскаго сынъ ходилъ себѣ по рощѣ да по слободкѣ съ ткачами, а потомъ всѣхъ въ тюрьму и забрали. Упаси Богъ, сколько человѣкъ непріятностей доставилъ! — замѣтилъ Митька Баринъ, подбирая на гармоникѣ „Шуми, Марица“.

По теплому, млѣющему воздуху прилетѣли бойкіе звуки духового оркестра. Въ рощѣ началось гулянье.

— Братцы, пойдемъ на музыку съ барышнями проминадиться!—предложилъ Рябчикъ. „Политика“ была мгновенно позабыта. Разухабисто звонко заработали серебряные лады Митькиной гармоники.

III.

Ильинъ день. Только что кончился молебенъ у фабричной водокачки... Изъ города на фабрику въ Ильинъ день всегда бывалъ крестный ходъ; приносили чудотворную икону Божьей Матери, и вся фабрика „подходила“ подъ икону. „Подойти“, иными словами, обозначало проскользнуть, съ опасностью для жизни, въ узкія массивныя чугунныя перила, надъ которыми въ золотомъ сіяньѣ не-

подвижно стояла черная, небольшая икона... Дѣтскій плачъ и бабьи стоны смѣшивались съ злобными окриками мужчинъ. Рука, поднявшаяся для крестнаго знаменья, невольно сжималась въ кулакъ... Рѣдко обходилось безъ несчастій, и сейчасъ, напримѣръ, затиснули лядащую старуху и „помяли“ на смерть неосторожнаго мальченка. Но не подойти подъ Владычицу считалось смертнымъ грѣхомъ, на который не рѣшались самые смѣлые скептики. Вся фабрика подошла, и торжественная процессія двинулась обратно въ соборъ. Въ воздухѣ колышатся хоругви, слышится стройное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ. Въ облакѣ сѣрой пыли идетъ черезъ слободку въ городъ тысячная толпа богомольцевъ... Рѣзкимъ диссонансомъ раздается вдругъ веселое гудѣнье трактирнаго органа. Святые позабыты, и фабрика начинаетъ гулять: вѣдь нынче послѣдній день свободы, завтра нужно становиться на работу. Не успѣлъ еще скрыться за поворотомъ къ монастырю крестный ходъ, какъ въ слободкѣ разомъ наступилъ пьяный, невеселый разгулъ... Биткомъ набилась „Золотая Пора“, радушно распахнули свои двери казенка и семь пивныхъ. На единственной улицѣ слободки, одинъ конецъ которой шелъ въ городъ, а другой терялся въ широкомъ полѣ, гдѣ по высокой насыпи торопливо сѣменилъ поѣздъ, становилось шумно и пьяно. Расфрантившись напослѣдокъ елико возможно, фабричныя дѣвицы водили хороводъ. Въ серединѣ широкаго круга приплясывалъ въ присядку смазливый паренекъ; онъ дико гикалъ и громко колотилъ въ ладоши. Крикливые, надорванные голоса подъ аккомпаниментъ залихватской гармоники пѣли нескладно. А „на мосткахъ“, пріютившихся у фабричной ограды, въ это же время велся своеобразный оживленный флиртъ. Въ праздникъ въ слободкѣ была оригинальная выставка свободной любви... Чинно, попарно, щелкая орѣхи и сѣмечки, съ важнымъ видомъ ходили по мосткамъ фабричные со своими „сударками“. Общее самодовольное молчаніе нарушалось рѣдко. Ухаживанье и хохотъ являлись дурными показателями любовныхъ успѣховъ флиртирующихъ кавалеровъ. Вотъ около громадной, рябой ткачихи увиваются два слесаря:

— Мы, Дарья Андреевна, даже очень сомнѣваемся васъ отпустить, — говоритъ одинъ изъ нихъ.

Колоссальная Дульцинея настроена очень холодно.

— Ваши ожиданія напрасны, много о себѣ думаете.

— Почему-же такъ обидно?.. Если мы всегда къ вамъ отъ всего сердца.

— За нами изъ конторы ухаживаютъ, да и то мы вниманія не обращаемъ.

Улица все болѣе и болѣе наполняется гуляющими. Много смѣха, неумныхъ скверныхъ шутокъ и пьяныхъ лицъ... Слышится фабричная частушка. Безобразно-пьяная баба сиплымъ голосомъ голоситъ:

Съ семерыми я гуляла,
Я малютку родила;
Кого звать въ отцы не знаю—
Всѣ миленки хороши.

Слушатели смѣются.

— Ишь, забрало!

— Ай-да ты!

— Кошель.

— Братцы! — слышится крикъ: — женихи ѣдутъ. Идемъ встрѣчать!

Толпа подается на встрѣчу трамвайному вагону, мигающему въ воздухѣ чуть замѣтными синеватыми искорками. Женихами на фабричномъ жаргонѣ назывались холостые рабочіе, полные неудачники въ любви, не надѣющіеся даже у фабричныхъ Месcалинъ добиться мимолетной взаимности. Теперь женихи возвращаются послѣ ночи, проведенной въ городскихъ вертепахъ. Интересъ къ женихамъ — всеобщій. Зрители плотно окружаютъ остановившійся вагонъ, на передней площадкѣ котораго стоятъ ухмыляющіеся городовые. Изъ вагона слышится отборнѣйшая ругань.

— Разгружай товаръ-то!

— Красавцы, миленки, покажитесь!

— Заждались васъ, сударики!

— Ай-да, вы!

— Отцы мои!—Никакъ и мой Парфенычъ здѣсь! — восклицаетъ какая-то баба, и ея голосъ покрывается громкимъ хохотомъ.

Скверные, съ отвратительными, вспухшими отъ пьянства и разврата лицами, иные подбитые и поцарапанные, вылѣзали „женихи“, гнусной руганью обороняясь отъ веселыхъ, самодовольныхъ насмѣшекъ.

Въ эту гулящую слободку случайно попалъ Плавцевъ; возвращаться было поздно, да и любопытство заговорило въ немъ... Присутствіе посторонняго лица въ одношерстной толпѣ было разомъ замѣчено.

— Гляди-ка, студентъ пришелъ съ нами гулять...

— Знаемъ, зачѣмъ студенты ходятъ...

— Не до гулянья имъ.

— Оно и вѣрно, люди они образованные и ведутъ благородно....

Толстая, рыжая, съ красивыми блудливыми глазами, ткачиха Машка Мартьяниха не безъ кокетливаго задора стала подступать къ Плавцеву.

— Господинъ студентъ красивенькій... Безъ милки не останетесь. Вы намъ очень нравитесь... Безъ конфуза вамъ сознаюсь.

Толпа одобрительно посмѣивалась.

— Захороводить хочешь!

— Баба ловкая, что и говорить!

— Эй, студентъ! Въ сударушки къ вамъ просится... Не оставьте ужъ ее господскимъ вниманіемъ.

— Стерва!—злобнымъ стономъ вырвалось у молодого высокаго ткача съ лицомъ, горящимъ зловѣщими пятнами.

— Что-о?—набросилась на него Мартьяниха.—Да ты, паскуда, что? Не съ тобой ли мнѣ гулять, гнилой чортъ? Барышни-ткачихи! —завизжала она вдругъ высокимъ, звенящимъ злобою голосомъ:—не гуляйте съ нимъ, поганымъ; гнилой, ей-ей, гнилой. Варю-Солдатку загноилъ, въ больницѣ ни за грошъ теперь помираетъ.

— Не лайся, не лайся. Небось, раньше не такъ говорила,— смущенно возражалъ блондинъ.

— Орелъ дѣвка!

— Ай-да, женихъ!

— На погостъ его надо, а онъ на мостки пришелъ!—слышались въ толпѣ недоброжелательныя замѣчанія.

Рыжая прелестница, увѣренная въ неотразимости своихъ жирныхъ тѣлесъ и крупныхъ веснушекъ, наступала на Плавцева съ явнымъ намѣреніемъ испробовать надъ нимъ всѣ силы своихъ чаръ. Изъ глупаго положенія, въ которомъ очутился ошеломленный Плавцевъ, его выручили дикіе, нечеловѣческіе вопли, доносившіеся изъ „Золотой Поры“. Любопытство гуляющихъ мигомъ устремилось туда. На крыльцѣ трактира здоровенный волосатый мужчина держалъ въ мускулистыхъ рукахъ извивавшуюся змѣей женщину.

— Я тебѣ покажу, какъ заведеніе срамить, покажу...—наставительно спокойно говорилъ чернобородый мужчина, и вдругъ, подъ звукъ громогласной оплеухи, швырнулъ бьющуюся женщину съ высокаго крыльца. Она тяжело шлепнулась о землю и слабо вскрикнула, крикомъ испуга и боли.

Никто не ожидалъ подобной расправы. Всѣ изумленно молчали.

— За что, Егоръ Андреевичъ? — спросилъ кто-то изъ зрителей.

— Само собой за дѣло, развѣ я стану зря руки марать, — недовольнымъ тономъ отвѣтилъ трактирщикъ.

— Глянь, ребята, да это Танька дилекторская...

— Всегда скандалитъ.

Упавшее тѣло со стономъ зашевелилось и медленно приподнялось. Это была женщина—вѣрнѣе сказать, это былъ какой-то кошмарный призракъ былой женщины, былой красавицы. Пьяная, изсохшая, съ впалой больной грудью, съ смуглымъ заострившимся отъ худобы правильнымъ лицомъ — она производила гнетущее впечатлѣніе. Танька встала, пошатываясь на слабыхъ, пьяныхъ ногахъ; ея чудные глаза, словно волшебные черные алмазы, блистали то дикимъ свѣтомъ бѣшеной злобы, то вдругъ загорались спокойнымъ, простодушно чистымъ мерцаніемъ прекрасной, чистой души. Таньку изъ столбняка вывелъ какой-то мальчуганъ: подбѣжавъ сзади, онъ дернулъ ее изо всѣхъ силъ за тяжелую змѣистую косу. Танька безпомощно мотнула головой и упала на спину... Послышался довольный смѣхъ. Какъ безумная вскочила Танька и стала гоняться за своимъ обидчикомъ. Толпа, вѣчно довольная хлѣбомъ и зрѣлищами, радостно гоготала и подуськивала на несчастную женщину маленькаго жестокаго негодяя, который змѣей увивался около Таньки, щипалъ, билъ, дергалъ за косу, ловко подставлялъ ей ножку, отчего она нескладно падала ничкомъ, торопливо поднималась и съ пьянымъ упорствомъ снова начинала свою погоню за босоногимъ злюкой.

— Ха! Ха! Ха! Что, Таня, небось въ Швейцаріи съ дилекторомъ лучше?

— Итальянка, подумаешь, какая!

— Пріѣхала сволочь русскую водку жрать.

— За копѣйку... за копѣйку...—дразнилъ Таньку осатанѣвшій въ зломъ задорѣ мальчишка.

— Тьфу! Тьфу! — плевалась на него въ безсильной злобѣ несчастная женщина.

Гоняясь за мальчишкой, Танька съ разбѣга наскочила на Плавцева, который въ кошмарномъ ужасѣ слѣдилъ за этой отвратительной травлей. Танька остановилась и вперила въ него свои дивные глаза. Какъ очарованный, Плавцевъ не могъ отвести отъ нихъ своего взора; онъ читалъ въ этихъ черныхъ мятущихся глазахъ какую-то странную трагедію, ужасъ гибели молодого, еще прекраснаго тѣла, гибель чистой души, прикоснувшейся къ липкой грязи жизни.

— Дай денегъ, дай денегъ... Водки хочу. Жжетъ усю... Дай, проклятый, это ты все виноватъ, ты ихъ злобѣ научилъ, ты! Знаю, что студенты ихъ учатъ!—задыхалась Танька.

Плавцевъ попятился—такъ нестерпимъ былъ водочный, отвратительный перегаръ. Плавцеву начинало казаться, что эта пьяная, несчастная женщина—его судьба, его смерть—сейчасъ вцѣпится ему въ горло, и подъ одобрительный, однообразный смѣхъ слободскихъ гулякъ онъ перестанетъ существовать жестоко и безсмысленно глупо. Трясущимися отъ волненія руками Плавцевъ досталъ изъ кошелька трехрублевую бумажку и протянулъ Танькѣ. Дикими глазами посмотрѣла она на Плавцева, цѣпко вырвала у него изъ рукъ трехрублевку и крѣпко прижала ее къ своей плоской, жалкой груди.

— Мартьяниха, глянь-ка, твоего миленка дилекторша отбила!

— Видно, что господскій былъ пряникъ!

— Ловко, ей-ей ловко!

Танька порывисто-страстно бросилась къ Плавцеву, поцѣловала его сухими, горячими губами и, боязливо оглянувшись, опрометью побѣжала въ негостепріимный, но соблазнительно прекрасный для нея трактиръ.

Зрители радостно заржали.

— Машка, хороводь студента... На платокъ шелковый дастъ!—кричалъ пьяный рабочій.

— Ай, дуй те горохомъ, какъ ловко деньги выдрала!

— Небось, Шмитъ-то немало на нее денегъ прогадалъ.

— А все дрянь осталась.

Изъ толпы вынырнула неунывающая Машка Мартьяниха.

— Господинъ студентъ, они все зря озорничаютъ. Извѣстные охальники. Я вовсе не интересуюсь богатствомъ, а просто вы мнѣ пріятны: потому вы красивый и образованный.

— Ой, не вѣрьте!—Ой, не вѣрьте ей, господинъ студентъ!—Все вретъ, первая изъ ткачихъ на деньги ластится, — запротестовала внезапно Сонька-Жучокъ—худенькая шатенка, съ симпатичнымъ некрасивымъ лицомъ.

Между Мартьянихой и Сонькой началась перебранка. Странное чувство захватывало Плавцева. Когда-то давно онъ испыталъ нѣчто подобное. Конецъ горячей сходки. Дружная толпа студентовъ выходитъ на Большую Никитскую, гдѣ ее уже поджидаетъ непріятный сюрпризъ: улица полна полиціей и драгунъ... Кто-то изъ товарищей кидаетъ: „опричники!"; запѣваютъ „Черную Галку"... Холодомъ смерти несетъ отъ сѣрой стали обнаженныхъ драгунскихъ шашекъ. Но вотъ откуда-то выно-

сится съ гиканьемъ и присвистомъ орда казаковъ. Толпа бѣжитъ, слышится громкій крикъ боли... Плавцева несетъ съ собой эта живая волна; одна лишь надежда — добраться поскорѣй до гостепріимно раскрытаго манежа и неотвязная, быстрая мысль — куда ударитъ проклятый казакъ нагайкой?.. Неужели въ лицо?! Слава Богу, ѣдкая боль обожгла его лишь въ спину. Вотъ и спасительный манежъ. Теперь Плавцевъ чувствовалъ, что его охватываетъ давно минувшее чувство рабскаго страха и страстное желаніе спастись, поскорѣй укрыться отъ этой глупой, злой толпы. Наконецъ, этотъ нервозный столбнякъ прошелъ, и Плавцевъ пошелъ быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ. Ему что-то говорили, смѣялись; кто-то грубо схватилъ его за рукавъ; скверная, развратная Мартьяниха завертѣлась снова передъ глазами. Но вотъ, наконецъ, онъ на свободѣ, наединѣ съ природой. За широкимъ полемъ, гдѣ чувствуется глубокая ложбина рѣки, синѣетъ ровная полоса далекаго лѣса. Ширится далекій горизонтъ. Въ небѣ, мягко-синемъ, купается жаворонокъ. Плавцевъ шелъ обрывистымъ берегомъ быстрой рѣчки, которая подъ горячими поцѣлуями солнца счастливо нѣжилась, задорно-весело выгибая свою золотисто-алмазную чешую. Плавцевъ обернулся; теперь, уже далеко, тамъ внизу, точно игрушечный городокъ, сложенный дѣтской рукой, виднѣлась фабрика. Какъ далеки, мелки и отчетливы эти красно-кирпичныя фабричныя зданія! Вотъ въ сѣромъ облакѣ пыли копошатся маленькіе, злые муравьи—это гуляющая слободка.

Плавцевъ понималъ всемогущее таинство жизни; онъ не принадлежалъ къ тѣмъ фарисеямъ, которые бросаютъ мелкими камешками въ своихъ грѣшащихъ братьевъ. Въ безобразныхъ подчасъ формахъ онъ всегда хотѣлъ видѣть безумное, неудовлетворенное исканіе жизни. Недавняя сцена въ слободкѣ тяжело поразила Плавцева. Почему толпа такъ зла и бездарна? Почему она всѣхъ ненавидитъ? Ненавидитъ несчастную, безумную отъ пьянства Таню, гадкую, наглую Машку, противныхъ, истлѣвшихъ отъ страшныхъ болѣзней „жениховъ". На это Плавцевъ не могъ дать себѣ отвѣта. Но вдругъ въ головѣ его ожили, съ болѣзненно-неестественной ясностью послышались безумныя, пьяныя слова Таньки: „это ты все виноватъ, ты ихъ научилъ злобѣ,—ты, знаю, что студенты ихъ учатъ"... И память, напомнивъ эти слова, нагнала на лицо Плавцева сильную волну краски... Кто виноватъ въ томъ, что толпа зла, тупа и неблагородна? Древній Римъ, жестокій и гордый, апплодировалъ аренѣ, крикамъ мукъ тѣла и ужаса смерти, но тяжкая болѣзнь была несмертельна:

изъ зрителей Колизея многіе пошли на арену и своею кровью очистили великій городъ. Но эта толпа—мелочно-жестокая и тупая—не такова. Кто возвыситъ духъ народа? Откуда придетъ спасеніе? Такія мысли, безсвязныя и печальныя, мелькали въ головѣ Плавцева. „А вѣдь я ничего не сдѣлалъ, чтобы прекратить гадкую травлю. Не сказалъ имъ, что это жестоко и недостойно рабочихъ",—подумалъ онъ съ горечью. Въ лѣсу было хорошо. Тихо. Пахло смолою. Подъ ногами едва слышно скрипѣли скользкія иглы. Плавцевъ полною грудью вдыхалъ умиротворяющую чистоту природы. Въ раздумьѣ онъ прошелъ далеко. Лѣсъ порѣдѣлъ. Высокій берегъ спустился къ широкому мосту. Слышался тихій шумъ мельницы; вдали виднѣлась приземистая труба желѣзнодорожной водокачки. За мостомъ широкая пыльная дорога прорѣзывала мелкій березнякъ. Плавцевъ прошелъ на трепещущій мостъ и сталъ смотрѣть въ темную глубину рѣки, сверкавшую подъ золотыми лучами солнца быстро гаснувшими брилліантами. Онъ глубоко задумался; это не была какая-нибудь опредѣленная мысль—нѣтъ, въ немъ поднималась смутная, безотчетная тревога чего-то безличнаго, неуловимо всеобъемлющаго и безконечно страшнаго именно своею неопредѣленностью и близостью. Плавцевъ не видѣлъ ни золотистой чешуи блестящей рѣчки, ни живого и мягкаго ландшафта на фонѣ теплыхъ красокъ іюльскаго яснаго вечера. Изъ мрачнаго столбняка его вывелъ чей-то громкій окликъ. Плавцевъ нервно вздрогнулъ отъ неожиданности. Слабыя доски старенькаго моста ходуномъ заходили подъ ногами веселыхъ молодцовъ.

— Наше вамъ, Викторъ Павловичъ... Гуляете?—весело поздоровался съ Плавцевымъ Васька Рябчикъ.

— А мы на лодкахъ хотимъ погулять. За монастырь, къ самому проклятому омуту поѣдемъ. Хорошее тамъ мѣсто...—замѣтилъ радостно Вася Москвичъ.

— Не раздѣлите ли съ нами компанію?—вкрадчивымъ тономъ спросилъ Миша Лавочникъ.—Грудокъ разводить будемъ, чайку напьемся. День-то больно хорошъ. Да, и поговорить намъ съ вами о многомъ необходимо. Завтра вѣдь упаси Богъ что начнется.

Плавцевъ съ удовольствіемъ согласился. Мрачное настроеніе, созданное одиночествомъ и сценою въ слободкѣ, теперь быстро отлетѣло. Пошли песчаной широкой дорогой, ведущей въ темную стѣну привѣтливо-спокойнаго сосноваго лѣса. Кто-то запѣлъ: „Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ", остальные дружно поддержали, и пѣсня молодыхъ, сильныхъ голосовъ поплыла по ти-

хому воздуху, ароматно пахнувшему свѣжей смолой. Казалось, что этотъ задумчивый великанъ-красавецъ, много переслышавшій на своемъ вѣку иныхъ пѣсенъ, подпѣваетъ имъ своею широкою, богатырскою грудью. Пѣсня быстро, точно по командѣ, оборвалась; всѣмъ хотѣлось говорить о чемъ-то полномъ живого общаго интереса и смысла. Говорилъ граверъ Петя Босой—оживленно и взволнованно:

— Идемъ мы съ Мишей съ монастырскаго посада вдвоемъ, стало быть, вдругъ откуда-то—ей-ей, не знаю—квартальный Волоколамскій. Смотритъ и смѣется такъ радостно, словно что хорошее сдѣлалъ. „Здравствуйте, говоритъ, Митрій Петровичъ". Я это свѣта не взвидѣлъ: извѣстно вѣдь, что во снѣ, что въ явѣ квартальнаго нежданно увидать—это завсегда къ горю. Ну, а Митька нашъ, тотъ ничего — герой фасонъ свой держитъ: „Здравствуй", говоритъ, да такъ надменно. „Все гулять изволите?" — квартальный спрашиваетъ. „Гуляемъ; а почему бы и не гулять намъ?" — „Такъ, это я къ слову единственно. Гуляйте, человѣкъ вы свободный. И въ рощу ходите?" — „И въ рощу хожу".—„Ой, храбрый вы какой!"—А Митя и спрашиваетъ, да такъ заносчиво, словно дилекторъ аль хозяинъ: „А чего мнѣ бояться, въ рощѣ леопардовъ да львовъ не имѣется".—А Волоколамскій смѣется, да такъ чудно, что меня страхъ пробираетъ—не къ добру все это, думаю. „Звѣрей-то нѣтъ, да люди за то есть. Они поужаснѣе иной часъ звѣрей бываютъ. Да вы въ серьезъ меня не принимайте. Вспомнилъ я вашего покойнаго родителя, котораго уважалъ — вотъ и остеречь васъ хотѣлъ".—А Митя какъ засмѣется, да и говоритъ: „Поди ты... покуда цѣлъ".—Тотъ и пошелъ. Орелъ нашъ Митя, никого не боится,—восторженно закончилъ свой разсказъ Босой.

— Братцы, смотри!—замѣтилъ Рябчикъ, показывая съ торжествомъ листочекъ „литературы", скверно отпечатанный на гектографѣ.

— А вотъ еще! — воскликнулъ Санька Сѣдой, находя подъ сосной довольно объемистую брошюрку въ зеленоватой обложкѣ.

— И чудно теперь все на свѣтѣ дѣлается. Вотъ давеча пошли наши дѣвки за малиной—малины не набрали, а полныя кужёнки политики принесли,—покачивая головой, сказалъ Вася Москвичъ.

— Небось, съ этого варенья не сваришь,—замѣтилъ Колька Гвоздь.

Всѣ разсмѣялись.

„Братья рабочіе,—съ трудомъ разбирая расплывшіяся буквы

прокламаціи, читалъ Рябчикъ.—Завтра начинается наша великая борьба за попранныя хозяевами права. По первому свистку главнаго корпуса мы соберемся всѣ передъ корпусомъ и заявимъ наши главныя требованія: введеніе восьми-часового рабочаго дня, новая расцѣнка сдѣльныхъ работъ и отмѣна штрафовъ. Теперь наступило для насъ время вступить въ побѣд....“—Дальше нельзя было разобрать.

— Ребя... слушай! Что за соловей такой нашелся?—сказалъ испуганно Москвичъ.

Издалека чуть слышно донесся короткій свистъ; точно зловѣщее эхо, онъ повторился еще тише, еще короче, но такъ же однообразно и тревожно.

— Ай-да мы! Дѣло тутъ не чисто. Ей-ей, ужъ безъ бѣды не обойдешься, хотя объ закладъ побиться,—испуганнымъ голосомъ сказалъ Рябчикъ.

— Братцы, глянь... Человѣкъ укрывается! — прошепталъ Санька Сѣдой.

Насторожились. Изъ-подъ высокаго, крутого берега рѣки выползъ человѣкъ, сначала немного проползъ, потомъ вскочилъ и сталъ перебѣгать отъ дерева къ дереву, словно за ихъ мощными, широкими спинами искалъ спасенія отъ злой бѣды. Свистки стали настойчивы и громки; они забѣгали впередъ, смолкали и снова начинали свой таинственный разговоръ.

— Фараоны кого-то ловятъ,—грустно замѣтилъ Рябчикъ и крѣпко выругался.

И вдругъ всѣ вздрогнули отъ неожиданности: робко прыгавшій человѣкъ стремительно быстро побѣжалъ. За нимъ гнались, словно изъ-подъ земли вдругъ выросшіе, городовые. Бацъ! бацъ!—раздались рѣзкіе револьверные выстрѣлы. Пуля отщипнула у сосѣдней отъ Плавцева сосны большой кусокъ коры.

— Товарищи! — не своимъ голосомъ завопилъ Босой:—да это Баринъ! Видитъ Богъ, онъ!

Митька бѣжалъ быстро, ловко лавируя между сосенъ. Онъ блѣденъ, видъ у него жалкій, въ глазахъ—безумный страхъ и цѣпкая надежда. Сила измѣняетъ Митькѣ; онъ дышитъ тяжело и порывисто. Проклятый, предательскій лѣсной коверъ — какъ онъ скользокъ! Еще секунда—и Митька грузно, со всего размаха падаетъ ничкомъ къ подножію равнодушной сосны.

— Митя, миленокъ!.. Пропала твоя душа. Неси ноги, пока цѣлъ!—въ ужасѣ кричитъ Москвичъ.

Но уже поздно. Дюжій городовой въ сѣромъ парусиновомъ казакинѣ грузно насѣдаетъ верхомъ на Митьку... Другіе поспѣ-

ваютъ на подмогу. Заплывшій жиромъ, съ краснымъ апоплексическимъ лицомъ, околоточный трясущейся рукою наводитъ на Митьку револьверъ. „Побѣжишь, не живешь. Побѣжишь, не живешь!“—изступленно повторяетъ околоточный. Митьку поднимаютъ подъ руки.

— Култышки, Егоръ Тихоновичъ, ему подкрутить слѣдуетъ,—замѣчаетъ рослый городовой.

— Пускай такъ остается, еще успѣютъ подкрутить. А ты, Пахомовъ, револьверъ держи наготовѣ: человѣкъ онъ опасный. Какъ что—сейчасъ на смерть клади. Что, молодецъ, будешь теперь знать, какъ политикой заниматься?—со злорадствомъ спрашиваетъ Барина околоточный.

Баринъ молчитъ и въ безсильной злобѣ пристально смотритъ на Мѣднаго, своего противника по „стѣнкѣ“. Мѣдный имѣлъ теперь жалкій видъ: закрывшійся глазъ, сплющенный широкій носъ, беззубый, счастливо улыбающійся ротъ представляли печальную картину торжествующей мести предателя.

— Это ты, паскуда?—сиплымъ отъ сдержанной злобы голосомъ спросилъ Баринъ.

— Не узнали-съ? Какъ-же-съ, это мы. А вы не признали?—иронически ухмыльнулся Мѣдный. Но иронія не удалась, злоба кипучей струею вырвалась у этого сильнаго, искалѣченнаго человѣка, и онъ страстно заговорилъ, глотая и шамкая еле уловимыя, быстрыя слова.

— И въ посадъ ихъ предоставилъ, и Кольку Руду перехватилъ, и всѣ твои пакости политическія, какъ пить дать, обнаружилъ... Все, все видѣли, и типографію въ ледникѣ, и политику, что въ лѣсу сѣешь; съ понятыми,—не отвертишься.

Въ Митькѣ просыпался звѣрь, готовый однимъ внезапнымъ прыжкомъ броситься и уничтожить свою жертву. Мѣдный замѣтилъ эту дрожь бѣшенства и быстро попятился. Рослый городовой съ готовностью навелъ на лицо Митьки револьверъ и серьезно замѣтилъ:

— Будешь скандалить—тутъ тебѣ и смерть. Потому, ты теперь арестантъ и на особомъ положеніи.

Огонь, засвѣтившійся въ глазахъ Митьки, безслѣдно потухъ; взоръ сталъ безцвѣтный и равнодушный.

— Вернусь изъ Сибири, ужъ ты у меня не заживешься долго,—спокойнымъ голосомъ замѣтилъ Митька.

— Иди, свищи вѣтра въ полѣ. Одинъ въ Россіи что-ли заводъ,—отвѣтилъ Мѣдный.

— Ну что, полно лясы точить. Иди!—строго замѣтилъ око-

лоточный, дѣлая рукой какой-то неопредѣленный, угрожающій жестъ.

— Егоръ Тихоновичъ, — заботливо освѣдомился городовой, съ тупымъ, жестокимъ лицомъ, кивая въ сторону граверовъ:— этихъ, неизвѣстныхъ гуляющихъ, развѣ не слѣдуетъ выяснить? Поди, вѣдь всѣ за-одно.

По жирному, потному лицу околоточнаго побѣжали какія-то тѣни высшихъ соображеній.

— Нѣтъ, — разрѣшаясь отъ умственныхъ потугъ, рѣшилъ онъ,—мы ихъ теперь подъ сомнѣніемъ оставимъ, а когда слѣдуетъ—арестуемъ. Андреевъ, запиши ихъ; изъ граверной они, всѣхъ я ихъ, голубчиковъ, знаю. А вы бы, господинъ-студентъ, дружбу лучше бы съ господами водили—а то смутите необразованныхъ, а сами чистыми останетесь,—нравоучительнымъ, строгимъ голосомъ замѣтилъ околоточный.

Митька точно просыпался отъ тяжкаго сна.

— Прощайте, друзья, не поминайте лихомъ! Богъ дастъ, свидимся снова,—воскликнулъ онъ весело-громко.

— Прощай, Мить... Прощай, голубчикъ... Прости насъ, ради Бога! А можетъ все зря. Можетъ, отпустятъ, — кричалъ ему Санька.

— Куда шли? За монастырь кататься? Чудотворцу свѣчку завтра поставьте. Можетъ, вернусь когда. Грудокъ разведите, расчудесное теперь время для гулянья, — тщетно стараясь быть бодрымъ, громкимъ, неестественнымъ голосомъ, полнымъ сдержанныхъ рыданій,—говорилъ Митька.

— Счастливый путь, Митя... У-у-у-у!—завопилъ навзрыдъ Рябчикъ.

Митька, гордо закинувъ назадъ голову, бодро зашагалъ; по бокамъ шли городовые; одинъ держалъ наготовѣ длинный черный револьверъ; замыкали шествіе околоточный и Мѣдный. Какъ окаменѣлые долго смотрѣли Митькины товарищи вслѣдъ удаляющейся процессіи.

Кто-то предложилъ вернуться на фабрику и разсказать по спальнямъ, но всѣ рѣшительно возстали противъ этого проекта.

Вотъ послѣднія сосны... Крутой, обрывистый спускъ къ веселой, быстрой рѣчкѣ; зыбкая кладка надъ черною омутью. Двѣ неуклюжія лодки полны набравшейся воды. Рябчикъ и Санька Сѣдой съ ожесточеніемъ принимаются вычерпывать воду, а двое другихъ изъ компаніи бѣгутъ за веслами и уключинами. Наконецъ, работа кончается. Тихо и мѣрно поднимаются весла; упрямое, сильное теченіе борется и не пускаетъ впередъ. Лодки плывутъ

медленно, едва замѣтно для глаза. Бодрящая свѣжесть рѣки, борьба съ быстрымъ, стойкимъ теченіемъ прогоняютъ мало-по-малу столбнякъ горя. Плавцевъ рулитъ второю лодкою; вмѣсто руля у него широкая, неуклюжая лопата; править трудно, и лодка упрямо виляетъ носомъ.

— Господи, Боже мой, что̀ только будетъ? Митю взяли; завтра на работу становиться не будутъ, а все изъ-за политики,—со вздохомъ сказалъ Рябчикъ.

— Викторъ Павловичъ, — спрашиваетъ Плавцева хмурый, молчаливый Колька Гвоздь:—вы человѣкъ образованный. Объясните намъ, что̀ теперь съ Митей будетъ? Какое наказаніе понесетъ онъ за политику свою?

Плавцевъ смущенъ вопросомъ; онъ не хочетъ печалить ихъ тяжелой правдой о Митькиномъ будущемъ.

— Я думаю, что мѣсяца черезъ два-три вернется обратно,— кривитъ Плавцевъ душою.

Фальшиво звучащія нотки чувствуются въ его голосѣ, и всѣ слушаютъ недовѣрчиво молча.

— А какъ же запрошлый годъ слесаря наши пошалили съ бабой,—и баба-то нестоющая была,—такъ троихъ изъ-за нея, проклятой, въ каторгу сослали. Только за то, что ротъ платкомъ приткнули, чтобы не кричала... Нѣтъ, съ Митей хуже будетъ: потому за политику больше чѣмъ за бабу попадетъ, — авторитетно замѣтилъ Санька Сѣдой.

Плавцевъ чувствовалъ тихую радость; природа, какъ добрая мать, успокоила и прижала его къ своей груди, полной жизни и мира. На высокомъ берегу чернѣлъ лѣсъ; на широкомъ, привольномъ лугу блѣдные призраки тумана стройною толпою водили хороводъ. Краски неба блекли, расплывались; ихъ спокойное умираніе караулила близкая невидимка ночь. Горизонтъ запада, недавно охваченный заревомъ заката—теперь опаловый, глубокій и нѣжный. Вотъ изворотъ рѣки; мостъ на толстыхъ сваяхъ; синіе купола тысячелѣтняго монастыря.

— Благодать-то какая!—вырывается невольнымъ вздохомъ у Рябчика.

Лодки причаливаютъ къ берегу... Идутъ въ чистенькій березнякъ за хворостомъ для грудка. Ярко трещитъ костеръ, подымая удушливыя облака дыма. Изъ корзины появляются колбаса, хлѣбъ и бутылка водки. Закипаетъ котелокъ съ чаемъ, чернымъ, крѣпкимъ, сильно пахнущимъ тиной.

— Безпремѣнно пойду завтра къ чудотворцу, за здоровье

Мити свѣчку поставлю. А нынче такъ выпью,—говоритъ Миша Лавочникъ, разливая по чайнымъ чашкамъ водку.

Всѣ выпиваютъ. Пьетъ и Плавцевъ, брезгливо морщась отъ жгучей остроты водки. Голову съ непривычки быстро ведетъ, слухъ какъ-то странно обостряется и все начинаетъ казаться страннымъ, далекимъ и чуждымъ. Прыгаютъ черезъ костеръ; купаются въ черной застывшей рѣкѣ. Дикимъ голосомъ гогочетъ Рябчикъ, фыркаетъ и улюлюкаетъ въ разбуженной водѣ Санька Сѣдой. Строго-молчаливо прислушиваются къ шуму черныя тѣни монастырскихъ стѣнъ. Возвращаться тоскливо-жутко; позади догораетъ живымъ огонькомъ костеръ; маленькіе одинокіе люди остаются наединѣ съ тайной заснувшей вѣщимъ сномъ природы. Отовсюду крались чуткія тѣни ночи, и Плавцеву казалось, что въ этихъ вкрадчиво шепчущихъ камышахъ притаилось какое-то обаятельное чудовище, стерегущее тайну жизни.

Съ передней лодки слышалось пѣніе: „На-а-кинувъ плащъ, съ гитарой подъ полою"—пѣлъ пріятный, мягкій баритонъ.

— И почему пѣсня эта такая задушевная, а припѣвъ къ ней самый несуразный: „Камзалія, Розалія, тирлимъ-бомъ-бомъ"? сказалъ Рябчикъ, очевидно, подъ вліяніемъ спящей природы, находившійся въ философскомъ настроеніи.

Пѣсня замерла; тишина ночи стала внимательнѣе и зорче.

— Сижу и думаю,—продолжалъ философствовать Рябчикъ:— можетъ ли отъ политики человѣкъ счастливѣе сдѣлаться, и полагаю, что не можетъ... Ну, скажите на милость, — обратился Рябчикъ къ Плавцеву:—развѣ отъ денегъ можетъ счастье произойти? Какую дачку ни получай, все одно пропьешь, аль на сударокъ потратишь, а самъ все счастливѣе не будешь, потому счастье не въ деньгахъ, а въ томъ, чтобъ фабрикъ не было, чтобъ не калѣчили онѣ народъ, да душу рабочему человѣку не томили. А то—чтобы фабрики въ лѣсу строились; окна открыты, и сосны въ нихъ заглядываютъ. Хорошо было бы, ей-ей.

— А и дурій же у тебя горшокъ!—грубо прервалъ Рябчика Васька Москвичъ.—Не изъ-за денегъ забастовки бываютъ, а изъ-за справедливости. Все, что только есть на свѣтѣ, все рабочимъ принадлежать должно. Когда будутъ хозяева наши получать дачку, какъ младшій мастеръ, вотъ тогда, значитъ, и наступило настоящее время. Справедливость начнется во всемъ: господа не будутъ хорохориться, шляпъ носить, да шампанское пить, а въ такихъ же портахъ, какъ и мы, рабочіе, променадиться будутъ.

Начался споръ, горячій и безтолковый.

— Что ты! Въ однихъ штанахъ съ дилекторомъ ходить

будешь?! Много васъ такихъ найдется, — иронизируетъ Рябчикъ.

— Буду, у тебя не спрошу позволенія... Наше дѣло будетъ верхъ,—убѣжденно-гнѣвнымъ голосомъ возражаетъ Москвичъ.

Спорили долго и наконецъ, видя безрезультатность своихъ дебатовъ, замолкли.

— А ты, холера, чѣмъ бы глотку драть, спросилъ бы ученаго человѣка. Вы, Викторъ Павловичъ, какъ думать изволите?— спросилъ Рябчикъ.

Плавцевъ не имѣлъ силъ говорить; хотѣлось принадлежать только самому себѣ и тихой природѣ. На черномъ пологѣ ночи насмѣшливо-весело мигала изумрудная, теплая звѣздочка... Плавцевъ промолчалъ. Рябчикъ и Москвичъ инстинктивно поняли, почему вопросъ остался безъ отвѣта, и, словно сконфуженные, сильнѣе заработали веслами, боясь говорить и тревожить чуткую тишину ночи. Долгое водное путешествіе, наконецъ, кончилось. Вотъ старый знакомецъ мостъ съ пляшущими досками, вотъ песчаная, тяжелая дорога. Жуткая тишина лѣса, полная еле слышнаго, но живого и таинственнаго шороха, заставила всѣхъ насторожиться. Робкое молчаніе прошло, когда черная толпа хмурыхъ деревьевъ разступилась и выпустила путниковъ на полотно желѣзной дороги. Вдали живымъ огнемъ драгоцѣнныхъ камней блистаютъ станціонные сигналы; надъ городомъ разлито блѣдное сіяніе электрическихъ фонарей. Хлопковыя ворота. Пахнетъ скверно, дышится тяжело, вспоминаются чистыя объятія сосноваго лѣса... Начинается городъ труда, городъ людей истомленныхъ тяжелою жизнью и жалкими надеждами. У сторожки, приткнувшейся въ уголку воротъ, слышится громкій окликъ. „Чего глотку дерешь?.. Свои... гравера!“—огрызается Рябчикъ. За воротами темно; около длинныхъ черныхъ амбаровъ тянутся рельсы съ темными силуэтами товарныхъ вагоновъ; погруженныя въ сонъ спальни близоруко вглядываются въ безпросвѣтную мглу одинокими, тускло освѣщенными окнами. Издали доносится тоскливый собачій вой.

— Гляньте, Викторъ Павловичъ, — шепчетъ Плавцеву Рябчикъ: — нашъ докторъ съ учительницей хороводится. И нашли гдѣ гулять: одинъ конфузъ себѣ пріобрѣтаютъ; ѣхали бы въ городской садъ или въ рощу шли бы.

Плавцевъ, глазъ котораго уже привыкъ къ темнотѣ, замѣтилъ медленно прогуливавшуюся пару... Въ мужчинѣ онъ узналъ Пріютина; какой-то завистливо-болѣзненный толчокъ въ сердце подсказалъ Плавцеву, что стройная женская фигура была Редутова.

— Хорошую сударку себѣ докторъ взялъ,—громко замѣтилъ Санька Сѣдой.

„О чемъ они говорятъ? Неужели любовная сцена? Здѣсь, у амбаровъ? Невозможно!“—быстро пронеслось въ головѣ Плавцева.

Еслибы Плавцевъ могъ слышать тихій разговоръ, перешедшій почти въ шепотъ отъ прохода неделикатной, шумной компаніи, то быстро разувѣрился бы въ словѣ „невозможно“.

Издалека тревожно стучала трещотка сторожа. За темной оградой фабрики со свистомъ и грохотомъ пробѣжалъ курьерскій...

— Развѣ я прошу васъ отказаться отъ работы? Вы знаете, что я тоже работаю; я не собираюсь выступить изъ партіи. Но почему мы должны отказываться отъ личнаго счастья, калѣчить себя изъ-за нравственныхъ правилъ собственнаго издѣлія? Это преступно... Это—самоубійство, смерть, а не жизнь. Жизнь!—съ наслажденіемъ протянула Редутова: — какое хорошее, бодрое слово!.. Жизнь... я такъ люблю жизнь!.. Пойдемте домой, мнѣ что-то стало свѣжо,—сказала она, кутаясь въ бѣленькую косынку, точно желая спастись отъ сильной нервной дрожи.

Недосказанныя слова, мысли, неясные облики счастья властною толпою охватили ихъ, сдѣлали нѣмыми, печальными и чуткими къ этой нежданной страничкѣ ихъ жизни. Пріютинъ первый прервалъ молчаніе.

— У Платона, въ его идеѣ совершеннаго государства, всѣ граждане города по роду своихъ обязанностей дѣлились на классы. Впереди всѣхъ стояли стражи города; это были философы, идейные вожди народа. Для нихъ не существовало радостей жизни, счастья, любви, семьи: ихъ счастье было — благо народа; личное счастье было преступленіемъ. Божественная гордость сознанія исполненнаго долга,—мучительная гибель личнаго я,—было для нихъ единственнымъ счастьемъ. Платоновскія идеи сбываются въ наши дни безсознательно, безотчетно, въ силу многовѣкового скопленія альтруистической энергіи. Мы, истинные стражи города, мы — рабы самаго суроваго властелина, какой только когда-либо былъ или будетъ на свѣтѣ, рабы народа: этого божественнаго скота. Да, рабы, но въ то же время и властелины. За нами идутъ, идутъ тысячи, милліоны вѣрныхъ, храбрыхъ, полныхъ надеждъ на земной рай, сотворенный руками человѣка. Вотъ это наше счастье—а другого, шкурнаго, тепленькаго счастья, у насъ нѣтъ... Я знаю, я чувствую въ эту минуту, что нѣтъ и не смѣетъ быть...—Послѣднія слова Пріютинъ произнесъ упавшимъ голосомъ; въ немъ что-то задрожало, точно иныя мысли хотѣли побѣдить это дерзкое отреченіе отъ жизни, которая такъ

прекрасна, такъ властна и такъ незамѣтно тихо смѣется надъ ребяческими попытками маленькаго человѣчка разбить оковы ея всемогущества.

Редутова поняла душевный разладъ Пріютина; она инстинктивно чувствовала, что можетъ побѣдить, завоевать себѣ счастье, прекрасное и радостное, какъ лѣтнее ясное небо, стихійное, какъ сама жизнь; но гордость мысли помѣшала Редутовой стать на сторону и безъ того сильнѣйшаго противника. Печальныя тѣни залегли на ея лицо... Пріютинъ продолжалъ горячо, точно съ кѣмъ-то спорилъ, доказывалъ что-то непонятное и настоятельно-важное.

— Отъ всего и навсегда нужно намъ отказаться; отъ всего, что̀ можетъ тѣшить наше я — отъ славы и любви... И я отказался... Нынче отталкиваю любовь, вчера — славу. Вчера я сжегъ свою диссертацію. Я понялъ, что мой трудъ дастъ мнѣ извѣстность, быть-можетъ имя въ наукѣ. Я это зналъ — иначе я не погубилъ бы своего дѣтища. Но, къ счастью, я понялъ, откуда дуетъ вѣтеръ; я понялъ, чему грозятъ мысли бѣднаго фабричнаго доктора о профессурѣ, европейской извѣстности, блестящихъ докладахъ на заграничныхъ съѣздахъ... Случайная греза, сонъ пробудилъ меня, вернулъ къ дѣйствительности. Вы приснились мнѣ, вы обнимали меня и влекли къ иному, радостному богу. Вы не можете себѣ представить, какъ въ эти минуты я ненавидѣлъ партійную работу. Я думалъ о томъ, что у Егорова — вѣчно беременная, полуслѣпая, противная жена; что Рыжовъ — порядочный плутъ и пьяница; что Анисимовъ за умѣренное вознагражденіе въ свое время продастъ насъ полиціи. Словомъ, я не вѣрилъ и презиралъ своихъ товарищей по работѣ, не вѣрилъ ей самой. Но я опомнился во̀-время. Сначала скверно было, а потомъ стало легко, хорошо: человѣкомъ себя почувствовалъ, увидѣлъ лицо своего бога — гордо и смѣло увидѣлъ, а не исподтишка, мимоходомъ, какъ другіе.

— Это — изступленное безуміе и ложь до послѣдняго слова. Нельзя бороться, не имѣя оружія. Повѣрьте, что устроить земной рай съумѣли бы только счастливые люди. Мнѣ жаль васъ... и себя также, — добавила Реутова, еле слышно, сквозь сдержанныя слезы.

— Я не нашелъ другого исхода. Необходимо съ этимъ примириться, — спокойно замѣтилъ Пріютинъ.

Они были у „нѣмецкихъ двориковъ“, гдѣ жила Редутова.

Доносились звуки рояля. Тишина ночи, неслышные человѣческому уху, но чувствуемые сердцемъ божественные аккорды

природы сообщали простенькой, старинной мелодіи Шубертовской „Серенады“ неизъяснимую прелесть.

— Прощайте, Михаилъ Андреевичъ. Я не спорю съ вами и больше, конечно, никогда не повторю своихъ словъ... Но я вѣрю только себѣ—вы не правы: жизнь сильнѣе чувства долга; они не должны враждовать между собою, иначе побѣда останется за жизнью. Прощайте. Спасибо вамъ за жестокій урокъ...— Редутова крѣпко пожала Пріютину руку.

Страсть любящаго, истрадавшагося человѣка вырвалась изъ груди Пріютина.

— Вѣра, слушай меня, Вѣра!—заговорилъ онъ такимъ голосомъ, что первое слово заставило Редутову счастливо насторожиться: — завтра мы будемъ братъ и сестра, завтра насъ будетъ соединять только наша вѣра и общее дѣло—сейчасъ мы другіе люди, иначе думаемъ, иначе чувствуемъ... Мимо того, что̀ насъ недостойно, я прохожу... Но я беру принадлежащее мнѣ прекрасное, чистое мгновенье любви.

Сильной рукой Пріютинъ привлекъ ее къ себѣ на грудь, такую слабую, безпомощную отъ любви.

— Оставьте, оставь меня...—радостнымъ голосомъ умоляла она Пріютина, въ упоеніи мимолетнаго счастья платя ему беззавѣтными поцѣлуями...

— Не бѣги отъ счастья! Жизнь такъ хороша! Милый, дорогой, не уходи! — шептала она, чувствуя, какъ ее несетъ за собой всемогущая волна жизни.

Пріютинъ очнулся отъ страстнаго дурмана.

— Простите меня... Я забылся... Ну, да того, что̀ было, не воротишь. До свиданія. Не позабудьте, что у васъ завтра лекція въ Никольской столовой... Всего хорошаго.

Редутова стояла у калитки сада. Помутившимся взоромъ она смотрѣла, какъ ночь быстро спрятала дорогого ей человѣка, и въ тоскливой истомѣ невольно думала о томъ, какъ быстро, безвозвратно пролетѣла счастливая минута. Впереди оставалось лишь „завтра“, скучное, неумолимое, безъ надежды, безъ счастья.

IV.

Фабричный гудокъ безъ устали воетъ. Въ осипшемъ желѣзномъ визгѣ гудка чудится боязливое, злое недовольство на то, что теперь на его властный, сердитый зовъ не идетъ обычно такая покорная, длинная вереница рабочаго люда. Черный, про-

коптѣлый насквозь фабричный корпусъ, всегда такой живой и шумный, сейчасъ печально-молчаливъ; въ открытыя окна виднѣются длинные ряды заснувшихъ станковъ. Все широкое пространство передъ корпусомъ полно народа... Толпа тихо волнуется, гудитъ ровно и однообразно. Говоръ идетъ тихій, въ полголоса, боязливый, но въ этой робости слышится накипь злобной надежды. Группируются по тѣснымъ кучкамъ; жадно прислушиваются ко всякимъ рѣчамъ, въ большинствѣ случаевъ вздорнымъ, но для слушателей полнымъ внутренняго смысла и живого интереса.

— Вотъ Пахомову явленіе святое причудилось, что, значитъ, дѣло наше будетъ удачливо, — повѣствуетъ внимательнымъ слушателямъ ткачъ-старикъ.—Идетъ, стало-быть, Пахомовъ изъ слободки мимо хозяйскаго дома, вдругъ на встрѣчу ему старичокъ попадается, по виду не городской и не изъ фабричныхъ, а не то монахъ, не то изъ крестьянъ. Глядитъ это Пахомовъ да такъ и обмеръ: видитъ, что это—Никола Старицкій; чудотворецъ, этакъ, обернулся къ хозяйскому дому, да и грозится, вотъ какъ сердито, а потомъ поглядѣлъ на Пахомова, благожелательно такъ, благословилъ его и скрылся. Очнулся Пахомовъ у себя въ каморкѣ передъ образомъ. Значитъ, навелъ на него святой безчувственную неподвижность, чтобы открыться ему въ видѣніи и насчетъ нашего предпринятія ободрить.

— А можетъ, Пахомовъ облыжно это разсказываетъ, — слышится робкое предположеніе.

Это предположеніе возмущаетъ слушателей.

— Эхъ, ты, голова на плечахъ!

— Банку бы тебѣ дать, еслибы не такое время.

— Да ты знаешь ли, что за человѣкъ Пахомовъ? Одно слово—праведникъ среди насъ грѣшниковъ, а ты, паскуда, про него такія рѣчи распускаешь!

— Нѣтъ, это ты зря сомнѣваешься въ Пахомовѣ, человѣкъ онъ справедливый, — авторитетнымъ голосомъ замѣтилъ разсказчикъ.

— Да это я къ слову... Что и говорить... Пахомовъ не изъ какихъ-нибудь,—конфузливо оправдывается скептикъ.

— Повидать бы Пахомова,—мечтательно говоритъ здоровенный рабочій съ задумчивыми, добрыми глазами.

— Ушелъ Пахомовъ, на другой день видѣнія ушелъ. Поклонъ послалъ и пожелалъ бастовать смѣло, — сказалъ сѣдой ткачъ.

— Оно, конечно, благодарить пошелъ, что, значитъ, сподобился.

Кучки не были застывшими, постоянными въ своемъ составѣ: точно волны, онѣ мѣнялись, дробились, увеличивались, исчезали, снова появлялись въ другомъ видѣ, съ иными лицами, съ другими разговорами на одну и ту же общую, интересную для всѣхъ тему.

— Такъ ты говоришь, что дилекторъ мутитъ, — слышится тревожный вопросъ.

— Безпримѣнно, что онъ. Не нашъ онъ, по всему видно. Вотъ красильный дилекторъ—тотъ съ нами за-одно. Потому, когда прошедшій годъ выразила красильная свое неудовольствіе—сразу хозяинъ согласился: стало быть, дилекторъ его усовѣстилъ. Да и намъ, ткачамъ, послѣднее подспособленіе изъ-за него, говорятъ, вышло.

— А ткацкій—стерва.

— Эхъ-ма! Сказать бы про него одно слово кому надо.

— Зря говоришь. Не такое это дѣло. Еще хозяинъ разсердится, а онъ вѣдь тоже за свое сужденіе постоять можетъ.

— Чтò и говорить, хоть и изъ господъ, а не кислый.

— Насвиститъ ему дилекторъ на ухо про насъ, вотъ тутъ вамъ и миръ будетъ.

— Чтò зря языкъ-то чешешь! Развѣ не знаетъ хозяинъ, чтò за мы. Послѣдніе непорядки ему милліонъ стоили... А теперь еще хуже будетъ. Читали, братцы, чтò въ прокламаціяхъ сказано.

— Вотъ что я вамъ, братцы, скажу...—громко и увѣренно раздался чей-то голосъ. Говорилъ рослый, красивый блондинъ, съ сѣрыми, непріятными глазами. — Ничего изъ нашего теперешняго дѣла путнаго не выйдетъ. Зря забастовали мы: попросить хозяина, хотя бы сначала, миромъ. Больно скоро позабыли про третій годъ, чего мы только натерпѣлись, а потомъ, когда хозяинъ уступилъ, помните, чтò старшій мастеръ Даниловъ разсказывалъ?

— Нѣтъ. А чтò?

— Запамятовали...

— Не знаемъ...—послышались голоса.

— Вотъ напрасно запамятовали, а я вотъ помню очень даже хорошо. Больше всего вѣдь за наше дѣло Даниловъ стоялъ; ну, хозяину это хорошо извѣстно было... Когда уступилъ намъ хозяинъ, пригласилъ къ себѣ Данилова и спрашиваетъ: „Вѣришь ты въ Бога?“—„Вѣрю“,—говоритъ Даниловъ.—„И я, говоритъ, вѣрю“. Потомъ перекрестился на образъ, въ землю колѣнопреклонился и говоритъ: „Ты среди нихъ изъ первыхъ смутьяновъ,—

передай, что я побожился силѣ не уступать; по міру пойду, а со слова не сдвинусь".

Разсказъ произвелъ впечатлѣніе; отъ прикосновенія проклятой силы новаго слова, новой мысли первое робкое сомнѣніе закралось въ сердце толпы.

— Братцы, что̀ и впрямь.

— Поторопились, что̀ и говорить.

— Подумать бы еще слѣдовало... А то, говорятъ, забастовку нашу на Забѣлинской фабрикѣ безъ насъ ихніе политики порѣшили.

Въ неувѣренныхъ, тревожныхъ фразахъ зарождалась психическая зараза, которая могла незамѣтно захватить всю эту колышащуюся, живую волну. Мощный фабричный гудокъ, не теряя надежды, по прежнему звалъ своимъ властнымъ, густымъ ревомъ. Раздался чей-то оскорбленный, сердитый голосъ:

— Вы его побольше, братцы, слушайте, тогда вѣрно, что вамъ лучше не будетъ. Брешетъ онъ на Данилова, благо тотъ въ Сибири теперь,—стало быть, какъ на мертваго, все на него валить можно. А я съ Иваномъ Степановичемъ другомъ былъ съ малыхъ лѣтъ и ничего такого отъ него не слыхивалъ... Что въ землю хозяинъ поклонился, это вѣрно, только сказалъ совсѣмъ другое: „не тебѣ въ ноги кланяюсь, у всей фабрики за мои непріятности прощенья прошу". Это и я, и Саша Фидяевскій, и Степа Ржевскій Христомъ Богомъ поклянемся, что отъ Данилова слышали.

Настроеніе слушателей мигомъ измѣнилось.

— А ты что за хозяевъ заступаешься, иль самъ изъ господъ?

— Можетъ, вы еще въ полицейскихъ состоите?

— Шелъ бы къ господамъ, если самъ такой лакированный.

— Эхъ-ма, погладить бы ему, ребята, бока...

Послышалась трехъ-этажная брань. Люди злыми глазами смотрѣли на этого отщепенца, который говорилъ непріятныя для нихъ вещи. Еще минута, и кто-нибудь первый попробуетъ „погладить", а затѣмъ всѣ бросятся, будутъ бить, топтать безъ удержа, безъ пощады. Блондинъ почувствовалъ опасность минуты и, блѣдный отъ страха, забормоталъ: „очень вы даже напрасно такъ, братцы, думаете"... Но надвигавшаяся опасность, точно по мановенію чудеснаго жезла, исчезла. Разговоры мгновенно смолкли; всѣ торопливо потянулись къ чему-то новому, интересному, захватившему всеобщее вниманіе. Любопытство толпы приковалъ къ себѣ маленькій, оборванный рабочій. Онъ взобрался на рѣшетку палисадника передъ корпусомъ и во всю

силу слабаго голоса выкрикивалъ: „Ребята, истинный Христосъ вотъ, видѣлъ! Пріѣхалъ въ экстренномъ вагонѣ и сейчасъ это по телефону съ городомъ пошелъ разговаривать. Поди, нашъ дилекторъ его научилъ, при немъ вьюномъ вился“...

— Громче! Громче языкъ трепи!—кричали любопытные.

— Хозяинъ пріѣхалъ.

— Дилекторъ мутитъ.

— А по мнѣ, братцы, хорошо, что хозяинъ пріѣхалъ. Дѣло наше теперь вѣрное, вотъ помяните мое слово. Замутилъ бы воду дилекторъ съ управляющимъ, а теперь не то: вся наша справедливость у хозяина на глазахъ,—ораторствовалъ разсказчикъ чудеснаго видѣнія.

— Депутація пойдетъ, если что.

— Объяснимъ подробно нашу жизнь распроклятую.

— Товарищи, гляньте, хозяинъ проѣхалъ къ дому! — крикнулъ громкій голосъ.

Глаза толпы мигомъ, точно по командѣ, обернулись по направленію къ хозяйскому домику, къ которому быстро подкатила щегольская коляска... Злобный гулъ пошелъ въ толпѣ; нѣсколько одинокихъ рукъ робко было потянулись къ картузамъ и быстро конфузливо опустились, не дойдя до мѣста назначенія. Злые глаза внимательно вперились въ полнаго, небольшого роста блондина, вышедшаго изъ коляски. Это былъ самый крупный пайщикъ „Товарищества“, владѣлецъ и вершитель судебъ мануфактуры, Георгій Степановичъ Вакуловъ. Толпа горячо принялась обсуждать значеніе пріѣзда Вакулова.

— Не къ добру, товарищи, что хозяинъ пріѣхалъ, вотъ вспомните мое слово.

— Къ тому же на экстренномъ поѣздѣ.

— Поди, тысячи двѣ за спѣшку заплатилъ.

— И зачѣмъ это, товарищи, хозяинъ по телефону говорилъ?..

— Хозяинъ, братцы, у насъ человѣкъ правильный... А дилекторъ вотъ...

Точно привѣтствуя пріѣздъ хозяина, могучій гудокъ, уныло было примолкнувшій, съ новой силой завопилъ, застоналъ во всю мощь своей желѣзной груди. Даже молчавшій все время автоматическій колоколъ зазвонилъ укоризненно тихо и грустно. Для всей этой толпы гудокъ и колоколъ не были неодушевленными предметами: фабрика, какъ единый и живой организмъ, всегда знала и повиновалась только этому гудку, только этому небольшому мѣдному колоколу. Вотъ почему новыя попытки былого властелина усмирить взбунтовавшихся рабовъ вызвали приливъ

новой волны молодой, задорной силы. Толпа ругалась, пересмѣивалась, разговаривала съ этими почти живыми, вѣрными слугами свергнутой теперь власти.

— Братцы, пожаръ: слышь, набатъ бьетъ.

— Ишь, разорался! Что, небось, хозяину обрадовался?

— Эхъ, ребята, пойти бы голову открутить соловью нашему...

Долго еще не расходилась толпа; въ ней мѣнялись люди и настроенія; она то грустно стихала, то властно шумѣла, словно набѣгающія волны могучаго моря жизни. Уже солнце расплавилось въ золото и кровь, когда толпа, утомленная ожиданіемъ тревожнаго будущаго, потянулась длинными хвостами по домамъ. Громадная площадь быстро пустѣла. Одиноко-угрюмо стоялъ молчаливый корпусъ. Красноватые блики заходящаго солнца лѣзли въ темныя впадины открытыхъ оконъ, всюду шарили, заставляли блестѣть сталь машинъ и, словно пугаясь непривычной тишины, быстро таяли, умирая въ теплыхъ объятіяхъ лѣтняго вечера... Быстро догоралъ день тревожныхъ ожиданій.

С. Холщевниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КРЕСТЪ НА РАВНИНѢ

Романъ Клары Фивихъ.

„Das Kreuz im Venn", Roman von Clara Viebig. Berlin, 1908.

Окончаніе *).

XII.

Когда Ленкуленъ приподнялъ голову лейтенанта и положилъ ее къ себѣ на колѣни, онъ почувствовалъ, что пальцы его влажны.

Все время висѣвшая въ воздухѣ гроза теперь разразилась. Но это было облегченіемъ; исчезъ гнетъ, стало свѣтлѣе. Они перенесли больного, сдѣлавъ для этого обходъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставались велосипеды. Ихъ связали вмѣстѣ при помощи носовыхъ платковъ, и положили безчувственное тѣло поперекъ сѣделъ. Ленкуленъ, благодаря своей богатырской силѣ, поддерживалъ его и охранялъ отъ толчковъ. Одинъ изъ товарищей правилъ, другой подталкивалъ велосипеды.

— Печальное шествіе!—пробормоталъ врачъ.

Живъ ли былъ юноша? Да, онъ былъ живъ, но послѣ бѣглаго осмотра при свѣтѣ молніи трудно было рѣшить, грозитъ ли его жизни опасность. Смутныя опасенія тревожили товарищей. Куда онъ могъ скакать ночью на неосѣдланной лошади? Что за безуміе!

Ленкуленъ молчалъ. Онъ ощущалъ къ юношѣ состраданіе, въ которомъ не хотѣлъ сознаться самому себѣ. Быть можетъ, было бы

---

*) См. іюнь, стр. 654.

лучше для молодого офицера, если бы онъ умеръ не приходя въ себя. Проклятая баба! И все же бургомистръ молчалъ; онъ не желалъ открывать передъ посторонними, какимъ позорнымъ пятномъ на всемъ округѣ была эта женщина!

Офицеры тоже смолкли.

Когда фонъ-Шеффлеръ возвращался отъ невѣсты, кто-то съ дороги окликнулъ его и подошелъ къ экипажу.

— Пожалуйте, г. оберлейтенантъ, мы васъ ждали. Можете взять его съ собою. Онъ тамъ.

— Кто? Абекингъ?—воскликнулъ Шеффлеръ, соскакивая на землю. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Абекингъ лежалъ на диванѣ, съ холодными компрессами на головѣ, которые фрау Ленкуленъ постоянно мѣняла, онъ невольно содрогнулся. У стола сидѣли съ поникшими головами военный врачъ и Шмидтъ. Шеффлеръ кивнулъ имъ и, бросивъ взглядъ на измѣнившееся мертвенное, съ полуопущенными глазами лицо товарища, пробормоталъ:—Плохо! Плохо!—и нахмурилъ брови. Затѣмъ онъ подозвалъ врача:—Докторъ, на минутку!

Они вышли на улицу и, прохаживаясь взадъ и впередъ, стали говорить въ полголоса.

Шеффлеръ боялся, чтобы его будущій тесть не узналъ объ этой исторіи. Хорошаго мнѣнія будетъ онъ объ офицерахъ!

— Но вѣдь г. Іозефъ Шмёльдеръ далъ вамъ честное слово молчать о томъ, что онъ случайно видѣлъ?

— Да, конечно.

— Ну, въ такомъ случаѣ — будемъ надѣяться на лучшее. Иначе Абекингу не сдобровать.

Іозефъ готовъ былъ отколотить себя за то, что онъ противъ воли разыгралъ предателя. Нужно же ему было, при разсказѣ Шеффлера объ исчезновеніи товарища, слегка улыбнуться и сказать, пожавъ плечами: „Cherchez la femme“! Улучивъ минуту, женихъ отвелъ его въ сторону и сталъ распрашивать. Іозефу пришлось разсказать, что ночью ему не спалось (его раздражилъ семейный ужинъ и присутствіе офицера, который все болѣе становился ему противнымъ), онъ вздумалъ погулять при лунѣ и, зайдя довольно далеко, прилегъ отдохнуть на травѣ. Стукъ копытъ вывелъ его изъ забытья, и въ первую минуту онъ подумалъ, что ему пригрезилось. На небѣ стояла полная луна, отражавшаяся въ озерѣ, и по залитой серебрянымъ луннымъ свѣтомъ

дорогѣ, между двухъ рядовъ гигантскихъ сосенъ, медленно, почти торжественно скакалъ крупный арденнскій конь, везшій принца и принцессу въ заколдованное царство... Мужчина держалъ женщину передъ собою, онъ обвивалъ рукою ея станъ, а она оборачивала къ нему свое бѣлое лицо, и онъ цѣловалъ ее. Іозефъ узналъ въ мужчинѣ офицера по свѣтлымъ пуговицамъ на мундирѣ; притомъ солдатъ не могъ бы такъ сидѣть на лошади. Луна освѣщала бѣлокурыя головы... Вдругъ они остановились. Ѣздокъ соскочилъ и принялъ въ свои объятія возлюбленную. Они привязали лошадь къ деревцу у дороги и скрылись за кустами, среди которыхъ вилась тропинка, ведшая внизъ къ озеру. Когда Іозефъ возвращался домой, на башенныхъ часахъ пробило два.

Вотъ что онъ разсказалъ Шеффлеру и тутъ же пожалѣлъ объ этомъ при видѣ холоднаго лица молодого офицера. Неужели онъ — совершенно бездушный человѣкъ? Какая жизнь предстоитъ съ нимъ бѣдной маленькой Гедвигѣ? Удивительно, что Генрихъ, съ его недовѣріемъ къ людямъ, съ его проницательностью — могъ поддаться обману!

Послѣ этого непріятнаго разговора Іозефъ долго ходилъ по саду, стараясь успокоиться. Только здѣсь, лицомъ къ лицу съ природою, онъ могъ быть самимъ собою.

XIII.

Праздники окончились, и ткачъ Генсъ снова уѣхалъ рано утромъ на работу въ Аахенъ. Онъ надѣялся къ слѣдующему воскресенью найти жену бодрою, такъ какъ сегодня Бербеле должна возвратиться, а самой Аннѣ-Лизѣ казалось, что она уже ощущаетъ благодѣтельное вліяніе обряда. Она подоткнула платье, вымыла начисто кадушку и маслобойку, долго стоявшія безъ употребленія. Можетъ-быть скоро она будетъ въ состояніи сбить нѣсколько фунтовъ масла и продать ихъ въ городъ. Дѣти уже бѣгали къ двумъ поѣздамъ — встрѣчать Бербеле, но она не пріѣхала. Это всѣхъ огорчило.

Катринхенъ не была съ ними. Она пасла коровъ богатаго Адамса, взявшаго ее на все лѣто. Въ школу ей теперь не надо было ходить, а онъ положилъ ей двадцать-пять марокъ, кромѣ харчей, и къ осени обѣщалъ купить ей башмаки. Хорошо было теперь въ цвѣтущей степи; пчелы жужжали надъ цвѣтами, а по

вечерамъ олени безстрашно просовывали свои головы изъ чащи и даже подходили къ стаду.

Адамсъ наказывалъ Катринхенъ беречь стадо, и дѣвочка, серьезно кивая головою, отвѣчала, что дяденька можетъ не безпокоиться: Богъ убережетъ ее и „скотинку" отъ всякаго зла. Крестьянинъ усмѣхнулся и посулилъ ей обновку.

Катринхенъ пасла коровъ неподалеку отъ Маріина Луга. Солнце ярко освѣщало высокій крестъ, окружая его сіяніемъ. Внизу виднѣлась желѣзнодорожная насыпь; рельсы казались не толще волоска. Сюда глухо доносились звуки пальбы: на плацу происходило ученье, мелькали значки, скакали лошади и поднимались облака пыли. Дѣвочка удобно усѣлась въ тѣни скалы и принялась за вязанье. Ей не приходило въ голову бояться. Не была ли всегда съ нею Матерь Божія? Катринхенъ запѣла одну изъ своихъ любимыхъ духовныхъ пѣсенъ; здѣсь хорошо было пѣть, никто не мѣшалъ ей, не держалъ ее за платье, здѣсь она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ.

Симонъ Брейеръ шелъ изъ колоніи. Онъ залюбовался своею родною степью. Скоро все здѣсь зацвѣтетъ, всюду заалѣютъ колокольчики. Къ веснѣ и въ его команду словно бѣсъ вселился. Рыжаго Якоба пришлось даже посадить въ карцеръ на хлѣбъ, на воду. Симонъ водилъ жену по всему своему заведенію, но до чего женщины пугливы! Увидѣвъ за рѣшеткою лицо Рыжаго, его приплюснутый носъ и дикіе глаза, она вскрикнула отъ страха, и до сихъ поръ парень не идетъ у нея изъ головы. Не можетъ онъ убѣдить свою Терезхенъ поселиться здѣсь: боится она за дѣтей и за себя. Пусть еще подумаетъ дома на досугѣ. Черезъ часъ она уѣдетъ, и онъ снова останется одинъ.

Брейеръ вздохнулъ и ускорилъ шаги, но въ это время раздался дѣтскій голосъ:

— Скажите пожалуйста, который теперь часъ?

Маленькая пастушка подходила къ нему съ вязаньемъ въ рукѣ. Его пасмурное лицо просвѣтлѣло, онъ вспомнилъ о своей дочкѣ и привѣтливо отвѣчалъ:

— Одиннадцать!

— Благодарствуйте. Скоро пора гнать домой.

Ему понравилось личико, окаймленное краснымъ ситцевымъ платкомъ, и онъ спросилъ: не боится ли она?

Катринхенъ изумленно покачала головою. Чего же ей бояться?

— Ты чья?

— Ткача Генса... Я Катринхенъ. Вы мимо насъ ходите въ церковь.

— Ты развѣ знаешь меня?

— Какъ же! Вы—г. Брейеръ, изъ того дома на равнинѣ; я часто вижу васъ и вашихъ людей.

— А ты не показываешь имъ языкъ, не бросаешься камнями? Ну, не сердись. Дай руку.

Но Катринхенъ вся побагровѣла и серьезно обидѣлась. Какъ могъ онъ подумать о ней такъ дурно?

— Прощайте,—сказала она обиженно и отошла.

Брейеръ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ изъ колоніи, шедшихъ сюда съ помощникомъ надзирателя, и подумалъ, что надо сказать Генсамъ: пусть-ка они посылаютъ дѣвочку куда-нибудь въ другое мѣсто. Онъ былъ необычно взволнованъ, думая о прощальномъ свиданіи съ женою.

Среди колонистовъ чувствовалось особое возбужденіе. Весенній воздухъ, который они вдыхали полною грудью, опьянялъ ихъ, навѣвая имъ мечты о волѣ. „Живодеръ" и башмачникъ шепотомъ сговаривались о побѣгѣ. Помощникъ надзирателя — не помѣха, съ нимъ можно покончить однимъ щелчкомъ. До границы Бельгіи — рукой подать, а тамъ... Они совсѣмъ-было размечтались о волѣ, но орудійные залпы и облака пыли напомнили имъ о близости ученья. Гдѣ тутъ проберешься сквозь цѣпь солдатъ? Еще подъ выстрѣлы угодишь. А вернется Брейеръ, ушедшій проводить жену—и будетъ поздно. Отъ него не убѣжишь... Проклятіе! Съ крикомъ ярости и боли арестантъ швырнулъ свой инструментъ о-земь, и самъ бросился ничкомъ въ порывѣ отчаянія. Поднялась суматоха. Подбѣжалъ надзиратель, спрашивая: въ чемъ дѣло?

Тѣмъ временемъ рыжій Якобъ, съ лица котораго струился потъ и грудь тяжело дышала, растянулся въ ближайшихъ кустахъ подъ охраною старика, посовѣтовавшаго ему передохнуть. Шаги и голоса удалялись, но онъ зналъ, что старый „ханжа" не выдастъ его. Мало-по-малу онъ отдышался, воздухъ былъ такъ хорошъ, но вдругъ къ жужжанію пчелъ присоединились тихіе звуки. Кто-то пѣлъ, и это болѣе испугало Якоба, чѣмъ голосъ надзирателя... Неподалеку отъ него стояла дѣвочка и собирала розовые колокольчики. Катринхенъ пришло въ голову украсить Маріинъ крестъ вѣнкомъ, и она принялась рвать цвѣты по близости. Съ незнакомцемъ, отдыхавшимъ въ тѣни, она привѣтливо поздоровалась. Но онъ, не отвѣчая, указалъ пальцемъ на подолъ ея юбочки.

Она взглянула и ужаснулась. Ея вязанье? Господи Боже мой! Она тащила его за собою и нитка не порвалась, но обви-

лась вокругъ ея башмака, перепутавшись съ вязаньемъ и сухими стеблями травы. Она выронила вѣнокъ и схватилась за вязанье, обмотавшееся разъ десять вокругъ ея ноги: она еле могла двигаться.

Человѣкъ лежалъ на животѣ, подпирая лицо ладонями. Онъ не шевельнулся. Какъ она была мила! Блѣдныя его губы на исхудаломъ лицѣ растянулись въ улыбку. Но лицо дѣвочки искривилось: она собиралась заплакать. Тогда онъ пробормоталъ:

— Постой, я помогу тебѣ!

Онъ подползъ къ ней и, взявъ въ руки ея ножку, принялся медленно распутывать нитку; онъ чувствовалъ теплоту ея кожи и его бросало въ дрожь.

— Благодарствуйте,—сказала Катринхенъ съ облегченіемъ, но вдругъ снова всплеснула руками. Петли она спустила, иголки выскочили, все пропало... Кровь ударила ей въ голову, она дрожащими руками тщетно пыталась поймать петли, работа не клеилась...

— Не реви! — сказалъ арестантъ и взялъ у нея изъ рукъ дѣтскій чулочекъ. Еще за время своей первой отсидки въ тюрьмѣ онъ научился вязать. Теперь это пригодилось.

Дѣвочка смотрѣла на него во всѣ глаза, удивляясь его ловкости. Она вскочила и чуть не заплясала отъ радости, но онъ дернулъ ее за платье и закричалъ: „Молчи!“—Тутъ только она замѣтила, что на немъ арестантская одежда, но не испугалась. Онъ былъ такъ добръ!

Дѣвочка усердно вязала, стараясь наверстать потерянное время, и они тихо разговаривали между собою; она довѣрчиво разсказывала ему о школѣ, о родителяхъ, о братьяхъ и сестрахъ, о коровѣ. Онъ слушалъ ее, не сводя съ нея глазъ. Вдругъ раздался громкій зовъ,—должно быть возвращался Брёйеръ! „До свиданія!“—шепнулъ онъ хрипло. Захочетъ ли она подать ему руку?

Катринхенъ охотно протянула ему руку. Какъ отрадно было для него сознаніе, что эта крошка не боится его! Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ. Безумное желаніе поцѣловать ее овладѣло имъ, но онъ сдержался. Она испугается и больше не придетъ, а онъ долженъ увидѣть ее.

Катринхенъ возвращалась домой радостная. Ея семь коровъ наѣлись досыта и не дурили дорогою. Дровосѣки шли изъ лѣсу, какой-то крестьянинъ гналъ своихъ воловъ въ кузницу. На небѣ

догорали послѣдніе огни заката. Женщины сидѣли на порогѣ своихъ домовъ и чистили картофель; многія привѣтливо поздоровались съ дѣвочкой. Фрау Адамсъ дала ей хлѣбецъ съ масломъ и сыромъ. Катринхенъ очень хотѣлось его съѣсть, она украдкою лизнула его съ краю, но рѣшила оставить его для матери или Бербеле.

Однако Бербеле все еще не возвращалась, и это начинало тревожить мать. У дѣтей, сидѣвшихъ за ужиномъ, разгорѣлись глаза: молочная похлебка съ хлѣбными корками. Давно уже этого не было. Добрая коровушка! Что-то скажетъ Бербеле, когда узнаетъ о теленкѣ?

Въ низенькой кухнѣ стемнѣло. Лѣтомъ изъ экономіи лампочку не зажигали. Дѣти все съѣли и имъ хотѣлось спать. Вернется ли сегодня Бербеле? Никто не зналъ, который часъ, такъ какъ часовъ въ домѣ не было.

Вдругъ дверь распахнулась, послышались знакомые шаги—это была Бербеле. Доресъ заплакалъ.

Мать схватила въ объятія и покрыла поцѣлуями измученнаго, усталаго ребенка. Вотъ онъ—ея Доресъ, и ему гораздо лучше!

— Здравствуйте! — сказала Бербеле, но голосъ ея звучалъ глухо. Дѣти окружили ее и наперерывъ стали разсказывать ей о коровѣ и теленкѣ. Но она вдругъ опустилась на скамью и разразилась рыданіями.

Мать подумала, что это—отъ радости, и стала ласково гладить ее по растрепаннымъ, сбившимся волосамъ, съ которыхъ соскользнулъ платокъ. При свѣтѣ зажженной Катринхенъ лампочки мать увидѣла, до какой степени измѣнилась дѣвушка. Она была такъ блѣдна и такъ осунулась въ лицѣ, что казалась постарѣвшею. Да, тяжело ей было съ Доресомъ! Да наградитъ ее Богъ за то, что она сдѣлала для своихъ! Ну, что же она не разскажетъ имъ про богомолье?

Но Бербеле молча покачала головою. Ну, хорошо, до завтра. Она слишкомъ устала. Мать погнала дѣтей спать. Бербеле легла рядомъ съ Катринхенъ и заснула какъ убитая.

Какъ ни устала съ дороги Бербеле, однако поутру она ушла на фабрику ранѣе, чѣмъ проснулась мать, и вечеромъ она опять вернулась домой уже поздно. Такъ шли день за днемъ, недѣля за недѣлею, и только по воскресеньямъ, когда отецъ бывалъ дома, Бербеле вспоминала о чудесахъ Эхтернаха. Она разсказывала о нихъ и ея блѣдныя щеки розовѣли, а домашніе внимали ей съ благоговѣйнымъ трепетомъ.

Была середина іюля, наступили палящіе жары, и краю грозила засуха. Солнце безжалостно спалило траву на равнинѣ, ощущался недостатокъ въ водѣ, всѣ лужи пересохли; на болотахъ копали торфъ, и кучи его казались свѣже-вырытыми могилами. Ослѣпительная лазурь неба становилась нестерпимою для глаза; все жаждало дождя, но его не было. Крестьяне давнымъ-давно пили изъ запечатанныхъ колодцевъ. Теперь не одинъ изъ нихъ жалѣлъ о томъ, что водопроводъ не былъ построенъ. У богатаго Адамса даже вышелъ по этому случаю крупный разговоръ съ бургомистромъ. Ленкуленъ былъ очень удрученъ—не утратою своей популярности, но лежавшимъ на немъ чувствомъ отвѣтственности. Ни ласки нѣжно любимой Марихенъ, ни дружба Іозефа не могли отвлечь его отъ печальныхъ мыслей. Когда же въ лагерѣ оказались два случая тифа, его охватилъ ужасъ.

Онъ усердно молился, а днемъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ на диванѣ, прикрывшись газетою и дѣлая видъ, что читаетъ. Это надрывало сердце Марихенъ, не узнававшей своего мужа. Въ лагерѣ тоже были перемѣны. Прекратились поѣздки къ „Бѣлому Лебедю". Абекингъ поправился отъ раны на головѣ и получилъ отпускъ, за которымъ, какъ всѣ это знали, должна была послѣдовать отставка. Товарищи очень жалѣли о немъ.

Іозефъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ изъ дому. Выставка приданаго, хлопоты и заказы, приторныя любезности жениха съ невѣстою—выводили его изъ себя. Онъ мечталъ объ охотничьей хижинѣ какъ о землѣ обѣтованной, но за неимѣніемъ прислуги мечта его не могла осуществиться.

Однажды, когда Ленкуленъ съ опущенною головою проходилъ мимо „Лебедя", ландратъ съ окружнымъ врачомъ зазвали его. Глаза хозяйки блеснули злобной радостью: зададутъ они этому мужлану, вздумавшему презирать ее! Ужъ не онъ ли видѣлъ ее въ ту ночь съ Абекингомъ? Онъ—причиною того, что бѣднаго мальчика уволили въ отставку.

Ленкуленъ сразу увидѣлъ, что его намѣрены подвергнуть форменному допросу. Извѣстно ли ему положеніе дѣлъ? Знаетъ ли онъ, что былъ случай тифознаго заболѣванія на Зеленомъ Лугу, т.-е. тамъ, гдѣ колодцы особенно плохи? Да, онъ знаетъ о болѣзни Мехерниха. Онъ тяжело боленъ. Ленкуленъ старался говорить спокойно, но не могъ скрыть своего волненія.

Врачъ и ландратъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ, и послѣдній обратился къ Ленкулену.

— Вотъ видите! А все ваше упрямство, бургомистръ! Построили бы водопроводъ. Безъ здоровой воды не можетъ быть

здороваго населенія. Больше свѣту, больше воздуху въ домахъ! Долой ваши деревья, настежъ окна, проведите воду въ каждый домъ и...

Ландратъ собирался продолжать, но Ленкуленъ, вопреки всѣмъ правиламъ вѣжливости, перебилъ его.

— Тогда всѣ мы будемъ такъ здоровы, что намъ не понадобится строить больницу. Теперь, когда я знаю, въ чемъ дѣло— вы позволите мнѣ уйти?—Онъ проговорилъ эти слова безъ вызова, но очень выразительно, и, поднявшись съ мѣста, выпрямился во весь свой богатырскій ростъ. Его голубые глаза вспыхнули, онъ устремилъ ихъ въ сторону буфета, откуда послышалось легкое хихиканье.

Прекрасная Елена побагровѣла. Она встрѣтила взоръ, исполненный такого невыразимаго презрѣнія, что колѣни у нея задрожали. Она пробралась потихоньку въ темный корридоръ и остановилась тамъ, трепеща отъ ярости и въ то же время кусая себѣ кулаки, для того чтобы не заплакать. Ей вдругъ стало стыдно. Чего?—она сама не знала.

Всѣ встали изъ за-стола и довольно холодно простились съ бургомистромъ. Еще одно!

Взявшись за шляпу, онъ сказалъ, не моргнувъ глазомъ, хотя сдавленнымъ голосомъ:

— Къ вашему свѣдѣнію, господа, я могу еще добавить, что у ткача Генса заболѣлъ ребенокъ. Вѣроятно—это также тифъ. Честь имѣю кланяться!

Ленкуленъ медленно шелъ по улицѣ. Небо казалось свинцовымъ. Бургомистръ держался прямо и увѣренно, покуда его могли видѣть, но, очутившись за городомъ, онъ сразу согнулся. Онъ не выдалъ себя передъ „господами“, но на сердцѣ у него было тяжело. Этотъ палящій зной! Сѣно пропадетъ, придется продавать скотину за безцѣнокъ. Помочь бѣдѣ—не во власти человѣка; помощи можно ждать только отъ Всевышняго.

Онъ поднялъ глаза къ небу. Еслибы Господь послалъ дождь! Все еще могло бы поправиться... Дождя, ради Бога, дождя! Зажмуривъ глаза, онъ сталъ горячо молиться. Отъ степи поднимались удушливыя испаренія, затруднявшія дыханіе; солнце палило, и небо казалось тяжелою синею пеленою. Въ это время раздался ударъ колокола: звонили къ Angelus. Сегодня былъ день поминовенія усопшихъ.

Прошло еще два дня. Колодцы пересохли; на днѣ ихъ оставалась жидкая грязь, которую и скотина отказывалась пить; трава была сожжена. Деревня переживала страшные часы, но всѣхъ тяжелѣе было Ленкулену, чувствовавшему себя преступникомъ. Онъ метался всю ночь по постели, и Марихенъ, дѣлая видъ, что спитъ, въ тревогѣ прислушивалась къ его неровному дыханію. Наканунѣ кто-то обругалъ его въ темнотѣ. Даже за нею, когда она ходила навѣщать больного Дореса, гнались ребятишки, дразнили ее и кричали какія-то глупости... А давно ли они были самыми уважаемыми людьми на деревнѣ?

Однажды поздно вечеромъ, не будучи въ состояніи спать, они сидѣли въ большой комнатѣ и молчали, какъ вдругъ со двора послышался какой-то шумъ и шелестъ. Марихенъ даже подумала: не дождь ли это? Но тутъ раздался трескъ разбитаго стекла, ярко блестѣвшаго при лунномъ свѣтѣ, и въ комнату влетѣлъ камень...

Вслѣдъ за нимъ шлепнулось объ полъ что-то мягкое. Въ комнату полетѣли комья всякой гадости: коровьяго и лошадинаго помета... Затѣмъ началось кваканье и карканье, ржаніе и фырканье, мяуканье и лай—настоящій адскій концертъ.

Фрау Ленкуленъ обвила руками своего Бэртеса и крѣпко прижала къ своей груди его голову, для того чтобы онъ не слышалъ этой позорной серенады, устроенной ему его согражданами.

— Бэртесъ, что же это такое?—шептала она среди рыданій.

— Молчи, Марихенъ!—проговорилъ онъ. Голосъ его былъ спокоенъ, даже не гнѣвенъ, а только печаленъ. Онъ подошелъ къ окну и, распахнувъ его, крикнулъ:—Ну, будетъ дурить! Ступайте по домамъ!

Жена, стоявшая рядомъ съ мужемъ, вдругъ подалась назадъ. Комокъ грязи залѣпилъ ему все лицо и обрызгалъ ее. И чей-то голосъ, передразнивая Ленкулена, произнесъ:—„Будетъ дурить! Ступайте по домамъ!“—Въ отвѣтъ на это раздались похожій на ржаніе хохотъ, трескъ сучьевъ и шорохъ: ночная компанія поспѣшно убѣгала.

— Іезусъ-Марія!—Она съ громкимъ плачемъ скрыла лицо у него на груди. Такое оскорбленіе—ему!

Онъ погладилъ ее по головѣ.—Не плачь, Марихенъ, пусть ихъ кричатъ.

Былъ ли онъ дѣйствительно спокоенъ, или только казался спокойнымъ? Рука его была холодна какъ ледъ.

— Ступай наверхъ, Марихенъ, тамъ навѣрно эти негодяи тоже напакостили.

Она колебалась, но онъ такъ настойчиво повторилъ: „Ступай!“, что она повиновалась.

Дрожащими руками принялась она за уборку. Полъ и стѣны были выпачканы, осколки стекла попали даже на кровати. Колѣни у нея подгибались, но она ни за что на свѣтѣ не позвала бы служанку. Слава Богу, что та спитъ на другой сторонѣ. Глубокій стыдъ охватилъ фрау Ленкуленъ, горькія слезы обиды струились по ея пылавшему лицу во время этой унизительной работы. Это уже не глупости, это—гадость. Сорокъ лѣтъ—всю свою жизнь она прожила въ Хеккенбройхѣ, и ей въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь изъ здѣшнихъ могъ нанести такое оскорбленіе не ей, а ея мужу. Что-то онъ дѣлаетъ тамъ одинъ?

Она на цыпочкахъ пробралась къ двери, тихо нажала ручку и заглянула въ комнату. Ленкуленъ стоялъ на колѣняхъ у стола, опустивъ голову на руки, положенныя на край стола. Плечи его вздрагивали; видно было, что онъ тяжело и неровно дышитъ. Она не рѣшилась потревожить его.

Въ эту ночь мало кто на деревнѣ спалъ. Люди метались съ полуоткрытыми ртами и жадно ловили воздухъ; даже дѣти не спали и капризничали; въ хлѣвахъ жалобно мычала непоенная скотина...

На зарѣ Ленкулену послышался звукъ колокольчика: похоже было на то, что идутъ со св. Дарами. Неужели кто-нибудь умираетъ? Онъ высунулъ голову въ окно и увидѣлъ молодого священника и кистера, за которыми очевидно послали, и они одѣлись на̀-скоро. Онъ крѣпко схватился рукою за перекладину окна... Куда они идутъ? Ну, да, они повернули по направленію къ Зеленому Лугу... Еще вчера Мехерниху было очень плохо. Кормилецъ семьи! Онъ отойдетъ съ миромъ, но оставитъ послѣ себя жену и голодныхъ дѣтей...

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу бургомистра. Неужели онъ отвѣтитъ передъ Богомъ за эту смерть? Всѣ его мысли, всѣ его понятія спутались. Въ мозгу у него вертѣлось какое-то колесо.—Боже, сжалься! Помоги, Боже! Ниспошли на землю дождь въ знакъ прощенія и разрѣшенія!..

Было воскресенье, и люди усталою походкою, какъ сонныя мухи, поползли въ церковь. Они были въ праздничныхъ платьяхъ, но съ сумрачными лицами. Сколько они молились, сколько свѣчей ставили—и все понапрасну. Завтра по утру предстояли похороны маленькаго Дореса. Отецъ его тоже былъ въ церкви. Ребенокъ умеръ не отъ тифа, его унесла жара. Однимъ ребенкомъ менѣе.

Ткачъ былъ любящимъ отцомъ, но смерть Дореса казалась ему скорѣе милостью Божьей, чѣмъ испытаніемъ, хотя мать заливалась горькими слезами. Въ особенности же сходила съ ума Бербеле. Что съ нею приключилось?

Ленкуленъ сидѣлъ всю обѣдню не поднимая головы. Ему казалось, что на него устремлены полные упрека взоры. Въ головѣ жужжали обрывки словъ: „Такой разумный человѣкъ, какъ вы... какъ вы можете противиться? Безъ здоровой воды нѣтъ здороваго населенія...“

Онъ вышелъ изъ церкви нетвердыми шагами, какъ больной. Адамсъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его; люди неохотно ему кланялись и даже переходили на другую сторону улицы. Онъ вернулся домой въ полномъ изнеможеніи и безсильно опустился на диванъ. На вопросъ жены онъ только покачалъ головою.

Боже милостивый! Только бы онъ не заболѣлъ! На кухнѣ она тщетно пыталась разжечь огонь—дымъ не шелъ въ трубу, а наполнялъ всю кухню; служанка за чѣмъ-то убѣжала, а сама она, съ глазами полными слезъ, продолжала возиться у печки, какъ вдругъ тотъ, съ кѣмъ были неразлучны ея мысли, вошелъ къ ней прежнимъ бодрымъ шагомъ. Онъ обнялъ ее рукою.

— Марихенъ, благодари Бога! Мехерниху лучше, докторъ говоритъ, что онъ поправится. Докторъ сейчасъ былъ здѣсь. Ты не слышала?

Она ничего не слышала, ей даже не вѣрилось. Правда ли это?

— Правда!—Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.—Я такъ счастливъ! Знаешь, Марихенъ, если Мехернихъ поправится, я пожертвую на колокольню церкви часы. Ты согласна?

Послѣ обряда соборованія Мехернихъ сталъ поправляться. Передъ домикомъ его толпились люди и обсуждали этотъ случай съ несвойственною имъ горячностью. Какъ только священный елей коснулся его лба, онъ открылъ глаза, бывшіе все послѣднее время закрытыми. И онъ заговорилъ вполнѣ разумно, узналъ жену и дѣтей, и подалъ имъ руку не на прощаніе, а какъ человѣкъ, возвратившійся издалека... Онъ сказалъ еще, что напился воды изъ пруда на равнинѣ, хотя ему и говорили, что эта вода вредная, но во время копанья торфа ему нестерпимо захотѣлось пить...

Значитъ, не колодцы были виною того, что онъ и Петеръ заболѣли? Значитъ, вода въ нихъ—все-таки чистая, здоровая? Въ

прежнее время всѣ они пили и воду изъ прудовъ—желтоватую, съ осадками и мутными пузырями на поверхности. Эта вода, конечно, никуда не годится.

Главное то, что колодцы хороши, и слѣдовательно водопровода не нужно. Ленкуленъ былъ правъ. Нехорошо съ нимъ поступили.

Когда бургомистръ съ женою отправились къ вечернѣ, они сразу замѣтили перемѣну въ общественномъ настроеніи. Въ церкви было такъ же душно, какъ и поутру, но казалось, что пронеслась свѣжая струя: колодцы оказались доброкачественными, и въ водопроводѣ не было нужды...

Крестьяне рѣшились обойти свои поля, на что у нихъ не хватало ранѣе мужества. Въ концѣ концовъ дѣло оказывалось не такъ плохо. Еслибы пошелъ дождь — все могло бы поправиться, но солнце по прежнему закатывалось въ пурпуровомъ сіяніи. И тѣмъ не менѣе люди спали въ эту ночь, ими овладѣла усталость, которую приноситъ съ собою успокоеніе.

Заснулъ и Ленкуленъ — послѣ многихъ безсонныхъ ночей. Чудный сонъ околдовалъ его мысли. Мягкій, убаюкивающій шумъ, подобный небесной музыкѣ... Деревья шумѣли словно передъ дождемъ... Онъ дышалъ глубоко и ровно и не услышалъ громкаго восклицанія жены. И лишь тогда, когда она встряхнула его, онъ проснулся. Неужели уже свѣтаетъ?

— Бэртесъ, дождь идетъ! Слышишь, какой дождь?

Онъ мигомъ соскочилъ съ постели. Это былъ не сонъ. Слышался однообразный шумъ крупнаго, очевидно зарядившаго надолго дождя. Не было ни грома, ни молніи, сопровождающихъ внезапные ливни: это былъ дождь, котораго жаждалъ измученный засухою край.

Звѣзды погасли, и въ練 мракѣ шумѣлъ спасительный, благословенный дождь!

Ленкуленъ высунулся изъ окна, подставляя открытую грудь тяжелымъ водянымъ каплямъ и освѣжающему вѣтерку. Онъ поглядѣлъ по направленію къ церкви. Въ окнѣ алтаря мерцала красноватымъ свѣтомъ неугасимая лампада.

Онъ быстро одѣлся. Улица ожила. Въ воздухѣ стояли смѣхъ и болтовня; люди бѣгали, перекликались, тащили бочки и кубы. Они были полуодѣты, но мужчины и женщины съ наслажденіемъ предоставляли дождю промочить ихъ насквозь. Давно голоса не звенѣли такъ радостно. Двери хлѣвовъ были открыты, чтобы и животныя могли глотнуть свѣжаго воздуха.

Злыя чары были сняты. Засуха, долгое время сжимавшая

желѣзнымъ кольцомъ землю и сердца людей, исчезла, и всѣ свободно вздохнули.

Ленкулена сразу замѣтили и окружили его съ восклицаніями:

— Дождь идетъ, г. бургомистръ, да еще какой! Вотъ славно!

Въ грубыхъ голосахъ слышалось ликованіе. Они протискивались къ нему, наперерывъ пожимали ему руку и смотрѣли на него такъ, словно это онъ ниспослалъ дождь.

Ленкуленъ стоялъ съ непокрытою головою. Онъ ощущалъ благоговѣйный трепетъ. Онъ готовъ былъ громко закричать отъ радости. Значитъ—онъ былъ правъ; значитъ—онъ правильно поступилъ.

Наступило утро, и всѣ хлынули въ церковь—служить благодарственный молебенъ.

Іозефъ Шмёльдеръ чувствовалъ себя смертельно усталымъ: онъ долго гулялъ послѣ обѣда, но ему не хотѣлось возвращаться домой. Незамѣтно для себя онъ очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то лежалъ, въ чудную лунную ночь, у подножія громадной ели. Лѣсъ былъ темный-темный, трава—сочная, зеленая, но отъ земли уже поднималась легкая серебристая мгла—дыханіе осени. Осень уже близка, а за нею придетъ зима, которую придется провести тамъ. Ужасно!

Послышались шаги. Громко стучали подбитые гвоздями сапоги фабричныхъ работницъ, которыя, усталыя и голодныя, возвращались домой. У всѣхъ были на рукѣ рабочія корзиночки, и ихъ гладко причесанныя головы склонялись надъ вязаньемъ. Онъ подивился ихъ прилежанію.

Когда онѣ проходили мимо, онъ пожелалъ имъ добраго вечера. Дѣвушки толкнули другъ друга локтемъ и фыркнули. Лежавшій на землѣ господинъ показался имъ такимъ смѣшнымъ...

Чего онѣ смѣются? Іозефъ вскочилъ на ноги. Большинство изъ нихъ недурны собою, но тяжелый трудъ и плохое питаніе уже наложили на нихъ свой отпечатокъ. Вонъ тамъ, что идетъ позади всѣхъ—прямо прехорошенькая: свѣжая, нетронутая красота.

Онъ узналъ Бербеле. Она не работала и не молилась. Ея печальный взоръ былъ устремленъ вдаль.

Іозефъ окликнулъ ее; она вздрогнула, но, узнавъ его, поздоровалась, при чемъ лицо ея не оживилось; она словно не видѣла его. Іозефъ попробовалъ пошутить. Почему у нея такой грустный видъ? Измѣнилъ ей что-ли ея возлюбленный?

Яркая краска залила ей щеки, и, оттолкнувъ его руку, она проговорила:

— Нѣтъ у меня возлюбленнаго и не будетъ! Нашъ Доресъ умеръ! Прошлое воскресенье похоронили его!

Она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Іозефъ былъ пораженъ. Онъ помнилъ мальчика, но не понималъ, почему она такъ убивается изъ-за слабоумнаго ребенка? Какъ ее утѣшить?

Іозефъ началъ съ того, что усадилъ ее на траву подъ деревомъ и сталъ отечески распрашивать ее. Плачетъ ли она о мальчикѣ, или у нея есть какое-нибудь другое горе?

— О чемъ ты плачешь? — повторилъ онъ съ искреннимъ участіемъ.—Или ты не можешь сказать?

Она подняла заплаканное лицо и, вспыхнувъ до корней волосъ проговорила:

— Нѣтъ!

Затѣмъ, обхвативъ колѣни руками, она такъ зарыдала, что все тѣло ея содрогалось.

Не рѣшаясь ее распрашивать, онъ ласково гладилъ ее по спинѣ.

— Поплачь, поплачь, Бербеле! Кто можетъ такъ плакать, у того станетъ опять легко на душѣ.

— Правда?—Она подняла на него полные тревоги глаза, лучъ надежды скользнулъ по ея лицу, но затѣмъ она снова ударилась въ слезы. Іозефъ сидѣлъ и думалъ, и вдругъ у него мелькнула мысль. Она такъ несчастна. Не согласится ли она поступить къ нему въ услуженіе и поселиться вмѣстѣ съ нимъ въ охотничьей хижинѣ?

Переѣздъ Іозефа былъ дѣломъ рѣшеннымъ.

Генрихъ Шмёльдеръ качалъ головою. Везетъ же Іозефу у женщинъ, не смотря на его сѣдѣющіе волосы! Нашлась дѣвушка, да еще молоденькая и хорошенькая, согласившаяся поѣхать съ нимъ.

Генрихъ уже не возражалъ, онъ самъ сказалъ брату: „до тѣхъ поръ, покуда не найдешь служанки!“ Ему самому было пріятно, что во время его короткихъ пріѣздовъ на охоту такая миленькая дѣвушка будетъ варить кофе и стлать постели.

Іозефъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ занялся сборами. Листва на деревьяхъ уже начала окрашиваться въ золотой цвѣтъ, въ саду цвѣли астры и георгины. Если онъ не поторопится, онъ

не увидитъ осени въ горахъ, чудной осени съ туманными утрами, яркимъ сіяніемъ полудня, съ ея хрустальною прозрачностью и воздушнымъ небомъ. Онъ смѣялся надъ кузиною, говорившею о шерстяныхъ рубашкахъ и запасахъ провіанта: консервахъ, ветчинѣ, колоніальныхъ товарахъ, которыхъ хватило бы для цѣлой крѣпости. Добрая Софи!

Наконецъ исполнится то, о чемъ онъ всегда мечталъ. Онъ останется одинъ, вдали отъ будничныхъ разговоровъ, раздражавшихъ и печалившихъ его, наединѣ съ природою, которая, подобно возлюбленной, раскроетъ передъ нимъ всѣ свои красоты.

Онъ былъ въ приподнятомъ настроеніи и напѣвалъ цѣлый день.

— Настоящій жаворонокъ!—насмѣшливо сказалъ Генрихъ. Онъ тоже былъ отчасти радъ его переселенію, потому что они постоянно ссорились. Но фрау Шмёльдеръ была огорчена: Іозефъ былъ гораздо любезнѣе брата.

— Ты такъ радуешься, что уѣзжаешь отъ насъ? — сказала она тономъ упрека.

Онъ обхватилъ ее за талію и сдѣлалъ съ нею туръ вальса, покуда они оба не стали задыхаться.

— Не сердись, Софихенъ! Я ужасно радъ...

— Не простудись только. Здоровье у тебя—не изъ крѣпкихъ.

Іозефъ сидѣлъ дорогою въ молчаливомъ восхищеніи. Коляска Шмёльдеровъ не годилась для поѣздки въ гору, и его повезли въ тележкѣ, запряженной рабочими лошадьми и нагруженной вещами и корзинами. Тутъ же сидѣла Бербеле со своимъ сундучкомъ и держала на колѣняхъ узелокъ.

Лицо у нея было довольное и спокойное. Сначала родители и даже священникъ и слышать не хотѣли о томъ, чтобы она поступила къ „одинокому", но Ленкулены убѣдили ихъ. Іозефъ Шмёльдеръ — человѣкъ достойный уваженія и къ тому же немолодой.

И вотъ теперь онъ сидѣлъ и смотрѣлъ вокругъ себя широко раскрытыми глазами. Такою онъ еще не видѣлъ равнину, ему не случалось бывать дальше Хеккенбройха. Она разстилалась передъ нимъ во всей своей необозримости — направо, налѣво, впереди, позади. Послѣднею исчезла, словно потонула, красная крыша арестантской колоніи. Воздухъ становился все свѣжѣе; поднялся вѣтеръ, развѣвавшій гривы лошадей, и пришлось прикрыть колѣни теплымъ одѣяломъ, которымъ снабдила его Софи.

Здѣсь постоянно дуетъ вѣтеръ. Онъ несется со стороны Бельгіи, отъ Сѣвернаго моря, сохраняя всю свою соленую

свѣжесть. Іозефъ глубоко вдохнулъ въ себя воздухъ; онъ глоталъ его какъ дорогое вино. Только что предъ тѣмъ онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Симономъ Брёйеромъ.

— Хорошо здѣсь на высотѣ!—сказалъ ему Іозефъ.—Чудно хорошо!

— Да!—Надзиратель разсмѣялся, блеснувъ своими острыми бѣлыми зубами.—Хорошо, но не для всякаго!—И лицо его снова приняло сумрачно выраженіе.

„Не для нихъ, конечно",—подумалъ Іозефъ, посмотрѣвъ на арестантовъ, тиковыя куртки которыхъ раздувалъ вѣтеръ.

— Плохое сосѣдство, г. Шмёльдеръ!—сказалъ кучеръ, когда они отъѣхали.

Іозефъ прочиталъ ему нравоученіе, а затѣмъ смолкъ. Молчаливый ландшафтъ невольно приглашалъ къ безмолвію.

Равнина тянулась подобно морю — съ большими и малыми волнами, — безграничная и безбрежная, а экипажъ казался челномъ, плывшимъ въ безконечность.

Симонъ Брёйеръ, погруженный въ свои думы, долго глядѣлъ вслѣдъ экипажу. Вотъ и лѣто прошло, а Терезхенъ его такъ и не пріѣхала. Теперь она уже не пріѣдетъ, онъ самъ не долженъ этого желать. Жара, недостатокъ въ водѣ, опасность отъ тифа. Думаетъ ли она о немъ такъ же ежечасно, какъ онъ о ней? У нея есть о комъ подумать: о дѣтяхъ, о родныхъ, о знакомыхъ, у него же въ мысляхъ—она одна, а времени для думъ достаточно. Люди его исполняли свою работу какъ машины; его желѣзная воля была подобна плугу, безжалостно взрѣзающему новь. Но въ борозды лягутъ сѣмена, которыя принесутъ современемъ жатву. Не скоро это будетъ, а все же кто бы раньше могъ подумать, что здѣсь будутъ воздѣланныя поля? И даже эти горемычные люди, которымъ не придется пожать отъ трудовъ рукъ своихъ, начинаютъ интересоваться, даже—гордиться своею работой. Намедни старый бродяга ухмылялся во весь ротъ, показывая на почки, развернувшіяся на посаженномъ имъ молодомъ деревцѣ. Нѣтъ, не совсѣмъ они пропащіе люди — его команда, и если бы только Терезхенъ была здѣсь, все было бы хорошо.

Какъ онъ любилъ свою равнину! За всѣ эти годы онъ не могъ забыть ее. Все тотъ же просторъ, то же небо съ бѣгущими облачками, тотъ же сильный терпкій запахъ травы, мха, смолы, можжевельника и брусники. Снова, какъ въ прежнія времена, былъ онъ здѣсь пастухомъ, только теперь ему пришлось пасти другое стадо. Тяжело будетъ ему все это оставить: онъ по-

строилъ этотъ домъ, проложилъ дороги, онъ положилъ начало саду и огороду, посадилъ кусты и даже сирень. Другого такого надзирателя имъ не найти. Брейеръ не былъ скромникомъ, онъ зналъ себѣ цѣну. Кто знаетъ равнину и кто любитъ ее такъ, какъ онъ? Даже команда пожалѣетъ о немъ. Строгъ былъ Симонъ Брейеръ, но за то справедливъ. И все же ему придется уйти. Не выдержитъ онъ дольше безъ семьи. Съ горькимъ чувствомъ легъ онъ эту ночь въ постель.

Еще одинъ человѣкъ изъ жившихъ подъ красною кровлею не могъ заснуть въ эту ночь. Горящими сухими глазами вглядывался онъ въ темноту. Онъ видѣлъ равнину и дѣвочку подъ кустомъ, глядѣвшую на него довѣрчивыми глазами. Еще совсѣмъ ребенокъ, но какая красоточка!

Арестантъ со стономъ запустилъ руки въ жесткіе какъ щетка волоса. Онъ зажмуривалъ глаза, но она какъ живая стояла передъ нимъ. Если у Бога есть какая-нибудь забота объ этомъ грязномъ мірѣ, пусть Онъ пошлетъ ей своего ангела-хранителя въ длинномъ бѣломъ одѣяніи, съ лиліей въ рукѣ, какъ на картинкѣ, которую она показывала ему.

Онъ пытался молиться, путая слова молитвъ съ проклятіями. Почему высшія силы поставили ему на дорогѣ этого ребенка? Почему она смѣется при встрѣчѣ съ нимъ? Какъ-то она засмѣется, если онъ вздумаетъ схватить ее?.. Закричитъ навѣрно, какъ та... проклятая Трина!.. Онъ заскрипѣлъ зубами. Ему явственно послышался впотьмахъ ея крикъ.

И тогда онъ заткнетъ ей ротъ: „Молчи!“ Онъ сдавитъ ей шею, нѣжную дѣтскую шейку...

— Господи Іисусе, помилуй насъ!—глухо вскрикнулъ онъ.

Прежнее безуміе охватило его, какъ неизлечимая болѣзнь, не выпускало его изъ своихъ когтей; оно сильнѣе прежняго держало его въ своей власти.

Съ выкатившимися глазами онъ метался на постели, его знобило и кидало въ жаръ, онъ стучалъ зубами и плакалъ, и не могъ дождаться разсвѣта.

XIV.

Прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Іозефъ Шмёльдеръ поселился въ охотничьемъ домѣ, и онъ ни разу не пожалѣлъ о своемъ рѣшеніи. Первую ночь онъ не могъ заснуть отъ возбужденія; онъ ждалъ того, что̀ должно было ему открыться

ночью. Эта тишина казалась полною тайны. Какая это была глубокая тишина, какое спокойствіе! Здѣсь и въ душу долженъ снизойти покой; она станетъ безмятежною, какъ озеро въ горахъ, защищенное скалами и соснами отъ вѣтровъ. Сидя на постели, онъ прислушивался къ ночнымъ голосамъ.

Въ кустахъ шептался вѣтеръ; шелестѣлъ онъ и въ черныхъ еляхъ, обступившихъ лужайку, на которой стоялъ домъ. Обыкновенно безсонница приводила Іозефа въ отчаяніе—теперь онъ почти радовался ей. Онъ рисовалъ себѣ свою жизнь здѣсь такою прекрасною, что ему даже не вѣрилось въ нее. Нѣтъ ни воркотни Генриха, ни мелкихъ, будничныхъ интересовъ маленькаго города, ни разговоровъ о хозяйствѣ, которые такъ любитъ добрая Софи!

Здѣсь онъ свободенъ отъ всего этого. Бербеле не будетъ мѣшать ему,—пусть ее дѣлаетъ, что хочетъ. Правда, она сварила ему супъ, отъ котораго онъ пришелъ въ ужасъ, но онъ потихоньку вылилъ его за окно и удовольствовался хлѣбомъ съ ветчиною.

Бербеле видимо обрадовалась тому, что онъ поѣлъ ея стряпни. Засучивъ рукава и подоткнувъ платье, она сбѣгала за водою, растопила печь и принялась за чистку и уборку, а онъ отправился гулять. Вернулся онъ уже вечеромъ. Бербеле все еще прибиралась, въ комнатѣ топилась печь, и онъ самъ не замѣтилъ, какъ просидѣлъ до двѣнадцати часовъ. Сквозь тонкую стѣну онъ слышалъ ровное дыханіе Бербеле, спавшей мирнымъ сномъ; оно сливалось съ шумомъ вѣтра и убаюкивало его. Днемъ онъ мало ее видѣлъ. Дни стояли чудные, ясные, и онъ проводилъ ихъ внѣ дома. Только лежать на травѣ уже не годилось, и когда онъ попробовалъ это сдѣлать, то сразу получилъ насморкъ и ломоту во всемъ тѣлѣ. Бербеле предложила напоить его липовымъ цвѣтомъ, чтобы онъ хорошенько пропотѣлъ.

Онъ въ первый разъ разсердился. Не такъ еще онъ старъ, чтобы лечиться потогоннымъ! Можетъ-быть она уже соскучилась здѣсь? Онъ задалъ этотъ вопросъ раздраженнымъ тономъ.

Бербеле удивилась. Почему бы ей соскучиться?

— Людей нѣтъ.

— А вы-то? — сказала Бербеле наивно и разсмѣялась. Это примирило его съ нею.

Съ наступленіемъ раннихъ вечеровъ онъ сталъ звать Бербеле въ комнату. Сначала она стѣснялась, но затѣмъ привыкла къ новому положенію вещей и по вечерамъ усаживалась обыкновенно со своимъ вязаньемъ на скамейкѣ у окна.

Іозефъ читалъ. Два раза въ недѣлю приходила почта, и Софи присылала ему пачки газетъ. Когда ему попадалось что-нибудь могущее, по его мнѣнію, заинтересовать Бербеле, онъ прочитывалъ ей статью вслухъ, но скоро замѣтилъ, что она его не слушаетъ. Однажды она даже задремала подъ его чтеніе. Онъ почти обрадовался этому: она милѣе въ своей непосредственности.

Раза два за это время онъ разговаривалъ съ Брёйеромъ; въ немъ пробудился прежній его интересъ къ колоніи: вѣдь эти люди тоже стояли по ту сторону жизни. Но грубые окрики и брань надзирателя, накинувшагося на блѣднаго человѣка съ жесткими рыжими волосами и оттопыренными ушами, непріятно на него подѣйствовали. Все-таки этотъ Брёйеръ — жестокій человѣкъ!

Усталый, продрогшій и недовольный, вернулся онъ домой. Бербеле, сидя у дверей, чистила набранную ею бруснику; она низко наклонила надъ корзинкой свою черноволосую голову; бѣлая кошка, которую она нашла въ сараѣ полуживою отъ голоду, терлась съ мурлыканьемъ объ ея рукавъ. Она что то напѣвала, и голосъ ея былъ похожъ на голосъ Катринхенъ. Въ сущности, она была еще дитя, простодушное дитя!

При видѣ его лицо ея оживилось. Онъ весело ее окликнулъ.

— Вернулись, баринъ? Пожалуйте.

Столъ былъ накрытъ, въ печкѣ трещалъ огонь, единственное удобное въ домѣ кресло было придвинуто къ окну. Какъ она заботилась о немъ! Іозефъ былъ тронутъ. Онъ долженъ быть благодаренъ ей; безъ нея онъ не былъ бы здѣсь. И, наконецъ, онъ чувствовалъ бы себя здѣсь слишкомъ одинокимъ.

Наступила осень: пора, когда олени кричатъ. На лужайкѣ передъ домомъ лежалъ туманъ и у вѣтра достаточно было съ нимъ хлопотъ: надо было разогнать его и развѣсить клочьями на черныхъ еляхъ, откуда лишь полуденное солнце прогоняло его.

Бербеле весело распѣвала на кухнѣ: ей туманы были ни по чемъ. Олени становились все нахальнѣе; по ночамъ, словно не признавая присутствія человѣка, они поднимали вокругъ дома такой крикъ, топотъ и возню, что земля буквально дрожала отъ ударовъ ихъ копытъ. Люди сидѣли у себя, буквально осажденные обезумѣвшими животными; по вечерамъ невозможно было выйти изъ дому. Бербеле охотно побывала бы у своихъ въ воскресенье, ей хотѣлось сходить въ церковь, повидать отца съ матерью, младшихъ ребятъ и корову, но это было невоз-

можно. Съ наступленіемъ вечера вокругъ дома стонъ стоялъ; они пробовали выглядывать изъ окошка чтобы разглядѣть, сколько тутъ было оленей: двое, трое или цѣлое стадо—но ничего не было видно.

Бербеле попробовала открыть дверь и захлопать въ ладоши, чтобы напугать звѣрей, но съ крикомъ вскочила снова въ сѣни и захлопнула дверь. Мимо нея шарахнулось что-то большое, темное, обдавъ ее горячимъ дыханіемъ... Она испугалась и, дрожа, сѣла на свое мѣсто. Іозефъ попытался развлечь ее разговоромъ, но она отвѣчала односложно, а при упоминаніи о Доресѣ по щекѣ ея скатились двѣ крупныхъ слезы. Онъ взялъ ея руку и ласково погладилъ ее.

До разсвѣта просидѣли они на своихъ мѣстахъ, прислушиваясь къ шуму борьбы, топоту и хрипѣнію... Когда поутру они вышли изъ дому, они увидѣли распростертаго на лужайкѣ великолѣпнаго бездыханнаго оленя съ распоротымъ животомъ. Тогда Іозефъ написалъ брату:

„Милый Генрихъ. Пріѣзжай. Олени дерутся. Не подстрѣлишь ли ты парочку? Они начинаютъ намъ надоѣдать".

Генрихъ сейчасъ же отвѣтилъ, что они пріѣдутъ 20-го октября; обѣдъ привезутъ съ собою.

Кто это „они"? Іозефъ надѣялся, что Генрихъ подразумѣвалъ Ленкулена, котораго онъ всегда приглашалъ съ собою на охоту. А впрочемъ—все равно. Онъ радъ будетъ людямъ. Неожиданно выпалъ снѣгъ. Іозефъ находилъ, что это было слишкомъ рано, но Бербеле сказала, что въ прошломъ году снѣгъ выпалъ въ сентябрѣ, всѣ ягоды померзли. Иногда его бываетъ такъ много, что приходится отгребаться.

Вечеромъ Бербеле продолжала разсказывать ему о заносахъ: иногда снѣгу бываетъ выше оконъ, въ домѣ становится темно и приходится жечь огонь съ утра до вечера; по утрамъ еле возможно бываетъ пріотворить дверь. А что̀ дѣлается въ открытомъ полѣ! Сколько людей погибаетъ во время мятели! Развѣ г. Іозефъ не видалъ по обѣимъ сторонамъ дороги и въ разныхъ мѣстахъ множество покосившихся, полусгнившихъ крестовъ? Всѣ они были когда-то поставлены въ память погибшихъ. Теперь уже и надписей на нихъ не разобрать.

Она говорила объ этомъ почти весело, но онъ содрогнулся.

20-го пріѣхали охотники, но съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Два раза имъ пришлось вытаскивать экипажъ изъ грязи — съ помощью пограничнаго стражника и лѣсника; безъ нихъ и совсѣмъ было бы не добраться.

— Здравствуй, Іозефъ! Вотъ грязища-то!—говорилъ Генрихъ, пожимая ему руку.—У тебя здоровый видъ. Софи будетъ рада.

Не безъ ужаса увидѣлъ Іозефъ лейтенанта, вылѣзавшаго изъ охотничьяго кабріолета. Пріѣхалъ еще и ландратъ Мюленбринкъ. А гдѣ же Ленкуленъ?

Генрихъ засмѣялся.

— Твой пріятель теперь—важная птица, популярный человѣкъ. Онъ объѣзжаетъ деревни, говоритъ рѣчи; — говорить онъ умѣетъ! Его навѣрно выберутъ въ рейхстагъ; это вѣрно какъ аминь въ церкви...

— Его поддерживаетъ извѣстная партія, — осторожно уронилъ ландратъ.

— Развѣ онъ не пріѣдетъ?—спросилъ разочарованный Іозефъ, которому вдругъ захотѣлось увидѣть друга.

— Придетъ, не безпокойся. Онъ придетъ къ вечеру пѣшкомъ. Кстати, у насъ будетъ лунная ночь. Не въ обиду вамъ будь сказано, господа, но Ленкуленъ—лучшій стрѣлокъ изъ всей компаніи: исключая меня, разумѣется...

Лейтенантъ сердито дернулъ себя за усъ, но не рѣшился противорѣчить тестю.

Охотники долго сидѣли за маленькимъ столомъ. Вѣтеръ завывалъ, по небу неслись черныя облака, но затѣмъ взошла луна. Самое время для охоты.

— Что же это Ленкуленъ запропастился? Обѣщалъ быть къ девяти!—сказалъ Генрихъ, котораго уже разбирало нетерпѣніе.

— Съ нимъ ничего не случилось?—проговорилъ Іозефъ, начиная безпокоиться.

— Ба! Пустое! Онъ слишкомъ хорошо знаетъ здѣшнія мѣста. Сегодня даже и туману нѣтъ.

— Быть-можетъ у него есть болѣе важныя дѣла, — язвительно замѣтилъ ландратъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати намъ ждать его, папа?— сказалъ Шеффлеръ, вставая и обдергивая свою элегантную охотничью куртку. Ландратъ былъ тоже въ изящномъ охотничьемъ костюмѣ; одинъ лишь фабрикантъ умышленно щеголялъ своимъ поношеннымъ нарядомъ, каждая заплата и каждое пятно котораго были связаны съ воспоминаніемъ о какомъ-нибудь подвигѣ на охотѣ. Іозефъ неохотно слушалъ эти кровожадные разсказы.

Рѣчь снова зашла о Ленкуленѣ. Ландратъ сомнѣвался въ томъ, чтобы человѣкъ съ такимъ ограниченнымъ кругозоромъ, отчасти ханжа, могъ быть достойнымъ представителемъ края.

Онъ такъ и остался при своихъ заблужденіяхъ, о водопроводѣ и слышать не хочетъ.

— Ахъ, не все ли равно, кто тамъ будетъ засѣдать?—прервалъ Шмёльдеръ:—мнѣ бы добраго оленя подстрѣлить! Слышите, какъ они кричатъ? Гдѣ же это Ленкуленъ?

Іозефъ подошелъ къ столу, въ немъ проснулся старый боевой духъ.

— Ленкуленъ—другъ мой, г. ландратъ, и я—простите!—лучше знаю его, чѣмъ вы. Онъ—честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ и, при всей своей кажущейся отсталости, обладаетъ острымъ и яснымъ умомъ. Если Ленкуленъ, знающій какъ никто и здѣшній край, и людей, онъ—готовый отдать за нихъ душу—не годится въ представители народа, то, значитъ, я не умѣю отличить чернаго отъ бѣлаго...

— Спасибо тебѣ, Іозефъ!—сказалъ чей-то голосъ снаружи, и затѣмъ послышались твердые шаги въ сѣняхъ.

— Это онъ!—Іозефъ съ живостью пошелъ къ двери.

Ленкуленъ поздоровался со всѣми безъ малѣйшаго смущенія. Лицо его раскраснѣлось отъ ходьбы и свѣжаго воздуха, въ глазахъ свѣтилось глубокое внутреннее довольство. Онъ внесъ съ собою свѣжую струю.

— Вы что же такъ поздно?—проворчалъ Генрихъ.

— Я въ самую пору, г. Шмёльдеръ.—Онъ вынулъ часы.—Ровно девять. Я пришелъ бы раньше, да заговорился съ Брёйеромъ. Онъ уходитъ отъ насъ; согласился остаться только до апрѣля.

— Знаю, знаю!—воскликнулъ ландратъ.—Страшно жаль его. Еслибы можно было его удержать!

— Не удержите, — улыбнулся Ленкуленъ: — его влечетъ женщина.

— Онъ грубъ со своею командою, — сказалъ Іозефъ.—Эти несчастные присланы сюда не для одной тяжелой работы. Общеніе съ природою можетъ оздоровляющимъ образомъ повліять на нихъ. И для нихъ распускаются безчисленные цвѣты на равнинѣ. Ихъ нужно уважать. Они въ своемъ родѣ—тоже культуртрегеры...

— Вы поэтъ!—Ландратъ лукаво улыбнулся.

Ленкуленъ положилъ вспыхнувшему Іозефу руку на плечо.

— Это благородно съ твоей стороны, Іозефъ, что ты хорошаго мнѣнія объ этихъ несчастныхъ и о нашемъ краѣ, хотя я лично предпочелъ бы не имѣть подобнаго сосѣдства. Теперь всѣ говорятъ о культурѣ, а по моему мнѣнію, г. ландратъ, высшее проявленіе культуры—религія!

Ландратъ вскипѣлъ. Ревностные католики—враги всякаго прогресса, всякаго умственнаго движенія; они служатъ суевѣрію, покровительствуютъ ему. Что такое эти паломничества по святымъ мѣстамъ? А эхтернархская процессія скакуновъ—зрѣлище, возмущающее душу даже вѣрующаго человѣка, эти пережитки мрачнаго средневѣковья?

— Не говорите, г. ландратъ. Вѣра творитъ чудеса. Смѣяться—легко, а вотъ на нашихъ глазахъ совершилось такое чудо. Малютка Доресъ, слабоумный, припадочный, былъ настоящимъ мученіемъ для семьи, и старшая сестра съ трогательною преданностью отправилась съ нимъ на богомолье въ Эхтернахъ. Святой послалъ ему мирную кончину, и съ той поры вся семья ожила, больная мать поправилась...

Громкое всхлипываніе прервало Ленкулена. Бербеле, не замѣченная никѣмъ, вошла въ комнату—доложить о приходѣ сторожей, она услышала послѣднія слова и быстро выбѣжала, захлопнувъ за собою дверь.

Іозефъ вышелъ за нею.

Она стояла въ темныхъ сѣняхъ, прислонившись лбомъ къ холодной стѣнѣ.

— Бербеле, почему ты плачешь? Что случилось, Бербеле?

Она не отвѣчала и плакала какъ глубоко потрясенный человѣкъ. Іозефъ продолжалъ ее распрашивать. Наконецъ у нея среди рыданій вырвались непонятныя слова:—Ахъ, нашъ бургомистръ, вотъ человѣкъ-то! Онъ все знаетъ... Хорошо, говоритъ, теперь Доресу... Значитъ, святой все-таки помогъ ему... Хвала святому Виллиброду!

Въ этихъ словахъ слышалось ликованіе сквозь слезы. Непонятно! Но Іозефъ былъ радъ, что она успокоилась. Бербеле вытерла передникомъ глаза, и когда она снова вошла, чтобы доложить о сторожахъ, ея раскраснѣвшееся лицо сіяло радостью.

— Хорошенькая дѣвушка!—замѣтилъ Шеффлеръ.

Шмёльдеръ подозвалъ ее къ себѣ и ущипнулъ за щеку.

— Ну, какъ тебѣ нравится здѣсь, дѣвчурка?

— Ахъ, г. Шмёльдеръ, г. Іозефъ такъ добръ ко мнѣ!

Генрихъ расхохотался безъ удержу и погрозилъ Іозефу пальцемъ.
—Не будь только слишкомъ добръ къ ней, старый грѣховодникъ!

Іозефъ чуть было не вспылилъ, но Ленкуленъ перебилъ его и обратился къ ландрату:

— Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ молодая дѣвушка не могла бы жить при подобныхъ обстоятельствахъ, а у насъ можетъ. Вотъ преимущество *нашей* культуры, г. ландратъ.

XV.

Они снова были одни. Іозефъ сказалъ это себѣ съ облегченіемъ, но у него остался горькій осадокъ отъ шуточекъ Генриха. Бербеле, къ счастью, не поняла ихъ и держала себя непринужденно, какъ и прежде, но онъ сталъ избѣгать ея; раза два онъ рѣзко оборвалъ ее и затѣмъ извинился, но она такъ кротко посмотрѣла на него своими прекрасными глазами, что кровь ударила ему въ голову. Г. Іозефъ можетъ бранить ее сколько угодно, онъ для нея—все равно что отецъ родной. Ея покорность была по истинѣ трогательна, но онъ разсердился на это сравненіе. Неужели, при его стройной, гибкой фигурѣ и моложавости, онъ въ глазахъ ея не далеко ушелъ отъ стараго, истощеннаго работою ткача?

Въ воскресенье она отпросилась домой, и онъ даже былъ радъ этому. Наконецъ-то онъ насладится полнымъ уединеніемъ! Онъ всталъ поздно, думая, что въ комнатѣ, служившей ему кабинетомъ и столовой, вѣроятно холодновато, но, войдя туда, онъ увидѣлъ, что печь затоплена, а на кухнѣ приготовленъ горячій кофе. Все было какъ всегда; недоставало только смуглаго лица съ черными глазами, улыбавшагося ему каждое утро. Какъ можно, однако, привыкнуть къ человѣку!

День былъ хорошій, и Іозефъ провелъ его внѣ дома, забывъ даже о ѣдѣ, хотя было условлено, что Бербеле поставитъ кушанье въ духовую печь. Сегодня онъ былъ Робинзономъ на необитаемомъ островѣ; но ожидаемое чувство восторга почему-то не являлось. При мысли, что если теперь онъ закричитъ, позоветъ къ себѣ, то никто не откликнется, ему вдругъ сдѣлалось жутко...

Ничто не нравилось ему сегодня, онъ былъ разстроенъ, недоволенъ, нервенъ; ничего подобнаго онъ не испытывалъ со времени водворенія своего въ охотничьемъ домикѣ. Это былъ тотъ же безконечный просторъ волнообразной низины, то же синее небо надъ пурпурово-коричневою равниною. Люди, жившіе тамъ вдали, такъ же радовались и смѣялись, боролись и страдали; здѣсь же было уединеніе, и среди наступающихъ сумерекъ оно плело сѣть грусти, которой никто не можетъ избѣжать.

Что-то будетъ? Онъ не вѣчно будетъ здѣсь; если Бербеле уйдетъ отъ него, онъ покинетъ этотъ домикъ. Современемъ она выйдетъ замужъ; такія дѣвушки всегда выходятъ замужъ. Сегодня

она счастлива. Онъ подарилъ ей денегъ, и она купитъ гостинцевъ ребятишкамъ; она умѣетъ радоваться какъ ребенокъ. Онъ почти позавидовалъ тѣмъ, кто будетъ свидѣтелемъ ея радости.

Онъ вдругъ ощутилъ дрожь. Какимъ холодомъ повѣяло сразу! Руки и ноги у него словно окоченѣли; надъ головою его, громко хлопая крыльями, пролетѣли птицы — сѣрыя и тяжелыя, какъ мысли, порождаемыя равниною... Все угасло, отцвѣло. Прочь отсюда!

Какъ разбитый вернулся Іозефъ домой. Придетъ ли она вскорѣ, или только поздно вечеромъ, а можетъ-быть — и завтра утромъ? Дувшій въ теченіе дня вѣтеръ превратился въ настоящую бурю; онъ завывалъ въ трубѣ и потрясалъ стѣны домика. Ели скрипѣли такъ сильно, что стоны ихъ долетали до него...

Одинокій человѣкъ стоялъ у окна. Въ комнатѣ было темно и душно. Ему становилось страшно, тупая тоска охватывала его. Начался дождь, шумѣвшій въ сухомъ кустарникѣ. Онъ обобьетъ послѣдніе листы. Лѣто и осень прошли, наступаетъ зима, — какъ-то онъ переживетъ ее?

Въ первый разъ у него явилось сомнѣніе: выдержитъ ли онъ? Ему представился длинный рядъ унылыхъ дней. И вдругъ среди тишины, наступившей вслѣдъ за порывомъ вѣтра, ему послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась и въ комнату вбѣжала Бербеле съ растрепанными волосами, въ мокромъ головномъ платкѣ, соскользнувшемъ ей на спину.

Глаза ея словно озарили темную комнату. — Вотъ и я, г. Іозефъ!

Онъ не могъ удержаться, онъ слишкомъ былъ радъ видѣть ее: обѣими руками онъ привлекъ дѣвушку къ себѣ и поцѣловалъ ее. Никогда не цѣловалъ онъ такихъ свѣжихъ губъ. Кровь ударила ему въ голову, онъ почувствовалъ себя обновленнымъ, помолодѣвшимъ, но затѣмъ волна крови снова отхлынула къ сердцу. Нѣтъ, этого не должно быть. Именно эту дѣвушку онъ не смѣетъ цѣловать...

Не безъ усилія овладѣвъ голосомъ, онъ проговорилъ спокойно: — Ну что же, дитя мое, хорошо было дома?

Она послѣдовала за нимъ въ комнату. Сердце ея было слишкомъ полно; она спѣшила разсказать ему, какъ хорошо чувствуетъ себя мать, какимъ молодцомъ растетъ маленькій, какъ много молока даетъ корова — у нихъ нынче каждый день варятъ молочный супъ. Катринхенъ, кромѣ обѣщанныхъ башмаковъ, получила отъ богатаго Адамса денежный подарокъ, за то, что хорошо

берегла его коровъ. Теперь она снова ходитъ въ школу. На могилѣ Дореса поставленъ крестикъ съ надписью:

„Не плачьте, мать моя съ отцомъ,
На небо взятъ я былъ Творцомъ!“

Іозефъ не очень внимательно слушалъ ее. Сидя въ креслѣ, онъ наблюдалъ за нею изъ-за руки, которою подпиралъ голову. Сегодня въ ней была особенная красота. На смугловатыхъ щечкахъ горѣлъ яркій румянецъ, глаза ея были влажны. Много хорошенькихъ женщинъ знавалъ онъ на своемъ вѣку, но ни одной, которая бы нравилась ему такъ, какъ эта.

— Ступай! — пробормоталъ онъ хрипло. — Ступай, переодѣнься, ты совсѣмъ мокрая. Я хочу теперь быть одинъ.

Это была страшная ночь. Казалось, что ожили и наполняютъ воздухъ стенаніями всѣ духи этой равнины.

Іозефъ слышалъ спокойное дыханіе дѣвушки. Ей метель была нипочемъ, ему—нѣтъ. Онъ не могъ заснуть и проклиналъ бурю. А можетъ-быть нѣчто другое мѣшало ему спать? Онъ весь горѣлъ, хотя холодъ проникалъ во всѣ щели. Неужели ему придется отказаться и отъ этой жизни? Старый дуракъ! Генрихъ былъ правъ; онъ лучше знаетъ его, чѣмъ онъ самъ себя знаетъ. Что̀ изъ того, что онъ поцѣловалъ хорошенькую Бербеле? Она забудетъ его поцѣлуй, по всей вѣроятности она о немъ и не думаетъ, иначе она не могла бы такъ спокойно спать. Онъ сердился на нее за это, но тутъ же онъ разсердился на себя: дай Богъ, чтобы она всегда могла спать такимъ безмятежно дѣтскимъ сномъ!

Онъ лежалъ, борясь съ собою и прислушиваясь къ завыванію бури, покуда наконецъ она не утихла. Ему казалось, что на крышѣ не осталось уже ни одной черепицы, у оконъ—ни однѣхъ ставней, и въ лѣсу—ни одной елки. Буря все снесла съ лица земли, все смела на-чисто, и примирясь съ этимъ, онъ заснулъ.

Его разбудилъ голосъ Бербеле. Она постучалась къ нему въ дверь.

— Вставайте, г. Іозефъ, вставайте! Уже поздно.

Какъ? Поздно? Было еще темно. Онъ быстро всталъ и одѣлся. Почему она не можетъ оставить его въ покоѣ.

— Поглядите, сколько снѣгу, сколько снѣгу! Насъ совсѣмъ занесетъ!—весело смѣялась Бербеле.

И ихъ дѣйствительно занесло.

Буря не смела сосенъ, но на нихъ лежали такіе пласты снѣгу, что вѣтви смиренно склонялись до земли. Вѣтеръ утихъ. Безшумно, подобно мягкому бархату, падали бѣлыя хлопья и сугробы росли часъ отъ часу.

Сначала они дѣятельно отгребались, прорыли дорожку до колодца и другую—до лужайки. Въ первые дни Іозефъ не могъ наглядѣться на эту чистую, незапятнанную бѣлизну; ему показалось, что онъ похоронилъ подъ нею всѣ свои желанія и порывы. Но затѣмъ у него начало рѣзать отъ нея глаза, безконечное однообразіе картины стало докучать ему, даже—пугать его. Страхъ сторожилъ его; онъ словно притаился среди этой необозримой снѣжной пустыни, въ этомъ домикѣ, занесенномъ снѣгами. Небо было сѣрое, мгла скрывала дали; здѣсь они были отдѣлены сѣрою стѣною отъ всего міра. Даже почтальонъ не приходилъ.

Въ домѣ было тепло, въ дровахъ у нихъ не было недостатка, и въ сущности въ жарко натопленной комнатѣ было даже уютно, но уже послѣ полудня на землю спускались сумерки, такія же беззвучныя и призрачныя, какъ падавшій большими хлопьями снѣгъ. И ни откуда—ни звука...

Іозефъ вздрагивалъ, когда Бербеле заговаривала съ нимъ. Въ кухнѣ было холодно, и она цѣлый день сидѣла у него. Онъ хотѣлъ читать, но не могъ. Эта отрѣшенность отъ міра можетъ быть прекрасна, если люди бываютъ счастливы. Для него она была ужасна.

— И это такъ у васъ каждую зиму?

Она засмѣялась и кивнула головою. Нынче только ужъ слишкомъ много снѣгу.

Еслибы хотя почтальонъ пришелъ! Но и его не было. Цѣлыхъ восемь дней они не имѣли вѣстей о томъ, что міръ еще существуетъ. Іозефъ ощутилъ истинное облегченіе, когда наконецъ явился письмоносецъ; онъ почти съ жадностью схватился за письмо. Генрихъ писалъ, что у нихъ внизу тоже есть снѣгъ. Можетъ-быть онъ вздумаетъ пріѣхать? Пусть дастъ отвѣтъ съ посыльнымъ, и за нимъ сейчасъ же пришлютъ сани.

Очень трогательно со стороны Генриха! Но... Іозефъ взглянулъ на Бербеле, которая съ радостною улыбкою угощала почтальона горячимъ кофе. Какой у нея былъ цвѣтущій видъ, насколько она была полнѣе и здоровѣе, чѣмъ въ то время, когда работала на фабрикѣ! Надо выдержать—ради нея. Онъ написалъ Генриху отказъ.

Зачастую онъ украдкою наблюдалъ за Бербеле, когда она, уронивъ вязанье на колѣни, задумчиво смотрѣла въ огонь мечтательными, полузакрытыми глазами. Это былъ взглядъ влюбленной дѣвушки. У нея навѣрно есть возлюбленный? Иногда ему казалось, что ему стоитъ лишь протянуть руку для того чтобы овладѣть ею, но затѣмъ онъ вспоминалъ слова Ленкулена и гналъ отъ себя такія мысли.

Однажды, не выдержавъ, онъ закричалъ:—У тебя есть возлюбленный?—и такъ какъ она, вспыхнувъ, не сразу отвѣтила, онъ продолжалъ, топая ногой:—Скажешь ты мнѣ или нѣтъ? Можетъ-быть у тебя раньше былъ кто-нибудь?

Онъ вскочилъ и, подойдя къ ней, схватилъ ее за руку. Рука у нея, хотя тонкая, была сильная и мускулистая, но она, не защищаясь, только прошептала:—Пустите! Больно!

— Больно!—Онъ рѣзко расхохотался, и она со страхомъ поглядѣла на него: что̀ за лицо стало вдругъ у г. Іозефа?

Очень блѣдный, съ нахмуренными бровями, онъ стоялъ надъ нею и повторялъ свой вопросъ.

Отвѣть она утвердительно, онъ тутъ же взялъ бы ее, какъ срываютъ готовый упасть плодъ.

Но она отвѣтила:—Нѣтъ!—и повторила почти грустно:— Нѣтъ, г. Іозефъ, можете мнѣ повѣрить... Нѣтъ у меня возлюбленнаго.

Онъ выпустилъ ея руку, и она нагнулась, чтобы поднять съ полу вязанье; лицо ея пылало, она казалась испуганной... Неужели она солгала ему?

Давно уже они ѣли черствый хлѣбъ, такъ какъ разносчикъ не приходилъ. Іозефу ужасно хотѣлось свѣжаго хлѣба, и Бербеле предложила сбѣгать за нимъ на деревню. Ничего съ ней не случится: она молода и сильна. Іозефъ отпустилъ ее, но сейчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Ему казалось, что онъ теряетъ ее.

Онъ принялся колоть растопки, но занозилъ себѣ палецъ; затѣмъ онъ сталъ чистить снѣгъ, но черезъ часъ швырнулъ метлу и лопату и бросился, раздосадованный, на постель. Эта работа была не по немъ. Не зажигая даже огня, онъ лежалъ въ состояніи полной апатіи. О, это ужасное одиночество! Оно—всему виною. Онъ проклиналъ охотничій домъ. Еслибы онъ никогда не переступалъ его порога! Безумный мечтатель!

На дворѣ былъ глубокій мракъ, такой же мракъ—у него въ душѣ. Онъ съ отчаяніемъ думалъ о своей безполезной жизни. При всей своей доброй волѣ, при всѣхъ пожеланіяхъ блага ближнему — сдѣлалъ ли онъ кому-нибудь добро? Онъ жалѣлъ бѣд-

ныхъ дѣвушекъ, ѣвшихъ хлѣбъ среди грязныхъ лохмотьевъ; онъ жалѣлъ арестантовъ, работавшихъ на вѣтру и дождѣ. Глупая, безполезная жалость! Уйти бы отсюда куда-нибудь, туда, гдѣ легче живется, легче дышится, къ болѣе беззаботнымъ людямъ, къ болѣе разнообразной, пестрой жизни. Интересы самого Ленкулена, его идеалы—не выше колокольни его церкви...

Въ такомъ настроеніи онъ обыкновенно начиналъ браниться съ Генрихомъ. Еслибы теперь ему было съ кѣмъ побраниться!

Вдругъ дверь стукнула: слава Богу, наконецъ-то Бербеле! Онъ выбѣжалъ къ ней на встрѣчу. Дѣвушка стояла вся запыхавшись и протягивала ему каравай хлѣба.

— Совсѣмъ свѣжій, г. Іозефъ, я сама вынула его изъ печки!— Она вся сіяла.

Онъ чувствовалъ, что хлѣбъ еще теплый. Вѣроятно онъ былъ совсѣмъ горячій, когда она несла его подъ платкомъ.

— Ты совсѣмъ запыхалась... Ну что, какъ поживаютъ всѣ твои? Что корова?

— Я не знаю,—она посмотрѣла на него съ удивленіемъ,— я не заходила къ своимъ. Это большой крюкъ.

Не заходила домой? Она бѣгала въ Хеккенбройхъ за хлѣбомъ и даже не побывала у матери?

Бербеле удивилась.

— Когда же было заходить? Вы хотѣли свѣжаго хлѣба. Я и торопилась принести.

Онъ былъ обезоруженъ. Ради него, ради него одного, она бѣгала такую даль? Онъ притянулъ ее къ себѣ и прошепталъ:

— Благодарю тебя!

На дворѣ было темно и холодно, въ домикѣ—свѣтло и тепло. Сегодня онъ услуживалъ ей; онъ зажегъ лампу, подложилъ дровъ, заставилъ ее надѣть его теплыя туфли и согрѣвалъ ея посинѣвшія отъ холода руки. Подогрѣтое вино, которое онъ налилъ ей, развязало языкъ Бербеле. Туда очень трудно было идти — изъ-за встрѣчнаго вѣтра, два раза она чуть не сбилась съ пути, но ангелъ-хранитель вывелъ ее на дорогу. Оттуда было уже легче, только за нею все время летѣли вороны, но она крѣпко прижимала къ себѣ хлѣбъ и бѣжала что было духу... Она весело смѣялась. Никогда не была Бербеле такою оживленной, она словно оттаяла, и когда она вдругъ погладила его руку со словами: „Вы такой добрый!“—въ ея довѣрчивости и ласкѣ не было ни малѣйшей назойливости.

Посреди болтовни ее стало клонить ко сну, какъ ребенка, глаза у нея смыкались. Длинныя черныя рѣсницы опустились на

разгорѣвшіяся щеки. Она прислонилась головою къ плечу Іозефа и задремала. Онъ сидѣлъ не шевелясь и задерживалъ дыханіе...

Іозефъ казался самъ себѣ невыразимо смѣшнымъ. Только съ нимъ случаются подобныя вещи. Схватить бы ее, унести какъ добычу! Онъ неподвижно сидѣлъ цѣлый часъ, покуда она не проснулась и, мигая отъ свѣта, не проговорила, блаженно потягиваясь:

— Ухъ, какъ я устала!

Іозефъ чувствовалъ, что ему стоитъ лишь протянуть за нею руку. Въ комнатѣ было тихо, тепло, они были совсѣмъ одни— вдали отъ міра. Міру не было до нихъ никакого дѣла.

Но онъ поспѣшно отстранилъ ее.

— Покойной ночи, Бербеле!

Голосъ его звучалъ рѣзко. Она съ удивленіемъ на него смотрѣла. Неужели онъ за что-нибудь разсердился на нее?

Когда Іозефъ вышелъ отъ Брѣйера, было уже поздно. Онъ съ утра убѣжалъ изъ дому и самъ не зная какъ—добрелъ до колоніи. Здѣсь онъ отогрѣлся, его угостили арестантскимъ супомъ, довольно вкуснымъ и наварнымъ, но надзиратель былъ мраченъ и неразговорчивъ. Когда Іозефъ очутился за оградою, онъ увидѣлъ передъ собою сѣрую стѣну тумана. Казалось, что ему вдругъ накинули на голову мѣшокъ.

Онъ много слышалъ о здѣшнихъ туманахъ и подумалъ, что они не уступятъ лондонскимъ. Какъ тяжелы были эти испаренія для горла и груди! Онъ сталъ чихать и кашлять, и плотнѣе застегнулъ пальто. Ни малѣшаго вѣтерка, а сырость пронизывала между тѣмъ до костей. Даже лицо его было влажно. Скорѣе домой!

Онъ почти бѣжалъ, но вдругъ у него явилось сомнѣніе: туда ли онъ идетъ? Онъ напрягалъ глаза, стараясь разсмотрѣть направленіе, но мѣшокъ надъ головою словно съуживался. Іозефъ чувствовалъ, что начинаетъ волноваться. Вдругъ онъ замѣтилъ чьи-то слѣды и пошелъ по нимъ, стараясь не потерять ихъ изъ виду... Удивительно, какъ они походили на его собственные! Это не были слѣды крестьянскихъ, подбитыхъ гвоздями сапогъ. Онъ вздрогнулъ и у него вырвалось восклицаніе изумленія и гнѣва. Что съ нимъ? Онъ все время кружитъ по своимъ собственнымъ слѣдамъ! Іозефъ хотѣлъ расхохотаться—и не могъ. Онъ сталъ громко звать на помощь, онъ кричалъ, и эхо глухо отвѣчало ему.

Голосъ его звучалъ слабо, туманъ заглушалъ звуки. Іозефъ

то ускорялъ, то замедлялъ шагъ, потъ градомъ катился съ него, подошвы его обледенѣли, онъ тяжело опирался на палку...

Онъ пересталъ кричать: все равно не услышатъ. Слѣдамъ онъ также уже не довѣрялъ; для того, чтобы провѣрить себя, онъ воткнулъ въ снѣгъ свою палку: неужели все это время онъ только кружился, какъ бѣлка въ колесѣ?

Безъ палки ему было еще труднѣе идти, но онъ рѣшилъ, что нельзя такъ скоро сдаться, хотя больше всего ему хотѣлось лечь и заснуть; его непреодолимо клонило ко сну. Нѣтъ, это было бы малодушіемъ. Сколько же времени онъ бродитъ однако? Изъ колоніи онъ вышелъ послѣ полудня. Теперь уже три. Онъ блуждаетъ цѣлыхъ три часа—не мудрено, что онъ совсѣмъ разбитъ.

Онъ вспомнилъ разсказы Бербеле, и ему показалось, что со всѣхъ сторонъ его обступили кресты, поставленные въ память погибшихъ. Еще часа два — и все для него будетъ кончено. Вечеромъ никого нельзя встрѣтить на равнинѣ. Теперь ему, можетъ быть, попадется на встрѣчу пограничный стражникъ. Они разъѣзжаютъ во всякую погоду. Іозефъ напрягалъ слухъ, но ни лошадинаго топота, ни звона шпоръ, ни оклика: „Кто идетъ?"—ничего не было слышно. Дикій страхъ охватилъ его. Сердце молотомъ колотилось у него въ груди. Онъ испыталъ разнаго рода опасности: американскую бурю, столкновеніе двухъ поѣздовъ, и оставался хладнокровнымъ среди безумно метавшихся людей. Но *это* было страшнѣе всего.

Вдругъ у него вырвался отчаянный крикъ. Онъ наткнулся на свою палку! Онъ снова пришелъ на то же самое мѣсто! Голова у него закружилась, передъ глазами пошли красные круги, въ виски стучало, земля заколебалась подъ ногами, какъ палуба корабля. Онъ со стономъ закрылъ глаза... Будетъ ли она горевать, если онъ не вернется? Не пошла ли она искать его?

— Бербеле! Бербеле!

Онъ прокричалъ это имя съ необычайнымъ напряженіемъ, но голосъ его прозвучалъ слабо. Тишина была слишкомъ сильна: она безмолвно смыкала уста человѣку.

Іозефъ схватился за часы. Четыре! Прошелъ еще часъ. Скоро наступитъ ночь. Онъ стоялъ на мѣстѣ и только по временамъ топтался на снѣгу и похлопывалъ руками для того, чтобы совсѣмъ не закоченѣть. Мысли его были смутны. Онъ былъ одинъ среди снѣговъ, онъ—и кресты...

Іозефъ снова посмотрѣлъ на часы. Половина пятаго! Колѣна его подгибались. Если не случится чуда...

— Что это такое? Колокольчикъ? Динь-динь-динь! Это ѣдутъ сани.

Онъ не закричалъ, не сталъ звать на помощь онъ кинулся по направленію, откуда слышался колокольчикъ. Онъ бѣжалъ, падалъ, проваливался, снова поднимался... колокольчикъ слышался все ближе, отчетливѣе... Динь-динь-динь!

— Стой! — Заблудившійся путникъ съ крикомъ кинулся впередъ и упалъ чуть не подъ ноги рабочей лошади. Она остановилась.

Человѣкъ, привезшій наконецъ провизію въ охотничій домикъ, возвращался домой, довѣрившись инстинкту своей лошади. Онъ поднялъ барина и положилъ его въ сани.

XVI.

Много дней пролежалъ Іозефъ въ горячкѣ. Послѣ того какъ онъ вернулся домой, у него начался бредъ. Бербеле безутѣшно рыдала: ея господинъ, ея добрый, милый господинъ! Ей казалось, что такъ дорогъ никто не былъ ей, даже отецъ съ матерью.

Кромѣ мѣстнаго доктора, Генрихъ привезъ къ больному и окружнаго врача. Самъ онъ былъ очень огорченъ, хотя по обыкновенію бранился. Онъ бранилъ и себя: какъ могъ онъ дать согласіе на эту дикую идею? Іозефу съ его слабымъ здоровьемъ—провести зиму въ охотничьемъ домѣ! Онъ хотѣлъ сейчасъ же увезти его домой, но докторъ этому воспротивился — въ виду невозможности прислать за больнымъ карету.

Іозефу было здѣсь хорошо. Послѣ того какъ горячечное возбужденіе улеглось и температура упала, его охватило ощущеніе глубокаго покоя. Бербеле была при немъ почти цѣлый день, и все нужное доставлялось ему изъ города. Отдаваясь пріятной усталости, свойственной выздоравливающему, онъ глядѣлъ на Бербеле: милая дѣвушка, преданное созданіе! Когда человѣку пришлось заглянуть въ глаза смерти—всякія желанія умираютъ въ немъ. Онъ спокойно прикасался къ ея рукѣ, голова ея касалась порою его груди, когда она низко нагибалась, чтобъ окутать ноги его одѣяломъ. Онъ мечтательно улыбался, вспоминая недавнее прошлое, какъ нѣчто пережитое и побѣжденное.

Одинъ только разъ онъ ощутилъ нѣчто въ родѣ ревности: это когда Бербеле отпросилась къ обѣднѣ. За то сколько новостей принесла она изъ дому! На дворѣ стоялъ февраль, и куры уже

начали класться; корова должна была принести лѣтомъ теленка; мать была здорова; ребята выросли, а Катринхенъ получила отъ фрау Ленкуленъ платье—почти длинное, и она кажется въ немъ такой хорошенькой! Адамсы опять взяли ее на лѣто. Бербеле съ гордостью говорила о сестренкѣ. Катринхенъ—умница, она и на фабрикѣ будетъ хорошо зарабатывать.

Іозефъ прикрылъ рукою глаза, онъ не могъ слышать о фабрикѣ, но Бербеле продолжала разсказывать. Въ колоніи кипитъ работа, тамъ кроютъ крышу, вспахиваются огородъ и лугъ. Войска уже скоро придутъ...

Старая пѣсня! Прошелъ годъ, кругъ завершенъ, и опять все то же, прежнее: фабрика, колонія арестантовъ, лагерь... Онъ спросилъ о Ленкуленѣ. Оказалось, что Бербеле позабыла передать ему поклонъ отъ бургомистра...

Силы быстро возвращались къ больному, но вмѣстѣ съ тѣмъ явились раздраженіе и скука... Онъ много читалъ, но выходить ему было запрещено, на землѣ еще лежалъ талый снѣгъ. 1-го мая была назначена свадьба. Генрихъ часто выходилъ изъ себя при новыхъ требованіяхъ жениха, пожелавшаго совершить свадебную поѣздку въ автомобилѣ. Фабрикантъ воспротивился: будетъ съ нихъ ландо и лошадей.

У Ленхенъ онъ тоже находилъ мало утѣшенія: она въ глаза смѣялась надъ нимъ и открыто выказывала предпочтеніе самымъ молодымъ людямъ.

Фрау Софи надѣялась, что Іозефъ будетъ на свадьбѣ; у него такой изящный вкусъ, онъ поможетъ ей своими совѣтами.

Генрихъ, наоборотъ, на это не разсчитывалъ: нужно отправить Іозефа какъ можно скорѣе въ теплые края: въ Монтрё, въ Висбаденъ, на Ривьеру — по выбору врача. Узнавъ о планахъ брата, Іозефъ разсмѣялся.

— Пустое! Я здѣсь останусь. Послѣ свадьбы Гедды пріѣду къ вамъ погостить... О дальнѣйшемъ не думаю.

Онъ не хотѣлъ думать, но мысли его противъ воли возвращались къ вопросу о будущемъ. Лѣто онъ проведетъ пріятно, но—пережить еще одну такую зиму? По тѣлу выздоравливающаго пробѣжала дрожь. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у окна, которое еще не рѣшались открыть: было слишкомъ холодно, на кустарникѣ еще не видно было почекъ. Какъ запаздываетъ здѣсь весна! Мысли Іозефа невольно блуждали въ краяхъ, гдѣ теперь тепло и свѣтло. На Ривьерѣ теперь южная весна во всей своей роскоши. Живая фантазія Іозефа мгновенно вызвала передъ нимъ синее море, синее небо, залитые солнечнымъ сіяніемъ дома,

благоуханіе померанцевой рощи... Онъ вздрогнулъ, когда вошла Бербеле со своимъ вязаньемъ.

Она сидѣла смирно, но онъ замѣтилъ, что она вздохнула. Что такое кроется подъ этимъ яснымъ дѣвичьимъ челомъ? И вдругъ ему почему-то вспомнился Эхтернахъ, ея волненіе, слезы, вызванныя упоминаніемъ Ленкулена объ Эхтернахѣ... Этотъ день сыгралъ свою роль въ ея жизни...

Ему было скучно; онъ хотѣлъ, чтобы его занимали, и онъ вдругъ сказалъ, ни съ того, ни съ сего:

— Ты ничего не разсказывала мнѣ объ Эхтернахѣ... Что̀ тамъ собственно было? Я знаю только, что ты была въ процессіи...

— Я?—Она вздрогнула и густо покраснѣла.

Почему она такъ испугалась? Сердце его сразу сильно заколотилось въ груди. Ея испугъ внушилъ ему подозрѣнія. Онъ пристально глядѣлъ на нее. Да, дѣло было неладно. Ему сразу припомнились разговоры о безобразіяхъ, творящихся во время этихъ паломничествъ. Молодежь, лишенная надзора, возбужденная молитвеннымъ экстазомъ, прыганьемъ, опьяненная вѣрою въ чудо—какимъ увлеченіямъ, какимъ соблазнамъ не бываетъ подвержена эта молодежь!

Онъ снова взглянулъ на Бербеле. Она стояла съ опущенною головою, какъ грѣшница, и то краснѣла, то блѣднѣла... Руки ея безсильно повисли. И когда она вышла, его любопытство послѣдовало за нею.

Ночью онъ не могъ спать. Какъ онъ былъ глупъ, что такъ бережно, отечески обращался съ нею, щадилъ ее, оберегалъ! Она ничѣмъ не лучше другихъ. Ея чистота—лишь кажущаяся. Онъ жалѣлъ ее и въ то же время она снова показалась ему желанною, желаннѣе чѣмъ прежде, но теперь онъ уже не боролся противъ ея очарованія...

Цѣлый день шелъ проливной дождь. Онъ сидѣлъ одинъ, Бербеле словно боялась заглядывать къ нему. Когда она пришла вечеромъ, онъ увидѣлъ, что она сильно взволнована и избѣгаетъ встрѣчаться съ нимъ взглядами. На дворѣ бушевала весенняя буря, потрясавшая домикъ, и Іозефъ чувствовалъ, что въ немъ тоже поднимается буря. Вдругъ оба они сильно вздрогнули.

— Стучатъ!—проговорила, дрожа, Бербеле.

Кто-то нащупывалъ ставень, затѣмъ послышались шаги у входной двери, и чей-то жалобный голосъ, напоминавшій визгъ собаки, проговорилъ, заглушаемый шумомъ вѣтра:

— Отворите Христа ради!

Іозефъ вскочилъ и подошелъ къ двери, Бербеле — за нимъ. Онъ пріоткрылъ дверь, но этого было достаточно для того, чтобы въ нее проскользнулъ человѣкъ, испуганно озиравшійся, словно онъ спасался отъ погони... Физіономія бродяги, не внушающаго ни малѣйшаго довѣрія—рыжій Якобъ изъ арестантской колоніи!

Они узнали другъ друга, Іозефъ невольно отступилъ. Это не былъ пріятный гость. Но по блѣдному лицу арестанта скользнула усмѣшка. Онъ хрипло проговорилъ молящимъ и въ то же время угрожающимъ тономъ:

— Баринъ, вы меня не выдадите! Я бѣжалъ... Я хотѣлъ...— Хриплый кашель прервалъ его слова, онъ задыхался, ему недоставало воздуха.—Я такъ бѣжалъ... цѣлую ночь... Днемъ я прятался... Не могу найти границы, путаюсь... Онъ гонится за мною, но я не хочу туда вернуться, ни за что!

Онъ судорожно ухватился за полу Іозефа.

— Войдите!—сказалъ Іозефъ.—Ступай, Бербеле, скорѣе свари кофе!

Бѣглецъ былъ совершенно истощенъ; онъ цѣлыя сутки ничего не ѣлъ и съ усиліемъ пилъ горячій кофе, принесенный Бербеле. Ее пугала мысль, что онъ останется на ночь; она шепнула барину, что сбѣгаетъ за надзирателемъ, но Іозефъ оборвалъ ее:

— Онъ останется здѣсь, я не доносчикъ. Развѣ ты не видишь, какъ боленъ бѣдняга?

Дѣйствительно, глаза Рыжаго горѣли лихорадочнымъ блескомъ, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему устроили изъ сѣна и теплаго одѣяла постель на кухнѣ. Іозефъ далъ ему свои носки и старыя панталоны,—одежда бѣглеца была вся въ лохмотьяхъ.

Бербеле въ первый разъ заперлась на ключъ въ своей каморкѣ. Іозефъ усѣлся въ кресло у огня и глубоко задумался. Что дѣлать съ этимъ несчастнымъ? Дать ему завтра денегъ и проводить его до границы? Но самъ онъ былъ еще слишкомъ слабъ и тоже не зналъ дороги. Послать его съ Бербеле—опасно: у этого человѣка—зубы дикаго звѣря и блуждающіе глаза.

Іозефъ прислушивался. Стоны на кухнѣ смѣнились, наконецъ, громкимъ храпомъ. Бѣглецъ спалъ.

Смертельно утомленный, Іозефъ тоже бросился на постель и заснулъ. Его разбудили громкій стукъ и голосъ, похожій на голосъ Симона Брейера.

— Отворите!—Удары кулака сыпались на дверь.

Іозефъ кинулся на кухню—она была пуста, окно распахнуто: Рыжій успѣлъ очевидно выскочить.

Симонъ Брейеръ былъ необычайно взволнованъ и противъ

обыкновенія сыпалъ словами, разсказывая о побѣгѣ этого „паршивца“. Подвело ему животики: радъ будетъ вернуться домой на хлѣбъ-на воду.

Іозефъ удивился, что съ Брёйеромъ даже не было жандарма. Къ чему? Онъ и одинъ съ нимъ справится.

Іозефъ старался помѣшать ему заглянуть на кухню, но Брёйеръ, бывшій выше его ростомъ, замѣтилъ своимъ ястребинымъ взоромъ связку соломы и открытое окно. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на кухнѣ, вторымъ—у окна. Отъ него не ускользнулъ лоскутъ одежды на кустарникѣ, указывавшій, откуда бѣжалъ арестантъ... Онъ смѣрилъ Іозефа пронизывающимъ, холоднымъ взглядомъ.

— Вотъ какъ! Вы дали ему пристанище ночью? Понимаю! Вы—человѣкъ, но я—надзиратель. Пойдемте со мною.

Онъ едва далъ Іозефу время надѣть пальто и шапку, и помчался впередъ какъ олень. Іозефъ сразу отсталъ, хотя возбужденіе удвоивало его силы. Это была дикая погоня по полю, среди елей и кустарника, черезъ упавшіе стволы деревьевъ, по кочкамъ и лужамъ—по направленію къ пограничному ручью. На черной землѣ Іозефъ замѣтилъ лужу крови. Онъ испуганно окликнулъ надзирателя, но отвѣта не было. Куда дѣвался несчастный, бывшій даже безъ куртки и безъ сапогъ, въ однихъноскахъ? Далеко ли онъ убѣжитъ? Пусть онъ преступникъ, но что такое онъ самъ—Іозефъ Шмёльдеръ, считающій себя порядочнымъ человѣкомъ, которому лишь приходъ этого бродяги помѣшалъ совершить гадкое дѣло?

Вдругъ среди полной тишины съ ужасающей отчетливостью раздался выстрѣлъ, громко повторенный эхомъ. Неужели онъ застрѣлилъ его?

— Брёйеръ! Брёйеръ!

— Сюда!

Надзиратель стоялъ возлѣ плѣнника, неподвижно лежавшаго на землѣ.

— Не безпокойтесь. Я только попугалъ его... Ну, вставай же, каналья! Маршъ!—Онъ толкнулъ бѣглеца ногою, но тотъ лежалъ на спинѣ, тяжело дыша, на губахъ у него проступала пѣна, глаза были какъ стеклянные. Надзиратель поднялъ его, но онъ сейчасъ же соскользнулъ на землю и обхватилъ его колѣна руками.

— Смилуйтесь,—шепталъ онъ,—не туда... только не туда... Ведите куда хотите—въ другое мѣсто...

— Ну, да! Работать тебѣ не хочется, лѣнтяй! Безъ фокусовъ! Маршъ!

Сильный человѣкъ поднялъ слабаго и сталъ толкать его передъ собою, но Рыжій взвылъ какъ затравленный звѣрь, и въ этомъ воѣ у него вырывались человѣческія слова:—Я сверну ей шею, не миновать тому... дѣвчуркѣ этой самой... Она опять тамъ... цвѣтовъ ищетъ, стадо пасетъ... всю весну, все лѣто... Она всегда тамъ... Не отходитъ отъ меня... Все вижу, вижу ее вездѣ... Вездѣ!..

Слова перешли въ стонъ, всхлипыванія, кашель и вой.

Надзиратель стоялъ блѣдный и нахмуренный. Вдругъ краска ударила ему въ лицо, и онъ, нагнувшись къ бѣглецу, тронулъ его за плечо.—Слушай, Рыжій: даю тебѣ слово, что отошлю тебя въ Аахенъ, до тѣхъ же поръ буду держать тебя на запорѣ. Слышишь? Идемъ.

Арестантъ послушно всталъ, но имъ пришлось вести его подъ-руки. Онъ не могъ идти одинъ.

XVII.

Іозефъ уѣзжалъ. Въ концѣ марта у него былъ тяжелый рецидивъ, а теперь уже апрѣль стоялъ на дворѣ, небо надъ равниною было ясное, голубое, но его тянуло туда, гдѣ небеса безоблачнѣе и синѣе: на Ривьеру.

И все же разставаніе было ему очень тяжело. Бербеле стояла у экипажа и плакала. Лѣвою рукою она закрывала себѣ передникомъ лицо, правая рука ея лежала въ рукѣ Іозефа. Онъ судорожно сжималъ ее.—Прощай, Бербеле!

Она громко всхлипнула. Іезусъ-Марія, ахъ, какъ тяжело ей прощаться съ г. Іозефомъ, съ домикомъ, гдѣ ей такъ хорошо жилось! Она проплакала всю ночь. Рыданія сдавливали ей горло и потрясали ея тѣло.

Лицо Іозефа дрогнуло.—Не плачь, Бербеле! Взгляни на меня еще разъ... Развѣ ты не хочешь проститься со мною какъ слѣдуетъ?

— Прощайте,—прошептала она, еще крѣпче прижимая къ лицу мокрый передникъ.

— Слушай, дѣвушка!—Генрихъ Шмёльдеръ нагнулся и ласково потрепалъ ее по спинѣ. Онъ былъ искренно тронутъ. Такая хорошенькая дѣвушка и такая привязанная!—Не плачь, малютка! Развѣ тебѣ такъ нравилось тутъ?

Она кивнула головою.

Фабрикантъ усмѣхнулся. Ему вдругъ пришло въ голову, что онъ можетъ помочь ея горю и также—своему собственному. На нее можно положиться, да и пріятно будетъ видѣть во время пріѣздовъ сюда на охоту такое прелестное личико.—Слушай, Бербеле, я найму молодого лѣсника—мнѣ передали кстати и общественную охоту, за-одно ужъ деньги тратить... И я выдамъ тебя замужъ за молодого лѣсника. Что̀ ты на это скажешь, Бербеле?

Она опустила передникъ, ея покраснѣвшіе, заплаканные глаза вопросительно поглядѣли на него.

— Вы это взаправду, г. Шмёльдеръ?

— Честное слово.

Бербеле покраснѣла и слегка улыбнулась. Лошади дернули, кучеръ щелкнулъ бичемъ — и домикъ остался позади. Покуда можно было что-нибудь видѣть—Іозефъ постоянно оборачивался. Бербеле стояла на томъ же мѣстѣ и, прикрывая глаза рукою, смотрѣла ему вслѣдъ.—Прощай!

— Прощайте!—донесся ея звонкій голосокъ. Она сняла передникъ и махала имъ, и онъ весело развѣвался по воздуху, какъ полосатый красный съ бѣлымъ флагъ...

Но вотъ экипажъ сдѣлалъ поворотъ—и идиллія осталась позади. Передъ ними разстилалась громадная пустынная равнина.

— Холодно тебѣ?—заботливо спросилъ Генрихъ.

Нѣтъ, это былъ внутренній холодъ. Сколько человѣческаго пота, сколько жизненныхъ силъ требовала эта почва, и станетъ ли она когда-нибудь культурною? Всѣ работающіе на ней—несвободные, скованные люди: начиная съ арестантовъ и кончая Ленкуленомъ, хеккенбройхскимъ королемъ. И тотъ—рабъ своихъ воззрѣній.

Іозефъ вздохнулъ. Экипажъ покатился шибче, они уже спускались въ долину.

Изъ дома подъ красною кровлею медленно выходили люди съ опущенными головами и шапками въ рукахъ.

— Впередъ!—скомандовалъ Брейеръ, хотя въ сущности онъ уже не былъ начальникомъ: рядомъ съ нимъ стоялъ новый надзиратель.

Подошли четверо и, поплевавъ себѣ на руки, подняли гробъ. Кто бы подумалъ, что Якобъ—такой тяжелый? Старый бродяга соорудилъ нѣчто въ родѣ деревяннаго креста и торжественно несъ его впереди. Онъ сокрушался о томъ, что молодой товарищъ умеръ безъ исповѣди и причастія: его нашли мертвымъ въ постели. Старикъ сложилъ ему руки на груди и сталъ читать надъ нимъ

всѣ молитвы, какія только зналъ. Другіе вздумали было посмѣяться, но вскорѣ смолкли. Смерть прошла среди нихъ. Кто знаетъ: за кѣмъ теперь чередъ?

Старикъ высоко несъ крестъ, лицо его было обращено къ небу, онъ громко молился и другіе хоромъ повторяли за нимъ: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!"

„Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Марія, Господь съ Тобою. Благословенна Ты въ женахъ!"

„Пресвятая Богородица, моли Бога о насъ!"

— Аминь! — проговорилъ Симонъ Брейеръ. Завтра въ это время онъ уже будетъ далеко отсюда — на пути къ Терезхенъ. Но въ сердцѣ его не было радости. Онъ казался себѣ дезертиромъ, покидающимъ свой постъ.

Шествіе медленно подвигалось, люди часто смѣнялись у гроба, только старикъ все несъ крестъ и при каждомъ порывѣ вѣтра усиливалъ голосъ:

„Господи, спаси и помилуй его душу!"

И другіе подхватывали, и по вѣтру далеко разносилось:

„Со святыми упокой!"

На границѣ Хеккенбройха стоялъ Ленкуленъ. Онъ снялъ шляпу и слѣдилъ за процессіей, медленно извивавшейся, подобно червю, по направленію къ кладбищу.

— Озари его свѣтомъ Своимъ! — произнесъ старикъ.

— И всѣхъ насъ! — прошепталъ Ленкуленъ и, перекрестившись, поклонился праху.

Люди прошли. Но позади нихъ возвышался крестъ на равнинѣ — единственный возвышающійся надо всѣмъ, единственное, къ чему обращаются взоры въ этомъ темномъ краю.

Съ нѣмецкаго О. Ч.

СКАЗКА О СКАЗКѢ

Сельмы Лагерлёфъ

Selma Lagerlöf. „En saga om en saga“.

Въ новѣйшей шведской литературѣ Сельма Лагерлёфъ стоитъ совершенно особнякомъ. По направленію къ ней болѣе или менѣе примыкаетъ лишь Вернеръ фонъ Хейденстамъ. Другіе современные шведскіе писатели, начиная съ Стриндберга и кончая недавно умершимъ Гейерстамомъ, являются типичными представителями реализма. Они описываютъ трезвую, суровую, подчасъ весьма неприглядную дѣйствительность, раскрываютъ язвы общества, бичуютъ его недостатки и стремятся дать разрѣшеніе наболѣвшихъ вопросовъ и проблемъ нравственности. Всецѣло сосредоточиваясь на настоящемъ, они не обращаются взоромъ къ прошлымъ временамъ. Эпическій элементъ имъ почти чуждъ. И на ряду съ ними, какъ бы въ силу контраста или реакціи, развернулся крупный самобытный талантъ совсѣмъ иной окраски. Сельма Лагерлёфъ вернулась къ романтизму, возродивъ его въ новыхъ формахъ. Канвою для нея послужили народныя легенды и преданія о старинѣ, изъ которыхъ ея богатая фантазія соткала яркіе, красивые, причудливые узоры.

Первое ея произведеніе появилось въ 1891 году на страницахъ женскаго журнала „Idun“. Это были отрывки изъ романа „Іеста Берлингъ“, который сразу прославилъ скромную, дотолѣ безвѣстную сельскую учительницу. Романъ вводитъ читателя въ кругъ жизни вермландскихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и провинціальныхъ героевъ. Онъ написанъ такъ увлекательно, что имъ зачитываются и старъ, и младъ.

Успѣхъ перваго произведенія побудилъ Сельму Лагерлёфъ бросить педагогическую карьеру и всецѣло отдаться литературѣ. Раньше всего она совершила большое путешествіе — объѣздила весь югъ Европы и побывала въ Палестинѣ. Ей хотѣлось расширить свой кругозоръ и повидать свѣтъ. Результатомъ поѣздки явились два новыхъ крупныхъ произведенія. Одно изъ нихъ— „Чудеса антихриста", колоритная повѣсть изъ быта сицилійскихъ крестьянъ въ маленькой деревушкѣ у подножія Этны. Другое— „Іерусалимъ", гдѣ въ первой части описывается жизнь далекарлійскихъ крестьянъ и дается превосходная характеристика шведскаго народа; вторая часть рисуетъ переселеніе шведской крестьянской общины въ Палестину вслѣдъ за руководителемъ религіозной секты. Въ этомъ произведеніи сказалось отношеніе Лагерлёфъ къ религіи и къ Христу, которое еще ярче выразилось въ „Легендахъ о Христѣ". Въ ея изображеніи Христосъ— не историческая и не мистическая личность, а кроткій Спаситель, который такъ близокъ простодушно вѣрующему народу.

Яркость и сила—основныя черты ея творчества. Вмѣстѣ съ тонкостью характеристикъ, онѣ вполнѣ затмеваютъ свойственныя ей слабыя стороны — нѣкоторую бѣдность фабулы и подчасъ наклонность къ морализированію, являющуюся, по всей вѣроятности, отголоскомъ долголѣтней педагогической дѣятельности. Всѣми этими достоинствами и недостатками отличаются и другія ея произведенія: „Легенды и разсказы", „Легенда господской усадьбы", „Деньги господина Арне", „Королевы Кунгахэллы", „Невидимыя нити". Въ двухтомной книгѣ для дѣтей: „Чудесное путешествіе Нильса Хольгерсона по Швеціи" Сельма Лагерлёфъ дала идеалъ руководства по отечествовѣдѣнію. Въ полуфантастическую фабулу искусно вкраплено множество фактическихъ свѣдѣній, рельефныхъ описаній, поэтическихъ легендъ, и въ общемъ книга оставляетъ цѣльное и ясное понятіе о Швеціи.

Шведы любятъ и цѣнятъ свою писательницу. Въ 1907-мъ году старѣйшій шведскій университетъ—въ Упсалѣ—поднесъ ей почетный докторскій дипломъ. Минувшей осенью страна торжественно праздновала пятидесятилѣтіе со дня рожденія Сельмы Лагерлёфъ. Въ чествованіи приняли участіе многочисленныя общества, союзы, учрежденія и всѣ до одного учебныя заведенія Швеціи, начиная отъ элементарныхъ школъ и кончая университетами. Откликнулись на это торжество также изъ-за границы, откуда юбилярша получила рядъ привѣтствій.

Сельма Лагерлёфъ выступила съ вполнѣ законченнымъ и сложившимся дарованіемъ. Ея первое произведеніе нисколько

не уступаетъ послѣдующимъ, а направленіе и характеръ ихъ одинаковы и вполнѣ опредѣленны. Но какая долгая работа совершалась въ тиши, какой рядъ исканій ей пришлось пережить, пока она напала на подходящій для себя путь—объ этомъ свидѣтельствуетъ ея маленькій (написанный ко дню ея юбилея) автобіографическій разсказъ, предлагаемый нами въ переводѣ.

Была однажды сказка, которой хотѣлось, чтобы ее разсказали и вывели на свѣтъ Божій. И вполнѣ понятно, такъ какъ она сама чувствовала, что почти готова. Одни создавали ее, совершая достопримѣчательныя дѣла; другіе вкладывали свое участіе, разсказывая объ этихъ дѣлахъ. Недоставало лишь окончательной обработки, чтобы сказка могла съ удобствомъ гулять по всей странѣ. Она представляла собою запутанный клубокъ исторій, безформенную тучу приключеній, которая носилась взадъ и впередъ, какъ въ лѣтній день—рой пчелъ, не знающій, гдѣ найти кого-нибудь, кто могъ бы собрать ихъ въ корзину.

Сказка, хотѣвшая, чтобы ее разсказали, зародилась и возникла въ Вермландѣ. Она несомнѣнно витала надъ многими усадьбами и заводами, церковными домами и казармами этой живописной провинціи, заглядывала въ окна и просила пріюта; но всѣ попытки были тщетны, вездѣ она получала отказъ. Да иначе и быть не могло: людей одолѣвали разныя заботы поважнѣе.

Наконецъ, сказка добралась до стариннаго мѣстечка, по имени Морбака. Здѣсь находилась маленькая усадьба съ низенькими строеніями, окруженными тѣнистыми деревьями. Въ свое время это былъ церковный домъ, и на немъ, казалось, сохранился неизгладимый отпечатокъ. Тамъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, любили книги и чтеніе; тамъ всегда царилъ безмятежный миръ и никогда не бывало недоразумѣній изъ-за работъ или ссоръ съ прислугой. Ненависти и неудовольствія тамъ не знали. Ни одинъ обитатель усадьбы не тяготился своимъ существованіемъ; всѣ считали долгомъ быть беззаботными, вѣровать и жить во имя Божіе.

По зрѣломъ размышленіи я убѣждаюсь, что сказка, о которой я говорю, пробыла тамъ долгіе годы въ напрасной надеждѣ, что ее разскажутъ. Мнѣ кажется, что она окутывала собою это мѣстечко, какъ облако окутываетъ вершину горы, и роняла, словно дождевыя капли, постепенно, одно за другимъ, тѣ приключенія, изъ которыхъ была соткана. Они превращались въ

страшныя исторіи о господинѣ, у котораго въ упряжкѣ всегда оказывались черные волы, когда онъ ночью возвращался изъ гостей, а дома въ качалкѣ сидѣлъ самъ нечистый, слушая игру госпожи. Они превращались въ были о сосѣдской усадьбѣ, гдѣ сороки такъ преслѣдовали хозяйку, что она не могла выйти за дверь; о семьѣ капитана, до того обѣднѣвшей, что пришлось буквально все заложить; о хижинѣ подлѣ церкви, гдѣ жили многочисленныя молодыя и пожилыя дѣвушки, поголовно влюбленныя въ красиваго органиста.

Иногда милыя приключенія слетали, такъ сказать, осязательнѣе. Въ усадьбу пріѣзжали бѣдные отставные офицеры, въ допотопныхъ колясках, на дряхлыхъ клячахъ. Они оставались погостить на недѣльку, и по вечерамъ, когда пуншъ придавалъ имъ бодрости, разсказывали о тѣхъ временахъ, когда они танцовали въ башмакахъ на босу ногу, чтобы ноги казались поменьше, завивали волосы и чернили усы. Одинъ повѣдалъ, какъ онъ долженъ былъ отвезти хорошенькую барышню къ ея жениху и какъ по дорогѣ за нимъ гнались волки. Другой присутствовалъ на рождественскомъ пиру, гдѣ какой-то сердитый гость вышвырнулъ за окно всю дичь, вообразивъ, что это—вороны. Третій знавалъ старика, который любилъ играть Бетховена на деревянномъ столѣ.

Сказка проявляла свое присутствіе еще иначе. Въ мезонинѣ висѣлъ старинный портретъ дамы съ напудренными волосами. Всякій, проходя мимо, невольно вспоминалъ, что это графская дочь, которая когда-то любила молодого учителя своего брата, а потомъ вновь увидѣлась съ нимъ, когда сама была сѣдой старухой, а онъ—женатымъ старикомъ. Въ кладовой лежали связки документовъ. Между ними находились купчая и арендный договоръ за подписью могущественной госпожи, которая когда-то управляла семью заводами, унаслѣдованными ею отъ возлюбленнаго. Въ церкви, въ маленькомъ пыльномъ шкафу подъ хорами стоялъ ящикъ съ еретическими писаніями, котораго нельзя было вскрыть до начала будущаго столѣтія; а неподалеку отъ церкви протекала рѣчка, на днѣ которой лежала масса иконъ, не пожелавшихъ долѣе украшать каѳедру и хоры.

Такъ какъ усадьба изобиловала преданіями, то немудрено, что кому-то изъ хозяйскихъ дѣтей пришла охота ихъ изложить. Интересъ къ этому проявили не сыновья—они мало бывали дома, почти круглый годъ жили въ школѣ, и сказка не пріобрѣла надъ ними особенной власти,—а одна изъ дочерей, болѣзненная дѣвочка, которая не могла много играть и рѣзвиться съ другими

дѣтьми, но страстно любила чтеніе и разсказы обо всемъ, что есть достопримѣчательнаго и великаго на свѣтѣ.

Вначалѣ она вовсе не собиралась записывать преданія и разсказы, которые ей доводилось слышать. У нея и отдаленной мысли не было, что изъ приключеній, о которыхъ постоянно говорили и которыя поэтому казались заурядными, могла бы составиться книга. Когда она пробовала писать, то заимствовала сюжеты изъ знакомыхъ книгъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ сочиняла исторіи про султановъ „Тысяча одной ночи", про рыцарей Вальтеръ-Скотта и про волшебныхъ королей Снорре Стюрласона.

Едва ли нужно говорить, что всѣ ея сочиненія были совершенно незрѣлыми и несамостоятельными, но сама она, разумѣется, этого не замѣчала. Она забиралась въ молчаливый садъ и исписывала всякій попавшійся подъ руку клочекъ бумаги стихами и прозой, драмами и романами. Если она не писала, то ходила и поджидала счастья. А счастье должно было заключаться въ томъ, что какой-то могущественный и просвѣщенный незнакомецъ чудомъ узнаетъ о ея сочиненіяхъ и найдетъ ихъ достойными печати. А дальше ужъ устроится само собою.

Но ничего подобнаго не произошло, и, достигнувъ двадцати лѣтъ, молодая дѣвушка стала терять терпѣніе. Она размышляла, отчего счастье не хочетъ къ ней придти? Быть можетъ, ей недостаетъ знаній? Быть можетъ, нужно также немного повидать свѣтъ за предѣлами усадьбы? И такъ какъ она, навѣрное, не скоро получитъ литературный заработокъ, то нужно чему-нибудь подъучиться, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, пока счастье заставляетъ себя ожидать.

Тѣмъ временемъ и сказка потеряла терпѣніе. Вѣроятно, она такъ разсуждала:

„Эта ослѣпленная особа не видитъ того, что̀ у нея передъ глазами. Заставлю-жъ ее уѣхать. Пусть погуляетъ по сѣрымъ улицамъ, пусть поживетъ въ тѣсной городской комнаткѣ, откуда видны только сѣрыя стѣны домовъ. Пусть узнаетъ людей, которые подавляютъ въ себѣ все своеобразное и стараются быть на одинъ ладъ. Быть можетъ, это ее научитъ обращать вниманіе на то, что̀ ждетъ ее у дверей дома, на то, что̀ живетъ и мечтаетъ среди голубоватыхъ горъ, которыя ежедневно открывались ея взору".

И осенью, когда ей исполнилось двадцать-два года, дѣвушка уѣхала въ Стокгольмъ подготовляться на званіе учительницы.

Она сразу ушла въ работу: бросила писательство и стала

усердно посѣщать лекціи и практическія занятія. Вскорѣ можно было думать, что она окончательно погибла для сказки.

Но тутъ произошло нѣчто необыкновенное. Въ ту самую осень, проживъ мѣсяца два среди сѣрыхъ улицъ и высокихъ домовъ, она однажды возвращалась по улицѣ Мальмшилнадъ съ пачкою книгъ подъ мышкой. Она шла съ лекціи по исторіи литературы. Вѣроятно на лекціи была рѣчь о Бельманѣ или о Рунебергѣ, такъ какъ она дорогой думала объ этихъ двухъ писателяхъ и о выведенныхъ ими типахъ. Она разсуждала про себя, что добродушные ветераны Рунеберга и беззаботные собутыльники Бельмана представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для поэта. Внезапно ее осѣнила мысль: вѣдь тотъ міръ, съ которымъ ты сжилась въ Вермландѣ, не менѣе своеобразенъ, чѣмъ міръ Фредмана или поручика Столя. Если ты справишься съ его изображеніемъ, то у тебя въ рукахъ отличный матеріалъ.

Въ эту минуту она впервые увидѣла сказку, и когда увидѣла, то земля задрожала подъ нею. Вся улица Мальмшилнадъ вплоть до пожарной каланчи стала подниматься къ небу и опять опускаться, подниматься и опускаться. Ей пришлось порядкомъ прождать, пока улица улеглась на мѣсто, и она съ удивленіемъ смотрѣла на прохожихъ, которые шли, какъ ни въ чемъ не бывало, не замѣчая происшедшаго чуда.

Молодая дѣвушка тутъ же рѣшила, что она напишетъ сказку о вермландскихъ кавалерахъ, и эта мысль ее ужъ никогда не покидала. Но много лѣтъ прошло, пока этому рѣшенію суждено было осуществиться.

Она вступила въ новыя обязанности, и у нея не хватало времени для выполненія большой литературной работы. Затѣмъ первая попытка написать сказку ей совершенно не удалась.

Однако въ томъ же году произошло еще нѣсколько событій, которыя помогли ей оформить сказку. Какъ-то на каникулахъ она за завтракомъ разговорилась съ отцомъ о старинѣ. Отецъ вспоминалъ о своемъ другѣ юности, который, судя по описаніямъ, былъ очаровательнымъ человѣкомъ. Всюду вносилъ онъ радость и веселье. Онъ пѣлъ, импровизировалъ, сочинялъ стихи. Если онъ игралъ танцы, то въ плясъ пускалась не только молодежь, но и старики, не только господа, но и слуги. Своими разсказами онъ могъ по желанію вызвать смѣхъ или слезы. Если онъ былъ навеселѣ, то игралъ и разсказывалъ еще лучше, чѣмъ въ трезвомъ видѣ; если же онъ влюблялся, то былъ неотразимъ. Всякія глупости ему прощались. Если онъ грустилъ, то каждый, по мѣрѣ силъ, старался его развеселить. Однако, не смотря на свои

рѣдкія дарованія, онъ въ гору не пошелъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ вермландскихъ помѣстьяхъ въ качествѣ учителя и, наконецъ, сдалъ экзаменъ на пастора. Вотъ и все, чего онъ достигъ.

Послѣ этого разговора молодая дѣвушка яснѣе представила себѣ главнаго героя, и это придало сказкѣ немного жизни и дѣйствія. Въ одинъ прекрасный день герой получилъ имя — Іеста Берлингъ. Откуда взялось это имя, она не знала. Казалось, что онъ самъ такъ отрекомендовался.

Вслѣдъ затѣмъ она пріѣхала домой на Рождество. Однажды вечеромъ всѣ отправились въ гости къ знакомымъ. Была ужасная метель, и дорога длилась безконечно долго. Лошади съ трудомъ пробивались впередъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ она смотрѣла на вьюгу и думала о сказкѣ. Когда они, наконецъ, прибыли на мѣсто, у нея въ умѣ сложилась первая глава, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ кузницѣ, въ рождественскую ночь.

Эта первая глава въ продолженіе многихъ лѣтъ была и послѣднею. Она написана была въ стихахъ, такъ какъ по первоначальному замыслу сказка должна была превратиться въ поэму, въ родѣ разсказовъ поручика Столя. Но мало-по-малу планъ подвергся измѣненію, и она рѣшила передѣлать поэму въ драматическое произведеніе. Рождественская ночь была переработана въ первый актъ драмы. Однако и этотъ опытъ тоже не удался. Въ концѣ концовъ она надумала изложить сказку въ формѣ романа. Глава была передѣлана въ прозу, но оказалась непомѣрно длинной и растянулась на цѣлыхъ сорокъ страницъ. Въ окончательномъ видѣ она заключала въ себѣ всего девять страницъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ прибавилась еще глава — балъ въ Бургѣ и погоня волковъ за Іёстой Берлингомъ и Анной Шэрнхёкъ. Первоначально эта глава не предназначалась для сказки, а была написана, какъ самостоятельное произведеніе, которое должно было читаться въ небольшомъ кружкѣ. Чтеніе не состоялось, и новелла была отослана въ редакцію „Dagny". Черезъ нѣкоторое время она была возвращена автору, какъ неподходящая для журнала. Она, собственно, не была плоха, но въ ней совершенно отсутствовала художественная обработка.

Писательница раздумывала, куда бы ей пристроить злополучную новеллу. Ужъ не вставить ли ее въ сказку? Но вѣдь новелла сама по себѣ представляла законченный эпизодъ. Онъ будетъ производить странное впечатлѣніе среди другихъ, болѣе связанныхъ между собою по смыслу. А можетъ быть и не плохо,

думала она, если каждая глава представитъ законченное цѣлое? Это хоть и трудно, но достижимо. Можетъ быть, кое-гдѣ останутся пробѣлы? Да, но зато книга пріобрѣтетъ бо́льшую выразительность и силу.

И такъ рѣшены были два существенные вопроса. Во-первыхъ, книга будетъ имѣть форму романа; во-вторыхъ, каждая глава будетъ сама по себѣ. Но большого значенія это не имѣло. Дѣвушкѣ, которая въ двадцать два года задумала написать разсказъ о вермландскихъ кавалерахъ, уже было подъ тридцать лѣтъ, а дальше двухъ главъ она не подвинулась. Что̀ дали ей эти годы? Она успѣла окончить семинарію и ужъ нѣсколько лѣтъ была учительницей въ Ландскрунѣ, многимъ интересовалась, работала на разнообразныхъ поприщахъ; но сказка все еще не была написана. Отчего же ей такъ трудно писать? Отчего не приходитъ вдохновеніе? Отчего перо такъ медленно скользитъ по бумагѣ? Въ эту пору она пережила немало мрачныхъ минутъ. Ей казалось, что она никогда не справится съ задуманнымъ романомъ. Она была тѣмъ рабомъ, который зарылъ свой талантъ въ землю и не пытался дать ему какого-либо примѣненія.

Все это происходило въ восьмидесятыхъ годахъ, въ эпоху расцвѣта реалистической литературы. Она восхищалась великими современными писателями и никогда не думала, что для литературныхъ произведеній можетъ быть пригоденъ иной слогъ, чѣмъ у нихъ. Собственно ей лично больше нравились романтики, но романтизмъ умеръ, а она не принадлежала къ числу тѣхъ, которые собирались возродить его формы и стиль. Хотя ея голова была набита исторіями о привидѣніяхъ, о безумной любви, о прекрасныхъ дамахъ и отважныхъ кавалерахъ, но она пробовала излагать ихъ уравновѣшенной реальной прозой. Проницательностью она не отличалась. Другой на ея мѣстѣ увидѣлъ бы, что невозможное—невозможно.

Однажды она написала двѣ небольшія главки въ иномъ стилѣ. Въ одной изображалась сцена на кладбищѣ въ Свартшё, въ другой — старый философъ, дядя Эбергардъ, съ его еретическими сочиненіями. Она больше для шутки написала ихъ почти ритмической прозой, пересыпанной ахами и охами. И она замѣтила, что это подходитъ. Она чувствовала, что тутъ есть вдохновеніе. Но когда обѣ главки были готовы, она отложила ихъ въ сторону. Вѣдь это только шутка. Нельзя же написать въ такомъ родѣ цѣлую книгу!

А сказкѣ надоѣло ждать. Вѣроятно, она рѣшила вмѣшаться, какъ въ тотъ разъ, когда отправила ее повидать свѣтъ:

„Надо послать этой ослѣпленной особѣ сильную тоску, которая открыла бы ей глаза".

И тоска пришла по поводу того, что домъ, гдѣ она родилась, былъ проданъ. Ей захотѣлось повидать родное гнѣздо еще разъ передъ тѣмъ, какъ тамъ поселятся чужіе люди.

Накануне отъѣзда, прощаясь съ родными мѣстами быть-можетъ навѣки, она рѣшила, что напишетъ книгу по собственному разумѣнію и по мѣрѣ собственныхъ слабыхъ силъ. Это не будетъ образцовое произведеніе, какъ она раньше мечтала. Надъ этой книгой люди, быть можетъ, станутъ смѣяться, но все же она ее напишетъ. Напишетъ для себя, желая спасти что возможно отъ родного дома: милые старые разсказы, беззаботные дни, мирную радость и прелестный ландшафтъ съ длиннымъ озеромъ и синѣющими горами.

Отказавшись отъ мечты когда-либо написать книгу, которую люди захотѣли бы читать, она почувствовала, что утратила главную цѣль въ жизни. Это была величайшая жертва, которую ей когда-либо приходилось принести.

Недѣли черезъ двѣ она сидѣла за письменнымъ столомъ у себя въ Ландскрунѣ. Она приступала къ работѣ, и хотя еще не знала, что изъ этого выйдетъ, но не боялась сильныхъ выраженій, восклицаній, вопросовъ. Не боялась она также отразить самое себя, со всѣмъ ребячествомъ и мечтами. И когда она приняла это рѣшеніе, перо побѣжало непринужденно. У нея просто голова кружилась. Она себя не узнавала. Это, дѣйствительно, значило писать. Мысли и понятія, о присутствіи которыхъ у нея въ мозгу она и не подозрѣвала, ложились на бумагу. Страницы заполнялись съ быстротою, о которой она никогда не мечтала. То, что прежде потребовало бы мѣсяцевъ, даже цѣлаго года работы, теперь поспѣвало въ нѣсколько часовъ. Въ первый же вечеръ она описала путешествіе молодой графини по льду Лёвена и наводненіе въ Экебю.

На слѣдующій вечеръ она сочинила сцену, гдѣ разбитый параличомъ поручикъ Рютгеръ фонъ-Эрнеклу пытается встать съ постели, чтобы протанцовать качучу; а еще черезъ день—исторію старой дѣвы, которая пріѣхала къ скупому пастору въ Брубю.

Она ужъ убѣдилась, что сможетъ написать цѣлую книгу въ этомъ духѣ, но далеко не была увѣрена, что кто-нибудь станетъ ее читать.

Не всѣ главы давались такъ легко. Надъ нѣкоторыми пришлось изрядно поработать, а она могла посвящать работѣ лишь свободные послѣобѣденные часы. Черезъ полгода, считая съ того

дня, когда она подпала подъ власть романтизма, у нея было написано лишь около дюжины главъ. Судя по этому, книга могла быть окончена не раньше, какъ черезъ три-четыре года.

Весною 1890 года журналъ „Idun“ объявилъ конкурсъ на повѣсть размѣромъ около ста страницъ.

Тутъ сказка, которой хотѣлось быть разсказанной и повидать свѣтъ, могла найти исходъ. И не иначе, какъ подъ вліяніемъ сказки, родная сестра дѣвушки стала уговаривать ее принять участіе въ конкурсѣ. Тутъ, наконецъ, представлялся случай убѣдиться, дѣйствительно ли ея сочиненія никуда не годятся. Если ей присудятъ премію, значитъ она много подвинулась впередъ. Если нѣтъ, значитъ она стоитъ на томъ же мѣстѣ.

Она ничего не имѣла противъ этого, но такъ мало вѣрила въ свои силы, что не могла принять опредѣленнаго рѣшенія.

Ровно за недѣлю до послѣдняго срока, она рѣшила извлечь изъ романа пять главъ, настолько связанныхъ по содержанію, чтобы онѣ могли сойти за повѣсть, и выступить съ ними.

Но эти главы далеко не были готовы. Три изъ нихъ были написаны вчернѣ, а остальныя двѣ имѣлись лишь въ набросках. Кромѣ того, все надо было переписать начисто.

Въ ту пору она была не дома, а гостила у сестры и зятя, которые еще жили въ Вермландѣ. Пріѣхавъ на короткое время къ роднымъ, нельзя, разумѣется, цѣлые дни торчать за письменнымъ столомъ.

И она писала по ночамъ, просиживая ежедневно часовъ до четырехъ.

Наконецъ остались только сутки драгоцѣннаго времени, а надо было написать еще двѣнадцать страницъ.

Въ этотъ день всѣ приглашены были къ сосѣдямъ, гдѣ должны были ночевать. Ей, разумѣется, пришлось присоединиться къ компаніи.

По окончаніи ужина, она поздней ночью усѣлась писать въ чужомъ домѣ. По странной игрѣ случая, это было то мѣсто, гдѣ когда-то жилъ злой Синтрамъ. Судьба привела ее сюда какъ разъ въ ту ночь, когда она должна была писать о немъ.

Иногда она отрывалась отъ работы и прислушивалась, не скрипитъ ли опять его качалка въ гостиной. Но ничего не было слышно. И когда часы пробили шесть, всѣ главы были готовы.

Утромъ онѣ уѣхали на маленькомъ пароходѣ. Сестра уложила посылку, запечатала ее (сургучъ и печать были взяты изъ дому для этой цѣли), надписала адресъ—и повѣсть была отправлена.

Дѣло происходило въ послѣднихъ числяхъ іюля. Въ концѣ августа въ журналѣ „Idun“ появилась замѣтка, что въ редакцію доставлено болѣе двадцати рукописей, но нѣкоторыя изъ нихъ написаны такъ безсвязно, что въ счетъ идти не могутъ.

Она перестала ожидать результатовъ конкурса. Она хорошо знала, чья повѣсть такъ безтолкова, что въ счетъ идти не можетъ.

Въ ноябрѣ она вдругъ получила странную телеграмму, которая содержала два слова: „восторженно поздравляемъ“ и была подписана тремя ея товарками по семинаріи.

Она насилу дождалась слѣдующаго утра, когда почта должна была принести стокгольмскія газеты. Долго она вертѣла газету въ рукахъ, но не могла найти того, что ее интересовало. Наконецъ, въ послѣднемъ столбцѣ она прочла замѣтку мелкимъ шрифтомъ, гдѣ говорилось, что премія присуждена ей.

Для другого это событіе, можетъ быть, и не имѣло бы такого смысла, но для нея оно означало, что она можетъ вступить на то поприще, къ которому стремилась всю жизнь.

Теперь ужъ остается добавить немного. Сказка, которой хотѣлось выбиться на свѣтъ, почти достигла цѣли. Извѣстно было, что она во всякомъ случаѣ будетъ написана, хотя это можетъ затянуться на нѣсколько лѣтъ.

Писательница послѣ полученія преміи поѣхала на Рождество въ Стокгольмъ.

Редакторъ „Idun“ вызвался издать романъ, когда онъ будетъ оконченъ.

Да, еслибъ какъ-нибудь улучить время, чтобы его написать!

Наканунѣ возвращенія въ Ландскруну она сидѣла вечеромъ у своей доброй старой пріятельницы, баронессы Адельспарре, и читала ей нѣкоторыя главы.

Эссельда слушала, какъ только она умѣетъ слушать, и видимо заинтересовалась. По окончаніи чтенія она примолкла и о чемъ-то размышляла.

— Сколько времени нужно, чтобы закончить романъ?—спросила она наконецъ.

— Года три, четыре.

Онѣ распрощались, но на слѣдующее утро, за два часа до отъѣзда писательницы изъ Стокгольма, Эссельда прислала просить ее къ себѣ.

Старая баронесса была въ обычномъ бодромъ настроеніи.

— Бери отпускъ и кончай свою книгу, — сказала она. — О деньгахъ я позабочусь.

Черезъ четверть часа писательница шла къ начальницѣ семинаріи хлопотать о томъ, чтобы замѣстить себя практиканткой.

Въ восемь часовъ она, сіяя, сѣла въ поѣздъ, который отвезъ ее всего лишь въ Сермландъ, гдѣ у нея были добрые друзья, жившіе въ прелестномъ домикѣ.

Эти друзья, инженеръ Отто Гумеліусъ съ женою, гостепріимно приняли ее у себя въ деревнѣ, дали тихую и спокойную обстановку для работы и окружали попеченіями цѣлый годъ, пока не окончена была книга. Тутъ она могла писать съ утра до ночи, и это было счастливѣйшее время въ ея жизни.

Когда къ концу лѣта сказка была окончена, то представляла странный видъ. Все въ ней было дико, непослѣдовательно, лихорадочно. Съ содержаніемъ дѣло обстояло не лучше, такъ какъ каждая часть сохраняла прежнюю наклонность идти отдѣльнымъ путемъ.

Сказка не сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ должна была быть. Это потому, что ей пришлось такъ долго ждать, пока ее разсказали. И если она оказалась недостаточно выдержанной и обработанной, то потому, что авторъ ужъ очень былъ счастливъ, когда, наконецъ, смогъ ее написать.

Съ шведскаго Л. Хавкина.

КАНУНЪ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ

I.

Прогрессивная печать несчетное число разъ отмѣчала, что, при всемъ разнообразіи выдвинутыхъ освободительнымъ движеніемъ положительныхъ идеаловъ обновленія, одна задача одинаково была поставлена на первую очередь рѣшительно всѣми теченіями общественной мысли. Это именно — реформа земскаго и городского самоуправленія. И не только въ постановкѣ реформы на первую очередь было полное единство. Въ значительной мѣрѣ оно касалось также ея содержанія.

Среди правыхъ и лѣвыхъ, правительства, земскихъ круговъ и даже круговъ революціонныхъ не было разногласія въ основныхъ принципахъ—особенно земской реформы, въ отличіе отъ городской. Съ переходомъ къ государственному представительному строю, идея самоуправленія въ дѣлахъ мѣстно-хозяйственныхъ и мѣстно-административныхъ должна получить полное выраженіе въ законѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе—вширь и вглубь. Таково было общепризнанное отправное положеніе. Изъ него дѣлались слѣдующіе общіе выводы. Земская избирательная система должна быть распространена на всѣ классы мѣстнаго населенія. Компетенція земства въ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ должна быть расширена. Земству должна быть дана самостоятельность. За органами обще-государственной власти должно быть сохранено лишь право формальнаго надзора. Земская организація должна быть приближена къ населенію, путемъ

созданія, наряду съ губернской и уѣздной единицами земскаго самоуправленія, такъ называемой мелкой земской единицы, охватывающей дробную часть уѣзда. Земское самоуправленіе, построенное на однородныхъ началахъ, должно быть введено во всей Имперіи.

Конечно, не было и не могло быть единства въ тѣхъ надеждахъ, которыя возлагались съ различныхъ сторонъ на обновленное и въ корнѣ преобразованное земство. Для однихъ главной цѣлью было политическое воспитаніе народа. Для другихъ—удовлетвореніе реальныхъ потребностей мѣстной жизни. Одни смотрѣли на земскую реформу, какъ на единственно вѣрное средство сдѣлать невозможнымъ возвратъ назадъ отъ началъ, возвѣщенныхъ 17-го октября. Другіе—какъ на средство необходимаго, съ ихъ точки зрѣнія, дальнѣйшаго развитія этихъ началъ въ смыслѣ перехода отъ конституціонной монархіи къ народовластію. Третьи, наоборотъ, полагали, что земская реформа и широкое участіе всѣхъ слоевъ населенія въ практическомъ веденіи земскаго дѣла воспитаютъ населеніе въ прямо противоположномъ революціоннымъ тенденціямъ направленіи. Но все это покрывалось единодушнымъ признаніемъ, что въ разрывѣ правящей изъ центра власти съ народомъ и въ полномъ отсутствіи между властью и народомъ единенія — причина всѣхъ бѣдъ, а въ самодѣятельности населенія—единственный залогъ правильнаго и успѣшнаго хода политической и экономической жизни страны.

На самодѣятельности народа и на отрицаніи начальственной опеки—на этихъ двухъ положеніяхъ, формулированныхъ мѣстными комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, зародилось и выросло освободительное движеніе. Теперь освободительное движеніе, иронически именуемое „освободительскимъ", составляетъ объектъ злобныхъ нападокъ правыхъ партій, правой печати и правящихъ круговъ. Но когда движеніе шло впередъ и даже позже, когда уже стали обозначаться первые признаки реакціи, въ немъ участвовала вся Россія, за исключеніемъ на одномъ полюсѣ—революціонеровъ-террористовъ, а на другомъ—контръ-революціонеровъ въ лицѣ Дубровиныхъ, Восторговыхъ, Пуришкевичей, Марковыхъ и Булацелей, чьихъ именъ въ то время никто не зналъ и не слыхалъ.

Манифестъ 26-го февраля 1903 г. былъ, въ сущности, послѣднимъ актомъ, возглашавшимъ неуклонное сохраненіе „исконныхъ началъ", какъ въ принципіальномъ ихъ значеніи, такъ равно и въ томъ, въ которое они выродились въ теченіе столѣтій

практики бюрократическаго строя. И въ этомъ манифестѣ, однако, повелѣвалось: „предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ". На этотъ разъ, впрочемъ, правительственный поворотъ былъ непродолжителенъ. Въ декабрѣ 1903 г. В. К. Плеве одержалъ побѣду надъ большинствомъ комитета министровъ. И какъ прямое слѣдствіе его побѣды, повелѣніе о „ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ", получило конкретное выраженіе, въ указѣ 8-го января 1904 г., въ формѣ права дворянскихъ депутатскихъ собраній указывать губернаторамъ дворянъ для приглашенія ихъ въ члены совѣщаній и въ формѣ права губернаторовъ приглашать въ совѣщанія уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, по ихъ усмотрѣнію, „въ числѣ одного на уѣздъ".

Ноябрьскій земскій съѣздъ 1904 г. въ критической части своихъ резолюцій высказалъ: „Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія". „Отношенія правительства къ обществу—заявлялъ съѣздъ—имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности; взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства". Исходя отсюда, съѣздъ слѣдующими чертами обрисовалъ реформу органовъ мѣстнаго самоуправленія: „Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ, на началахъ, обез-

печивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ и г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможны правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи".

Отвѣтъ земскому съѣзду былъ данъ указомъ 12-го декабря 1904 г. „о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка". Указъ дѣлалъ попытку удовлетворить требованія и пожеланія, заявленныя съѣздомъ и въ безчисленномъ уже количествѣ накопившимися къ этому времени ходатайствами, резолюціями и т. п., „но при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи", — т.-е. безъ всякаго измѣненія государственнаго строя, хотя бы въ предѣлахъ, намѣченныхъ меньшинствомъ съѣзда. И въ отношеніи земско-городской реформы указъ почти цѣликомъ воспринялъ мысли, выраженныя съѣздомъ, изобразивъ ихъ только обычнымъ уклончивымъ канцелярскимъ языкомъ. „Предоставить — гласилъ пунктъ 2-й указа 12-го декабря—земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ".

Въ дальнѣйшемъ ходѣ освободительнаго движенія, рамки земской реформы, намѣченныя ноябрьскимъ съѣздомъ и указомъ 12-го декабря, чрезвычайно быстро выросли, въ общественномъ представленіи, въ требованіе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, какъ единственной пріемлемой формулы земскаго избирательнаго права, подчиненія земству полиціи и т. д. Когда слагались партіи, ни одна не обходила молчаніемъ вопроса о земской реформѣ, и всѣ рѣшали его радикально. Даже такая далекая отъ лѣвыхъ партій, какъ прогрессивно-экономическая, и та въ

своей программѣ писала: „Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія должно основываться на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи мѣстныхъ жителей безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности; кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ охватывать, по возможности, всѣ стороны мѣстной жизни; центральное правительство черезъ своихъ мѣстныхъ представителей наблюдаетъ за соблюденіемъ закона органами мѣстнаго самоуправленія; разногласіе рѣшаетъ судъ“.

Государственная Дума перваго созыва настолько считала вопросъ о широкой земской реформѣ стоящимъ внѣ спора, что въ отвѣтномъ адресѣ лишь упомянула о ней въ ряду „другихъ, не менѣе существенныхъ, законодательныхъ трудовъ“. Равнымъ образомъ, кратко сказалъ въ адресѣ Государственный Совѣтъ: „Развитіе началъ самоуправленія и распространеніе ихъ на мѣстности, до сихъ поръ его лишенныя,... послужитъ къ созданію сознательно сплоченнаго, благоустроеннаго и просвѣщеннаго государства“. Столь же кратко заявилъ о „преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія“ совѣтъ министровъ, обѣщая первой Думѣ „оказать полное содѣйствіе“ разработкѣ земской и городской реформы.

Въ правительственномъ сообщеніи, опубликованномъ 24 августа 1906 г. и заключавшемъ въ себѣ програму министерства П. А. Столыпина, въ перечнѣ намѣченныхъ на ближайшую очередь „освободительныхъ“ (этотъ терминъ правительство тогда употребляло въ прямомъ смыслѣ, безъ всякой ироніи) реформъ, говорилось „о реформѣ мѣстнаго управленія, которое предполагается организовать такимъ образомъ, чтобы губернскія и уѣздныя административныя учрежденія были поставлены въ непосредственную связь съ преобразованными органами самоуправленія, включающими и мелкую земскую единицу“. Тѣ же мысли подробно были развиты въ деклараціи совѣта министровъ, прочитанной во второй Думѣ, въ засѣданіи 6 марта 1907 г. „Кромѣ законопроектовъ общаго характера, устанавливающихъ обязанности и права подданныхъ россійской державы, правительство— читалъ П. А. Столыпинъ — выработало рядъ законопроектовъ, перестраивающихъ мѣстную жизнь на новыхъ началахъ... Какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ, дѣятельность административная, полицейская и земская течетъ по тремъ параллельнымъ русламъ; но чѣмъ ближе къ населенію, тѣмъ жизнь упрощается и тѣмъ необходимѣе остановиться на ячейкѣ, въ которой населеніе могло бы найти удовлетвореніе своихъ простѣйшихъ нуждъ. Та-

кимъ установленіемъ, по проекту министерства, должна явиться безсословная, самоуправляющаяся волость, въ качествѣ мелкой земской единицы". Въ отношеніи высшихъ единицъ земскаго самоуправленія, П. А. Столыпинъ указывалъ, „что вносимый въ Думу проектъ о земскомъ представительствѣ строитъ его на принципѣ налогового ценза", что „компетенція органовъ самоуправленія увеличивается передачею имъ цѣлаго ряда новыхъ обязанностей" и что отношеніе администраціи къ органамъ самоуправленія заключается, по проекту, „въ надзорѣ за законностью ихъ дѣйствій".

II.

Такъ стоялъ вопросъ о земской реформѣ до роспуска второй Думы. Такъ онъ пережилъ эпоху военно-полевыхъ судовъ. До роспуска второй Думы и изданія закона 3 іюня министерство П. А. Столыпина еще не отказывалось отъ основного положенія своей программы, въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказаннаго въ правительственномъ сообщеніи отъ 24 августа 1906 г.: „Правительство не можетъ, какъ того требуютъ нѣкоторыя общественныя группы, пріостановить всѣ преобразованія, пріостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу съ крамолою, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубляясь въ его существо". Тогда министерство еще ставило для себя задачей бороться съ революцiей и, „*вмѣстѣ съ тѣмъ*, напряженіемъ всей силы государственной идти по пути строительства".

Послѣ 3 іюня 1907 г. правительство рѣзко измѣнило программу. Оно вняло тому, чего требовали „нѣкоторыя общественныя группы", сосредоточилось на „проявленіяхъ зла", освободивъ себя отъ обязанности углубляться „въ его существо", и взамѣнъ всѣхъ прежнихъ предположеній приняло стародавній, самъ себя разрушающій, бюрократическій принципъ: „сперва успокоеніе—потомъ реформы".

Но на первыхъ порахъ торжества реакціи требованія „нѣкоторыхъ общественныхъ группъ" въ отношеніи земской реформы были еще сравнительно скромны. Іюньскій первый земскій съѣздъ „наоборотъ" не рискнулъ возвысить голосъ противъ расширенія земскаго избирательнаго права. Памятный съѣздъ—про который петербургскій „земецъ" г. Кашкаровъ тогда писалъ: „удивительное дѣло: думалъ, что ѣду на земскій съѣздъ, а пpі-

ѣхалъ и вижу, что сижу въ русскомъ собраніи",—все-таки допустилъ, чтобы было введено, по выраженію гр. Доррера, „какое-то новое, неизвѣстное земство вмѣсто нашего, дворянскаго". Съѣздъ категорически отвергъ только всѣ предложенія объ измѣненіи въ другихъ отношеніяхъ земскаго положенія—о расширеніи компетенціи, объ освобожденіи отъ административной опеки и т. п.

Тогда — всего два года назадъ! — это послѣднее рѣшеніе съѣзда казалось прямо дикимъ. Оно казалось дикимъ въ своемъ существѣ и, по счастью, нелѣпо запоздалымъ, въ виду заявленій министерства,—въ виду, наконецъ, не оставлявшихъ мѣста для сомнѣній словъ указа 12 декабря 1904 г. Если монархъ, не предполагавшій въ то время ограничивать свою самодержавно-неограниченную власть, „признавалъ неотложнымъ", неразрывно съ предоставленіемъ участія въ земствѣ всѣмъ элементамъ мѣстнаго населенія, „предоставить земскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства"; если въ условіяхъ самодержавно-неограниченнаго строя монархъ „признавалъ неотложнымъ" даровать земству „необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность", т.-е. самостоятельность, границы которой опредѣляетъ одинъ законъ, а не конкуррирующее съ закономъ усмотрѣніе губернаторовъ и министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ,—то неужели можно было думать, что послѣ манифеста 17 октября, въ условіяхъ конституціоннаго строя, земская реформа будетъ разорвана? У наиболѣе пессимистично даже настроенныхъ людей въ то время еще не укладывалась въ головѣ мысль о томъ, что реформа земскаго избирательнаго права будетъ оторвана отъ такихъ хотя бы законодательныхъ мѣръ, какъ возвратъ въ вѣдѣніе земства продовольственнаго дѣла, какъ отмѣна права губернаторовъ останавливать постановленія земскихъ собраній по нарушенію ими интересовъ мѣстнаго населенія, какъ упраздненіе требованія утвержденія выборныхъ земствомъ должностныхъ лицъ, какъ отмѣна временныхъ правилъ о фиксаціи земскаго обложенія,—словомъ, отъ отмѣны всего того, что явно ненормально съуживаетъ земскую компетенцію и въ корнѣ лишаетъ земство самостоятельности.

Но формула: „сперва успокоеніе — потомъ реформы" сдѣлала свое дѣло. По мѣрѣ того какъ шло успокоеніе, „проявленія зла" поглощали собою въ глазахъ власти „существо зла". А русскіе люди—и оптимисты, и пессимисты,—снова перерождаясь изъ недолгихъ гражданъ въ живущихъ волею началь-

ства обывателей, убѣждались, что въ ихъ головахъ все должно укладываться.

Не сразу послѣ созыва третьей Думы, но очень скоро выяснилось, что земская реформа дальше измѣненія избирательнаго закона, въ ближайшемъ времени по крайней мѣрѣ, не пойдетъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ взяло обратно всѣ внесенные въ Думу второго созыва законопроекты, такъ или иначе относящіеся къ вопросу, и приступило къ ихъ переработкѣ въ томъ порядкѣ, который живо напомнилъ пріемы, казалось—безвозвратно ушедшіе въ прошлое. П. А. Столыпинъ передалъ дѣло въ свой собственный, министерства внутреннихъ дѣлъ, парламентъ — въ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. И достаточно было прочесть имена членовъ совѣта, какъ приглашенныхъ министерствомъ непосредственно, такъ равно „рекомендованныхъ“ для приглашенія реакціонными земскими собраніями, чтобы заранѣе предсказать, что этотъ парламентъ будетъ такимъ же точно „русскимъ собраніемъ“, какъ тотъ „земскій“ съѣздъ, въ которомъ сидѣлъ въ іюнѣ 1907 г., въ Москвѣ, г. Кашкаровъ. Но министерству даже своего парламента показалось мало. Оно возродило систему предварительныхъ опросовъ губернаторовъ и земскихъ управъ. Подчеркиваемъ: *управъ*, а не собраній.

Съ другой стороны, и руководящая думская партія — октябристы—скоро разрушила иллюзію, что, быть можетъ, въ отношеніи земской реформы она не потеряетъ документа. Слѣдуя общему теченію въ пользу коренной земской реформы, союзъ 17-го октября въ своей первоначальной программѣ заявлялъ: „Необходимымъ условіемъ для обновленія политической и общественной жизни Россіи и для полнаго и послѣдовательнаго проведенія провозглашенныхъ манифестомъ началъ свободы является преобразованіе мѣстнаго земскаго и городского самоуправленія съ расширеніемъ его правъ и круга дѣятельности, съ приданіемъ ему бóльшей самостоятельности и упраздненіемъ административной опеки, съ устройствомъ мелкой земской единицы, съ устраненіемъ сословности, съ распространеніемъ началъ самоуправленія по возможности на всѣ мѣстности Имперіи, съ привлеченіемъ къ участію въ самоуправленіи возможно широкаго круга лицъ“. Въ проектѣ же, представленномъ въ Думу въ первые мѣсяцы 1908 г., октябристы ограничились только предположеніями объ измѣненіи избирательнаго закона. Они говорили про свой проектъ, что онъ — „начало реформы всего земскаго положенія“, сохраняли въ этомъ „началѣ реформы“ неудачнѣйшее измышленіе реакціи восьмидесятыхъ годовъ—губернскія по земскимъ дѣламъ

присутствія, — и ни звукомъ не связывали проекта уѣздныхъ выборовъ съ образованіемъ мелкой земской единицы [1]).

Кончилась первая сессія третьей Думы. Началась и также безцвѣтно,—если не считать цвѣтистостью думскіе скандалы,— тянулась семь мѣсяцевъ вторая. Практика „успокоенія" продолжалась. Во исполненіе предначертаній съ высоты престола и програмныхъ завѣреній министерства возложить на органы самоуправленія „цѣлый рядъ новыхъ обязанностей", — именно „во исполненіе", ибо ни предначертанія, ни обѣщанія никогда формально ни отмѣняемы, ни измѣняемы не были,—совѣтъ министровъ рѣшилъ изъять изъ вѣдѣнія петербургской городской думы устройство въ Петербургѣ канализаціи и улучшеніе водоснабженія. Къ концу второй сессіи совѣтъ министровъ одобрилъ и распубликовалъ „проектъ главныхъ основаній выборовъ земскихъ гласныхъ". Въ общемъ это проектъ такого рода, что, читая его, графу Дорреру отнюдь не пришлось бы сѣтовать въ боязни, что будетъ введено „какое-то новое, неизвѣстное земство". Парламентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, губернаторы и нынѣшнія земскія управы за себя постояли. Если проектъ получитъ утвержденіе и на немъ будутъ построены детали закона о выборахъ земскихъ гласныхъ, то въ результатѣ освободительнаго движенія и „успокоенія" получится земство, составъ и характеръ дѣятельности котораго очень и очень легко предугадать.

III.

Указъ 12 декабря 1904 г. „признавалъ неотложнымъ": во-первыхъ, призывъ къ дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ „представителей *всѣхъ* частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія" и, во-вторыхъ, „на *однородныхъ* основаніяхъ". Съ обоими этими предначертаніями проектъ совѣта министровъ не считается вовсе. Проектомъ охвачены далеко не всѣ части населенія и для разныхъ частей установлены разнородныя основанія.

„Евреи—гласитъ проектъ—не допускаются къ участію въ земскихъ выборахъ и не могутъ быть избираемы ни въ уѣздные, ни въ губернскіе земскіе гласные". Это—первое, въ чемъ проектъ

[1]) Этотъ проектъ былъ разобранъ въ „Вѣстникѣ Европы" („Изъ общественной хроники", 1908 г., мартъ, стр. 450—454).

цѣликомъ остается на почвѣ дѣйствующаго права, выбрасывая за бортъ земской дѣятельности часть населенія, несомнѣнно заинтересованную въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Въ правительственномъ сообщеніи отъ 24 августа 1906 г. заявлялось: „Въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ разсмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ народной совѣсти, почему предрѣшеніе ихъ стѣснило бы послѣдующую работу законодательныхъ учрежденій“. Разсматривало ли министерство что-либо „въ области еврейскаго вопроса“ въ теченіе почти истекшихъ трехъ лѣтъ, отлагательно или безотлагательно— мы въ точности не знаемъ. Но всѣмъ извѣстно, что никакія ограниченія для евреевъ не отмѣнены и не предлагалось правительствомъ отмѣнить въ законодательномъ порядкѣ. Слѣдовательно, надо думать, что министерство всѣ безъ исключенія ограниченія, по безотлагательномъ ихъ разсмотрѣніи, отнесло ко второй категоріи, т.-е. къ тѣмъ, которыя „являются дѣломъ народной совѣсти“. Допустимъ, что такъ. И все-таки, составляя первый, въ сущности, проектъ нормальнаго для „обновленной“ Россіи закона, затрагивающій „отношенія еврейской народности къ коренному населенію“, министерство, не должно бы было, если бы оно не „успокоилось“ въ антисемитическомъ смыслѣ, брать на себя иниціативу предрѣшенія работы законодательныхъ учрежденій. Пусть бы по собственной иниціативѣ работали и старались антисемиты Думы и Государственнаго Совѣта. Министерство же, полагаемъ, исходя изъ указа 12 декабря, обязано было сказать законодательнымъ учрежденіямъ, что евреи—заинтересованная въ мѣстныхъ дѣлахъ часть населенія, и что устранять ихъ отъ земскихъ выборовъ, когда они участвуютъ въ государственныхъ—абсурдъ.

Далѣе, устранена отъ участія въ выборѣ земскихъ гласныхъ вся та заинтересованная ближайшимъ образомъ въ мѣстныхъ дѣлахъ часть населенія, которую представляютъ собою земскіе врачи, учителя, агрономы, словомъ—весь такъ называемый третій элементъ. И, наконецъ, устранены проектомъ даже тѣ, кто по положенію 1890 г. пользуется правомъ такого участія: проектъ главныхъ основаній земской избирательной реформы отнимаетъ право выбирать уѣздныхъ гласныхъ отъ владѣльцевъ дробныхъ частей имущественнаго ценза.

Передъ мелкими собственниками, правда, быть можетъ, и не

будутъ закрыты двери земскихъ собраній, ибо проектъ устанавливаетъ троякій способъ избранія земскихъ гласныхъ: „а) городскими думами и собраніями городскихъ уполномоченныхъ, б) земскимъ избирательнымъ собраніемъ и в) волостными собраніями". И весьма возможно, что составъ волостныхъ собраній— если подъ волостью проектъ разумѣетъ безсословное единеніе типа мелкой земской единицы—включитъ въ себя всѣхъ мелкихъ собственниковъ, а пожалуй и представителей третьяго элемента. Но, во-первыхъ, не имѣя передъ собою проекта образованія волостныхъ собраній, судить объ этомъ съ положительностью невозможно. А во-вторыхъ, сумма правъ, нынѣ принадлежащихъ мелкимъ собственникамъ, сравнительно съ крупными, будетъ, во всякомъ случаѣ, скорѣе понижена, чѣмъ повышена.

Самый фактъ образованія трехъ отдѣльныхъ избирательныхъ курій уже создаетъ разнородность основаній въ выборахъ. Но указъ 12 декабря требовалъ однородности основаній въ большемъ, нежели выборная процедура. Онъ требовалъ однородности въ призывѣ „къ дѣятельности" въ земскихъ учрежденіяхъ, т.-е. въ условіяхъ участія представителей всѣхъ частей заинтересованнаго населенія въ отправленіи новымъ земствомъ его „широкихъ" функцій. Проектъ же опредѣляетъ: „Общее число уѣздныхъ земскихъ гласныхъ распредѣляется между отдѣльными избирательными разрядами слѣдующимъ образомъ: а) городскими думами или собраніями городскихъ уполномоченныхъ избирается столько гласныхъ, сколько изъ общаго числа гласныхъ причитается на долю соотвѣтствующихъ городовъ соразмѣрно количеству городского населенія, но не болѣе $^1/_6$ общаго количества гласныхъ и во всякомъ случаѣ не менѣе числа городскихъ поселеній; б) волостными собраніями избирается $^1/_3$ общаго количества уѣздныхъ гласныхъ, и в) остающееся число уѣздныхъ земскихъ гласныхъ избирается уѣзднымъ избирательнымъ собраніемъ".

Такимъ образомъ, въ реформированномъ земствѣ, совершенно также точно, какъ и въ нынѣшнемъ, крупные собственники будутъ имѣть преобладающее значеніе. Имъ проектъ обезпечиваетъ не менѣе половины числа голосовъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи. А при такомъ составѣ уѣзднаго собранія за ними обезпечено поголовное, буде только они того пожелаютъ, представительство въ губернскомъ.

Проектъ откровенно принимаетъ систему искусственнаго подбора гласныхъ. И при этомъ въ отношеніи привилегированной куріи—избирательнаго собранія—устанавливаетъ двоякій подборъ:

подборъ въ силу закона и подборъ по усмотрѣнію органовъ административной власти.

„Право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ— говорится въ проектѣ—предоставляется лицамъ, владѣющимъ въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ обложеннымъ земскими сборами недвижимымъ имуществомъ опредѣленнаго размѣра и цѣнности". Отсюда видно, что сословное начало положенія 1890 г. отвергнуто. Но почему срокъ владѣнія взятъ трехлѣтній, вмѣсто нынѣшняго годового? Не пытаясь дать отвѣтъ на вопросъ въ такой постановкѣ, отвѣтимъ, къ какому практическому результату приведетъ трехлѣтній срокъ при данномъ положеніи крупнаго землевладѣнія во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ. Мобилизація дворянскаго землевладѣнія сейчасъ идетъ исключительно ускореннымъ темпомъ. Число дворянъ-избирателей, слѣдовательно, съ каждымъ годомъ уменьшается, а число избирателей не-дворянъ— увеличивается. И при введеніи въ дѣйствіе проектированнаго парламентомъ министерства внутреннихъ дѣлъ закона окажется въ каждомъ уѣздѣ значительный кругъ собственниковъ не-дворянъ, владѣющихъ землею менѣе трехъ лѣтъ и потому не имѣющихъ права участвовать въ земскихъ выборахъ. Такимъ образомъ, дворяне-землевладѣльцы будутъ встрѣчаться на выборахъ съ землевладѣльцами не-дворянами не въ томъ численномъ соотношеніи, которое существуетъ въ моментъ выборовъ, а въ томъ—всегда выгодномъ для первыхъ,—которое существовало три года назадъ.

Десятинные цензы, установленные положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., проектъ понижаетъ примѣрно вдвое, „съ отступленіями отъ этой общей нормы въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ, въ виду происшедшихъ измѣненій въ цѣнности земель, это является необходимымъ". Оцѣночный цензъ для неземельныхъ недвижимыхъ имуществъ устанавливается въ 2.000 р. стоимости по оцѣнкѣ для взиманія земскихъ сборовъ. Особо доходныя земли, согласно проекту, „могутъ быть принимаемы въ разсчетъ не по ихъ размѣрамъ, а по цѣнности, опредѣленной для взиманія земскихъ сборовъ". Дополнительные перечни такихъ земель „составляются губернскими земскими собраніями и утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства".

Чрезвычайно любопытно, заразъ во многихъ отношеніяхъ, слѣдующее предположеніе проекта: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда количество лицъ, имѣющихъ право участія въ уѣздномъ избирательномъ собраніи, менѣе числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, причитающагося на долю этого собранія, количество гласныхъ,

превышающее число упомянутыхъ избирателей, зачисляется на долю волостныхъ собраній".

Дѣйствующее земское положеніе предусматриваетъ случаи, когда число явившихся въ собраніе избирателей будетъ менѣе двухъ третей числа подлежащихъ избранію гласныхъ, т.-е. учитываетъ абсентеизмъ избирателей. Проектъ же простираетъ предусмотрительность вплоть до тѣхъ случаевъ, когда, при вдвое уменьшенныхъ десятинныхъ цензахъ, число избирателей, занесенныхъ въ списки, будетъ менѣе числа гласныхъ, „причитающагося на долю собранія". Здѣсь уже учитывается не абсентеизмъ, а ходъ мобилизаціи земельной собственности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, трехлѣтній срокъ владѣнія. И учитывается весьма своеобразно. Проектъ признаетъ допустимымъ, чтобы самъ законъ, а не практика, не нѣтчество избирателей, обращалъ земскіе выборы въ фикціи. Только если количество подлежащихъ избранію гласныхъ больше числа избирателей, излишекъ перечисляется на долю волостныхъ собраній. Число же подлежащихъ избранію гласныхъ, равное числу избирателей, признается явленіемъ нормальнымъ. Нормальной по проекту представляется такая картина: съѣдутся избиратели, и всѣхъ, кто внесенъ въ списки, выберутъ въ гласные.

И это любопытное предположеніе проекта—не недосмотръ. Напротивъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи проектъ еще ближе подходитъ къ институту гласныхъ по праву—точнѣе, по факту владѣнія цензомъ,—взамѣнъ уполномочія населеніемъ. Когда готовилась земская реформа 1890 г., когда ломалось положеніе 1864 г. и задачей преобразованія ставилось низведеніе земства на роль содѣйствующихъ губернаторамъ организацій—реакція требовала предоставленія крупнѣйшимъ собственникамъ привилегіи быть гласными безъ избранія. Но даже тогда это требованіе не было уважено. Теперь конституціонное министерство, въ слегка лишь прикрытомъ видѣ, предлагаетъ его уважить. И, притомъ, въ такой формѣ, которая не приходила въ голову даже графу Д. А. Толстому. Надъ фактомъ владѣнія латифундіей проектъ ставитъ дискреціонное усмотрѣніе начальства, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ наивное до-конституціонное время считалось, что и для власти существуютъ этическія границы. Подъ флагомъ этики проведенъ былъ и манифестъ 17 октября. Въ сопровождавшемъ манифестъ докладѣ графа Витте объявлялось: „Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью правительство

должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу“. Но только первые выборы прошли безъ вмѣшательства и безъ направленія ихъ правительствомъ. Вторые проходили въ условіяхъ „разъясненій“, и тогда же было „разъяснено“ дѣленіе избирательныхъ съѣздовъ на отдѣленія, включенное въ законъ въ цѣляхъ техническаго удобства производства выборовъ. Передъ третьими выборами, положеніемъ 3 іюня, право министра внутреннихъ дѣлъ дѣлить съѣзды было возведено въ послѣдовательно развитую систему. И эта система сослужила вѣрную службу. Она дала возможность перетасовывать партійныя и даже индивидуальныя кандидатуры, и „послушная“, съ фрондированіемъ вправо, Дума обязана ей своимъ существованіемъ не менѣе, чѣмъ системѣ распредѣленія числа выборщиковъ по куріямъ.

Благодарные октябристы не преминули перенести эту „испытанную“ систему изъ государственныхъ выборовъ въ земскіе. Въ своемъ проектѣ они писали: „Избирательныя собранія могутъ быть раздѣляемы на отдѣленія, съ разрѣшенія губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, испрашиваемаго уѣздною земскою управою“. Вслѣдъ за октябристами, и совѣтъ министровъ предлагаетъ построить выборы земскихъ гласныхъ, между прочимъ, на слѣдующемъ „главномъ“ основаніи: „Избирательное собраніе, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, можетъ быть раздѣляемо на отдѣленія, какъ по роду имуществъ, такъ и по ихъ размѣрамъ, по предварительномъ разсмотрѣніи ходатайствъ объ этомъ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства“.

Отъ кого могутъ исходить ходатайства о дѣленіи собранія „по роду имуществъ“—проектъ не опредѣляетъ. Слѣдовательно, они могутъ исходить и отъ управъ, и отъ предводителей дворянства, и отъ губернаторовъ, и отъ исправниковъ. Если же такъ, то легко себѣ представить, къ какой насмѣшкѣ надъ полученіемъ полномочій отъ „всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія“ съумѣютъ свести земскіе выборы опытные и „имѣющіе руку“ въ министерствѣ уѣздные и губернскіе дѣльцы.

Что касается дѣленія собранія по размѣрамъ имуществъ, то смыслъ его проектъ раскрываетъ съ полной откровенностью. „Ходатайства о раздѣленіи избирательнаго собранія на отдѣленія могутъ быть возбуждаемы не менѣе чѣмъ тремя избирателями и лишь въ томъ случаѣ, когда на долю избирателей, возбудившихъ ходатайство, въ соотвѣтствіи съ размѣрами принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, приходится избраніе по крайней мѣрѣ

одного гласнаго". Не вдаваясь въ подробный разборъ этого совершенно безпримѣрнаго правила, зададимся вопросомъ: чѣмъ существеннымъ такіе „представители населенія", исходатайствовавшіе для себя особое избирательное собраніе, „въ соотвѣтствіи съ размѣрами принадлежащаго имъ недвижимаго имущества", будутъ отличаться отъ „гласныхъ по назначенію", единственное оправданіе для которыхъ даже Д. С. Сипягинъ усматривалъ въ условіяхъ неограниченно-самодержавнаго государственнаго строя? Кого—спросимъ составителей проекта—такіе „избранники" будутъ „представлять" въ земскомъ собраніи, кромѣ самихъ себя: населеніе или министра внутреннихъ дѣлъ? Чья воля явится для нихъ источникомъ полномочій?

IV.

Таковъ готовящійся итогъ надеждъ и ожиданій перестроить мѣстную жизнь на началахъ самодѣятельности народа. Таковъ результатъ двухлѣтняго неуклоннаго служенія правительства принципу: „сперва успокоеніе—потомъ реформы". Такою правительство намѣрено подарить страну „реформою" послѣ наступившаго „успокоенія".

Дико вставать на защиту земскаго положенія 1890 г.—а приходится. Продуктъ творчества реакціи восьмидесятыхъ годовъ отдалъ земское дѣло дворянамъ. Продуктъ творчества министерства, про которое говорятъ, что оно борется съ послѣ-конституціонной реакціей, отдаетъ дѣло тѣмъ, кому при каждыхъ выборахъ захочетъ его отдать цѣпь бюрократовъ отъ исправника до министра. Что лучше? Ужъ пусть остались бы хозяевами земскаго дѣла дворяне, какіе они есть въ губерніи: прошлое говоритъ, что дворяне, какъ сословіе, не всегда и не вездѣ были „зубрами". Ибо, по проекту, если составъ дворянъ губерніи окажется угоднымъ начальству, система дѣленій къ полнымъ услугамъ: она дастъ возможность ихъ провести въ гласные. А окажется неугоднымъ—та же система съ такимъ же успѣхомъ найдетъ черносотенцевъ изъ не-дворянъ. Положеніе 1890 г., каково бы оно ни было, все-таки, законъ—рядъ нормъ, равно обязательныхъ и для населенія, и для власти. Какъ же не становиться на его защиту, когда ему на смѣну предлагается дать нормы, которыя, говоря о полномочіяхъ представителей власти, не знаютъ слова „долженъ", а знаютъ одно всепокрывающее

„можетъ"? „Можетъ" министръ дѣлить собранія, „можетъ" не дѣлить. „Можетъ" влiять на выборы, „можетъ" не влiять.

Политика успокоенія, впрочемъ, желаетъ показать и показываетъ, что и при дѣйствующемъ земскомъ положеніи конституціонный министръ, а за нимъ сенатъ и губернаторы все „могутъ". Уже съ зимы идетъ „энергичная" подготовка предстоящихъ въ половинѣ земской Россіи выборовъ. Дѣйствительно: какъ не готовиться? Съ текущаго года въ этой половинѣ впервые мѣста гласныхъ-крестьянъ займутъ не назначенные ставленники губернаторовъ, а люди, избранные самими крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушеніе общины создало значительный классъ крестьянъ-собственниковъ, которые имѣютъ право придти на выборы отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. И вотъ, въ отношеніи тѣхъ и другихъ уже приняты мѣры: вторые „разъяснены", о первыхъ написаны циркуляры.

Въ засѣданіи 22-го мая сенатъ разсматривалъ внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ: „въ правѣ ли крестьяне, выдѣлившіеся изъ общины по закону 9 ноября 1906 года, участвовать во вторыхъ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ"? Казалось бы, и вопроса такого возникать не могло,— настолько стоитъ внѣ спора утвердительный на него отвѣтъ. Но сенатъ разсудилъ иначе. Сенатъ „разъяснилъ", что „крестьяне, укрѣпившіе за собой участки надѣльной земли въ порядкѣ закона 9 ноября 1906 года, не въ правѣ участвовать въ земскихъ выборахъ по указаннымъ собраніямъ и съѣздамъ". Такъ объявило черезъ газеты „освѣдомительное бюро".

Циркуляровъ о выборахъ отъ волостей, болѣе или менѣе „сверхзаконныхъ", появлялось въ печати много. Но самый замѣчательный — циркуляръ бывшаго вятскаго губернатора, князя Горчакова. Обращаясь къ земскимъ начальникамъ вятской губерніи, кн. Горчаковъ писалъ: „Хотя закономъ 5 ноября 1906 г. правила объ утвержденіи земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ отмѣнены, тѣмъ не менѣе предлагаю гг. земскимъ начальникамъ, по окончаніи выборовъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, при представленіи мнѣ списковъ избранныхъ лицъ, прилагать подробныя свѣдѣнія о томъ, насколько каждое изъ нихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и степени развитія можетъ быть полезно въ качествѣ гласнаго, причемъ не могу не высказать увѣренности, что гг. земскіе начальники съумѣютъ воспользоваться своимъ нравственнымъ вліяніемъ на крестьянъ, дабы убѣдить ихъ въ необходимости осмотрительнаго и цѣлесообразнаго выбора представителей въ земскія со-

бранія. Независимо отъ сего прошу гг. земскихъ начальниковъ одновременно съ представленіемъ мнѣ сообщить списокъ лицъ, избранныхъ въ земскіе гласные, мѣстнымъ предсѣдателямъ уѣзднаго съѣзда и уѣздному исправнику".

Что сказать про циркуляръ, смыслъ котораго такъ цинично ясенъ: хотя закономъ отмѣнены, но „я" и т. д.? Вѣдь вятичъ отлично знаетъ, что вмѣсто земскаго собранія въ родномъ уѣздѣ онъ „безъ объясненія причинъ" можетъ оказаться въ астраханской или въ другой столь же далекой губерніи. Законъ далъ право крестьянамъ выбирать гласныхъ, а „охрана" дала право губернатору высылать... Не помнится что-то, чтобы подобные циркуляры бывали и во времена Плеве. Тогда еще не было, впрочемъ, возглашено торжество закона и законности...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

КОНЕЦЪ
„ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИМПЕРІИ"

Одинъ изъ главныхъ дѣятелей и глашатаевъ либеральной эры въ послѣдніе годы второй имперіи во Франціи, Эмиль Оливье, продолжаетъ до сихъ поръ оправдывать и защищать свои старыя иллюзіи въ рядѣ историческихъ работъ и воспоминаній, посвященныхъ царствованію Наполеона III. Предпринятый съ цѣлью самооправданія и пока еще не законченный обширный трудъ—„L'Empire libéral"—дополняется теперь интересными этюдами, печатаемыми въ „Revue des deux Mondes", о франко-прусскомъ конфликтѣ и роковой его развязкѣ.

Если вспомнить, что Эмилю Оливье исполнилось уже восемьдесятъ-три года, то надо удивляться его неутомимой умственной энергіи, его настойчивому трудолюбію и необыкновенно упорному оптимизму. Онъ не раскаивается въ своихъ грѣхахъ, не признаетъ своихъ заблужденій, и даже какъ будто не замѣчаетъ, что излагаемые имъ факты говорятъ противъ него. Ему все еще кажется, что либеральное преобразованіе имперіи было вполнѣ возможно и осуществимо, что оно не увѣнчалось успѣхомъ только по случайнымъ причинамъ и что окончательное крушеніе режима произошло по винѣ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, стремившихся къ возврату прежняго самовластья.

Личные взгляды и впечатлѣнія Эмиля Оливье ярко характеризуютъ неопредѣленно-смутную и измѣнчивую психическую атмосферу тогдашняго императорскаго двора. Самъ Наполеонъ III, ослабѣвшій физически и нравственно, потерялъ вѣру въ прочность своей власти и легко поддавался противорѣчивымъ внушеніямъ окружающихъ: съ одной стороны онъ торжественно заявлялъ о

желательномъ обновленіи государственнаго строя, а съ другой— заботливо поддерживалъ и поощрялъ приверженцевъ стараго порядка. Никто не зналъ въ точности, какой образъ правленія оффиціально существуетъ во Франціи — представительно-конституціонный или придворно-династическій, и хотя не возбранялось говорить о конституціи и парламентаризмѣ, но болѣе благонамѣреннымъ считалось отрицать конституціонные и парламентскіе принципы. Законодательный корпусъ, послѣ майскихъ выборовъ 1869 года, пріобрѣлъ нѣкоторыя черты настоящаго народнаго представительства, сохранивъ однако въ своемъ составѣ преданное имперіи консервативное большинство. Въ письмѣ къ одному изъ новыхъ реакціонныхъ депутатовъ, барону Макò, императоръ высказывалъ мысль, что „уступки въ принципахъ безполезны предъ лицомъ народныхъ движеній, и уважающее себя правительство не должно уступать ни давленію, ни увлеченію, ни возстанію". Вслѣдъ затѣмъ, для успокоенія либераловъ, напечатано было въ газетахъ письмо Наполеона III къ президенту законодательнаго корпуса, Шнейдеру, выражавшее твердую рѣшимость „продолжать начатое дѣло примиренія сильной власти съ учрежденіями истинно-либеральными". Скромныя конституціонныя реформы, намѣченныя общественнымъ мнѣніемъ, проводились на практикѣ безъ достаточной искренности и не внушали довѣрія къ правительству, такъ какъ высшій персоналъ администраціи оставался прежній. Осуществленіе реформаторской программы возлагалось на министровъ и префектовъ, завѣдомо относившихся враждебно къ новымъ либеральнымъ вѣяніямъ. „Могли ли префекты—спрашиваетъ одинъ изъ историковъ второй имперіи — сдѣлаться довѣренными представителями новаго режима послѣ того какъ они въ теченіе семнадцати лѣтъ привыкли опираться исключительно на неограниченныя полномочія правительственной власти? Въ министерскихъ циркулярахъ и распоряженіяхъ не замѣчалось никакого реальнаго намека на разрывъ между прошлымъ и настоящимъ".

Въ ноябрѣ 1869 года, при возобновленіи парламентской сессіи, императоромъ произнесена была фраза, принятая многими за лозунгъ будущаго: „Франція хочетъ свободы, но соединенной съ порядкомъ. За порядокъ я отвѣчаю. Помогите мнѣ ввести свободу". О свободѣ въ этомъ ограниченномъ смыслѣ особенно хлопоталъ талантливый ораторъ-депутатъ, прежде республиканецъ, одинъ изъ знаменитыхъ „пяти" членовъ оппозиціи, постепенно проникшійся вѣрою въ либеральную имперію и вступившій затѣмъ по секрету въ личныя сношенія съ императоромъ—Эмиль

Оливье. Наконецъ, въ концѣ декабря, послѣ долгихъ колебаній и переговоровъ, Эмилю Оливье было формально поручено образовать министерство для „содѣйствія правильному установленію конституціоннаго режима“. Подходящихъ кандидатовъ въ министры можно было искать только среди группы праваго центра, такъ какъ обращеніе къ лѣвому центру было бы непріятно императору. Оливье считалъ для себя обязательнымъ строго держаться указанныхъ ему предѣловъ и заранѣе отказывался отъ комбинацій, нежелательныхъ для высшихъ сферъ. Необходимо было заручиться участіемъ вождей праваго центра, и прежде всего маркиза де-Талуэ, котораго предполагалось назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ члены праваго центра ставили условіемъ своего согласія привлеченіе нѣкоторыхъ дѣятелей лѣваго центра, именно Бюффѐ и графа Дарю. „Императоръ — писалъ Оливье маркизу де-Талуэ—приметъ всѣхъ, кого я предложу, только за исключеніемъ членовъ лѣваго центра... Если вы откажетесь, то откажутся и другіе. Составленіе министерства зависитъ отъ васъ. Если же министерство не составится, то императору придется взять министерство правыхъ, быть можетъ Руэра. Подумайте, хотите ли вы принять на себя такую отвѣтственность предъ императоромъ и страною... Еслибы Бюффѐ и Дарю были возможны, я былъ бы счастливъ. Я сдѣлалъ все что могъ для ихъ привлеченія. Но въ данный моментъ болѣе продолжительная настойчивость съ моей стороны имѣла бы такія же плачевныя послѣдствія, какъ вашъ отказъ. Что не можетъ быть достигнуто теперь, то окажется вѣроятно возможнымъ позднѣе“ [1]. Въ этихъ доводахъ обрисовывается весь политическій характеръ Оливье. „Если мы откажемся отъ компромисса и уйдемъ, то наше мѣсто займутъ другіе — быть-можетъ противники и враги, и тогда будетъ хуже“: таково обычное разсужденіе всякаго оппортуниста, сторонника лавированія и угодливой уступчивости по отношенію къ носителямъ власти. Въ дѣйствительности усердіе Оливье оказалось преувеличеннымъ. Когда вожди праваго центра проявили твердость и рѣшительно пожелали остаться солидарными съ представителями лѣваго центра, то императоръ охотно согласился на сдѣлку съ обѣими группами, и либеральная министерская комбинація состоялась при участіи Бюффѐ и Дарю; послѣдній былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а маркизъ де-Талуэ—публичныхъ работъ.

Министерство 2-го января 1870 года было министерствомъ

[1] „Histoire du second empire“, par Pierre de la Gorce, t. V, p. 525.

„честныхъ людей“, какъ оно само аттестовало себя передъ палатами; оно имѣло передъ собою чрезвычайно трудную и щекотливую задачу, требовавшую большой энергіи, мужества и самоотверженія. Но „честные“ министры—Бюффе и Дарю—не долго держались въ министерствѣ; они ушли, когда окончательно выяснилась двуличность новаго правительства, старавшагося соединить несовмѣстимое—цезаризмъ съ либерализмомъ. Вѣрные слуги имперіи, высокопоставленные сановники и царедворцы не преминули воспользоваться „великодушными“ либеральными идеями монарха для своихъ цѣлей; они потребовали плебисцита для санкціонированія предложенной конституціонной реформы, и Эмиль Оливье согласился на эту уступку, подтверждавшую принципіальную независимость императорской власти отъ народнаго представительства. Плебисцитъ подкрѣпилъ имперію и отодвинулъ на задній планъ широкіе конституціонные планы; оживились смѣлыя надежды на возстановленіе прежней славы и блеска династіи при помощи какихъ-нибудь удачныхъ международныхъ событій. Эмиль Оливье былъ совершенно далекъ отъ подобныхъ мечтаній, въ которыхъ видѣлъ лишь непріятные отголоски скрытой оппозиціи; онъ смотрѣлъ на будущее сквозь розовые очки и былъ непоколебимо увѣренъ въ прочности внѣшняго мира. „Куда ни кинуть взоръ, — говорилъ онъ въ законодательномъ корпусѣ 30-го іюня—нигдѣ не видно повода къ раздраженію, и ни въ какую другую эпоху сохраненіе мира въ Европѣ не было болѣе обезпечено, чѣмъ въ настоящее время“. Когда онъ произносилъ эти успокоительныя слова, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ уже не миролюбивый графъ Дарю, а убѣжденный сторонникъ союза съ Австріей противъ Пруссіи, бывшій французскій посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ Грамонъ [1]). Ослѣпленный своею новою ролью конституціоннаго реформатора, Оливье не замѣчалъ происходившихъ перемѣнъ въ настроеніи и планахъ окружающихъ лицъ; онъ приписывалъ своимъ коллегамъ по министерству тѣ же чувства и намѣренія, какія воодушевляли его самого, и питалъ такое же довѣріе къ дипломатической опытности и искусству герцога Грамона, какъ и къ административнымъ талантамъ и добросовѣстности другихъ министровъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ министерской декларацiи о безусловной прочности мира, вспыхнулъ конфликтъ изъ-за канди-

---

[1]) Не Граммонъ, какъ ошибочно пишутъ у насъ иногда, а Грамонъ (Gramont), съ однимъ *м*,—герцогская фамилія съ титуломъ графовъ и герцоговъ Гишъ (duc de Guiche).

датуры принца Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ. Узнавъ объ этой кандидатурѣ изъ письма герцога Грамона, Оливье былъ пораженъ неожиданною перспективою возможной войны; онъ тотчасъ сообразилъ, что интрига умышленно подстроена Бисмаркомъ. Наполеонъ III хорошо зналъ принцевъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ; одного изъ нихъ, принца Карла, онъ сдѣлалъ Румынскимъ княземъ, вопреки возраженіямъ Россіи, и если его брату, принцу Леопольду, предложено было занять вакантный королевскій тронъ въ Испаніи, то по здравому смыслу слѣдовало ожидать, что объ этомъ будетъ прежде всего сообщено французскому правительству. Однако, ни принцъ Леопольдъ, ни князь Карлъ, ни отецъ ихъ, принцъ Антонъ, не сочли нужнымъ увѣдомить императора о формальномъ принятіи испанскаго предложенія, и та таинственность, съ какою велось это дѣло, особенно удивила и оскорбила тюльерійскій дворъ. Герцогъ Грамонъ въ своихъ депешахъ къ представителямъ Франціи въ Мадридѣ и Берлинѣ сразу принялъ тонъ обвиненія и угрозы относительно Пруссіи. Въ совѣтѣ министровъ, 6-го іюля, былъ поставленъ вопросъ о боевой готовности арміи. Военныя дѣла зависѣли всецѣло отъ императора; ему одному докладывались отчеты и свѣдѣнія о положеніи войскъ, и оттого содержаніе знаменитыхъ рапортовъ полковника Стоффеля оставалось тайной для всѣхъ другихъ министровъ, кромѣ военнаго. Маршалъ Лебефъ, на заданный ему вопросъ о готовности къ войнѣ, удостовѣрилъ, что французская армія, по своимъ качествамъ и по вооруженію, значительно превосходитъ прусскую и имѣетъ несомнѣнные шансы успѣха. Никогда еще, по его словамъ, Франція не имѣла болѣе благопріятнаго случая разрѣшить свой споръ съ Пруссіею. Успокоенные относительно готовности арміи, министры занялись обсужденіемъ вопроса о союзникахъ. Можно было вполнѣ разсчитывать на Италію; но надо было сдѣлать выборъ между Австро-Венгріею и Россіею. Эмиль Оливье стоялъ за Россію. „Я чувствовалъ,—пишетъ онъ,—что меня очень тянетъ въ сторону русскаго союза, и не смотря на дорогія мнѣ связи съ благородными польскими личностями, я подчинялъ влеченія моего сердца интересамъ отечества и отказывался въ свое время присоединиться къ манифестаціямъ въ пользу послѣдняго возстанія. Еслибы я имѣлъ время установить направленіе иностранной политики, я попытался бы устроить прочный союзъ съ Россіею, подготовивъ сближеніе ея съ Англіею. Императоръ былъ къ этому расположенъ, если судить по настоятельности, съ какою онъ мнѣ рекомендовалъ прочесть анонимную брошюру, приписываемую

сыну Жомини, объ удобствѣ франко-русскаго союза. Потому я высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ прямо обратиться въ Петербургъ и предложить полный пересмотръ парижскаго трактата“. Герцогъ Грамонъ предпочиталъ союзъ съ Австріею, тѣмъ болѣе, что трудно было бы добиться русскаго союза при данныхъ обстоятельствахъ; притомъ Австрія очень хорошо относится къ Франціи и обладаетъ отличною, вполнѣ готовою арміею, тогда какъ Россія не въ состояніи дѣйствовать, пока не закончена сѣть ея желѣзныхъ дорогъ. Эти заявленія бывшаго посла при вѣнскомъ дворѣ и близкаго друга графа Бейста были достаточно убѣдительны для большинства; они получили особый смыслъ, когда императоръ досталъ изъ ящика своего бюро и прочелъ присутствовавшимъ письма императора австрійскаго и короля Италіи, адресованныя къ нему въ сентябрѣ 1869-го года. Императоръ не объяснилъ, чѣмъ вызваны были эти письма, но онъ усматривалъ въ нихъ обѣщаніе союза на случай столкновенія, подобнаго настоящему, и нисколько не сомнѣвался въ рѣшимости обоихъ монарховъ исполнить свои обязательства. Оставалось только сдѣлать необходимые шаги, чтобы превратить письменныя обѣщанія въ союзные договоры, и на этомъ успокоились министры. Тогда началось чтеніе деклараціи, приготовленной Грамономъ. Первоначальный текстъ, признанный слишкомъ мягкимъ и неопредѣленнымъ, подвергся значительной передѣлкѣ, и окончательное редактированіе деклараціи взялъ на себя Оливье. Рѣзкій категорическій тонъ ея принадлежалъ не Грамону, а внесенъ совѣщаніемъ министровъ, съ императоромъ во главѣ, причемъ авторомъ важнѣйшихъ поправокъ является самъ либеральный руководитель кабинета. Это признаніе Эмиля Оливье существенно измѣняетъ установившіяся представленія о роли герцога Грамона.

Послѣ того какъ былъ установленъ текстъ деклараціи, императоръ предложилъ послать въ Петербургъ генералу Флери слѣдующую телеграмму: „Предупредите князя Горчакова, что если Пруссія будетъ настаивать на воцареніи принца Гогенцоллерна въ Испаніи — произойдетъ война“. Дѣло въ томъ — замѣтилъ императоръ Эмилю Оливье, — „что русскій царь не желаетъ войны и заставитъ Пруссію отказаться отъ кандидатуры“.

Декларація была прочитана въ законодательномъ корпусѣ герцогомъ Грамономъ въ тотъ же день 6 іюля и произвела на публику впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Патріоты крайней правой подчеркивали своими шумными апплодисментами отдѣльныя воинственныя фразы. „Вѣдь это война“, — говорили депутаты изъ умѣренныхъ. „Но это безуміе!“ — сказалъ Тьеръ, когда

ему сообщили о деклараціи при появленіи его въ палатѣ; онъ бросился къ Оливье и сталъ ему горячо доказывать крайнюю опасность войны. Нѣкоторые изъ министровъ, удивленные неожиданнымъ эффектомъ сдѣланнаго шага, чувствовали потребность смягчить его значеніе; Эмиль Оливье громко заявлялъ, что „правительство страстно желаетъ мира, но мира съ честью“, и что твердый тонъ въ защитѣ законнаго права вѣрнѣе всего обезпечиваетъ миръ. И теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, онъ съ сознаніемъ исполненнаго долга невозмутимо повторяетъ, что „декларація безупречна“ и что онъ испытываетъ удовлетвореніе, читая ее въ настоящее время. Правда,—прибавляетъ онъ,—„она категорична и заключаетъ въ себѣ ультиматумъ на случай если ее оставятъ безъ вниманія, но это было условіемъ ея дѣйствительности“. Другими словами, нужно было пугать Пруссію войною, чтобы побудить ее къ уступчивости—и этотъ наивный пріемъ предлагается противъ военной монархіи, возвеличенной побѣдами 1866 года и открыто стремившейся къ объединенію Германіи подъ руководствомъ такихъ дѣятелей, какъ Бисмаркъ и Мольтке!

Въ деклараціи, защищаемой еще и теперь Эмилемъ Оливье, допущено было явно преждевременное обвиненіе Пруссіи въ умышленномъ посягательствѣ на достоинство и интересы Франціи. Уваженіе къ правамъ сосѣдняго народа — говорилось въ этомъ документѣ — „не обязываетъ насъ терпѣть, чтобы иностранная держава, помѣщая одного изъ своихъ принцевъ на тронѣ Карла V, могла въ ущербъ намъ нарушить современное равновѣсіе силъ въ Европѣ и подвергнуть опасности интересы и честь Франціи. Мы сохраняемъ твердую надежду на то, что эта возможность не осуществится. Чтобы помѣшать ей, мы разсчитываемъ на мудрость германскаго народа и на дружбу народа испанскаго. Еслибы, однако, случилось иначе, то сильные вашею поддержкою, какъ и поддержкою націи, мы съумѣемъ исполнить нашъ долгъ безъ колебанія и безъ слабости“. Какъ видно изъ обстоятельствъ, указываемыхъ самимъ Эмилемъ Оливье, въ моментъ чтенія этой деклараціи французскому правительству былъ извѣстенъ одинъ только фактъ: что маршалъ Примъ, глава министерства при регентѣ Серрано, послалъ депутацію въ Зигмарингенъ съ цѣлью предложить испанскую корону принцу Леопольду Гогенцоллерну, и что это предложеніе было принято. Иниціатива исходила оффиціально отъ испанскихъ правителей, и хотя можно было догадываться о закулисномъ участіи Пруссіи, но ничего положительнаго объ этомъ не знали французскіе дипломаты. Какое же основаніе имѣли министры На-

полеона III публично утверждать, что „иностранная держава" задумала помѣстить одного изъ своихъ принцевъ на испанскомъ престолѣ, угрожая нарушить этимъ интересы и достоинство Франціи? Какимъ образомъ проектъ маршала Прима, одобренный регентомъ Серрано, могъ быть оффиціально приписанъ иностранной державѣ, т.-е. Пруссіи? Черезчуръ поспѣшный практическій выводъ—о рѣшимости воевать въ случаѣ осуществленія проекта—былъ оскорбителенъ не только для Пруссіи и „германскаго народа", но и особенно для Испаніи. Ничто не давало французамъ права такъ самоувѣренно разсчитывать на трусость или испугъ Пруссіи, и самъ Оливье подробно объясняетъ затѣмъ, какъ онъ и его коллеги въ сущности были бы рады всякому безобидному окончанію кризиса. Нельзя было также предполагать, что испанская нація согласится руководствоваться указаніями и запрещеніями Франціи въ вопросѣ, касающемся исключительно Испаніи.

Полная безпринципность Эмиля Оливье обнаруживается и въ усвоенной имъ системѣ защиты тогдашняго правительства. Очевидно, онъ преувеличиваетъ значеніе и степень своего самостоятельнаго активнаго участія въ событіяхъ; онъ беретъ на себя отвѣтственность за рѣшенія, принятыя не имъ, и признаетъ свою солидарность съ дѣйствіями и мыслями герцога Грамона только для того, чтобы придать своему министерству характеръ единства и послѣдовательности. Онъ старается увѣрить читателей, что онъ былъ главою и руководителемъ кабинета 2-го января и что объединенное имъ правительство располагало полнотою власти какъ во внутреннихъ, такъ и въ международныхъ дѣлахъ. Въ дѣйствительности онъ не столько руководилъ и направлялъ, сколько лавировалъ и подчинялся; не онъ указывалъ дорогу, а другіе тянули его къ себѣ, какъ полезное орудіе, которымъ можно было воспользоваться съ тѣмъ, чтобы потомъ бросить. Придворныя сферы незамѣтно вовлекали его въ кругъ своихъ интересовъ и настроеній, заставляли его служить своимъ цѣлямъ и извлекали для себя возможныя выгоды изъ его талантовъ, репутаціи и общественно-парламентскихъ связей; а онъ льстилъ себя надеждой, что путемъ своевременныхъ уступокъ ему удастся постепенно упрочить свое положеніе и достигнуть болѣе самостоятельнаго и широкаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Слѣдуя по пути компромиссовъ, онъ воображалъ, что очищаетъ себѣ дорогу къ власти—а на самомъ дѣлѣ онъ обезцѣнивалъ себя въ глазахъ новыхъ союзниковъ и готовилъ себѣ неминуемое паденіе. Онъ и на войну рѣшился—хотя никогда до тѣхъ поръ не

думалъ о ней,—только въ разсчетѣ на то, что побѣда прославитъ его министерство и усилитъ шансы его будущихъ либеральныхъ реформъ. Онъ не имѣлъ въ виду удовлетворить крайнихъ правыхъ, но нерѣдко дѣйствовалъ съ ними за-одно, потому что имъ сочувствовалъ и потворствовалъ императоръ, личное настроеніе котораго было главною опорою министерскаго либерализма.

Разсказъ Оливье о лихорадочныхъ попыткахъ Франціи потушить пожаръ, разгорѣвшійся послѣ французской деклараціи 6-го іюля, добавляетъ нѣкоторыя интересныя черты къ общей характеристикѣ режима второй имперіи. Упорное невѣжество относительно чужихъ народовъ и государствъ, слѣпая самоувѣренность въ соединеніи съ чувствомъ неопредѣленной тревоги, нервная впечатлительность и перемѣнчивость, отсутствіе твердой почвы подъ ногами, безнадежная погоня за внѣшнимъ успѣхомъ—все это переплетается съ мелкими личными интригами, наполнявшими изо дня въ день жизнь тюльерійскаго двора. Вопросъ о войнѣ былъ круто поставленъ Франціею для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить миръ: такова тема, которую поддерживаетъ Эмиль Оливье. И герцогъ Грамонъ, и другіе министры, и самъ Наполеонъ III—всѣ жаждали мира и торопливо, съ шумомъ и трескомъ, проявляли свое миролюбіе по поводу Гогенцоллернской кандидатуры. Одновременно предприняты были четыре дипломатическія кампаніи для той же цѣли—около короля Вильгельма I въ Эмсѣ, у принцевъ Гогенцоллернъ въ Зигмарингенѣ, у маршала Серрано въ Мадридѣ и при дворахъ дружественныхъ нейтральныхъ державъ. Если эти разнообразныя усилія не предупредили войны, то виноваты, конечно, не французскіе либеральные патріоты, а разные иностранные честолюбцы, поощряемые нѣкоторыми изъ крайнихъ правыхъ приближенныхъ Наполеона III. По мнѣнію Эмиля Оливье, герцогъ Грамонъ былъ вообще осторожнымъ и разумнымъ дипломатомъ, и ему, Оливье, приходилось иногда своими совѣтами и указаніями побуждать Грамона къ большей рѣшительности и энергіи. Даже графъ Бенедетти, которому поручена была необычайно щекотливая миссія въ Эмсѣ, былъ слишкомъ мягокъ и корректенъ для нетерпѣливыхъ французскихъ правителей, хлопотавшихъ о мирѣ. Наконецъ, въ Зигмарингенѣ удалось добиться желаннаго результата: принцъ Антонъ, отъ имени своего сына Леопольда, формально заявилъ 12-го іюля объ отказѣ отъ испанской кандидатуры, о чемъ послалъ въ тотъ же день телеграммы маршалу Приму въ Мадридъ, испанскому посланнику въ Парижѣ, нѣмецкимъ телеграфнымъ агентствамъ и редакціямъ главныхъ нѣмецкихъ газетъ. Не смотря

на всю неумѣлость и рѣзкій, вызывающій тонъ французской дипломатіи, цѣль была достигнута: настойчивое требованіе объ устраненіи Гогенцоллернской кандидатуры было исполнено, и слѣдовательно опасность войны миновала.

Въ тотъ же день 12-го іюля Бисмаркъ, находившійся на отдыхѣ въ Варцинѣ, отправился въ Берлинъ, чтобы оттуда ѣхать въ Эмсъ. Онъ рѣшилъ положить конецъ назойливымъ дипломатическимъ приставаніямъ Бенедетти къ королю Вильгельму и отклонить всякіе переговоры съ Франціею о предметѣ, составляющемъ домашнее дѣло Испаніи. Онъ съ самаго начала возмущался французскими обращеніями къ Пруссіи по поводу испанскихъ плановъ, касавшихся самостоятельной боковой отрасли дома Гогенцоллерновъ. Онъ держался того взгляда, что допускать въ этомъ случаѣ какія-либо уступки немыслимо и что изъ создавшагося положенія нѣтъ другого выхода, кромѣ войны. Съ такими мыслями онъ прибылъ въ Берлинъ, когда вдругъ пришло извѣстіе о вынужденномъ отреченіи принца Антона отъ испанской кандидатуры. Видя въ этомъ отступленіи позоръ для Германіи, Бисмаркъ готовъ былъ выйти въ отставку и послалъ графа Эйленбурга въ Эмсъ, чтобы объяснить королю свою точку зрѣнія; въ то же время онъ телеграфировалъ Вильгельму I о своемъ рѣшеніи вернуться въ Варцинъ, если будетъ избѣгнута война. Между тѣмъ король съ радостью встрѣтилъ мирную вѣсть и ждалъ только оффиціальнаго сообщенія изъ Зигмарингена, чтобы передать о благополучномъ окончаніи кризиса французскому посланнику, согласно обѣщанію. Депеша Бисмарка взволновала короля, но не измѣнила его образа дѣйствій, такъ какъ моменты для разрыва были пропущены и нельзя уже было принимать новую тактику относительно Франціи. На слѣдующій день король предполагалъ удовлетворить Бенедетти своимъ сообщеніемъ, которое должно было вполнѣ успокоить французское правительство. Франція—пишетъ теперь Эмиль Оливье—одержала бы блестящую побѣду, и Бисмаркъ потерпѣлъ бы окончательное пораженіе. „Наше министерство—продолжаетъ онъ,—давъ странѣ свободу, обезпечило бы ей престижъ славнаго мира".

Останавливаясь на этомъ счастливомъ историческомъ моментѣ, Оливье съ грустью восклицаетъ: „Почему я не могу здѣсь остановиться? Почему я обязанъ продолжать? Въ ту минуту, когда Бисмаркъ очутился въ крайне трудномъ и запутанномъ положеніи, другіе работали для него во Франціи, и эту работу взяла на себя наша правая, хотя и состоявшая изъ безупречныхъ лицъ, но руководимая двумя злодѣями, Жеромомъ Дави-

домъ и Клеманомъ Дювернуа" [1]). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что эти „злодѣи" выражали лишь скрытыя надежды двора, отъ которыхъ не въ силахъ былъ отречься и Наполеонъ III, и что вслѣдъ за тѣми же злодѣями смиренно пошли и члены объединеннаго правительства, съ герцогомъ Грамономъ и Эмилемъ Оливье во главѣ. Въ совѣтѣ министровъ, 12-го іюля, императоръ былъ вызванъ кѣмъ-то изъ придворныхъ и потомъ вернулся, не сказавъ ничего о причинѣ своего удаленія; испанскій посланникъ лично передалъ ему по секрету объ отказѣ принца Антона, и императоръ сохранилъ это въ тайнѣ отъ своихъ министровъ. Нѣсколько часовъ спустя спасительная новость была уже общимъ достояніемъ. Эмиль Оливье былъ въ восторгѣ; Тьеръ разсказывалъ потомъ, что встрѣтилъ министра въ самомъ радужномъ настроеніи. Прочитавъ депешу, Тьеръ сказалъ: „Теперь вы должны вести себя спокойно". „Можете быть увѣрены въ этомъ, — отвѣтилъ Оливье, — мы держимъ миръ и не выпустимъ его изъ рукъ". Императоръ былъ также очень доволенъ на первыхъ порахъ, хотя и предвидѣлъ разочарованіе и протесты патріотовъ. Онъ сообщалъ иностраннымъ дипломатамъ о сохраненіи мира и условился съ Эмилемъ Оливье, что ничего не будетъ предпринято до слѣдующаго засѣданія министерскаго совѣта, назначеннаго на другой же день въ Сенъ-Клу. Герцогъ Грамонъ, занятый у себя въ министерствѣ, отнесся совершенно иначе къ отказу принца Антона; онъ настаивалъ на томъ, что прусскій король долженъ чѣмъ-нибудь оффиціально выразить свое участіе въ этомъ отказѣ. Съ этого момента—говоритъ Оливье—прекратилось существовавшее между нами полное согласіе. Однако, заставъ у Грамона прусскаго посланника, барона Вертера, Оливье поддержалъ странное предложеніе своего коллеги о томъ, чтобы король Вильгельмъ въ дружескомъ письмѣ къ Наполеону III объяснилъ безобидность своего первоначальнаго согласія на испанскую кандидатуру принца Леопольда и, присоединяясь къ состоявшемуся отказу, выразилъ свое желаніе устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ между правительствами Пруссіи и Франціи. Такимъ способомъ, какъ полагалъ Грамонъ и какъ повторяетъ теперь Оливье, успокоено было бы французское общественное мнѣніе, отъ имени котораго „злодѣй" Клеманъ Дювернуа, довѣренный оффиціозный публицистъ императора, поднялъ уже въ палатѣ вопросъ о необходимости потребовать отъ Пруссіи гарантій для будущаго. Что Пруссія

[1]) „Revue des deux Mondes", 1 mai 1909, p. 51.

обязана успокаивать именно французское, а не прусско-германское общественное мнѣніе—это было аксіомой для французскихъ министровъ того времени; да и теперь Оливье находитъ вполнѣ естественнымъ, что король Вильгельмъ могъ по собственной свободной иниціативѣ, внушенной ему иностраннымъ министромъ, сдѣлать дружелюбный шагъ по направленію къ Наполеону III, въ отвѣтъ на французскія угрозы, ибо Франціи нуженъ былъ почетный миръ, а не такой, какимъ можетъ довольствоваться Пруссія.

Герцогъ Грамонъ явился въ Сенъ-Клу съ отчетомъ о своей бесѣдѣ съ Вертеромъ; императрица и ея приближенные успѣли уже растолковать императору всю позорность того жалкаго мира, который предлагается комедіей отказа „отца Антона" за его совершеннолѣтняго сына, при отсутствіи оффиціальной прусской санкціи. Генералъ Бурбаки храбро заявилъ, что французская армія имѣетъ несомнѣнные шансы побѣды и что онъ лично выйдетъ въ отставку, если не будетъ войны. Запросъ Клемана Дювернуа о гарантіяхъ вполнѣ соотвѣтствовалъ этому настроенію двора; разсказъ Грамона о переговорахъ съ прусскимъ посланникомъ довершилъ дѣло, и Наполеонъ III, отбросивъ свои мирныя намѣренія, опять проникся надменною притязательностью. Затѣмъ произошло нѣчто удивительное: императоръ тутъ же устроилъ съ герцогомъ Грамономъ совѣщаніе, безъ участія кого бы то ни было изъ остальныхъ министровъ, и въ результатѣ, вопреки объявленному раньше рѣшенію не предпринимать ничего до слѣдующаго утра, постановлено было тотчасъ, въ семь часовъ вечера, послать Бенедетти телеграмму съ порученіемъ потребовать отъ короля Вильгельма обязательства не допускать кандидатуры принца Леопольда и въ будущемъ. „Обратитесь немедленно къ королю — писалъ Грамонъ графу Бенедетти — и потребуйте отъ него заявленія въ указанномъ смыслѣ, — въ чемъ онъ отказать не можетъ, если онъ дѣйствительно не питаетъ никакой задней мысли". Роковая депеша, очевидно, предвѣщала войну: другого значенія она имѣть не могла. Судьба имперіи и Франціи была поставлена на карту въ силу рѣшенія, принятаго безъ участія совѣта министровъ, и мнимый руководитель кабинета 2 января узналъ объ этомъ только случайно, зайдя къ герцогу Грамону поздно вечеромъ, послѣ одиннадцати часовъ. Грамонъ показалъ Оливье текстъ посланной въ Эмсъ депеши; вслѣдъ затѣмъ доставлено было черезъ курьера изъ Сенъ-Клу письмо императора, содержавшее въ себѣ новыя инструкціи министру иностранныхъ дѣлъ, въ духѣ болѣе точнаго

мотивированія и подкрѣпленія заявленныхъ претензій. Либеральный министръ, воображавшій себя главою конституціоннаго министерства, долженъ былъ чувствовать себя уничтоженнымъ: его не считали даже нужнымъ извѣстить о новыхъ мѣропріятіяхъ первостепенной важности. „Тѣмъ не менѣе—говоритъ онъ—я овладѣлъ собою. Это письмо императора, адресованное не ко мнѣ и предписывающее министерству извѣстный способъ дѣйствія, убѣждало меня, что требованіе гарантій выдвинуто не министромъ, забывшимъ обязанности министерской солидарности, а представляетъ актъ личной власти, которому Грамонъ подчинился по привычкѣ. Не ему, а императору долженъ былъ я предъявить свою жалобу". Но—разсуждалъ онъ далѣе—въ данный моментъ ничего сдѣлать нельзя. Требовать чего-либо отъ Грамона—нѣтъ полномочій. Отправиться къ императору въ Сенъ-Клу—слишкомъ поздно; еслибы и удалось ночью добиться свиданія и уговорить дать другія указанія графу Бенедетти, то послѣднія были бы получены имъ уже послѣ исполненія предшествовавшихъ предписаній. „Фактъ совершился безповоротно: мнѣ оставалось на выборъ—или протестовать путемъ отставки, или постараться уничтожить послѣдствія этого факта, которому я не могъ уже помѣшать".

Само собою разумѣется, что Эмиль Оливье предпочелъ обойтись безъ протеста и сохранить свой министерскій постъ; онъ молча проглотилъ нанесенное ему оскорбленіе, скрылъ свои чувства отъ герцога Грамона и отказался отъ мысли жаловаться императору. Мало того: онъ пошелъ еще дальше и, какъ малодушный оппортунистъ, поспѣшилъ приложить свою руку къ тому, что̀ самъ же горько осуждалъ; онъ взялся смягчить содержаніе проектированной депеши къ Бенедетти и собственноручно написалъ ея текстъ, со включеніемъ пункта о гарантіяхъ. Смягченный текстъ по существу почти ничѣмъ не отличается отъ посланнаго раньше герцогомъ Грамономъ; нелѣпыя и явно неисполнимыя требованія какихъ-то обѣщаній или обязательствъ относительно будущаго сохранены, но прибавлены только пустыя фразы объ отсутствіи воинственныхъ намѣреній и о стремленіи „выйти съ честью изъ затрудненія, созданнаго другими". Впрочемъ, министръ иностранныхъ дѣлъ только на половину воспользовался проектомъ Оливье и при составленіи своей дополнительной телеграммы въ Эмсъ слѣдовалъ болѣе инструкціямъ императора, чѣмъ совѣтамъ заботливаго коллеги. Вернувшись домой, Эмиль Оливье провелъ безсонную ночь въ размышленіяхъ о томъ, какъ ему поступить; первою его мыслью была все-таки отставка,

и онъ пожертвовалъ будто бы этимъ эгоистическимъ планомъ единственно лишь ради высшихъ интересовъ отечества. Онъ обвиняетъ во всемъ крайнихъ правыхъ, особенно Жерома Давида и Кассаньяка, пріѣзжавшихъ въ Сенъ-Клу и настроившихъ императора и императрицу въ духѣ вульгарнаго шовинизма. Правые опутывали министерство сѣтью коварныхъ интригъ. „Я чувствовалъ,—говоритъ далѣе Оливье—что со всѣхъ сторонъ мнѣ измѣняли и плохо служили; надо было произвести очистку прежняго персонала, но у меня не хватало для этого необходимой суровости (да и не было требуемой для этого полноты власти—прибавимъ отъ себя). Меня глубоко огорчало возрожденіе личнаго режима... Я приходилъ въ отчаяніе при мысли, что могу быть вынужденъ дать сигналъ къ войнѣ. Случай къ удаленію представлялся подходящимъ, и у меня явилось страстное искушеніе воспользоваться имъ. Но при ближайшемъ анализѣ отставка оказалась бы актомъ эгоизма, достойнаго порицанія. Это значило бы—въ пылу битвы перейти въ лагерь непріятеля, признать правоту Бисмарка, усилить надменность его отказовъ, побудить Европу высказаться противъ насъ, наконецъ уничтожить единственную, остававшуюся еще у насъ надежду на миръ“. Таковы были бы страшныя послѣдствія своевременной добровольной отставки Эмиля Оливье! Онъ ясно рисуетъ себѣ картину того, что произошло бы послѣ его удаленія: „тотчасъ образовалось бы министерство войны и отвѣтило бы на отказы короля высокомѣрными настояніями, которыя неминуемо привели бы къ войнѣ“, т.-е. оно сдѣлало бы то самое, что продѣлывалъ мнимо-либеральный кабинетъ 2 января по внушенію Наполеона III и его закулисныхъ совѣтниковъ. Послѣ всего случившагося Оливье вѣрилъ еще въ возможность сохранить миръ при содѣйствіи императора, вопреки оппозиціи правой и крайней лѣвой; но почему онъ разсчитывалъ на содѣйствіе императора въ ущербъ правымъ — остается загадкой. По этимъ и разнымъ другимъ, искусственно подобраннымъ мотивамъ онъ не вышелъ въ отставку—и пропустилъ единственный случай доказать искренность своихъ либерально-конституціонныхъ убѣжденій. Оставшись въ министерствѣ, онъ оффиціально становился солидарнымъ съ политикою, которую признавалъ вредною; но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что и громоотводъ соединяется съ молніею, чтобы парализовать ея силу. Играть роль громоотвода не пришлось, однако, Эмилю Оливье, и это не соотвѣтствовало бы его натурѣ; онъ никого парализовать и обезвредить не могъ, а напротивъ, склоненъ былъ слишкомъ легко поддаваться чужому воздѣйствію. Превратившись въ пассивнаго союзника

герцога Грамона и въ исполнителя перемѣнчивыхъ предначертаній Наполеона III, онъ лишилъ себя права на репутацію серьезнаго государственнаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ уваженіе своихъ согражданъ.

Дальнѣйшая исторія министерской дѣятельности Эмиля Оливье есть уже исторія его постепеннаго нравственно-политическаго паденія, связаннаго съ крушеніемъ всего зданія второй имперіи. Оливье потерпѣлъ неудачу не какъ устроитель либеральной эры, а какъ слуга династіи Бонапартовъ. Имперія Наполеона III развалилась не въ качествѣ либеральной имперіи, а вслѣдствіе неисправимой внутренней фальши и гнили государственнаго строя, основаннаго на антагонизмѣ между властью и лучшими элементами націи. Частичныя и поверхностныя либеральныя реформы были только заплатами на старомъ придворно-династическомъ режимѣ, интересы котораго рѣзко расходились съ жизненными потребностями страны и народа. Этой противоположности интересовъ не замѣчали люди, подобные Эмилю Оливье, но она сказалась въ моментъ опаснаго внѣшняго столкновенія.

Разладъ между бонапартистами прежняго типа и дѣятелями либеральной эры выражался иногда въ поучительныхъ эпизодахъ, истинный смыслъ которыхъ не нуждается въ поясненіи. Прибывъ въ Сенъ-Клу на министерскій совѣтъ, утромъ 13 іюля, всѣ члены кабинета, кромѣ Грамона и Оливье, впервые узнали о вновь предъявленномъ требованіи относительно гарантій; всѣ отнеслись къ этому спокойно, какъ къ чему-то законному и естественному. Военный министръ, маршалъ Лебефъ, котораго наканунѣ увѣрили въ благополучномъ улаженіи конфликта и который прежде всего долженъ былъ быть посвященъ въ тайну вопроса о войнѣ или мирѣ, услышалъ неожиданную новость отъ случайно встрѣтившагося ему флигель-адъютанта и поднялъ большой шумъ въ совѣтѣ: „Что это за гарантіи?—кричалъ онъ.— Ссора возобновилась и я объ этомъ ничего не знаю! Вѣдь я остановилъ свои приготовленія! На мнѣ лежитъ страшная отвѣтственность. Это не можетъ продолжаться: безусловно необходимо, чтобы я сегодня же зналъ, имѣется ли въ виду война или нѣтъ!“ Герцогъ Грамонъ началъ читать полученныя и отправленныя депеши и другіе документы, и какъ только онъ кончилъ, Лебефъ тотчасъ же потребовалъ разрѣшенія немедленно созвать резервы: „сдѣлавъ это — говорилъ онъ, — я предоставлю вамъ заниматься дипломатіею сколько угодно; но каждый день, который вы заставляете меня терять, подвергаетъ опасности судьбу страны“. Большинство министровъ не желало войны, хотя и

безотчетно подготовляло ее своими необдуманными и противорѣчивыми заявленіями; императоръ колебался то въ ту, то въ другую сторону, и на этотъ разъ почти готовъ былъ согласиться съ маршаломъ, напомнивъ, что „съ Пруссіею имѣются еще другіе счеты, кромѣ этого дѣла Гогенцоллерновъ“. Эмиль Оливье былъ противъ войны, но сознавалъ, что къ ней ведутъ виновники новыхъ притязаній, формулированныхъ безъ вѣдома кабинета и допускавшихъ только одинъ протестъ, въ видѣ отставки. „Никто не предлагалъ своей отставки—замѣчаетъ онъ меланхолично,—и никакого возраженія съ чьей бы то ни было стороны не было предъявлено, или изъ почтительнаго чувства къ императору, или вслѣдствіе сознанія безплодности протеста“. Примиряясь съ „совершившимися фактами“, Оливье усердно и горячо доказывалъ, что сохраненіе мира еще возможно и въ высшей степени желательно, почему и не слѣдуетъ прибѣгать къ созыву резервовъ, и съ этимъ опять-таки согласился императоръ. Многіе французскіе патріоты раздѣляютъ убѣжденіе Оливье, что война 1870 г. не возникла бы, еслибы Бисмаркъ не нанесъ Франціи „пощечину“ своею знаменитою публикаціею эмской депеши объ отказѣ прусскаго короля принять французскаго посланника [1]); на это оскорбленіе поневолѣ пришлось отвѣчать воинственною декларацію, послѣдствія которой „съ легкимъ сердцемъ“ принималъ на себя бывшій сторонникъ мира въ либеральномъ министерствѣ. Но Франція временъ второй имперіи сама наносила себѣ чувствительные удары и неудержимо шла на встрѣчу катастрофѣ, помимо коварныхъ иноземныхъ интригъ и „пощечинъ“,—и этотъ общій выводъ находитъ себѣ новое подтвержденіе въ любопытныхъ признаніяхъ Эмиля Оливье.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Этюды въ „Revue des deux Mondes“ отъ 15 мая и 1 іюня озаглавлены: „Le soufflet de Bismarck“, и „Notre réponse au soufflet de Bismarck“.

О
СБЛИЖЕНІИ СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ
НА ПОЧВѢ НАУКИ

На бывшемъ прошлымъ лѣтомъ 1908 г. и отнынѣ историческомъ пражскомъ съѣздѣ, на которомъ такъ ярко обозначилось стремленіе къ культурному единенію всего славянства, мною былъ сдѣланъ докладъ, въ которомъ развивалась мысль о необходимости начать дѣло единенія между славянскими научными учрежденіями и славянскими представителями науки. Всякая культура опирается на науку и искусства, а потому естественно, что культурное единеніе между славянами должно идти рука объ руку съ научнымъ ихъ единеніемъ. Съ другой стороны, будучи интернаціональной по существу, наука, при современномъ ея положеніи, когда успѣшность научнаго прогресса въ значительной мѣрѣ поддерживается и обезпечивается принципомъ соединенныхъ усилій различныхъ ученыхъ, должна выиграть отъ того, что родственные между собою и близкіе по языку народы будутъ объединяться между собой для совмѣстной работы во имя общихъ благъ человѣчества.

Среди нашихъ западныхъ сосѣдей,—нѣмцевъ и французовъ,—эта идея стала осуществляться уже много лѣтъ назадъ. Всѣмъ извѣстно, что важнымъ объединяющимъ средствомъ между учеными различныхъ странъ являются научные съѣзды—и мы видимъ, что кромѣ общихъ международныхъ съѣздовъ, на ряду съ мѣстными съѣздами, устраиваются еще съѣзды всенѣмецкіе и общефранцузскіе съѣзды, привлекающіе всѣхъ ученыхъ, говорящихъ на соотвѣтствующемъ языкѣ.

Лишь славяне до сихъ поръ чуждались другъ друга, и чуждались къ ущербу ихъ научнаго прогресса.

Нужно ли доказывать, что отъ раздробленія научныхъ силъ славянства оставались всегда въ проигрышѣ сами славяне и выигрывали третьи лица.

Мы, русскіе, путемъ неимовѣрныхъ усилій достигли такого положенія въ наукѣ, что съ нами считаются и на Западѣ; но не смотря на цѣлый рядъ видныхъ, а иногда и геніальныхъ ученыхъ по разнымъ отраслямъ науки (каковы: Лобачевскій, Менделѣевъ и др.), не смотря на огромную научную литературу, которая создается свыше-стамилліоннымъ русскимъ народомъ, мы все еще не завоевали себѣ среди европейскихъ народовъ такой позиціи, которая давала бы право на безобидное равенство, а не на снисходительное отношеніе къ намъ, какъ къ меньшему брату, который, выступая на общеевропейскую арену, не имѣетъ даже права говорить на своемъ языкѣ.

Всѣмъ извѣстно, что работы русскихъ ученыхъ только въ томъ случаѣ становятся достояніемъ европейской науки, если онѣ переведены на одинъ изъ трехъ главныхъ европейскихъ языковъ и помѣщены въ одномъ изъ заграничныхъ изданій.

Такое положеніе вещей, не будучи нормальнымъ по существу, приводитъ къ тому, что многіе русскіе ученые печатаютъ свои труды почти исключительно на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, становясь, такимъ образомъ, больше иностранными, нежели русскими учеными.

Нѣкоторымъ можетъ показаться, что отъ этого не происходитъ существеннаго ущерба для дѣла, такъ какъ научная работа, будучи напечатана на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, все равно сдѣлается общимъ достояніемъ.

Я беру на себя смѣлость утверждать, что на самомъ дѣлѣ мы тѣмъ самымъ не только усиливаемъ иностранную научную литературу, помогая этимъ путемъ болѣе сильнымъ, сравнительно съ нами, народамъ Германіи, Франціи, Англіи и другихъ романскихъ странъ, противъ чего, конечно, ничего нельзя имѣть по существу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что особенно важно, мы въ такой же мѣрѣ ослабляемъ значеніе собственной научной литературы. А между тѣмъ научная литература составляетъ тотъ нервъ, который держитъ науку въ странѣ на извѣстной высотѣ, который поддерживаетъ научную критику и развиваетъ научную мысль, помогая научной разработкѣ многихъ вопросовъ въ собственной странѣ и привлекая молодыя силы, посвящающія себя научной дѣятельности.

Такимъ образомъ, обѣдненіе своей собственной научной литературы путемъ отлива научныхъ работъ за границу естественно приводитъ и къ пониженію развитія научной дѣятельности въ странѣ, и къ ограниченію научныхъ стремленій среди подростающаго поколѣнія.

Но если мы, русскіе, съ такимъ количествомъ ученыхъ силъ, при

значительномъ числѣ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, страдаемъ отъ того, что нерѣдко пренебрегаемъ собственной научной литературой и не можемъ пробиться со своими научными стремленіями въ первые ряды европейскихъ націй, то еще менѣе благопріятно положеніе меньшихъ по численности славянскихъ народовъ, напримѣръ поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ, особенно поляки и чехи, обладаютъ именами многихъ крупныхъ ученыхъ.

Научныя литературы этихъ народовъ стѣснены уже тѣмъ, что имѣютъ относительно меньшее число научныхъ учрежденій и научныхъ дѣятелей и тѣмъ самымъ обречены на очень скромную роль вообще, которая еще болѣе ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, подобно русскимъ, многіе славянскіе научные дѣятели обогащаютъ своими трудами одну или даже нѣсколько иностранныхъ литературъ, не оставляя иногда даже и слѣда этихъ трудовъ въ своей собственной литературѣ.

Отъ такого положенія вещей развитіе науки на материкѣ Европы несомнѣнно проигрываетъ, такъ какъ славянскіе народы, общая численность которыхъ превышаетъ 160 милліоновъ, далеко не развиваютъ той научной энергіи, которую они способны были бы проявить, еслибы, продолжая оставаться въ научномъ единеніи со всѣми вообще культурными народами, въ то же время они имѣли возможность поддерживать и развивать свою родную научную литературу. Недостаточно полное развитіе научныхъ силъ среди славянъ отражается на пониженіи уровня ихъ культуры и въ частности на пониженіи промышленности, индустріи, ремеслъ и т. п.

Выходъ изъ этого положенія одинъ: необходимо, чтобы всѣ славянскіе народы объединились между собою, образовавъ какъ бы славянскую научную ассоціацію на равныхъ началахъ. Не имѣя возможности, каждый въ отдѣльности, въ достаточной мѣрѣ развить свои научныя силы, славянскіе народы, оставаясь по прежнему въ самой тѣсной связи съ общеевропейскимъ обмѣномъ научной мысли, обязаны всемѣрно поддерживать развитіе наукъ въ своихъ странахъ и для этой цѣли должны заботиться о томъ, чтобы работать научно общими соединенными усиліями.

Не подлежитъ сомнѣнію, что прогрессъ научныхъ знаній, какъ и подъемъ культуры, въ значительной мѣрѣ обезпечивается соединенной работой многихъ научныхъ дѣятелей, а потому вполнѣ естественно, что родственные другъ другу народы, говорящіе на понятныхъ другъ другу языкахъ, должны объединяться между собою для совмѣстной работы, дабы могла проявиться вся мощь ихъ національнаго генія.

Бо̀льшая успѣшность научной работы полезна и въ общечеловѣче-

скихъ цѣляхъ, такъ какъ всякій научный прогрессъ въ одной части Европы естественно долженъ отражаться и на развитіи наукъ вообще. Словомъ, подъемъ научной дѣятельности въ различныхъ славянскихъ странахъ, котораго можно ожидать отъ установленія научнаго единенія славянъ между собою, будетъ служить не только на пользу самихъ славянъ, возвышая ихъ научно-культурное развитіе, но и на пользу всего человѣчества, которое всегда выигрываетъ отъ возвышенія научныхъ знаній въ одной изъ большихъ расъ Европы.

Какими же путями славянство можетъ достигать объединенія научной дѣятельности отдѣльныхъ славянскихъ народовъ?

Пражскій съѣздъ, по выслушаніи доклада на эту тему, образовалъ для предварительнаго выясненія вопроса специальную коммиссію изъ всѣхъ бывшихъ на съѣздѣ представителей науки отъ разныхъ славянскихъ странъ. Эта коммиссія, въ цѣляхъ научнаго единенія славянъ между собою, остановилась на нѣсколькихъ мѣрахъ, которыя, по внесеніи ихъ на съѣздъ, были приняты послѣднимъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) Желательно, чтобы мѣстные научные съѣзды, устраиваемые въ разныхъ славянскихъ земляхъ, приглашали къ участію ученыхъ по соотвѣтствующей спеціальности изъ другихъ славянскихъ странъ.

б) Кромѣ мѣстныхъ научныхъ съѣздовъ при участіи ученыхъ изъ другихъ славянскихъ странъ, желательна также организація всеславянскихъ съѣздовъ по разнымъ спеціальностямъ, напримѣръ предположеннаго уже съѣзда врачей и естествоиспытателей, съѣзда психологовъ и неврологовъ, съѣзда по свяяновѣдѣнію и другихъ.

в) При командировкахъ молодыхъ ученыхъ въ разные центры Европы, практикуемыхъ въ отдѣльныхъ славянскихъ земляхъ, необходимо давать совѣтъ, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщали и важные научные центры въ славянскихъ земляхъ.

г) Желательно установить способъ взаимнаго обмѣна изданій между славянскими учеными органами и учеными учрежденіями, имѣющимися въ славянскихъ земляхъ; точно также желательно систематическое реферированіе научныхъ трудовъ славянскихъ ученыхъ, помѣщаемыхъ въ періодическихъ журналахъ, издающихся въ славянскихъ земляхъ.

д) Желательно основать всеславянскіе научные органы, въ которыхъ помѣщались бы оригинальные научные труды славянскихъ ученыхъ на всѣхъ славянскихъ языкахъ, имѣющихъ свою научную литературу, при чемъ научные обзоры и рефераты могли бы печататься на языкѣ той страны, гдѣ будетъ издаваться соотвѣтственный органъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы такіе же всеславянскіе научные органы издавались такими учрежденіями, какъ академіи наукъ.

е) Желательно всемѣрно заботиться о болѣе широкомъ и свобод-

номъ доступѣ студентамъ и молодымъ ученымъ разныхъ славянскихъ національностей въ отношеніи поступленія ихъ на курсы и въ лабораторіи для веденія научныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихся въ славянскихъ земляхъ.

ж) Желательно, чтобы студентамъ всѣхъ славянскихъ университетовъ, въ случаѣ перехода ихъ въ другой славянскій университетъ, засчитывались проведенныя прежде полугодія, если они выдержали надлежащій дополнительный экзаменъ, требуемый уставами этихъ университетовъ.

з) Въ виду того, что нѣкоторыя научныя дисциплины, напримѣръ славяновѣдѣніе, требуютъ содѣйствія славянскихъ академій и другихъ соотвѣтственныхъ имъ институтовъ, желательно образовать ассоціацію славянскихъ академій и соотвѣтственныхъ имъ институтовъ, независимо отъ существующей уже ассоціаціи академій наукъ большихъ европейскихъ странъ.

и) Чтобы ближе и скорѣе осуществить объединеніе научной дѣятельности въ разныхъ славянскихъ земляхъ, коммиссія нашла нужнымъ избрать особый инціативный комитетъ, въ составъ котораго вошли слѣдующія лица: Бехтеревъ (С.-Петербургъ), Здзѣховскій (Краковъ), Командуди (Бѣлградъ), Hlava (Прага) [1]).

і) Вышеуказаннымъ лицамъ предлагается вмѣнить въ обязанность заботиться не только объ объединеніи научной дѣятельности славянскихъ народовъ, но и учредить въ Россіи, Чехіи, Польшѣ и юго-славянскихъ земляхъ особые мѣстные комитеты, съ цѣлью организаціи болѣе тѣснаго взаимнаго научнаго сближенія славянъ.

Постановленія эти должны быть разосланы всѣмъ подлежащимъ учрежденіямъ, имѣющимся въ славянскихъ земляхъ.

Къ этому необходимо добавить, что еще нѣсколько раньше пражскаго съѣзда, на бывшемъ весной того же 1908 г. медицинскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, возникла идея—образовать союзъ славянскихъ врачей. Для осуществленія этой задачи съѣздъ, избравъ изъ своей среды особый славянскій медицинскій комитетъ, остановился на нѣсколькихъ постановленіяхъ, которыя также относятся непосредственно къ вопросамъ научнаго единенія славянскихъ ученыхъ. Я приведу ихъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ они были переданы мнѣ за подписью главы славянскаго медицинскаго комитета—проф. Hlava:

1) Союзъ славянскихъ врачей долженъ быть включенъ въ составъ просвѣтительныхъ славянскихъ союзовъ и обществъ; то же относится и къ союзу славянскихъ естествоиспытателей и союзу медицинскихъ журналистовъ, которые должны быть организованы въ будущемъ.

---

[1]) Кромѣ того, по предложенію центральнаго комитета избранъ былъ на съѣздѣ генеральный секретарь комитета, извѣстный д-ръ Semerad.

2) Делегаціи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ должны дѣятельно поддерживать національные комитеты союза славянскихъ врачей и союза славянскихъ естествоиспытателей.

3) Славянскія делегаціи должны оказывать всяческое содѣйствіе основанію „*Съѣздовъ славянскихъ врачей и естествоиспытателей*".

4) Славянскія делегаціи должны оказать поддержку основанію журнала „Revue médicale slave", который будетъ заключать въ себѣ рефераты и библіографическія замѣтки на одномъ изъ міровыхъ языковъ о всѣхъ славянскихъ трудахъ по медицинѣ.

Научное единеніе есть дѣло такой важности для всѣхъ вообще славянскихъ народовъ и въ томъ числѣ для насъ, русскихъ, что на этой почвѣ могутъ и должны сойтись между собою представители разныхъ научныхъ дисциплинъ и изъ разныхъ научныхъ странъ, не взирая на различіе политическихъ взглядовъ и убѣжденій. Прежде всего, на нашъ взглядъ, долженъ быть поставленъ вопросъ о періодическихъ всеславянскихъ научныхъ съѣздахъ, которые дадутъ возможность ближе подойти къ рѣшенію вопросовъ объ ассоціаціи научныхъ академій, о научныхъ союзахъ и другихъ мѣрахъ, клонящихся къ болѣе тѣсному общенію славянскихъ научныхъ учрежденій и славянскихъ ученыхъ между собою.

Не забудемъ, что въ тѣсной связи съ наукой стоитъ на очереди многочисленный рядъ научно-практическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для славянства вообще и въ частности для насъ, русскихъ. Остановимся только на нѣкоторыхъ фактахъ, заслуживающихъ особаго вниманія.

Недавно чехи, имѣя въ виду освободиться отъ нѣмецкой научной гегемоніи, старались найти условія совершенствованія своихъ молодыхъ ученыхъ внѣ германскихъ университетовъ. Они намѣтили тогда Францію и Россію, какъ страны, куда они могли бы посылать своихъ молодыхъ ученыхъ. Посѣтивъ тогда Россію, докторъ Семерадъ нашелъ наши научныя учрежденія такими, въ которыхъ чешскіе молодые врачи и естествоиспытатели могли бы совершенствоваться въ наукахъ съ неменьшей пользою, нежели въ Германіи. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе русско-японской войны предположенія чеховъ посылать въ Россію своихъ молодыхъ ученыхъ не достигли намѣченныхъ размѣровъ, хотя уже теперь нѣкоторые изъ чеховъ-врачей работаютъ у насъ въ Петербургѣ.

Съ осуществленіемъ идеи научнаго единенія славянъ можно надѣяться, что какъ къ намъ, въ Россію, будутъ пріѣзжать для научнаго совершенствованія молодые славянскіе ученые, такъ и нами командируемые за границу молодые ученые, наряду съ германскими, французскими и англійскими научными центрами, будутъ ближе зна-

комиться, чѣмъ это было до сихъ поръ, съ болѣе крупными славянскими научными центрами.

То и другое, конечно, будетъ только содѣйствовать подъему научнаго значенія и русскихъ, и славянскихъ научныхъ учрежденій.

Врядъ ли надо упоминать, какая рознь существуетъ между русскимъ и польскимъ врачебнымъ міромъ въ предѣлахъ Россіи и за ея рубежемъ, и эта рознь опять таки приноситъ ущербъ научной мысли и научно-практическимъ интересамъ славянъ.

При большемъ знакомствѣ представителей науки различныхъ славянскихъ народовъ до извѣстной степени аномальныя нынѣ отношенія славянскихъ народовъ на научно-практической почвѣ несомнѣнно изгладятся и пріобрѣтутъ нормальный характеръ, основанный на взаимной пользѣ.

Возьмемъ еще примѣръ изъ области практической медицины: наши лечебные курорты, не смотря на ихъ высокія цѣлебныя качества, не посѣщаются вовсе западными и юго-западными славянами. Съ другой стороны, русскіе врачи, посылая больныхъ за границу, почти совершенно упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что за рубежомъ Россіи въ славянскихъ странахъ имѣются прекрасные курорты, которые могутъ выдержать конкурренцію съ нѣмецкими и французскими и въ которыхъ русскіе больные найдутъ болѣе близкое имъ по языку и родственное по духу общество.

Ясно, что при научномъ сближеніи врачей разныхъ славянскихъ народовъ эти народныя богатства будутъ лучше использованы въ интересахъ всѣхъ славянскихъ народовъ, нежели это было до сихъ поръ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ значеніи, которое имѣетъ научное развитіе въ жизни отдѣльныхъ народовъ.

Каждый народъ, достигшій извѣстной умственной высоты, имѣетъ право на уваженіе и занимаетъ подобающее ему мѣсто въ сонмѣ другихъ народовъ.

Между тѣмъ, въ культурномъ соревнованіи народовъ наука и ея выводы играютъ немаловажную роль. Научная работа не сопровождается ни газетнымъ шумомъ, ни страстными выкриками, но для самого народа, для его положенія въ средѣ другихъ народовъ она составляетъ нѣчто особо цѣнное и особо важное. Народы, среди которыхъ науки и искусства процвѣтаютъ, завладѣваютъ умами другихъ народовъ и руководятъ ими, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Германіи и Франціи, оспаривающихъ другъ у друга право на признаніе первой по научному развитію страны.

Что сдѣлало развитіе научной мысли для современной намъ Германіи—общеизвѣстно и не нуждается въ разъясненіяхъ. Разбитая въ началѣ прошлаго столѣтія на части и разрозненная политически послѣ

Наполеоновскихъ войнъ, Германія возстановила свое единство и достигла своего нынѣшняго властнаго положенія въ Европѣ благодаря усиленному насажденію знаній въ разъединенныхъ нѣмецкихъ областяхъ и благодаря научному и культурному единенію, которое ими поддерживалось всюду, гдѣ раздавалась нѣмецкая рѣчь, не взирая на особенности отдѣльныхъ нѣмецкихъ нарѣчій.

Но выше всего прочаго надо поставить умственный прогрессъ народовъ вообще во имя общихъ благъ человѣческой личности. Этотъ умственный прогрессъ требуетъ, чтобы каждый изъ народовъ, не утрачивая своихъ индивидуальныхъ особенностей въ стремленіи къ познанію міра и къ пониманію нравственныхъ законовъ жизни, развивалъ свои силы въ тѣсномъ единеніи съ другими родственными народами. И такъ какъ этотъ прогрессъ, удовлетворяя духовнымъ потребностямъ народовъ и обезпечивая ихъ матеріальныя блага, достигается много легче и полнѣе при объединеніи ихъ въ большія группы, говорящія на родственныхъ языкахъ, то во имя его необходимо, чтобы и для славянскихъ народовъ настало время, когда они скажутъ себѣ: забудемъ взаимную рознь, устранимъ взаимное отчужденіе, будемъ работать сообща на пользу всего человѣчества, не считаясь ни старшинствомъ, ни численностью. Будемъ трудиться и работать на научной нивѣ, взаимно помогая другъ другу вездѣ и во всемъ. Эта нива взраститъ прекрасные всходы и удесятеритъ жатву. Она дастъ возможность не только лучше удовлетворить научныя стремленія различныхъ славянскихъ народовъ, нынѣ культурно-разъединенныхъ, но и поможетъ имъ принести на алтарь человѣческой мысли значительно большій, чѣмъ донынѣ, научный вкладъ, который, служа благу всего человѣчества, возвыситъ еще болѣе значеніе научнаго генія славянъ въ общемъ прогрессѣ человѣческой мысли и культурномъ движеніи цивилизованныхъ народовъ.

В. Бехтеревъ.

ЭВОЛЮЦІЯ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ.

(Рѣчь, сказанная при открытіи памятника Гоголю въ Москвѣ.)

Милостивые Государи и Милостивыя Государыни!

Я остановлю ваше вниманіе только на одномъ, но едва ли не самомъ главномъ вопросѣ о Гоголѣ—на процессѣ его художественнаго творчества. Эта тема мнѣ близка — я уже касался ея въ юби-

лейной рѣчи, напечатанной въ 1902-мъ году; теперь я сопоставилъ свои выводы съ заключеніями новѣйшихъ изслѣдователей по этому вопросу (проф. Н. А. Котляревскаго и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, г. Боровдина), дополнилъ анализомъ „Тараса Бульбы", какъ произведенія, основаннаго на иныхъ пріемахъ творчества, и постараюсь дать сжатую характеристику пріемовъ творчества Гоголя — его реализма, какъ основной черты, и романтизма, какъ дополнительной, ибо Гоголь, будучи поэтомъ дѣйствительности, отдалъ дань и романтизму.

Матеріалъ для выводовъ я буду черпать изъ его сочиненій и, главнымъ образомъ, изъ его собственныхъ признаній. Правда, его „Авторская исповѣдь" относится къ тому позднему времени, когда непосредственное творчество замѣнилось у него уже рефлексіей, и потому пользоваться этимъ источникомъ нужно осторожно — но все-таки это „чистосердечная повѣсть" самого Гоголя объ его авторствѣ, и притомъ мы можемъ провѣрять ее и другими данными. Свое призваніе поэта Гоголь ясно выразилъ въ письмѣ къ Жуковскому: „мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни". Потребность живого наблюденія надъ дѣйствительностью и способность запечатлѣть ее въ своемъ творческомъ воображеніи у него обнаружились уже въ юности. Въ „Мертвыхъ Душахъ" мы находимъ такое важное въ этомъ отношеніи признаніе: „прежде, въ лѣта моего дѣтства мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту, будь это просто бѣдный городишка или большое мѣстечко, и уже въ нихъ являлась мнѣ куча занимательнаго и новаго. Всякое строеніе, всякая едва замѣтная особенность, словомъ все поражало и останавливало меня". Но это не было простое, хотя и тщательное наблюденіе: съ нимъ соединялась и творческая фантазія поэта, требовавшая художественной полноты образа. И вотъ, этотъ наблюдательный мальчикъ, въ душѣ котораго уже накоплялся художественный матеріалъ, дополняетъ видѣнную имъ картину дѣйствительности новыми деталями, почерпнутыми изъ прежнихъ впечатлѣній жизни. „Уѣздный чиновникъ какой-нибудь пройди мимо — я уже и задумывался—куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще потемнѣли сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ у нихъ веденъ будетъ разговоръ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, а можетъ-быть и мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ уже послѣ супа сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ". При взглядѣ на помѣщика, онъ старался, какъ самъ гово-

рить, отгадать его характеръ. Здѣсь уже обнаруживается не только наблюдательность, не только умѣнье живо представить видѣнное, но и способность угадать человѣка, отгадать то, что и какъ онъ долженъ сказать и даже сдѣлать въ соотвѣтствіи со своимъ характеромъ, т.-е. чтобы это была не фотографія дѣйствительности, а художественная правда. Гоголь самъ говоритъ объ этомъ свойствѣ своемъ такъ: „въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, т.-е. угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей". Но пріемы художественнаго творчества у Гоголя не оставались неизмѣнными; наоборотъ, въ нихъ замѣчается сильная эволюція. Гоголь какъ авторъ „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ" стоитъ неизмѣримо выше Гоголя какъ автора повѣстей изъ малороссійской и русской жизни, и притомъ не только по важности сюжетовъ и глубинѣ ихъ обработки, но и по самому характеру творческаго процесса. Этотъ эволюціонный процессъ состоитъ съ одной стороны въ переходѣ отъ романтизма къ реализму, т.-е. въ выборѣ совсѣмъ новаго пути для творчества, а съ другой—въ углубленіи самаго реализма и въ переходѣ отъ безсознательнаго, непосредственнаго творчества, столь характернаго для юной народной поэзіи и юныхъ поэтовъ, къ творчеству сознательному. Въ эволюціи художественнаго творчества Гоголя мы различаемъ три періода: къ первому (до 1834 г.) относятся повѣсти, ко второму—„Ревизоръ" и „Мертвыя Души" (первая часть, съ 1834 до 1842 года), къ третьему—работа надъ второй и третьей частями „Мертвыхъ Душъ" (съ 1842 г. по 1852 г.).

Въ *первомъ періодѣ* Гоголь еще не можетъ освободиться отъ романтизма, свойственнаго его натурѣ, но все же проявляетъ и основную черту своего творчества — реализмъ, соединенный съ юморомъ. Первый періодъ характеризуется непосредственнымъ творчествомъ, вытекавшимъ изъ душевной потребности Гоголя. На него, по его собственному признанію, находили припадки тоски; чтобы развлекать себя, онъ и сталъ составлять свои первыя повѣсти изъ малороссійской жизни, которыя проникнуты такимъ беззаботнымъ и безотчетнымъ смѣхомъ. При этомъ онъ вовсе не задавался вопросомъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ и выйдетъ ли кому-либо изъ этого какая-нибудь польза. Его просто толкали на это потребность творчества и молодость, во время которой не приходятъ на умъ подобные вопросы. Все здѣсь искрится натуральнымъ смѣхомъ, блестками чистаго народнаго малороссійскаго юмора. Таковы „Вечера на хуторѣ близь

Диканьки". Однако уже въ „Миргородѣ" юморъ пріобрѣтаетъ иной оттѣнокъ. Въ „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ" и „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ", начинаетъ звучать, вслѣдъ за этимъ беззаботнымъ смѣхомъ, и грустная нотка. Разставаясь съ героями Миргорода, Гоголь восклицаетъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа"! Въ своихъ повѣстяхъ изъ малороссійской жизни Гоголь является передъ нами бытописателемъ Украйны, рисующимъ въ поэтическомъ видѣ старосвѣтскую ея жизнь. Но и въ нихъ въ значительной мѣрѣ уже виденъ или, точнѣе говоря, чувствуется поэтъ дѣйствительности. Матеріалъ для своихъ разсказовъ онъ почерпалъ изъ личныхъ, непосредственныхъ впечатлѣній и воспоминаній и изъ живыхъ народныхъ преданій и легендъ. Изъ переписки съ его родными мы узнаемъ, что онъ постоянно требовалъ отъ нихъ свѣдѣній о нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ, повѣстяхъ, сказкахъ, пѣсняхъ, легендахъ и бытѣ малороссіянъ. Въ настоящее время Императорская Академія Наукъ издала въ видѣ особаго тома сборникъ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ Гоголемъ. На этой почвѣ у него произошло сближеніе съ Максимовичемъ и съ Срезневскимъ, жившимъ тогда въ Харьковѣ. Замѣтимъ кстати, что городъ Харьковъ игралъ нѣкоторую роль въ біографіи и творчествѣ Гоголя: мать его, урожденная Косяровская, училась и жила одно время въ Харьковѣ у отца, занимавшаго должность почтмейстера; туда же пріѣзжалъ ея будущій мужъ—отецъ Николая Васильевича, желавшій также устроиться на службѣ въ Харьковѣ; въ 1835-мъ году самъ Гоголь былъ въ Харьковѣ, быть-можетъ для личной бесѣды съ Изм. Ив. Срезневскимъ. О широкомъ знакомствѣ Гоголя съ матеріалами по малорусской этнографіи свидѣтельствуетъ одна изъ записныхъ книжекъ его, „Подручная энциклопедія", начатая имъ еще въ 1826-мъ году въ Нѣжинѣ и представляющая изъ себя обширную тетрадь въ 490 страницъ, гдѣ масса всякихъ свѣдѣній, но преобладаютъ записи, относящіяся къ Малороссіи: здѣсь и малороссійскій словарь, и вирши запорожцевъ Потемкину, и описаніе малороссійскихъ игръ, и списокъ наиболѣе употребительныхъ въ Малороссіи именъ, даваемыхъ при крещеніи, и малороссійскія загадки, преданія, обычаи, обряды и пѣсни, и описаніе малороссійскихъ кушаній, свадебъ, старинной одежды. Очень многое изъ этой сокровищницы перешло и въ повѣсти Гоголя. Источникомъ же для характеристики чудной украинской природы служили ему его непосредственныя впечатлѣнія. Онъ былъ влюбленъ въ природу и открывалъ въ ней все новыя и новыя прелести. Конечно, не слѣдуетъ искать въ повѣстяхъ Гоголя этнографической точности, какъ того требовалъ Кулишъ: въ ихъ основѣ лежала дѣйствительность, переработанная творческой фантазіей. Это чистый родникъ

поэзіи. По прекрасному выраженію Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, здѣсь „сѣрые тона жизни удалены, изъ нея взято только все яркое, колоритное; показанъ праздникъ жизни. Жизнь наряжена въ костюмъ легенды и легенда сливается съ жизнью. И все озарено волшебнымъ свѣтомъ — это какъ бы феерія при бенгальскомъ освѣщеніи; вездѣ поэзія, одни поэтическіе образы; изумительная поэзія, великое мастерство. Но слишкомъ уже много поэзіи — она утомляетъ: въ ней поэтъ не проявляетъ должной экономіи и въ ней нѣтъ еще настоящей глубины изображенія жизни".

Еще болѣе романтическаго элемента мы находимъ въ „Тарасѣ Бульбѣ". Здѣсь романтизмъ органически слитъ съ реализмомъ; здѣсь много исторически вѣрныхъ и реальныхъ подробностей, особенно въ изображеніи Запорожья, а главное—схваченъ и правдиво изображенъ общій духъ эпохи; но характеры идеализированы, дѣйствующія лица обрисованы необычными, героическими чертами; ихъ дѣянія выходятъ за предѣлы возможнаго; это не только запорожскіе, но національные малорусскіе герои, и вся повѣсть представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ эпической поэмы или героической эпопеи. При составленіи „Тараса Бульбы" Гоголь пользовался главными тогдашними источниками — казацкими лѣтописями, пресловутой исторіей Руссовъ, Бопланомъ, Шереромъ, исторіей о казакахъ запорожскихъ князя Мышецкаго, а изъ пособій—Бантышъ - Каменскимъ. Всего этого было мало для историческаго изслѣдованія о Малороссіи, о которомъ мечталъ Гоголь, — но было вполнѣ достаточно для исторической повѣсти или эпопеи. Чисто историческій элементъ въ „Тарасѣ Бульбѣ" незначителенъ: малорусская исторія не знаетъ ни Тараса Бульбы, ни его сыновей, ни остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Хронологія повѣсти сбивчива: событія, о которыхъ идетъ разсказъ, естественнѣе всего отнести къ XVII вѣку, а между тѣмъ авторъ относитъ ихъ къ XV-му. И однако это дивная историческая повѣсть, ибо въ ней вѣрно очерченъ или, точнѣе, угаданъ духъ и колоритъ эпохи — ея нравы, обычаи и даже характеры. Тараса Бульбы не было, но подобныя личности несомнѣнно въ XVII-мъ вѣкѣ существовали. Авторъ въ своей творческой фантазіи обобщилъ черты ихъ характеровъ и создалъ правдивый художественный типъ. Тарасъ Бульба, по запорожскому обычаю, относился къ женѣ пренебрежительно—но какою глубокою правдою звучатъ слова его о силѣ материнскаго благословенія: „молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ". Не смотря на явные анахронизмы, правдиво изображены и бурса, и Запорожская Сѣчь; описаніе послѣдней близко напоминаетъ народное ея изображеніе у бывшаго запорожца Коржа. Дѣло здѣсь, повторяю, не въ исторически вѣрныхъ деталяхъ, а въ правильномъ воспроизведеніи общей исто-

рической картины, главнымъ источникомъ которой являются не сухія лѣтописи, въ которыхъ разочаровался Гоголь, а народныя историческія пѣсни. Пѣсня, по словамъ Гоголя — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ. Пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показаній дня и числа битвъ; но когда онъ „захочетъ узнать бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ испытать духъ минувшаго вѣка, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ и исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи". Вотъ какой матеріалъ былъ положенъ Гоголемъ въ основу его „Тараса Бульбы". Онъ воспользовался историческими малорусскими пѣснями, главнымъ образомъ—думами, которыя въ то время опубликовывали и Максимовичъ, и Срезневскій. Одинъ изъ героевъ „Тараса Бульбы", Моисей Шило, взятъ изъ „Думы о Самуилѣ Кошкѣ"; вышеприведенное выраженіе о силѣ родительской молитвы выхвачено изъ другой думы—объ „Олексіѣ Поповичѣ". Вотъ почему съ эпической точки зрѣнія, свойственной думамъ, Гоголь изображаетъ и событія той эпохи, и едва ли правы критики, обвиняющіе его въ томъ, что онъ жестокое изображаетъ въ симпатичномъ видѣ. Свою личную точку зрѣнія, исторически вѣрную и далекую отъ оправданія жестокостей, Гоголь выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „дыбомъ сталъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которое пронесли вездѣ запорожцы". „Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ" — говоритъ А. Я. Ефименко — идеализируетъ историческую дѣйствительность. ...Но ошибки его ничтожны по сравненію съ тѣми правильными взглядами, которыми онъ освѣтилъ извѣстныя стороны южно-русской исторіи... Гоголь правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно въ борьбѣ съ Польшей, потребовавшей крайняго напряженія силъ, казачество развернуло всю скрывавшуюся въ немъ до тѣхъ поръ энергію и разомъ выросло въ казацкій народъ... То, что мы называемъ историческими обобщеніями и новымъ освѣщеніемъ фактовъ, внесеннымъ Гоголемъ въ пониманіе украинскаго казачества и южно-русской исторіи, теперь сдѣлалось общимъ мѣстомъ, извѣстнымъ всѣмъ и каждому. Но мы забываемъ, что все это только потому и сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что былъ Гоголь, который силой своего таланта, своей могучей образности, неизгладимо втиснулъ свое пониманіе въ душу каждаго".

Русскія повѣсти Гоголя, въ особенности „Шинель" и „Записки сумасшедшаго", представляютъ изъ себя какъ бы переходную ступень къ его шедеврамъ, и по развитію сознательнаго элемента въ его творчествѣ, и по глубокому чувству человѣчности, и по особенностямъ

юмора, который здѣсь уже пріобрѣтаетъ скорбный, даже трагическій характеръ.

Второй періодъ въ творчествѣ Гоголя характеризуется созданіемъ „Ревизора" и первой части „Мертвыхъ Душъ". Это—пышный расцвѣтъ его творчества. Въ „Ревизорѣ", по его собственному признанію, онъ поставилъ своею сознательною цѣлью посмѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно было достойно всеобщаго посмѣянія. Въ „Ревизорѣ" онъ рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, всѣ извѣстныя ему несправедливости. Но сквозь смѣхъ, который никогда еще не являлся у него съ такой силой, читатель услышалъ грусть. И самъ авторъ почувствовалъ, что это уже не прежній его беззаботный смѣхъ. Вслѣдъ за этимъ онъ принялся за „Мертвыя Души", за свое величайшее произведеніе, гдѣ ареною дѣятельности его героевъ является снова вся Россія, въ ея отрицательныхъ явленіяхъ, въ ея мелкихъ, ничтожныхъ характерахъ. Для ознакомленія съ реальною дѣйствительностью Гоголь пользовался прежде всего, конечно, личными наблюденіями, затѣмъ разсказами другихъ и наконецъ книгами. И здѣсь въ качествѣ источниковъ снова фигурируютъ его записныя книжки, съ тою только разницею, что въ нихъ мы видимъ уже не Малороссію, а всю Россію. Могучимъ вдохновеніемъ художника онъ далъ намъ здѣсь цѣлую національную галлерею русскихъ типовъ, которые правдиво воплотили въ себѣ жизнь. Объективно воспроизводя явленія жизни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выводилъ пошлость на всенародныя очи, найдя грозную силу противъ нея въ смѣхѣ сквозь слезы; въ глубинѣ холоднаго смѣха оказались горячія искры вѣчной могучей любви.

Третій періодъ — это время тяжкой мученической внутренней борьбы, въ основѣ которой лежало раздвоеніе въ его художественномъ творчествѣ. Рефлексія убивала свободное творчество, которое авторъ пытается втиснуть въ рамки своихъ моралистическихъ теорій. Это — теорія о необходимости идеальныхъ типовъ, въ связи съ идеей объ авторскомъ самоочищеніи. Первая часть „Мертвыхъ Душъ" представлялась теперь однобокой: нужно было изобразить Россію въ полномъ видѣ, т. е. и съ положительными типами, долженствовавшими заполнить вторую и третью части „Мертвыхъ Душъ". Но въ душѣ царятъ чрезмѣрныя требованія. Гоголь сжегъ свою рукопись, борьба съ Левіаѳаномъ оказалась непосильной: мятущаяся душа изстрадалась, бѣдное сердце не выдержало. Гоголь умеръ въ 1852 году.

Но память о немъ никогда не умретъ; не умрутъ и его великія произведенія. „Знаю, что мое имя — пророчески писалъ Гоголь Жуковскому — послѣ меня будетъ счастливѣе меня и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни". Да! Мы теперь дѣлаемъ это.

Мы не только примиряемся съ твоею тѣнью, мы возвеличиваемъ ее, мы гордимся тобою, великій писатель русской земли! Ты былъ правъ, когда говорилъ о геніальныхъ твореніяхъ, которымъ усвояли презрительное наименованіе побасенокъ. „Побасенки! А вотъ протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша... Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Бодрѣй же въ путь!"

Произведенія Гоголя не умерли и продолжаютъ оказывать свое благотворное вліяніе на наше нравственное и общественное возрожденіе. Даже выведенные имъ типы продолжаютъ жить, только нѣсколько измѣнившись въ силу условій времени. Гоголь, вслѣдъ за Пушкинымъ, признанъ теперь нашимъ величайшимъ національнымъ писателемъ. И умеръ онъ не безчаденъ: у художника-реалиста оказались такіе наслѣдники, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Островскій, Л. Толстой. Его читаютъ и любятъ не только въ славянскихъ земляхъ, но и у нашихъ западныхъ сосѣдей. Его признаютъ родоначальникомъ современной русской литературы и болѣе проницательные европейскіе критики. Вогюэ называетъ его общимъ отцомъ реальнаго изображенія жизни и высказываетъ увѣренность въ наступленіи дня, когда „Мертвыя Души" можно будетъ найти рядомъ съ „Донъ-Кихотомъ" въ библіотекѣ каждаго просвѣщеннаго человѣка. Пожелаемъ же и мы, чтобы сочиненія Гоголя сдѣлались поскорѣе достояніемъ всего русскаго народа, и закончимъ словами безсмертнаго Пушкина: „Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ, да здравствуетъ солнце, да скроется тьма"!

Д. Багалѣй.

ШЕВЧЕНКО И НОВѢЙШАЯ УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

При имени Шевченка въ душѣ каждаго украинца дрожатъ самыя глубокія струны національнаго самочувствія и встаетъ дорогой, скорбно-вдумчивый образъ. Это имя не только поэта, но и народнаго вождя, память котораго чтится не однимъ образованнымъ классомъ, а всѣмъ грамотнымъ населеніемъ Украины. День его рожденія уже теперь, не смотря на всѣ притѣсненія украинскаго самосознанія, становится

національнымъ праздникомъ въ городахъ и селахъ Украины. Только имя Гарибальди въ Италіи пользуется такою же любовью и популярностью. Въ чемъ же сила этого украинскаго поэта, не слабѣющая, а постоянно увеличивающаяся въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ со дня его смерти (1861)?

Шевченко явился выразителемъ лучшихъ творческихъ силъ украинскаго народа. Его геніальность поставила его внѣ времени; стихи его всѣмъ нужны, всѣ находятъ въ нихъ дорогой имъ отзвукъ; они звучатъ такъ искренно, какъ молитва. На „Кобзарѣ“ Шевченка выросла вся новѣйшая украинская литература, имъ воспиталась національная украинская мысль. О „Кобзарѣ“ Шевченка можно сказать словами Гюйо: „Великое искусство—то же, что великая природа: каждый читаетъ въ нихъ то, что способенъ въ нихъ прочесть“.

Поэзія Шевченка тѣмъ и обаятельна, что она всѣмъ доступна, проста и недосягаемо высока. Она открываетъ далекіе, вѣчно прекрасные горизонты для неудержимо стремящейся впередъ человѣческой мысли. Шевченко далъ своему народу великій синтезъ правды и любви въ гуманномъ началѣ братолюбія. Онъ зналъ страданія народа не изъ наблюденій: онъ пережилъ ихъ самъ, онъ испыталъ все горе крестьянской доли, видѣлъ, какъ нужда и сверхсильная работа уложили въ могилу его еще молодую мать. Эти пережитыя поэтомъ въ дѣтствѣ впечатлѣнія всю жизнь властно владѣли его душой и уже въ старости еще разъ вылились такимъ сильнымъ воплемъ:

Чи есть у Бога люте зло,
Щоб у тій хаті не жило...
У тій хатині, у раю,
Я бачив пекло... Там неволя,
Работа тяжкая,—ніколи
І помолитись не дають.

Но среди тяжелой обстановки въ чуткую душу ребенка западаютъ и яркія впечатлѣнія: отъ чарующей природы, отъ ласки сестры, отъ обрывковъ той умственной жизни села, какая пробивается сквозь кору невѣжества. На улицѣ звучитъ прекрасная украинская пѣсня; подъ окномъ кобзарь поетъ художественныя думы; въ хатѣ, при свѣтѣ мигающаго „каганця“, мѣрно раздается голосъ „діда“, льется разсказъ за разсказомъ о быломъ родного края; легенда мѣшается съ исторической правдой, героическое прекрасное—съ жалкимъ реальнымъ. Красивое прошлое такъ непохоже на горькое настоящее. Въ глубинѣ пробуждающагося сознанія будущаго поэта кладется національная основа, пробуждаются первыя симпатіи. И чуть только первые начатки грамоты даютъ маленькому Тарасу возможность самостоятельно набираться интересующихъ его матеріаловъ, онъ, забравшись въ бурьянъ, перепи-

сываетъ въ свою книжечку народныя колядки или изреченія украинскаго философа Сковороды. Колядки—это, какъ признаетъ наука, богатѣйшіе отголоски украинской миѳологіи и древнѣйшаго уклада національной общественной жизни. Сковорода любилъ простой народъ, любилъ бесѣды съ нимъ вести: „Надо мной смѣются,—говоритъ онъ,—что слѣпымъ показываю свѣтъ, что я звонарь для глухихъ; пускай острятъ, они знаютъ свое, а я знаю мое и дѣлаю мое". Какъ Сковорода отдыхалъ душой среди природы и сельскаго населенія, такъ совсѣмъ въ его духѣ пишетъ Шевченко:

Ходімо в селище: там люде,
А там де люде, добре буде
Там будем жить, людей любить
Святого Господа хвалить!

Украинскій философъ и украинскій поэтъ оба являются яркими представителями національной украинской мысли. Пантеизмъ Сковороды—именно то отношеніе къ природѣ, какимъ проникнуто творчество украинскаго народа, искони преданнаго земледѣлію, выросшаго среди ясныхъ степей. Чуждый мистицизма украинскій умъ всегда стремился къ раціонализму, къ исканію правды на землѣ. Тотъ фактъ, что Шевченко въ очень раннемъ возрастѣ такъ чутко отнесся къ сочиненіямъ Сковороды, написаннымъ хотя и въ простыхъ литературныхъ формахъ, но очень тяжелымъ языкомъ (смѣсь церковно-славянскаго, русскаго и украинскаго), показываетъ, какъ рано и какъ интенсивно работала мысль будущаго поэта и какъ жадно искала она глубокаго пониманія всего окружающаго. Извѣстный эпизодъ его дѣтства, когда онъ ходилъ искать того мѣста, гдѣ солнце заходитъ, тоже подтверждаетъ рано проснувшуюся его любознательность. Таинственная прекрасная степь, гдѣ онъ пасъ „не своихъ" овецъ, давала ему ту близость къ природѣ, безъ которой нѣтъ истинной поэзіи. Село—природа—народныя преданія—національный философъ: таковы были первые воспитатели великаго поэта. Въ первый, петербургскій періодъ своей жизни Шевченко жадно читаетъ русскую литературу того времени, отдыхаетъ душой на первыхъ тогдашнихъ украинскихъ писателяхъ и вдумывается въ лучшія произведенія міровой поэзіи, въ творчество Гомера, Шекспира, Шиллера. Изъ украинскихъ произведеній онъ наслаждается тѣми, которыя ближе всего къ народной поэзіи: „Украинскими Мелодіями" Маркевича, „Думками" Метлинскаго. Онъ увлеченъ исторіей Малороссіи. Любимой его книгой на всю жизнь становится Библія (какъ и у Сковороды). Благодаря этому національмъ поэта растворился въ широкомъ гуманизмѣ, который и освѣщаетъ весь „Кобзарь" свѣтомъ любви и правды.

А между тѣмъ многіе критики бросали Шевченку упрекъ въ исключительности, въ націонализмѣ, даже въ „жестокости“. На самомъ дѣлѣ онъ всегда былъ чуждъ религіозной и національной нетерпимости. Въ „Кобзарѣ“ его всегда гуманное чувство господствуетъ надъ самыми яркими изображеніями человѣконенавистничества. Стоитъ вспомнить хотя бы отрывки изъ „Гайдамакъ“:

Не спинила весна крови
Ні злости людської.
Тяжко глянуть, а згадаем—
Так було і в Трої
Такъ і буде.

или: А Україна знай горить.
По селах плачуть малі діти
Батьків не мае...
Ніде не чуть людської мови
Звір тілько вие, йде въ село,
Де чуе трупи.

Поэтъ страдалъ, возстановляя въ своемъ воображеніи картины кровавой распри, въ которой его родной народъ силился добыть себѣ волю. Если картины прошлой борьбы Украины за свободу такъ обаятельно красивы у народнаго поэта, то въ этомъ проявилась совершенно понятная симпатія къ этой борьбѣ, столь непохожей на современное угнетенное состояніе народа. Какъ національный поэтъ, Шевченко не могъ не задавать себѣ вопроса, куда же дѣлась прежняя энергія его народа; но „Кобзарь“ является не только книгой бытія національнаго самосознанія украинскаго народа—онъ является также книгой благой вѣсти гуманизма общечеловѣческаго и международнаго. Въ немъ звучитъ молитва всего человѣчества:

А всім нам вкупі на землі
Единомысліе подай
І братолюбіе пошли!

— звучитъ мольба къ Господу:

Рабочим головам, рукам
На іх окраденій землі
Свою ти силу ніспошли!

Художникъ-реалистъ, Шевченко рисуетъ намъ одну за другой картины дѣйствительной жизни, гдѣ грубо попирается любовь, справедливость, правда, народное достоинство; онъ оплакиваетъ свою родину, любимую имъ какъ конкретное живое существо, самое близкое и дорогое для одинокаго Тараса; онъ оплакиваетъ женщину, такъ какъ на ея долю всегда выпадаетъ наибольшая часть страданія человѣ-

ческаго; онъ плачетъ надъ тѣми ужасными недоразумѣніями, въ силу которыхъ люди такъ много дѣлаютъ другъ другу зла:

І звір того не зробить дикий,
Що ви, бьючи поклони,
З братами діете. Закони
Катами (палачами) писані за вас
То вам байдуже!

Скорбная муза Шевченка чутко отзывалась на всякое страданіе, но никогда не утрачивала вѣры, что люди побѣдятъ звѣриныя условія современной жизни и водворятъ на землѣ „правду“. Въ этомъ словѣ, заключающемъ въ себѣ широкое понятіе любви, истины и справедливости, выражался излюбленный идеалъ Шевченка: онъ призываетъ людей единодушно стоять за „евангеліе правди“; онъ вѣритъ, что люди темные увидятъ истиннаго Бога, и отдохнутъ ихъ натрудившіяся руки, когда „на землю Правда прилетить“; онъ увѣренъ, что его родная Украина

розвіе тьму неволі,
Світ Правди засвітить
І помоляться на волі
Невольничі діти.

Тогда и вся природа оживетъ: рѣки, озера, лѣса, птицы, степь— все откликнется на человѣческое возрожденіе, и прежніе рабы сойдутся вмѣстѣ „без кгвалту и крику“, веселые и радостные. На мѣстѣ прежней пустыни будутъ веселыя села; между людьми не будетъ ни холопа, ни пана, а будутъ братья, будетъ незаплаканная мать. На образѣ матери всегда отдыхала мысль Шевченка: въ ней воплотилъ онъ и самое безутѣшное горе и страданіе, но въ ней же онъ видѣлъ надежду на возрожденіе человѣчества. Въ міровой поэзіи не найдется болѣе обаятельныхъ и сильныхъ образовъ, какъ эти многострадальныя и свѣтлыя созданья Шевченка—„Марія“, „Наймичка“, „Мати Покритка“, „Відьма“, мать христіанина мученика въ поэмѣ „Неофіти“.

Въ душѣ матери Шевченко находитъ ту каплю сохранившейся въ человѣчествѣ любви, которая одна можетъ возродить человѣчество, вести его къ свѣту, какъ та великая мать Спасителя, собравшая послѣ Его смерти учениковъ, —

І їх униніе і страх
Розвіяла, мов ту полову
Своїм святим огненимъ словом
Ти дух святий свій пронесла
В їх души вбогиї...

Родина, ея былое и ея природа, любовь и страданіе, скорбная исповѣдь самого поэта—таковы главныя темы „Кобзаря"; въ обработкѣ ихъ Шевченко доходилъ до величайшаго реализма („Гонта", „Катерина", „Наймичка") и до высокой художественности („Неофіти", „Марія", „Не спалося, а ніч як море" и мн. др.). Форма у Шевченка совершенно своеобразная, очень близкая къ народной пѣснѣ, съ музыкальнымъ размѣромъ, почти совершенно безъ риѳмы, съ такими яркими образными выраженіями, что многія изъ нихъ уже стали почти народными поговорками. Творенія его богаты символами, какъ богата ими и народная украинская поэзія, и символы эти удивительно удачно выражаютъ настроеніе поэта. Таково, напр., символическое изображеніе мысли:

А думка край світа на хмарі гуляе,
Орлом сизокрилим літае, ширяе
Аж небо блакитне широкими бье.

или картина запустѣнія Украины:—

Заснула Вкраїна, бурьяном укрилась, цвіллю зацвіла
В калюжі, въ болоті сердце прогноїла
І въ дупло холодне гадюк напустила.

Въ размѣрѣ стиха у Шевченка замѣчательное соотвѣтствіе между содержаніемъ и музыкальнымъ темпомъ стиха, то величаво-торжественнаго (напр. въ стихотвореніи о Смерти) то игриваго и легкаго (въ бытовыхъ пѣсенкахъ), то широкаго и мѣрнаго (въ эпическихъ поэмахъ), то отрывистаго, звукоподражательнаго. Шевченко—настоящій мастеръ слова, владѣющій народной рѣчью во всей ея красотѣ и самъ властно обогащающій ее новыми родными ей оборотами. Онъ съ полнымъ правомъ сказалъ: я возвеличу *нѣмыхъ* рабовъ и „на сторожі коло їх поставлю *слово*". Вотъ уже почти полстолѣтія, какъ его „слово" является дѣйствительно могучимъ источникомъ возрожденія цѣлаго народа. Украина имъ дышитъ, изъ него черпаетъ живыя силы.

Какова была украинская литература до Шевченка, каково было національно-общественное сознаніе на Украинѣ? И та, и другое держались почти исключительно на этнографической почвѣ. Правда, и Котляревскій, и Гулакъ-Артемовскій дали украинской литературѣ сразу демократическое направленіе (басня „Пан та Собака", нѣкоторыя мѣста изъ „Энеиды")—но у нихъ отсутствовало широкое пониманіе соціальнаго вопроса, а тѣмъ болѣе — національнаго. Въ обществѣ не было гражданскаго развитія, все унижалось передъ властью, все стремилось къ обрусенію, стыдясь всего національнаго, поскольку оно было связано съ простонароднымъ. Шевченко смѣло поднялъ національное знамя и начерталъ на немъ несмываемыми чертами сво-

боду народа, національное возрожденіе и братскія отношенія между всѣми народами. Это были новыя понятія, но они были выражены такъ просто, ярко, смѣло, они были запечатлѣны такой любовью къ многострадальной Украинѣ, что всѣ были захвачены ими, всѣ нашли новый лозунгъ для работы, для борьбы, для народной жизни. Похороны Шевченка были чѣмъ-то до тѣхъ поръ небывалымъ—взрывомъ горя и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ проявленіемъ національнаго самосознанія въ томъ самомъ Кіевѣ, который, начиная съ Петра Великаго и до нашихъ дней, подвергался и подвергается наиболѣе интенсивной денаціонализаціи. Сознавалъ ли самъ Шевченко ту великую роль, какую долженъ былъ съиграть его „Кобзарь" для его любимой родины? Онъ объ этомъ не думалъ; онъ творилъ, потому что творчество было лучшимъ счастьемъ его скорбной, одинокой души, потому что пѣсни, образы, „слова" неудержимо поднимались со дна его поэтической души, прилетали къ нему изъ-за Днѣпра, обступали его среди желтыхъ песковъ пустыни, въ которой онъ десять лѣтъ томился безъ друзей, безъ перьевъ и бумаги. Рѣдкій поэтъ можетъ съ бо̀льшимъ правомъ сказать своей музѣ: „ми просто йшли: у нас нема зерна неправди за собою!" Но какъ каждый истинный поэтъ, онъ хочетъ, чтобъ „слово" его дошло до его народа, и онъ проситъ Бога:

Подай душі убогій силу,
Щоб огненно заговорила,
Щоб слово пламенем взялось,
Щоб людям сердце розтопило
І на Украйну понеслось
І на Украïні святилось!

Это задушевное желаніе Шевченка почти исполнилось. Два обстоятельства, кромѣ достоинствъ самого „Кобзаря", способствовали культу его въ Украинѣ: во-первыхъ, тѣ преслѣдованія, какія сначала въ 1863-мъ, а потомъ въ 1876 г. обрушились на украинское слово, и, во-вторыхъ, появленіе М. П. Драгоманова, такъ много содѣйствовавшаго уясненію національнаго самосознанія украинскаго общества. Подъ вліяніемъ административныхъ и законодательныхъ преслѣдованій украинская литература, конечно, не могла сразу воспроизвести всѣ мотивы, разбросанные геніальной рукой въ „Кобзарѣ", который и самъ до послѣдняго времени подвергался крупнымъ урѣзкамъ. Въ первые годы послѣ смерти Шевченка литература продолжала описывать бытъ украинскаго села. Выступаютъ Марко-Вовчокъ, Левицкій, И. Мирный, давшіе цѣлую серію талантливыхъ реальныхъ изображеній украинцевъ и условій ихъ жизни. Прекрасный языкъ и близкое знакомство съ народной жизнью давали особенную цѣну этимъ повѣ-

стямъ, которыя обрисовывали Украину сначала подъ гнетомъ крѣпостного права, затѣмъ въ періодъ освобожденія и наконецъ въ періодъ постепеннаго ея обѣднѣнія. Этотъ позднѣйшій періодъ особенно ярко изображенъ въ разсказахъ новѣйшихъ украинскихъ писателей—Маркевича, Григоренка, Яновской, М. Левицкаго.

Любовь къ родинѣ и вообще гражданскіе мотивы поэзіи Шевченка отозвались въ стихотвореніяхъ Старицкаго и Грабовскаго, отчасти и у Гринченка. Но въ нихъ не звучитъ та беззавѣтная сила чувства, какая согрѣваетъ каждое слово Шевченка, обращенное къ Украинѣ; да и внѣшнія условія мѣшали развитію именно этихъ мотивовъ. Только въ самое послѣднее время, послѣ 1905-го года, выступилъ въ украинской литературѣ молодой поэтъ съ горячимъ патріотическимъ вдохновеніемъ; нѣкоторыя короткія его стихотворенія приближаются къ безсмертному Кобзарю. Это—Олесь, авторъ двухъ сборниковъ стихотвореній. Онъ же воспринялъ съ особеннымъ художественнымъ талантомъ символическую форму выраженія народнаго поэта Украины. Символы Олеся вполнѣ народны, очень красивы и удачно одѣваютъ его мысль въ яркіе образы, захватывающіе воображеніе читателя. Символизмъ не менѣе художественно разработанъ у украинской писательницы Дніпровой Чайки (псевдонимъ); онъ является и у нея, и у Олеся красивой, естественной поэтической формой творчества, очень близкой къ народной украинской поэзіи. Исканіе правды, этической нормы для человѣческихъ отношеній, какое мы видимъ во многихъ мѣстахъ „Кобзаря“, нашло себѣ отголосокъ въ новѣйшей украинской литературѣ у Винниченка и у талантливаго психолога и аналитика Коцюбинскаго. Чувство гуманности, составлявшее основу и характера, и поэзіи Шевченка, присуще всѣмъ лучшимъ художникамъ украинской литературы, начиная съ украинской Бичеръ Стоу—Марко-Вовчка; но особенно сильно оно звучитъ у автора небольшого сборника разсказовъ „По степам и хуторам“, Д. В. Маркевича. Изъ устъ этого гуманиста-художника раздался такой вопль протеста противъ смертной казни, какъ послѣдній разсказъ его: „Final“. Націонализмъ Шевченка ярче всего развернулся въ прекрасныхъ историческихъ драмахъ Тобилевича (Карпенко Карой) и Старицкаго; ихъ можно считать непосредственнымъ продолженіемъ „Гайдамакъ“, вмѣстѣ съ которыми онѣ даютъ величавую картину національной жизни свободолюбиваго народа. Многіе подражали Шевченку въ его воспроизведеніи казачьей старины, но никто не достигъ его своеобразной художественной красоты. Не нашли себѣ донынѣ выразителя и религіозные, полные раціонализма и въ то же время глубокой вѣры мотивы „Кобзаря“. Есть нѣсколько стихотвореній якобы религіознаго настроенія у Александрова, у Конисскаго—но это совсѣмъ не то жадное исканіе Бога, не та

вѣра въ никогда неутрачиваемую людьми великую Правду, какими проникнута поэзія Шевченка. Только въ самое послѣднее время этотъ мотивъ очень сильно и красиво прозвучалъ въ небольшомъ стихотвореніи въ прозѣ поэтессы Дніпровой Чайки: „Вѣрное Прибѣжище" („Лит. Наук. Вістникъ", Кіевъ, кн. 14, 1909 г.). Вообще въ послѣднее время украинская литература богата талантливыми выразителями новыхъ настроеній.

Всѣ украинскіе поэты являются патріотами въ лучшемъ смыслѣ этого слова; любовь къ родинѣ звучитъ въ украинской литературѣ не одинокимъ аккордомъ, а согласнымъ гимномъ. Много въ этомъ гимнѣ есть и слабыхъ, искусственныхъ нотъ, но есть прекрасныя, выстраданныя въ глубинѣ души пѣсни, какъ напр. у молодого, рано погибшаго въ ссылкѣ поэта Грабовскаго, у поэтессы Леси Украинки, у Старицкаго и Гринченка. Но прямымъ наслѣдникомъ Шевченка со всѣмъ его горячимъ вдохновеніемъ и страстной любовью къ родинѣ является молодой поэтъ Олесь. Его часто неуравновѣшенное воодушевленіе захватываетъ читателя, заставляетъ вмѣстѣ съ поэтомъ переживать то мрачное отчаяніе при видѣ страданій народа, какое слышится, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ:

Проклятте, розпач і ганьба!
Усю пройшовъ я Украіну
І самъ не знаю, де спочину
І де не стрину я раба.
  Зректись себе, забуть імья,
  Всесвітним соромом покритись
  І не соромлючись дивитись,—
  Це дійсність, сон? не знаю я!—

то радостную надежду на свѣтлое будущее родины („Бо народ мій встане, розібье кайдани"). Подходя очень близко къ Шевченку, Олесь тоже вѣритъ, „що скоро день засвіте,

Що сонце наше вже з-за обрію встае
Що хід його спинить ніщо не зможе въ світі
І цвіту нашого ніщо вже не убье!"

и увлекаетъ красотой своего слова („Яка краса! Відроджене народу!"). Да, въ двухъ маленькихъ томикахъ стихотвореній Олеся какъ будто проснулась душа безсмертнаго Кобзаря Украины. Но не даромъ прошло полвѣка—и молодой поэтъ видитъ зарю новой, лучшей жизни. Его пѣсня звучитъ могучимъ призывомъ къ свободѣ. И этотъ призывъ является точно прямымъ откликомъ на голосъ Шевченка.

Какъ ни бѣгло взглянули мы на новѣйшую украинскую литературу, мы видимъ, что „Кобзарь" былъ лучезарнымъ свѣточемъ, освѣщавшимъ ея тернистый путь. Мотивы „Кобзаря" донынѣ еще далеко

не исчерпаны. Многіе изъ нихъ еще не нашли себѣ достойныхъ выразителей, какъ напр. идеальное стремленіе Шевченка къ объединенію народовъ, къ братолюбивому славянскому соглашенію („Ляхам", „Гуси" и др.). У Старицкаго и у Гринченка есть прекрасныя стихотворенія на эту тему, но чувствуется еще холодное къ ней отношеніе, идея не воплотилась въ чувство, не овладѣла словомъ.

Если въ литературѣ несомнѣнно благотворнымъ было вліяніе Шевченка, то можно ли сказать то же самое о значеніи поэта для общественнаго сознанія Украины? Это сознаніе только что начинаетъ складываться и опредѣляться. До сихъ поръ существовали лишь отдѣльныя группы національно-сознательныхъ украинцевъ; въ нихъ часто объединялись люди очень различныхъ политическихъ взглядовъ и общественныхъ положеній. Эти украинцы всѣ любили свою родину, но каждый по своему. Шевченка они тоже понимали сообразно своимъ убѣжденіямъ: одни ссылались на него въ подтвержденіе своихъ юдофобскихъ чувствъ, другіе подкрѣпляли имъ свой національный шовинизмъ, третьи опирались на него въ самыхъ крайнихъ соціальныхъ программахъ. Что въ „Кобзарѣ" было выше средняго уровня развитія украинскаго общества 60-хъ и 70-хъ годовъ, то значительно выяснилось упорной работой Драгоманова, сочиненія котораго воспитывали украинцевъ именно въ идеалахъ Шевченка, предостерегая отъ всякой національной исключительности и ожидая развитія націи отъ прочной демократизаціи общественныхъ учрежденій и политическихъ формъ жизни. Прогрессъ украинской національной мысли сталъ особенно замѣтенъ за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ; расширилось и пониманіе Шевченка. Когда, въ 1906 г., вышелъ первый полный „Кобзарь" безъ всякихъ цензурныхъ изъятій, первыя десять тысячъ этого изданія разошлись въ пять-шесть мѣсяцевъ. Популяризаціи стихотвореній Шевченка способствовало и то, что многія изъ нихъ положены на музыку—Лысенкомъ, Степовымъ, Зарембой и другими. На текстъ „Катерины" написана опера. Нѣкоторыя стихотворенія Шевченка превратились въ народныя пѣсни. Нѣтъ ни одного украинскаго общественнаго учрежденія, гдѣ бы не висѣлъ портретъ національнаго поэта. До сихъ поръ, однако, изслѣдованія его творчества, его жизни еще очень отрывочны; до сихъ поръ не изданы его письма; нѣтъ и достаточно полной біографіи поэта. Приближается пятидесятилѣтіе со дня смерти, столѣтіе со дня рожденія поэта, а сборы пожертвованій на памятникъ ему идутъ вяло; многія земскія учрежденія на территоріи Украины категорически отказываются отъ пожертвованій на это дѣло, другія даютъ слишкомъ незначительныя суммы. Земства въ Украинѣ могли бы почтить великаго апостола любви вполнѣ достойнымъ образомъ, основавъ на его

родинѣ первую украинскую народную школу, съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Неужели украинскому народу и теперь не удастся выполнить одинъ изъ самыхъ категорическихъ завѣтовъ „Кобзаря“:

„Учітеся, брати мої!
Думайте, читайте;—
І чужому научайтесь
Й свого не цурайтесь“!

А теперь украинскій народъ по переписи 1897 г. занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ по своей грамотности въ числѣ всѣхъ ста народностей Россіи. Этотъ фактъ мучительно тяготитъ сознаніе украинскаго общества. Много великихъ, свѣтлыхъ завѣтовъ оставилъ Шевченко своему народу, много еще пройдетъ времени, пока они осуществятся, но прежде всего для пониманія идеаловъ Шевченка необходимо просвѣщеніе народныхъ массъ, необходимы родная школа и книга. Къ удовлетворенію этой народной нужды должны быть направлены въ настоящее время усилія всѣхъ истинныхъ почитателей великаго украинскаго пѣвца братолюбія, свободы и знанія.

С. Русова.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался Антонъ Павловичъ Чеховъ. Промежутокъ—ничтожный по времени, но заполненный такими огромными событіями, такими глубокими потрясеніями, что эпоха, когда жилъ и творилъ Чеховъ, уже отодвинулась отъ насъ въ историческую перспективу, а вмѣстѣ съ эпохою—и тотъ, кто являлся наиболѣе яркимъ и полнымъ воплотителемъ ея въ художественныхъ образахъ. Мы можемъ теперь уже говорить о Чеховѣ почти столь же объективно, какъ, напримѣръ, о Тургеневѣ.

Всѣ свѣдѣнія наши о Чеховѣ рисуютъ его человѣкомъ необыкновенно пріятнымъ въ личномъ общеніи. Остроумный и веселый, неизмѣнно ласковый и тонко деликатный, онъ привлекалъ всѣхъ, кто имѣлъ счастье къ нему подойти. Но эта общительность, всегда и безусловно простая и искренняя, оставалась, однако, на сколько мы знаемъ, въ значительной мѣрѣ внѣшней: глубокаго, интимнаго чувства, лирическихъ нотъ Чеховъ въ ней не проявлялъ. Наоборотъ—если

его собесѣдникъ впадалъ въ большую откровенность, или у него самого готовы были зазвучать слишкомъ интимныя ноты, Чеховъ спѣшилъ мягкой и безобидной шуткой затушевать промелькнувшую обнаженность души. Въ глубину своей души онъ никого не пускалъ, даже самыхъ близкихъ людей. Эта замкнутость была такъ велика, что даже въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Чеховъ сначала прятался отъ посторонняго глаза. „Писалъ я,—признается онъ въ письмѣ къ Григоровичу [1]),—и всячески старался не потратить на разсказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно пряталъ". Позже Чеховъ отрѣшился отъ такой скрытности въ писаніи, но до конца жизни осталась у него манера прятаться во время работы. „Пишущимъ его никому не удавалось заставать,—отмѣчаетъ А. И. Купринъ,—въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно скрытенъ и стыдливъ". И въ другомъ мѣстѣ: „Мы почти ничего не знаемъ не только о тайнахъ его творчества, но даже и о внѣшнихъ привычныхъ пріемахъ его работы. Въ этомъ отношеніи А. П. былъ до страннаго скрытенъ и молчаливъ".

Эту манеру Чехова прятать отъ людей все интимное, дорогое объясняютъ различно: то особой сердечной скупостью, не дозволявшей ему „раскрывать и отдавать свое сердце вполнѣ" кому бы то ни было, то особой цѣломудренной стыдливостью чувства. Было, думается, и то и другое. Но было, несомнѣнно, и еще что-то: неумѣнье подходить къ людямъ вплотную, и даже боязнь этого.

Неумѣнье это воспитано было житейской обстановкой съ раннихъ лѣтъ. Въ письмахъ Чехова прорываются любопытныя признанія. „Меня маленькаго такъ мало ласкали,—пишетъ онъ В. А. Тихонову,—что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому я и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно". „Около меня—проговаривается онъ въ письмѣ къ В. Г. Короленко—нѣтъ людей, которымъ нужна моя искренность и которые имѣютъ право на нее". Эта непригрѣтость, это одиночество оставались тяжкимъ крестомъ Чехова до конца дней его. И. А. Бунинъ со сжавшимся сердцемъ вспоминаетъ про „тихій кабинетъ" писателя въ Ауткѣ, „гдѣ для Чехова протекло столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ, полныхъ, можетъ быть, горькихъ думъ о судьбѣ, такъ одарившей его и такъ посмѣявшейся надъ нимъ"...

Но рядомъ съ этой „непривычкой" къ интимно-задушевному

---

[1]) Цитирую по недавно изданному Б. Н. Бочкаревымъ сборнику: „Письма А. П. Чехова".

общенію стоитъ и страхъ передъ нимъ. На днѣ души у каждаго лежитъ нѣчто тяжелое, безпросвѣтное, безнадежное, нѣчто страшное и неисцѣлимое. Зачѣмъ раскрывать это передъ другими? Вѣдь помочь тутъ все равно никакъ нельзя. Такъ зачѣмъ же своей тяжестью угнетать другого, или самому подходить вплотную къ чужой тяжести, если остается только развести надъ нею руками? Ужъ лучше не бередить ранъ, не поднимать страшныхъ призраковъ, которые отбиваютъ всякую охоту жить и дѣйствовать. Въ глубинѣ каждой души осѣли тяжелые, смертоносные яды, противоядій которымъ мы не знаемъ. Жизнь и безъ того не скупится на грубые и рѣзкіе толчки, которые поднимаютъ эти яды со дна, и тогда они затуманиваютъ умъ и волю, выводятъ человѣка изъ ряда живущихъ. Такъ ужъ не надо, по крайней мѣрѣ, помогать этой роковой работѣ жизни, не надо, подъ соблазномъ дружескаго, интимнаго общенія, тревожить дремлющія глубины...

Въ этомъ страхѣ передъ сущностью души и жизни сказывается не только случайная, индивидуальная черта Чехова. Нѣтъ, тутъ— знаменіе времени, или, вѣрнѣе сказать, безвременья, того ужаснаго чернаго провала въ исторіи русской жизни, который именуется восьмидесятыми годами.

Собственно говоря, вся русская литература XIX-го вѣка была далека отъ настоящей жизнерадостности. Она не создала ни благодушной уравновѣшенности Диккенса, ни беззавѣтныхъ порывовъ Жоржъ-Сандъ. У насъ смѣхъ былъ сквозь слезы, у насъ порывы вѣры въ лучшее будущее обезкрыливались жалобами безнадежности. Да иначе и быть не могло: слишкомъ „горько прекословила" наша дѣйствительность тѣмъ представленіямъ о жизни, человѣкѣ и междучеловѣческихъ отношеніяхъ, какія слагались въ сознаніи лучшихъ представителей нашей культуры. Однако и законченныхъ пессимистовъ нѣтъ среди русскихъ писателей прошлаго столѣтія. Единственный, кого съ нѣкоторымъ правомъ можно было бы отнести въ эту категорію—Лермонтовъ. Но его дѣятельность насильственно оборвалась въ тотъ самый моментъ, когда онъ переживалъ серьезнѣйшій внутренній кризисъ и выходилъ, быть можетъ, на путь, имѣющій весьма мало общаго съ пессимизмомъ.

Отъ пессимизма спасала нашихъ художниковъ и мыслителей глубокая вѣра въ грядущее преображеніе русской жизни. Эта вѣра не разъ облекалась въ наивныя формы заимствованнаго схематизма; не разъ безпощадная дѣйствительность разоблачала несостоятельность этихъ формъ и грозила жестокими искушеніями самой вѣрѣ. Но каждый разъ русскій идеализмъ выходилъ изъ искушеній, какъ стойкій воинъ изъ неразсчетливо завязаннаго боя: разбитый, но не уничтоженный, оттѣсненный со старыхъ позицій, но не потерявшій знамени.

И снова собиралась рать вокругъ этого благороднаго знамени и, съ упорной вѣрой въ конечную побѣду, укрѣплялась на новыхъ позиціяхъ...

Либерализмъ эпохи Александра I кончилъ крушеніемъ своихъ мечтаній создать новую Россію „на обломкахъ самовластья" и „увидѣть народъ освобожденный". Но, сходя со сцены, онъ, устами Пушкина, привѣтствовалъ „младую жизнь", „племя младое, незнакомое", которое „переростетъ" Александровское поколѣніе. На смѣну разбитой арміи „либералистовъ" выступилъ идеализмъ сороковыхъ годовъ, иначе обосновывавшій свое міровоззрѣніе, опиравшійся на другіе авторитеты и догматы, но исполненный вначалѣ той же горячей вѣры въ непосредственную близость осуществленія своихъ идеаловъ. И опять „немногіе вернулись съ поля", и опять съ упованіемъ уступили мѣсто новому поколѣнію. Но люди сороковыхъ годовъ сошли въ сторонку съ гораздо болѣе глубокой душевной раной, чѣмъ ихъ предшественники: не съ бодрой вѣрой Пушкинскихъ напутствій, а съ тихой и кроткой резиньяціей Тургенева.

„Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы, — думаетъ Лаврецкій,—жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить... Вамъ надобно дѣло дѣлать, работать,—и благословеніе нашего брата-старика будетъ съ вами. А мнѣ... остается отдать вамъ послѣдній поклонъ,—и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!"

„Молодыя силы" не замедлили появиться на арену. Это были реалисты и народники шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, ставшіе во враждебное отношеніе къ идеалистамъ предшествовавшихъ поколѣній, но во многомъ имъ родственные: они жили той же горячей вѣрой, хотя и считали свои взгляды математически доказанными, крѣпко держались за свое апріорно выведенное міровоззрѣніе, до энтузіазма вдохновлялись надеждою на немедленное и полное торжество теоретическихъ нормъ надъ тяжкой дѣйствительностью. Они знали, что есть правда и что въ человѣческой власти осуществить эту правду въ жизни. Но жизнь готовила новое, жестокое разочарованіе.

Таковъ былъ взрывъ долго подавлявшихся надеждъ, что, по сравненію съ ними, достигнутое на практикѣ въ эпоху великихъ реформъ казалось нищенски убогимъ. Мало того: постепенное наростаніе реакціонной волны создало оптическій обманъ, подсказывавшій, что не произошло ровно никакого движенія впередъ, что вся энергія, весь общественный подъемъ пропали безрезультатно. Во всякомъ случаѣ препятствія къ достиженію всеобщаго благоденствія оказались гораздо болѣе серьезными, чѣмъ думалось: снести ихъ съ одного

маху было невозможно, требовалась долгая, упорная, черная работа. Но къ такой именно работѣ мало кто былъ подготовленъ. И вотъ, за великимъ подъемомъ послѣдовалъ великій упадокъ общественнаго настроенія. Прежде энтузіазмъ вѣры въ лучшее будущее вливалъ бодрость въ души, остро чувствовавшія ужасъ дѣйствительности. Даже индивидуальныя, интимныя бѣды казались только продуктомъ нелѣпости общихъ условій жизни, обреченнымъ на исчезновеніе вмѣстѣ съ этими условіями. Теперь тяжелыя впечатлѣнія дѣйствительности обличали, казалось, безсиліе и лживость всякихъ обнадеживающихъ теорій и перспективъ и расчищали дорогу скептицизму и безпринципности въ вопросахъ не только общественныхъ, но и личныхъ.

На восьмидесятые годы какъ разъ и падаетъ скептическая реакція противъ энтузіастической вѣры предыдущихъ поколѣній. Таковъ былъ упадокъ настроенія, что не только не раздавалось новаго вдохновеннаго слова, не только старыя слова обростали мхомъ забвенія, но и всякая попытка внести въ жизнь высшій смыслъ стала казаться либо неискренностью, либо наивной маниловщиной. Самый лексиконъ недавняго прошлаго казался ходульнымъ, и стыдно было имъ пользоваться. Ничего возвышеннаго въ жизни нѣтъ: она безсмысленна, груба и сѣра, и зачѣмъ навязывать ей то, чего въ ней нѣтъ? Зачѣмъ обманывать себя, закрывать глаза на правду, хотя бы и тоскливую?

Подъ вліяніемъ этой безнадежности жизнью дѣйствительно овладѣла скудость духа. Свѣтъ погасъ. Наступили „сумерки", повсюду бродили „хмурые люди". Повседневность шла своимъ чередомъ. Люди заводили семьи или прелюбодѣйствовали, занимались наукою или кутили, наживали деньги или проживали послѣднее достояніе. Но всѣ поступки оторвались отъ глубокаго корня абсолютныхъ расцѣнокъ,— этическихъ или соціальныхъ, — стали безразличны, случайны. Люди просто шли по линіи наименьшаго сопротивленія, пассивно, безъ отчетливыхъ цѣлей, безъ сознательной борьбы, и потому не очень радовались достигнутому, не сильно отчаявались при неудачѣ. Въ сущности, все было все-равно—скучно. Конечно, лишь совсѣмъ убогія личности удовлетворялись, исчерпывались этимъ раздробленнымъ существованіемъ изо дня въ день. Другія болѣзненно ощущали, что вынута изъ жизни соль и что стала жизнь прѣсною и безвкусною. Наростало мучительное желаніе вырваться изъ этого заколдованнаго круга безсмыслицы и скуки. Но какъ вырваться? Куда пойти? На этотъ вопросъ отвѣта не было, и порывъ размѣнивался либо на безнадежный плачъ надъ собственнымъ безсиліемъ, либо на новую серію случайныхъ, судорожныхъ поступковъ, дававшихъ, въ концѣ концовъ, только поводъ къ новому потоку жалобъ и самообличеній.

Вотъ та психологическая атмосфера, въ которой сложились и личность, и творчество Чехова, поэта сумерекъ и хмурыхъ людей, автора „Трехъ сестеръ" и „Вишневаго сада". Такъ, по крайней мѣрѣ, понималъ эту атмосферу и отражалъ въ своемъ творчествѣ самъ Чеховъ.

Нищей, грубой, вырождающейся рисуетъ онъ русскую деревню всякій разъ, какъ о ней упоминаетъ, особенно въ „Мужикахъ", или въ монологѣ доктора Астрова: „Мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе непосильной борьбы за существованіе; это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, инстинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано еще ничего".

Не утѣшительнѣе и картина городской Россіи. „Во всемъ городѣ ни одного честнаго человѣка!—негодуетъ герой „Моей жизни".— Эти ваши дома—проклятыя гнѣзда, въ которыхъ сживаютъ со свѣта матерей, дочерей, мучаютъ дѣтей... Нужно одурять себя водкой, картами, сплетнями, надо подличать, ханжить или десятки лѣтъ чертить и чертить, чтобы не замѣчать всего ужаса, который прячется въ этихъ домахъ. Городъ нашъ существуетъ уже сотни лѣтъ и за все это время не далъ родинѣ ни одного полезнаго человѣка". Почти буквально то же самое повторяетъ Андрей въ „Трехъ сестрахъ": „городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... и чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей...".

И вѣдь эти тирады—не только плодъ потрясенной психики тѣхъ, кто ихъ произноситъ: въ нихъ просто дается готовое обобщеніе конкретныхъ фактовъ, которыми переполнены произведенія Чехова.

Столь же обильно, если даже не обильнѣе еще, иллюстрируется разсказами и драмами Чехова суровый приговоръ надъ интеллигенціей, произнесенный имъ въ письмѣ къ И. И. Орлову: „Вся интеллигенція виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки—это честный, хорошій народъ, это надежда наша, это будущее Россіи; но стоитъ только студентамъ и курсисткамъ выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, какъ и надежда наша, и будущее Россіи

обращается въ дымъ, и остаются на фильтрѣ одни доктора дачевладѣльцы, несытые чиновники, ворующіе инженеры. Вспомните, что Катковъ, Побѣдоносцевъ, Вышнеградскій—это питомцы университетовъ, это наши профессора, отнюдь не бурбоны, а профессора, свѣтила... Я не вѣрю въ нашу интеллигенцію, лицемѣрную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лѣнивую"... Или вотъ еще строки, вызванныя смертью Салтыкова: „Это была крѣпкая, сильная голова. Тотъ сволочной духъ, который живетъ въ мелкомъ, измошенничавшемся душевно русскомъ интеллигентѣ средняго пошиба, потерялъ въ немъ своего самаго упорнаго и назойливаго врага".

Процессъ массоваго растлѣнія и вырожденія выступалъ на первый планъ въ сознаніи Чеховскаго поколѣнія, и это сознаніе, смѣнивъ вчерашнія надежды на близкое пришествіе разумной и просторной жизни, легло тяжелымъ, гнетущимъ и уродующимъ камнемъ на индивидуальную психику. Вчера рѣчь шла о томъ, чтобы поднять жизнь до уровня извѣстныхъ идеальныхъ требованій. Сегодня стало ясно, что жизнь не поднимается, а наоборотъ—принижаетъ до своего уровня идеалистически настроенную личность. Стало ясно, что идеалистическія построенія никого и ничего не спасаютъ, даже самихъ проповѣдниковъ, что подъ прикрытіемъ энтузіастическихъ и прекраснодушныхъ разговоровъ всеобщее растлѣніе отлично производитъ свою разрушительную работу и вокругъ идеалистовъ, и въ нихъ самихъ.

— Русскому человѣку—говоритъ Вершининъ—въ высшей степени свойственен возвышенный образъ мыслей, но скажите, почему въ жизни онъ хватаетъ такъ невысоко? Почему? Почему онъ съ дѣтьми замучился, съ женой замучился? А почему жена и дѣти съ нимъ замучились?..

Для оправданія идеалистическихъ упованій нужны были не красивыя слова, давно уже усвоенныя и успѣвшія обветшать, а конкретныя дѣла; нужно было, чтобы одушевленіе прогрессиста на практикѣ скрестило шпагу съ безсмысленной дубиной вырожденія и заставило эту слѣпую силу попятиться хоть на пядь. На самомъ же дѣлѣ милые, добродушные Гаевы говорили превыспреннія рѣчи о прогрессѣ книжнымъ шкафамъ и трактирнымъ половымъ, а сами немощно пятились и экономически, и психологически передъ желѣзной поступью неумолимаго гиганта, сметавшаго съ лица земли наслѣдіе прежнихъ культурныхъ поколѣній. Безсиліе прежнихъ вѣрованій демонстрировалось нагляднѣйшимъ образомъ, а новой вѣры, новаго смысла жизни не было.

— Помогите,—кричитъ извѣрившаяся въ жизни и въ себѣ Катя профессору въ „Скучной исторіи",—не могу я дольше! Говорите же: что мнѣ дѣлать?

— По совѣсти, Катя: не знаю... Давай, Катя, завтракать...

„Мыслящій человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода,—философствуетъ докторъ „Палаты № 6“:—хочетъ онъ узнать смыслъ жизни и цѣль своего существованія,—ему не говорятъ, или же говорятъ нелѣпости“...

Такими „нелѣпостями“ оказываются для Чеховскихъ героевъ всѣ идеи, религіозныя и соціальныя, въ которыя вѣровало когда-то человѣчество, которыя вдохновляли когда-то людей на борьбу и двигали исторіей. Но теперь дѣйственная сила идей потухла. Да оно и понятно: вѣдь идеи сами по себѣ ничего не творятъ, онѣ только организуютъ накопившійся въ обществѣ запасъ творческихъ силъ и направляютъ его къ опредѣленной цѣли. А къ восьмидесятымъ годамъ весь этотъ запасъ былъ у насъ израсходованъ; воцарились усталость и равнодушіе. А „равнодушіе,—говоритъ Чеховъ,—это параличъ души, преждевременная смерть“. И вся эпопея русской жизни восьмидесятыхъ годовъ, созданная Чеховымъ, есть сплошной жалобный стонъ „преждевременно умирающихъ“.

Какъ всѣмъ преждевременно умирающимъ, имъ не хотѣлось разставаться съ жизнью. Подобно „тремъ сестрамъ“, рвавшимся въ Москву, они ждали еще какой-то хорошей, чистой, осмысленной жизни, но на всѣ ихъ порывы ложилась обезображивающая тѣнь тлѣнія, рокового распада. Ихъ дѣла, ихъ любовь, ихъ мечты—все было заклеймлено печатью внутренняго безсилія, безнадежной тщетности.

Имъ не хотѣлось умирать, но они были обречены. Стихійный историческій процессъ „мѣнялъ хозяевъ въ нашей сторонѣ“, выметалъ изъ жизни прежній психологическій типъ и властно требовалъ нарожденія новыхъ людей, — быть-можетъ не столь утонченныхъ, какъ свѣтила прежнихъ поколѣній, но за то обладающихъ бо̀льшимъ чувствомъ дѣйствительности, бо̀льшимъ интересомъ къ примитивной, черной работѣ, большей способностью къ ней, бо̀льшимъ соотвѣтствіемъ между порывами и силами.

Нарожденіе этого новаго типа и предвѣстіе новой жизни начало на самомъ рубежѣ двухъ столѣтій привлекать вниманіе Чехова. „Движеніе есть, но оно, какъ движеніе земли вокругъ солнца, невидимо для насъ“,—писалъ онъ въ 1900 г. Ѳ. Д. Батюшкову. А за годъ передъ тѣмъ, въ письмѣ къ И. И. Орлову, выражался еще опредѣленнѣе: „что бы тамъ ни было, наука все подвигается впередъ и впередъ, общественное самосознаніе наростаетъ, нравственные вопросы начинаютъ пріобрѣтать безпокойный характеръ, и т. д., и т. д.“.

Но это новое наростаніе творческихъ, зиждительныхъ силъ обозначилось только въ послѣдніе годы жизни Чехова. До тѣхъ же поръ онъ почти два десятилѣтія внимательно вглядывался въ русскую жизнь

и не могъ открыть въ ней ничего кромѣ повальнаго распада. Это удручающее зрѣлище вырвало изъ Чеховскаго лексикона всѣ утѣшающія и обнадеживающія слова, заставило его выбросить изъ его художественнаго арсенала всѣ примиряющіе съ жизнью образы и символы. Неумолимая правдивость, неподкупная честность мысли приводила Чехова къ заключенію, что всякое обнадеживаніе было бы ложью—по крайней мѣрѣ, для его поколѣнія, взятаго въ цѣломъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что это поколѣніе сойдетъ съ исторической арены „безъ шума и слѣда", и память его порастетъ травой забвенья. „Насъ не будутъ помнить. Забудутъ",—говоритъ Маша въ „Трехъ сестрахъ".—„Да, забудутъ,—подтверждаетъ Вершининъ,—такова ужъ судьба наша, ничего не подѣлаешь..." „Мы уйдемъ навѣки,—тоскуетъ Ольга,—насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было"... Страшная, ничѣмъ не покрываемая горечь была въ этой мысли о безцѣльности существованія и о неизбѣжномъ забвеніи, и потому, когда Чеховъ въ личномъ общеніи съ людьми наталкивался на эту тему, то сейчасъ же спѣшилъ бойкой шуткой отвести и себя, и своего собесѣдника отъ обнаженной безутѣшности... „Мысли о нашемъ безсиліи—пишетъ онъ И. Л. Щеглову—приходили и мнѣ въ голову. Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивыя птицы и поемъ хорошо, но мы не орлы. Впрочемъ, все это вздоръ. Покуксимъ объ этомъ при свиданіи, когда будемъ рикикикать у Палкина". А лѣтъ за пять до своей кончины Чеховъ говорилъ И. А. Бунину: „Читать меня будутъ только семь лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ"...

Чеховъ близко подошелъ къ тому состоянію, когда уныніе и пессимизмъ празднуютъ побѣду надъ духомъ человѣческимъ. Но отъ окончательнаго пораженія его спасло то же самое, что спасало и всѣхъ измучившихся предшественниковъ его: сознаніе, что смыслъ жизни раскрывается не въ тѣсныхъ рамкахъ личнаго бытія, даже не въ участи цѣлаго поколѣнія, а въ томъ единомъ, огромномъ процессѣ, который катится могучей волной черезъ поколѣнія и вѣка. Въ неизсякаемую творческую силу этого процесса Чеховъ въ глубинѣ души вѣрилъ, но не могъ исповѣдывать своей вѣры, не обладалъ пророческимъ жаромъ, чтобы передать ее своимъ современникамъ, не думалъ, что въ душѣ восьмидесятника можно пробудить ту гамму настроеній, тотъ подъемъ, который заставилъ бы сотворить дѣла достойныя покаянія, радостно понести жертвы къ алтарю невѣдомаго Бога грядущей преображенной жизни и въ этомъ служеніи очиститься отъ скверны праздности, унынія и празднословія.

Русская дѣйствительность, и общественная, и индивидуальная,

страждетъ во прахѣ, вопіетъ о помощи, требуетъ бодрой силы, которая подняла бы ее—а мы, въ лучшемъ случаѣ, красивыя птицы, но не орлы. Въ этомъ сознаніи есть не только чувство горечи, но и вины,—пусть невольной, но гнетущей совѣсть. И чувство виновности начинаетъ озарять свѣтомъ какого-то высшаго смысла мрачную картину зла и страданія, царящихъ въ жизни. Эти бѣдныя сестры, эта кроткая, беззащитная Соня, эта задыхающаяся въ смрадѣ деревня, все это—неизбѣжная расплата за грѣхи отцовъ, унаслѣдованные и нами. Жестокій урокъ безпощадной исторіи неразумнымъ хозяевамъ жизни, грозный окрикъ: „посторонитесь!"—тѣмъ, кто закоренѣлъ въ своемъ неразумѣніи воли времени.

Письма Чехова ясно показываютъ, что онъ не изъ одного только ригоризма или безцѣльнаго обличительства заставлялъ своихъ современниковъ признаваться въ банкротствѣ. Онъ утверждалъ, что самомнѣніе или всезнайство слишкомъ долго и безапеляціонно распоряжались жизнью и людьми и ихъ уродовали. Пора признать, что жизнь мудрѣе насъ и что, избавленная отъ гнета всевозможныхъ теорій—бюрократическихъ и интеллигентскихъ, — она сама выйдетъ на путь здороваго развитія.

„Мы не будемъ шарлатанить,—пишетъ онъ И. Л. Щеглову,—и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны". „*Норма мнѣ неизвѣстна*,—читаемъ въ письмѣ къ А. Н. Плещееву,—*какъ неизвѣстна никому изъ насъ*. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людьми посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта — *абсолютная свобода человѣка*, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, чорта, свобода отъ страстей и т. д."...

Стремленіе освободить людей и жизнь отъ всего ихъ обезображивающаго, отъ всего надуманнаго и искусственнаго, стремленіе дать просторъ глубиннымъ, истиннымъ голосамъ души и жизни и прислушаться къ нимъ,—вотъ то положительное, что̀ лежитъ въ основѣ всего творчества Чехова, казавшагося на первый взглядъ „нытикомъ".

Во имя лучшаго будущаго онъ былъ безпощаденъ къ тому, что̀ засоряло чистые источники жизни, и звалъ свое поколѣніе къ непоказному, грустному подвигу самообузданія и терпѣнія, самоотреченія и чернаго труда. Чеховъ понималъ, что восьмидесятникамъ не по силамъ было насаждать благоденствіе въ широкомъ масштабѣ, что не дано имъ насладиться и личнымъ счастьемъ. И онъ развѣнчивалъ все, что̀ влекло въ эту недоступную сторону, показывая, что всякій порывъ къ непосильному размаху приводитъ на практикѣ только къ новому засоренію жизни. Восьмидесятнику приходилось заботиться о

томъ, какъ бы устоять на ногахъ среди всеобщей разрухи и не помочь ей неосторожнымъ движеніемъ. Неумолимо-правдивымъ зеркаломъ, какъ совѣсть, стояло творчество Чехова передъ людьми восьмидесятыхъ годовъ, и если не исцѣлило болѣзни времени, то сдѣлало ее менѣе заразительной для слѣдующаго поколѣнія.

Но, суровый къ самонадѣяннымъ и упорнымъ, продолжавшимъ засорять жизнь, Чеховъ былъ матерински нѣженъ къ тихимъ и скорбнымъ душамъ, къ благоуханнымъ цвѣтамъ, рожденнымъ для лучшихъ временъ, но застигнутымъ злымъ туманомъ восьмидесятыхъ годовъ. Съ безконечной ласковостью сердца, просвѣтленнаго, а не сломленнаго страданіемъ, склонялся онъ надъ ихъ изголовьемъ и въ пророческомъ ясновидѣніи скорбящаго духа самую муку обреченныхъ превращалъ въ неложный залогъ грядущаго немеркнущаго свѣта. „Блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся“...

„Что же дѣлать, надо жить! Мы будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя; а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами, и мы увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастія оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ... Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, все наше страданіе потонетъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка... Бѣдный, бѣдный, ты плачешь... Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, погоди... Мы отдохнемъ... Мы отдохнемъ“...

Прошло немного времени послѣ того какъ кроткая, изстрадавшаяся Соня убаюкивала этой заоблачной мечтой больную душу дяди Вани—и отрѣшенная отъ земныхъ условій сказка объ искупленіи и примиреніи стала уже казаться далекой, правда, но все же земной возможностью.

„Насъ забудутъ, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ, и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь. О, милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Еслибы знать, еслибы знать!..“

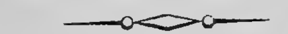
Проходитъ еще годъ, и заря разгарается такъ ярко, что надежда

на искупленіе превращается уже въ увѣренность. Воочію видятъ теперь обреченные, зачѣмъ они жили, зачѣмъ страдали. Новая жизнь идетъ, она уже почти пришла. „Нынѣ отпущаеши!"—вырывается изъ изстрадавшейся, уже умирающей груди, и свѣтлая слеза умиленія дрожитъ въ примиряющихъ аккордахъ „Вишневаго Сада"—заупокойной мессы въ память восьмидесятыхъ годовъ. На смѣну угасающей жизни идетъ „племя младое, незнакомое", полное того творческаго порыва, который возвращаетъ дѣйственную силу „нелѣпостямъ" и превращаетъ человѣка изъ пассивной жертвы въ активнаго зиждителя жизни.

„Вишневый садъ уже проданъ, его уже нѣтъ, это правда, правда, но не плачь, мама... Пойдемъ со мною, пойдемъ, милая, отсюда, пойдемъ!.. Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама! Пойдемъ, милая! Пойдемъ!.."

Этотъ реквіемъ былъ реквіемъ и самого Чехова. Но въ тотъ моментъ, когда духъ художника покидалъ землю, на нее уже нисходила и вновь воплощалась святая, вѣчная тайна жизни безконечной. Опять загоралось надъ Россіей усыпанное алмазами небо вѣры въ правду жизни, въ искупительную силу человѣческаго страданія и въ зиждительную силу человѣческаго труда...

С. Адріановъ.

НОВАЯ И СТАРАЯ ТУРЦІЯ.

(Письмо изъ Константинополя.)

Борьба, которую новая Турція ведетъ противъ старой, ограничивается пока областью государственно-политической. Молодая Турція вполнѣ сознательно удерживаетъ движеніе въ этихъ узкихъ рамкахъ, полагая, что утвержденіе конституціи и реформа государственнаго управленія составляютъ ближайшую очередную задачу, ради разрѣшенія которой можно и должно отказаться отъ ряда требованій, подсказываемыхъ европейскою мыслью.

— Мы новаторы,—приходилось мнѣ не разъ слышать здѣсь,—но новаторы въ извѣстныхъ границахъ. Здравый практическій разсчетъ заставляетъ насъ ограничивать область, подлежащую немедленной сломкѣ, и бережно относиться къ народнымъ вѣрованіямъ, обычаямъ,

традиціямъ и даже вкусамъ. Иначе мы оторвемся отъ массъ и потеряемъ значеніе въ странѣ. Поэтому-то, создавая новыя государственныя формы, мы заботимся о томъ, чтобы связать ихъ съ основнымъ нашимъ закономъ—шаріатомъ, съ древнѣйшей традиціей. Мы, слѣдовательно, и новаторы и консерваторы въ одно то же время, и эта двойственность наша гарантируетъ намъ и возможность прогресса, и связь съ мусульманскимъ населеніемъ, т.-е. государственное единство и силу.

Съузивъ такимъ образомъ область борьбы съ старой Турціей, молодая Турція, въ установленныхъ ею границахъ, дѣйствуетъ съ величайшей твердостью, а въ послѣднее время—и съ большой энергіей. Походъ румелійской арміи на Константинополь—явленіе, не имѣющее прецедентовъ въ исторіи европейскихъ революцій. Низложеніе Абдулъ-Гамида, чистка всего безъ исключенія административнаго персонала, осадное положеніе и военные суды—доказываютъ, что у молодой Турціи нѣтъ недостатка въ смѣлости и умѣньѣ защищать свое дѣло. Сравнительно небольшое число казней, длительная и добросовѣстная слѣдственная процедура, предшествующая судебному приговору, большое число освобождаемыхъ военными судами „реакціонеровъ“ — свидѣтельствуютъ о нѣкоторой умѣренности побѣдителей, объ отсутствіи жестокости и кровожадности.

Въ такомъ способѣ дѣйствій видна система, продуманность мысли, большая политическая зрѣлость, умѣнье сообразоваться съ условіями времени и мѣста. Сравнивая побѣдоносную младотурецкую революцію съ нашимъ русскимъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ, мы не можемъ назвать ихъ иначе, какъ антиподами. Мы въ Россіи поставили широкія цѣли, намѣтили реформы, проникающія въ самую глубину соціальной жизни. За нашимъ движеніемъ стоялъ громадный идейный подъемъ—экстазъ мысли, захватившій не только общественные верхи, но и народныя массы. Мы не ограничивали сферу борьбы и творчества политическими формами, но хотѣли приблизить всю жизнь къ широко и свободно задуманнымъ общественнымъ идеаламъ. Но въ то же время мы не съумѣли или не имѣли возможности объединиться, овладѣть государственнымъ механизмомъ, создать для себя матеріальную силу. Мы изошли кровью во взаимныхъ раздорахъ и въ борьбѣ противоположныхъ общественныхъ интересовъ — и тѣмъ широко открыли дверь передъ реакціей.

Этому идейному богатству, матеріальному безсилію и недисциплинированности нашего стихійнаго движенія противостоятъ здѣсь извѣстная духовная, отчасти преднамѣренная, скудость, большая матеріальная сила и методичность, позволяющія успѣшно сдѣлать сравнительно небольшое, но жизненно-необходимое дѣло.

Передъ нами, такимъ образомъ, особый и своеобразный типъ движенія, выяснить причины и возможныя послѣдствія котораго представляется мнѣ далеко не безъинтереснымъ.

Въ то время какъ русское движеніе послѣднихъ лѣтъ назрѣвало одновременно и въ среднихъ общественныхъ классахъ, и въ интеллигенціи, и въ народныхъ массахъ, опираясь одновременно и на классовые интересы, не находившіе при старомъ режимѣ достаточнаго признанія и удовлетворенія, и на соображенія государственной пользы, и на стремленія свободной и развитой человѣческой личности,—здѣсь, въ Турціи, центръ тяжести движенія лежалъ въ образованномъ, европеизированномъ чиновничествѣ и офицерствѣ и питался преимущественно мыслью о томъ, что абсолютизмъ ведетъ имперію къ расчлененію и, можетъ быть, къ полной гибели.

Конституціонное движеніе 70-хъ годовъ, во главѣ котораго стоялъ Митхадъ-паша, возникло въ правящихъ сферахъ и имѣло очень неглубокіе корни въ обществѣ, не проникая въ народъ. Въ теченіе тридцатилѣтняго Абдулъ-Гамидовскаго царствованія младотурецкое движеніе охватывало все болѣе и болѣе широкіе круги общества, но весьма позволительно сомнѣваться, было ли среди многочисленной заграничной эмиграціи и въ ссылкѣ, т.-е. среди жертвъ движенія, болѣе десятка простолюдиновъ.

Турецкій простолюдинъ, конечно, страдалъ отъ того очевиднаго ущерба, который терпѣло мусульманское государство, терявшее одну за другой свои европейскія провинціи. Но, озлобляясь противъ европейцевъ и христіанъ, безостановочно работавшихъ надъ разложеніемъ имперіи падишаха и калифа, мусульманское простонародье и его мысль скорѣе шли по линіи погромовъ, чѣмъ по линіи конституціонныхъ реформъ. Только культурные элементы страны, не чуждые пониманія ея политическаго и международнаго положенія, пришли постепенно къ убѣжденію, что ни игра на противоположность интересовъ великихъ державъ, ни терроризація бунтующихъ инородцевъ,—не спасутъ Турцію отъ расчлененія. Просвѣщенный патріотизмъ былъ движущей пружиной младотурецкой революціи, цѣлью ея — государство современнаго типа, конституціонное, съ сильнымъ центральнымъ правительствомъ, послушнымъ и усовершенствованнымъ административнымъ механизмомъ, государство, опирающееся на крѣпкую и технически образованную армію, на упорядоченные финансы, способное противопоставить силу закона и меча разрывавшимъ страну внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ ея.

Чѣмъ дольше царствовалъ Абдулъ-Гамидъ, заботившійся прежде

всего о сохраненіи любой цѣною своей власти, тѣмъ становилось очевиднѣе, что абсолютизмъ, эксплуатируемый сворою прожорливой и невѣжественной дворцовой челяди, не обладаетъ моральными силами, необходимыми для защиты и возрожденія государства. Поэтому конституціонная идея дѣлала все болѣе и болѣе быстрые успѣхи въ рядахъ молодого чиновничества и офицерства, — особенно въ Македоніи, являвшейся театромъ ожесточенной междуплеменной борьбы и европейскаго контроля. И такъ какъ всѣ культурные турецкіе элементы обязательно несутъ или гражданскую, или военную службу, то переходъ арміи и провинціальной румелійской администраціи на сторону революціи явился неизбѣжнымъ результатомъ хода вещей.

Конституціонное теченіе турецкой мысли, обусловленное пламеннымъ турецкимъ патріотизмомъ, какъ само по себѣ, такъ и по своему источнику не было ни анти-національнымъ, ни антимусульманскимъ. Турецкая патріотическая мысль осторожно и съ выборомъ ассимилировала элементы западной культуры, отдавая предпочтеніе ея матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ, а не духовнымъ.

Выгоды и достоинства прекрасной администраціи, военнаго искусства, развитой техники были оцѣнены очень скоро и не вызывали споровъ. Не даромъ даже Абдулъ-Гамидъ приглашалъ нѣмецкихъ инструкторовъ въ армію и строилъ желѣзныя дороги. Европейскіе нравы, европейская мораль и философія усвоивались съ гораздо бо́льшимъ трудомъ и меньшимъ единодушіемъ. Въ половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка въ младотурецкихъ эмигрантскихъ кругахъ назрѣлъ расколъ, поводомъ для котораго послужилъ „позитивизмъ“ Ахметъ-Ризы и нѣкоторыхъ его друзей, возбудившій негодованіе тогдашняго младотурецкаго вождя Мурада-бея и побудившій его вернуться къ старотуркамъ. Если скромный позитивизмъ Ахметъ-Ризы, не помѣшавшій ему написать двѣ книги въ защиту и прославленіе исламической культуры, могъ явиться поводомъ для раздоровъ среди младотурокъ, то что же говорить о массахъ? Въ турецкихъ массахъ самостоятельные и сильные корни имѣетъ только шаріатъ, религіозный законъ. Онѣ становились на сторону конституціи лишь тогда, когда удавалось внушить имъ, что пророкъ былъ первымъ конституціоналистомъ, и поднимали знамя мятежа, какъ 31-го марта—когда ходжамъ и улемамъ удавалось убѣдить ихъ, что младотурки уклоняются отъ шаріата.

Здѣсь-то и должно видѣть объясненіе указаннаго мною выше характера младотурецкаго движенія. Культурный, европеизированный хотя отчасти слой въ Турціи до чрезвычайности тонокъ. Какъ таковой, онъ совершенно неспособенъ выполнить съ открытымъ лицомъ свою обновительную миссію. Онъ долженъ носить вуаль на своемъ слегка европеизированномъ лицѣ, прикрываться шаріатомъ, не идти въ

разрѣзъ не только съ вѣрованіями, но и съ бытомъ. Онъ долженъ для своего дѣла использовать нравственный авторитетъ калифа и падишаха, и, слѣдовательно, установить съ нимъ сердечныя отношенія. Онъ долженъ, наконецъ, захватить въ свои руки административный механизмъ, усовершенствовать его, взять анархизированную страну въ сильныя руки, и затѣмъ ждать, чтобы историческій процессъ постепенно и незамѣтно расшаталъ устои архаическаго быта и установилъ соотвѣтствіе между жизнью массъ и той культурной государственной формой, которая создана въ новой Турціи усиліями ея малочисленной интеллигенціи.

Однимъ изъ выраженій стремленія младотурокъ не порывать съ бытомъ, съ мусульманской культурой, съ ея традиціей, является ихъ отношеніе къ затворничеству женщинъ.

— Если я женюсь,— говорилъ мнѣ недавно одинъ младотурецкій офицеръ,—я женюсь на европейской женщинѣ.

И въ объясненіе привелъ два рода причинъ.

— Женясь на турчанкѣ, надо дать ей приданое. Изъ чѣмъ лучшаго дома берешь жену, — тѣмъ крупнѣе приданое. Для человѣка небогатаго, въ теперешнее трудное время, это можетъ оказаться не по силамъ. А съ другой стороны,—что же я получу взамѣнъ? Можетъ быть лилію, а можетъ быть репейникъ! Вѣдь жениться надо за глаза, зная о будущей женѣ со словъ матери, сестры... Что же я могу узнать о ней? Видѣть, познакомиться, выбрать по вкусу, подружиться—нельзя... А то случится, что еще и обманутъ, подсунутъ не ту, которую, хотя и заглазно, сваталъ. Нѣтъ, для насъ нѣтъ другого выхода, какъ жениться въ Европѣ, или хотя и здѣсь, но на христіанкѣ. Хотя здѣсь это нелегко.

Это столкновеніе психіи европеизированнаго турка, въ которомъ развились и окрѣпли общечеловѣческіе запросы и желаніе имѣть въ женѣ друга-товарища и нравящуюся женщину, съ восточной традиціей, требующей обособленности женщинъ, вполнѣ естественно и неизбѣжно. Чѣмъ культурнѣе будетъ становиться турецкое общество, тѣмъ чаще и рѣзче будутъ случаи этого столкновенія, и младотуркамъ, казалось, слѣдовало бы по-крайней мѣрѣ не усиливать женскаго затворничества, чтобы не идти противъ собственныхъ интересовъ съ одной стороны, противъ неизбѣжнаго процесса женскаго раскрѣпощенія—съ другой.

Но это значило бы поднять противъ себя массы и дать въ руки врагамъ новаго строя могущественное оружіе. Немедленно послѣ революціи 24-го іюля реакціонеры всякаго рода подняли тревогу.

— Младотурки хотятъ уничтожить гаремы и раскрыть женщинамъ лица. —

Чтобы конкретизировать обвиненіе, нашли въ Константинополѣ нѣсколькихъ женщинъ, которыя за деньги согласились отправиться въ обществѣ матросовъ въ таверну и угощаться тамъ, сидя съ раскрытыми лицами. Факты эти затѣмъ раздувались въ листкахъ и черезъ агитаторовъ—и вызвали дѣйствительную смуту. Младо-турецкій комитетъ увидѣлъ себя вынужденнымъ принять энергичныя мѣры противъ уклоненія женщинъ отъ освященнаго обычая. При старомъ режимѣ великій визирь обыкновенно разъ въ годъ обращался къ женщинамъ съ напоминаніемъ, что онѣ должны скрывать свое лицо, твердо придерживаться обычнаго покроя женскаго платья, маскирующаго формы, и не измѣнять его небольшими передѣлками, приближающими его къ европейскому костюму. Со времени возстановленія конституціи такихъ правительственныхъ напоминаній выпущено пять, изъ которыхъ два опубликованы послѣ подавленія мятежа 31-го марта, и послѣднее по времени составлено въ необычно суровыхъ выраженіяхъ. Оно заканчивается предупрежденіемъ, что всѣмъ полицейскимъ властямъ предписано привлекать ослушницъ къ законной отвѣтственности, составляя протоколы.

Что это такое? Малодушіе—или мудрая политика? Выраженіе внутренней моральной слабости партіи, обладающей всею полнотой государственной власти—или осуществленіе плана спокойной и планомѣрной реорганизаціи страны, исключающей грубую ломку вѣковыхъ обычаевъ? Какъ бы мы ни отвѣтили на этотъ вопросъ, несомнѣнно, что мѣры эти идутъ въ разрѣзъ съ освободительнымъ теченіемъ, прокладывающимъ себѣ русло въ стоячемъ болотѣ гаремной жизни.

Эту жизнь окружаетъ тайна, и иностранцу тѣмъ болѣе трудно составить себѣ представленіе о духовной жизни турецкой затворницы. Однако, на основаніи кое-какихъ фактовъ и кое-какихъ сообщеній мужчинъ, можно придти къ заключенію, что революція всколыхнула и турецкую женщину. До сихъ поръ она жила совершенно отдѣльной отъ мужа жизнью. Мужъ проводилъ обыкновенно весь день внѣ дома, на службѣ, въ кафе, приходя къ себѣ только ночевать. У женщины не было, такимъ образомъ, не только общественной жизни, но и семьи. Женскій бунтъ, какъ говорятъ, начался съ того, что мужьямъ начали все чаще предъявлять требованіе обѣдать дома и проводить дома же свободное время. Конечно, это очень скромная революція. Но дѣло не въ содержаніи: дѣло въ самомъ фактѣ недовольства женщины и въ томъ, что, выходя изъ тупой покорности волѣ мужа, она начи-

наетъ предъявлять ему извѣстные запросы и мѣнять установившійся распорядокъ жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить того упорства, съ какимъ женщина, не смотря на усиленныя правительственныя напоминанія, продолжаетъ раскрываться. На Принкипо, гдѣ я живу, турокъ немного, семей пятьдесятъ. Но всѣ безусловно турецкія женщины смѣнили черный мѣшокъ и густое черное покрывало на свѣтлый широкій халатъ и бѣлую легкую вуаль, окутывающую голову, оставляя открытымъ лицо. Точно такъ же одѣваются онѣ въ большинствѣ дачныхъ мѣстностей, пользуясь сельской свободой. Въ Стамбулѣ, гдѣ уклоненіе отъ обычая можетъ повлечь за собой непріятности со стороны простонародья, традиціонный костюмъ соблюдается строже,—но не подлежитъ сомнѣнію, что это дѣлается лишь страха ради, а не по внутреннему убѣжденію.

Въ женскомъ мірѣ назрѣваетъ своя, женская революція, революція культурная, слабые ростки которой топчутся младотурецкимъ правительствомъ. Это ли не трагедія?

Но какъ бы усиленно ни стремились младотурки избѣжать обвиненія въ измѣнѣ священнымъ преданіямъ старины, имъ никогда не удастся удовлетворить старую Турцію. Старая Турція чутка и чувствительна къ малѣйшимъ уклоненіямъ отъ завѣтовъ прошлаго, ко всякой, хотя бы ничтожной ломкѣ установившихся формъ быта.

Начнемъ съ внѣшности. Головной уборъ—феска—для турка обязателенъ. Надѣвшій шляпу будетъ убитъ. Какъ только узнаютъ—такъ тутъ же на улицѣ нападутъ и разорвутъ на части. Когда 31 марта—1-го апрѣля рядъ младотурецкихъ дѣятелей принужденъ былъ спасаться, многимъ предлагали надѣть шляпу и скрыться подъ видомъ европейцевъ.

— Шляпу? Что вы говорите! Это значило бы идти на вѣрную смерть,—отвѣтилъ одинъ мнѣ знакомый младотурецкій депутатъ.

Въ эти же смутные дни, когда придавленный къ землѣ старотурецкій духъ поднялъ голову, солдаты, преимущественно солдаты морской пѣхоты, срывали съ европеизированныхъ турокъ воротнички—позаимствованные у европейцевъ,—вечеромъ врывались въ театры—позаимствованные у европейцевъ,—и прекращали представленія; выгоняли изъ кафе играющихъ въ карты, а не въ кости — такъ какъ карты—европейская выдумка.

Можно, конечно, сказать, что мы имѣемъ здѣсь выраженіе той примитивной дикости, которую мы встрѣчаемъ повсюду на низкой ступени культурнаго развитія. Но дикость дикостью — а дѣло въ томъ,

что ея опорою является шаріатъ. Турція — теократическое государство: ея нравы, бытъ, государственныя формы, правовыя и гражданскія отношенія — все нормировано священнымъ закономъ, покоится на религіозной основѣ. Въ теченіе всего XIX-го вѣка Европа расшатывала власть шаріата, и подъ ея давленіемъ послѣдніе султаны съузили сферу его примѣненія и вліянія. Возникъ рядъ институтовъ, духовнымъ закономъ не предусмотрѣнныхъ; въ дѣйствіе вошли свѣтскіе кодексы—коммерческій, уголовный и др. Но эти ограниченія силы мусульманскаго закона неглубоки; дѣло обмірщенія государственнаго строя, а тѣмъ болѣе—быта, только еще начато. Младотуркамъ, волей-неволей, придется проломить еще не одну брешь въ старой стѣнѣ, отдѣляющей мусульманскій міръ отъ Европы, и эта реформаторская дѣятельность ихъ встрѣтитъ ожесточенное сопротивленіе уже не одной „дикой черни", а вмѣстѣ съ тѣмъ вызоветъ обвиненіе въ „измѣнѣ" со стороны блюстителей священнаго закона.

Такъ напр., въ настоящее время на очередь выдвигается вопросъ юридическаго характера, который несомнѣнно подниметъ бурю въ мусульманскомъ мірѣ. Я имѣю въ виду вопросъ о правахъ юридическихъ лицъ. Мусульманское право не знаетъ понятія о юридическомъ лицѣ, и коллективы здѣсь поэтому не обладаютъ гражданскими правами. Этотъ дефектъ ощущался давно, но къ несчастью толкованіе, а слѣдовательно и дальнѣйшее развитіе шаріата и вытекающаго изъ него гражданскаго права „закрыто", начиная съ XI-го вѣка. Мусульманскіе государствовѣды и юристы поставлены были передъ необходимостью придать всѣмъ коллективнымъ владѣніямъ форму владѣній личныхъ. Государственныя земли превратились номинально въ землю султана. Титулъ верховнаго собственника государственной земли былъ присвоенъ главѣ государства. Многочисленныя вакуфныя имущества, принадлежащія мечетямъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, были записаны за настоятелями этихъ учрежденій, общинныя земли—за шейхами. Это были фикціи, дававшія, однако, возможность многихъ злоупотребленій. Шейхи продавали общинныя земли; фиктивные владѣльцы вакуфовъ управляли ими фактически безконтрольно. Султанъ простыми приказами зачислялъ государственныя имущества за цивильнымъ листомъ. Это были фикціи—но фикціи выгодныя для ряда сильныхъ лицъ. Естественно, поэтому, что законъ, признающій имущественныя права лишь за физическимъ лицомъ, защищался не только авторитетомъ религіи, но и интересами фиктивныхъ владѣльцевъ.

Съ теченіемъ времени поддерживать фикціи физическаго владѣльца становилось все болѣе и болѣе неудобнымъ. Экономическое развитіе страны требовало признанія имущественныхъ правъ за акціонерными компаніями, строившими желѣзныя дороги, разрабатывавшими горныя

богатства. Первоначально попытались разрѣшить затрудненіе путемъ изданія частныхъ законовъ; такъ напр. имущественныя права акціонерной компаніи анатолійской желѣзной дороги установлены императорскимъ ирадэ. Но идти этимъ путемъ можно было только до тѣхъ поръ, пока акціонерный капиталъ былъ рѣдкимъ гостемъ. Между тѣмъ, молодая Турція озабочена развитіемъ производительныхъ силъ страны; она хочетъ привлечь западно-европейскій капиталъ въ промышленность, земледѣліе и горное дѣло. Проектируется созданіе ипотечныхъ банковъ и банковъ мелкаго кредита. Это не удастся до тѣхъ поръ, пока за акціонерными компаніями не будутъ признаны права юридическихъ лицъ.

Итакъ, на двухъ чашкахъ вѣсовъ стоятъ съ одной стороны интересы экономическаго развитія страны, съ другой — шаріатъ и вытекающее изъ него дѣйствующее гражданское право. Не удивительно, что присяжные защитники религіознаго закона, улемы, подняли въ парламентскихъ коммиссіяхъ шумъ и протесты, какъ только тамъ зашла рѣчь о юридической реформѣ, вводящей въ жизнь принципъ чуждый мусульманскому міру, затрогивающій интересы фиктивныхъ владѣльцевъ, интересы духовенства и вмѣстѣ съ тѣмъ грозящій переходомъ многихъ недвижимостей въ руки иностранцевъ.

Оппозиція улемовъ и старотурокъ по этому вопросу настолько сильна, что младотурки не внесутъ въ парламентъ общаго законопроекта о признаніи за коллективами правъ юридическаго лица. Они первоначально введутъ новый принципъ какимъ-либо обходнымъ путемъ, такъ сказать—черезъ заднюю дверь, давъ права юридическаго лица какой-либо отдѣльной компаніи. Затѣмъ, отъ этого исключенія, постепенными шагами, они подойдутъ къ общему правилу—т.-е. къ пересмотру гражданскаго кодекса.

Мы могли бы долго перечислять предметы и вопросы, раздѣляющіе старую Турцію отъ новой, но и приведеннаго достаточно, чтобы признать, что борьба идетъ по всей линіи жизни, одинаково касаясь вопросовъ государственнаго устройства, публичнаго права, семейнаго быта, костюма и другихъ внѣшнихъ формъ. Особенностью этой борьбы является то, что она не знаетъ различія между важнымъ и второстепеннымъ. Такъ какъ вся жизнь построена на шаріатѣ и освященномъ давностью обычаѣ, то всякое новшество получаетъ значеніе нарушенія неприкосновеннаго закона—и потому-то и возможна такая безсмыслица, какъ наказаніе смертью за перемѣну головного убора.

Чтобы открыть такой странѣ дорогу прогресса, надо прежде всего сломать власть быта надъ человѣкомъ, власть обычая, религіознаго

предписанія. Надо—я сказалъ бы—тривіализировать жизнь, въ которой носа нельзя высморкать иначе, какъ по предписанію религіи, въ которой всѣ шаги должны быть святы, правовѣрны, согласны съ божественнымъ закономъ, съ завѣтами предковъ.

Власть быта, какъ суммы традицій, обычаевъ, суевѣрій и религіозныхъ предписаній, стоящихъ выше индивидуальной критики и государственнаго реформаторства, безгранична у всѣхъ народовъ примитивныхъ, живущихъ изолированною жизнью. Выходя на дорогу общечеловѣческаго развитія и международнаго общенія, всѣ народы ломаютъ власть быта—и это первая и, можетъ быть, самая трудная революція, которую народамъ приходится пережить.

Турція на порогѣ двадцатаго вѣка, подобно тому какъ Россія на порогѣ восемнадцатаго, переживаетъ моментъ, когда все ея будущее зависитъ отъ того, удастся ли ей совершить этотъ сломъ, или нѣтъ. У насъ значительную часть этой работы совершила геніальная воля Петра I и его суковатая дубинка. Государственная власть оказалась у насъ достаточно сильной и моментъ достаточно благопріятнымъ, чтобы вывести русскую женщину изъ терема, сбрить бороду и обрѣзать фалды мужчинѣ и прорубить окно въ стѣнѣ, которую древле-русскіе нравы возвели между нами и человѣчествомъ.

Кто же прорубитъ это окно здѣсь? Младо-турецкое правительство слишкомъ слабо для такой работы и, чувствуя свою слабость, не только воздерживается отъ борьбы съ старо-турецкимъ бытомъ, но и замазываетъ тѣ узкія щели, которыя продѣлываетъ въ своей глухой стѣнѣ обитательница гарема.

Эту задачу могла бы взять на себя младотурецкая интеллигенція, ея пресса, литература, ея наука. То, что нельзя разрушить сверху, можно бы минировать снизу. Такой характеръ „революціи быта" имѣлъ бы еще и достоинство большей прочности полученныхъ результатовъ.

Но, къ сожалѣнію, въ Турціи нѣтъ литературы, нѣтъ науки, нѣтъ культурныхъ очаговъ. Ежедневная пресса занята исключительно текущей политикой, и ждать перелома въ бытѣ снизу еще менѣе основательно, чѣмъ надѣяться, что можетъ-быть, окрѣпнувъ, за это дѣло примется власть. Подъ новыми государственными формами, построенными по западно-европейскому образцу, долго еще будетъ колыхаться болото застоявшагося быта, полное полусгнившихъ остатковъ давно изжитыхъ вѣковъ.

Вотъ въ чемъ трагедія молодой Турціи. Она бѣдна культурно-творческими элементами, и потому старая кровь бѣжитъ въ ея подмоложенномъ тѣлѣ.

Недавно мнѣ пришлось по уши окунуться въ это стоячее болото. Я зашелъ къ воющимъ дервишамъ посмотрѣть ихъ богослуженіе. Дервиши—мусульманскіе монашескіе ордена, раздѣляющіеся на два толка, внѣшнимъ различіемъ которыхъ являются способы достиженія одного и того же результата — состоянія религіознаго экстаза. У однихъ, у вертящихся дервишей, экстазъ достигается быстрымъ верченіемъ на мѣстѣ, у другихъ—воющихъ или ревущихъ—быстрымъ мотаньемъ туловища впередъ и назадъ, совершаемымъ въ тактъ пѣсни. Тактъ постепенно учащается, увеличивается размахъ туловища, и когда дервишъ доматывается до экстаза, онъ уже не въ силахъ больше пѣть: только сиплый ревъ вырывается изъ запыхавшейся груди и пересохшихъ губъ. Оттого и названіе—„ревуны".

Въ большой квадратной залѣ, у одной стѣны, на небольшомъ возвышеніи изъ крашеныхъ овечьихъ шкуръ, сидѣлъ, скрестивъ и поджавъ ноги, шейхъ, человѣкъ рѣдкой красоты, суровой и одухотворенной. По бокамъ его, тоже на шкурахъ, расположилось двое младшихъ шейховъ, а напротивъ, у противоположной стѣны—человѣкъ пятнадцать или двадцать дервишей, въ высокихъ войлочныхъ клобукахъ и ватныхъ стеганыхъ халатахъ.

Шейхъ временами молился, припадая къ землѣ, затѣмъ начиналъ пѣть священныя пѣсни какимъ-то короткимъ рубленнымъ напѣвомъ, и дервиши вторили ему. Такъ тянулось около часа. Между тѣмъ галлерея, окружавшая залъ, начала наполняться посѣтителями—мусульманами, входившими безплатно, и иностранцами, съ которыхъ взималось по чуреку, т.-е. по 40 коп. Скоро галлерея была полна, и мусульмане начали заполнять залу, садясь по двумъ продольнымъ ея стѣнамъ. Всѣ они подпѣвали дервишамъ и въ тактъ напѣву качались взадъ и впередъ, молитвенно сложивъ руки подъ ложечкой. Кого тутъ не было! Вотъ пришли офицеры; вотъ какой-то чиновникъ съ рукавами, до локтей расшитыми золотымъ шитьемъ, вѣроятно какой-нибудь паша; вотъ какой-то важный и печальный старикъ, усѣвшійся на подушку, принесенную за нимъ слугою-негромъ. Дѣти и простолюдины, старики, чиновники, офицеры и юноши—всякаго жита по лопатѣ. Всѣ почтительно кланяются шейху особымъ поклономъ, принятымъ у дервишей, садятся, подпѣваютъ и качаются.

Окончивъ циклъ положенныхъ молитвъ и пѣснопѣній, шейхъ всталъ, разоблачился и остался въ бѣлой повязкѣ на головѣ, блѣдно-розовомъ хитонѣ и блѣдно-палевомъ халатѣ съ широкими священническими рукавами. Онъ былъ чрезвычайно красивъ, стройный, весь свѣтлый, съ горящими, вдохновенными глазами. Онъ подалъ знакъ для начала радѣнія. Четыре пѣвца вошли въ залу и сѣли по ея сре-

динѣ, а дервиши сцѣпились руками и образовали одну линію понуро скрюченныхъ тѣлъ.

По знаку шейха одинъ изъ пѣвцовъ, негръ, запѣлъ. Что онъ пѣлъ, я точно не знаю. Но было видно, что онъ обращается къ дервишамъ, и казалось, что онъ ихъ увѣщеваетъ, ободряетъ на подвигъ, на ихъ пріятный Богу трудъ. Музыка дикая, страстная, повелительная. Темпъ медленный, и въ тактъ ему дервиши запѣли тоже, монотонно повторяя одну и ту же фразу, въ которой слышалось только „илльаллахъ, иншалахъ", и закачались. Закачалась и вся зала. Пѣвецъ смѣнялъ пѣвца, музыка становилась все болѣе дикой, пламенной и быстрой, размахъ качанья дервишей все увеличивался; черезъ полчаса они выгибались далеко назадъ, выпячивая грудь и запрокидывая голову, и затѣмъ распростилались грудью по землѣ. Шейхъ стоялъ неподвижно на своихъ шкурахъ, у ниши, увѣшанной бичами, цѣпочками съ колючими шипами и другими орудіями самоистязанія. Два вращающихся дервиша тихо вошли, поклонились ему и завертѣлись, свистя ногами по навощенному полу, поднявъ руки кверху, склонивъ голову и закрывъ глаза. Отъ быстроты движенія хитоны ихъ превратились въ подобіе юбочекъ балеринъ, и было странно смотрѣть на ихъ безкровныя обморочныя лица и на быстро вращающіяся ноги. Толстый старый паша, кряхтя, поднялся и почтительно подошелъ къ шейху. Поклонился, что-то промолвилъ, поцѣловалъ шейху руку и грузно началъ укладываться передъ нимъ, животомъ внизъ. Легкимъ и привычнымъ движеніемъ шейхъ нащупалъ у него одной ногой мѣсто между лопатками, другой—начало бедръ и сталъ на поверженнаго пашу, молитвенно поднявъ руки; черезъ нѣсколько секундъ онъ такъ же легко соступилъ съ паши, на мѣстѣ котораго немедленно распростерся какой-то офицеръ. Длинной вереницей шли молящіеся, ложились одинъ за другимъ, и шейхъ становился на каждаго.

— Что это значитъ?—спрашиваю я у сосѣда.

— Знакъ уваженія. А онъ благословляетъ.

Дѣйствительно, когда за взрослыми начали подходить дѣти, шейхъ началъ возлагать на нихъ руки, вмѣсто ногъ,—маленькихъ же бралъ на руки и, нѣжно прижавъ къ груди, держалъ минутку.

Между тѣмъ качающіеся дервиши поднялись на ноги, чтобы имѣть возможность увеличить размахъ качанья. Съ изумительной быстротой, обливаясь потомъ, судорожно вытягивая шеи, то закрывая глаза, то страшно вращая ими, они махались, описывая головами дугу навѣрно въ 180 градусовъ. Голоса ихъ осипли, вмѣсто звука изъ горла вырывалось только хриплое придыханіе. Громаднаго и тощаго, какъ скелетъ, негра—били конвульсіи; сгибаясь и выгибаясь, онъ весь дер-

гался, и, казалось, все въ немъ пляшетъ—голова, руки, лопатки, ноги. Вдругъ старенькій и сморщенный старичекъ,—судя по пріему, оказанному ему дервишами, очень почтенный, и до сихъ поръ мирно качавшійся на своей бараньей шкурѣ,—дико закричалъ и, какъ будто подъ вліяніемъ электрическаго разряда, взлетѣлъ на воздухъ и со стукомъ грохнулся на четвереньки. Оглянулся сумасшедшими глазами, опять неистово взвизгнулъ и подпрыгнулъ еще выше—аршина на два! И такъ раза четыре или пять продѣлывалъ гимнастическую штуку, посильную развѣ только первоклассному гимнасту. А было ему навѣрно лѣтъ восемьдесятъ, и шелъ онъ едва переставляя ноги; переступить же черезъ порогъ ему помогли. Радѣніе достигло здѣсь своего апогея. Пѣвцы вопили истомнымъ голосомъ, дервиши хрипѣли, головы ихъ махались какъ камни на пращѣ; самъ шейхъ, вливая въ нихъ послѣдній запасъ энергіи, дико и страстно пѣлъ имъ пѣснь ободренія, и вся зала качалась, шаталась, болталась, выла и хрипѣла. Вдругъ все сразу остановилось. Дервиши едва стояли на ногахъ. Нѣкоторые безъ силъ присѣли на полъ и скорчились у стѣны. Всѣ едва дышали и вѣроятно мало сознавали.

Я взглянулъ на часы—ровно два часа тянулось радѣніе, безъ минуты отдыха и передышки.

Нѣчто подобное, хотя и въ другихъ формахъ, можно наблюдать не въ одной Турціи. Мы имѣемъ хлыстовъ, прыгуновъ, имѣли кружокъ Татариновой. Въ С.-Ам. Штатахъ, особенно среди негровъ, очень много сектъ, близкихъ нашимъ хлыстамъ и турецкимъ дервишамъ. Можно думать, что при извѣстной степени убожества и плоскости жизни потребность во временномъ экстазѣ возникаетъ въ человѣческой душѣ, какъ необходимый коррективъ прѣснаго существованія. Но едва ли гдѣ-нибудь еще, кромѣ Турціи, секты убогихъ экстатиковъ занимаютъ то почетное положеніе, какимъ они пользуются здѣсь. Никто иной какъ глава дервишей, „великій Тшелеби", жительствующій въ Коніи, опоясываетъ саблею Османа всходящаго на тронъ султана. Дервиши пользуются народнымъ уваженіемъ и хорошими доходами. Молиться на ихъ радѣнія приходитъ не только „темный" людъ или пресыщенные и ищущіе острыхъ ощущеній пустоплясы, а вообще, какъ я указывалъ выше, добрые старые турки, всѣхъ общественныхъ ранговъ и возрастовъ...

Почти противъ мечети ревущихъ дервишей въ Скутари лежитъ знаменитое скутарійское кладбище, въ священной почвѣ котораго всякій правовѣрный константинопольскій мусульманинъ стремится найти мѣсто послѣдняго успокоенія. Громадное кладбище, громадный лѣсъ пыльныхъ, угрюмыхъ кипарисовъ, и подъ ихъ рѣдкой тѣнью—

хаосъ могильныхъ памятниковъ и надмогильныхъ плитъ, поверженныхъ, разрушенныхъ, горами нагроможденныхъ другъ на друга. Говорятъ, что это—слѣды землетрясенія 1896 года, отъ дѣйствія котораго уцѣлѣлъ только надгробный павильонъ, украшающій могилу лошади Магомета-Завоевателя, зарытой тоже въ священной почвѣ скутарійскаго кладбища.

Побывавъ у дервишей, я пошелъ бродить по кладбищу среди руинъ гробницъ старой Турціи; вмѣстѣ со мной тамъ бродили стада козъ, общипывая колючій кустарникъ, выросшій среди камней. Какія-то женщины развѣшивали бѣлье на веревкахъ, протянутыхъ отъ кипариса къ кипарису, отъ одного покачнувшагося каменнаго столба къ другому. Никогда и нигдѣ не видѣлъ я до тѣхъ поръ такой мерзости запустѣнія, какъ на этомъ священномъ мѣстѣ старой Турціи. Никогда и нигдѣ—если не считать мечети ревущихъ дервишей, гдѣ юродствовала живая старая Турція, чтобы черезъ болѣе или менѣе непродолжительное время улечься насупротивъ, подъ тѣнью пыльныхъ и угрюмыхъ кипарисовъ, и очистить мѣсто для новаго поколѣнія правовѣрныхъ, вырастающихъ въ гаремликахъ, воспитывающихся на шаріатѣ и молящихся у ревущихъ дервишей.

И я долженъ сказать, что послѣ этихъ двухъ посѣщеній дѣло младотурокъ показалось мнѣ безнадежнымъ. Пусть обнаружили они большую и безкорыстную любовь къ родинѣ и свободѣ, громадную настойчивость и силу, мудрую умѣренность и умѣнье сообразоваться съ условіями времени и мѣста. Чтò въ этихъ достоинствахъ, когда приходится приспособляться къ кладбищенству, когда приходится прививать цвѣтокъ западно-европейской культуры къ могильному дереву—кипарису?

Срубить надо полузасохшіе многовѣковые кипарисы, расчистить хаосъ могильныхъ обломковъ, дать доступъ воздуху и свѣту къ почвѣ, гдѣ произрастаетъ теперь одна колючка,—и тогда, можетъ быть, засоренная почва старой Турціи превратится въ цвѣтущій садъ.

Но для этого нужны громадныя культурныя силы и великое дерзновеніе. Ни того, ни другого у молодой Турціи нѣтъ. Неудивительно, поэтому, что многіе сомнѣваются въ ея побѣдѣ надъ Турціей старой и считаютъ мечту о возрожденіи великой Оттоманской имперіи—иллюзіей.

Бѣлоруссовъ.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ

(Японія, Китай, Корея).

I.

За послѣднія десять лѣтъ Дальній Востокъ, подобно огромному вулкану, былъ слишкомъ дѣятеленъ. Японія, Китай, Россія, Корея пролили здѣсь рѣки крови. Въ настоящее время хотя и настало затишье, но это не предвѣстникъ прочнаго мира, а лишь передышка, послѣ которой народы соберутся съ силами для новой и еще болѣе ожесточенной борьбы... Вопросъ заключается только въ томъ, когда и кто броситъ первую искру, чтобы воспламенить готовый костеръ. Жизнь выдвигаетъ все новые и сложные международные вопросы, особенно въ Японіи и Китаѣ.

Политическая жизнь въ Японіи идетъ въ настоящее время не особенно гладко. Японскому правительству приходится выслушивать въ парламентѣ порицанія за увеличеніе налоговъ, за ростъ расходовъ на армію и флотъ, жалобы на обѣднѣніе народа, на дороговизну всѣхъ предметовъ первой необходимости. Введеніе трехъ „черныхъ налоговъ"—на табакъ, сахаръ и соль—вызываетъ общее недовольство.

Японское правительство переживаетъ тяжелое время. Оно должно не допускать паденія курса на золото, должно удерживать первенство Японіи на Тихомъ океанѣ. Борьба съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами всегда можетъ выйти изъ предѣловъ торговой конкурренціи и поставить Америку и Японію другъ противъ друга, какъ вооруженныхъ враговъ.

Между тѣмъ, финансовое положеніе Японіи далеко не блестяще. Торговые обороты значительно понизились, какъ въ отношеніи ввоза, такъ и въ отношеніи вывоза товаровъ. Уменьшеніе вывоза товаровъ, начавшееся съ 1906 г., достигло высшаго размѣра въ 1908-мъ году. Отсюда и обѣднѣніе населенія, и дороговизна жизни, и паденіе цѣнъ на главные вывозные товары — шелкъ и мѣдь,—и застой вообще во всѣхъ отрасляхъ японской промышленности, на произведенія которой былъ еще недавно огромный спросъ въ Китаѣ. Послѣдствіемъ торговаго застоя является застой въ коммерческомъ судостроеніи. На Япо-

нію надвигается торгово-промышленный кризисъ. Соперничаютъ съ нею на Дальнемъ Востокѣ Америка, Германія и Англія.

Государственный бюджетъ Японіи на 1909—1910 г. исчисленъ въ 470.667.970 іенъ, причемъ налоги съ 1908-го года увеличились на 20.927.349 іенъ. Расходы на военное и морское вѣдомство (вмѣстѣ—около $107^1/_2$ милл. іенъ) можно назвать подавляющими. Отвѣчая на рѣчи депутатовъ оппозиціи, военный министръ старался доказать, что нельзя откладывать совершенствованіе и развитіе военнаго дѣла и что увеличеніе смѣтъ на военное вѣдомство въ теченіе семи лѣтъ создастъ для Японіи безопасность на многіе годы. Министръ иностранныхъ дѣлъ съ своей стороны заявилъ, что международное положеніе Японіи очень благопріятно. Союзъ съ Англіей сталъ еще болѣе прочнымъ; въ Китаѣ Японія поддерживаетъ стремленіе къ реформамъ и вполнѣ присоединяется къ политикѣ „открытыхъ дверей", одинаково ограждающей торговыя права всѣхъ державъ; по вопросу объ иммиграціи въ Калифорнію достигнуто соглашеніе съ Америкой. На самомъ дѣлѣ отношенія между Японіей и Китаемъ стали лучше, но все еще далеко не исчезли тренія изъ-за Манчжуріи. Дѣло идетъ не о колонизаціи японцами южной и средней Манчжуріи, такъ какъ опытъ двухъ послѣднихъ лѣтъ наглядно доказалъ ея неудачу: японцы-земледѣльцы не выдерживаютъ слишкомъ для нихъ суроваго климата Манчжуріи. Манчжурія необходима японцамъ, какъ надежная база въ войнѣ съ Россіей, а также какъ угроза Китаю. Держа въ своихъ рукахъ Манчжурію, заручившись постройкой желѣзнодорожной линіи на Гиринъ, удерживая за собой чрезвычайно важныя въ стратегическомъ отношеніи линіи Антунъ—Мукденъ и Мукденъ—Куанъ-чэн-цзы, разработку каменноугольныхъ копей, разработку лѣса на китайскомъ берегу р. Ялу, Японія становится твердой ногой на два фронта: на сѣверъ—противъ Россіи, на югъ—противъ Китая. Война съ Россіей считается неизбѣжной. Таково убѣжденіе всего японскаго народа вообще и каждаго японца въ частности. Китайское правительство, однако, понимаетъ, насколько важно для Японіи и невыгодно для Китая дать японцамъ возможность закрѣпить за собою Манчжурію. Оно противится притязаніямъ Японіи и встрѣчаетъ при этомъ поддержку со стороны американской и нѣмецкой дипломатіи, стремящейся по возможности вытѣснить торговлю японцевъ изъ Манчжуріи. Русской конкурренціи въ Манчжуріи американцамъ и нѣмцамъ бояться нечего: опытъ прошлыхъ лѣтъ ясно показалъ, что русскіе тамъ ничего не съумѣли ни создать, ни удержать...

Китайское населеніе въ настоящее время враждебно японцамъ. Недавній бойкотъ японскихъ товаровъ заставилъ японцевъ понять, что между ними и китайцами не можетъ быть и рѣчи о прочной

взаимности. Тѣмъ не менѣе японскіе коммерсанты не теряютъ надежды возвратить себѣ потерянные рынки въ Китаѣ. Изъ торгово-промышленныхъ центровъ, каковы Іокохама, Осака, Кобе, Нагасаки, Токіо, отправились въ Китай торговыя коммиссіи, съ цѣлью посѣтить Пекинъ, Тяньцзинъ, Ханькоу, Шанхай, Кантонъ, Гонъ-Конгъ и другіе пункты, гдѣ особенно рѣзко былъ выраженъ китайскій бойкотъ японскихъ товаровъ. Эти коммиссіи намѣрены изучить на мѣстѣ условія, вызвавшія бойкотъ, и возстановить торговыя сношенія съ китайскими фирмами. Едва ли будетъ успѣшно ихъ предпріятіе: время увлеченія японскимъ могуществомъ, время наивысшаго вліянія японцевъ въ Китаѣ прошло, по видимому, безвозвратно. Китай твердо ставитъ въ своей государственной жизни девизъ: Китай для китайцевъ.

II.

Въ Китаѣ политическая жизнь идетъ пока ровно, скорѣе твердыми, нежели колеблющимися шагами, не смотря на интриги и борьбу за вліяніе въ придворныхъ кругахъ, на вражду между партіями манчжурской и китайской, на стремленія однихъ возвратить опальнаго Юанъ-Ши-Кая, другихъ—снова дать возможность вступить въ политическую борьбу Канъ-Ю-Вею, голова котораго оцѣнена еще покойной императрицей Цзи-Си. Канъ-Ю-Вей живетъ въ изгнаніи; не получивъ прощенія, онъ не можетъ вернуться въ Китай и при новомъ правленіи. Китайская либеральная пресса называетъ его необходимымъ для Китая въ настоящее трудное время. Друзья реформъ въ Китаѣ ожидаютъ помилованія для перваго реформатора. Юанъ-Ши-Кай продолжаетъ вести тихую жизнь въ своемъ родномъ городкѣ въ провинціи Хонанъ, не прерывая сношеній съ Пекиномъ, гдѣ находятся на службѣ его младшій братъ и старшій сынъ.

Долго ли продолжится опала даровитаго Юанъ-Ши-Кая, сказать трудно: у него много сильныхъ враговъ, временщики въ Китаѣ цѣпко держатся за-власть. Самъ Юанъ-Ши-Кай, удрученный бездѣйствіемъ, едва ли ожидаетъ скораго поворота колеса счастья. Свою многочисленную семью онъ оставилъ частью въ Тяньцзинѣ, частью въ Пекинѣ, подъ охраной своихъ друзей. Въ изгнаніе онъ взялъ съ собою изъ восьми женъ только двухъ, съ двумя сыновьями въ возрастѣ пяти—шести лѣтъ. Возможно, что ни Юанъ-Ши-Кай, ни Канъ-Ю-Вей не вернутся скоро къ политической жизни. Выдвигаются новые даровитые дѣятели, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ Танъ-Шао-И, бывшій губернаторъ въ Мукденѣ, совершающій теперь путешествіе по Европѣ для заключенія съ правительствами Англіи,

Германіи, Франціи и Россіи торговыхъ договоровъ и для упроченія финансовой политики Китая. Принцъ-регентъ Чунъ продолжаетъ быть спокойнымъ, умѣренно либеральнымъ, уравновѣшеннымъ правителемъ, но не скрываетъ своихъ симпатій къ манчжурской партіи. Весь охранный дворцовый отрядъ состоитъ исключительно изъ манчжуръ, причемъ всѣ солдаты прошли предварительно военную школу въ Бао-тин-фу. Офицеры, числомъ болѣе пятидесяти, всѣ получили военное образованіе въ высшемъ пекинскомъ училищѣ, открытомъ исключительно для сыновей манчжурскаго дворянства. Главнымъ начальникомъ отряда состоитъ братъ принца-регента, принцъ Цзай-Сюнъ. Охранный отрядъ расположенъ не только въ мѣстности дворца, но и въ окрестностяхъ Пекина.

Что касается до другихъ сторонъ общественной жизни Китая, то замѣчается разладъ въ учебномъ дѣлѣ, особенно въ постановкѣ высшаго образованія въ пекинскомъ университетѣ. Отданный въ руки чиновниковъ, онъ доведенъ до крайняго разстройства. Ректоръ университета одинаково ненавидимъ и студентами, и профессорами, но держится потому, что онъ—ставленникъ Чжанъ-Чжи-Дуна, главнаго попечителя университета, въ рукахъ котораго сосредоточены вопросы образованія и воспитанія. Разладъ въ пекинскомъ университетѣ принялъ настолько большіе размѣры, что рѣшено его временно закрыть и заняться полной его реорганизаціей. Вслѣдствіе такого рѣшенія восемь профессоровъ-японцевъ должны были оставить службу и возвратиться въ Японію, что̀ произвело на японское общество весьма сильное впечатлѣніе, какъ признакъ враждебнаго отношенія китайцевъ къ японцамъ. Прибывшіе изъ Пекина профессора-японцы успокоили японское общество, заявивъ, что китайцы стали вытѣснять всѣхъ иностранцевъ, не дѣлая различія по національностямъ. Живущимъ въ Китаѣ японцамъ приходится самимъ думать объ образованіи своихъ дѣтей. Они приступили въ г. Дальнемъ къ учрежденію средней общеобразовательной школы и высшаго техническаго училища. Въ школу будутъ приниматься только дѣти японцевъ, а въ училище—одинаково японцы и китайцы. Техническое училище разсчитано на 500—600 студентовъ.

Организація вооруженныхъ силъ Китая продолжаетъ расти и крѣпнуть. За послѣднее время учреждены три новыхъ арсенала и обращено серьезное вниманіе на вооруженіе артиллеріи. Военное министерство назначило въ Пекинѣ, на стрѣльбищѣ, семнадцатидневныя испытанія орудій заводовъ Круппа и Шнейдеръ-Крёзо. Испытательная коммиссія признала орудія Круппа лучшими, какъ по устойчивости, такъ и по прочности. Китайская армія растетъ и количественно, и качественно. Ростъ арміи виденъ и въ ея успѣшныхъ дѣйствіяхъ

противъ революціонныхъ возстаній, въ подавленіи разбойничьихъ шаекъ, въ огражденіи китайскихъ границъ на западѣ, сѣверѣ и югѣ все новыми, по-европейски обученными войсками. Китайскія войска пріобрѣтаютъ сознаніе долга; много разъ маленькіе китайскіе отряды, не будучи въ силахъ сопротивляться многочисленнымъ отрядамъ мятежниковъ, не бросали оружія и не бѣжали, какъ это бывало еще такъ недавно, но погибали въ бою. Такіе случаи нерѣдки въ особенно мятежныхъ южныхъ провинціяхъ Китая — Цзянъ-си, Гуандунъ, Хонанъ. Борьба съ революціоннымъ движеніемъ на югѣ Китая по прежнему и длительна, и малоуспѣшна.

Во внутренней жизни китайскаго народа сталъ на очередь опіумный вопросъ. Едва ли онъ увидѣлъ бы свѣтъ, еслибы не взялъ на себя почина Рузвельтъ, къ которому обратился съ горячимъ письмомъ епископъ Брентъ, утверждая, что это зло только тогда можетъ быть уничтожено, когда борьба съ нимъ станетъ международной. Коммиссія, образованная Рузвельтомъ, изучила вопросъ опіумокуренія со всѣхъ сторонъ. Собранный ею матеріалъ послужилъ основой для созыва, въ Шанхаѣ, международной конференціи, только что закончившей свои занятія. Въ конференціи приняли участіе представители Америки, Англіи, Германіи, Голландіи, Италіи, Китая, Турціи, Португаліи, Персіи, Россіи, Франціи и Японіи. Установлено, что въ Китаѣ курятъ опіумъ 30% всего населенія. Куреніе опіума сильно распространено также въ Аннамѣ, на Филиппинахъ, Явѣ, Формозѣ. Императорскій указъ 1906-го года требуетъ постепеннаго прекращенія производства опіума въ Китаѣ. Съ тѣхъ поръ въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая культура мака сократилась на 80%; во многихъ мѣстностяхъ среди населенія образовались союзы, поставившіе себѣ цѣлью бороться противъ опіумокуренія. Тѣмъ не менѣе борьба съ опіумокуреніемъ въ Китаѣ тяжела, такъ какъ въ сосѣднихъ странахъ производство опіума остается по прежнему свободнымъ.

Предсѣдателемъ конференціи былъ избранъ старѣйшій изъ делегатовъ, американскій епископъ Брентъ. Въ простой, искренней рѣчи онъ призналъ опіумный вопросъ выдающимся по своей трудности и требующимъ отрѣшенія отъ всякой партійности. Всякая проблема— говорилъ Брентъ — проходитъ въ своемъ развитіи чрезъ два фазиса: фазисъ чувства, часто мѣшающаго практическому рѣшенію задачи, и фазисъ знанія. Вопросъ о куреніи опіума до послѣдняго времени находился главнымъ образомъ въ стадіи чувства и только теперь переходитъ въ фазисъ знанія. Международная конференція приняла, между прочимъ, слѣдующія постановленія: 1) каждая делегація предложитъ своему правительству принять, соображаясь съ мѣстными условіями, соотвѣтствующія мѣры къ подавленію опіумокуренія въ своихъ вла-

дѣніяхъ или колоніяхъ; 2) пользованіе опіумомъ разрѣшается только для врачебной цѣли и запрещается во всякомъ иномъ случаѣ и подъ всякимъ инымъ видомъ; 3) каждое государство издаетъ законы, запрещающіе ввозъ опіума и его препаратовъ; 4) желательно, чтобы каждымъ правительствомъ былъ установленъ размѣръ ввоза, продажи и сбыта морфія, равно и другихъ производныхъ отъ опія препаратовъ, оказывающихъ при злоупотребленіи тождественное съ опіумомъ вредное дѣйствіе; 5) правительствами должны быть преподаны всѣмъ аптекамъ и аптечнымъ учрежденіямъ въ ихъ консульскихъ округахъ, концессіяхъ и колоніяхъ правила относительно продажи опіума.—Настанетъ ли когда-нибудь для Китая счастливый день избавленія отъ опіума, ввезеннаго англичанами три четверти вѣка тому назадъ—сказать, конечно, трудно, но нельзя не привѣтствовать первое проявленіе со стороны европейскихъ державъ чувства человѣчности и справедливости по отношенію къ китайскому народу.

III.

Корея начала жить. Въ этомъ заключается главнѣйшая заслуга японцевъ. Не будь японскаго владычества, корейскій народъ продолжалъ бы влачить существованіе раба. Японское владычество пробудило народное сознаніе, внеся чуждое корейскому народу господство, поддерживаемое грубой силой. Японцы бросили въ корейскій народъ зерно, изъ котораго выростетъ и разовьется будущая свобода и сознаніе права на самостоятельность. Этому росту будутъ помогать и тѣ положительныя качества японской гражданственности, самодѣятельности, работоспособности, которыхъ корейцы не видали въ своихъ чиновникахъ и своемъ правительствѣ. Особенно рѣзкій толчекъ сознанію корейскаго народа должно дать путешествіе корейскаго императора, организованное японскими властями, по сѣверной и южной Кореѣ. Корейскій императоръ за все время своего царствованія въ первый разъ увидѣлъ свою страну и свой народъ. Это путешествіе было первымъ и во всей корейской исторіи: корейскіе императоры царствовали, заслоненные отъ народа многочисленнымъ, раболѣпнымъ и развращеннымъ чиновничествомъ. Путешествіе было предпринято японскимъ правленіемъ съ цѣлью показать императору японское могущество и превосходство японской культуры, а также съ цѣлью успокоить корейское населеніе, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, единеніемъ, существующимъ между императоромъ и японскимъ управленіемъ.

Путешествію императора предшествовали въ населеніи самые раз-

нообразные слухи: говорятъ, что японцы хотятъ увезти навсегда императора изъ Кореи къ себѣ въ Японію. Императора сопровождали японскій резидентъ въ Кореѣ князь Ито, начальникъ японскихъ войскъ въ Кореѣ генералъ Окубо и многіе японскіе чиновники. Въ назначенныхъ для остановокъ пунктахъ встрѣчали императора мѣстное чиновничество, мѣстное дворянство и старѣйшины. Императоръ, при аудіенціяхъ, призывалъ на совмѣстную работу для проведенія реформъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ особенно сильна старая корейская жизнь, куда не проникло японское вліяніе, встрѣча корейскихъ представителей съ императоромъ производила на первыхъ такое тяжелое впечатлѣніе, что на обращенное къ нимъ привѣтствіе отвѣтомъ были рыданія.

Князь Ито въ своихъ рѣчахъ всегда подчеркивалъ отсталость Кореи въ промышленности, въ народномъ хозяйствѣ, въ народномъ образованіи, и дурное управленіе корейскихъ чиновниковъ. Онъ выяснялъ собравшимся необходимость проводимыхъ реформъ для поднятія благосостоянія народа и для возрожденія Кореи, въ единеніи съ Японіей. Онъ увѣрялъ, что Кореѣ не угрожаетъ опасность поглощенія ея японцами или лишенія ея государственной самостоятельности. Цѣль Японіи въ отношеніи Кореи и корейскаго народа заключается лишь въ томъ, чтобы поднять экономическое благосостояніе страны, дать просвѣщеніе народу и соединить Корею съ Японіей узами, необходимыми для самостоятельности самой Кореи. Японцамъ пришлось самимъ проводить реформы по образованію народа и поднятію его экономическаго благополучія только потому, что не было образованныхъ и честныхъ чиновниковъ среди корейцевъ. Старыя времена, когда на первомъ планѣ стояло завоеваніе и уничтоженіе народностей, прошли; новая государственная мудрость заключается въ поднятіи слабыхъ и отставшихъ народовъ до своего уровня, почему и Японія стремится пріобщить Корею къ своему могуществу, къ своей цивилизаціи, къ своей культурѣ. Корея, съ ея 10-ти-милліоннымъ населеніемъ и 80 тыс. квадр. миль, должна стать подъ японской рукой цвѣтущимъ государствомъ...

Достигнетъ ли Японія желаемаго результата, приручитъ ли она къ себѣ корейскій народъ, или же, наоборотъ, по мѣрѣ народнаго просвѣщенія будетъ расти и народная ненависть къ японцамъ—это покажутъ ближайшіе годы. Въ настоящее время можно лишь удостовѣрить фактъ, что, не смотря на завѣренія японцевъ объ умиротвореніи корейскаго народа, этого умиротворенія въ дѣйствительности нѣтъ. Со стороны японцевъ по прежнему проводятся систематически жестоко репрессіи по отношенію ко всему, что является сколько-нибудь свободнымъ и самостоятельнымъ проявленіемъ корейскаго мышленія, а со стороны корейцевъ за послѣднее время стали сильно распространяться мелкія

и крупныя партизанскія выступленія противъ японцевъ. Эти выступленія и вооруженныя столкновенія особенно многочисленны въ провинціяхъ Чолла, Сѣв. Чунъ-чонгъ, Хуанъ-хай. Маленькіе отряды корейцевъ постоянно тревожатъ своими нападеніями японскіе гарнизоны и легко избѣгаютъ преслѣдованій со стороны послѣднихъ, уходя въ горы.

В. Корсаковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1909.

Окончаніе второй сессіи третьей Государственной Думы. — Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.—Попытки исказить или затемнить историческую истину. — Переходъ отъ чрезвычайной охраны къ усиленной. — Юбилей церковно-приходскихъ школъ. — Поразительная откровенность. — Коммиссія по финляндскимъ дѣламъ.

Со времени окончанія второй сессіи третьей Государственной Думы прошелъ почти мѣсяцъ. Итоги сессіи подводились уже такъ часто, что излишне было бы еще разъ повторять эту работу. Если Дума оставила по себѣ теперь нѣсколько лучшую память, чѣмъ годъ тому назадъ, то это объясняется исключительно принятіемъ ею законопроектовъ, направленныхъ къ обезпеченію свободы совѣсти — и принятіемъ ихъ, притомъ, съ серьезными перемѣнами къ лучшему, внесенными въ нихъ думскими коммиссіями. Практическаго значенія сдѣланное Думой пока не имѣетъ: не сказалъ еще своего слова Государственный Совѣтъ—да и трудно ожидать, чтобы это слово было благопріятно для свободы. Все зависитъ, впрочемъ, отъ условій, при которыхъ начнется слѣдующій законодательный періодъ.

Отличительною чертою возраженій, вызванныхъ законопроектомъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, можно назвать неискренность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нашимъ реакціонерамъ, свѣтскимъ и духовнымъ,—ненавистенъ самый принципъ свободы совѣсти. Доказательствомъ этому служитъ не только недавнее прошлое, но и многое сказанное въ засѣданіяхъ 22—24 мая. Видимымъ объектомъ противодѣйствія являлись поправки, проведенныя коммиссіею, но коренилось оно гораздо глубже. Возьмемъ хотя бы

рѣчь деп. Маркова 2-го, наиболѣе циничную, но все же не вполнѣ откровенную. Онъ признаетъ отпаденіе отъ православія *порокомъ*, порочнымъ дѣйствіемъ, котораго отнюдь не слѣдуетъ узаконять, какъ не слѣдуетъ узаконять дома терпимости (!), какъ не слѣдуетъ провозглашать въ законѣ право каждаго ходить въ кабакъ и пьянствовать; онъ называетъ отпадшихъ отъ православія измѣнниками, предателями, вѣроотступниками—и выражаетъ надежду, что сословныя и общественныя группы „съумѣютъ извергнуть отъ себя эту нечисть, съумѣютъ предать всенародной анаѳемѣ этихъ вредныхъ враговъ". И въ то же время онъ... „привѣтствуетъ" вѣротерпимость! Епископъ Митрофанъ видитъ „великую опасность, церковную и гражданскую", въ томъ, что отпадшіе отъ православія, прежде „пребывавшіе въ скрытомъ состояніи своего духовнаго убожества", теперь явятся подъ защитой закона"—и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что православная церковь всегда стояла и теперь стоитъ на почвѣ „самой широкой вѣротерпимости". Священникъ Кирилловичъ увѣряетъ, что репрессивныя мѣры противъ иновѣрцевъ никогда не исходили отъ православной церкви, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ именно ей почти всегда принадлежала ихъ иниціатива: обрушивалась на иновѣрцевъ, конечно, рука свѣтской власти, но двигало этою рукою, сплошь и рядомъ, духовенство. Епископъ Евлогій, выражая сочувствіе указу 17-го апрѣля, считаетъ, однако, нужнымъ, чтобы „чисто церковное по своей природѣ" право увѣщанія лицъ, намѣревающихся отпасть отъ православія, было поставлено „подъ охрану законовъ гражданскихъ". Священникъ Юрашкевичъ, хорошо знакомый, по видимому, съ западнымъ краемъ, а слѣдовательно и съ тѣми стѣсненіями, которымъ еще такъ недавно подвергались тамъ католики, ставитъ вопросъ: „гдѣ и когда православіе угнетало католичество"? Только въ концѣ рѣчи у него вырывается признаніе, что законопроектъ, узаконяющій отпаденіе отъ православія, „явился въ несчастное время, во время ослабленія русской силы". Въ достоинствѣ прямоты нельзя отказать только рѣчи деп. Сазоновича: онъ не обинуясь выразилъ надежду, что весь законопроектъ (а не только коммиссіонныя къ нему поправки) будетъ отвергнутъ Государственной Думой, какъ „продуктъ чисто теоретическихъ разсужденій, не связанный съ интересами русскаго народа". Возвращеніе къ порядку вещей, существовавшему до 17-го апрѣля 1905-го года—вотъ настоящая цѣль всѣхъ тѣхъ, у кого вѣротерпимость только на языкѣ, но не въ сердцѣ, кто готовъ возобновить и даже обострить гибельную политику, больше двухъ вѣковъ господствовавшую въ Россіи и не оправдываемую даже внѣшнимъ успѣхомъ. Не къ возвеличенію, а къ ослабленію православной церкви привело искусственное закрѣпленіе за нею милліоновъ людей,

давно отъ нея отдалившихся или даже никогда на самомъ дѣлѣ къ ней не принадлежавшихъ.

Именно тѣмъ, что большинству правыхъ понадобилось набросить легкое покрывало на свои настоящія чувства, объясняется, по всей вѣроятности, крайняя раздражительность, выказанная этой стороной Думы во время преній 22—24 мая. Пользуясь безконечною снисходительностью предсѣдательствовавшихъ, обычные прерыватели изъ среды праваго лагеря меньше чѣмъ когда-либо церемонились съ своими противниками. Чаще чѣмъ когда-либо раздавались оттуда крики: „довольно!“, сильнѣе чѣмъ когда-либо шумъ заглушалъ слова „непріятныхъ“ ораторовъ. Одному изъ самыхъ умѣренныхъ защитниковъ законопроекта крикнули справа: „Крокодилъ плачетъ“! Рѣчь деп. Булата прерывалась вопросами: „А у васъ развѣ есть святое святыхъ“? „А вы когда грабили“? Деп. Мягкаго спрашивали: „а вы вѣрите“? Деп. Тимошкинъ кричалъ ему (когда онъ упомянулъ о союзѣ русскаго народа и такъ называемомъ союзѣ архангела Михаила): „довольно, безобразія“! Все это подготовило скандалъ 23-го мая, предлогомъ къ которому послужилъ безусловно корректный по формѣ, совершенно правильный по существу призывъ къ порядку, обращенный бар. Мейендорфомъ къ епископу Евлогію. И, къ сожалѣнію, Н. А. Хомяковъ, говоря, на слѣдующій день о „жестокомъ, непозволительномъ оскорбленіи, нанесенномъ предсѣдательствующему“, не указалъ, на кого падаетъ вся отвѣтственность за нарушенія элементарныхъ приличій, преслишкомъ часто омрачающія лѣтопись Государственной Думы. Президіумъ все еще только собирается дѣйствовать „со всею строгостью, предоставленною ему наказомъ“, но не проявляетъ ея на самомъ дѣлѣ.

Открытіе памятника императору Александру III-му невольно переноситъ общественную мысль къ недавнему прошлому, отдѣленному отъ насъ, по видимому, цѣлою пропастью, но на самомъ дѣлѣ связанному съ настоящимъ многими еще непорванными нитями. Отношеніемъ къ этому прошлому опредѣляется, въ значительной степени, отношеніе ко всему совершающемуся теперь, ко всему виднѣющемуся въ ближайшемъ будущемъ. Далеко не безразлична, поэтому, оцѣнка минувшаго царствованія—оцѣнка, опять выдвинутая на очередь; далеко не безразлично, видѣть ли въ немъ указаніе на путь, ведущій ко благу Россіи—или, наоборотъ, предостереженіе противъ пути, грозящаго ей бѣдою. Нашъ взглядъ на характеръ правленія Александра III-го и на его результаты мы высказали, со всею возможною тогда полнотою, вслѣдъ за кончиной императора [1]). Послѣдующія

[1]) См. внутреннее обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1894 годъ.

событія могли только убѣдить насъ въ правильности этого взгляда.

Панегирики, вызванные открытіемъ памятника, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Въ однихъ чувствуется претензія сказать что-нибудь новое, оригинальное; въ другихъ перепѣваются старые, давно избитые мотивы. Хвалители перваго типа проводятъ смѣлыя параллели, забываютъ безспорные факты, идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Александръ III-й—говоритъ одинъ изъ нихъ—„сдѣлалъ для Россіи, въ смыслѣ сближенія ея съ Западомъ, болѣе, чѣмъ Петръ I-ый“. Чѣмъ же именно? „Союзомъ съ республикой, разрѣшеніемъ въ русскомъ обиходѣ революціоннаго гимна и финансовой политикой С. Ю. Витте“. И это — эквивалентъ того громаднаго шага, которымъ Петръ Великій придвинулъ Россію къ Европѣ? Исполненіе марсельезы — то же самое, что поѣздка Петра въ Голландію, Англію и Францію? И развѣ дружественныя отношенія къ республикѣ (*союзъ* съ Франціей, въ собственномъ смыслѣ слова, былъ заключенъ уже послѣ смерти Александра III-го) были для русскаго правительства чѣмъ-то новымъ, послѣ извѣстнаго посѣщенія Россіи, въ 1867-мъ году (при Александрѣ II-мъ), чрезвычайнымъ американскимъ посольствомъ? Какимъ образомъ могла сблизить насъ съ Западомъ финансовая политика С. Ю. Витте (при Александрѣ III-мъ, притомъ, не вышедшая еще изъ зачаточнаго своего фазиса) — это тайна автора. Ему нужно было доказать, что покойный государь „принесъ въ жертву національному чувству свои привычки неограниченнаго властителя“ — а доказательствъ онъ не находилъ и найти не могъ. Неудивительно, что ихъ пришлось замѣнить безсодержательными фразами.

Столь же безнадежна попытка другого панегириста выставить Александра III-го склоннымъ къ мысли о созывѣ народныхъ представителей и отложившимъ осуществленіе ея на неопредѣленное время лишь подъ вліяніемъ „окружавшихъ его сановниковъ, главнымъ образомъ Побѣдоносцева, и могущественнаго въ то время Каткова“. Не говоря уже о несовмѣстимости такого объясненія съ обычнымъ представленіемъ о непоколебимой твердости покойнаго монарха, оно противорѣчитъ и отрицательному отношенію его къ возникавшему, въ послѣдніе годы царствованія Александра II-го, вопросу о реформѣ государственнаго строя, и категорическому тону манифеста 29-го апрѣля 1881-го года. „Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ уповании на божественный промыслъ, *съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти*, которую Мы призваны *утверждать и охранять для блага народнаго* отъ всякихъ на нее поползновеній“. Такимъ языкомъ не могъ бы говорить тотъ, кто извѣрился бы въ прежнюю систему и рѣшился бы сдѣлать съ нею только еще одинъ, послѣдній опытъ. Не менѣе ясно и то, что сознаніе необходимости

поворота, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, на новую дорогу должно было бы удержать отъ ломки всего подготовляющаго, облегчающаго перемѣну, отъ возвращенія къ порядкамъ и пріемамъ дореформеннаго времени. Никакимъ услужливымъ перьямъ не удастся, поэтому, поколебать установившійся взглядъ на царствованіе Александра III-го какъ на эпоху господства, въ теоріи, принципа неограниченной власти самодержавнаго монарха и попытокъ осуществить этотъ принципъ, на практикѣ, съ возможно большею послѣдовательностью и полнотою.

Къ чему же привело это господство, чѣмъ окончились эти попытки? Насъ хотятъ увѣрить, что царствованіе Александра III-го подняло тонъ народной жизни, вызвало „неожиданный, здоровый ростъ внутреннихъ силъ страны"; намъ говорятъ, что при немъ „воскресшая нація окончательно переросла эпоху жалкаго космополитничанья и безсознательной подражательности", русскій „рѣшился имѣть свое сужденіе и жить по своему". И весь этотъ подъемъ держался одною личностью императора, приравниваемаго къ Константину Святому, къ Карлу Великому [1]; стоило только ему сойти въ могилу — и „величавая эпопея быстро смѣнилась кровавымъ фарсомъ". Итакъ, „жалкимъ космополитничаньемъ" было уничтоженіе крѣпостного права, „безсознательною подражательностью"—созданіе земства, столь мало похожаго на аналогичныя учрежденія Западной Европы? Правда, въ наслѣдствѣ, полученномъ Александромъ III-мъ, рядомъ съ блестящимъ активомъ былъ и тяжелый пассивъ. Незаконченность, заброшенность „великихъ реформъ", въ связи съ ихъ запоздалостью, привела къ смутѣ, слабо распространенной, но чрезвычайно острой. Въ послѣдній годъ жизни Александра II-го намѣченъ былъ, однако, единственный возможный выходъ изъ этого положенія. Нужно было продолжать начатое дѣло, пополнить пробѣлы преобразовательной работы — и этимъ путемъ возстановить нарушенное спокойствіе, обезпечить правильное, мирное развитіе народа. Восторжествовала прямо противоположная политика: одинъ за другимъ стали колебаться и падать краеугольные камни, на которыхъ только и могло быть воздвигнуто зданіе обновленной Россіи. Было сдѣлано все, чтобы свести на нѣтъ и безъ того уже урѣзанныя, искаженныя пріобрѣтенія шестидесятыхъ годовъ: взята назадъ полу- автономія высшей школы, ограничена самостоятельность и съужена сфера дѣйствій суда, города и земства подчинены административной опекѣ, фактически уничтожено крестьянское самоуправленіе, придавлена печать, еще больше прежняго обращены въ пустыя слова законность и вѣротерпимость. Меньше

[1]) См. передовую статью въ № 116 „Московскихъ Вѣдомостей".

чѣмъ когда-либо русскимъ можно было „имѣть свое сужденіе“ и „жить по своему“; все вдвигалось въ узкія рамки, вездѣ слышался старый девизъ: не разсуждать—повиноваться. Очень многое изъ того, съ чѣмъ теперь приходится бороться, что задерживаетъ и затрудняетъ поступательное движеніе, зародилось или окрѣпло именно въ восьмидесятыхъ годахъ. Воскресли сословные и національные предразсудки, увеличились претензіи дворянства, обострилось враждебное отношеніе къ окраинамъ, пустила корни злосчастная формула: „Россія для русскихъ“.

Значеніе системы познается по ея плодамъ. Успокоеніе страны было болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ не было больше политическихъ процессовъ, но только потому, что мѣсто судебнаго преслѣдованія заступила никогда не прекращавшаяся административная расправа. Броженіе умовъ продолжалось по прежнему, захватывая все болѣе и болѣе широкія сферы. Именно въ послѣдніе годы царствованія Александра III-го въ Россіи образовалась соціалъ-демократическая партія. Рядомъ съ нею развивались и усиливались другія революціонныя теченія. Благопріятная для нихъ обстановка создавалась съ одной стороны ростомъ фабричной промышленности, съ другой — обѣднѣніемъ крестьянства, такъ ясно выразившимся уже во время неурожаевъ 1891-го и 1892-го гг. Вмѣсто хлѣба народу предлагался камень: очень мало дѣлалось для его просвѣщенія, очень много—для подавленія въ немъ всякой самодѣятельности, всякой иниціативы. Суррогатомъ школы должна была служить для него дисциплина, насаждаемая земскими начальниками. Сближенію сословій, начавшемуся въ судѣ и въ земскихъ собраніяхъ, былъ положенъ конецъ. Параллельно съ искусственнымъ усиленіемъ дворянскаго элемента въ земствѣ шло обезцвѣченіе крестьянскаго представительства, и прямо, и косвенно зависимаго отъ администраціи. Тѣлесное наказаніе, прежде ютившееся во мракѣ неустроенныхъ и предоставленныхъ самимъ себѣ волостныхъ судовъ, было введено въ обиходъ судебно-административныхъ учрежденій и обращено, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ внѣ-законный, но обычный, вполнѣ допустимый и даже заслуживающій одобренія способъ воздѣйствія на массу. Оно стало твердыней, о которую разбивались волны общественнаго негодованія, и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ служило какъ бы символомъ отношенія власти къ „простонародью“, т.-е. къ громадному большинству народа. Воспитательнымъ средствамъ соотвѣтствовали результаты воспитанія, съ полною ясностью обнаружившіеся лишь позже, но замѣтные уже во время расцвѣта новаго режима: достаточно припомнить „холерные бунты“ 1892-го года... Чрезвычайно характерно, что даже присяжные апологеты прошлаго, восхваляя „попеченіе“ по-

койнаго императора о крестьянахъ, не находятъ другихъ доказательствъ для своего тезиса, кромѣ закона 8-го іюня 1893-го года, ограничившаго свободу передѣловъ, т.-е. положившаго начало чисто внѣшней регламентаціи крестьянскаго быта. Не знаемъ, почему они забыли о законѣ 12-го іюня 1886-го года, стѣснившемъ семейные раздѣлы: оба акта проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, оба глубоко врѣзывались въ крестьянскую жизнь, оба направляли ее въ чуждое ей русло, оба свидѣтельствовали о недовѣріи къ здравому смыслу народа.

Любимая тема нашихъ неисправимыхъ laudatores temporis acti— внѣшнее могущество Россіи при Александрѣ III-мъ. Они забываютъ, что степень дѣйствительнаго могущества страны познается лишь въ годины испытаній. Сильной, еще болѣе сильной, чѣмъ въ 1881—94 гг., Россія считалась въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ; но эта сила оказалась призрачной, какъ только пришлось обнаружить ее на самомъ дѣлѣ. Иллюзія силы держалась и послѣ смерти Александра III-го—и сослужила Россіи, въ 1904-5 гг., такую же плохую службу, какъ полу-столѣтіемъ раньше. Что Александръ III-й не искалъ войны — это его безспорная заслуга; но вѣдь нельзя же упускать изъ виду, что незадолго до его воцаренія окончилась одна изъ самыхъ изнурительныхъ войнъ, какія когда-либо вела Россія, и что залечить нанесенныя ею раны, собраться съ силами было столь же необходимо, какъ и тогда, когда кн. Горчаковъ произнесъ знаменитыя слова: „la Russie se recueille“. Вѣдь еслибы Александръ II-ой скончался въ 1869-мъ году, четырнадцать лѣтъ спустя послѣ восшествія на престолъ, то и его не безъ основанія можно было бы назвать миротворцемъ. Весь вопросъ въ томъ, благопріятствовала ли данная система созданію условій, при которыхъ не страшна внѣшняя опасность, способствовала ли она поднятію національнаго самосознанія, увеличенію матеріальной и моральной силы народа. На этотъ вопросъ русско-японская война дала отвѣтъ, не оставляющій мѣста для сомнѣній. И пускай намъ не говорятъ, что всему виною преждевременная смерть императора. Его пережилъ взлелѣянный имъ режимъ, пережили воспитанные имъ государственные люди. Въ его школѣ—и въ школѣ возвращеннаго имъ къ власти, на бѣду Россіи, гр. Д. А. Толстого, — сформировались такіе министры, какъ И. Д. Деляновъ, Н. П. Боголѣповъ, И. Н. и П. Н. Дурново, Н. В. Муравьевъ, И. Л. Горемыкинъ, В. К. фонъ-Плеве, Д. С. Сипягинъ. При немъ сложилось и окрѣпло вліяніе К. П. Побѣдоносцева, до сихъ поръ тяготѣющее надъ одною изъ важнѣйшихъ областей народной жизни. Прославлять минувшее царствованіе, ставить его въ образецъ, замалчивать или отрицать его слабыя стороны—значитъ оправды-

вать и поддерживать многое изъ того, отъ чего въ настоящее время страдаетъ Россія. Уваженіе къ личности покойнаго монарха не даетъ права скрывать или искажать истину.

Эпоха, о которой только что шла рѣчь, завѣщала Россіи, между прочимъ, такой источникъ всякихъ золъ, какъ положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Правда, при Александрѣ III-мъ примѣненіе его никогда не достигало тѣхъ размѣровъ, до которыхъ оно дошло въ послѣдніе годы; но уже тогда создалась на практикѣ та явная несообразность, какою является длительное, многолѣтнее, непрерывное дѣйствіе исключительнаго положенія. Есть мѣстности, въ которыхъ усиленная охрана—или замѣняющая ее чрезвычайная—существуетъ съ самаго 1881-го года. Сумма причиненнаго и причиняемаго этимъ вреда не поддается исчисленію, потому что въ ея составъ входятъ не только опредѣленныя репрессивныя мѣры, но и то общее пониженіе правосознанія, къ которому приводитъ длинный рядъ отступленій отъ общаго закона. Теперь наступилъ, по видимому, поворотный пунктъ: интенсивность охраны, долго возраставшая, еще дольше остававшаяся на томъ же уровнѣ, начинаетъ ослабѣвать. Въ Москвѣ, напримѣръ, послѣ трехъ съ половиною лѣтъ дѣйствія чрезвычайной охраны, она замѣнена охраной усиленной. Нужно полагать, что та же перемѣна произойдетъ и въ Петербургѣ, гдѣ на дняхъ истекаетъ трехлѣтіе со времени объявленія чрезвычайной охраны. Но какъ медленно, какъ нерѣшительно совершается обратное движеніе! Какъ неохотно разстается власть съ „сладкой привычкой“ къ произволу! Какъ плохо скрываетъ свою скорбь по ней реакціонная печать, какъ многозначительно напоминаетъ, что „тлѣющія головешки“, хотя бы ихъ было немного, могутъ разгорѣться въ разрушительное пламя,—какъ заботливо предостерегаетъ „пожарную команду“ отъ излишняго оптимизма! Повода для такихъ предостереженій, очевидно, нѣтъ: опасаться можно лишь избытка усердія, перенесенія старыхъ пріемовъ въ новую обстановку. Доказательствомъ этому служитъ первое обязательное постановленіе московскаго градоначальника, изданное въ силу положенія объ усиленной охранѣ. На основаніи пун. 1 ст. 15-ой положенія, администраціи принадлежитъ право регулировать этимъ путемъ „предметы, относящіеся къ *предупрежденію* нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности“. Для предупрежденія уголовно-наказуемыхъ дѣяній установлена кара, налагаемая судомъ; нѣтъ, слѣдовательно, надобности бороться съ ними путемъ обязательныхъ постановленій и административныхъ взысканій. Это видно и изъ примѣровъ, приведенныхъ въ ст. 15-ой: она говоритъ о наблюдательныхъ

функціяхъ, возлагаемыхъ на домовладѣльцевъ, объ опредѣленіи и смѣщеніи лицъ, которымъ домовладѣльцы передаютъ отправленіе этихъ функцій—т.-е. о такихъ обязанностяхъ, нарушеніе которыхъ не составляетъ уголовнаго проступка и не подлежитъ уголовному преслѣдованію. Что̀ предусмотрѣно уголовнымъ закономъ, то̀, въ силу правила: non bis in idem, не можетъ входить въ сферу дѣйствія обязательныхъ постановленій. Изъятіе тѣхъ или другихъ преступленій и проступковъ изъ вѣдѣнія суда допускается только при существованіи чрезвычайной охраны (ст. 26, пун. 3). Между тѣмъ, вышеупомянутымъ постановленіемъ московскаго градоначальника *воспрещенъ* цѣлый рядъ проступковъ, безъ того уже воспрещенныхъ уголовнымъ закономъ, и разбирательство ихъ предоставлено градоначальнику, т.-е. изъято изъ вѣдѣнія суда. Сюда относится публичное восхваленіе преступнаго дѣянія (Угол. Улож. ст. 133), распространеніе ложнаго слуха о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи (Угол. Улож. ст. 263, временныя правила 24-го ноября 1905-го года разд. VIII, ст. 5, пун. г), распространеніе ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе (та же статья временныхъ правилъ, пун. в). Всѣ подобные проступки совершаются, главнымъ образомъ, путемъ печати, противъ которой и направлено, очевидно, постановленіе, отдающее ихъ, въ явное нарушеніе закона, на произволъ административно-карательной власти [1]). Еще большей опасностью грозитъ печати тотъ пунктъ обязательнаго постановленія, которымъ воспрещено оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей или сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству. Это уже не повтореніе дѣйствующаго закона, а чрезвычайно широкое и неопредѣленное его распространеніе—распространеніе въ томъ направленіи, которому сознательно и намѣренно не дано мѣста въ дѣйствующемъ законодательствѣ о печати. „Враждебное отношеніе къ правительству"—понятіе въ высшей степени неясное и смутное; служить основой для отвѣтственности оно не можетъ и не должно, даже тогда, когда толкованіе и примѣненіе его предоставлено нормально организованному суду. Съ точки зрѣнія администраціи „враждебнымъ правительству" слишкомъ легко можетъ показаться то, что̀ ему неугодно или непріятно. Еще недавно высказывалось предположеніе, что главнымъ препятствіемъ къ отмѣнѣ чрезвычайной охраны служитъ

---

[1]) Замѣтимъ, что въ законѣ всегда говорится о *завѣдомо* ложныхъ свѣдѣніяхъ или слухахъ, а въ обязательномъ постановленіи объ этомъ существенно важномъ условіи наказуемости вовсе нѣтъ рѣчи.

нежеланіе власти выпустить изъ рукъ простое и удобное средство воздѣйствія на печать. Теперь изъ этого затрудненія, по видимому, найденъ выходъ: въ распоряженіи администраціи, остается и при усиленной охранѣ достаточно острое оружіе противъ печати. Само собою разумѣется, что не борьбу съ нею имѣлъ въ виду законодатель, когда составлялось положеніе 14-го августа 1881-го года; само собою разумѣется, что ничего нѣтъ общаго между областью „внутренняго наблюденія", осуществляемаго домовладѣльцами, швейцарами и дворниками, и областью наблюденія за печатью, достаточно контролируемою спеціально призванными къ тому учрежденіями и лицами. Но „разъясненіе" законовъ давно уже утратило у насъ свой настоящій смыслъ, и нѣтъ основанія надѣяться на отмѣну обязательныхъ постановленій, какъ бы сомнительна ни была ихъ легальность. Положенію объ усиленной и чрезвычайной охранѣ суждено, по видимому, остаться до конца опорой широкаго, ничѣмъ не стѣсняемаго „усмотрѣнія". Да и многимъ ли лучше будетъ идущій ему на смѣну законъ объ исключительномъ положеніи, если Государственная Дума пойдетъ по стопамъ коммиссіи, его подготовлявшей?..

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилась четверть вѣка другому созданію прошедшаго царствованія: правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ. Говорить о нихъ намъ приходилось много разъ, и при самомъ ихъ обнародованіи, и по поводу ихъ примѣненія. Еслибы церковно-приходская школа была съ самаго начала и оставалась понынѣ не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ начальной народной школы, еслибы она не задавалась посторонними цѣлями, не претендовала на привилегированное положеніе, не вступала въ борьбу съ другими категоріями начальныхъ училищъ, не пренебрегала ихъ опытомъ, существованіе ея было бы вполнѣ понятно. Русская земля такъ обширна, русскій народъ такъ бѣденъ и такъ отсталъ въ своемъ умственномъ развитіи, что учрежденій для его образованія не могло и не можетъ быть слишкомъ много. Вся бѣда въ томъ, что церковно-приходская школа, по мысли ея организаторовъ, съ самаго начала должна была служить боевой машиной—не столько противъ народнаго невѣжества, сколько противъ непризванныхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, просвѣтителей народа, главнымъ образомъ—противъ земства, менѣе чѣмъ въ два десятилѣтія больше сдѣлавшаго въ области народнаго образованія, чѣмъ православное духовенство — въ теченіе многихъ столѣтій. Монополизаторская тенденція сразу и особенно ясно выразилась въ томъ, что за однимъ только духовенствомъ было признано право на открытіе и содержаніе школъ грамоты, незадолго до того введенныхъ земствомъ

въ кругъ попеченія его о народномъ образованіи и узаконенныхъ распоряженіемъ министра (барона Николаи). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта монополія понизила не только качество, но—по крайней мѣрѣ на первое время—и количество школъ грамоты. Много искусственнаго и призрачнаго внесли въ сферу церковно-приходской школы шедшія сверху приказанія и понужденія. Во многихъ мѣстахъ усилія духовенства были направлены не столько къ тому, чтобы учреждать школы въ мѣстахъ наибольшей въ нихъ потребности, сколько къ тому, чтобы заграждать путь къ открытію земскихъ школъ. Въ одномъ отношеніи для духовнаго вѣдомства не пропалъ даромъ примѣръ земской и министерской школы: оно скоро отказалось отъ горделивой мысли достигать въ два года того, для чего другимъ нужно не меньше трехъ лѣтъ — но пріемы и задачи преподаванія, опредѣляемые предвзятой мыслью, почти не измѣнились, и церковно-приходская начальная школа, въ общемъ, даетъ своимъ ученикамъ сравнительно мало. А между тѣмъ, главную долю средствъ, необходимыхъ для ея существованія, она получаетъ отъ казны, т.-е. отъ народа. Эти средства постоянно растутъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше теряютъ силу мотивы, приводимые въ пользу самостоятельности церковно-приходской школы. Пора положить конецъ неестественному разъединенію учрежденій, имѣющихъ своею цѣлью образованіе народа. Пора слить всѣ начальныя школы въ одно цѣлое, составныя части котораго могутъ имѣть свои особенности, но не могутъ и не должны враждовать между собою. Какъ ни многаго—слишкомъ многаго—оставляетъ желать наше министерство народнаго просвѣщенія, оно одно можетъ служить нормальнымъ центромъ для школъ различнаго типа, свободно возникающихъ, свободно развивающихся, не связанныхъ для всѣхъ одинаковыми, все предусматривающими правилами. Въ новомъ государственномъ строѣ, когда онъ укрѣпится и очистится отъ постороннихъ примѣсей, иными, обновленными станутъ, по необходимости, всѣ органы свѣтской власти. Нельзя сказать того же самаго о духовномъ вѣдомствѣ, гораздо труднѣе поддающемся вліянію новыхъ условій. Все больше и больше приверженцевъ находитъ мысль, что въ области народнаго образованія регламентація, идущая сверху, должна быть сведена къ минимуму—и самъ собою разрѣшается вопросъ, гдѣ легче приблизиться къ этому идеалу: въ свѣтской или въ церковной школѣ. Въ настоящее время, притомъ, въ вѣдомство православнаго исповѣданія слишкомъ легко проникаютъ стремленія, идущія прямо въ разрѣзъ съ задачами образованія. Вотъ, напримѣръ, что сказалъ недавно сотруднику „Слова" митрополитъ московскій Владиміръ: „священнослужитель не имѣетъ права принадлежать къ какой бы то ни было политической партіи—это ему запрещаетъ православная

церковь. Причастность же духовенства къ союзу русскаго народа является логическимъ слѣдствіемъ служенія его православію. Союзъ русскаго народа исповѣдуетъ самодержавіе, православіе и народность. Какъ же духовенству не быть сторонникомъ тѣхъ, кто защищаетъ и поддерживаетъ православіе? Союзъ русскаго народа не политическая партія, а самъ русскій народъ — сущность и сила Россіи". Мнѣнія епархіальнаго начальства фактически обязательны для подчиненнаго ему духовенства. Въ епархіяхъ, гдѣ господствуетъ взглядъ аналогичный съ выраженнымъ въ вышеприведенныхъ словахъ московскаго святителя, священникамъ трудно воздержаться отъ близости къ „союзу русскаго народа"—трудно, слѣдовательно, уберечь отъ его вліянія и церковную школу. Къ чему ведетъ это вліяніе—понятно само собою... Замѣчательно противорѣчіе между исходной точкой митрополита Владиміра и его заключеніемъ. Конечно, духовнымъ лицамъ не слѣдуетъ принадлежать къ политической партіи; но развѣ такой партіей не является „союзъ русскаго народа"? Слишкомъ извѣстно его участіе въ политической борьбѣ, слишкомъ извѣстны и употребляемые имъ при этомъ партійные пріемы, слишкомъ извѣстна репутація его вождей... По истинѣ неисчислима сумма вреда, который можетъ быть причиненъ церковно-приходской школѣ—и, слѣдовательно, широкимъ слоямъ крестьянства — руководителями, дѣйствующими въ духѣ наименѣе терпимой, наименѣе разборчивой въ выборѣ средствъ и наиболѣе невѣжественной изъ всѣхъ политическихъ партій.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, „союзъ русскаго народа"—объ этомъ говоритъ не только принятіе огромнымъ большинствомъ Думы извѣстнаго запроса, разсмотрѣннаго въ засѣданіи 27-го мая: объ этомъ говорятъ еще громче рѣчи и писанія самихъ членовъ союза, съ легкимъ сердцемъ извиняющихъ или оправдывающихъ насилія, даже убійства, жертвой которыхъ являются ихъ политическіе противники. Чего стоютъ, съ этой точки зрѣнія, апологіи „доблестнаго" союза, произнесенныя депутатами Шульгинымъ и Марковымъ 2-мъ! Неужели— воскликнулъ г. Шульгинъ,—„неужели вы полагаете, что еслибы союза русскаго народа не существовало, Герценштейнъ *могъ быть не убитъ*? Я думаю, что смерть витала надъ Герценштейномъ тогда, когда онъ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ стою я, и говорилъ свою аграрную рѣчь. Смыслъ этой рѣчи мало кто помнитъ теперь, но осталось одно слово, которое до сихъ поръ жжетъ, какъ раскаленный уголь. И когда это циничное, жестокое слово было произнесено съ этой трибуны,—вѣдь вы, господа, не знаете, не было ли здѣсь человѣка изъ тѣхъ неуравновѣшенныхъ людей, которые были невѣроятно либеральны, а потомъ, когда свобода показала имъ свои зубы, стремительно поправѣли? Вы не знаете, что этотъ человѣкъ ощутилъ, когда

это колючее слово донеслось до него, что онъ ощутилъ, когда получилъ вѣсть, ужасную вѣсть, о томъ, что тамъ, на родинѣ, произошло именно то, о чемъ говорилось здѣсь". Не въ первый разъ дѣлается такое употребленіе изъ слова, которое, въ сущности, не можетъ быть названо даже неосторожнымъ. Есть искусство, съ помощью котораго основаніе для смертнаго приговора можетъ быть найдено въ любой строчкѣ, написанной заранѣе осужденнымъ человѣкомъ. У насъ это искусство подверглось дальнѣйшему усовершенствованію: не нужно цѣлой строчки—достаточно одного слова. И противъ такого способа дѣйствій безсильны самыя вѣскія возраженія, потому что ихъ заранѣе рѣшено считать какъ бы несуществующими. Когда П. Н. Милюковъ, отвѣчая г. Шульгину, хотѣлъ приступить къ чтенію того мѣста рѣчи Герценштейна, откуда черпается матеріалъ для обвиненія, справа раздались голоса: „Не нужно читать"! Для „союзниковъ" такое чтеніе дѣйствительно было ненужно, т.-е. невыгодно—но оно было необходимо, чтобы дать отпоръ клеветѣ и освѣтить свѣтомъ правды личность покойнаго депутата. Вотъ подлинный текстъ тѣхъ словъ, которыми Герценштейнъ, по увѣренію загробныхъ враговъ его, самъ осудилъ себя на смерть, за которыя онъ, по выраженію деп. Шульгина, не могъ не поплатиться жизнью [1]): „Принудительное отчужденіе вводится въ интересахъ государственной пользы, а это предусмотрѣно нашими основными законами. Нужно только установить наличность государственной пользы, государственной необходимости. Чего же вы теперь ожидаете? *Вы хотите, чтобы зарево охватило цѣлый рядъ губерній? Мало вамъ развѣ опыта майскихъ иллюминацій прошлаго года* [2]), *когда въ саратовской губерніи чуть ли не въ одинъ день погибло сто пятьдесятъ усадебъ?* Нельзя теперь предлагать мѣры, разсчитанныя на продолжительный срокъ: необходима экстренная мѣра, а принудительное отчужденіе и есть экстренная мѣра! Мы переживаемъ такое время, когда надо дѣйствовать не медленнымъ путемъ, а чрезвычайно энергично". Совершенно ясно, что не глумленіе надъ потерпѣвшими имѣлъ въ виду Герценштейнъ, не съ злорадствомъ онъ говорилъ объ *иллюминаціяхъ*, повторенія которыхъ онъ опасался, *зарева* которыхъ онъ не хотѣлъ вновь видѣть на темномъ горизонтѣ. Совершенно правильно указалъ деп. Милюковъ, что исказить мысль

---

[1]) См. стенографическій отчетъ о сессіи первой Государственной Думы, засѣданіе 12-ое, 19-го мая 1906-го года, стр. 524.

[2]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что этими словами опровергается предположеніе г. Шульгина о слушателѣ Герценштейна, впервые, въ эту минуту, узнающемъ о бѣдствіи, происшедшемъ въ его родномъ краѣ. Между поджогами усадебъ въ саратовской губерніи и рѣчью Герценштейна на самомъ дѣлѣ прошелъ цѣлый годъ.

Герценштейна можно было только вырвавъ слово изъ контекста фразы, приписавъ оратору настроеніе, безусловно ему чуждое.

Но, по извѣстной французской поговоркѣ, наиболѣе глухими оказываются тѣ, кто не хочетъ слышать. Два дня спустя послѣ того, какъ съ думской трибуны были прочитаны подлинныя слова Герценштейна, въ печати повторяется, въ еще болѣе беззастѣнчивой формѣ, та же нота, которая звучала въ рѣчи деп. Шульгина. „Убійства (Герценштейна и Іоллоса)—читаемъ мы въ „Новомъ Времени" (№ 11929)—имѣютъ въ себѣ настоящимъ мотивомъ не политическое расхожденіе во взглядахъ, но какое-то глубокое нравственное отвращеніе, отвращеніе къ общественному цинизму; а знаменитыя слова объ *иллюминаціяхъ* сытаго управляющаго еврейскимъ земельнымъ банкомъ, которому эти иллюминаціи ничѣмъ не грозили—горѣло чужое добро, а не Герценштейновское и Поляковское, горѣли русскія имѣнія, а не еврейское имущество,—эти слова были дѣйствительно циничны, жестоки, холодны и безумны". Тонъ соотвѣтствуетъ здѣсь содержанію. Ни одна уважающая себя газета не могла бы *такъ* говорить о покойникѣ—и говорить о немъ такую явную неправду. И откуда узналъ авторъ о настоящихъ мотивахъ, которыми руководствовались убійцы Герценштейна и Іоллоса? О самихъ убійцахъ, пока виновность ихъ—и степень виновности—не установлена судомъ, мы, конечно, не можемъ сказать ничего опредѣленнаго; но неужели въ той сферѣ, изъ которой они, по всей вѣроятности, вышли, возможно глубокое *нравственное* отвращеніе къ чему бы то ни было?...

16-го іюня состоялось первое засѣданіе коммиссіи, учрежденной для выработки „проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія". Дальнѣйшія занятія коммиссіи отложены до начала сентября. Финляндскимъ членамъ коммиссіи, въ виду недостаточнаго знанія ими русскаго языка, предоставлено внести въ коммиссію, къ этому времени, письменныя соображенія по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ составъ преподанной коммиссіи программы. Какъ ни кратокъ былъ обмѣнъ мнѣній, происшедшій въ засѣданіи 16-го іюня, онъ заставляетъ ожидать самыхъ серьезныхъ разногласій между русскими и финляндскими членами коммиссіи. Въ особенности характерна, съ этой точки зрѣнія, рѣчь г. Дейтриха, бывшаго при Н. И. Бобриковѣ помощникомъ финляндскаго генералъ-губернатора. Финляндскіе члены коммиссіи — какъ показываютъ слова одного изъ нихъ, архіепископа Іогансона, — приступили къ своему труду „въ томъ предположеніи, что будутъ соблюдены основные законы Финляндіи и конституція ея не будетъ нарушена".

Смыслъ этихъ словъ совершенно ясенъ: финляндскіе члены коммиссіи ожидаютъ, что составленный ею проектъ правилъ не будетъ утвержденъ и введенъ въ дѣйствіе безъ предварительнаго разсмотрѣнія его въ финляндскомъ сеймѣ. По мнѣнію г. Дейтриха вопросъ, возбужденный архіепископомъ, вовсе не подлежитъ обсужденію коммиссіи: ея задача — установить „матеріальное содержаніе" проекта, а не дальнѣйшее его направленіе. Съ этой точки зрѣнія не вяжется, однако, продолженіе рѣчи г. Дейтриха. Необходимо, по его словамъ, „имѣть въ виду ст. 2-ую основныхъ государственныхъ законовъ, согласно которой великое княжество финляндское, составляя нераздѣльную часть государства россійскаго, управляется особыми установленіями, на основаніи особаго законодательства, только во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Вотъ то незыблемое основаніе, котораго должны твердо держаться какъ русскіе, такъ и финляндскіе члены коммиссіи, чтобы довести ея предстоящіе труды до столь желаннаго для всѣхъ благополучнаго результата. Изъ приведенной статьи 2-й основныхъ законовъ съ непреложною очевидностью вытекаетъ, что Финляндія—не государство, а часть единой и нераздѣльной Россіи и что финляндское самоуправленіе—не государственнаго, а провинціальнаго характера. Это самоуправленіе можетъ и должно найти свои предѣлы только въ русскомъ общегосударственномъ законѣ. Въ Финляндіи раздаются голоса о передачѣ этого дѣла на рѣшеніе мѣстнаго сейма. Но такая постановка немыслима и недопустима съ русской точки зрѣнія. Она была бы также противозаконна и неправильна въ виду статьи 2-й основныхъ государственныхъ законовъ. Только русская державная власть можетъ опредѣлять и установлять предѣлы мѣстнаго самоуправленія отдѣльныхъ частей Россіи, въ томъ числѣ и самоуправленія Финляндіи". Итакъ, г. Дейтрихомъ выраженъ опредѣленный взглядъ на тотъ самый вопросъ, который онъ только-что призналъ выходящимъ за предѣлы вѣдѣнія коммиссіи. Между финляндскими членами коммиссіи и русскими—отъ имени которыхъ говорилъ г. Дейтрихъ, — сразу обнаружилось самое серьезное противорѣчіе, до устраненія котораго едва ли можно разсчитывать на „благополучный результатъ" трудовъ коммиссіи.

Для насъ совершенно ясно, что изъ ст. 2-ой основныхъ законовъ вовсе не истекаетъ тотъ выводъ, къ которому приходитъ г. Дейтрихъ. Что Финляндія не государство—это вѣрно: но отсюда еще не слѣдуетъ, что самоуправленіе ея—„провинціальнаго характера". Еслибы это было такъ, то незачѣмъ было бы упоминать о Финляндіи въ основныхъ законахъ; вѣдь не говорится же въ нихъ о самоуправленіи земскомъ и городскомъ. У Финляндіи есть свои *основные* законы, издавна дѣйствующіе, многократно подтвержденные и подлежащіе

измѣненію не иначе, какъ въ опредѣленномъ для того порядкѣ. Нельзя утверждать, поэтому, что предѣлы финляндскаго самоуправленія—т.-е. самостоятельности Финляндіи въ внутреннихъ дѣлахъ ея — могутъ и должны быть установляемы только русскимъ общегосударственнымъ закономъ. Законъ, общій для Финляндіи и для имперіи и касающійся, притомъ, *внутреннихъ дѣлъ* Финляндіи, не можетъ быть проводимъ помимо тѣхъ особыхъ установленій и безъ соглашенія съ тѣмъ особымъ законодательствомъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ ст. 2-ой нашихъ основныхъ законовъ. Въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о томъ, какія именно категоріи законовъ слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ: „касающіеся Финляндіи законы общегосударственнаго значенія". Отъ того или иного разрѣшенія этого вопроса зависитъ, въ значительной степени, вся будущность Финляндіи, все дальнѣйшее развитіе финскаго народа. Мыслимо ли отстранять отъ участія въ его обсужденіи народное представительство Финляндіи (припомнимъ, что народными представителями члены финляндскаго сейма именовались оффиціально даже въ моменты, наименѣе благопріятные для великаго княжества)? И такъ ли много законовъ, касающихся одновременно великаго княжества и имперіи, чтобы можно было опасаться какихъ-либо неудобствъ отъ установленія порядка, одинаково пріемлемаго для обѣихъ сторонъ? Гдѣ основаніе думать, что принципіальное, систематическое противодѣйствіе со стороны Финляндіи встрѣтилъ бы всякій законопроектъ, направленный къ справедливому согласованію правъ и интересовъ?.. Если Финляндія съ такимъ безпокойствомъ относится къ намѣренію правительства установить порядокъ изданія „законовъ общегосударственнаго значенія", то это объясняется условіями переживаемой нами минуты. Правила 20-го мая 1908-го года, уже сами по себѣ способныя возбудить тревогу среди финляндцевъ, получаютъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе; подлежащими разсмотрѣнію совѣта министровъ — т.-е. затрогивающими интересы имперіи—признаются вопросы чисто мѣстнаго характера. Отсюда естественное опасеніе, внушаемое неопредѣленнымъ будущимъ. Оно усиливается выходками псевдо-патріотической печати, еще недавно, напримѣръ, старавшейся доказать, что черезъ совѣтъ министровъ должно было пройти такое чисто финляндское дѣло, какъ отсрочка засѣданій финляндскаго сейма.

Въ проникнутой глубокою грустью рѣчи архіепископъ Іогансонъ выразилъ убѣжденіе, что „нападки, съ горечью и недостаточнымъ знаніемъ дѣла направляемыя противъ автономіи Финляндіи, въ значительной мѣрѣ отразятся на работѣ коммиссіи". Отвѣтъ г. Дейтриха подтверждаетъ это убѣжденіе. Съ самаго начала споръ поставленъ на такую почву, на которой немыслимо примиреніе. Безслѣдно

прозвучали торжественныя слова архіепископа, провозгласившаго финляндскую конституцію „наидрагоцѣннѣйшимъ", послѣ Евангелія, достояніемъ Финляндіи — достояніемъ, которымъ она пожертвовать не можетъ, такъ какъ отъ него зависитъ „исполненіе національно-культурной задачи финскаго народа". Ничего подобнаго нельзя сказать о задачахъ, предстоящихъ Россіи: осуществленію ихъ не можетъ помѣшать самая широкая автономія великаго княжества. Тѣснѣе всякой регламентаціи свяжетъ Финляндію съ Россіей увѣренность въ томъ, что самостоятельности слабаго матеріально, но сильнаго духовно народа не грозитъ могущество великой имперіи.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Нынѣшней весной во многихъ городахъ происходили выборы въ мѣстныя думы. Реформы городского самоуправленія все нѣтъ и нѣтъ. Обновленіе состава городскихъ гласныхъ совершалось, поэтому, все въ томъ же узкомъ кругу привилегированныхъ избирателей. И все же отъ нынѣшнихъ выборовъ повѣяло нѣкоторой бодростью. Почти вездѣ замѣчается значительный переломъ общественнаго настроенія.

Екатеринославская газета „Приднѣпровскій Край", напримѣръ, по поводу мѣстныхъ выборовъ пишетъ: „Условія нынѣшнихъ выборовъ сильно отличаются отъ условій 1905-го года. Тогда рядовые домовладѣльцы и торговцы, напуганные революціей, полагали, что въ думу необходимо провести прежде всего „патріотовъ", дабы такимъ путемъ создать опору реакціи. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что реакція великолѣпно устроилась и хорошо себя чувствуетъ безъ поддержки городскихъ самоуправленій. Выяснилось, далѣе, что та же реакція стала поперекъ дороги самымъ назрѣвшимъ нуждамъ городской жизни. И, наконецъ, стало вполнѣ очевиднымъ, что „патріотическія" думы обходятся слишкомъ дорого карману городскихъ обывателей. А выводъ отсюда только одинъ: нужны прогрессивные, честные, дѣльные и преданные городскимъ интересамъ дѣятели".

Въ такомъ же духѣ обрисовываетъ мѣстное общественное настроеніе тверской корреспондентъ „Русскаго Слова": „Предпослѣдніе выборы проходили подъ вліяніемъ обостренной политической борьбы. Городское хозяйство, конечно, ничего не имѣетъ общаго съ большою „политикою", но обыватели-собственники такъ были тогда напуганы

страхами всякихъ отчужденій, что выбирали кого угодно, только бы онъ не имѣлъ никакого отношенія къ „политикѣ". А такъ какъ въ ту пору всѣ живые, передовые люди, всѣ видные общественные дѣятели, разумѣется, принимали участіе въ „политикѣ", то напуганный обыватель отбросился отъ лучшихъ мѣстныхъ силъ въ сторону и сталъ выбирать въ городскую думу „патріотовъ". Такъ было почти повсемѣстно въ Россіи. Не избѣгла той же участи и Тверь. Городская дума была составлена изъ „патріотовъ".

Дальше въ этой корреспонденціи, а также въ обстоятельной корреспонденціи „Слова", подробно разсказывается, до какой чрезвычайной запущенности довела тверское городское хозяйство „патріотическая" дума.

Естественны, поэтому, были результаты новыхъ выборовъ, происходившихъ въ Твери въ срединѣ мая.

„Стоявшіе у власти городскіе дѣятели октябристы — сообщаютъ газеты — на новыхъ выборахъ потерпѣли полное крушеніе. Изъ 46 новыхъ гласныхъ 42 прошли по списку избирателей, поставившихъ своей цѣлью провести въ думу людей трудоспособныхъ, независимо отъ партійной группировки. Городской голова, октябристъ С. С. Нѣмовъ, прошелъ всего нѣсколькими голосами, и то послѣ перебаллотировки".

О побѣдѣ прогрессистовъ на городскихъ выборахъ сообщаютъ также изъ Смоленска, Керчи, Чернигова, Ростова-на-Дону, Вологды, Саратова и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Можно подумать, что прогрессисты повсюду очнулись отъ апатіи и дѣятельно взялись отвоевывать городскія самоуправленія у правыхъ антиобщественныхъ элементовъ. Мѣстныя газеты, однако, рисуютъ иную, довольно характерную картину. Прогрессисты попрежнему вялы и нерѣшительны почти повсюду. Побѣду же, часто неожиданно для нихъ самихъ, доставляетъ имъ перемѣна въ общественномъ настроеніи.

„Едва начались выборы — пишутъ изъ Чернигова, — какъ вдругъ на другой же день они были прерваны на двѣ недѣли. Изъ восемнадцати выбранныхъ новыхъ гласныхъ — только шесть правыхъ; остальные 12 прошли по списку прогрессистовъ. Это, можно сказать, для правыхъ основательное пораженіе, если принять во вниманіе развитую ихъ лидерами агитацію (вѣдь она для нихъ свободна) и ихъ мечтанія всецѣло овладѣть городской думой. На перерывѣ настаивали особенно союзники-избиратели: имъ нужно было кое въ чемъ себя подремонтировать... Интересно, что побѣда прогрессистовъ не была результатомъ ихъ агитаціи, — ибо таковой, на самомъ дѣлѣ, и не было, по причинамъ страха ради іудейска, — эта побѣда получилась, такъ сказать, сама собою, благодаря здравому смыслу город-

скихъ избирателей. Избиратель г. Чернигова, болѣе чѣмъ далекій вообще отъ политики, не рѣшается, повидимому, предоставить городское хозяйство въ распоряженіе союзниковъ".

Такимъ же пріятнымъ сюрпризомъ была побѣда прогрессистовъ въ Вологдѣ. „Готовились къ выборамъ — пишетъ мѣстный корреспондентъ—больше и горячѣй правые. Прогрессивные элементы какъ-то стушевались; нѣтъ того увлеченія, той агитаціонной дѣятельности, какую они проявили въ прошлые выборы. Отчасти и понятно, почему такъ. Прежній составъ управы, судившійся за организацію милиціи, а съ нимъ и нѣкоторые гласные отъ выборной кампаніи, говорятъ, устранились. Нынѣшній составъ управы, считающійся тоже прогрессивнымъ, собрать вокругъ себя достаточно сильной группы не въ состояніи. Словомъ, либеральные элементы оказались безъ вождей, потребность въ которыхъ особенно чувствуется въ моменты растерянности и разброда, каковъ переживаемый нынѣ".

И все же побѣда—на сторонѣ прогрессистовъ. Явленіе пріятное, но не совсѣмъ лестное для нихъ. Побѣда вытекаетъ не изъ результата ихъ дѣятельности, а изъ знаменательнаго, смутнаго перелома общественнаго настроенія. Изъ чего создается новое настроеніе, откуда назрѣваетъ оно—трудно сказать, но первые, слабые признаки его на мѣстахъ чувствуются довольно осязательно. Прогрессивный обыватель все еще унылъ, напуганъ, бездѣятеленъ. Широко и размашисто развертывается повсюду дѣятельность „союза русскаго народа". И все-таки какія-то новыя, бодрыя дуновенія общественности ощущаются.

„Предвыборное время проходитъ удивительно тихо,—пишутъ изъ Житомира въ „Кіевскія Вѣсти"; — не слышно ни о какихъ предвыборныхъ собраніяхъ, не видно со стороны обывателя никакихъ признаковъ жизни. Проявляютъ себя одни лишь „союзники". Они уже устроили одно предвыборное собраніе. Теперь созываютъ второе собраніе. Никого, конечно, не удивляетъ такая „жизнедѣятельность" союза. Все понятно безъ словъ: въ большинствѣ случаевъ обыватель спитъ, бодрствующій же обязанъ молчать и молчитъ. Это — явленіе обще-россійское. Другое дѣло—„союзники". Имъ все возможно. Къ тому же они теперь еще опьянены побѣдой на одесскихъ выборахъ, а житомирскій отдѣлъ вдобавокъ свято „хранитъ завѣты славной старины", когда здѣсь подвизался Иліодоръ съ прочей смиренной почаевской братіей".

Казалось бы, совсѣмъ плохо. Однако корреспондентъ увѣренно говоритъ: „Нечего, впрочемъ, бояться, что „союзники" болѣе или менѣе основательно пристроятся къ общественному дѣлу. Обыватель знаетъ и цѣнитъ ихъ по достоинству. По крайней мѣрѣ на первомъ

предвыборномъ собраніи, созывавшемся, какъ говорятъ, шесть разъ, обывателей явилось... человѣкъ пятнадцать".

Если разсматривать нынѣшніе городскіе выборы со стороны общественной самодѣятельности, то напрашиваются довольно странные и печальные выводы. Почти вездѣ большую энергію, сплоченность и организованность проявляетъ „союзъ русскаго народа". Правда, ему повсюду сопутствуетъ широкая административная помощь. Правда, что „союзниковъ" вдохновляютъ довольно низменные, алчные интересы. Правда, что почти вездѣ успѣхъ имѣютъ они чрезвычайно ничтожный и своимъ жаромъ скорѣе отталкиваютъ обывателя, а не привлекаютъ къ себѣ. Но все-же они собираются, организуются, агитируютъ, вообще дѣлаютъ какую-то общественную жизнь.

Наоборотъ, прогрессивный обыватель до чрезвычайности завялъ и затихъ. Конечно, извиненій и оправданій для этого достаточно. Административный гнетъ неслыханно великъ. Но не слишкомъ ли преуменьшилъ свои силы прогрессивный обыватель и не черезчуръ ли преувеличилъ угнетающее значеніе административнаго воздѣйствія?

Относительно городскихъ выборныхъ кампаній не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать одного обстоятельства: кругъ избирателей чрезвычайно съуженъ высокимъ цензомъ, прогрессивная часть этого узкаго круга обыкновенно малочисленна и въ достаточной степени, такъ сказать, буржуазна. Прогрессивныхъ избирателей, поэтому, нельзя въ полной мѣрѣ считать представителями прогрессивно-демократической части населенія. Громадная часть обывателей въ каждомъ городѣ потому и равнодушна къ выборамъ, что не можетъ принять въ нихъ, по безправности, никакого участія. Нынѣшній прогрессивный избиратель занимаетъ, такъ сказать, промежуточное и довольно неловкое положеніе. Онъ чуждъ по духу властвующему въ городскихъ думахъ большинству— и въ то же время оторванъ отъ демократической массы, отъ которой одной онъ могъ бы черпать силу и вдохновеніе. Можетъ быть, оттого прогрессивные гласные въ нынѣшнихъ городскихъ самоуправленіяхъ проявляютъ такую апатію и такое безплодіе.

Весной, когда я былъ проѣздомъ въ Саратовѣ, избиратели жаловались мнѣ на своихъ прогрессивныхъ гласныхъ („новодумцевъ"):

— На прошлыхъ выборахъ насулили намъ новодумцы въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ и того, и сего. А въ результатѣ—нуль. Ровно ничего не провели черезъ думу. Ни одного прогрессивнаго начинанія. Конечно, оправданье у нихъ есть: были въ меньшинствѣ, ничего не могли подѣлать. А вотъ не угодно ли посмотрѣть на цифры. Гласныхъ у насъ 80 человѣкъ. Новодумцевъ среди нихъ около 30. А въ думскія засѣданія всегда собиралось отъ 27 до 35 гласныхъ. Больше сорока, помнится, никогда и не было. Ну, вотъ, еслибы новодумцы аккуратно

ходили на засѣданія, то вѣдь очень часто большинство оставалось бы за ними. Нѣтъ, они еще неаккуратнѣе стародумцевъ относились къ городскому дѣлу. И въ коммиссіяхъ плохо работали. А всего обиднѣе вотъ что: обѣщались новодумцы, когда мы ихъ выбирали, созывать избирателей и дѣлать имъ доклады о ходѣ городскихъ дѣлъ. Ни одного собранія не созвали, ни одного доклада за все время не сдѣлали. Полная оторванность отъ населенія. Какая же для насъ разница теперь между стародумцемъ и новодумцемъ?

Недавно московскій видный общественный дѣятель разсказалъ свѣжую иллюстрацію къ подобной же вялости и разрозненности прогрессивныхъ гласныхъ московской думы.

— По новымъ выборамъ, — съ обидой въ голосѣ говорилъ онъ — прогрессивныхъ гласныхъ въ думѣ оказалось около 54 процентовъ. Такимъ образомъ, маленькое преимущество было на ихъ сторонѣ. Правые, съ городскимъ головой Н. И. Гучковымъ, очень скоро это поняли и проявили склонность ко всякимъ уступкамъ. Въ коммиссіяхъ прогрессисты вездѣ отвоевали себѣ половинную часть, а кое-гдѣ получили даже и большинство на одинъ голосъ. Но главная забота была — заполучить мѣста для прогрессистовъ среди членовъ управы. И это дѣло налаживалось. Правые склонялись дать намъ нѣсколько мѣстъ. И среди управы у прогрессистовъ могло создаться большинство. А только черезъ управу и можно практически вліять на ходъ городского дѣла. Ну-съ, недавно должны были быть выборы. Прогрессисты намѣтили кандидатовъ и обязались всѣ явиться на выборы. И что же? Нѣсколько человѣкъ совсѣмъ не пришли, а другіе опоздали къ выборамъ. И вся управа оказалась въ рукахъ правыхъ. Они и пришли, и не опоздали. Вотъ вамъ и прогрессисты!..

На основаніи такихъ печальныхъ примѣровъ нельзя, очевидно, особенно радоваться побѣдамъ прогрессистовъ на городскихъ выборахъ во многихъ городахъ Россіи. Какъ ни узка, ни однобока, ни своекорыстна работа въ городскихъ самоуправленіяхъ буржуазно-консервативныхъ гласныхъ, — она до извѣстной степени цѣльна и организована, такъ какъ близко соприкасается съ подкрѣпляющимъ и вдохновляющимъ ее классомъ буржуазно-консервативныхъ избирателей.

Прогрессивные гласные лишены пока этой цѣльности. Инженеръ, зажиточный докторъ, адвокатъ, архитекторъ—всѣ они укладомъ жизни и профессіональными отношеніями близки все къ тому же буржуазно-консервативному слою. Но по духу они часто чужды ему. Симпатіи ихъ клонятся къ обездоленной демократіи. А та отброшена на далекое разстояніе отъ мѣстнаго самоуправленія, равнодушна къ нему, нерѣдко враждебна и, въ общемъ, не можетъ дать прогрессивнымъ гласнымъ ни поддержки, ни настойчивыхъ жизненныхъ требованій.

Фатальное худосочіе дѣятельности нынѣшнихъ прогрессивныхъ гласныхъ, ихъ вялость, малосиліе, разбродъ — несомнѣнно, быстро исчезнутъ, какъ только расширеніе избирательной системы близко пододвинетъ къ городскимъ самоуправленіямъ здоровыя демократическія струи и когда корни прогрессивной дѣятельности будутъ питаться соками демократическаго чернозема.

Узкій, сдавленный кругъ городскихъ избирателей по существующей системѣ даетъ себя чувствовать все ощутительнѣе, и притомъ съ разнообразныхъ сторонъ.

Почти во всѣхъ сообщеніяхъ о происходившихъ городскихъ выборахъ говорится о недоборѣ гласныхъ. Въ Саратовѣ, напримѣръ, въ этой „столицѣ Поволжья", имѣющей около 200 тысячъ жителей, послѣ нѣсколькихъ утомительныхъ выборныхъ собраній оказалось избранными всего 56 гласныхъ (изъ 80-ти). Теперь среди глазныхъ возникла мысль — сообщаютъ мѣстныя газеты — возбудить ходатайство предъ правительствомъ о дополнительныхъ выборахъ гласныхъ до полнаго состава. Дѣло было, конечно, не въ борьбѣ партій, а въ томъ, что ни у стародумцевъ, ни у новодумцевъ не было достаточнаго числа подходящихъ кандидатовъ.

Не доизбраны гласные въ Твери. Были дополнительные выборы въ Смоленскѣ.

„Людей мало, людей нѣтъ",—говорятъ въ каждомъ городѣ.

Недавно, какъ забавный курьезъ, обошло газеты сообщеніе изъ Пскова о мѣстномъ городскомъ головѣ Агаповѣ. Оказывается, г. Агаповъ занимаетъ 27 общественныхъ должностей. Торопливое заключеніе каждаго читателя, вѣроятно, будетъ такое: „жадность".

Но есть и другая внушительная причина. Существующій законъ подпускаетъ къ общественнымъ дѣламъ такое незначительное число людей, и къ тому же эти люди, по большей части состоятельные, такъ поглощены собственными большими дѣлами, что около общественныхъ дѣлъ остается всего два-три человѣка. Въ каждомъ городѣ неизбѣжно встрѣтишь такихъ дѣятелей, которые состоятъ членами, предсѣдателями въ десяти, двадцати мѣстахъ. И не всегда это говоритъ о жадности или честолюбіи. Малолюдье заставляетъ разрываться на десятки должностей.

Въ частности, относительно г. Агапова слышалъ я въ Псковѣ, когда былъ здѣсь проѣздомъ, очень нелестные отзывы. Но въ то же время я видѣлъ среди мѣстной интеллигенціи чрезвычайное затрудненіе: она совершенно не знала, кого выдвинуть на новыхъ выборахъ кандидатомъ въ городскіе головы вмѣсто г. Агапова. Сами собесѣдники не имѣли ни выборныхъ правъ, ни прочныхъ корней въ насе-

леніи. Въ концѣ концовъ, они намѣчали въ кандидаты одного рыбнаго торговца, въ чаяніи, что онъ все-же будетъ лучше г. Агапова.

Въ Твери относительно городского головы, г. Нѣмова, мнѣ также говорили, что даже октябристы потеряли къ нему уваженіе. Но такъ какъ онъ былъ единственный толковый человѣкъ среди октябристовъ, то его и выбирали, волей-неволей, въ городскіе головы. Прогрессивная же часть населенія съ недоумѣніемъ разводила руками, совершенно не зная, кого намѣтить кандидатомъ вмѣсто г. Нѣмова.

Недостатокъ людей (цензовыхъ) на мѣстахъ нерѣдко путаетъ всѣ партійные разсчеты.

Въ концѣ февраля проѣзжалъ я черезъ Курскъ. Тамъ только-что закончились городскіе выборы. Побѣдили октябристы. Между прочимъ, отбросили они отъ городского дѣла такого виднаго общественнаго дѣятеля, какъ В. И. Долженковъ, едва ли не самое популярное лицо въ Курскѣ. Но городскимъ головой остался А. В. Алехинъ—прогрессистъ.

— Въ большомъ затрудненіи сейчасъ октябристы,—разсказывали мнѣ въ городѣ; — хочется имъ замѣнить кѣмъ-нибудь Алехина. Но совершенно нѣтъ никого. Къ тому же Алехинъ считается даже и октябристами опытнымъ, дѣловымъ головой. Навѣрное, волей-неволей, принуждены будутъ снова его выбрать.

Послѣ читалъ я въ газетахъ, что дѣйствительно избрали въ головы г. Алехина. Затѣмъ было сообщено, что губернская администрація не утвердила это избраніе. Какъ же поступила октябристская дума?

Недавно въ „Южномъ Краѣ“ была такая корреспонденція изъ Курска: „19 мая состоялось чрезвычайное засѣданіе курской городской думы. Въ виду предстоящихъ выборовъ городского головы, вмѣсто неутвержденнаго губернскимъ присутствіемъ А. В. Алехина, засѣданіе происходило въ залѣ общественнаго клуба и привлекло много публики. Открывъ засѣданіе, г. Алехинъ сообщилъ о своемъ неутвержденіи и о требованіи губернатора произвести новые выборы — и предложилъ думѣ намѣтить кандидатовъ для баллотировки въ головы.

— Просимъ васъ! Васъ просимъ!—раздались крики гласныхъ. Началась баллотировка, и значительнымъ большинствомъ (31 противъ 20) голосовъ снова избранъ головой А. В. Алехинъ. Результатъ баллотировки былъ встрѣченъ шумными аплодисментами гласныхъ и публики. Теперь куряне съ нетерпѣніемъ ждутъ, какъ администрація отнесется къ вторичному избранію г. Алехина“.

Получилась своего рода маленькая демонстрація противъ администраціи. А такъ какъ октябристовъ нельзя заподозрить въ особой склонности къ подобнымъ демонстраціямъ, то дѣлается очевиднымъ, что только крайняя, безвыходная нужда вытолкнула ихъ на ослушаніе начальству.

Нѣтъ людей — вотъ въ чемъ бѣда. Нѣтъ людей въ губернскихъ городахъ съ десятками и сотнями тысячъ населенія. Нѣтъ людей для общественнаго дѣла во всей Россіи при полутораста милліонахъ жителей. Отдѣльные факты начинаютъ подчеркивать нелѣпость этого общаго положенія все чаще и чаще. Даже октябристы начинаютъ убѣждаться, что худосочіе нынѣшнихъ городскихъ самоуправленій— совсѣмъ не шутка. И если въ Россіи вообще склонны ожидать, пока та или другая реформа весьма осязательно внутренно назрѣетъ, то по поводу реформы городского самоуправленія въ смыслѣ расширенія избирательной системы уже нѣтъ никакихъ сомнѣній, что она уже давно ярко и выразительно назрѣла.

Но жизнь подготовляетъ одно, а бюрократія стремится создать иное. Не говоря уже о крупной, капитальной реформѣ мѣстнаго самоуправленія, даже и маленькія улучшенія въ этой области встрѣчаютъ по прежнему административныя рогатки.

Микроскопическій шагъ въ реформѣ земскаго самоуправленія представляетъ указъ 5 октября 1906 года, дающій возможность крестьянамъ избирать изъ своей среды, безъ утвержденія губернатора, земскихъ гласныхъ. Но и здѣсь уже предпринимаются администраціей явныя и тайныя воздѣйствія, чтобы не пропустить къ земскому дѣлу передовыхъ крестьянъ.

Небольшую, но выразительную иллюстрацію изъ этой области сообщаетъ петровскій корреспондентъ (Саратовской губерніи). Въ Петровскѣ, говоритъ онъ, недавно состоялись выборы въ земскіе гласные отъ крестьянъ по новому закону. Среди выборныхъ по прежнему есть тѣ сѣрые, инертные представители отъ крестьянъ, которые, будучи въ большинствѣ случаевъ ставленниками администраціи, на земскихъ собраніяхъ лишь молча голосуютъ съ большинствомъ да угодливо поддакиваютъ отдѣльнымъ вліятельнымъ гласнымъ. Но есть и другіе люди, самостоятельныхъ взглядовъ и дѣйствій, люди, облеченные „особеннымъ довѣріемъ" избирателей, какъ ихъ съ трогательной наивностью называютъ въ крестьянскихъ избирательныхъ приговорахъ. Посылая этихъ избранниковъ, населеніе искренно надѣется внести улучшеніе въ свою жизнь. И, несомнѣнно, эти послѣдніе способны внести свѣжую струю въ затхлую атмосферу сословнаго земства. Но здѣсь-то именно, не смотря на новыя условія видимой независимости отъ утвержденія губернатора, и возникаетъ сомнѣніе, съумѣютъ ли прогрессивные представители добраться до залы земскихъ собраній, или же ихъ постигнетъ судьба ихъ предшественниковъ-единомышленниковъ, т.-е. изъятіе изъ состава гласныхъ административною волей.

Такой вопросъ невольно возникаетъ въ головѣ у всякаго, кто хоть мелькомъ ознакомится съ особыми документами, представляющими всестороннія характеристики крестьянскихъ кандидатовъ въ гласные. Вотъ одинъ изъ такихъ документовъ — отношеніе старо-славкинскаго волостного правленія къ уѣздному предводителю дворянства и въ земскую управу по поводу избранія крестьянина Дружаева. Въ рубрикѣ „поведеніе" значится: „неодобрительнаго", въ графѣ „политическая благонадежность" крупными буквами отмѣчено: „неблагонадежный". И далѣе слѣдуетъ краткое изложеніе признаковъ его неблагонадежности: „участвовалъ въ расхищеніи имущества гг. Ермолаевыхъ во время безпорядковъ въ 1905 году, за что былъ преслѣдуемъ начальствомъ, но почему-то никакому наказанію подвергнутъ не былъ". Развѣ не поведетъ—справедливо говоритъ корреспондентъ—къ соотвѣтствующимъ „воздѣйствіямъ" подлежащихъ сферъ, въ видѣ административной высылки, напримѣръ, эта характеристика, или, вѣрнѣе, доносъ, притомъ ни на какихъ реальныхъ данныхъ не основанный, ибо кр. Дружаевъ, по словамъ этой бумаги, не только не былъ судимъ, но даже начальствомъ, которымъ онъ „былъ преслѣдуемъ", „никакому наказанію подвергнутъ не былъ"? Интересно, что приговоръ волостного схода, который сопровождался приведенной „характеристикой", въ свою очередь тоже пишетъ характеристику избранника, но ужъ, разумѣется, противоположнаго характера. „Избираемое нами лицо — говоритъ приговоръ волостного схода — поведенія хорошаго, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ и нынѣ не состоитъ, и пользующееся съ нашей стороны особеннымъ довѣріемъ".

Проклятіе нынѣшняго времени въ томъ и заключается, что „особенное довѣріе" населенія къ извѣстному лицу неизбѣжно вызываетъ особенную подозрительность администраціи.

Приведенный изъ саратовской крестьянской жизни случай, къ сожалѣнію—не досадное недоразумѣніе. Изъ источниковъ, близкихъ къ деревнѣ, извѣстно, что администрація прилагаетъ большую и всестороннюю энергію, чтобы воздѣйствовать на крестьянскіе выборы въ земства и свести на нѣтъ указъ 5 октября 1906 года.

Вполнѣ возможны на этой почвѣ и прямыя нарушенія губернской администраціей названнаго указа. Прецеденты уже были.

Въ 1906 году въ Вятскую губернію указъ 5 октября дошелъ тогда, когда въ нѣсколькихъ уѣздахъ земскіе выборы еще не были произведены. Губернаторъ князь Горчаковъ, вполнѣ сознательно отложилъ примѣненіе закона и, по старому, самолично назначилъ земскихъ гласныхъ изъ кандидатовъ-крестьянъ.

Въ Вяткѣ разсказывали мнѣ объ этомъ видные мѣстные общественные дѣятели, которые ѣздали въ свое время отъ вятскаго зем-

ства въ Петербургъ къ премьеръ-министру Столыпину съ указаніемъ на незакономѣрную дѣятельность губернатора. Предсѣдатель кабинета согласился съ депутаціей, но безпомощно развелъ руками, не зная, какъ поправить дѣло. Такъ незакономѣрное дѣяніе князя Горчакова и осталось проведеннымъ въ земскую жизнь, безъ всякаго непріятнаго послѣдствія для самого губернатора.

Возможно, что и при выборахъ нынѣшняго года законъ пострадаетъ не только отъ косвеннаго, но и отъ прямого воздѣйствія усердствующей губернской власти.

Объ этомъ слѣдуетъ твердо помнить всѣмъ прогрессивнымъ дѣятелямъ, близко стоящимъ къ земской и крестьянской жизни. Пока нѣтъ крупной земской реформы, необходимо охранять и маленькія, частичныя завоеванія въ этой области. И, какъ это ни странно звучитъ, обывателю приходится стоять „на стражѣ закона", памятуя о возможномъ незакономѣрномъ усердіи губернской администраціи.

И. Жилкинъ.

ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Кажется, никогда еще такъ остро, какъ въ минувшемъ сезонѣ, не чувствовалась нашими художниками потребность въ собственномъ помѣщеніи для выставокъ, никогда еще такъ не негодовали на коммиссію при академіи художествъ, которая вѣдаетъ вопросъ о постройкѣ спеціальнаго выставочнаго помѣщенія при академіи и которая немало лѣтъ засѣдаетъ совершенно безрезультатно. Никому неизвѣстно даже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ занимается эта почтенная коммиссія. Для устройства выставокъ художникамъ приходится мириться съ какимъ попало помѣщеніемъ, подыскивать пустующія барскія квартиры и открывать ихъ Богъ знаетъ на какихъ улицахъ, въ сторонѣ отъ центра и движенія, что несомнѣнно не способствуетъ успѣху выставокъ въ матеріальномъ отношеніи. Вотъ въ одной изъ такихъ пустующихъ барскихъ квартиръ, съ неудобнымъ свѣтомъ и малоподходящимъ расположеніемъ комнатъ, и открылась выставка „новаго общества художниковъ". Въ сущности не совсѣмъ ясна цѣль организаціи этого общества; по составу членовъ-художниковъ оно представляетъ собой нѣчто среднее между „союзомъ русскихъ художниковъ" и „весенней" выставкой въ академіи художествъ. И эта „срединность" красной нитью

проходитъ по всей дѣятельности „новаго общества художниковъ". Вполнѣ опредѣленно получается такое впечатлѣніе, что лучшія свои работы художники даютъ на „основныя" свои выставки — „союза" и „весеннюю", и лишь тѣ художники—числомъ очень и очень немногіе, которые только въ „новомъ обществѣ" принимаютъ дѣятельное участіе, присылаютъ туда свои значительнѣйшія произведенія. „Новое общество" организовалось лѣтъ шесть тому назадъ, когда между членами „весенней" выставки почувствовалось сильное разногласіе въ весьма существенныхъ положеніяхъ и немало талантливыхъ художниковъ выступило изъ числа ея экспонентовъ. Одни изъ отдѣлившихся начисто порвали съ „весенней" выставкой, другіе года черезъ два-три послѣ разрыва снова стали посылать на „весеннюю" свои вещи. Когда же развились и окрѣпли выставки „союза русскихъ художниковъ", собравшія подъ свою сѣнь, за рѣдкими исключеніями, все что ни на есть въ русской современной живописи талантливаго и выдающагося, къ нимъ примкнула и бо̀льшая часть участниковъ выставки „новаго общества художниковъ". И мало-по-малу выставки „новаго общества" потеряли характерныя особенности, всегда присущія самостоятельной и сильной художественной организаціи. И на теперешней выставкѣ рѣшительно нечего отмѣтить такого, что̀ бы рельефно характеризовало ее. Личное мое впечатлѣніе—самое сѣрое, самое обыденное; прошелся нѣсколько разъ по выставкѣ, и ничто не притянуло вниманія, ничто не заставило развернуть каталогъ. Вотъ только развѣ большое скульптурное произведеніе Шервуда—„Толстой-мыслитель". Работа эта задумана въ высшей степени любопытно и своеобразно, но въ техническомъ отношеніи страдаетъ обычными отрицательными качествами техники этого художника; какая-то въ ней безконечная эскизность, если такъ можно выразиться. Очень хотѣлось бы видѣть произведенія Шервуда не только, какъ всегда, въ одной глинѣ или гипсѣ, но и въ мраморѣ; тутъ бы гораздо опредѣленнѣе выступили отрицательныя и положительныя стороны его дарованія. И надо очень и очень опасаться, какъ бы отрицательныя не выросли до такой величины, о которой не подумываютъ поклонники теперешнихъ шервудовскихъ произведеній, увлеченные, повидимому, оригинальностью и неожиданностью полета его нѣсколько экзальтированной фантазіи. Но г. Шервудъ еще молодъ, наличность художественнаго дарованія у него внѣ всякихъ сомнѣній, и быть-можетъ въ дальнѣйшемъ изъ него еще выработается интересный скульпторъ, каковыхъ, къ сожалѣнію, такъ немного въ современномъ русскомъ искусствѣ.

Обращаясь къ остальнымъ экспонентамъ выставки „новаго общества художниковъ", я долженъ сказать, что если отмѣтить прото-

кольно-слащавые мотивы на историческія темы г. Кардовскаго, не въ примѣръ болѣе интересные и своеобразные, чѣмъ прошлогодніе, архитектурные наброски г. Ноаковскаго, прелестные, полные чарующей поэтичности и художественности пейзажи г. Богаевскаго, безудержныя „экзерсиціи“ Канчаловскаго, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ нашихъ современныхъ художниковъ, что въ погонѣ за модными трюками и подражаніями иностранцамъ безъ остатка растеряли свои индивидуальныя черты, хорошо написанный г-жею Делла-Васъ-Кардовскою портретъ одного изъ начинающихъ поэтовъ Н. Гумилева, то больше вспомнить рѣшительно не о чемъ.

Говоря о выставкѣ „новаго общества“ художниковъ, я умышленно не касался посмертной выставки молодого талантливаго и много обѣщавшаго художника Н. М. Фокина. Не могу понять—съ одной стороны тѣхъ, кто устраивалъ посмертную выставку, а съ другой—главарей выставки „новаго общества“. Посмертная выставка, довольно значительная по числу экспонатовъ, оттянула и даже растворила въ себѣ немногія характерныя черты, остававшіяся у выставокъ „новаго общества художниковъ“, а близкое сосѣдство господъ Канчаловскихъ и нѣкоторыхъ другихъ живописцевъ, отъ которыхъ Н. М. Фокинъ всегда спокойно, но настойчиво сторонился, повредило цѣльности впечатлѣнія, получившагося отъ произведеній этого пейзажиста. Талантъ Н. М. Фокина не Богъ вѣсть какихъ громадныхъ размѣровъ, но владѣлъ онъ тѣми средствами, что дало ему его дарованіе, мастерски; онъ любилъ природу съ чистой юношеской страстью, съ горячимъ увлеченіемъ воспринималъ красоту природы, при чемъ особенно родственны, дороги и близки сердцу его были пейзажи сѣвера. „Онъ такъ любилъ бѣлые ландыши,—пишетъ о немъ его біографъ, его близкій другъ и товарищъ художникъ Далькевичъ,—бѣлыя березки, бѣлый снѣгъ, дѣвственный и чистый, какъ чиста была его душа, какъ дѣвственна его любовь къ природѣ. Онъ отвернулся отъ ярмарочной сутолоки жизни, онъ ушелъ въ свою „тихую обитель“ отшельника, къ своей возлюбленной, и здѣсь, какъ въ храмѣ, о ней прозвучала его лебединая пѣсня. Порвались струны... Но живы слетавшія съ нихъ нѣжныя, элегическія мелодіи, и онѣ не перестанутъ звучать для всѣхъ, въ комъ не угасла потребность прислушиваться къ ласкающему, тихому говору природы“.

Страннымъ покажется, что о такомъ симпатичномъ дарованіи у насъ мало говорили. Фокинъ, по складу своего дарованія, по складу своей натуры, тихой, сосредоточенной, набожно-влюбленной въ красоту природы, не могъ сочувствовать тѣмъ эксцессамъ манерничанья, какими отличаются столь многіе изъ современныхъ нашихъ художниковъ. Онъ стоялъ всю свою недолгую жизнь внѣ партій и интересовъ

кружковъ. „Партійные" критики не ломали изъ-за него копій, а съ улыбкой снисходительнаго пренебреженія окидывали произведенія этого чудаковатаго, по ихъ мнѣнію, отшельника-художника.

Не пишется ни о выставкѣ „петербургскаго общества художниковъ", ни о выставкѣ „общества художниковъ-акварелистовъ". Богъ съ ними, съ ихъ искусствомъ, приноровленнымъ исключительно для тѣхъ по истинѣ „потребителей", что чуть ли не съ аршиномъ ходятъ по выставкамъ и по размѣрамъ свободнаго пространства на стѣнахъ своихъ парадныхъ комнатъ приглядываютъ себѣ „картиночки" въ хорошенькихъ рамочкахъ, такъ подходящихъ подъ общій гнетущій стиль буржуазныхъ обстановокъ. Нѣсколько словъ тянетъ сказать о передвижной выставкѣ этого года. Хочется повѣдать о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое оставляетъ послѣднее полотно И. Е. Рѣпина: „Черноморская вольница"—„clou" выставки. Тяжелое тѣмъ, что невольно въ памяти встаютъ прошлыя выставки передвижниковъ, на которыя мы, юношами, прямо-таки сбѣгались отъ мертвечины академическихъ выставокъ и въ первую голову неслись смотрѣть, восторгаться, охать и ахать и обсуждать произведенія Рѣпина, ибо въ нихъ была великая красота, мастерство изумительное, талантъ, поднимавшійся до вершинъ искусства. Сколько волненій, толковъ, горячихъ споровъ и разногласій вызывали работы Рѣпина, съ какой яркостью ломались копья критиковъ, какъ бѣшено и оглушительно гудѣла знаменитая труба Стасова. Все это—въ далекомъ прошломъ...

Вотъ уже не одинъ годъ выставляетъ Рѣпинъ у тѣхъ же передвижниковъ, и молча обходишь его произведенія, такъ какъ не намъ критиковать его теперешнія работы. Онѣ — прямая дань времени. Усталъ художникъ, ослабѣли его краски, сбился рисунокъ, изсякъ могучій творческій порывъ. Но эти послѣднія работы и въ частности неудачная, сочиненная „композиція" на историческую тему: „Черноморская вольница", не смогутъ имѣть какого-либо вліянія на то значеніе Рѣпина въ исторіи искусства, которое онъ пріобрѣлъ всей своей художественной дѣятельностью. Рѣпинъ навсегда останется славой и гордостью русскаго живописнаго искусства. Въ работахъ Рѣпина бездна чистой художественной красоты, могучаго таланта, поднимающаго его произведенія къ вершинамъ искусства и ставящаго его творчество на ряду съ творчествомъ величайшихъ европейскихъ художниковъ. Рѣпинъ—цѣлая школа, цѣлая эпоха русскаго искусства. Рѣпинъ—яркій выразитель характерныхъ особенностей русской живописи второй половины девятнадцатаго вѣка.

Кромѣ Рѣпина некого упомянуть на выставкѣ передвижниковъ.

Эти выставки—какіе-то города мертвыхъ; участники ихъ всѣ—въ минувшемъ, дарованія ихъ поблекли, старческіе годы хмуро нависли надъ ними. Но не хотятъ еще сдаваться и дрожащими руками продолжаютъ держать палитру и кисти всѣ эти немногіе уже теперь могикане передвижничества.

Скажу нѣсколько словъ о предстоящей осенью выставкѣ blanc et noir, имѣющей на мой взглядъ немалое художественное значеніе. Внѣшность русской книги (въ данномъ случаѣ имѣются въ виду преимущественно произведенія изящной словесности и даже спеціально художественныя изданія) въ высшей степени бѣдна, тосклива и неартистична. Типографское дѣло, въ большинствѣ случаевъ, ведется у насъ настолько рутинно, что почти всѣ попытки оживить его оканчиваются неудачей. Изъ всей массы нашихъ типографій только очень немногія стараются нѣсколько скрасить мертвый шаблонъ своихъ изданій, вырабатываютъ новые рисунки шрифтовъ, заставокъ, концовокъ, стильныя обложки, оригинальный форматъ. Конечно, въ томъ, что дѣло обстоитъ такъ плачевно, немало виноваты и сами наши художники, совершенно индифферентно относящіеся къ нему, словно не сознавая, что въ типографскомъ дѣлѣ для ихъ творчества и способностей представляется широкое поле дѣятельности. Только за самое послѣднее время рядъ молодыхъ художниковъ, какъ Добужинскій, Лансере, Чемберсъ и нѣкоторые другіе, обратили на типографское дѣло серьезное вниманіе и, несомнѣнно, повліяли на нѣкоторое его оживленіе.

Но въ типографско-издательскомъ дѣлѣ осталась еще одна область, широкая и высоко интересная для нашихъ художниковъ—область, которая ими почти совершенно не использована. Я имѣю въ виду иллюстраціи. У насъ вѣдь почти совсѣмъ нѣтъ художниковъ-иллюстраторовъ. И какъ это ни странно на первый взглядъ, русская литература страшно мало привлекала вниманіе нашихъ художниковъ. Иллюстраціонное дѣло въ Россіи находится не только въ самомъ жалкомъ состояніи, но на протяженіи всей его недолгой исторіи трудно отмѣтить какое-либо серьезное и значительное произведеніе. Вся литература на Западѣ, особенно въ сосѣднихъ и родственныхъ намъ славянскихъ земляхъ, имѣетъ своихъ вдумчивыхъ, серьезныхъ и талантливыхъ толкователей въ рисункахъ. Наиболѣе даровитые художники-иностранцы всѣ вносятъ крупицу своего труда и таланта въ важное и интересное дѣло иллюстрированія произведеній писателей своей и міровой литературы. И нигдѣ нельзя отмѣтить такого безразличнаго отношенія къ иллюстраціонному дѣлу, какъ со стороны русскихъ художниковъ. Мнѣ вспоминаются два характерные факта.

Къ покойному Д. В. Григоровичу кто-то обратился при мнѣ за совѣтомъ, кому изъ художниковъ можно было бы поручить иллюстрированіе одного литературнаго произведенія. Григоровичъ, отлично знавшій нашихъ художниковъ, не нашелся что̀ и отвѣтить. На мой вопросъ, чему приписываетъ онъ подобное равнодушное отношеніе нашихъ художниковъ къ иллюстраціямъ, Григоровичъ отвѣтилъ приблизительно такъ: „Некультурности подавляющаго большинства русскихъ художниковъ. Они, за самыми рѣдкими исключеніями, очень мало интересуются всѣмъ тѣмъ, что̀ не относится непосредственно къ ихъ прямому дѣлу, наивно думая, что можно быть интереснымъ и оригинальнымъ художникомъ при минимальной, такъ сказать, культурности". Какъ ни непріятно сознаться, но въ этихъ словахъ много правды. Второй фактъ передалъ мнѣ какъ-то въ разговорѣ А. Ѳ. Кони. Извѣстный историческій живописецъ, написавшій популярную по тысячамъ репродукцій картину „Ледяной домъ", проф. Якоби, однажды жаловался Кони на то, что нѣтъ ничего интереснаго, нѣтъ мотивовъ не только для большихъ работъ, но даже для иллюстрацій. А. Ѳ. Кони замѣтилъ, что было бы очень интересно иллюстрировать „Братьевъ Карамазовыхъ". „Ну, что̀ тамъ любопытнаго!"—съ олимпійскимъ величіемъ отвѣчалъ Якоби, вѣроятно никогда и не читавшій произведенія Достоевскаго.

Невысокою культурностью нашихъ художниковъ объясняется слабый ихъ интересъ къ русской изящной литературѣ, не говоря уже о произведеніяхъ иностранныхъ писателей; они почти вовсе съ нею незнакомы. Иначе живой и пытливый умъ художника не могъ бы не увлечься произведеніями нашихъ писателей и поэтовъ. Смѣшно сказать, а среди все-таки очень большого числа русскихъ художниковъ едва ли насчитаешь пять-шесть именъ, выдѣлившихся въ иллюстраціонномъ дѣлѣ. Художники эти—И. Билибинъ, М. Добужинскій, Д. Кардовскій, Л. Пастернакъ, Е. Лансере, Чемберсъ. Да и то одинъ изъ перечисленныхъ художниковъ, Пастернакъ, исполнивъ свои значительныя и интересныя иллюстраціи къ „Воскресенію" Льва Толстого, дальше въ иллюстраціонномъ дѣлѣ не пошелъ, не смотря на то, что имѣетъ всѣ данныя, чтобы создать еще много талантливыхъ иллюстрацій. Такимъ образомъ, между нашими художниками замѣтныхъ иллюстраторовъ только пять. Они съ успѣхомъ выполняютъ все то, что̀ берутъ на себя, ибо они—люди, помимо своей талантливости, широко образованные, внимательно и любовно слѣдящіе за литературой, хорошо знакомые съ ея исторіей. Оттого въ ихъ иллюстраціяхъ все интересно, умно и оригинально.

У насъ, къ сожалѣнію, немного усилій прилагается къ тому, чтобы поднять иллюстраціонное дѣло. Одно время именно съ этой цѣлью

энергичный художникъ-граверъ В. В. Маттэ и архитекторъ Ѳ. Беренштамъ организовали въ стѣнахъ академіи художествъ выставки blanc et noir. Выставки эти имѣли большой успѣхъ художественный и минимальный съ матеріальной стороны; просуществовали онѣ года два и прекратились за недостаткомъ средствъ. А наша академія художествъ, занятая все время какими-то невѣдомыми дѣлами, все не находила средствъ для поддержанія такого полезнаго и культурнаго дѣла, какимъ являются выставки blanc et noir, и лишь только на этихъ дняхъ, послѣ настойчивыхъ указаній В. Маттэ о ихъ необходимости, рѣшила возобновить ихъ съ осени этого года. Въ добрый часъ!

Долгое время циркулировавшіе слухи о нарожденіи новаго художественнаго журнала, наконецъ, оправдались. Дѣло затѣяно художественнымъ критикомъ С. Маковскимъ, заявившимъ себя, организаціей перваго русскаго художественнаго салона, опытнымъ и энергичнымъ дѣятелемъ. Возникновеніе художественнаго журнала именно теперь вполнѣ своевременно. Такого журнала у насъ давно не было, такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать въ серьезъ изданіе общества поощренія художествъ—„Художественныя сокровища Россіи", не имѣвшее рѣшительно никакого значенія въ послѣдніе свои годы, когда его редактировалъ профессоръ А. Праховъ. Московское „Золотое Руно", въ виду своей совершенно особой специфичности, тоже въ счетъ идти не можетъ. По вѣрному опредѣленію одного художественнаго критика, долгое время бывшаго сотрудникомъ этого журнала, „Золотое Руно" все время только суетливо металось и хватало верхушки; редакціонное ядро его составляли художники, безмѣрно кадившіе другъ другу, устроившіе изъ редакціи какую-то кумирню самимъ себѣ. Остается всего-на-всего одинъ небольшой журналъ, выходящій въ Кіевѣ, интересный только для провинціальнаго круга читателей.

И въ то же самое время въ самыхъ широкихъ слояхъ публики, какъ столичной, такъ, въ особенности, и провинціальной, все больше растетъ интересъ и вниманіе къ художеству. То обстоятельство, отмѣченное и нами въ одной изъ хроникъ художественной жизни, что столичная публика мало посѣщаетъ выставки, нисколько не противорѣчитъ указываемому нами росту интереса къ искусству. Публика страшно сбита съ толку, она не знаетъ, куда ей идти и что̀ смотрѣть; она не вѣритъ большинству молодыхъ художниковъ, по театральному задрапировавшихся въ тогу величія и недосягаемости, — и въ то же время хочетъ разобраться во всемъ этомъ движеніи и уяснить себѣ, что̀ въ немъ значительно и заслуживаетъ вниманія и что̀ совершенно

вздорно и представляетъ собой только одно лишь манерничанье. Не часты у насъ лекціи по вопросамъ эстетики. Нѣтъ у насъ людей, которые взяли бы на себя нелегкій трудъ пропаганды правильнаго и опредѣленнаго взгляда на искусство. Въ настоящее время такая пропаганда нужна особенно, и большое можетъ быть сдѣлано дѣло для русскаго искусства, если она будетъ вестись умно, со знаніемъ и любовью. Когда я узналъ, что С, Маковскій съ октября будетъ выпускать въ свѣтъ ежемѣсячный художественный журналъ, подъ красивымъ названіемъ „Аполлонъ", то немало порадовался, что это дѣло попадаетъ въ руки такого искренняго человѣка, какимъ является въ своихъ художественныхъ взглядахъ С. Маковскій. Можно соглашаться съ нимъ или не соглашаться въ тѣхъ или иныхъ частностяхъ, но большое удовлетвореніе дается сознаніемъ, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ вполнѣ твердыхъ взглядовъ на искусство, человѣкомъ правдивымъ и искреннимъ. Эти качества въ руководителѣ современнаго русскаго художественнаго журнала тѣмъ особенно важны, что, благодаря имъ, легче будетъ вести корабль журнала по взбаломученному морю нашей художественной жизни.

Я, къ сожалѣнію, не знаю состава редакціи. Собрать сплоченную редакціонную семью именно теперь, когда въ средѣ нашихъ художниковъ идетъ такое дробленіе, такая неразбериха—трудъ большой. Но только при условіи такой редакціи, сплоченной единымъ догматомъ художественной вѣры, яснымъ пониманіемъ значительности своей задачи, твердымъ сознаніемъ правильности выбраннаго ею пути — и можно ждать опредѣленныхъ результатовъ. И хочется тутъ выразить искреннее пожеланіе, чтобы тѣ немногіе образованные, культурные, энергичные художественные дѣятели, что насчитываются у насъ единицами, бросили бы хоть на время всѣ свои—въ сущности, мелкіе—счеты и пререканія, забыли бы о китайской дипломатіи, которая такъ засосала многихъ нашихъ художниковъ и художественныхъ дѣятелей, и соединились бы въ дружной совмѣстной работѣ.

Ив. Лазаревскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1909 г.

Свиданія монарховъ и тревожныя заботы о мирѣ.—Особое миролюбіе Вильгельма II.—Финансовые законопроекты и канцлерскій кризисъ въ Германіи.—Нѣмецкія либеральныя партіи и соціалъ-демократія.—Русскіе депутаты въ Англіи.—Англійскія дѣла.

Въ международныхъ отношеніяхъ Европы чувствуется опять какая-то напряженность, заставляющая правителей и публицистовъ много говорить о прочности мира. Монархи путешествуютъ, обмѣниваются визитами, произносятъ политическіе тосты, чтобы увѣрить всѣхъ въ своемъ миролюбіи, а между тѣмъ вооруженія постоянно усиливаются подъ предлогомъ обезпеченія внѣшней безопасности, которой никто будто бы не угрожаетъ.

Свиданіе двухъ императоровъ въ финляндскихъ шхерахъ, 4 (17) іюня, имѣло вполнѣ оффиціальный характеръ и должно было служить нагляднымъ доказательствомъ того, что между Германіею и Россіею сохраняются традиціонныя дружественныя связи, не только фамильныя и придворныя, но и политическія, въ интересахъ общаго мира. Съ германской стороны подчеркивалось, что это былъ лишь отвѣтный визитъ, объясняемый соображеніями международной вѣжливости, и въ то же время указывалось на то, что инціатива свиданія не принадлежала Вильгельму II. Присутствіе отвѣтственныхъ министровъ обѣихъ имперій—германскаго статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Шёна, П. А. Столыпина и А. П. Извольскаго — свидѣтельствовало о политическомъ значеніи визита, истинный смыслъ котораго не нуждался въ комментаріяхъ. Послѣ памятнаго выступленія Германіи противъ Россіи въ боснійскомъ вопросѣ, надо было, очевидно, предпринять какой-нибудь шагъ, чтобы возстановить по крайней мѣрѣ внѣшнее подобіе старой оффиціальной дружбы, и шагъ этотъ былъ сдѣланъ по желанію русскаго правительства, такъ какъ берлинскій кабинетъ не торопился и, быть можетъ, не желалъ изгладить впечатлѣніе своихъ мартовскихъ угрозъ. Намъ же этотъ визитъ понадобился потому, что безъ него были бы неудобны или могли быть перетолкованы въ нежелательномъ смыслѣ предстоящія свиданія съ монархами Англіи и Италіи. Впрочемъ, нѣсколько дней спустя, на бан-

кетѣ въ Куксгафенѣ, 22 іюня, Вильгельмъ II призналъ свою поѣздку въ Бьерке „могущественнымъ подтвержденіемъ мира“ и выразилъ при этомъ свое сознаніе отвѣтственности передъ Богомъ за благо ввѣреннаго ему народа. Монархи, по его словамъ, должны заботиться о мирномъ преуспѣяніи своихъ народовъ, ибо народы жаждутъ мира, дающаго имъ возможность посвящать свои силы великимъ задачамъ культуры, стремиться къ экономическому развитію и благосостоянію. Изъ этого слѣдуетъ, что Вильгельмъ II не даромъ ѣздилъ въ финляндскія шхеры и что ему стоило бы отправиться туда даже по собственному побужденію, съ цѣлью доставить народамъ лишнюю гарантію мира.

Что народы хотятъ жить въ мирѣ и страшно боятся войны, какъ величайшаго бѣдствія—это всѣмъ извѣстно и никѣмъ не оспаривается. Если монархи раздѣляютъ стремленія и взгляды народовъ, то откуда же берется это постоянное ожиданіе грозныхъ военныхъ столкновеній? Гдѣ источникъ этой лихорадочной воинственной тревоги, побуждающей народы и правительства тратить милліарды на непрерывныя приготовленія къ войнѣ? Какъ случилось, напримѣръ, что разсудительная британская нація стала серьезно опасаться германскаго нападенія? Нѣмецкіе патріоты иногда въ свою очередь приписываютъ англичанамъ враждебные планы противъ Германіи, и фактически между обѣими націями установилось недовѣріе, положившее начало новой группировкѣ державъ. Англія рѣшительно примкнула къ франко-русскому союзу, преобразовавъ его въ тройственное соглашеніе, способное хотя отчасти служить противовѣсомъ одностороннему преобладанію Германіи въ международныхъ дѣлахъ Европы. Англійская печать сильнѣе чѣмъ когда-либо занимается вопросами о военныхъ силахъ и средствахъ страны, объ увеличеніи арміи и флота, о постройкѣ новыхъ броненосцевъ, и эти заботы о внѣшней защитѣ имперіи все болѣе овладѣваютъ умами не только въ самой Англіи, но и въ ея могущественныхъ полунезависимыхъ колоніяхъ. Съѣздъ представителей колоніальной прессы въ Лондонѣ горячо обсуждалъ способы осуществленія того участія въ общей оборонѣ имперіи, которое признавалось необходимымъ со стороны отдѣльныхъ колоній; англійскіе государственные люди, какъ напр. лордъ Розбери, произносятъ патріотическія рѣчи на эту тему, и британское морское вѣдомство старается по возможности удовлетворить общественное мнѣніе своею энергическою дѣятельностью, направленною къ обезпеченію боевой готовности Англіи на моряхъ. Съ этою цѣлью устраиваются грандіозные маневры британскаго флота, представляющіе нѣчто небывалое по размѣрамъ; сотни крупныхъ судовъ усовершенствованнаго типа, изъ которыхъ состоятъ отдѣльныя эскадры, производятъ

даже на бумагѣ, въ газетныхъ описаніяхъ, крайне внушительное—и конечно утѣшительное—впечатлѣніе на англичанъ.

Многіе иностранные наблюдатели усматриваютъ во всей этой воинственной агитаціи какую-то излишнюю нервность, вовсе не оправдываемую обстоятельствами. Извѣстный милліардеръ, Андрью Карнеги, напечаталъ въ „Times" любопытное письмо, въ которомъ предлагаетъ Англіи сдѣлать логическій выводъ изъ общаго миролюбія и прямо выступить съ проектомъ окончательнаго прекращенія войнъ на моряхъ. Три или четыре державы тотчасъ присоединились бы къ Англіи для совмѣстной охраны мира, и этого было бы уже достаточно, по мнѣнію Карнеги; но—продолжаетъ онъ—гораздо болѣе значительное число государствъ откликнулось бы на британскій призывъ, и только очень немногія его отклонили бы. „Почему отклонили бы?—спрашиваетъ Карнеги.—Какъ могли бы они отклонить, если ихъ цѣль—сохраненіе мира, согласно ихъ оффиціальнымъ заявленіямъ? Если же цѣль ихъ — война, то они являются врагами человѣчества. Во всякомъ случаѣ, миролюбивыя державы настолько преобладали бы, что миръ былъ бы дѣйствительно обезпеченъ, и военные корабли, за исключеніемъ назначенныхъ для полицейской службы, заржавѣли бы, оставаясь безъ употребленія". Карнеги думаетъ, что британское правительство могло бы только выиграть, взявъ на себя иниціативу такого предпріятія, ибо даже въ случаѣ неудачи оно имѣло бы за собою общественное мнѣніе передовыхъ культурныхъ націй. Еслибы такъ легко было положить конецъ разорительнымъ вооруженіямъ державъ, то вѣроятно это давно было бы сдѣлано, и притомъ не только на морѣ, но и на сушѣ. Мотивы, приводимые авторомъ проекта противъ морскихъ войнъ, имѣютъ одинаковую силу и въ примѣненіи къ войнамъ сухопутнымъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что первая Гаагская конференція созвана была именно съ цѣлью постепеннаго сокращенія вооруженій и военныхъ бюджетовъ, и что это предложеніе Россіи провалилось благодаря протестамъ Германіи; извѣстно также, что на второй Гаагской конференціи Англія имѣла въ виду предложить ограничить дальнѣйшія морскія вооруженія и опять-таки встрѣтила энергическое противодѣйствіе Германіи. А когда одна великая держава—и притомъ одна изъ могущественнѣйшихъ въ военномъ отношеніи—находитъ нужнымъ вооружаться, то и другія по неволѣ слѣдуютъ ея примѣру. Германскіе правители, правда, говорятъ часто о своемъ миролюбіи; но миролюбіе ихъ заключается въ томъ, что они содержатъ въ состояніи боевой готовности самую сильную, многочисленную и наилучше вооруженную армію въ Европѣ и потому могутъ достигать своихъ цѣлей безъ помощи войнъ, довольствуясь лишь, въ случаѣ надобности, безмолвною или реально-дипломатическою угрозою. Отно-

сительно Англіи эта молчаливая германская угроза была безсильна, при отсутствіи у Германіи достаточнаго военнаго флота—и Вильгельмъ II считалъ своею важнѣйшею задачею созданіе такого морского могущества, которое могло бы соперничать съ британскимъ. Германія прежде занимала четвертое мѣсто въ ряду морскихъ державъ, а теперь она стоитъ впереди Франціи, занимая второе мѣсто послѣ Англіи; въ то же время она съ наибольшею энергіею примѣняетъ къ военному дѣлу успѣхи воздухоплаванія и откровенно вырабатываетъ такіе типы воздушныхъ кораблей, которые парализовали бы морское превосходство англичанъ и преимущества ихъ островного положенія. Нѣмецкіе шовинисты заранѣе наслаждались картинами будущихъ воздушныхъ армій, направляемыхъ въ Англію, и усердная дѣятельность графа Цеппелина прославлялась исключительно съ точки зрѣнія военнаго патріотизма, какъ вѣрный залогъ будущихъ побѣдъ надъ соперниками и врагами на моряхъ. Вполнѣ естественно, что эти германскія усилія и приготовленія волновали англичанъ и заставили ихъ подумать о мѣрахъ обороны; лихорадка вооруженій охватила Англію, и британскій флотъ торопится упрочить за собою первенство въ мірѣ на многіе годы впередъ. Не имѣя возможности угнаться за англичанами въ сооруженіи все новыхъ и новыхъ броненосцевъ, Вильгельмъ II сталъ опять проповѣдывать идею мира, ссылаясь на преимущества мирной конкурренціи народовъ на поприщѣ промышленности и торговли. Въ качествѣ монарха, отвѣтственнаго за величіе и могущество своей имперіи, онъ былъ и остается главнымъ и наиболѣе активнымъ представителемъ того политическаго направленія, которое создаетъ и усиливаетъ въ Европѣ всѣ средства и орудія войны подъ предлогомъ охраны общаго мира. Къ императору Вильгельму II и долженъ былъ бы обращаться Карнеги съ своими миролюбивыми проектами, а никакъ не къ Англіи.

Разумѣется само собою, что тутъ дѣло не въ личности германскаго императора, не въ его индивидуальныхъ качествахъ, наклонностяхъ и взглядахъ, а во всей обстановкѣ того сословно-государственнаго строя, который олицетворяется Вильгельмомъ II. Какъ монархъ, онъ тѣсно связанъ съ традиціями военнаго класса и удѣляетъ наибольше вниманія интересамъ арміи и флота; какъ верховный вождь военныхъ силъ, онъ не можетъ быть вполнѣ миролюбивымъ и долженъ по крайней мѣрѣ поддерживать обаяніе безпрекословнаго могущества при случайныхъ разногласіяхъ или спорахъ съ другими державами. Въ цѣломъ рядѣ опасныхъ политическихъ инцидентовъ Германія играла вызывающую роль безъ всякой для себя пользы, единственно лишь подъ вліяніемъ фантастической заботы о „престижѣ". Почему и для чего понадобилось ей раздуть ничтожное столкновеніе въ

Казабланкѣ до степени остраго конфликта, угрожавшаго войною съ Франціею? Разгорѣвшійся споръ былъ въ концѣ концовъ благополучно разрѣшенъ третейскимъ судомъ, къ которому можно было прибѣгнуть съ самаго начала, и нѣмецкіе патріоты едва ли находили удовлетвореніе въ сознаніи, что имъ удалось напугать французовъ перспективою грозной катастрофы. Сомнительно также, выиграла ли что-нибудь Германія отъ того, что воспользовалась сравнительною слабостью Россіи для предъявленія ей „дружескаго совѣта", похожаго больше на ультиматумъ, по поводу русско-австрійскихъ переговоровъ о Босніи и Герцеговинѣ. Эти ядовитые уколы и оскорбительныя придирки не доставляютъ нѣмцамъ и ихъ имперіи никакихъ реальныхъ выгодъ, возбуждая лишь ненужное раздраженіе въ заинтересованныхъ націяхъ. Тяжелый осадокъ непріязни, оставляемый такими инцидентами, не проходитъ безслѣдно и придаетъ международной политикѣ оттѣнокъ холодной натянутости, особенно чувствительной для самой Германіи. Своею странною тактикою угрожающаго и воинственнаго миролюбія Вильгельмъ II поочередно разстроилъ прежнія отношенія съ Франціею, оттолкнулъ и заставилъ перейти во враждебный лагерь Англію, возстановилъ противъ себя даже неизмѣнно преданную ему оффиціальную Россію и этимъ будто бы высоко поднялъ репутацію германскаго могущества и величія, если вѣрить его газетнымъ хвалителямъ. Подобная тактика, подрывающая основы общаго мира и спокойствія народовъ, была бы немыслима при болѣе демократическомъ строѣ Германіи. Погоня за ложнымъ престижемъ, свойственная многимъ представителямъ старой военной аристократіи, представляетъ обычную принадлежность личнаго режима и неизбѣжно теряетъ почву при свободномъ народномъ представительствѣ, выдвигающемъ на первый планъ національные и общественные интересы. Традиціонный личный режимъ занимаетъ еще слишкомъ много мѣста въ государственной и политической жизни Германіи; въ этомъ и лежитъ корень всѣхъ международныхъ волненій и тревогъ въ Европѣ за послѣдніе годы. Еслибы внѣшняя политика и вопросы о вооруженіяхъ не зависѣли всецѣло отъ Вильгельма II, а подлежали бы дѣйствительному и своевременному контролю правильнаго народнаго представительства, то не было бы многихъ раздражающихъ элементовъ въ ходѣ германскихъ дѣлъ, и всѣмъ европейскимъ націямъ жилось бы несравненно легче, безъ ущерба для авторитета и вліянія Германской имперіи. Внушая другимъ народамъ не страхъ и вражду, а уваженіе и сочувствіе, Германія сама избавилась бы отъ излишнихъ поводовъ къ безпокойству и перестала бы волновать публику періодически возникающими опасеніями будущихъ войнъ.

Устарѣлыя особенности политическаго быта даютъ себя сильно чувствовать и во внутренней жизни Германіи. Консервативныя и реакціонныя партіи продолжаютъ господствовать не только въ Пруссіи, при существующихъ тамъ уродливыхъ избирательныхъ порядкахъ, но и въ имперскомъ сеймѣ, избираемомъ по системѣ всеобщаго народнаго голосованія. Вопреки всѣмъ уступкамъ и стараніямъ канцлера Бюлова, консерваторы отказались слѣдовать за правительствомъ и окончательно примкнули къ клерикальной партіи центра, чтобы совмѣстными силами провалить оффиціальную программу финансовыхъ реформъ. Парламентская коммиссія, составленная въ большинствѣ изъ консерваторовъ и реакціонеровъ, передѣлала правительственные проекты по своему, отклонила часть предположенныхъ налоговъ, замѣнивъ ихъ другими, и отнеслась безусловно отрицательно къ пошлинѣ съ наслѣдства при переходѣ имуществъ къ супругамъ и нисходящимъ. Князь Бюловъ заявлялъ категорически, что правительство не допускаетъ произвольной замѣны предложенныхъ налоговъ другими, что въ случаѣ отклоненія пошлины съ наслѣдства онъ, канцлеръ, будетъ вынужденъ выйти въ отставку. Налогъ на наслѣдства былъ единственной формою обложенія, которую одобряли либеральныя партіи, и только подъ условіемъ ея принятія эти партіи соглашались участвовать въ пресловутомъ консервативно-либеральномъ блокѣ, изобрѣтенномъ спеціально для успѣшной борьбы съ католическимъ центромъ. Правительство и либералы надѣялись еще, что при обсужденіи проектовъ въ имперскомъ сеймѣ группировка партій окажется иною, чѣмъ въ тѣсномъ составѣ коммиссіи, и что въ концѣ концовъ консерваторы и аграріи, пользовавшіеся всегда такимъ широкимъ вліяніемъ и сочувствіемъ въ правящихъ сферахъ, не рѣшатся бросить вызовъ правительству и сдѣлать непріятность самому императору Вильгельму II. Но германскіе „юнкеры" и консерваторы никогда не руководствовались другими принципами, кромѣ сословно-эгоистическихъ. Чувствуя за собою силу не только въ парламентѣ, но и особенно при дворѣ, они считали себя въ правѣ оставить безъ всякаго вниманія настойчивыя увѣренія и увѣщанія Бюлова. Либеральные дѣятели долго и упорно доказывали, что коммиссія, избранная палатою для разсмотрѣнія опредѣленнаго правительственнаго законопроекта, не можетъ замѣнять этотъ проектъ другимъ и предлагать новые налоги, которыхъ не имѣли въ виду ни правительство, ни парламентъ; однако, эти доводы не помѣшали большинству имперскаго сейма приступить къ обсужденію вновь проектированнаго налога на цѣнныя бумаги, допущенныя къ котировкѣ на биржѣ, — хотя этотъ проектъ не проходилъ еще стадіи перваго чтенія и былъ внесенъ въ собраніе прямо ко второму чтенію, вопреки установленнымъ правиламъ. Придуманные

на скорую руку проекты новыхъ налоговъ вызывали убѣдительные и энергическіе протесты свѣдущихъ лицъ, въ томъ числѣ директора имперскаго банка и статсъ-секретаря имперскаго казначейства, но подвергались голосованію и принимались сплоченными группами консерваторовъ, центра и поляковъ противъ націоналъ-либераловъ и прогрессистовъ. Измѣна консервативной партіи разрушила своеобразную парламентскую комбинацію, въ которой либералы и особенно „свободомыслящіе" играли такую жалкую роль. Наконецъ, въ засѣданіи 24-го іюня отвергнутъ былъ налогъ на наслѣдства большинствомъ 194 противъ 186 голосовъ, и новый консервативно-клерикальный блокъ одержалъ блестящую побѣду надъ правительствомъ или, вѣрнѣе, надъ канцлеромъ Бюловомъ. Послѣднему оставалось на выборъ—выйти въ отставку, согласно обѣщанію, или же распустить парламентъ для производства новыхъ выборовъ.

На слѣдующій день послѣ рѣшенія имперскаго сейма, 25-го іюня, князь Бюловъ отправился къ императору въ Киль и подалъ ему просьбу объ отставкѣ, но по желанію Вильгельма II долженъ былъ согласиться остаться на своемъ посту „до тѣхъ поръ, пока работы по финансовой реформѣ не будутъ доведены до положительнаго результата, которымъ могли бы удовлетвориться союзныя правительства". Отсрочка въ исполненіи просьбы канцлера мотивируется именно тѣмъ, что „по единодушному убѣжденію союзныхъ правительствъ скорѣйшее осуществленіе финансовой реформы представляетъ жизненный вопросъ для внутренняго благосостоянія и внѣшняго положенія имперіи". Это оффиціозное сообщеніе о канцлерскомъ кризисѣ послужило благодарной темою для всевозможныхъ выводовъ и догадокъ—хотя по существу оно довольно ясно. Консерваторы оказались правы: императоръ принялъ ихъ сторону и высказался противъ канцлера. Говоря отъ имени союзныхъ германскихъ правительствъ, Вильгельмъ II даетъ понять, что ихъ, какъ и его лично, вовсе не интересуетъ судьба либеральнаго блока, что отклоненіе налога на наслѣдства для него совершенно безразлично и что финансовая реформа можетъ быть проведена въ той формѣ, въ какой допускаетъ ее консервативно-клерикальное большинство, хотя противъ этого высказывался князь Бюловъ. Полное игнорированіе всѣхъ принципіальныхъ разногласій между правительствомъ и консерваторами въ данномъ случаѣ, какъ и игнорированіе обстоятельствъ, приведшихъ къ кризису, было еще худшимъ ударомъ для канцлера, чѣмъ рѣшеніе парламентскаго большинства. Финансовые законопроекты были внесены въ имперскій сеймъ съ согласія и одобренія союзнаго совѣта; канцлеръ, въ качествѣ предсѣдателя союзнаго совѣта, выступалъ отъ его имени и опирался на его взгляды въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ — и ему же даютъ понять, что

союзныя правительства, имѣющія своихъ уполномоченныхъ въ союзномъ совѣтѣ, не раздѣляютъ его убѣжденій и опасеній! Очевидно, союзный совѣтъ не былъ расположенъ слѣдовать за нимъ до конца и находилъ болѣе цѣлесообразнымъ идти на компромиссъ съ „побѣдителями", а это означало уже, что рѣшено пожертвовать канцлеромъ. Такимъ образомъ, ему измѣнили не только консерваторы и аграріи, но и союзный совѣтъ; оттого князь Бюловъ былъ лишенъ возможности прибѣгнуть къ роспуску имперскаго сейма. Канцлеръ потерпѣлъ пораженіе благодаря своимъ бывшимъ друзьямъ и союзникамъ, и въ критическій моментъ не нашелъ поддержки ни въ союзномъ совѣтѣ, ни у императора. Мало того: на него возлагаютъ еще обязанность способствовать принятію и утвержденію тѣхъ финансовыхъ проектовъ, которые придуманы его противниками и противъ которыхъ онъ рѣшительно возставалъ,—ибо эти проекты могутъ все-таки оказаться пріемлемыми для союзныхъ правительствъ. Бюлову приходится теперь, прежде чѣмъ выйти въ отставку, подчиниться враждебной ему партіи центра и совмѣстно съ нею работать надъ выполненіемъ программы реакціоннаго блока.

Канцлеръ, отличавшійся всегда дипломатическою ловкостью и искусствомъ лавированія между господствовавшими придворными и парламентскими теченіями, получилъ достойную награду за свою безпринципность. Его теперь жалѣютъ либералы, къ которымъ онъ всегда относился съ снисходительнымъ высокомѣріемъ, тогда какъ консерваторы и аграріи, интересамъ которыхъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ вѣрою и правдой, равнодушно обсуждаютъ его отставку и напутствуютъ его ироническими замѣчаніями. Зачѣмъ ему уходить?—спрашиваютъ не безъ злорадства бывшіе его друзья и союзники.—Развѣ онъ держится принциповъ парламентаризма, въ силу которыхъ глава министерства, потерпѣвъ пораженіе въ парламентѣ, обязанъ сложить съ себя власть? Вѣдь онъ—не парламентскій министръ, не премьеръ, отвѣтственный предъ народнымъ представительствомъ, а канцлеръ императора, уполномоченный представитель союзнаго совѣта. Если съ нимъ разошлось парламентское большинство и если роспускъ палаты признается нежелательнымъ, то канцлеръ можетъ лавировать по прежнему, какъ лавировалъ до сихъ поръ. И нельзя отрицать, что разсужденія консервативной прессы заключаютъ въ себѣ долю правды. Съ точки зрѣнія германской конституціонной практики, канцлерскій кризисъ не могъ бы возникнуть изъ-за несогласія парламентскаго большинства съ правительствомъ; вопросъ объ отставкѣ Бюлова поднимался самъ собою только потому, что реакціонная партія центра, которой канцлеръ объявилъ войну, одержала побѣду при скрытомъ сочувствіи союзнаго совѣта и самого императора. Что касается рос-

пуска, то противъ него были и либеральныя партіи, и правительство, такъ какъ новые выборы, по общему мнѣнію, принесли бы наибольшую выгоду соціалъ-демократіи.

Политическій кризисъ, возбужденный преніями имперскаго сейма о финансовыхъ законопроектахъ, выяснилъ всю ненормальность положенія либеральныхъ партій въ Германіи. Представители нѣмецкаго торгово-промышленнаго міра внезапно почувствовали надъ собою власть привилегированныхъ землевладѣльцевъ и клерикаловъ, которые стали по своему усмотрѣнію изобрѣтать новые налоги, особенно обременительные для интересовъ торговли и промышленности. При необыкновенно могучемъ ростѣ и процвѣтаніи германской промышленности было крайне странно видѣть политическое безсиліе и ничтожество промышленнаго класса даже въ такомъ близкомъ ему вопросѣ, какъ имперскіе финансы. Бароны и графы, крупные землевладѣльцы и аграріи сочиняютъ и успѣшно проводятъ черезъ парламентъ такую финансовую реформу, которую даже консервативное правительство князя Бюлова считаетъ вредной для экономической жизни страны, и единодушные протесты заинтересованныхъ дѣятелей нѣмецкаго буржуазнаго общества остаются вполнѣ безплодными. Этотъ наглядный и для всѣхъ чувствительный фактъ господства аграріевъ и клерикаловъ надъ промышленными интересами имперіи заставилъ нѣмецкую буржуазію выйти изъ состоянія политической апатіи и организовать общественное движеніе для противодѣйствія реакціоннымъ усиліямъ землевладѣльческой партіи. Съ этой цѣлью учрежденъ новый „ганзейскій союзъ", быстро пріобрѣтающій популярность въ среднихъ либеральныхъ слояхъ населенія. Все чаще и сильнѣе выступаетъ на первый планъ вопросъ о причинахъ односторонняго владычества консервативныхъ землевладѣльцевъ и клерикаловъ въ германскомъ народномъ представительствѣ. Чѣмъ объяснить существованіе реакціонно-клерикальнаго большинства въ парламентѣ, избираемомъ путемъ всеобщаго народнаго голосованія въ такой несомнѣнно либеральной и глубоко-просвѣщенной странѣ, какъ Германія? Почему естественные представители промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, либералы, занимаютъ такъ мало мѣста въ политической жизни имперіи и должны подчиняться консерваторамъ-аграріямъ даже въ области государственныхъ финансовъ?

Нѣмецкія либеральныя и прогрессивныя партіи издавна страдаютъ внутреннимъ худосочіемъ; онѣ не придерживаются точныхъ, самостоятельныхъ программъ, не ставятъ себѣ ясныхъ положительныхъ цѣлей, не ведутъ борьбы за свои идеи, а довольствуются расплывчатыми разсужденіями, проявляютъ довѣрчивый и пассивный оптимизмъ, ждутъ добровольныхъ уступокъ и милостей отъ прави-

тельства въ видѣ награды за свою скромность и долготерпѣніе. Эти партіи окончательно доказали свою политическую несостоятельность, поддавшись внушенію канцлера вступить въ мнимый союзъ съ консерваторами для изолированія клерикальнаго центра. Либералы и прогрессисты, сдѣлавшись парламентскими союзниками консерваторовъ и аграріевъ, не могли уже въ сущности считать себя либералами и прогрессистами; они превратились въ какихъ-то отщепенцевъ и отдались консервативному правительству совершенно даромъ, въ разсчетѣ на будущія либеральныя реформы. Нѣмецкіе либералы охотно повѣрили оффиціальнымъ намекамъ на преобразованіе устарѣлой избирательной системы въ Пруссіи и не отказались отъ своихъ довѣрчивыхъ ожиданій послѣ того, какъ правительство откровенно признало обѣщанную реформу преждевременною. Участіе въ правительственномъ блокѣ было заключительнымъ, печальнымъ эпизодомъ безотрадной политической исторіи нѣмецкаго либерализма. Подъ вліяніемъ непонятнаго ослѣпленія либералы и прогрессисты въ теченіе многихъ лѣтъ видѣли своихъ главныхъ и опаснѣйшихъ враговъ въ одномъ лишь лагерѣ соціалъ-демократіи; боязнь будущихъ успѣховъ рабочаго движенія побуждала ихъ забывать о болѣе реальныхъ противникахъ и соперникахъ, распоряжающихся фактически средствами и силами государства. Изъ страха передъ торжествующимъ шествіемъ пролетаріата буржуазія малодушно подчинялась консерваторамъ и дѣйствовала заодно съ ними для болѣе успѣшной борьбы съ соціалъ-демократіей. На выборахъ въ парламентъ либералы и прогрессисты часто отдавали свои голоса консерваторамъ, чтобы способствовать провалу соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. Съ другой стороны, бывали случаи, что и соціалисты, въ увлеченіи избирательной кампаніи, предпочитали голосовать за консерваторовъ, лишь бы не допускать избранія либерально-буржуазнаго конкуррента. Многіе изъ нынѣшнихъ консервативныхъ депутатовъ германскаго и прусскаго парламентовъ обязаны, быть можетъ, своимъ избраніемъ тѣмъ нѣмецкимъ либераламъ, которые серьезно повѣрили въ непосредственную опасность грознаго соціалистическаго переворота, предвѣщаемаго соціалъ-демократами. Эта боязнь будущихъ катастрофъ— или, вѣрнѣе, предсказаній катастрофъ—дѣлаетъ либераловъ безсильными орудіями въ рукахъ самоувѣренныхъ охранителей и готовитъ либерализму самыя тяжкія политическія и нравственныя пораженія. И удивительнѣе всего, что мысль о необходимости безпощадной борьбы съ соціалъ-демократіею твердо держится въ умахъ даже передовыхъ либеральныхъ дѣятелей, не смотря на очевидный вредъ все болѣе укрѣпляющагося вліянія господствующихъ консервативно-реакціонныхъ элементовъ. Только въ послѣднее время прогрессивная нѣмец-

кая печать высказывалась иногда въ пользу „союза лѣвыхъ“, отъ націоналъ-либераловъ до соціалъ-демократовъ, „отъ Бассермана до Бебеля“,—и хотя этотъ союзъ имѣлъ бы, конечно, больше логическаго смысла и значенія, чѣмъ нелѣпый блокъ съ консерваторами, однако онъ не выходитъ еще пока изъ области отдаленныхъ мечтаній. Даже въ болѣе тѣсной формѣ сближенія прогрессистовъ съ соціалъ-демократами „союзъ лѣвыхъ“ не считается осуществимымъ при данныхъ условіяхъ, и убѣжденный сторонникъ этой идеи, недавно умершій (3 іюня) Теодоръ Бартъ, не имѣлъ большого успѣха среди буржуазной нѣмецкой публики. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣмецкій буржуазный либерализмъ обреченъ на безсиліе и ничтожество именно вслѣдствіе неправильнаго отношенія его съ одной стороны, къ рабочему классу, съ другой — къ сословно-землевладѣльческой консервативной партіи.

Поѣздка въ Англію небольшой группы членовъ нашихъ законодательныхъ учрежденій, съ предсѣдателемъ Думы, Н. А. Хомяковымъ, во главѣ, получила значеніе событія первостепенной важности и сосредоточила на себѣ сочувственное вниманіе всего британскаго общественнаго мнѣнія, безъ различія партій. Такого почетнаго оффиціальнаго пріема, такихъ единодушныхъ восторженныхъ овацій со стороны представителей высшихъ и среднихъ классовъ англійскаго общества, вѣроятно и не ожидали члены нашей Государственной Думы, прибывшіе въ Лондонъ 19 (6) іюня по приглашенію кружка сторонниковъ англо-русскаго сближенія. Заботу о русскихъ гостяхъ съ момента пріѣзда ихъ въ Англію принялъ на себя профессоръ русскаго языка и литературы въ ливерпульскомъ университетѣ, Бернардъ Пэрсъ. Изъ многочисленныхъ банкетовъ, устроенныхъ англичанами въ честь нашихъ депутатовъ, достаточно упомянуть о двухъ наиболѣе интересныхъ—о завтракѣ въ палатѣ общинъ, 22 іюня, подъ предсѣдательствомъ лорда Уирделя, президента междупарламентской конференціи, когда произнесены были рѣчи премьеромъ Аскитомъ и вождемъ консервативной оппозиціи Бальфуромъ, и о лэнчѣ у лондонскаго лорда-мэра, 2 іюля, гдѣ говорили главные русскіе представители — П. Н. Милюковъ, гр. Вл. Бобринскій, А. И. Гучковъ—и русскій посолъ гр. Бенкендорфъ. Непріятный инцидентъ, вызванный манифестомъ рабочей партіи, далъ поводъ г. Милюкову сказать на банкетѣ лорда-мэра удачную фразу, что „пока въ Россіи существуетъ законодательная палата, контролирующая бюджетъ, до тѣхъ поръ русская оппозиція будетъ оппозиціей Его Величества, а не оппозиціей Его Величеству“. Это принятое въ Англіи обозначеніе параментской оппо-

зиціи—„оппозиція его величества“ — соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, конституціонной роли монарха, стоящаго внѣ и выше партій: сегодняшняя оппозиція можетъ быть завтра „правительствомъ его величества“; нынѣшній премьеръ становится главою оппозиціи при своемъ выходѣ въ отставку, и на оборотъ. Наглядною иллюстраціею этого положенія было присутствіе двухъ премьеровъ—бывшаго и настоящаго, лидера уніонистской оппозиціи Бальфура и бывшаго лидера либеральной оппозиціи Аскита—на банкетѣ въ палатѣ общинъ.

Содержаніе всѣхъ англійскихъ рѣчей и привѣтствій по адресу нашихъ депутатовъ опредѣлялось двумя темами: во-первыхъ, оцѣнкою великаго значенія представительныхъ учрежденій для Россіи, и во-вторыхъ, выясненіемъ необходимости и крайней желательности болѣе близкаго взаимнаго общенія и тѣсной дружбы между Россіею и Англіею, такъ какъ это сближеніе обѣихъ націй дѣлается возможнымъ именно благодаря введенію у насъ зачатковъ конституціоннаго строя. Коллективный визитъ русскихъ гостей, которыхъ британскій премьеръ привѣтствовалъ какъ своихъ „коллегъ“, далъ могучій толчокъ идеѣ взаимнаго сближенія и, можно сказать, окончательно разсѣялъ предразсудки, вызывавшіе въ англичанахъ недовѣріе и вражду къ Россіи. По крайней мѣрѣ та Россія, которую представляли русскіе депутаты, завоевала себѣ въ Англіи прочныя и всеобщія симпатіи. Много лестнаго высказано было британскими государственными дѣятелями — напр. Бальфуромъ—о заслугахъ нашихъ новыхъ законодательныхъ учрежденій; но само собою разумѣется, что эти хвалебные отзывы относились не къ третьей Государственной Думѣ и не къ нынѣшнему Государственному Совѣту, а къ плодотворному принципу народнаго представительства, впервые внесенному въ русскую политическую жизнь. Это было прямо подчеркнуто въ рѣчи англійскаго перваго министра.

Въ британской палатѣ общинъ продолжается обсужденіе обширной финансовой реформы, выработанной канцлеромъ казначейства, Ллойдомъ-Джорджемъ, въ связи съ бюджетомъ на будущій годъ. Министръ предлагаетъ ввести цѣлый рядъ новыхъ налоговъ для покрытія дефицита приблизительно въ 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ болѣе $8^1/_2$ милліоновъ требуется на выдачу вновь установленныхъ пенсій въ старости. Прежній скромный и умѣренный налогъ съ доходовъ — income-tax — дополняется существенными нововведеніями и превращается отчасти въ настоящій подоходный налогъ новаго типа, съ обязательною личною декларацiею каждаго плательщика о количествѣ получаемаго имъ дохода. Особенно много споровъ и протестовъ вызывается обложеніемъ добавочной цѣнности по-

земельныхъ участковъ, находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ по близости къ крупнымъ городскимъ центрамъ или вслѣдствіе проведенія новыхъ дорогъ. Этотъ налогъ на „незаслуженную ренту“, возрастающую безъ всякаго участія землевладѣльца, единственно лишь подъ вліяніемъ культурнаго и экономическаго роста данной мѣстности, признается въ теоріи безусловно справедливымъ и законнымъ, но на практикѣ возбуждаетъ понятное раздраженіе и неудовольствіе землевладѣльческаго класса. Лордъ Розбери объявилъ, что бюджетъ Ллойда-Джоржа заключаетъ въ себѣ не реформу, а революцію, и что откровенныя соціалистическія мѣры, рекомендуемыя подъ предлогомъ бюджетныхъ улучшеній, не могутъ и не должны быть допущены парламентомъ. Прогрессисты, напротивъ, превозносятъ радикальный министерскій бюджетъ, какъ „одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ за послѣднее столѣтіе“.

Располагая надежнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ, правительство по возможности ограничиваетъ обсужденіе многочисленныхъ поправокъ, вносимыхъ къ каждому параграфу финансоваго билля и имѣющихъ большею частью чисто-обструкціонистскій характеръ. Въ засѣданіи 21 іюня оппозиціонные ораторы горячо заступались за „несчастныхъ землевладѣльцевъ“ и доказывали, что правительственный проектъ, назначающій мѣсячный срокъ для производства оцѣнки прибавочной стоимости земель, является совершенно произвольнымъ, тиранническимъ и неосуществимымъ. Канцлеръ казначейства напомнилъ, что опытъ многихъ городовъ подтверждаетъ возможность скорой и безпрепятственной оцѣнки, и что при примѣненіи сельскохозяйственныхъ законовъ, связанныхъ съ выдачей денежныхъ суммъ отдѣльнымъ фермерамъ, заинтересованныя лица не нашли для себя затруднительнымъ оцѣнить свои фермы въ болѣе короткій срокъ; притомъ на практикѣ придется ограничиться на первыхъ порахъ оцѣнкою полосъ земли, окружающихъ городскія поселенія. Къ концу засѣданія разсмотрѣніе билля дошло лишь до третьей строчки перваго параграфа. На слѣдующій день Ллойдъ-Джоржъ, по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній, высказанныхъ либеральными членами парламента, выразилъ готовность установить льготы для пригородныхъ земель, занятыхъ подъ сельскохозяйственную культуру, и сверхъ того предложилъ отъ имени правительства допустить распредѣленіе налога между государствомъ и мѣстными органами самоуправленія. Это неожиданное заявленіе было принято съ большимъ сочувствіемъ, хотя и не смягчило, конечно, настроенія оппозиціи. Бальфуръ приводилъ нѣсколько рискованные доводы въ пользу того, что повсюду и при всякихъ вообще условіяхъ цѣнность земли, какъ и другихъ предметовъ собственности, зависитъ отъ общества, и что поэтому несправедливо проводить какое-либо раз-

личіе между отдѣльными разрядами землевладѣльцевъ по отношенію къ налагаемому на нихъ податному бремени. Если же облагать платежами въ пользу государства незаслуженную ренту землевладѣльцевъ, то ради послѣдовательности надо примѣнить ту же систему къ росту цѣнностей денежнаго капитала, процентныхъ бумагъ и дивидендовъ. Одинъ изъ представителей большинства справедливо замѣтилъ по этому поводу, что разсужденіе Бальфура идетъ гораздо дальше обычныхъ выводовъ соціализма, и что если въ самомъ дѣлѣ всякая вообще цѣнность есть результатъ общественности, то слѣдовало бы взимать съ прибавочной поземельной стоимости не двадцать процентовъ, какъ предлагаетъ правительство, а цѣлыхъ сто. Многіе ораторы выступаютъ затѣмъ только для того, чтобы помѣшать дальнѣйшему обсужденію проекта; другіе шумно протестуютъ, когда правительство прибѣгаетъ къ „гильотинѣ", и требуютъ голосованія; тѣмъ не менѣе всѣ оппозиціонныя поправки отклоняются значительнымъ большинствомъ. Въ концѣ засѣданія 23 іюня канцлеръ казначейства, выведенный изъ терпѣнія нѣкоторыми выходками лорда Винтертона, замѣтилъ, въ ироническомъ тонѣ, что онъ надѣется сдѣлать свои доводы понятными „даже для массивной интеллигенціи благороднаго лорда". Раздались возгласы и протесты по адресу спикера, съ предложеніемъ потребовать, чтобы ораторъ взялъ свои слова назадъ. „Но сказанное нисколько не обидно, — заявилъ спикеръ, — а напротивъ, можно считать комплиментомъ приписываніе кому-либо изъ членовъ массивной интеллигенціи". При общемъ смѣхѣ Ллойдъ Джорджъ остроумно взялъ назадъ „и прилагательное, и существительное".—Только послѣ пятидневныхъ упорныхъ преній первая статья законопроекта принята большинствомъ 296 противъ 112 голосовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что вся эта крупная реформа будетъ осуществлена на практикѣ въ ближайшемъ будущемъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1909.

I.

— Валерій Брюсовъ. „Огненный Ангелъ“, повѣсть XVI-го вѣка, въ двухъ частяхъ.

Поддѣлка подъ средневѣковье удалась автору „Огненнаго Ангела“. Наивный оборотъ рѣчи, описаніе Кёльна и Бонна, царство магіи и колдовства, силуэты алхимиковъ и инквизиторовъ, также какъ добродушныхъ бюргеровъ съ ихъ повседневной психологіей, даютъ художественную миніатюру XVI-го вѣка, на фонѣ которой проходитъ беззавѣтная любовь Рупрехта къ Ренатѣ. Ея галлюцинаціи являются отправной точкой всего разсказа и заводятъ читателя въ причудливыя настроенія человѣческой души, на шабашъ демоновъ, судъ инквизиторовъ и добровольную смерть той, которая, не найдя удовлетворенія своей любви на землѣ, стремится уйти за нею на небо.

Мадіэль—имя Огненнаго Ангела. Онъ сталъ являться Ренатѣ въ солнечномъ лучѣ, какъ бы весь огненный, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, когда ей было всего восемь лѣтъ. Иногда онъ являлся ей въ образѣ огненной бабочки, или сорваннаго цвѣтка, или разгрызеннаго орѣшка. Онъ ложился съ нею на постель, прижимался къ ней, какъ кошка, и потомъ уносилъ ее на своихъ крыльяхъ далеко. Онъ много говорилъ ей объ Іисусѣ Христѣ и о Святой Дѣвѣ и, наконецъ, посвятилъ ее въ тайну своихъ посѣщеній: она будетъ тоже святой, какъ Лотарингская Амалія. Онъ училъ Ренату строгой жизни, заставлялъ ее истязать себя для спасенія души. У нея открылся даръ чудотворенія, и ее стали считать блаженной. Но Рената не могла любить Мадіэля какъ святая. Она умоляла его соединиться съ нею тѣлесно, и такъ какъ онъ отвѣчалъ однимъ негодованіемъ на ея просьбы, она упросила его, какъ въ дѣтствѣ, провести съ нею ночь въ постели. Но Мадіэль превратился въ огненный столпъ и исчезъ навсегда, опаливъ Ренатѣ плечи и волосы. Въ отчаяніи молила она Мадіэля вернуться къ ней, обѣщая во всемъ подчиняться ему, и, наконецъ, явился ей Мадіэль въ сновидѣніи и сказалъ: „Такъ какъ ты хочешь быть со мною въ тѣлесномъ союзѣ, то я явлюсь тебѣ въ образѣ человѣка;

жди меня семь недѣль и семь дней". Вскорѣ пріѣхалъ въ мѣстность, гдѣ жила Рената, графъ Генрихъ фонъ-Оттергеймъ. Рената сразу узнала въ немъ Мадіэля. У него были тонкіе золотые волосы, глаза голубые и одежды—бѣлыя. Рената употребила всѣ средства, не исключая зелій, чтобы завлечь графа. Онъ вскорѣ признался ей въ любви и уговорилъ ее покинуть родительскій домъ и жить съ нимъ въ его замкѣ. Два года продолжалось ихъ полное счастье, омраченное для Ренаты лишь тѣмъ, что графъ ни за что не хотѣлъ признать себя Мадіэлемъ, а утверждалъ свою вѣрность герцогу Фердинанду. Но вдругъ, не сказавъ никому, Генрихъ покинулъ замокъ, и Рената, не желая оставаться въ замкѣ одна—тѣмъ болѣе, что злые духи, безъ ея покровителя, страшно мучили ее,—рѣшила вернуться домой.

Этотъ разсказъ Ренаты Рупрехту, послѣ страшнаго ея припадка, послужившаго началомъ ихъ знакомства (Рупрехтъ и Рената оказались волею судьбы рядомъ въ комнатахъ подорожной гостинницы; она—возвращаясь домой послѣ двухъ лѣтъ счастливой любви; онъ—также идя домой въ Лозгеймъ, гдѣ его отецъ былъ цирюльникомъ и хирургомъ, послѣ странствій ландскнехтомъ въ войнѣ съ Италіей, а затѣмъ по Испаніи и Вестъ-Индіи, откуда везъ малую толику денегъ. Услыхавъ женскій шепотъ и вскрики, онъ бросился спасать женщину, которую нашелъ распластанною (выраженіе автора) у стѣны, съ распущенными волосами, въ корчахъ и судорогахъ. Одинъ изъ немногихъ діалоговъ, которые героиня ведетъ на протяженіи всей повѣсти. Впослѣдствіи она будетъ повелѣвать, заклинать, неистово рыдать, любить и отчаяваться, но слѣдить за ея психологіей придется главнымъ образомъ по ея дѣйствіямъ, описаннымъ ея неизмѣннымъ поклонникомъ Рупрехтомъ, отъ имени котораго и ведется весь разсказъ.

Любовь къ Мадіэлю и галлюцинаціи дѣтства—та неотвязная, владѣющая Ренатой мечта, которая томитъ ея душу на протяженіи всего разсказа; она даетъ ей ту непонятную энергію, съ которой Рената ищетъ Генриха, считая его воплощеніемъ Мадіэля, по всему Кёльну; она увлекаетъ ее въ магію и колдовство, вплоть до участія въ оргіяхъ шабаша; она даетъ ей то сверхъестественное настроеніе, которое очаровываетъ Рупрехта и, лишая его свободы воли, заставляетъ его служить ея цѣлямъ до замысла убить Генриха, когда оказалось, что онъ не Мадіэль; она послѣ временнаго просвѣтленія Ренаты и ея восторговъ любви въ объятіяхъ Рупрехта, вдругъ снова увлекаетъ ее въ поиски за счастьемъ съ Мадіэлемъ, изъ-за котораго она убѣгаетъ отъ Рупрехта, превратившагося теперь въ ея глазахъ въ орудіе дьявола, она заставляетъ поститься, молиться, идти въ монастырь, гдѣ ее одновременно считаютъ вѣдьмой и святой и гдѣ она съ восторгомъ

отдается пыткѣ инквизиціи, такъ какъ голосъ Мадіэля еще разъ слышится ей, и онъ говоритъ, что смертью она искупитъ свою жизнь и въ вѣчной жизни не разлучится съ нимъ никогда.

Рената—крайне выдержанный типъ средневѣковой „одержимой“, одинъ изъ тѣхъ болѣзненно чувствительныхъ организмовъ, неистовыхъ въ горѣ и радости, страшныхъ въ ненависти, обворожительныхъ въ любви, которые еще мало изучены, какъ въ области искусства, такъ и въ психіатріи. Знаменитый Шарко съ любовью занимался этимъ загадочнымъ типомъ заболѣванія, въ которомъ такъ тонко переплетается ясность сужденія съ болѣзненностью воспріятія. „Les démoniaques dans l'art“ — интересная иллюстрація направленія его ума въ этомъ вопросѣ. За нимъ въ Сальпетріерѣ создалась цѣлая школа работниковъ въ томъ же направленіи. Но ничтожна медицинская сила, когда она имѣетъ дѣло съ физическимъ перерожденіемъ, которое можетъ вылечить только психическое воздѣйствіе... Въ обиходѣ толпы Рената—простая „истеричка“, не стоющая вниманія, благодаря той безсмысленной кличкѣ, которою высокомѣрное въ своемъ невѣжествѣ человѣчество замѣнило средневѣковое понятіе „вѣдьма“. А между тѣмъ эта способность отдаваться душой и тѣломъ той „idée fixe“, которая завладѣваетъ воображеніемъ, эта интенсивность чувствованія и неистовость дѣйствія характерны для всѣхъ героевъ и героинь. Мученики за вѣру въ Бога или въ человѣчество часто имѣютъ въ основаніи своей индивидуальности преобладаніе той или иной навязчивой идеи.

Сила вліянія экзальтаціи на окружающихъ художественно изображена авторомъ. Рупрехтъ, полюбивъ Ренату, потерялъ въ этой любви и свою волю, и свою личность. Ея присутствіе необходимо ему, какъ воздухъ; ея близость — высшее счастіе, ея воля — законъ. Когда, страстно влюбленный въ нее, онъ исполнялъ ея причудливое желаніе и проводилъ ночи, какъ Мадіэль, рядомъ съ ней въ постели, онъ умѣлъ утишить страсть боязнью потерять близость боготворимой имъ женщины. Онъ согласился на убійство, когда она того потребовала; онъ ворожилъ съ нею зельями и изучалъ магію; онъ отдалъ свою душу дьяволу, несмотря на унизительный ритуалъ этого обряда, исполненіе котораго было необходимо, чтобы узнать средство, которымъ найти своего соперника Мадіэля для своей возлюбленной Ренаты.

Эта сверхъестественная преданность получила свое временное вознагражденіе. Когда, послѣ поединка съ Генрихомъ, Рупрехта привезли умирающимъ домой, Рената увидѣла въ его спасеніи перстъ Божій и любила его страстно въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

„И подобно тому, какъ не знала Рената предѣла въ проявленіяхъ

своего отчаянія, не знала она предѣла и въ выраженіяхъ своей любви. Я вовсе не былъ новичкомъ въ плаваніи по океану страсти на галерѣ подъ флагомъ богини Венеры, но еще первый разъ встрѣчалъ я такую алчность чувства, для которой всѣ ласки казались слишкомъ слабыми, всѣ сближенія недостаточно тѣсными, всѣ радости ненаполняющими мѣры желанія. При этомъ, какъ бы стремясь вознаградить меня за жестокость, съ какой прежде она встрѣчала мою любовь, Рената теперь искала въ страсти униженій и покорности. Я долженъ былъ немало сопротивляться, чтобы она не цѣловала мнѣ ноги, какъ Магдалина Христу, и удерживать ее почти насильно отъ многаго такого, намека на что я не могу довѣрить и этой рукописи".

Въ характеристикѣ душевныхъ настроеній Рупрехта высказывается тонкая наблюдательность писателя. Тоска Рупрехта въ поискахъ бросившей его Ренаты высоко художественна. Въ безпомощности и отчаяніи Рупрехтъ доходитъ до дѣтскаго суевѣрія и придумываетъ себѣ примѣты одну нелѣпѣе другой. „Такъ, смотря въ окно, я говорилъ себѣ: если я сосчитаю, не сбившись, до милліона, то она еще въ Кёльнѣ. Или еще: если я вспомню по именамъ всѣхъ своихъ товарищей по университету, то я встрѣчу ее завтра". И въ такомъ состояніи безсилія и безволія проходили опять дни, и мнѣ становилось все болѣе странно подумать о томъ, что я могу вернуться къ людямъ, а образъ самой Ренаты уже казался мнѣ не воспоминаніемъ о живомъ человѣкѣ, но какимъ-то святымъ символомъ".

Исканіемъ возлюбленной начинается вторая часть повѣсти. Потомъ идетъ встрѣча Рупрехта съ Фаустомъ и Мефистофелемъ, довольно скучная и неизвѣстно для чего введенная въ разсказъ (и Фаустъ, и Мефистофель производятъ впечатлѣніе какихъ-то самозванцевъ) — развѣ для того, чтобы доѣхать съ ними въ замокъ графа фонъ Велленъ и оттуда, съ архіепископомъ Трирскимъ, пользующимся гостепріимствомъ графа, попасть въ монастырь святого Ульфа на судъ надъ Ренатой.

Все, что касается описаній колдовства, магіи, міра дьяволовъ, есть декорація того средневѣковья, поддѣлка подъ которое составляетъ оригинальную и интересную сторону разсказа. Талантливо исполненный, онъ переноситъ насъ въ темный міръ XVI вѣка, въ эту мрачную полосу исторіи человѣчества, въ которой страхъ и ненависть несутъ людямъ столько излишняго страданія и слезъ. Чрезмѣрно отвратительныя подробности въ описаніи шабаша, какъ и въ признаніяхъ Ренаты на допросѣ инквизитора, едва ли усиливаютъ впечатлѣніе. Какъ все чрезмѣрное, оно не оставляетъ работы воображенію и убавляетъ силу разсказа. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ длиннотахъ описаній и разсужденій.

Языкъ своеобразенъ. Онъ поражаетъ простотой и наивностью сравненій, какъ напр.: „опять мое сердце упало, какъ подстрѣленная бѣлка съ высокой сосны", или: „доводы шли ко мнѣ съ двухъ разныхъ сторонъ, какъ воины двухъ различныхъ партій". Это даетъ особенный колоритъ всему изложенію. Большое достоинство повѣсти—выпуклость и образность, какъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и ихъ душевныхъ состояній. Ее хорошо читать вслухъ, чтобы полнѣе воспринять картинность своеобразной манеры Валерія Брюсова.—С. К.-Д.

II.

— Турецкій сборникъ. Къ событіямъ на ближнемъ Востокѣ. Подъ редакціей І. М. Бикермана. Спб., 909. Стр. 236. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе этого сборника гораздо интереснѣе, чѣмъ позволяетъ думать предисловіе г. Бикермана. Сборникъ, по словамъ редактора, задуманъ въ августѣ прошлаго года, по поводу неожиданной младотурецкой революціи, и приготовленъ былъ къ печати въ началѣ октября, но „обстоятельства, отъ редакціи и сотрудниковъ не зависящія, оттянули выходъ книги на цѣлые полгода"; и если книга все-таки появилась въ томъ видѣ, какъ она написана шесть мѣсяцевъ слишкомъ тому назадъ, то это объясняется, во-первыхъ, „увѣренностью, что событія, за это время развернувшіяся, ее оправдали", и, во-вторыхъ, надеждою, что она „принесетъ свою долю пользы читателю, желающему уяснить себѣ характеръ и значеніе" послѣдняго фазиса турецкаго кризиса. Въ статьѣ „Возрожденіе Востока"—говоритъ г. І. Бикерманъ—„мною предсказаны были—въ общей формѣ, разумѣется,—важнѣйшія явленія политической жизни Турціи за послѣдніе полгода". Эта способность къ предсказанію будущаго, конечно, весьма драгоцѣнна, но она не замѣняетъ, однако, полноты и свѣжести матеріала относительно прошлаго и настоящаго. Въ дѣйствительности новѣйшія событія нисколько не затронули главнаго содержанія сборника, такъ какъ собственно характеристикѣ турецкой іюльской революціи посвящена только одна статья г. А. Кауфмана—о „дняхъ свободы въ Константинополѣ"; остальные же очерки трактуютъ о предметахъ и вопросахъ, имѣющихъ историческое или принципіальное значеніе, независимо отъ фактовъ и перемѣнъ послѣдняго полугодія.

Вступительный этюдъ г. І. Бикермана даетъ нѣкоторыя общія соображенія о дѣлахъ и судьбахъ Востока, въ связи съ западно-европейскими и русскими событіями. Многое изъ того, что говоритъ авторъ, можетъ быть признано вѣрнымъ, но есть у него также немало оши-

бочнаго. Упомянувъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Западѣ нашей октябрьской забастовкой 1905 года, онъ замѣчаетъ, что „существовавшая уже до того въ Европѣ секта (?) забастовщиковъ, вѣрующая, что рабочій народъ можетъ преобразовать міръ, скрестивши руки на груди,—получила какъ бы подтвержденіе своего ученія" (стр. 13—14). Авторъ справедливо находитъ, что проводить параллели между событіями разныхъ странъ не слѣдуетъ; такъ напр., для успѣшности переворота по младотурецкому образцу, „требуется, кромѣ всего прочаго, еще и то, чтобы правительство не платило жалованья не только унтеръ-офицерамъ, но и корпуснымъ командирамъ,—обстоятельство, въ современныхъ государствахъ не совсѣмъ обычное". Слишкомъ снисходительны сужденія г. Бикермана о разныхъ турецкихъ султанахъ, благородныхъ и великодушныхъ, при которыхъ будто бы „реформы слѣдуютъ за реформами"—притомъ реформы хорошо задуманныя и отчасти такъ же исполненныя. „Даже царствованіе Абдулъ-Гамида II не было временемъ сплошного застоя: въ области школы Турція за послѣднія тридцать лѣтъ сдѣлала значительные успѣхи" (стр. 41). Съ другой стороны, этихъ успѣховъ не было и не могло быть—ибо, „какъ всякій благожелательный (!) деспотизмъ, турецкіе реформаторы ставили себѣ неразрѣшимую и внутренне-противорѣчивую задачу—добывать плоды жизни, не допуская самой жизни. Больше всего въ Турціи боялись движенія, самодѣятельности, вольныхъ думъ и новыхъ желаній; и всѣ реформы, отравленныя уже въ моментъ зачатія, мертвыми рождались на свѣтъ и, въ лучшемъ случаѣ, живыми мертвецами въ немъ оставались" (стр. 42).

Съ большою обстоятельностью разобраны главныя основы стараго режима въ Турціи въ дѣльной статьѣ В. В. Водовозова. Любопытные примѣры приводятся авторомъ относительно турецкой цензуры: многія слова и имена вовсе не допускались въ печати; ничего нельзя было сообщать ни о персидскомъ парламентѣ, ни о русской Государственной Думѣ; даже въ алгебраическихъ и химическихъ формулахъ находили иногда скрытый смыслъ: такъ формула $AH = 0$ возбудила подозрѣніе, не означаютъ ли буквы AH имя султана (Abdul-Hamid), а потому на всякій случай формула была вычеркнута (стр. 91). Очень содержательна также другая статья г. Водовозова — о происхожденіи и дѣятельности младотурецкой партіи. Интересныя свѣдѣнія о мусульманскихъ идеяхъ и законахъ, о такъ называемомъ шаріатѣ, о турецкой семьѣ и школѣ, собраны въ очеркахъ г. Мамеда Шахшахтинскаго и Мухамеда-Гаяза-Чингиза. Объ экономическомъ положеніи и финансахъ Турціи разсуждаетъ г. Ю. Лавриновичъ въ этюдѣ, составленномъ по новѣйшимъ даннымъ. Очень бойко и занимательно, по личнымъ впечатлѣніямъ, написанъ кор-

респондентскій отчетъ г. А. Кауфмана о константинопольскихъ событіяхъ. Все было бы хорошо, еслибы не послѣдній отдѣлъ, предлагающій на пространствѣ двѣнадцати страницъ „образцы турецкой литературы", въ видѣ какихъ-то маленькихъ отрывковъ, подписанныхъ неизвѣстными, яко-бы турецкими именами; эти мнимые коротенькіе „образцы" какъ будто нарочно приложены въ концѣ книги, чтобы внести въ нее нѣкоторую долю комическаго элемента.—Л. С.

III.

— А. Х. Гольмстенъ. „Опытъ методики законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ", Спб., 1909.

Въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ недавняго времени введено преподаваніе законовѣдѣнія. Въ связи съ этимъ естественно возникъ и сталъ разрабатываться у насъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ преподавать этотъ предметъ. Небольшая книжка проф. Гольмстена предназначена служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Проф. Гольмстенъ, прежде чѣмъ написать свою методику, ознакомился не только съ довольно многочисленными учебниками законовѣдѣнія, изданными у насъ, но также и съ учебниками западно-европейскими. Общій его выводъ объ этой учебной литературѣ—отрицательный. Съ методологической точки зрѣнія законовѣдѣніе (даже и на Западѣ) переживаетъ, по его мнѣнію, „тотъ періодъ безсознательнаго состоянія, который благополучно пережитъ другими предметами преподаванія средней школы". Что касается, въ частности, нашихъ учебниковъ законовѣдѣнія, то отзывъ о нихъ проф. Гольмстена — уничтожающій. „Наши учебники законовѣдѣнія—говоритъ онъ — съ точки зрѣнія какого угодно метода не выдерживаютъ критики. Нѣтъ, кажется, преподавателя, который не стоналъ бы подъ игомъ учебника. При такихъ учебникахъ какой бы методъ ни проводилъ преподаватель, трудъ его пропадетъ даромъ" (стр. 49).

Но надо сказать, что и „методика" проф. Гольмстена далеко не выводитъ вопросъ о преподаваніи законовѣдѣнія изъ періода „безсознательнаго" состоянія. Вся она представляетъ лишь эмпирическое „нащупываніе" трудностей предмета; что же касается ихъ разрѣшенія, то, не смотря на господствующій здѣсь категорическій тонъ сужденій проф. Гольмстена, всѣ эти трудности, въ сущности, остаются на мѣстѣ. Такъ напр., основной вопросъ о томъ, чѣмъ долженъ быть этотъ учебный предметъ — *право*вѣдѣніемъ или *законо*вѣдѣніемъ—проф. Гольмстенъ безусловно рѣшаетъ въ пользу законовѣдѣнія, высказываясь за

„усвоеніе, изученіе учениками дѣйствующаго отечественнаго законодательства въ главнѣйшихъ частяхъ и въ общихъ очертаніяхъ" (стр. 1). Обращать законовѣдѣніе въ элементарное правовѣдѣніе по мнѣнію автора „совершенно невозможно" (стр. 4). Но, характеризуя ближе задачу своего „законовѣдѣнія", онъ говоритъ: „задачей преподаванія является... изученіе жизненнаго смысла законовъ, духа законовъ. Конкретно выражаясь, задача преподаванія законовѣдѣнія сводится къ изученію наиболѣе рельефно характеризующихъ главнѣйшія явленія юридическаго быта законовъ со стороны жизненнаго мотива и смысла, жизненной цѣли" (стр. 12). „Не статьи закона съ ихъ детальными перечисленіями и иногда путаннымъ изложеніемъ комментируются и заучиваются: изъясняются и усваиваются идеи юридическихъ институтовъ или какъ ихъ понимаетъ законодатель, создавшій данную норму, или какъ ихъ понимаетъ сама жизнь" (стр. 13). Но если такъ, то какъ же можетъ обойтись обрисованное здѣсь „законовѣдѣніе" безъ хотя бы „элементарнаго правовѣдѣнія"? Мы согласны съ тѣмъ, что въ основѣ предмета должно лежать законовѣдѣніе, но оно, несомнѣнно, должно сопровождаться и „элементарнымъ правовѣдѣніемъ". А въ какомъ именно сочетаніи—въ этомъ вся педагогическая трудность, нисколько не устраненная и не облегченная проф. Гольмстеномъ.

Въ другихъ случаяхъ проф. Гольмстенъ, повидимому, просто закрываетъ глаза на тѣ огромныя педагогическія трудности, какія связаны съ такимъ своеобразнымъ предметомъ, какъ законовѣдѣніе. Вотъ, напр., вопросъ о „критикѣ" законовъ и учрежденій. Надо ли вводить ее въ курсъ законовѣдѣнія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? *Общій* отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно ясенъ: конечно, *нѣтъ*. Въ пользу этого отвѣта проф. Гольмстенъ приводитъ, между прочимъ доводъ, который мы безусловно раздѣляемъ и считаемъ рѣшающимъ въ данномъ случаѣ. При отрицательно-критическомъ отношеніи преподавателя къ закону откроется, говоритъ авторъ, „широкій путь къ соціальной и политической партійности въ изложеніи" (стр. 96). Итакъ, „отрицательно-критическое" отношеніе къ закону вообще неумѣстно въ законовѣдѣніи и надо его избѣгать. Но можно ли его *вполнѣ* избѣгнуть по отношенію ко *всѣмъ* законамъ? Проф. Гольмстенъ полагаетъ, что не только „можно", но и „должно". „Я думаю—говоритъ онъ,— что мысль объ исключеніи всякой легислативной критики при преподаваніи законовѣдѣнія должна быть проведена съ полной послѣдовательностью по отношенію къ законамъ очевидно (!) несостоятельнымъ, какъ напр. законы о паспортахъ, о земскихъ начальникахъ и т. п. Въ законовѣдѣніи должны быть приведены всѣ основанія, которыя побудили законодателя въ томъ или другомъ видѣ, при тѣхъ

или другихъ условіяхъ, создать эти законы. Изучившій эти основанія самъ, достигнувъ умственной зрѣлости, убѣдится въ ихъ несостоятельности, но это убѣжденіе будетъ обоснованнымъ, такъ какъ придется продумать каждое изъ приведенныхъ въ пользу данныхъ законовъ оснований. Конечно, преподавателю гораздо легче „разнести" всѣ эти законы, при общемъ сочувствіи класса (!), но это совершенно неприлично для преподавателя; онъ долженъ дать твердую почву для критики, онъ долженъ привести всѣ доводы законодателя-сторонника этихъ законовъ. Учащіеся впослѣдствіи (?) освѣдомятся о данныхъ, опровергающихъ эти доводы" (стр. 47—48).

Мы нарочно привели полностью эту длинную цитату, чтобы читатель самъ могъ убѣдиться въ томъ, что проф. Гольмстенъ, дѣйствительно, закрываетъ глаза на огромную педагогическую трудность, связанную съ преподаваніемъ законовѣдѣнія, когда въ законодательствѣ имѣются *очевидно* несостоятельные законы и когда этихъ законовъ немало, а степень „несостоятельности" ихъ весьма велика. „Разносить" эти законы, хотя бы и при „всеобщемъ" сочувствіи класса, для преподавателя, конечно, „неприлично". Но, какъ быть, если ученики, не дожидаясь того „впослѣдствіи", о которомъ такъ неопредѣленно говоритъ проф. Гольмстенъ, предложатъ тутъ же преподавателю вопросъ: состоятельны ли упомянутые законы, или *очевидно* несостоятельны? и если послѣднее, то *почему?* Что̀ долженъ тогда сдѣлать преподаватель: просто молчать, или сослаться на „педагогическое" запрещеніе ему со стороны проф. Гольмстена говорить объ этомъ съ учениками?

Вотъ трудность, которой проф. Гольмстенъ не хочетъ видѣть. А между тѣмъ она спеціально связана именно съ преподаваніемъ этого предмета—*законовѣдѣнія*. Надо было дать здѣсь преподавателю этого предмета другой совѣтъ, болѣе содержательный — или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить, что „хорошая" педагогика здѣсь возможна только при „благоустроенномъ" государственномъ порядкѣ, который своевременно убираетъ прочь *очевидно* несостоятельные законы и учрежденія, не давая имъ накопляться въ большомъ количествѣ и явно мозолить глаза гражданамъ.

Съ удовольствіемъ приведемъ другой, очень содержательный и очень хорошій совѣтъ, который въ своей книгѣ даетъ проф. Гольмстенъ преподавателю законовѣдѣнія. Въ главѣ, озаглавленной имъ: „Объективность изложенія", онъ говоритъ, что „законъ долженъ быть изложенъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ написанъ законодателемъ". „Вносить въ ясный законъ то, чего въ немъ нѣтъ, продолжаетъ онъ—*преступно*". И онъ поясняетъ свою мысль примѣромъ. „Напримѣръ, ст. 86 осн. зак. — говоритъ онъ — законъ совершенно

ясный. Прямой смыслъ ея тотъ, что Россійская имперія—монархія конституціонная, ограниченная. На этомъ, казалось бы, преподаватель законовѣдѣнія и могъ бы успокоиться; но когда рѣчь идетъ о столь важномъ, хотя и ясномъ законѣ, онъ долженъ обратиться къ научной литературѣ. Въ данномъ случаѣ онъ найдетъ въ наукѣ полное подтвержденіе и прочное обоснованіе своего взгляда. Всѣ наши государствовѣды единогласно высказываются въ пользу этого взгляда. Такъ, проф. В. Ивановскій говоритъ: „существующая въ Россіи форма государственнаго устройства является конституціонной монархіей"; проф. Шалландъ—„Россія стала ограниченной конституціонной монархіей"; проф. Лазаревскій—„Россія перешла къ конституціонной формѣ правленія и въ дѣлѣ законодательства власть Государя стала властью ограниченной"; проф. Берендтсъ (преподающій и законовѣдѣніе)—„теперь уже нельзя больше спорить, ограниченъ или неограниченъ Монархъ въ Россіи. Онъ ограниченъ, онъ Монархъ конституціонный". Проф. Герье (членъ Государственнаго Совѣта по назначенію) говоритъ: „Русское самодержавіе отказалось отъ двухъ важнѣйшихъ прерогативъ: отъ неограниченнаго права законодательства и отъ автономнаго распоряженія государственнымъ бюджетомъ"; „основные законы установили въ Россіи конституціонную монархію"; „Россія заняла свое мѣсто среди конституціонныхъ монархій Европы". И преподаватель законовѣдѣнія—говоритъ въ заключеніе проф. Гольмстенъ—„не можетъ высказать какой-либо иной взглядъ" (стр. 90—92).

Это—лучшее мѣсто въ „Методикѣ" проф. Гольмстена, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ же добавляетъ: „на учительскую совѣсть никто посягать не въ правѣ" (стр. 92).—Н. Гредескулъ.

IV.

В. И. Синайскій. — Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ. I. Усадебный надѣлъ и общинное землевладѣніе въ представленіяхъ писателей римской древности. Цѣна 2 руб. Юрьевъ, 1908.

Проблемы аграрной исторіи все болѣе и болѣе привлекаютъ вниманіе изслѣдователей судебъ античнаго міра. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ экономической эволюціи древности поставленъ на первую очередь; дѣлаются и попытки общихъ построеній (напр. въ новомъ, третьемъ изданіи „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" статья гейдельбергскаго профессора Макса Вебера — „Agrarverhältnisse im Altertum"). Особенно сложными и спорными являются вопросы древнѣйшей исторіи Рима, окутанные дымкой старинной легенды и позже наросшихъ представленій. Научная критика не только безпощадно

вскрыла недостатки источниковъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончательно уничтожила ихъ историческую достовѣрность; пришлось прибѣгнуть къ гипотезамъ и возводить зданіе безъ фундамента. Несомнѣнно, заслуги критики римской традиціи весьма велики, но отрицаніе и скепсисъ часто переходили границы; кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи является весьма интересный, но парадоксальный въ своемъ нигилизмѣ трудъ Этторе Паиса.

Г. Синайскій уже раньше обратилъ на себя вниманіе ученыхъ небольшой, но оригинальной по выбору и трактованію сюжета книжкой о подушномъ надѣлѣ въ древнемъ Римѣ. Уже въ этой работѣ авторъ подходитъ къ пересмотру тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена его новая книга. Пока вышла лишь первая часть широко-задуманнаго труда, но общая его схема изложена авторомъ въ рѣчи передъ магистерскимъ диспутомъ и напечатана въ газетѣ „Право" (№ 4, 1909 г.: „Къ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ"). Г. Синайскій задался цѣлью подвергнуть пересмотру господствующую гипотезу о существованіи общиннаго землевладѣнія въ древнемъ Римѣ. Эта гипотеза построена Моммзеномъ и принята многими изслѣдователями. На ея созданіе оказало вліяніе соціологическое ученіе о стадіяхъ земледѣльческаго быта, по которому частная земельная собственность возникаетъ постепенно, сначала простираясь лишь на усадебную землю, а затѣмъ уже въ дальнѣйшемъ развитіи распространяясь на находившуюся ранѣе въ общинномъ обладаніи полевую землю. Солиднымъ доказательствомъ своей гипотезы Моммзенъ считалъ указанія источниковъ на то, что древнѣйшей надѣльной мѣрою въ Римѣ были два югера (менѣе полъ-десятины). Эта мѣра совершенно недостаточна для прокормленія хлѣбомъ семьи, почему Моммзенъ и призналъ два югера *усадебнымъ надѣломъ*; отсюда онъ выводилъ, что если въ древнемъ Римѣ въ частную собственность предоставлялась только усадебная земля, то земли пахотныя продолжали оставаться въ общинномъ обладаніи. Остроумно и блестяще развитая Моммзеномъ гипотеза была многими учеными принята, но за послѣднее время замѣчается реакція противъ нея. Приходится считаться съ тѣмъ, что надѣлъ въ два югера (и, притомъ, земли пахотной) встрѣчается въ источникахъ поздняго времени. Г. Синайскій въ своей предыдущей работѣ высказалъ предположеніе, что въ Римѣ надѣленіе землей было не подворное, а подушное, т.-е. надѣлы нарѣзались по числу взрослыхъ гражданъ; такимъ образомъ, римскій дворъ получалъ не одинъ надѣлъ въ два югера, а столько надѣловъ, сколько въ немъ было взрослыхъ мужчинъ. Въ новомъ трудѣ г. Синайскій подвергаетъ пересмотру вопросъ о существованіи общиннаго землевладѣнія въ Римѣ и дѣлаетъ попытку объясненія генезиса и характера древнѣйшаго римскаго надѣла и его отношенія къ позднѣйшему

надѣлу въ семь югеровъ. Первая часть работы трактуетъ объ усадебномъ надѣлѣ и общинномъ землевладѣніи въ представленіяхъ писателей римской древности. Она представляетъ серьезный интересъ какъ по постановкѣ вопросовъ, такъ и по остроумному ихъ разрѣшенію; нельзя не отмѣтить также широкой эрудиціи автора, его начитанности въ источникахъ и знакомства съ литературой. Можно, однако, сдѣлать рядъ возраженій какъ по распланированію матеріала, такъ и по отдѣльнымъ частностямъ. Большимъ неудобствомъ является выпускъ одной первой части, тѣсно связанной со второю; автору сплошь и рядомъ (и какъ на зло, на самыхъ интересныхъ мѣстахъ) приходится отсылать читателя ко второму тому. Этотъ второй томъ будетъ посвященъ разбору ученій, поддерживающихъ существованіе общиннаго землевладѣнія въ Римѣ. Правильнѣе было бы, по видимому, начать съ этого разбора или, по крайней мѣрѣ, пустить его въ ходъ сейчасъ же послѣ разбора извѣстій древнихъ писателей. Авторъ тщательно разбираетъ писателей по сельскому хозяйству, агримензоровъ, историковъ, грамматиковъ, поэтовъ—и приходитъ къ заключенію, что у нихъ не было представленій объ общинномъ землевладѣніи въ древнѣйшемъ Римѣ: они признавали наличность въ тѣ времена частной собственности не только на усадьбу, но и на земли пахотныя. Послѣ этого естественно было бы остановиться на попыткахъ иной интерпретаціи текстовъ. Вмѣсто того авторъ сразу и весьма неожиданно переходитъ къ вопросу о происхожденіи города Рима. Здѣсь г. Синайскій, не соглашаясь съ теоріею Моммзена объ органическомъ происхожденіи города Рима, возвращается къ традиціи и говоритъ о Римѣ, какъ о самостоятельно образовавшейся городской общинѣ. Соображенія автора любопытны особенно въ экскурсахъ о соціальномъ значеніи „убѣжища“ (asylum) и о воинскихъ элементахъ въ организаціи римской общины; но все же правильнѣе было бы сдѣлать ихъ темой особаго изслѣдованія, а не трактовать ихъ на немногихъ страницахъ, нарушая общій планъ работы. Вообще у г. Синайскаго замѣтно желаніе по каждому, даже часто попутно-затронутому вопросу, дать исчерпывающее объясненіе. Иногда это приводитъ лишь къ тому, что авторъ запутывается въ разбираемыхъ контроверзахъ, часто повторяется и слишкомъ долго останавливается на мелочахъ. Нельзя также согласиться съ нѣкоторыми методологическими пріемами автора, примѣняемыми въ первой половинѣ (стр. 9—85) разбираемой книги. Сплошь и рядомъ молчаніе писателя о наличности общиннаго землевладѣнія г. Синайскій считаетъ подтвержденіемъ своего мнѣнія (стр. 13, 15, 17, 18, 19 и др.). Правда, авторъ оговаривается, что изъ молчанія нельзя дѣлать опредѣленныхъ заключеній, но все же самъ склоняется и пытается склонить читателя къ выводу, что о чемъ молчатъ,

того и не было. Не всегда приходится съ этимъ соглашаться; необходимо постоянно принимать во вниманіе, къ *какому времени* относятся дошедшіе до насъ источники. Вѣдь всѣ они трактуютъ объ эпохахъ позднѣйшихъ. Говоря это, мы отнюдь не думаемъ утверждать наличность общиннаго землевладѣнія въ Римѣ: мы хотимъ лишь подчеркнуть, что въ данномъ отдѣлѣ своего труда авторъ еще не занялъ неприступныхъ позицій.

Особый интересъ представляетъ та часть изслѣдованія, гдѣ идетъ рѣчь о генезисѣ двухъ-югернаго надѣла. Г. Синайскій указываетъ, что всѣ источники ставятъ надѣлъ въ два югера въ связь съ надѣльной мѣрой въ 200 югеровъ, называемой центуріею; отсюда, путемъ весьма остроумныхъ соображеній, авторъ выводитъ, что разверстка земли по центуріямъ стоитъ въ связи съ дѣленіемъ войска по центуріямъ же, и двухъ-югеровый надѣлъ можетъ быть понятъ, какъ *надѣлъ воина*. Здѣсь, кромѣ важнаго общаго вывода, любопытны разсужденія автора о причинахъ дѣленія на полевыя центуріи, о происхожденіи такой военной разверстки земли въ Римѣ: главной причиной г. Синайскій считаетъ цѣли самозащиты. Говоря, далѣе, объ обращеніи надѣла въ два югера подъ огородъ, г. Синайскій считаетъ это дѣломъ позднѣйшаго времени; по его мнѣнію, недостаточность этого надѣла для прокормленія плебея съ семьей вызвала переходъ къ огородной культурѣ. Что касается до надѣла въ семь югеровъ, то авторъ считаетъ его нормальнымъ пахотнымъ надѣломъ, предназначеннымъ для прокормленія всей семьи. Два югера шли на одного человѣка, семь югеровъ—на семью.

Нельзя не пожелать, чтобы за первымъ томомъ труда г. Синайскаго послѣдовалъ въ ближайшемъ будущемъ и второй.—И. Бороздинъ.

V.

— А. Котельниковъ. Исторія производства и разработки всеобщей переписи населенія 28 января 1897 г. Спб. 1909 г.

Эта книжка, составленная лицомъ, близко стоявшимъ къ тому дѣлу, котораго она касается, появилась весьма кстати, потому что въ Государственную Думу внесенъ законопроектъ о производствѣ второй всенародной переписи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проектъ закона о преобразованіи административной статистики. Проекты эти касаются предметовъ, имѣющихъ весьма важное значеніе въ государственномъ и научномъ отношеніяхъ; но исторія даннаго дѣла, къ сожалѣнію, не даетъ увѣренности въ томъ, что они могутъ принести удовлетворительное

разрѣшеніе вопроса. Плохимъ признакомъ служитъ уже то, что проекты законовъ о предметахъ, имѣющихъ общественный и научный характеръ, составлены въ тиши канцеляріи, при преобладающемъ участіи того учрежденія, которое зарекомендовало себя противникомъ общественнаго начала и мало научными пріемами въ статистикѣ. Извѣстны тѣ стѣсненія, какимъ подвергалась земская статистика со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, а статистическая компетентность соотвѣтствующаго учрежденія этого вѣдомства, помимо всего прочаго, достаточно характеризуется выполненіемъ и разработкой первой всеобщей переписи населенія, исторія которой описывается въ книжкѣ, составляющей предметъ настоящей замѣтки.

Не будемъ говорить о томъ, что выполнена была эта перепись безъ участія и даже безъ совѣщанія съ русскими статистиками, среди которыхъ находятся опытные дѣятели земскихъ статистическихъ учрежденій: они даже узнали объ основаніяхъ предполагавшейся переписи послѣ того, какъ основанія эти были сообщены статистикамъ иностраннымъ. Обойдемъ молчаніемъ и фактъ непринятія мѣръ, которыя могли бы подготовить къ производству переписи самое населеніе и мѣстныя статистическія учрежденія, вслѣдствіе чего перепись прошла крайне неудовлетворительно, и нѣкоторые факты русской жизни отразились въ ней въ совершенно искаженномъ видѣ (число уклонившихся отъ православія, напр., опредѣлено переписью въ 2 милл., т.-е. приблизительно въ 6—7 разъ менѣе дѣйствительнаго количества). Но и послѣдующее дѣло разработки переписнаго матеріала, затянувшееся надолго—точно въ оправданіе извѣстнаго отвѣта студента на экзаменѣ, что переписи населенія именуются десятилѣтними, потому что ихъ результаты разрабатываются въ теченіе десяти лѣтъ—обратилось въ канцелярскую работу, руководитель которой боялся научныхъ пріемовъ разработки и требовалъ лишь „быстроты, дешевизны и аккуратности“ (внѣшней, конечно). „Достаточно было въ спорѣ съ нимъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія, сослаться на книгу какого-нибудь, особенно иностраннаго писателя, какъ сенаторъ Тройницкій, указывая на своеобразность нашей страны и на незнакомство научныхъ авторитетовъ съ нашей жизнью, отказывался выслушивать оппонента“. „Всякія справки съ требованіями теоріи переписи прѣслѣдовались, указанія на неправильность постановки той или иной части дѣла считались протестами, недопустимыми въ правительственномъ учрежденіи; недовольныхъ отстраняли отъ дѣла, лишали наградныхъ и даже жалованья“. Дѣлать „дешево и быстро, а на качество просятъ не обращать вниманія“ (курсивъ у автора)—таковъ былъ лозунгъ при обработкѣ переписнаго матеріала.

Редакторы отдѣловъ расходились въ пониманіи различныхъ во-

просовъ и, не смотря на безконечные споры, не приходили къ соглашенію и поправляли другъ друга. Вслѣдствіе этого въ одной комнатѣ писали, а въ другой стирали написанное; „сенаторъ-де Тройницкій выражалъ удивленіе, почему такъ много выходитъ карандашей и резинокъ". Дѣйствительными толкователями показаній переписи были, впрочемъ, даже не редакторы, а барышни, замѣнявшія условными знаками показанія листковъ переписи. Листки эти поступали въ ихъ руки безъ просмотра компетентными лицами, и на разсмотрѣніе редакторовъ восходили лишь недоумѣнія, передъ которыми совершенно пасовали размѣтчицы. На редакторахъ, за то, лежала болѣе отвѣтственная (передъ начальствомъ, конечно) обязанность устранять изъ окончательныхъ таблицъ несообразности и нелѣпости (обращая, напр., въ православныхъ крестьянъ кочующихъ калмыковъ, попавшихъ, по волѣ барышенъ, въ Московскую губ.), составлявшія естественный результатъ усвоенной безсистемности при обработкѣ матеріала, и придавать имъ внѣшнее благообразіе. А чтобы обезопасить себя отъ позднѣйшихъ разоблаченій, центральный статистическій комитетъ „своевременно озаботился полученіемъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ постепенно продавать на фабрику подлинный матеріалъ первой всенародной переписи нашей страны". Такъ соблюдаются руководящимъ статистическимъ органомъ не только научные интересы, но и простой законъ, воспрещающій даже архивамъ уничтожать дѣла, заключающія статистическіе матеріалы! Не изъ высокаго, конечно, довѣрія къ своимъ работамъ принялъ эту мѣру центральный статистическій комитетъ. А „между тѣмъ опубликованные результаты переписи служатъ основаніемъ для выводовъ и мѣропріятій; люди теоріи и практики почерпаютъ въ нихъ убѣдительнѣйшіе доводы за или противъ извѣстныхъ положеній, и общество рѣшительно не знаетъ, какъ полученъ весь этотъ матеріалъ, чтобы опредѣлить степень довѣрія къ нему".

Таковы ближайшія заслуги того учрежденія, которое беретъ на себя смѣлость повторить опытъ бюрократическаго разрѣшенія вопроса, имѣющаго важное научное и практическое значеніе. Книжка г. Котельникова, безъ сомнѣнія, поможетъ Государственной Думѣ разобраться въ этомъ вопросѣ, при обсужденіи внесенныхъ на ея заключеніе законопроектовъ о новой переписи и о преобразованіи правительственной статистики.

VI.

— Пр.-доц. К. Г. Воблый.—Очерки по исторіи польской фабричной промышленности. Томъ I. Кіевъ, 1909.

Исторія хозяйственнаго быта подвергается научной разработкѣ, говоря вообще, позже другихъ отраслей исторической науки, потому что сама хозяйственная жизнь, слагающаяся изъ невидныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, не привлекаетъ къ себѣ такого вниманія современниковъ и не подвергается такой регистраціи, какъ дѣятельность политическихъ и другихъ учрежденій, факты литературной и культурной жизни и т. п. Въ ряду различныхъ отдѣловъ хозяйственной жизни раньше другихъ выдвигается и становится доступной историческому изученію сфера обращенія товаровъ, игравшая и играющая такую видную роль въ международныхъ отношеніяхъ націй. По доступности наблюденія за нею слѣдуетъ крупная промышленность, составляющая продуктъ уже новѣйшей исторіи. Прошлое же сельскаго хозяйства и мелкихъ промысловъ приходится возстановлять по сравнительно ограниченному количеству матеріаловъ, которые весьма часто нужно еще извлекать изъ мѣстныхъ архивовъ.

Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе въ произведеніи, составляющемъ предметъ настоящей замѣтки. Оно посвящено, правда, фабричной (собственно—текстильной) промышленности, но естественно исходитъ изъ докапиталистическаго состоянія послѣдней, для обрисовки котораго у автора оказался очень ограниченный матеріалъ. Мы имѣемъ пока передъ собой первый изъ трехъ томовъ изслѣдованія К. Г. Воблаго, описывающій состояніе польской текстильной промышленности и польскую экономическую литературу въ эпоху Станислава-Августа (1764—1795 гг.), во время прусскаго владычества (1795—1807 гг.), Варшавскаго Герцогства (1807—1815 гг.) и конституціоннаго Царства Польскаго, по присоединеніи его къ Россіи (1815—1830 гг.).

Судьба польской промышленности тѣснымъ образомъ связана съ политическими судьбами Польши, и если историческій фатумъ предопредѣлилъ раздѣленіе страны между тремя иноземными властителями, то русская Польша получила, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую компенсацію тому въ фактѣ экономическаго ея подъема. Въ области индустріи это осуществилось благодаря, главнымъ образомъ, пониженію, а впослѣдствіи и полному упраздненію таможенной стѣны между Поль-

шей и Имперіей, открывшему польской промышленности необъятный внѣшній рынокъ сбыта, играющій такую важную роль даже на первыхъ стадіяхъ развитія капиталистическаго производства.

Исторія польской промышленности представляетъ и другой, болѣе общій интересъ. Повсюду обрабатывающая промышленность развивалась при значительномъ участіи иностранныхъ ремесленниковъ, переселявшихся въ данную страну вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ гоненій на родинѣ или приглашавшихся просвѣщенными властителями; но въ русской Польшѣ иностранныя вліянія играли исключительную роль, и г. Воблый даже полагаетъ, что только промышленность конституціоннаго Царства Польскаго являлась „промышленностью, пересаженной на польскую почву". Къ вызову иностранныхъ ремесленниковъ прибѣгали еще при Станиславѣ-Августѣ магнаты, устраивавшіе безслѣдно погибшія мануфактуры, основанныя на крѣпостномъ трудѣ. Иностранные фабриканты и рабочіе, получавшіе разнообразныя льготы отъ правительства, послужили главнѣйшимъ матеріаломъ для организаціи капиталистической промышленности. Когда льготный таможенный тарифъ открылъ польскимъ товарамъ доступъ на русскіе рынки, мѣстные уроженцы (поляки и евреи) лишь понемногу и, сравнительно, небольшими дозами входили въ составъ рабочаго персонала устраивавшихся мануфактуръ, не смотря на то, что фабриканты, недовольные требовательностью иностранныхъ мастеровъ, старались скорѣе подготовить кадры мѣстныхъ рабочихъ.

Книга г. Воблаго составлена въ значительной мѣрѣ на основаніи архивнаго матеріала, выясняющаго многія подробности политики насажденія фабричной промышленности, преимущественно въ послѣдній изъ изслѣдованныхъ авторомъ періодовъ польской исторіи, и доставившаго нѣкоторыя статистическія данныя о состояніи текстильной промышленности въ двадцатыхъ годахъ. Книга читается съ большимъ интересомъ. Изложенію дѣла предшествуетъ глава, дающая общую характеристику польскаго народнаго хозяйства въ эпоху Станислава-Августа, а судьба польской промышленности изслѣдуется въ связи съ политическими превращеніями страны, съ общими и мѣстными условіями экономическаго характера.—В. В.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анцыферовъ, А. Н. — Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р. Изд. 2-ое.

Блохъ, И., д-ръ.—Половая жизнь нашего времени. Пер. съ нѣмецкаго Н. А. Алексѣева. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Богдановичъ, К., проф.—Землетрясенія въ Мессинѣ и Санъ-Франциско. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Болль, проф.—Вѣка природы. Одесса. 1909 г. Цѣна 75 к.

Бруни, К.—Твердые растворы. Одесса. 1909 г. Цѣна 25 к.

Брюсовъ, Валерій. — Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Москва, 1909 г. Цѣна 40 к.

Бугославскій, П. И.—Южный берегъ Крыма. Очеркъ. Черниговъ, 1909 г. Цѣна 35 к.

— Weber, H., и Wellstoin, I. Энциклопедія элементарной математики. Томъ II. Одесса, 1909 г. Цѣна 3 р.

Глинъ, Элинора.—Три недѣли. Переводъ съ англійскаго В. Я. Протопопова. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Евреиновъ, Г. А.—Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р.

Зайцевъ, Л. М.—Отвѣтственность при массовыхъ преступленіяхъ. Съ предисловіемъ П. И. Люблинскаго. Кіевъ, 1909 г. Цѣна 50 к.

Иваньшинъ, Николай. — Путь любви. Пять одноактныхъ пьесъ. Москва, 1909 г. Цѣна 75 к.

Кохановскій, Н. И.—Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владивостокъ, 1909 г. Цѣна 1 р.

Кутюра, Л.—Алгебра логики. Переводъ съ прибавленіями проф. И. Слешинскаго. Одесса, 1909 г. Цѣна 90 к.

Лейбергъ, П. Б.—Физика. Курсъ средней школы. Часть I. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Малиновскій, I.—Кровавая месть и смертныя казни. Выпускъ II. Томскъ, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Мельгуновъ, С.—Церковь и государство въ Россіи въ переходное время. Сборникъ статей (1907—1908). II. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Неткачевъ, д-ръ мед.—Заиканіе. Новый психологическій методъ леченія. Москва, 1909 г. Цѣна 3 р.

Пименова, Э. — Японія, „страна тысячи острововъ". Третье дополненное изданіе. Съ рисунками. Спб., 1909 г. Цѣна 40 к.

Поссе, В. А.—По Европѣ и Россіи. 1889—1909. Спб., 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рамзай, В., проф.—Благородные и радіоактивные газы. Одесса, 1909 г. Цѣна 25 к.

Сабинина, М.—Чудеса подводнаго міра. Второе изданіе. Съ 36 рисунками. Спб., 1909 г. Цѣна 30 к.

Слаби, А., проф. — Безпроволочный телефонъ. Одесса, 1909 г. Цѣна 30 к.

——— Резонансъ и затуханіе электрическихъ волнъ. Одесса, 1909 г. Цѣна 40 к.

Снайдеръ, Карлъ.—Картина міра въ свѣтѣ современнаго естествознанія. Одесса, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Степановъ, I. Н.—Врачебная тайна и указъ армянскаго синода о добрачномъ осмотрѣ. Историко-юридическій очеркъ. Съ предисловіемъ А. Р. Ледницкаго. Тифлисъ, 1909 г. Цѣна 40 к.

Томпсонъ, С.—Добываніе свѣта. Одесса, 1909 г. Цѣна 50 к.

Трубецкая, кн. М. — По дорогѣ. Стихотворенія. Полтава, 1909 г. Ц. 1 р.

Ушинскій, К. Д. — Собраніе педагогическихъ сочиненій. Т. II, дополнительный. Редакція и приложенія В. Чернышева. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Хрептовичъ-Бутеневъ, Гр.—Флоренція и Римъ въ связи съ двумя собы-

тіями изъ русской исторіи XV вѣка. Краткій иллюстрированный очеркъ. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Чарнолускій, В.—О самообразованіи. Спб., 1909 г. Цѣна 65 к.

Чупровъ, А. И. — Рѣчи и статьи. Томъ II. Москва, 1909 г. Цѣна за два тома съ подписнымъ билетомъ на третій 7 р. 50 к.

— Академическій сборникъ. Выпускъ 1 и 2. Цѣна каждаго выпуска 30 к. Спб., 1909 г.

— Библіотека нашихъ дѣтей. № 80. Стихотворенія А. Пушкина. № 81. Стихотворенія М. Лермонтова. № 82. Стихотворенія А. Толстого, А. Жемчужникова и А. Майкова. № 83—84. Стихотворенія В. Жуковскаго. № 72—73. Избранныя сказки Г. Андерсена. № 74—75. Избранныя сказки З. Топеліуса. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1909 г. Цѣна каждаго выпуска 20 к.

— Врачебная хроника Харьковской губ. Харьковъ. 1909 г. Изданіе Харьковской губ. земской управы.

— Въ защиту интеллигенціи. Сборникъ статей. Москва, 1909 г. Ц. 75 к.

— Крестьянская библіотечка. № 28. Земство и выборы гласныхъ Н. Н. Соколова. Спб., 1909 г. Цѣна 10 к.

— Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1909—10 академическій годъ. Москва, 1909 г.

— О смертной казни. Мнѣнія русскихъ криминалистовъ. Москва, 1909 г. Цѣна 50 к.

— Отчетъ Императорскаго Россійскаго историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1907 г. Москва, 1909 г.

— Отчетъ о дѣятельности совѣта общества для защиты интересовъ и развитія одесской промышленности въ 1908 г. Одесса, 1909 г.

— Памяти Н. В. Гоголя. Народно-литературный сборникъ „Новое Начало“. Москва, 1909 г. Цѣна 60 к.

— „Порывъ“, литературно-художественный сборникъ. № 1. Смоленскъ, 1909 г. Цѣна 40 к.

— „Посредника“ изданія. № 733. Г. Сенкевичъ. Янко Музыкантъ. № 727. Л. Н. Толстой. Большая медвѣдица. Камни и др. разсказы. № 527. Онъ же. Богъ одинъ у всѣхъ. № 347. Отвѣтъ мудреца. Пер. съ франц. В. Лукьяновой. Цѣна означенныхъ №№ 2 к. каждый. № 5. Л. Н. Толстой. Упустишь огонь, не потушишь. № 6. Онъ же. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. № 24. Онъ же. Много ли человѣку земли нужно. № 68. Гончаръ-самоучка. № 112. Д. Марковичъ. Омелько-бѣглый каторжникъ. № 204. Ю. Безродная. Великодушный Голіаѳъ. № 315. Принцъ-калѣка. № 322. Н. Телешовъ. Домой! № 403. Онъ же. Съ Богомъ! № 383. А. Додэ. Крушеніе корабля. № 409. Н. Горбуновъ-Посадовъ. Христіанка. № 432. Онъ же. Дочь китайскаго вельможи и др. разсказы. № 426. В. Гюго. Бѣдные люди. № 485. Бѣлая одежда. Сказка. № 500. Л. Н. Толстой. Ассирійскій царь Ассархадонъ. № 573. Онъ-же. Крестникъ. № 581. Онъ же. Три старца. Кающійся грѣшникъ. № 737. В. Смирновъ. Пѣвецъ Муса. № 746. Н. В. Гоголь. Жизнь. Всѣ означенные №№—3 к. каждый. № 744. Н. В. Гоголь. Старосвѣтскіе помѣщики: № 245. И. Горбуновъ-Посадовъ. Милосердные звѣри. № 26. Л. Н. Толстой. Сказка объ Иванѣ-дуракѣ. Всѣ означенные №№—4 к. каждый. № 743. Н. В. Гоголь. Шинель. Цѣна 5 к. Онъ же. Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Цѣна 8 к. Москва, 1909 г.

— Протоколы Бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія 43-ой сессіи. Бердянскъ, 1909 г.

— Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изданіе второе подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, въ трехъ томахъ. Томъ I. Москва, 1909 г. Цѣна за 3 тома 6 р. 50 к. Каждый томъ въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к.

— Сборникъ рефератовъ, составленныхъ учащимися среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа въ 1908 и 1909 г.г. Выпускъ I. Тифлисъ, 1909 г.

— Систематическій сводъ указовъ Прав. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Томъ V. 1908 г. Составилъ Н. И. Кузнецовъ. Воронежъ, 1909 г. Цѣна 3 р.

— Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (по даннымъ 1905 и 1906 года). Составлены подъ редакціей В. В. Морачевскаго. Выпускъ девятый. Спб., 1909 г.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1907 г. Матеріалы по текущей статистикѣ. Уфа, 1909 г. Цѣна 2 р.

— 1908 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ VI. Изданіе Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб., 1909 г.

— Выдання товариства „Просвіта" у Київі. Звідомлення товариства „Просвіта" у Київі, заснованого въ пам'ять Т. Шевченка, за 1908 рік. У Київі 1909 р. № 22. За рідний край. Оповідання про Орлеанську дівчину Жанну д'Арк. Написала М. Загірня. Ціна 7 к. № 23. Спартак, Оповідання про римських невольників. За Е. Боголюбовым переказав К. Ціна 5 к. № 24. Чернігівка. Бувальщина XVII віку. Написав М. Костомаров. Переклад з передмовою Б. Грінченка. Ціна 40 к. № 25. Тарас Шевченко, життя його та діла. Написав Сергій Ефремов. Ціна 10 к. № 27. Про Канаду. Яка це земля як у їй живуть люде. З малюнками. Ціна 8 к. № 26. Каталог книжок для народнього читання. (Найбільше—сільского). Ціна 5 к.

— Dubief, Fernand, d-r. Le régime des aliénés. Avec une préface du d-r Bajénoff. Paris, 1909. Prix. 3 fr. 50 c.

— Handelsman, M. Napoléon et la Pologne. (1806—1807). Paris 1909. Prix 5 fr.

— Мѣсечни статистически извѣстия на главната дирекция на статистиката на Българското царство. Мартъ, 1909 г.

— Periodica. Zeitschriften und Publikationen Gelehrter Gesellshaften Katalog 369. Leipzig, 1909.

— Rosenthal, Herman. Spätherbstnebel. Reime. Stuttgart, 1909.

Ризовъ, Н.—Възраждането на Турция. Какъ може то достане? Отворено писмо до Ахмедъ Риза въ Цариградъ. Издание 2-ро. Солунъ, 1909 г. Цѣна 30 стотинкъ.

— Zagorsky, Vladimir. François Racki et la renaissance scientifique et politique de la Croatie (1828—1894) (Thèse). Paris, 1909.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 іюля 1909.

Открытіе памятника императору Александру III.—Отзывъ гр. Витте о системѣ парламентскихъ пожеланій.—Саратовскій университетъ; А. Н. Шварцъ, П. Н. Дурново и кн. Мещерскій. — Обученіе гимнастикѣ и строю въ народныхъ школахъ. — Новый взрывъ холеры въ Петербургѣ.—Н. Н. Миклашевскій, Ф. Ф. Мартенсъ и А. И. Сомовъ †.

Казенный характеръ Петербурга никогда и ни въ чемъ не обнаруживаетъ себя такъ ярко, какъ въ дни оффиціальныхъ торжествъ. Петербургъ торжествуетъ всегда по приказу, въ предѣлахъ приказа и, въ сущности, въ лицѣ обывателей, ни въ какомъ торжествѣ не участвуетъ. Исключенія бываютъ крайне рѣдко. Помнимъ, Петербургъ праздновалъ день 15-го мая 1883 г. На улицахъ съ утра ходили толпы народа, бурно выражая свои чувства, подогрѣтыя даровой водкой. Вечеромъ народныя массы сплошной стѣной двигались по Невскому и по Морской: пѣли „Боже, Царя храни", сшибали шляпы у людей интеллигентнаго вида, останавливали экипажи, ломали кареты. Празднество закончили вызванные изъ казармъ казачьи полки. Затѣмъ были похожи на дни дѣйствительныхъ народныхъ праздниковъ 14-ое ноября 1894 г. (день бракосочетанія императора Николая II), 18-ое октября 1905 г. и 27-ое апрѣля 1906 г.—день открытія первой Думы.

Вообще же торжественные дни проходятъ въ Петербургѣ поразительно безцвѣтно. Домовладѣльцамъ—гласятъ обычно отдаваемые наканунѣ приказы градоначальника—„предоставляется украсить дома флагами и вечеромъ зажечь иллюминацію". И совершенно по казенному эти приказы исполняются. Дворники вѣшаютъ еще съ ночи флаги, а кое-гдѣ—безобразныя полосы краснаго и синяго кумача въ перемежку съ бѣлымъ коленкоромъ. Потомъ, вечеромъ, они же зажигаютъ на полъ-часа или на часъ электрическіе вензеля и разноцвѣтные лампочки и фонарики. Усиленнаго движенія на главныхъ и второстепенныхъ улицахъ не бываетъ видно даже во время иллюминаціи. Даже огни не привлекаютъ петербургскую толпу. Обыкновенно еще раньше часа, назначеннаго для конца „народному веселью", по пустымъ панелямъ проходятъ околоточные, дѣлаютъ знакъ дворникамъ—и иллюминація тухнетъ.

Много есть причинъ такого явленія. И, въ частности, что касается иллюминаціи, то, конечно, петербуржца, привыкшаго къ яркому свѣту уличныхъ электрическихъ фонарей и къ блестящему освѣщенію магазиновъ на главныхъ улицахъ, горящими вензелями и звѣздами на газовыхъ столбахъ не удивишь. Но основная причина, думаемъ, лежитъ въ томъ, что̀ долгимъ опытомъ познано петербуржцемъ. Всякія оффиціальныя торжества—не для него. Торжества—для знатныхъ особъ, для чиновниковъ, для войскъ. Для обывателя же—рогатки и усиленные наряды полиціи, строго слѣдящіе за тѣмъ, чтобы онъ не любопытствовалъ и не лѣзъ изъ-за рогатокъ. Обыватель знаетъ, что если нуженъ на торжествѣ народъ, то для этого существуютъ охранники, городовые резерва, которыхъ можно переодѣть, и, въ случаѣ нужды, старшіе дворники. У насъ врѣзалась въ память слѣдующая комическая сцена, видѣнная однажды на Невскомъ. Былъ ранній часъ утра. Мы ѣхали съ Николаевскаго вокзала. Около Литейнаго мы обогнали первую оригинальную партію не арестантовъ, а благообразнаго вида штатскихъ людей въ резиновыхъ калошахъ и съ зонтиками въ рукахъ, чинно шедшую по четыре человѣка въ рядъ, подъ предводительствомъ околоточнаго надзирателя. Далѣе попалась вторая такая же партія. Потомъ—третья, четвертая. Извозчикъ наивно и просто разъяснилъ наше недоумѣніе: вели „народъ" на торжественную встрѣчу президента французской республики, который въ этотъ день долженъ былъ высадиться на пристани у Николаевскаго моста.

Въ ультра-казенной обстановкѣ былъ открытъ памятникъ императору Александру III. На площадь допускались „особы обоего пола", генералитетъ, министры, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы. Вездѣ вокругъ стояли войска, войска и войска. Открытіе памятника—дѣло свое, домашнее. А потому и подставного даже народа не было ни на площади, ни на прилегающихъ улицахъ. Народъ виднѣлся вдали, оттѣсненный чуть не на версту отъ мѣста торжества. Не будемъ спорить, что по обстоятельствамъ наступившаго „успокоенія" мѣры охраны были нужны. Но, все-таки, какъ будто ужъ слишкомъ все давятъ охранныя мѣры.

Народъ не безразлично отнесся къ памятнику. Послѣ того, какъ разъѣхались „особы" и ушли войска, публика весь день и всю свѣтлую майскую ночь ходила вокругъ созданія князя Трубецкого. Мы видѣли здѣсь людей всякихъ званій и состояній и слышали критическія замѣчанія. Замѣчанія почти сплошь неодобрительныя и ироническія. „У насъ на заводѣ не въ примѣръ бы лучше отлили"—говорила одна чуйка. „Не лошадь, а быкъ"—говорила другая. „Сейчасъ видно, что столько лѣтъ работали и милліонъ денегъ извели"—заявляла третья.

Въ общемъ, и печать—особенно на первыхъ порахъ—отнеслась

къ памятнику отрицательно. Дѣйствительно, и конь, и фигура всадника, и гладкій гранитный постаментъ—каждая часть въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ — производятъ первое впечатлѣніе чего-то грубаго, невѣроятно тяжелаго, неуклюжаго, давящаго и громоздкаго. Движенія никакого; вся группа замерла въ неподвижности. Эскизность лѣпки и несуразные детали, въ родѣ обрѣзаннаго хвоста и раскоряченныхъ заднихъ ногъ лошади, также лишаютъ памятникъ того изящества, которое подкупаетъ въ каждомъ произведеніи искусства. Но по мѣрѣ того, какъ, смотря на памятникъ, освобождаешься отъ перваго впечатлѣнія, его идейная вѣрность изображенной эпохи выступаетъ во всей силѣ. Получаетъ смыслъ тяжесть, неподвижность и даже отсутствіе изящества. Художникъ вѣрно изобразилъ мрачное тринадцатилѣтіе, въ теченіе котораго могучая царственная рука держала страну въ состояніи неподвижности. Памятникъ Александру III, конечно, нельзя сравнивать ни съ памятникомъ Николаю I, ни съ памятникомъ Екатеринѣ II. Глядя на него, невольно встаетъ передъ глазами знаменитая работа Фальконета—памятникъ Петру Великому. И сила контраста тѣмъ глубже раскрываетъ идею, которую воплотилъ кн. Трубецкой. Тамъ, на берегу Невы, все полно жизни, порыва. Тамъ конь и всадникъ взлетѣли на дикую глыбу гранита. Тамъ—свободный конь, незримо подчиненный всадникомъ. Тамъ—рука всадника, обращенная впередъ. Здѣсь—на площади Николаевскаго вокзала—все говоритъ: „стой, довольно, назадъ!“ Здѣсь—фигура всадника, остановившаго и сурово осадившаго коня, высится на тщательно отполированномъ постаментѣ, заключенномъ въ безупречно прямыя линіи. Всадникъ осадилъ коня мертвымъ поводомъ, тяжелой неподвижной рукой, которая такъ натянула мундштукъ (именно мундштукъ—безжалостное орудіе управленія лошадью), что стальная дужка впилась въ нёбо и ротъ коня едва не рвется.

Самая постановка памятника Александру III передъ вокзаломъ, отъ котораго начинается желѣзная дорога изъ Петербурга въ Москву и черезъ Москву во всю необъятную черноземную, степную и пустынную Россію, такъ же много говоритъ, какъ постановка памятника Петру Великому на берегу Невы. Строители, въ лицѣ коммиссіи, связывали мѣсто памятника съ надписью на немъ: „державному основателю великаго сибирскаго пути“. Но настойчивымъ требованіемъ непремѣнно поставить его на тѣсной площади передъ вокзаломъ они, помимо желанія, создали другой символъ. Постройка сибирской дороги — единичный фактъ царствованія Александра III, и надпись скоро забудется: уже и теперь ее мало кто замѣчаетъ. Художникъ далъ нѣчто бóльшее: онъ далъ все царствованіе, въ полномъ отвлеченіи отъ отдѣльныхъ фактовъ и эпизодовъ. И избранное мѣсто переноситъ

мысль въ тому управленію страной изъ далекаго петербургскаго центра — къ управленію, проникавшему во всѣ глубины народной жизни, къ управленію, отрицавшему непосредственность во всемъ: въ знаніи мѣстныхъ условій, въ наблюденіяхъ, въ живыхъ впечатлѣніяхъ — и дѣйствовавшему исключительно приказами, передаваемыми по желѣзнымъ дорогамъ и по телеграфу, — которое такъ характерно для эпохи Александра III.

Насколько идейно вѣренъ памятникъ, свидѣтельствуютъ отзывы „Русскаго Знамени", „Гражданина" и тому подобныхъ изданій. Кн. Мещерскій возмущенъ. „Пока — пишетъ онъ изъ за-границы—мнѣ дано было увидѣть лишь изображеніе въ газетѣ памятника Императору Александру III. Я взглянулъ и ужаснулся, не вѣря своимъ глазамъ. Не запомню, чтобы когда-либо произведеніе искусства произвело на меня такое гадкое и тяжелое впечатлѣніе". И, по свойственной издателю „Гражданина" привычкѣ, сейчасъ же обнаруживаются виноватые. Первый виноватъ—графъ Витте, который давалъ „вдохновительныя" указанія художнику. Сущность мысли гр. Витте, по словамъ князя Мещерскаго, „заключалась въ идеѣ изобразить не одного изъ великихъ монарховъ Россіи, поставившаго ее на небывалую высоту, но Александра III въ томъ домашнемъ и интимномъ, такъ сказать, видѣ, простомъ и нараспашку, въ которомъ Его видѣли (въ тужуркѣ, напримѣръ) выслушивающимъ докладъ, у своего письменнаго стола, какого-нибудь министра". Второй виновникъ кн. Трубецкой: онъ— „итальянецъ"; онъ „ни малѣйшаго понятія не имѣетъ о Россіи, ни малѣйшаго понятія не имѣетъ о покойномъ Императорѣ, коего статую онъ брался создавать, совсѣмъ не образованъ и никогда ничего, кромѣ маленькихъ статуэтокъ, не создавалъ"; онъ—пишетъ кн. Мещерскій— „принялъ къ руководству одно только антихудожественное указаніе, принявшись искать какой-то типъ удобной и смирной лошадки (хороша лошадка!), чтобы на нее посадить величественную фигуру монарха, но въ позѣ не монарха, а любителя спокойной верховой ѣзды".

Графъ Витте оправдывается. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новаго Времени" онъ усиленно подчеркивалъ свою „неопытность въ постройкѣ художественныхъ сооруженій", заявляя, что все, что онъ могъ дать дѣлу, „это—сердце и административный опытъ". Онъ винитъ „оторванность" художниковъ отъ земли, „ихъ несочувствіе какимъ-либо реальнымъ условностямъ и требованіямъ обычной дисциплины". Еще онъ винитъ правительство. „Мнѣ приходится сожалѣть,—говорилъ графъ Витте,— что я теперь не у власти, только потому, что я не могу убрать этихъ фонарей; но я надѣюсь, что правительство приметъ мѣры, чтобы этихъ безобразящихъ памятникъ столбовъ не было"... Кѣмъ-то былъ пущенъ нелѣпый слухъ, что будто бы есть мысль убрать не

столбы, трамвайные и фонарные, а самый памятникъ: подъ предлогомъ ремонта закрыть и „ремонтировать“ нѣсколько лѣтъ, съ тѣмъ, что потомъ видно будетъ.

Изъ противоположныхъ отзывовъ отмѣтимъ авторитетную оцѣнку И. Е. Рѣпина и своеобразно картинную — г. Варварина. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его фельетона, напечатаннаго въ „Русскомъ Словѣ“ (№ 128):

„Конь уперся... Голова упрямая и глупая... Чуть-что волосы не торчатъ ежомъ. Конь не понимаетъ, куда его понукаютъ. Да и не хочетъ никуда итти. Конь—ужасный либералъ: головой ни взадъ, ни впередъ, ни въ бокъ“... „Больно коню: мундштукъ страшно распялилъ ротъ, нижняя челюсть почти подъ прямымъ угломъ къ линіи головы. Неслыханная, невиданная вещь ни на одномъ, ни на единомъ памятникѣ во всемірномъ памятовоздвиганіи“... „Голова у коня упрямая и не геніальная, „какъ всѣ мы“, какъ „Русь“, какъ „наша интеллигенція“. А хвоста нѣтъ, хвостъ отъѣденъ у этой умницы. Между хвостомъ, или, лучше сказать, „недостаткомъ хвоста“, и злой, оскаленной головой помѣщено громадное туловище съ бочищами, съ ножищами, съ брюшищемъ, какихъ рѣшительно ни у одной лошади нѣтъ, и Трубецкой... явно рисовалъ не лошадь, а чортъ знаетъ что! „Вдохновеніе“, безсознательность... Именно такъ и нужно было: ну, какой „конь“ Россія. „Чудище обло“,—обмолвился гдѣ-то Тредьяковскій“...

Намъ и дальше, переходя къ слѣдующимъ темамъ, приходится говорить о графѣ Витте и о князѣ Мещерскомъ.

Графъ Витте, какъ-ни-какъ, „виновникъ“ русской конституціи. За это еще въ февралѣ 1906 г. толпа союзниковъ, вдохновляемая г. Дубровинымъ, кричала на митингѣ въ манежѣ: „Долой Витте, ставленника жидовъ!“ „На скамью подсудимыхъ!“ „Въ шлиссельбургскую крѣпость преступника!“ „Удушить удава!“ За это на него дважды были организованы покушенія. И тотъ же самый гр. Витте минувшей зимой въ горячей рѣчи развивалъ тезисъ г. Коковцова: „слава Богу, у насъ нѣтъ парламента“. Онъ доказывалъ, что нашъ нынѣшній государственный строй не имѣетъ, въ главныхъ чертахъ, ничего общаго съ западнымъ конституціонизмомъ. Онъ утверждалъ, что мы обладаемъ самобытнымъ строемъ не только de facto, но и de jure—строемъ, въ которомъ сочетается несочетаемое: самодержавіе, въ смыслѣ полноты власти монарха, и право рѣшающаго голоса, принадлежащее законодательнымъ учрежденіямъ.

Теперь, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 8-го іюня, графъ Витте рѣзко обрушился противъ того, что̀ въ дѣятельности Совѣта

и особенно Думы явилось однимъ изъ наиболѣе характерныхъ результатовъ логическаго противорѣчія самодержавно-представительнаго строя. Онъ говорилъ о дѣйствительно самобытной формѣ законодательной дѣятельности, пришедшейся такъ по вкусу третьей Думѣ и заимствованной отъ Думы Государственнымъ Совѣтомъ—о бюджетныхъ и всякихъ иныхъ пожеланіяхъ. И — надо отдать справедливость гр. Витте — онъ зло и мѣтко высмѣялъ систему пожеланій. „Вотъ относительно пожеланій—съ обычной для него небрежностью въ построеніи фразъ говорилъ бывшій премьеръ — прежде всего у меня является такого рода вопросъ: что такое вообще эти пожеланія? Я не считаю себя особенно компетентнымъ вообще въ такъ называемой парламентарной жизни, но меня всегда очень удивляетъ, когда я утромъ встаю и читаю въ газетахъ о постоянныхъ пожеланіяхъ то одной русской палаты, то другой. Когда я это читаю, то невольно возникаетъ у меня вопросъ: нормально это положеніе вещей или ненормально, и я всегда прихожу къ тому заключенію, что здѣсь какая-то анормальность. Теперь же я не только пришелъ къ этому заключенію, но къ убѣжденію, что это анормально. Лицо, высоко компетентное въ исторіи парламентаризма, а именно профессоръ государственнаго права, пользующійся заслуженнымъ авторитетомъ не только у насъ въ Россіи, но и за границей, членъ Государственнаго Совѣта М. М. Ковалевскій, вѣроятно подтвердитъ, что это анормально и что въ иностранныхъ парламентахъ такой лихорадки пожеланій не существуетъ. Мнѣ кажется, что это выражаетъ собою не что иное какъ *парламентарную импотенцію*. Только тогда, когда существуетъ парламентарная импотенція, тогда парламентъ прибѣгаетъ къ тому, что все выражаетъ пожеланія, пожеланія и пожеланія, т.-е. иначе говоря: я, молъ, дѣйствовать не умѣю, или не хочу, или боюсь, а поэтому лучше всего я буду пожелать, пожелать и пожелать. Вотъ по поводу такого рода пріема я думалъ нѣсколько разъ такъ: говорятъ, что будто бы адъ вымощенъ благими пожеланіями; я не знаю, какъ адъ вымощенъ, а вотъ я могу сказать, что паркетъ нашихъ высшей и низшей палатъ несомнѣнно скоро будетъ вплотную вымощенъ самыми благими и всевозможными пожеланіями“.

Эта исчерпывающая оцѣнка не нуждается ни въ подчеркиваніяхъ, ни въ комментаріяхъ. Нельзя только не отмѣтить одного: для графа Витте, судя по его словамъ, потребовался цѣлый долгій процессъ мысли, чтобы „убѣдиться“ въ такой простой истинѣ, какъ ненормальность системы пожеланій. Впрочемъ, и думскіе кадеты всю первую сессію третьей Думы только и дѣлали, что вырабатывали и разрабатывали полныя всякихъ пожеланій формулы. Въ отчетѣ за эту сессію они даже не прочь были показать, что честь изобрѣтенія системы

пожеланій принадлежитъ не октябристамъ, а имъ. А октябристы и вторую сессію закончили въ сознаніи, что система пожеланій—верхъ парламентской мудрости. Октябристы, пожалуй, такъ никогда и не уразумѣютъ, что каждымъ вотированнымъ пожеланіемъ они играютъ въ руку „зубрамъ" и „маврамъ", низводя Думу на роль совѣщательнаго органа—и даже не при монархѣ, а при министрахъ. Или, быть можетъ, они уразумѣютъ, но когда уже будетъ поздно: когда ихъ усердіемъ „документъ" будетъ формально потерянъ для Россіи, когда народъ „воспитается" на послушаніи Думы, а „сферы" — на системѣ благихъ пожеланій. Тогда, надо думать, и графъ Витте придетъ къ убѣжденію въ анормальности не только системы пожеланій, но и тѣхъ произвольно-фантастичныхъ толкованій основныхъ законовъ, которыя ее породили...

Мы возвращаемся къ князю Мещерскому по поводу принятія Государственнымъ Совѣтомъ законопроекта объ открытіи саратовскаго университета. „Ухъ, какъ не по душѣ пришлось обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о саратовскомъ университетѣ" — такъ началъ 8 іюня свой дневникъ издатель „Гражданина". Конечно, не ему одному пришлось не по душѣ это „обсужденіе", во время котораго П. Н. Дурново, убѣждая членовъ Совѣта въ безполезности новаго университета для страны, имѣющей на полтораста милліоновъ населенія девять университетовъ, — говорилъ, „что открытіемъ университета будетъ созданъ лишь новый центръ для безпорядковъ". Но думаемъ, что немного найдется въ Россіи людей, которымъ, вмѣстѣ съ княземъ Мещерскимъ и съ голосовавшими противъ проекта пятидесятью-двумя членами Совѣта, „пришлось не по душѣ" рѣшеніе большинства восьмидесяти-одного голоса за учрежденіе университета въ Саратовѣ. Наконецъ-то прошло всѣ инстанціи дѣло, которое десятый разъ было наканунѣ утвердительнаго разрѣшенія!

Но прошло оно далеко не во всей полнотѣ необходимаго объема. Не университетъ, въ истинномъ смыслѣ слова, отнынѣ будутъ имѣть Волга и приволжская столица, а одинъ медицинскій факультетъ. И это—побѣда свѣта надъ мракомъ, вопіющей нашей нужды въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ надъ полицейской точкой зрѣнія гг. Дурново. Понятно, почему сторонники законопроекта сосредоточивали свои доводы на практической потребности во врачахъ, разъ возможны возраженія и въ этой плоскости сужденій, разъ возможна аргументація въ родѣ слѣдующей, приводимой кн. Мещерскимъ: „Въ Петербургѣ въ каждомъ домѣ десятками ютятся кончившіе университетское образованіе, высшихъ учебныхъ заведеній множество, а между тѣмъ все сіе не помѣшало Петербургу довести свое состояніе

санитарное и умственное до послѣдней степени разрушенія и растлѣнія и сдѣлать изъ столицы русскаго государства клоаку физическихъ и духовныхъ нечистотъ, въ которой сотни кончающихъ высшіе курсы наукъ умираютъ съ голода отъ безработицы".

Намъ нужны врачи, но нужны и юристы, и филологи, и естественники. И нужны не только какъ профессіональные судьи, прокуроры, адвокаты, учителя, ботаники, метеорологи и т. д.; гораздо болѣе нужны они всѣ какъ образованные, культурные люди, способные подниматься до отвлеченнаго мышленія, привыкшіе отличать слѣдствія отъ причинъ и умѣющіе разбираться не съ чужого голоса въ причинахъ общественныхъ явленій. У молодежи—мужской и женской—страстная потребность учиться. Женская молодежь, не могущая преслѣдовать практическія, дипломныя цѣли, переполняетъ высшіе курсы вездѣ, гдѣ они существуютъ. Заграничные университеты полны русскими. И государство не только должно считаться съ „опасностью" отказа давать удовлетвореніе потребности учиться—этимъ соображеніемъ, тоже полицейскаго свойства, министръ народнаго просвѣщенія начиналъ свое представленіе Думѣ:—оно обязано ее удовлетворять.

А. Н. Шварцу пришлось возражать П. Н. Дурново и выступить въ непривычной ему—мы не рискуемъ сказать несвойственной—роли защитника раскрытія хоть узкихъ новыхъ дверей къ высшему образованію. „Безпорядки происходятъ—говорилъ онъ—не отъ того или другого количества учебныхъ заведеній. Ибо, если думать иначе, то вообще не слѣдуетъ открывать учебныхъ заведеній". Что можетъ быть элементарнѣе этой очевидной истины? Но кн. Мещерскаго слова А. Н. Шварца убѣдили лишь въ томъ, что министръ былъ неискрененъ, кого-то обманывалъ, кому-то льстилъ. „Всего грустнѣе—пишетъ онъ—мнѣ стало отъ рѣчи человѣка, котораго я считалъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, про которыхъ можно было повторить евангельское слово объ израильтянинѣ, въ коемъ нѣтъ лести. Человѣкъ этотъ — министръ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ, увы, неискрененъ въ этомъ вопросѣ, и многое изъ того, что онъ говорилъ не только въ защиту саратовскаго университета, но и противъ строго разумной рѣчи П. Н. Дурново, увы, пахло не то „Рѣчью", не то „Русскими Вѣдомостями". „Нѣтъ, — восклицаетъ онъ далѣе, — ничто меня не убѣдитъ въ томъ, что г. Шварцъ могъ искренно и убѣжденно признавать своевременнымъ теперь, когда жизнь еще не упорядочилась и не улеглась, когда вся школа у насъ еще бродитъ, когда средняя школа есть синонимъ хаоса, и ея реформа еще не началась—открывать въ Саратовѣ университетъ". Не завидуемъ г. Шварцу,

если слова кн. Мещерскаго основаны на близкомъ знакомствѣ публициста съ министромъ.

Кн. Мещерскаго видимо больно ударило рѣшеніе Государственнаго Совѣта о саратовскомъ университетѣ. Подобно П. Н. Дурново, онъ всталъ на защиту города Саратова и саратовскаго земства отъ нихъ самихъ, въ виду принятаго ими обязательства субсидировать казну. Съ финансовой стороны, по его мнѣнію, „открыть саратовскій университетъ"—то же, что „бросить на вѣтеръ милліоны". Заканчиваетъ онъ сложнымъ разсужденіемъ, смыслъ котораго, однако, весьма простъ: „кухаркинымъ дѣтямъ" не нужны университеты; довольно съ нихъ гимназій...

Деревенской школѣ предстоитъ въ близкомъ будущемъ пережить новый тяжелый экспериментъ. „Въ видахъ улучшенія физическаго развитія молодежи и подготовки ея къ военной службѣ", въ школахъ будетъ введено обученіе дѣтей военному строю и гимнастикѣ запасными и отставными унтеръ-офицерами. Вопросъ предрѣшенъ. Коммиссія, образованная при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разрабатываетъ лишь способы проведенія мѣры въ жизнь. Занятія ея, какъ сообщалось въ „Русскомъ Инвалидѣ", „близятся къ окончанію". Что же касается церковно-приходскихъ школъ, то синодъ уже „преподалъ къ руководству подлежащимъ церковно-школьнымъ учрежденіямъ правила обученія дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ первоначальнымъ военнымъ упражненіямъ и гимнастикѣ, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу, въ качествѣ инструкторовъ, запасныхъ и отставныхъ унтеръ-офицеровъ, подпрапорщиковъ и зауряд-прапорщиковъ; расходы же на проведеніе въ жизнь данной мѣры, впредь до ассигнованія особаго кредита отъ казны, святѣйшій синодъ положилъ производить изъ мѣстныхъ средствъ, гдѣ таковыя окажутся".

Эти послѣднія слова: „гдѣ таковыя окажутся",—пожалуй, надолго послужатъ препятствіемъ для практическаго осуществленія мѣры. Впрочемъ, теперь въ отношеніи всего необходимо вводить оговорки. Такъ и въ данномъ вопросѣ нельзя не оговорить: если, вмѣсто ассигнованія „особаго" кредита на оплату труда унтеръ-офицеровъ, не будутъ обращены, въ порядкѣ управленія, кредиты на введеніе всеобщаго обученія. Эти кредиты предназначены на субсидіи „мѣстнымъ средствамъ" земства и духовнаго вѣдомства, и именно по расходу на жалованье учителямъ. Почему же не „разъяснить" учителей грамоты и ариѳметики въ пользу „учителей" гимнастики и фронтовыхъ упражненій—унтеръ-офицеровъ? Все будетъ зависѣть отъ „энергіи". „Приличный случаю" законъ всегда найдется: на это есть заявившіе себя мастера по части „разъясненій". Да и очень ли нуженъ законъ,

когда все, что угодно, можно покрыть „государственностью“ или еще проще—„охраной“?

Но какъ бы ни была велика „энергія“, все-таки предположенная мѣра съ бумаги не сойдетъ. И не сойдетъ по той простой причинѣ, что она разобьется объ отсутствіе въ деревняхъ тѣхъ унтеръ-офицеровъ, которые имѣются въ виду. Имѣются въ виду бравые запасные унтеръ-офицеры, въ плоть и въ кровь которыхъ на всю жизнь вошла военная выучка,—такіе, какіе служатъ въ жандармахъ, въ полиціи, или швейцарами и старшими дворниками. Эти унтеръ-офицеры изъ столицъ и губернскихъ городовъ для обученія дѣтей въ сельскихъ школахъ „за малую плату“ не пойдутъ. Возвращающіеся же послѣ службы въ деревню солдаты съ поразительной быстротой теряютъ военное обличье. Нашего запасного солдата—унтеръ-офицеры и даже фельдфебели не составляютъ исключенія—послѣ одного-двухъ лѣтъ жизни „на землѣ“ ничѣмъ не отличить отъ заправскаго мужика. Внѣшнюю выправку онъ теряетъ безслѣдно; такъ же безслѣдно теряетъ привитыя было на службѣ духовныя привычки. Что это такъ—блестяще показала послѣдняя мобилизація. Въ уѣздахъ трудно формировать отряды стражниковъ, получающихъ далеко не малую плату. Гдѣ ужъ тутъ найти по сто—сто-пятьдесятъ унтеръ-офицеровъ, могущихъ обучать гимнастикѣ и строю.

Не знаемъ, имѣетъ ли распоряженіе объ обученіи дѣтей въ школахъ строю и гимнастикѣ—и непремѣнно унтеръ-офицерами—какую-либо связь съ проектомъ Е. В. Богдановича о замѣнѣ всѣхъ вообще учителей въ народныхъ школахъ унтеръ-офицерами, прошедшими особые курсы подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба. Но распоряженіе невольно напоминаетъ этотъ проектъ насажденія патріотизма (онъ такъ и названъ былъ авторомъ: „Школа патріотизма“). Упоминая о проектѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ „Общественной Хроникѣ“, мы указывали, что уже не въ первый разъ приходится встрѣчаться съ стремленіемъ использовать унтеръ-офицеровъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Когда создавались школы грамоты, предполагалось, что они составятъ главный контингентъ учителей. Изъ этого предположенія ничего не вышло. То же можно предсказать и въ отношеніи обученія гимнастикѣ и строю: въ концѣ концовъ изъ этой мѣры ничего не выйдетъ.

По существу вопроса необходимо отдѣлить гимнастику отъ военныхъ упражненій. Противъ введенія въ школы занятій гимнастикой едва ли можно представить вѣскія возраженія. Но, конечно, нельзя представить возраженій противъ гимнастики, разсчитанной на дѣтскій возрастъ, на дѣтскія силы, на растущій и складывающійся организмъ. Гимнастика же, разсчитанная на силы солдата и на организмъ

сложившійся, ничего, кромѣ вреда, дѣтямъ не принесетъ. Пользы отъ нея быть не можетъ. А какой другой гимнастикѣ, какъ не уставной солдатской, могутъ обучать запасные и отставные унтеръ-офицеры? Что касается обученія строю, въ видахъ „подготовки къ военной службѣ“, то, полагаемъ, вполнѣ достаточно привести на справку, что въ деревняхъ дѣти оканчиваютъ школу въ 13—14 лѣтъ и даже раньше.

Хотя мы и убѣждены, что изъ предположенной мѣры, въ условіяхъ, въ которыхъ она предположена, въ конечномъ результатѣ ничего не выйдетъ, тѣмъ не менѣе мы ясно рисуемъ себѣ, какъ будутъ дѣлаться попытки ее ввести и къ чему эти попытки приведутъ. Земство будутъ обвинять въ „несочувствіи“. Учительницъ—въ противодѣйствіи. Въ школу войдетъ грубая брань, послышатся окрики... Да, тяжелый предстоитъ экспериментъ...

Въ Петербургѣ опять холера. Опять число ежедневныхъ заболѣваній подошло къ трехзначнымъ цифрамъ. Ожидался взрывъ эпидеміи весной, и когда наступившая весна не принесла увеличенія заболѣваній, казалось, что опасность миновала, что мрачныя ожиданія были напрасны. Въ дѣйствительности же холеры не было потому, что не было весны. Съ первыми теплыми днями вспомнился прошлогодній августъ.

Предсѣдатель санитарной коммиссіи, В. О. Губертъ, предвѣщаетъ въ концѣ іюня ослабленіе эпидеміи, а въ августѣ—новый взрывъ. „Эти указанія — говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ — весьма вѣроятны потому, что главнѣйшія санитарныя условія Петербурга не только остались безъ перемѣнъ, но вдвойнѣ ухудшились... Именно: невская вода переполнена вибріонами; фильтры въ такомъ состояніи, что лучше рѣшительно отъ нихъ отказаться, такъ какъ они являются разсадниками вибріоновъ и холеры; загрязненіе береговъ Невы невѣроятное, милліоны ведеръ сточныхъ водъ ежедневно спускаются вблизи самаго забора воды. Бактеріологи находятъ вибріоны въ настоящее время почти во всѣхъ пробахъ воды“.

Дорогой цѣной расплачивается Петербургъ за организацію учрежденій, вѣдающихъ удовлетвореніе насущныхъ потребностей населенія—за избирательную систему, за начальственную опеку, за страхъ передъ призраками. Одинъ ли только Петербургъ расплачивается? И только ли холерой?.. Вся Россія расплачивается — гдѣ холерой, гдѣ голодомъ, гдѣ пожарами, гдѣ безпросвѣтной темнотой...

Скончался одинъ изъ тѣхъ, кому три года назадъ видѣлась заря новой народной жизни. Мы говоримъ о Н. Н. Миклашевскомъ, членѣ первой Думы отъ черниговской губерніи. Искренній, экспансивный, онъ на выборахъ призывалъ къ клятвѣ всѣмъ пожертвовать за свободу. И судьба отъ него потребовала жертвы: за выборгское воззваніе онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и оказался лишеннымъ, „по разъясненію", политическихъ правъ. Н. Н. былъ земцемъ, служилъ членомъ окружнаго суда; умеръ—выброшеннымъ за бортъ общественной дѣятельности...

Имя Ѳ. Ѳ. Мартенса было одинаково извѣстно и въ Россіи, и въ Европѣ. Онъ нѣсколько разъ былъ избираемъ членомъ международныхъ третейскихъ судовъ и принималъ видное участіе какъ въ гаагской конференціи 1899 г., такъ и въ мирныхъ переговорахъ, положившихъ конецъ войнѣ между Россіей и Японіей. Его главный трудъ: „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ" выдержало нѣсколько изданій и переведено на многіе европейскіе языки. Въ „Вѣстникѣ Европы" покойный ученый помѣстилъ цѣлый рядъ статей: „Россія и литературное общество западно-европейскихъ народовъ" (1881, мартъ); „Россія и Пруссія при Екатеринѣ II-й" (1882, май); „Національная политика князя Бисмарка" (1883, іюнь); „Эдинбургскій университетъ" (1884, сентябрь); „Юбилей бернскаго университета" (1884, октябрь); „Африканская конференція въ Берлинѣ" (1885, ноябрь и декабрь); „Россія и Англія въ началѣ XIX-го столѣтія" (1894, окт. и ноябрь); „Императоръ Николай I и королева Викторія" (1896, дек.); „Россія и Англія въ царствованіе Николая I-го (1898, янв., февр., мартъ, апрѣль); „Гаагская конференція мира" (1900, мартъ); „Американскія впечатлѣнія" (1902, ноябрь); „Александръ I и Наполеонъ I" (1905, февр., мартъ и апр.).

Памятнымъ въ исторіи русскаго искусства останется имя А. И. Сомова, много и полезно трудившагося и въ качествѣ хранителя императорскаго Эрмитажа, и въ качествѣ лектора, и въ качествѣ редактора „Вѣстника изящныхъ искусствъ", и въ качествѣ руководителя отдѣломъ изящныхъ искусствъ въ „Энциклопед. Словарѣ" Брокгаузъ-Ефрона. Составленный имъ превосходный каталогъ картинной галлереи Эрмитажа вышелъ въ свѣтъ и на русскомъ, и на французскомъ языкѣ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

